05
М-63
6,1896г
86408

ихъ съѣздѣ. Смотря
одинъ общій для
отдѣльныхъ съѣз-
му губернаторомъ.
а уѣзднаго предво-

избранію на пред-
зомъ земли, числя-
итогомъ оцѣноч-
недвижимаго иму-
на полный изби-
въ съѣздѣ уѣзд-

аствуютъ: *а)* лица,
й уѣзда на правѣ
вижимымъ имуще-
сборомъ въ суммѣ
требующимъ вы-
мышленнымъ пред-
хъ разрядовъ, про-

Годъ V-й. № 6-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ІЮНЬ

1896 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1896.

Дозволено цензурою 24-го мая 1896 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Телеграмма Министра Императорскаго Двора на имя Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ, тайнаго совѣтника Неклюдова.

Москва, 14-го мая, 10 час. 7. мин. утра. Священное Коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ съ Божіею помощью совершилось.

Министръ Императорскаго Двора
графъ *Воронцовъ-Дашковъ*.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Изволеніемъ и милостію Господа Вседержителя, совершивъ въ сей торжественный день обрядъ Священнаго Коронованія и воспріявъ Святое Мѵропомазаніе, повергаемся къ Престолу Царя Царствующихъ съ усерднымъ моленіемъ, да благословитъ Онъ Царствованіе Наше на благо возлюбленнаго Отечества и да утвердитъ Насъ въ исполненіи священнаго обѣта Нашего— вѣрно и неуклонно продолжать унаслѣдованное отъ Вѣнценосныхъ Предковъ дѣло строенія Земли Русской и укрѣпленія въ ней вѣры, добрыхъ нравовъ и истиннаго просвѣщенія.

Вникая въ нужды всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ и обращая взоры Наши въ особенности на страждущихъ и обремененныхъ, хотя бы и по собственной винѣ или нерадѣнію, слѣдуемъ влеченію сердца даровать и имъ возможныя облег-

ченія, дабы, въ сей достопамятный день Священнаго Вѣнчанія Нашего на Царство, они, вступивъ на стезю обновленной жизни, могли радостно участвовать во всенародномъ ликованіи.

Въ сихъ видахъ Всемилостивѣйше повелѣваемъ:

I. Даровать нижеслѣдующія облегченія по разнаго рода сборамъ:

1. Сложить со счетовъ всѣ числящіяся къ 1-му января 1896 г. недоимки:

а) въ губерніяхъ Европейской Россіи — государственнаго поземельнаго налога, и

б) въ губерніяхъ Царства Польскаго—поземельнаго налога, поземельнаго на содержаніе гминныхъ судовъ сбора и подымной подати крестьянской, посадской и дворской.

2. Въ теченіе десяти лѣтъ, начиная съ 1896 г., взимать исчисляемый со всѣхъ сословій государственный поземельный налогъ въ Европейской Россіи въ размѣрѣ половины нынѣ установленныхъ среднихъ по губерніямъ окладовъ, а въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ средній подесятинный окладъ превышаетъ десять копѣекъ на десятину,—пять копѣекъ съ десятины.

3. Въ теченіе указаннаго въ предыдущемъ п. 2 срока взимать въ половинномъ размѣрѣ въ губерніяхъ Царства Польскаго—крестьянскій, посадскій и дворскій добавочный поземельный налогъ и поземельный на содержаніе гминныхъ судовъ сборъ.

4. Если въ теченіе указаннаго въ пп. 2 и 3 десятилѣтняго срока послѣдуетъ уменьшеніе поименованныхъ въ сихъ пунктахъ сборовъ,—взимать до истеченія означеннаго срока половину вновь установленнаго уменьшеннаго оклада.

5. Сложить со счетовъ всѣ числящіяся ко дню Коронованія Нашего недоимки по отмѣненнымъ въ Европейской Россіи подушной и оброчной податямъ и лѣсному налогу.

6. Сложить со счетовъ по подушной и оброчной податямъ въ Сибири ту часть недоимокъ, которая къ 1-му января 1896 г. числится на личной отвѣтственности плательщиковъ; остальную недоимку, числящуюся къ тому же сроку, по симъ податямъ, а равно по поземельному налогу въ Туркестанскомъ краѣ, по подымной подати съ сельскаго населенія Кавказа и по подати кибиточной — разсрочить, съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ уплату на каждый годъ причиталось не болѣе одной десятой части годоваго оклада.

7. Сложить съ евреевъ-земледѣльцевъ Екатеринославской губерніи недоимку оброчной подати, образовавшуюся до 1-го января 1887 года.

8. Сложить со счетовъ числящіяся къ 1-му января 1896 г. недоимки по прямымъ податямъ и окладнымъ сборамъ, взимаемымъ въ возсоединенной съ Россіею, по Берлинскому трактату 1878 г., части Бессарабіи (свод. зак., т. V, уст. о прям. налог., изд. 1893 г., ст. 3).

9. Сложить со счетовъ числящіяся къ 1-му января 1896 г. недоимки:

а) по взимаемому съ туземнаго населенія Кавказа налогу, взамѣнъ исполненія воинской повинности натурою, и

б) по подымной подати съ городскаго населенія Кавказа.

10. Сложить и исключить изъ счетовъ ту часть накопившихся къ 1-му января 1896 г. недоимокъ по лѣсному налогу, платимому крестьянами въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ не выданы владѣнныя записи, и населеніемъ горнозаводскихъ округовъ, которая превышаетъ годовой окладъ этого налога, исчисленный въ размѣрѣ оклада 1895 г., съ тѣмъ: а) чтобы неподлежащая сложенію часть означенныхъ недоимокъ взыскивалась затѣмъ ежегодно въ размѣрѣ не менѣе одной пя-

той части годового оклада, и б) чтобы лица, коимъ предоставлена была уже разсрочка недоимки на срокъ свыше пяти лѣтъ, пользовались этою льготою и впредь за уменьшеніемъ общей суммы недоимки въ указанномъ выше размѣрѣ.

11. Сложить всю числящуюся по 1-е января 1896 г. на калмыкахъ, кочующихъ въ Астраханской губерніи, а также на калмыкахъ Большедербетовскаго улуса, Ставропольской губерніи, недоимку кибиточнаго сбора, взимаемаго на основаніи Высочайше утвержденнаго, 16-го марта 1892 г., мнѣнія Государственнаго Совѣта.

12. Простить всѣ причитающіяся по 1-е января 1896 года недоимки по ясачному сбору и оброчной подати, платимымъ кочевыми, бродячими и осѣдлыми инородцами Кабинету Нашему.

13. Изъ недоимокъ по полупроцентному сбору, взимаемому на содержаніе с.-петербургской пригородной полиціи, простить съ каждаго плательщика по триста рублей.

14. Оставить безъ взысканія тѣ недоимки по окладнымъ сборамъ, поименованнымъ въ предшествующихъ пп. 1—13 настоящей статьи I, которыя слѣдовали къ поступленію за время по 1-е января 1896 г, но по какимъ-либо причинамъ не зачислены по день Коронованія Нашего по счетамъ казначействъ.

15. Оставить безъ взысканія и сложить со счетовъ всѣ безъ исключенія недоимки, накопившіяся по 1-е января 1895 г. и почему бы то ни было не взысканныя по день Коронованія Нашего, въ платежахъ за земельныя угодья, предоставленныя въ пользованіе по уставнымъ грамотамъ населенію казенныхъ горныхъ заводовъ, хотя бы угодья эти и не были еще окончательно отведены въ надѣлъ тому населенію.

16. Сложить недоимки по поземельному оброку, образовавшіяся по день Коронованія Нашего за крестьянами изъ бывшихъ горнозаводскихъ людей и ихъ семействъ алтайскаго и нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего по уставнымъ грамотамъ и за пользованіе землями вообще сверхъ уставныхъ грамотъ.

17. Сложить въ полной суммѣ недоимки съ пенею, числящіяся по день Коронованія Нашего за переселенцами, водворенными на казенныхъ земляхъ на основаніи Высочайше утвержденныхъ, 10-го іюля 1881 г. и 17-го февраля 1884 г., положеній Комитета Министровъ, по арендной платѣ за эти земли за время пользованія таковыми, до уменьшенія, на основаніи Высочайше утвержденнаго, 28-го ноября 1894 г., мнѣнія Государственнаго Совѣта, первоначально назначенныхъ за нихъ платежей.

18. Сложить съ переселенцевъ, на которыхъ распространяется дѣйствіе статей 19—24 прилож. къ ст. 33 (прим. 2) общ. пол. о крест. (свод. зак., т. IX, особ. прил. I, по прод. 1891 г.), всѣ по день Коронованія Нашего недоимки въ казенныхъ сборахъ, числившіяся по прежнимъ обществамъ и переведенныя по мѣсту новой приписки недоимщиковъ.

19. Сложить изъ причитающихся къ поступленію въ казну за время до 1-го января 1896 г. сборовъ съ торговли и промышленности (свод. зак. т. V, уст. о прям. налог., изд. 1893 г., ст. ст. 213—454), за исключеніемъ лишь дополнительнаго процентнаго сбора,—тѣ, которые не превышаютъ пятидесяти рублей; суммы же сборовъ, превышающія означенный размѣръ, уменьшить на пятьдесятъ рублей каждую.

20. Сложить всѣ образовавшіяся къ 1-му января 1896 года недоимки въ горныхъ податяхъ, въ отдѣльности не превышающія пятидесяти рублей, по недоимкамъ же въ сихъ податяхъ на бо́льшую сумму исключить по пятидесяти рублей изъ каждой статьи.

21. Простить не взысканныя по день Коронованія Нашего суммы судоходнаго и шоссейнаго казенныхъ сборовъ не свыше трехсотъ рублей на каждое отдѣльное лицо.

22. Оставить безъ взысканія недоимки въ пошлинахъ съ межевыхъ плановъ и книгъ, опредѣленныхъ ко взысканію за пять и болѣе лѣтъ до дня Коронованія Нашего.

23. Сложить числящіяся по день Коронованія Нашего на служащихъ въ алтайскомъ и нерчинскомъ округахъ вѣдомства Кабинета Нашего недоимки по случаю увеличенія окладовъ содержанія и пенсій изъ заводскихъ суммъ; не начисленныя же по сей день недоимки въ сихъ сборахъ не начислять.

24. Простить всѣ недоимки съ начетами и пенями, опредѣленныя ко взысканію въ пользу казны, на основаніи дѣйствовавшихъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, до введенія въ оныхъ устава о питейномъ сборѣ, законоположеній по питейной части.

II. Простить причитающіеся, но еще не взысканные по день Коронованія Нашего:

1. Всякаго рода штрафы и пени по взимаемымъ въ казну прямымъ налогамъ (свод. зак., т. V, уст. о прям. налог., изд. 1893 г., ст. 1), кромѣ упомянутыхъ въ п. 2 сей статьи II, а также по пошлинамъ крѣпостнымъ и съ безмезднаго перехода имуществъ.

2. Штрафы, не превышающіе трехсотъ рублей, за совершонныя по день Коронованія Нашего нарушенія правилъ о налогахъ съ торговли и промышленности (свод. зак., т. V, уст. о прям. налог., изд. 1893 г., ст. ст. 213—454), правилъ о сборѣ съ паровыхъ котловъ (Высочайше утвержденное, 14-го марта 1894 г., мнѣніе Государственнаго Совѣта, отд. VII, ст. 5) и статей 153—155 устава о промышленности (свод. зак., т. XI, ч. 2, изд. 1893 г.); штрафы же, превышающіе означенную сумму, уменьшить на триста рублей каждый.

3. Взысканія за совершонныя по день Коронованія Нашего нарушенія устава о гербовомъ сборѣ—въ размѣрѣ не свыше трехсотъ рублей по каждому нарушенію; по взысканіямъ, превышающимъ означенную сумму, сложить триста рублей по каждому нарушенію; взысканія же по таковымъ нарушеніямъ, совершоннымъ за пять и болѣе лѣтъ до дня Коронованія Нашего и обнаруженнымъ до сего дня, простить на всякую сумму.

4. Пени, начисленныя за несвоевременный взносъ пособій Государственному Казначейству.

5. Начтенные на частныхъ горнопромышленниковъ: а) пени за несвоевременный взносъ подесятинной платы за площади, отведенныя подъ разработку ископаемыхъ, и за несвоевременный взносъ подати за добытую руду, и б) штрафы за нарушеніе горнаго устава.

6. Пени за несвоевременный взносъ подесятинной платы съ расположенныхъ на казенныхъ земляхъ пріисковъ.

7. Тѣ части взысканій, не свыше трехсотъ рублей съ каждаго лица, наложенныхъ, но еще не взысканныхъ по 1896 г., съ нарушителей уставовъ о рыбныхъ и тюленьихъ промыслахъ въ водахъ Каспійскаго моря и восточной части Закавказскаго края, кои, на основаніи примѣч. 2 къ ст. 646 и ст. 769 уст. сел. хоз. (свод. зак., т. XII, ч. 2, изд. 1893 г.), слѣдуютъ къ поступленію въ доходъ казны.

8. Штрафы за неправильное вчинаніе тяжебъ и исковъ и слѣдующую въ пользу казны половину штрафовъ за неправую апелляцію, которые наложены до дня Коронованія Нашего.

9. Наложенныя въ порядкѣ административномъ взысканія за сомовольныя отлучки за границу, за исключеніемъ части сихъ взысканій, подлежащей обращенію въ доходъ городовъ и въ инвалидный капиталъ.

III. Сложить изъ недоимокъ по не-

окладнымъ сборамъ, пошлинамъ и взысканіямъ, не подходящимъ подъ дѣйствіе предыдущихъ статей I и II, а также по издержкамъ на содержаніе и пересылку арестантовъ и выдачамъ изъ казны, на счетъ виновныхъ, кормовыхъ и суточныхъ денегъ и прогоновъ, образовавшихся по день Коронованія Нашего, какъ числящихся по счетамъ, такъ и не начисленныхъ или разсроченныхъ,—тѣ, которыя въ отдѣльности не превышаютъ пятидесяти рублей; по недоимкамъ же на бо́льшую сумму исключить по пятидесяти рублей изъ каждой статьи.

IV. Дѣйствіе предыдущихъ статей I, II и III не распространяется:

а) на суммы, казнѣ не принадлежащія и хотя находящіяся въ распоряженіи Правительства, но имѣющія спеціальное назначеніе;

б) на взысканія по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ;

в) на недоимки по патентнымъ и акцизнымъ сборамъ и таможеннымъ пошлинамъ;

г) на капитальныя суммы пособій Государственному Казначейству, и

д) на недоимки третнаго жалованья состоящихъ на службѣ лицъ, получающихъ оное.

V. Сложить образовавшіяся за десять и болѣе лѣтъ до дня Коронованія Нашего недоимки по арендѣ отъ казны дохода отъ пропинаціи на крестьянскихъ земляхъ въ губерніяхъ Царства Польскаго; изъ недоимокъ же этого рода, образовавшихся за время отъ пяти до десяти лѣтъ до сего дня, исключить по триста рублей по каждой статьѣ; штрафы, пени и проценты за несвоевременный взносъ платежей по арендѣ означеннаго дохода, причитающіеся, но еще не взысканные по день Коронованія Нашего, простить сполна.

VI. Простить всѣ образовавшіяся по 1-е января 1896 года недоимки на лицахъ, перебравшихъ пенсіи изъ казны, а равно содержаніе и пенсіи изъ заводскихъ суммъ алтайскаго и нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего, и на лицахъ, виновныхъ въ неправильной выдачѣ таковыхъ пенсій и содержанія, если противъ означенныхъ лицъ не возбуждено обвиненія въ причиненіи ими ущерба завѣдомо съ корыстною или иною противозаконною цѣлью.

VII. Сложить со счетовъ убытки, причиненные казнѣ по день Коронованія Нашего неправильными назначеніями и выдачами отставнымъ нижнимъ чинамъ, ихъ женамъ и вдовамъ установленныхъ единовременныхъ и пожизненныхъ пособій.

VIII. Сложить образовавшіяся на разныхъ лицахъ, обществахъ и учрежденіяхъ и не взысканныя по день Коронованія Нашего недоимки за лѣченіе, призрѣніе и содержаніе больныхъ во всѣхъ госпиталяхъ, лазаретахъ, лѣчебницахъ и пріемныхъ покояхъ казенныхъ, дворцоваго вѣдомства и алтайскаго и нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего, а равно въ учрежденіяхъ вѣдомства Императрицы Маріи, представляющихъ на разсмотрѣніе Опекунскаго Совѣта свои смѣтныя росписанія.

IX. Оставить безъ взысканія и сложить со счетовъ:

1) числящіяся къ 1-му января 1896 г. въ недоимкѣ за дворянствомъ разныхъ губерній суммы, слѣдующія за содержаніе пансіонеровъ дворянства въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія;

2) причитающіяся за вторую половину учебнаго 1895—1896 года къ поступленію въ казну или въ спеціальныя средства казенныхъ учебныхъ заведеній деньги за ученіе, за слушаніе лекцій и за содержаніе въ пансіонахъ какъ въ мужскихъ, такъ и въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, не внесенныя въ назначенный правилами сихъ заведеній срокъ и до дня Коронованія Нашего не пополненныя; въ тѣхъ же случаяхъ, когда до сего

дня послѣдовала уже уплата просроченнаго взноса, предоставить начальству учебнаго заведенія уплату сію засчитывать въ слѣдующій срочный платежъ, если имъ признано будетъ, что воспитанникъ, по недостаточности у него имущественныхъ средствъ и по своимъ нравственнымъ качествамъ, достоинъ этой льготы;

3) накопившіяся за время до 1-го января 1896 г. и не взысканныя по день Коронованія Нашего недоимки въ платѣ за обученіе и воспитаніе въ учрежденіяхъ вѣдомства Императрицы Маріи, представляющихъ на разсмотрѣніе Опекунскаго Совѣта свои смѣтныя росписанія, и

4) недоимки, образовавшіяся по день Коронованія Нашего на служащихъ алтайскаго и нерчинскаго округовъ, по взносу платы за ученіе и содержаніе дѣтей ихъ въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ, находящихся въ вѣдѣніи Кабинета Нашего.

Сверхъ сего, лицъ, окончившихъ курсъ въ университетахъ и подвергающихся экзаменамъ въ испытательныхъ коммиссіяхъ въ теченіе 1896—1897 учебнаго года, отъ взноса платы (двадцати рублей) за испытаніе, въ случаѣ представленія ими отъ подлежащаго университета удостовѣренія о бѣдности,—освободить.

X. Освободить содержателей казенныхъ удѣльныхъ, Государевыхъ, дворцовыхъ и принадлежащихъ Кабинету Нашему имѣній всѣхъ наименованій и оброчныхъ статей отъ разнаго рода взысканій въ нижеслѣдующихъ размѣрахъ:

1. Сложить въ полной суммѣ съ арендаторовъ имѣній и земельныхъ оброчныхъ статей недоимки арендныхъ платежей, числившіяся къ 1-му января 1893 г. и не взысканныя по день Коронованія Нашего; а изъ образовавшихся послѣ указаннаго срока и не взысканныхъ по 1-е января 1896 г., какъ съ этихъ лицъ, такъ и съ арендаторовъ казенныхъ рыбныхъ промысловъ, а въ прибрежной полосѣ Каспійскаго моря съ арендаторовъ земельныхъ участковъ для устройства на оныхъ промысловыхъ заведеній — недоимки арендныхъ платежей, въ размѣрѣ не свыше шестисотъ рублей на каждое лицо; если же означенные имѣнія, оброчныя статьи, промыслы, или участки находятся въ содержаніи крестьянскаго или мѣщанскаго общества, а также товариществъ въ составѣ не менѣе трехъ лицъ,— то по двѣсти рублей съ каждаго домохозяина или члена товарищества; съ товариществъ же изъ двухъ лицъ— по триста рублей съ каждаго лица.

2. Простить не взысканные по день Коронованія Нашего убытки, начеты и штрафы за неисполненіе или нарушеніе контрактныхъ условій пользованія имѣніями и оброчными статьями, а именно: за неправильную или излишнюю распашку земли, за посѣвъ неподлежащихъ хлѣбовъ и растеній, неудобреніе земли, непосадку деревьевъ, порубку произростающихъ на статьяхъ лѣсныхъ насажденій, за разстройство строеній и всякаго рода сооруженій, за неправильное веденіе хозяйственныхъ счетовъ, несдачу принадлежащаго къ имѣніямъ и оброчнымъ статьямъ движимаго имущества и т. п.— въ размѣрѣ не свыше трехсотъ рублей на каждое лицо; если же имѣнія или статьи находились въ содержаніи крестьянскаго или мѣщанскаго общества, а также товариществъ въ составѣ не менѣе шести лицъ,—то по пятидесяти рублей съ каждаго домохозяина или члена товарищества; при составѣ же товарищества изъ пяти или менѣе лицъ—триста рублей со всего товарищества. Равнымъ образомъ не налагать взысканій по перечисленнымъ въ настоящемъ пунктѣ нарушеніямъ, произведеннымъ до дня Коронованія Нашего.

3. Не взыскивать убытковъ, происшедшихъ по день Коронованія Нашего отъ недодержанія имѣній и об-

рочныхъ статей до окончанія контрактныхъ сроковъ и послѣдовавшаго затѣмъ уменьшенія арендной платы за эти имѣнія и статьи при новой ихъ переоброчкѣ, а равно не взыскивать убытковъ, понесенныхъ по таковымъ же имѣніямъ или оброчнымъ статьямъ. по причинѣ отказа съёмщиковъ отъ заключенія контрактовъ, за исключеніемъ той части убытковъ, которую возможно покрыть удержаніемъ залоговъ содержателей.

4. Сложить съ бывшихъ и настоящихъ арендаторовъ имѣній и оброчныхъ статей не взысканныя съ нихъ по день Коронованія Нашего пени за несвоевременный взносъ какъ арендныхъ платежей, такъ и платы по содержанію соляныхъ источниковъ, смолокуренныхъ и дегтярныхъ заведеній.

XI. Предоставить по возврату ссудъ, произведенныхъ въ разное время лицамъ, обществамъ и сословіямъ, нижеслѣдующія облегченія:

1. Сложить съ заемщиковъ бывшаго закавказскаго приказа общественнаго призрѣнія, получившихъ ссуды подъ залогъ какъ городскихъ недвижимыхъ имуществъ, такъ и сельскихъ земельныхъ имѣній, одну пятую часть общей совокупности числящихся за каждымъ изъ нихъ на 1-е января 1896 г. капитальнаго долга, процентовъ и другихъ недоимокъ по ссудамъ, на слѣдующихъ основаніяхъ:

а) слагаются сперва недоимки, а затѣмъ уже капитальный долгъ:

б) остающаяся затѣмъ сумма капитальнаго долга погашается въ прежній срокъ, по банковымъ правиламъ, по разсчету изъ пяти процентовъ годовыхъ, могущіе же остатьея на счету проценты и недоимки взыскиваются на существующемъ основаніи;

в) для тѣхъ изъ заемщиковъ, коимъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, 20-го февраля 1888 г., часть долга отсрочена на пятнадцать лѣтъ, уменьшеніе капитальнаго долга относится на сумму, погашаемую въ первое пятнадцаталѣтіе, планъ же погашенія на второе пятнадцатилѣтіе остается безъ измѣненія,—и

г) исчисленныя на сихъ основаніяхъ суммы остающагося за каждымъ заемщикомъ долга на 1-е января 1896 г. и размѣръ годового платежа утверждаются Министромъ Финансовъ.

2) Простить и со счетовъ сложить числящіяся по день Коронованія Нашего долги по ссудамъ, выданнымъ изъ Государственнаго Казначейства, бывшаго заемнаго банка и капиталовъ разныхъ Министерствъ: на постройку церквей, на возобновленіе зданій, разрушенныхъ землетрясеніями; помѣщикамъ Могилевской губерніи, по займу 1847 г.,—на покупку хлѣба вслѣдствіе неурожая; павловскимъ, Нижегородской губерніи, Горбатовскаго уѣзда, ссудо-сберегательнымъ товариществамъ и складочной артели, по Высочайшимъ повелѣніямъ 23-го іюля и 29-го декабря 1872 г. и 30-го ноября 1873 г.,—на поддержаніе ихъ; тунгусамъ и якутамъ, Якутской области, по Высочайшимъ повелѣніямъ 8-го сентября 1887 г. и 20-го декабря 1889 г.,—на покупку скота и рыболовныхъ снастей; жителямъ Закавказскаго края изъ Высочайше разрѣшеннаго, 4-го марта и 24-го іюня 1880 г., въ распоряженіе бывшаго Намѣстника Кавказскаго, кредита въ 1.500.000 руб.,—на продовольствіе; лицамъ, служившимъ на упраздненныхъ нынѣ казенныхъ фабрикахъ,—на разные предметы.

3. Сложить сполна долги по ссудамъ, выданнымъ изъ казны лицамъ и обществамъ по случаю пожаровъ до 1890 г.

4. По ссудамъ, выданнымъ изъ казны по день Коронованія Нашего:

а) лицамъ и обществамъ, по случаю пожаровъ, наводненій и другихъ несчастныхъ случаевъ, кромѣ поименованныхъ въ п. 3 сей статьи XI;

б) жителямъ Мочидловской низмен-

ности, Варшавской губерніи, коимъ была выдана ссуда на устройство дамбы, разрушенной разливомъ рѣки Вислы, и

в) лицамъ, служившимъ въ туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ, на постройку домовъ—

сложить со счетовъ и простить всѣ недоимки и проценты за просрочку, числящіеся на такихъ заемщикахъ, съ которыхъ поступившіе по день Коронованія Нашего платежи, вмѣстѣ съ процентами и пенею, покрываютъ первоначальный капитальный долгъ, а съ прочихъ заемщиковъ сложить по таковымъ ссудамъ проценты за просрочку платежей, равно числящіяся по день Коронованія Нашего недоимки, не превышающія по каждой отдѣльной ссудѣ трехсотъ рублей; съ тѣхъ же заемщиковъ, на коихъ недоимки по сказаннымъ ссудамъ превышаютъ этотъ размѣръ, исключить изъ недоимки триста рублей съ каждаго заемщика. По ссудамъ, впослѣдствіи пересроченнымъ, сложенію подлежатъ только недоимки новыхъ срочныхъ платежей, хотя бы въ разсроченномъ вновь капиталѣ и заключались причисленныя къ оному при такой пересрочкѣ недоимки срочныхъ платежей по первоначальной разсрочкѣ:

5. По ссудамъ, выданнымъ изъ казны переселенцамъ разныхъ поименованій на домообзаведеніе, сложить со счетовъ числящіеся по день Коронованія Нашего проценты за просрочку, равно и недоимки, не превышающія по каждой отдѣльной ссудѣ пятидесяти рублей; съ заемщиковъ же, недоимки коихъ превышаютъ указанный размѣръ, исключить изъ недоимки по пятидесяти рублей съ каждаго заемщика.

6. Переселенцамъ изъ внутреннихъ губерній Европейской Россіи, поселеннымъ до дня Коронованія Нашего въ алтайскомъ и нерчинскомъ округахъ на земляхъ Кабинета Нашего и получившимъ на обзаведеніе изъ суммъ округовъ ссуды деньгами, а также хлѣбомъ и другими припасами и матеріалами, уплату отсрочить на два года со дня выдачи ссуды, съ тѣмъ, чтобы выданная имъ ссуда была погашена въ послѣдующія шесть лѣтъ по равной части въ каждый годъ.

7. Сложить окончательно со счетовъ недоимки, образовавшіяся по день Коронованія Нашего по ссудамъ, изъ казны выданнымъ, мурманскимъ переселенцамъ и поморамъ, на основаніи Высочайше утвержденныхъ, 22-го ноября 1868 г. и 14-го мая 1876 г., положеній Комитета Министровъ и Высочайше утвержденнаго, 18-го марта 1886 г., мнѣнія Государственнаго Совѣта.

8. Не подвергать взысканію не отработанные и не возвращенные ко дню Коронованія Нашего задатки и припасы натурою, выданные впередъ рабочимъ и мастеровымъ казенныхъ горныхъ заводовъ и рудниковъ, равно рабочимъ и мастеровымъ алтайскаго и нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего по разнымъ случаямъ и въ счетъ заработка; а также сложить образовавшіеся по день Коронованія Нашего на мастеровыхъ и рабочихъ разныхъ сословій и нижнихъ служителяхъ казенныхъ горныхъ заводовъ, казенныхъ заводовъ и техническихъ заведеній военнаго вѣдомства и заводовъ, рудниковъ, пріисковъ и учрежденій алтайскаго и нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего долги какъ по личному найму, такъ и по поставкамъ и перевозкамъ разнаго рода матеріаловъ и припасовъ, —на сумму не свыше ста пятидесяти рублей съ каждаго въ отдѣльности или съ каждой артели; по недоимкамъ же въ сихъ долгахъ на большую сумму исключить по сто пятидесяти рублей по каждой статьѣ.

9. Сложить по алтайскому и нерчинскому округамъ вѣдомства Кабинета Нашего долги съ подрядчиковъ, образовавшіеся по день Коронованія Нашего при неисполненіи ими: подря-

довъ поставки матеріаловъ и припасовъ, земляныхъ работъ, перевозки рудъ, угля и проч., на сумму не свыше пятидесяти рублей съ каждаго въ отдѣльности.

10. Сложить числящіеся по день Коронованія Нашего на умершихъ членахъ ликвидируемыхъ горнозаводскихъ товариществъ бывшаго казеннаго богословскаго округа долги, подлежащіе взысканію въ возмѣщеніе сдѣланныхъ казною въ вспомогательныя кассы упомянутыхъ товариществъ, взносовъ, согласно ст. 67 положенія, Высочайше утвержденнаго 8-го марта 1861 г., о горнозаводскомъ населеніи, а равно подлежащіе взысканію въ пользу казны же начеты и взысканія съ должностныхъ, по кассамъ товариществъ, лицъ за упущенія должностямъ.

11. Простить и со счетовъ сложить числящіеся по день Коронованія Нашего долги Государственному Казначейству за населеніемъ состоящихъ въ залогѣ казнѣ частныхъ горныхъ заводовъ, образовавшіеся вслѣдствіе перевода на это населеніе части долга владѣльцевъ заводовъ, взамѣнъ слѣдовавшихъ въ пользу сихъ владѣльцевъ оброчныхъ платежей.

12. Проценты, накопившіеся по день Коронованія Нашего на стоимость выданнаго въ долгъ лѣса по Княжеству Ловичскому и алтайскому и нерчинскому округамъ вѣдомства Кабинета Нашего, простить и исключить изъ счетовъ.

13. Сложить со счетовъ суммы, израсходованныя консулами за границею на содержаніе, лѣченіе и возвращеніе въ Россію русскихъ мореходцевъ, числящіяся по день Коронованія Нашего въ недоимкѣ какъ за сими мореходцами, такъ и за судохозяевами.

14. По ссудамъ, выданнымъ изъ Государственнаго Казначейства въ разное время, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, земствамъ и городамъ на выполненіе смѣтныхъ расходовъ, на борьбу съ эпидеміями, эпизоотіями и вредными насѣкомыми, на устройство и улучшеніе путей сообщенія, на оросительныя работы, на укрѣпленіе береговъ рѣкъ и устройство дамбъ, а равно на подкрѣпленіе страховыхъ средствъ,—простить и со счетовъ сложить числящіеся по день Коронованія Нашего проценты за просрочку срочныхъ взносовъ по симъ ссудамъ.

15. Изъ числа остающихся невзысканными по день Коронованія Нашего процентовъ за просрочку платежей по ссудамъ, выданнымъ изъ Государственнаго Казначейства и изъ фундушеваго капитала частнымъ лицамъ и обществамъ, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ и на основаніи закона о ссудахъ изъ фундушеваго капитала,—простить и изъ счетовъ исключить сумму таковыхъ процентовъ, накопившуюся за время не далѣе десяти лѣтъ, а съ тѣхъ заемщиковъ, на которыхъ упомянутые проценты числятся за бо́льшее время, сложить эти проценты лишь за десять лѣтъ.

16. Простить пеню, причитающуюся, но еще не взысканную по день Коронованія Нашего, по долгамъ помѣщиковъ по выкупной операціи.

17. Простить и изъ счетовъ исключить сумму пени, накопившуюся до дня Коронованія Нашего на владѣльцахъ подуховныхъ имѣній въ губерніяхъ Царства Польскаго за несвоевременный взносъ срочныхъ платежей по купче-продажнымъ долгамъ за означенныя имѣнія.

18. Силу предыдущихъ п.п. 2—5, 11, 14 и 15 настоящей статьи XI распространить лишь на непосредственныхъ заемщиковъ и ихъ наслѣдниковъ.

XII. Простить и сложить на нижеслѣдующихъ основаніяхъ не взысканные еще по службѣ какъ казенные, такъ и вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи начеты (зачисленные въ недоимку и не зачисленные), ущербы и утраты, а равно переборы, образовавшіеся отъ неправильной вы-

дачи служащимъ въ государственныхъ учрежденіяхъ лицамъ разныхъ видовъ личнаго денежнаго довольствія (жалованья, столовыхъ, квартирныхъ, суточныхъ, порціонныхъ, прогоновъ и т. п.), когда сіи начеты, ущербы, утраты и переборы причинены такими дѣйствіями или упущеніями, которыя послѣдовали до дня Коронованія Нашего:

1. Тѣ начеты, ущербы, утраты и переборы, по которымъ дѣла ко дню Коронованія Нашего еще окончательно не разсмотрѣны или не начаты, оставить безъ преслѣдованія, когда сумма оныхъ составляетъ не болѣе трехсотъ рублей на каждое подлежащее отвѣтственное лицо по каждой отдѣльной отчетности за годовой періодъ времени.

2. Изъ начетовъ, ущербовъ, утратъ и переборовъ, кои ранѣе дня Коронованія Нашего уже предписаны ко взысканію или дѣла по коимъ окончательно разсмотрѣны, сложить тѣ, которые въ первоначальномъ составѣ или въ остаткахъ за произведеннымъ пополненіемъ, обращеніемъ взысканныхъ суммъ въ доходъ казны или сложеніемъ не превышаютъ какъ общею суммою, такъ и по раскладкѣ ихъ на отвѣтственныя лица трехсотъ рублей съ каждаго лица.

3. Изъ начетовъ, ущербовъ, утратъ и переборовъ, превышающихъ означенную въ предыдущихъ п.п. 1 и 2 настоящей ст. XII сумму, сложить съ каждаго лица, взысканію подлежащаго, триста рублей.

4. Начеты за выдачи безъ разрѣшенія надлежащаго начальства и внѣ установленнаго порядка наградъ и пособій всякаго рода какъ изъ остатковъ отъ канцелярскихъ и штатныхъ суммъ, такъ и изъ другихъ источниковъ, назначенныхъ на этотъ предметъ, произведенные до дня Коронованія Нашего, оставить безъ преслѣдованія на всякую сумму. Дѣйствіе сего п. 4 распространяется также и на случаи выдачи наградъ и пособій изъ суммъ, и не назначенныхъ на этотъ предметъ или имѣвшихъ иное спеціальное назначеніе, съ тѣмъ, чтобы сумма слагаемаго взысканія ограничивалась тремя стами рублями по каждой отдѣльной отчетности за годовой періодъ времени.

5. По ущербамъ и утратамъ, причиненнымъ по день Коронованія Нашего упущеніями по службѣ, равно по перетребованію по сей день денегъ или инаго имущества, когда признанный недостатокъ подлежитъ взысканію въ пользу казны или вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи съ виновныхъ, или съ поручителей ихъ, или же съ другихъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ вдвое,—взыскать только одну капитальную сумму.

6. Процентовъ, гдѣ таковые за нарушеніе интересовъ казны или вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи полагаются и кои еще не поступили куда слѣдовало, не взыскивать за время до дня Коронованія Нашего, независимо отъ суммы ихъ, и ограничить взысканіе въ сихъ случаяхъ одною лишь капитальною суммою причиненнаго казнѣ или вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи ущерба.

7. Всѣ денежные начеты по службѣ, падающіе на наслѣдниковъ лицъ, подлежавшихъ взысканію и умершихъ прежде настоящаго дня, а равно и на пенсіи вдовъ и сиротъ ихъ, простить, не подвергая взысканіямъ и тѣхъ лицъ, которыя, въ случаѣ недостатка имѣнія означенныхъ наслѣдниковъ, должны были за нихъ отвѣтствовать.

8. Всѣ начеты, подлежащіе пополненію съ лицъ, привлекаемыхъ къ денежной отвѣтственности, вслѣдствіе несостоятельности или нерозысканія прямыхъ отвѣтственыхъ лицъ, а также и наслѣдниковъ ихъ, по ущербамъ, убыткамъ, утратамъ и переборамъ, причиненнымъ до дня Коронованія Нашего, сложить безъ ограниченія суммы.

9. Всѣ по службѣ начеты, убытки, ущербы и переборы, причиненные дѣй-

ствіями или упущеніями, со времени которыхъ до дня Коронованія Нашего протекло не менѣе десяти лѣтъ, оставить безъ преслѣдованія.

10. Простить и не взыскивать начтенные на должностныхъ лицъ или съ нихъ причитающіеся, но еще не поступившіе до дня Коронованія Нашего, штрафы, независимо отъ суммы ихъ, за нарушеніе правилъ устава о гербовомъ сборѣ, взыскавъ въ сихъ случаяхъ лишь ординарную сумму гербоваго сбора въ той части ея, которая не подходитъ подъ дѣйствіе п.п. 1—3 настоящей статьи XII.

11. Сложить со счетовъ всѣ числящіеся по день Коронованія Нашего за служащими на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ, безъ ограниченія размѣра, начеты по контрольнымъ выправкамъ, возникшимъ изъ дѣлъ по недоборамъ и вообще вслѣдствіе неправильнаго примѣненія тарифа и правилъ перевозки.

12. Всякіе штрафы и пени по дѣламъ, не связаннымъ съ ущербомъ казны или вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, наложенные, но еще до дня Коронованія Нашего не взысканные, а равно и тѣ, кои будутъ слѣдовать ко взысканію за неисправности и упущенія по службѣ, совершонныя до дня Коронованія Нашего, въ томъ числѣ штрафы и пени за недоставленіе въ установленный срокъ отчетности, документовъ и проч., а равно слѣдующіе на основаніи ст. 30 положенія о контролѣ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи—простить и не взыскивать.

13. Силу предыдущихъ пунктовъ настоящей статьи XII не распространять: а) на суммы, казнѣ не принадлежащія и хотя находящіяся въ распоряженіи Правительсіва, но имѣющія спеціальное назначеніе, за исключеніемъ, однако, суммъ поступающаго въ спеціальныя средства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ процентнаго сбора съ гуртовъ рогатаго скота и сбора со скотовладѣльцевъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, а равно и составляющихъ спеціальныя средства Министерства Финансовъ суммъ квартирнаго сбора въ тѣхъ же губерніяхъ; по сборамъ этимъ оставить безъ преслѣдованія и взысканія начеты, ущербы и утраты, которые въ первоначальномъ ихъ составѣ или въ остаткахъ за произведеннымъ уже взысканіемъ или по раскладкѣ ихъ на разныя лица не превышаютъ съ каждаго трехсотъ рублей и возникли по дѣламъ, начавшимся до дня Коронованія Нашего; б) на благотворительные и спеціальные капиталы, на суммы, находящіяся въ распоряженіи вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, но ему не принадлежащія, составляющія частную собственность (залоги и пенсіи воспитываемыхъ, залоги подрядчиковъ и проч.); в) на похитившихъ или растратившихъ казенную или принадлежащую учрежденнымъ отъ Правительства установленіямъ какого-либо рода собственность, когда храненіе оной было имъ ввѣрено постоянно или временно; г) на причинившихъ ущербъ казнѣ или учрежденнымъ отъ Правительства установленіямъ съ завѣдомо корыстною или иною противозаконною цѣлью, и д) на дѣйствія, по которымъ отчеты еще не представлены ко дню Коронованія Нашего.

14. Прекратить всѣ возбужденныя Государственнымъ Контролемъ дѣла объ убыткахъ казны, происшедшихъ вслѣдствіе отнесенія по существу правильныхъ расходовъ на неподлежащія смѣтныя подраздѣленія государственной росписи, если по симъ дѣламъ не возникаетъ обвиненій въ растратахъ или злоумышленіи съ причиненіемъ ущерба казнѣ съ завѣдомо корыстною или иною противозаконною цѣлью, и оставить означенные убытки безъ преслѣдованія.

15. Дарованныя п.п. 7 и 8 настоящей статьи XII милости распространяются на поименованныхъ въ

оныхъ лицъ, хотя бы и привлекаемыхъ къ отвѣтственности за похитившихъ или растратившихъ казенную или принадлежащую учрежденнымъ отъ Правительства установленіямъ какого-либо рода собственность или причинившихъ казнѣ или симъ установленіямъ ущербъ съ завѣдомо корыстною или преступною цѣлью, но относительно наслѣдниковъ прямыхъ отвѣтственныхъ лицъ прощаются тѣ лишь начеты, которые, за неимѣніемъ у нихъ инаго ищущества, падаютъ на пенсіи вдовъ и сиротъ ихъ; въ остальномъ такіе наслѣдники пользуются льготою, опредѣляемою ст. XV сего Манифеста.

16. Дѣйствіе предыдущихъ пунктовъ настоящей ст. XII распространить на лицъ, состоящихъ на службѣ въ государственныхъ учрежденіяхъ по вольному найму, а также на частныхъ врачей, ветеринаровъ и студентовъ, командированныхъ временно для прекращенія эпидемій и эпизоотій и по другимъ случаямъ.

XIII. Лицамъ, учинившимъ по день Коронованія Нашего преступленія и проступки, даровать милости и льготы на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

1. Всѣхъ совершившихъ преступныя дѣянія, за которыя опредѣлены въ законѣ, какъ высшее наказаніе: внушеніе, замѣчаніе, выговоръ, денежное взысканіе не свыше трехсотъ рублей, арестъ, заключеніе въ тюрьмѣ или крѣпости, не соединенное съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, или служебныя взысканія въ п.п. 2—9 ст. 65 улож. наказ. исчисленныя, всѣхъ виновныхъ въ учиненіи лѣсоистребленій и другихъ нарушеній правилъ о лѣсахъ государственныхъ, лѣснаго и горнаго вѣдомствъ, Государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ, постановленій о лѣсахъ Княжества Ловичскаго и алтайскаго и нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего и правилъ о сбереженіи лѣсовъ (свод. зак., т. XV, уст. наказ., ст.ст. 57^{2}, 57^{3}, 57^{4}, 57^{5}, 57^{6}, по прод. 1895 г.), хотя бы таковыя лица подлежали за сіи дѣянія денежнымъ взысканіямъ свыше трехсотъ рублей,—противу коихъ по день Коронованія Нашего не было возбуждено уголовнаго преслѣдованія, или не послѣдовало судебнаго приговора, или постановленный о коихъ обвинительный приговоръ не приведенъ въ исполненіе, или кои еще отбываютъ опредѣленныя за сіи дѣянія судомъ взысканія, — отъ суда и наказанія, равно и отъ предусмотрѣннаго статьею 158^{1} уст. наказ. (по прод. 1895 г.) взысканія двойной стоимости похищеннаго, самовольно срубленнаго или поврежденнаго лѣса или противозаконно заготовленныхъ лѣсныхъ издѣлій, освободить.

2. Простить всѣхъ, совершившихъ присвоеніе и растрату ввѣреннаго по службѣ имущества на сумму не свыше тысячи рублей, осужденныхъ за сіе преступленіе или отбывающихъ за оное наказаніе, если присвоенное и растраченное полностью возвращено ими до дня Коронованія Нашего.

3. Освободить отъ суда и наказанія лицъ, виновныхъ въ совершеніи преступленій, предусмотрѣнныхъ ст. ст. 193, 194, 194^{1} и 1.575 улож. наказ. (свод. зак., т. XV, изд. 1885 г. и по прод. 1895 г.).

4. Всѣмъ, совершившимъ по день Коронованія Нашего болѣе тяжкія, чѣмъ указанныя въ п. 1 сей статьи XIII, преступныя дѣянія, за которыя они будутъ приговорены судомъ къ аресту, заключенію въ тюрьмѣ или крѣпости, безъ лишенія нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, а равно всѣмъ, присужденнымъ къ симъ наказаніямъ и отбывающимъ оныя, уменьшить назначенные судомъ сроки заключенія на двѣ трети.

5. Лицамъ должностнымъ, подвергнутымъ по день Коронованія Нашего на основаніи судебнаго приговора или по распоряженіямъ ихъ начальствъ

взысканіямъ, въ п.п. 2—9 ст. 65 улож. наказ. исчисленнымъ, не считать таковыя взысканія препятствіемъ къ дальнѣйшему прохожденію службы и къ полученію пенсій и наградъ, за исключеніемъ знаковъ отличія безпорочной службы и ордена св. Владиміра за выслугу лѣтъ.

6. Всѣхъ, кои до изданія закона 12-го іюня 1886 г. были оставлены по суду въ подозрѣніи, равно и въ сильномъ подозрѣніи, освободить отъ послѣдствій сей судимости.

7. Освободить отъ суда и наказанія всѣхъ совершившихъ преступленіе или проступокъ, подсудные волостному суду, противъ коихъ по день Коронованія Нашего не было возбуждено преслѣдованія или не послѣдовало рѣшенія суда, или рѣшеніе не приведено въ исполненіе, или кои нынѣ отбываютъ наложенное волостнымъ судомъ взысканіе.

8. Со всѣхъ, приговоренныхъ по день Коронованія Нашего къ денежному взысканію, не превышающему трехсотъ рублей и поступающему въ пользу казны, удѣла, дворцоваго вѣдомства и Кабинета Нашего, или въ капиталы: а) на устройство мѣстъ заключенія, б) мірскіе и в) образуемый на основаніи ст. 736 уст. горн. (свод. зак., т. VII, по прод. 1895 г.), о коихъ приговоръ вошелъ въ законную силу, но не приведенъ въ исполненіе, — сіе взысканіе сложить. Всѣмъ же, совершившимъ по сей день дѣянія, за которыя опредѣлено, какъ наказніе, денежное взысканіе свыше трехсотъ рублей, подлежащее обращенію въ тѣ же источники, назначать оное съ уменьшеніемъ на триста рублей.

9. За совершонныя по день Коронованія Нашего дѣянія, подлежащія такимъ денежнымъ взысканіямъ, кои поступаютъ въ пользу казны, удѣла, дворцоваго вѣдомства и Кабинета Нашего, а равно въ капиталы: а) на устройство мѣстъ заключенія, б) мірскіе и в) образуемые на основаніи ст. 736 уст. горн. (свод. зак., т. VII, по прод. 1895 г.) и ст. 861 уст. лѣсн. (свод. зак., т. VIII, ч. 1, изд. 1893 г.), въ случаѣ несостоятельности виновныхъ къ уплатѣ оныхъ,—личному задержанію и отдачѣ въ общественныя работы или заработки не подвергать; тѣхъ же, къ коимъ нынѣ примѣняются сіи мѣры взамѣнъ означенныхъ выше денежныхъ взысканій, отъ личнаго задержанія и работъ освободить.

10. Милости, даруемыя п.п. 1, 4, 5, 7, 8 и 9 настоящей статьи XIII, не распространяются: на лицъ, совершившихъ кражу, мошенничество, присвоеніе и растрату ввѣреннаго имущества, ростовщичество, мздоимство и лихоимство; на впавшихъ по неосторожности въ торговую несостоятельность; на учинившихъ преступленія противъ чести и преслѣдуемыя въ порядкѣ частнаго обвиненія посягательства на тѣлесную неприкосновенность и здравіе; на подлежащихъ тюремному заключенію взамѣнъ исключенія изъ службы или наказаній, соединенныхъ съ лишеніемъ и ограниченіемъ правъ состоянія, а равно на совершившихъ дѣянія (кромѣ нарушеній правилъ о сбереженіи лѣсовъ), по коимъ денежныя взысканія поступаютъ не въ пользу казны, удѣла, дворцоваго вѣдомства и Кабинета Нашего и не въ капиталы: а) на устройство мѣстъ заключенія, б) мірскіе и в) образуемый на основаніи ст. 736 уст. горн. (свод. зак., т. VII, по прод. 1895 г.). Совершившимъ же по день Коронованія Нашего упомянутыя въ семъ п. 10 дѣянія, а равно осужденнымъ и отбывающимъ наказанія за таковыя—уменьшить назначаемые или опредѣленные судомъ размѣры наказанія на одну треть.

11. Учинившимъ преступныя дѣянія, за кои они по приговору суда будутъ подлежать заключенію въ арестантскомъ отдѣленіи, крѣпости или

тюрьмѣ, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ или нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, а равно всѣмъ, приговореннымъ подень Коронованія Нашего къ таковымъ наказаніямъ или уже отбывающимъ оныя, уменьшить размѣръ наказанія на одну треть.

12. Лицъ должностныхъ, исключенныхъ по день Коронованія Нашего изъ службы (ст. 65, п. 1, улож. наказ.) за преступленія, не изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ содѣянныя, считать отрѣшенными отъ должности, а подлежащихъ исключенію изъ службы за такія же преступленія, совершонныя по сей день, отрѣшить отъ должности. Милость сія распространяется и на лицъ должностныхъ, осужденныхъ по сей день на временное заключеніе въ крѣпости съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ (ст. 50 улож. наказ.), независимо отъ сокращенія на одну треть срока заключенія, согласно п. 2 настоящей статьи XIII.

13. Освобожденіе за силою сего Манифеста отъ наказанія не избавляетъ виновнаго отъ обязанности вознагражденія за вредъ и убытки, отъ уплаты стоимости патента, торговаго или промысловаго свидѣтельства, причитающагося акциза или инаго сбора, отъ уплаты присужденныхъ въ возмѣщеніе расходовъ казны судебныхъ издержекъ, если таковыя не подлежатъ сложенію вполнѣ или частью по предыдущимъ статьямъ сего Манифеста, и не освобождаетъ отъ отобранія въ установленныхъ закономъ случаяхъ вещей и предметовъ или взысканія ихъ стоимости, отъ обязанности сломки и исправленія неправильно построеннаго и отъ исполненія упущеннаго. Дѣла о нарушеніяхъ лѣсного устава въ общихъ казенныхъ и частныхъ владѣльцевъ дачахъ, а равно спорныхъ между казною и частными лицами и въѣзжихъ должны быть приводимы къ окончанію по установленнымъ для того правиламъ, для опредѣленія мѣры вознагражденія, которое можетъ при томъ слѣдовать частнымъ лицамъ или сословіямъ.

14. Освобожденнымъ по день Коронованія Нашего отъ заключенія, съ отдачею подъ особый надзоръ мѣстной полиціи или ихъ обществъ, сократить опредѣленный ст. ст. 48 и 49 улож. наказ. срокъ таковаго надзора на одну треть.

15. Всѣмъ совершившимъ по день Коронованія Нашего преступныя дѣянія, за кои они будутъ подлежать ссылкѣ на житье въ Сибирь или въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ, а равно осужденнымъ или отбывающимъ нынѣ сіи наказанія, даровать, для сосланныхъ въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ, по истеченіи десяти лѣтъ, а для сосланныхъ на житье въ Сибирь—по истеченіи двѣнадцати лѣтъ со времени прибытія ихъ въ мѣсто ссылки, право свободнаго избранія мѣста жительства въ предѣлахъ Европейской и Азіятской Россіи, за исключеніемъ столицъ и столичныхъ губерній, и безъ возстановленія въ правахъ. Сосланнымъ же на житье въ Сибирь или отдаленныя, кромѣ сибирскихъ, губерніи съ заключеніемъ или, вмѣсто онаго, съ назначеніемъ безотлучнаго пребыванія въ опредѣленномъ для жительства мѣстѣ, сверхъ того, сократить время заключенія или безотлучнаго пребыванія на одну треть.

16. Лицамъ, учинившимъ по день Коронованія Нашего преступленія, за кои они будутъ подлежать ссылкѣ на поселеніе, а равно приговореннымъ къ сему наказанію или отбывающимъ оное; лицамъ перешедшимъ по нынѣ изъ каторжныхъ работъ въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ, а равно имѣющимъ быть переведенными изъ каторги въ названный разрядъ, если они совершили преступленіе до дня Коронованія Нашего, сокращать до четырехъ лѣтъ назначенный закономъ для перечисленія ссыльно-поселенцевъ въ кре-

стьяне десятилѣтній срокъ; а ссыльно-поселенцамъ, пробывшимъ въ ссылкѣ не менѣе четырнадцати лѣтъ, разрѣшать избраніе мѣста жительства, за исключеніемъ столицъ и столичныхъ губерній, съ отдачею ихъ на пять лѣтъ подъ надзоръ мѣстной полиціи и съ признаніемъ ихъ, взамѣнъ лишенія всѣхъ правъ состоянія, лишенными по ст. 43 улож. наказ. всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ, однако безъ возстановленія правъ по имуществу.

17. Осужденнымъ къ каторжнымъ работамъ уменьшать назначенные судомъ сроки каторги на одну треть, безсрочную же каторгу замѣнить срочною на двадцать лѣтъ. Милость эта распространяется также на лицъ, которыя будутъ приговорены къ ссылкѣ въ каторгу за преступленія, учиненныя до дня Коронованія Нашего.

18. Милости, дарованныя п. п. 15 и 16 настоящей статьи XIII, распространить и на лицъ, понесшихъ по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, до дня Коронованія Нашего послѣдовавшимъ, исчисленныя въ сихъ статьяхъ наказанія взамѣнъ опредѣленныхъ имъ по суду болѣе строгихъ взысканій.

19. Лицамъ, коимъ дарованы уже предшествовавшими Всемилостивѣйшими Манифестами облегченія участи, означенныя въ п. п. 10, 11, 15, 16 и 17 настоящей статьи XIII, предоставить слѣдующія льготы:

а) присуждаемымъ къ временному заключенію или безотлучному пребыванію въ назначенномъ мѣстѣ жительства, а также приговореннымъ къ симъ наказаніямъ и отбывающимъ оныя, сокращать на треть срокъ заключенія и безотлучнаго пребыванія изъ той части наказанія, которая слѣдуетъ виновному по примѣненіи къ нему соотвѣтствующихъ льготъ Всемилостивѣйшаго Манифеста 14-го ноября 1894 г.;

б) сосланнымъ на житье въ Сибирь или въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ, по освобожденіи ихъ отъ ссылки въ силу Всемилостивѣйшаго Манифеста 14-го ноября 1894 г., разрѣшать выдачу паспортовъ безъ наименованія «изъ ссыльныхъ»; лицамъ, пріобрѣвшимъ уже право на льготы, исчисленныя въ п. 13 *в* ст. IV Всемилостивѣйшаго Манифеста 14-го ноября 1894 года, сокращать срокъ обязательнаго пребыванія въ ссылкѣ на одинъ годъ;

в) поселенцамъ, пріобрѣвшимъ право на перечисленіе въ крестьяне, дозволить приписываться къ городскимъ мѣщанскимъ обществамъ Сибири, въ случаѣ согласія сихъ послѣднихъ, безъ права, однако, въѣзда въ предѣлы Европейской Россіи до разрѣшенія имъ сего въ порядкѣ, опредѣленномъ Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ 14-го ноября 1894 г., а пріобрѣвшимъ уже право на льготы, исчисленныя въ п. 13 *б* ст. IV Всемилостивѣйшаго Манифеста 14-го ноября 1894 г., сокращать срокъ обязательнаго пребыванія въ Сибири на одинъ годъ,—и

г) каторжнымъ сократить срокъ работъ на одинъ годъ.

20. Льготы, даруемыя настоящимъ Манифестомъ каторжнымъ, арестантамъ разряда исправительныхъ отдѣленій, ссыльно-поселенцамъ, сосланнымъ на житье и отбывающимъ тюремное заключеніе, не ограничиваютъ правъ названныхъ лицъ на сокращеніе сроковъ и на преимущества, предоставленныя имъ Высочайше утвержденными, въ 7-й день мая 1894 г. и 9-й день мая 1895 г., правилами о привлеченіи арестантовъ и ссыльныхъ на работы по постройкѣ сибирской желѣзной дороги.

21. Осужденныхъ или подлежащихъ осужденію за преступленія, содѣянныя по день Коронованія Нашего въ несовершеннолѣтнемъ возрастѣ, въ каторгу на срокъ менѣе четырехъ лѣтъ,—отъ каторжныхъ работъ освободить, съ

*

перечисленіемъ въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ.

22. По всѣмъ преступленіямъ и проступкамъ, по коимъ уголовное преслѣдованіе на основаніи сего Манифеста не подлежитъ прекращенію и кои учинены до дня Коронованія Нашего, уменьшить сроки давности, законами уголовными установленные, на одну треть.

23. Примѣненіе льготъ, изъясненныхъ выше въ п. п. 16, 17, 18 и 19 (лит. *б*, *в* и *г*) настоящей статьи XIII, предоставить по принадлежности Министру Юстиціи (по Главному Тюремному Управленію) и генералъ-губернаторамъ иркутскому и приамурскому, по удостовѣреніи въ добромъ поведеніи осужденныхъ.

XIV. Лицъ, учинившихъ такія противозаконныя дѣянія или такія нарушенія установленныхъ правилъ, за которыя они подлежатъ или подвергнуты денежному взысканію, налагаемому въ порядкѣ административномъ, — освободить отъ таковаго взысканія въ тѣхъ же размѣрахъ и съ тѣми изъятіями, которые опредѣлены въ п.п. 1 и 8 предыдущей статьи XIII сего Манифеста, если только взысканія эти не подлежатъ сложенію въ большемъ размѣрѣ по другимъ статьямъ сего Манифеста.

XV. Наслѣдниковъ виновныхъ лицъ, а также подлежащихъ отвѣтственности вслѣдствіе несостоятельности самихъ виновныхъ отъ денежной передъ казною отвѣтственности освободить, если со времени преступнаго дѣянія до дня Коронованія Нашего истекло десять лѣтъ.

XVI. Лѣсныхъ чиновъ и стражей лѣсовъ государственныхъ, лѣсного и горнаго вѣдомствъ, Государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ, а равно лѣсовъ Княжества Ловичскаго и алтайскаго и нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего, или,—при несостоятельности сихъ чиновъ и стражей,— крестьянъ всѣхъ наименованій, подвергнутыхъ или подлежащихъ денежнымъ взысканіямъ за недосмотръ неизвѣстно кѣмъ совершонныхъ до дня Коронованія Нашего лѣсоистребленій или другихъ нарушеній дѣйствующихъ по отношенію къ тѣмъ лѣсамъ законоположеній и правилъ,—отъ означенныхъ взысканій освободить. Сія милость не распространяется на лѣсныхъ чиновъ и стражей, завѣдомо дозволившихъ кому-либо нарушить существующія по лѣсной части постановленія.

XVII. Освободить отъ суда и наказанія учинившихъ до дня Коронованія Нашего самовольную добычу на земляхъ алтайскаго и нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего каменнаго угля, камней, песку, глины, и проч.

XVIII. Освободить какъ отъ взысканій, такъ и отъ слѣдствія и суда лицъ, уклонившихся отъ отбыванія воинской повинности, если они явились до дня Коронованія Нашего или явятся не позднѣе, какъ въ теченіе одного года отъ сего дня.

XIX. Осужденнымъ по день Коронованія Нашего за бродяжество, въ случаѣ обнаруженія ими званія своего и состоянія, по удостовѣреніи таковыхъ судомъ, въ округѣ коего лица эти имѣютъ пребываніе,—дозволить возвратиться въ ихъ общества, или дозволить приписаться къ другимъ обществамъ, буде тѣ илидругія общества изъявятъ на то согласіе; лицамъ же, не обязаннымъ приписаться къ обществамъ, дозволить возвратиться въ предѣлы Европейской Россіи, за исключеніемъ столицъ и столичныхъ губерній.

XX. Возстановить право на полученіе легитимаціонныхъ билетовъ лицамъ, лишеннымъ сего права, на основаніи п. 2 ст. 1510 уст. там. (свод. зак., т. VI, изд. 1892 г.), буде они въ теченіе десяти лѣтъ до дня Коронованія Нашего не подверглись никакимъ взысканіямъ за нарушеніе постановленій устава таможеннаго.

XXI. Лицамъ, сосланнымъ или подлежащимъ ссылкѣ въ Сибирь въ административномъ порядкѣ по приговорамъ обществъ, состоявшимся до дня Коронованія Нашего, а равно не принятымъ въ общество послѣ отбытія наказанія за преступленія, совершонные до сего дня, если они одобряются въ поведеніи, разрѣшить, по истеченіи трехъ лѣтъ со времени ихъ водворенія въ мѣстахъ поселенія, дозволенный имъ закономъ (свод. зак., т. XIV, уст. ссыльн., изд. 1890 г., ст. 520), переходъ въ другія губерніи и общества, за исключеніемъ только тѣхъ, изъ которыхъ они удалены.

XXII. Туземцамъ Кавказа, Туркестана, Степнаго края и Закаспійской области, высланнымъ по день Коронованія Нашего по распоряженію начальства за совершеніе общеуголовныхъ преступленій и порочное поведеніе и водвореннымъ въ губерніяхъ Европейской и Азіятской Россіи, при одобрительномъ поведеніи въ ссылкѣ, даровать: для высланныхъ безсрочно—по истеченіи двѣнадцати лѣтъ, для высланныхъ на срокъ, превышающій пять лѣтъ,—по истеченіи пяти, а для высланныхъ на пять и менѣе лѣтъ,—по истеченіи половины опредѣленнаго срока ссылки,—освобожденіе отъ надзора полиціи и право избранія мѣста жительства, за исключеніемъ столицъ, столичныхъ губерній, Кавказскаго, Туркестанскаго и Степнаго края и Закаспійской области, для разрѣшенія жительства въ которыхъ должно быть получено въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предварительное согласіе высшаго подлежащей мѣстности начальства.

XXIII. Не изъемля и государственныхъ преступниковъ отъ облегченій, даруемыхъ п.п. 1, 4, 6, 11, 15, 16, 17, 18, 19 и 21 ст. XIII лицамъ, учинившимъ общеуголовные преступленія и проступки:

1. Разрѣшаемъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ Министромъ Юстиціи, о тѣхъ, учинившихъ по день Коронованія Нашего преступленія государственныя, кои, по свойству ихъ вины или раскаяніемъ въ совершонныхъ ими преступленіяхъ и добрымъ поведеніемъ, заслуживали бы смягченія, превышающаго размѣры, въ вышеприведенныхъ п.п. 1, 4, 6, 11, 15—19 и 21 ст. XIII указанные, входить съ особыми всеподданнѣйшими докладами, а равно представлять на благовоззрѣніе Наше ходатайства о возстановленіи въ прежнихъ правахъ происхожденія тѣхъ бывшихъ ссыльныхъ, кои, по окончаніи срока обязательнаго пребыванія въ Сибири, отличались безупречнымъ поведеніемъ и трудовымъ образомъ жизни.

2. Предоставляемъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ повергать на усмотрѣніе Наше участь лицъ, кои за преступленія государственныя отбываютъ наказанія, нынѣ наложенныя на нихъ въ административномъ порядкѣ и кои по одобрительному поведенію и свойству ихъ вины или по проявленному ими раскаянію, заслуживаютъ снисхожденія, а равно освобождать отъ воспрещенія жительства въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ тѣхъ изъ подвергшихся сему ограниченію, возвращеніе коихъ въ эти мѣстности совмѣстимо съ требованіями общественнаго порядка и спокойствія.

3. Тѣ дѣла о преступленіяхъ государственныхъ, по закону давности не подлежащія (ст. 161 улож. наказ.), кои по день Коронованія Нашего въ теченіе пятнадцати лѣтъ оставались безгласными, повелѣваемъ предать забвенію и противъ виновныхъ въ сихъ преступленіяхъ уголовнаго преслѣдованія не возбуждать.

4. Повелѣваемъ также предать забвенію дѣла о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. ст. 246—248 улож. наказ., кои по день Коронованія Нашего оставались безгласными. Лицъ, обвиняемыхъ въ сихъ преступленіяхъ или отбывающихъ за вину свою на-

казанія, отъ отвѣтственности и наказанія со всѣми онаго послѣдствіями освободить, даровавъ осужденнымъ къ лишенію правъ состоянія, вмѣстѣ съ законными дѣтьми, рожденными послѣ произнесенія надъ родителями ихъ приговоровъ, всѣ права, имъ лично и по состоянію до осужденія принадлежавшія, токмо безъ правъ на имущество.

5. Разрѣшаемъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ представлять на благовозрѣніе Наше ходатайства тѣхъ, самовольно по день Коронованія Нашего оставившихъ Отечество, кои, удалившись за предѣлы Государства вслѣдствіе совершонныхъ ими государственныхъ преступленій, не изобличаются въ злодѣяніяхъ, наказуемыхъ по ст. 241 улож. наказ., а между тѣмъ пожелаютъ возвратиться на родину и вѣрностью Престолу и Отечеству искупить свою прежнюю вину.

6. Примѣненіе милостей, указанныхъ въ п.п. 16, 17, 18 и 19 (лит. *б*, *в* и *г*) ст. XIII, къ лицамъ, отбывающимъ наказанія за государственныя преступленія, предоставляемъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ (по департаменту полиціи), по удостовѣреніи въ добромъ поведеніи осужденныхъ. При примѣненіи п. 16 ст. XIII къ ссыльно-поселенцамъ этой категоріи, которые, по неодобрительному поведенію въ ссылкѣ или по другимъ причинамъ изъяты были отъ дѣйствія милостей, установленныхъ предшествующими Манифестами для сего разряда ссыльныхъ, срокъ обязательнаго для нихъ пребыванія въ Сибири повелѣваемъ исчислять не со дня прибытія въ ссылку, а опредѣлять таковой, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, по соглашенію Министра Внутреннихъ Дѣлъ съ Министромъ Юстиціи.

7. Выходцевъ изъ губерній Царства Польскаго и Западнаго края, не совершившихъ для содѣйствія польскому мятежу убійствъ, истязаній, грабежей и поджоговъ, повелѣваемъ, по возвращеніи въ Отечество и принятіи вѣрноподданнической присяги, надзору полиціи, установленному п. 11 ст. XIV Манифеста 15-го мая 1883 г., не подвергать, съ разрѣшеніемъ имъ свободнаго избранія мѣста жительства; тѣхъ же изъ нихъ, кои, для содѣйствія мятежу, совершили одно изъ вышеуказанныхъ уголовныхъ преступленій,— по возвращеніи въ Отечество и принятіи вѣрноподданнической присяги, преслѣдованію за участіе въ мятежѣ не подвергать, водворивъ лишь подъ надзоръ полиціи на три года въ мѣстности, по усмотрѣнію Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

XXIV. Состоящіе подъ слѣдствіемъ и судомъ, которые, за силою сего Манифеста, подлежатъ освобожденію отъ суда и наказанія, но по убѣжденію въ своей невиновности пожелаютъ оправдаться передъ судомъ, могутъ, въ теченіе одного мѣсяца со дня объявленія въ установленномъ порядкѣ опредѣленія судебнаго мѣста о прекращеніи производства о нихъ, просить о возобновленіи надъ ними слѣдствія и суда. Равнымъ образомъ, кто за дѣянія, совершонныя до дня Коронованія Нашего, впослѣдствіи будетъ подлежать, по силѣ сего Манифеста, освобожденію отъ слѣдствія и суда и не пожелаетъ тѣмъ воспользоваться, можетъ въ тотъ же срокъ просить объ окончаніи дѣла его въ установленномъ закономъ порядкѣ. Тѣ и другія лица, въ случаѣ обвиненія ихъ, уже не могутъ подлежать прощенію по силѣ сего Манифеста.

XXV. Платежи, уже поступившіе ко дню Коронованія Нашего на пополненіе упомянутыхъ въ настоящемъ Манифестѣ денежныхъ взысканій и недоимокъ по всѣмъ сборамъ и платежамъ, за исключеніемъ упомянутыхъ въ п.п. 1—13 ст. I сего Манифеста, а равно суммы въ наличныхъ деньгахъ или процентныхъ бумагахъ, имѣющіяся на пополненіе оныхъ въ распоряженіи разныхъ правительствен-

ныхъ учрежденій, возврату или зачету за другіе платежи не подлежатъ; но арестованіе денежныхъ суммъ въ обезпеченіе начетовъ, упадающихъ на должностныхъ лицъ, не считается препятствіемъ къ возвращенію этихъ суммъ по принадлежности, въ случаѣ сложенія самаго начета, въ силу сего Манифеста.

XXVI. О могущихъ возникнуть, относительно примѣненія правилъ сего Манифеста, сомнѣніяхъ всѣ правительственныя мѣста обязаны входить съ представленіями въ I департаментъ Правительствующаго Сената, а по начетамъ и взысканіямъ суммъ, слѣдовавшихъ къ поступленію въ пользу вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи,—черезъ Главноуправляющаго Собственною Нашею Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи—въ Опекунскій Совѣтъ. Правительствующій Сенатъ и Опекунскій Совѣтъ, въ случаяхъ, превышающихъ ихъ власть, испрашиваютъ Наше разрѣшеніе установленнымъ порядкомъ.

XXVII. О льготахъ и другихъ облегченіяхъ для подданныхъ Нашихъ Великаго Княжества Финляндскаго издается особое постановленіе.

Данъ въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, въ 14-й день мая, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто шестое, Царствованія же Нашего во второе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«*НИКОЛАЙ*».

[illegible]

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Проф. П. Н. Милюкова.

*(Продолженіе *).*

VI.

Происхожденіе русскаго сектантства.—Общія формы религіозной эволюціи.—Евангельское христіанство и его видоизмѣненія на русской почвѣ XVI столѣтія.—Что знало правительство и общество этого вѣка о протестантствѣ?—Расширеніе этого знакомства для полемическихъ цѣлей въ первой половинѣ XVII вѣка.—Протестантское вліяніе со стороны шведской границы.—Протестантскіе взгляды въ Москвѣ. — Кружокъ Тверитинова. — Возникновеніе духовнаго христіанства въ Россіи.—Связь его съ безпоповщиной.—Преобладаніе культа и слабость теоретической разработки ученія въ хлыстовщинѣ XVIII вѣка.—Происхожденіе скопчества.—Новая форма духовнаго христіанства.—Екатеринославское духоборство и Сковорода.—Тамбовское духоборство.—Компромиссъ съ старыми ученіями въ молоканствѣ и субботникахъ.—Какъ отразилось развитіе духовнаго христіанства на скопчествѣ и хлыстовщинѣ?—Новѣйшія явленія въ области евангелическаго и духовнаго христіанства.

Отъ *раскола* мы переходимъ теперь къ *сектантству*: отъ охранителей церковной старины къ проповѣдникамъ новаго взгляда на вѣру. Изслѣдователи, считавшіе пристрастіе древней Руси къ обряду не только характерной, но и неотъемлемой чертой національнаго благочестія, долго приходили въ недоумѣніе передъ проявленіями этого новаго взгляда. Истинный русскій человѣкъ, казалось имъ, не можетъ быть сектантомъ. Поэтому сектантство, съ ихъ точки зрѣнія, представлялось какимъ-то чуждымъ, ненужнымъ и лишнимъ наростомъ иностраннаго происхожденія, искусственно и случайно привитымъ народной вѣрѣ. Его старались вывести и съ востока, и съ запада, объясняли и изъ богумильства, и изъ ересей первыхъ вѣковъ христіанства: словомъ, искали его причинъ вездѣ,—только не во внутреннихъ условіяхъ народно-психологическаго развитія, и начало его относили къ самымъ разнообразнымъ и отдаленнымъ временамъ,—только не къ тому, когда сектантство явилось вполнѣ естественной стадіей развитія народной вѣры.

---

*) См. «Міръ Божій», № 5, май 1896 г.

Въ настоящее время, однако, и среди изслѣдователей, и среди лицъ, ведущихъ борьбу съ сектантствомъ, начинаетъ одерживать верхъ болѣе естественный взглядъ. Сектантство признается, по этому взгляду, не менѣе самобытнымъ и національнымъ продуктомъ, чѣмъ само обрядовое благочестіе, которому оно пришло на смѣну. Добавимъ, что и самая смѣна обрядоваго благочестія сектантствомъ не представляется болѣе такимъ внезапнымъ и такимъ исключительнымъ въ исторіи явленіемъ, какъ это могло казаться прежде. Съ одной стороны, новое пониманіе вѣры, какъ мы отчасти видѣли и какъ еще увидимъ далѣе, постепенно и на нашихъ глазахъ вырабатывается изъ стараго; съ другой стороны, это развитіе одного изъ другого совершается въ той же естественной послѣдовательности религіозныхъ формъ, какую мы можемъ наблюдать и въ исторіи западнаго христіанства.

Вездѣ и всюду развитіе религіозной мысли и чувства совершалось болѣе или менѣе однообразно: это однообразіе мы можемъ констатировать эмпирически, въ ожиданіи, пока психологи объяснятъ его намъ болѣе точно. Не только въ православіи, но и въ христіанствѣ,—и даже не только въ христіанствѣ, но и въ другихъ монотеистическихъ религіяхъ,—процессъ религіознаго развитія состоялъ въ постепенной спиритуализаціи религіи, въ постепенномъ превращеніи религіи обряда въ религію души. Вездѣ также эта спиритуализація принимала одно изъ двухъ направленій, смотря по различію личнаго и народнаго темперамента. Или она отличалась по преимуществу эмоціональнымъ характеромъ, или по преимуществу характеромъ интеллектуальнымъ. Сердце требовало болѣе близкаго, болѣе непосредственнаго отношенія къ божеству, чѣмъ позволяла обрядовая религія; вырываясь изъ оковъ обряда и молитвенной формулы, эмоціональныя натуры предавались свободному экстазу и посредствомъ мистическихъ упражненій думали открыть себѣ путь къ таинственному общенію съ божествомъ. Умъ требовалъ болѣе критическаго отношенія къ традиціонному ученію религіи, т. е. соглашенія этого ученія съ законами человѣческой мысли и съ пріобрѣтеніями человѣческаго знанія. Эти требованія ума приводили спекулятивныя натуры къ раціонализму,—къ разсудочной оцѣнкѣ содержанія откровенной религіи и къ постепенному отрицанію сперва того, что передано преданіемъ, а потомъ и самаго откровенія. Оба теченія—и раціоналистическое, и мистическое—иногда идутъ независимо, иногда вступаютъ въ борьбу другъ съ другомъ, иногда, напротивъ, заключаютъ союзъ, иногда переходятъ одно въ другое. Во всякомъ случаѣ, и то, и другое является естественнымъ противникомъ обря-

доваго благоческія и стремится устранить все внѣшнее, все посредствующее между Богомъ и человѣкомъ.

Ближайшее отношеніе къ намъ имѣютъ тѣ формы только-что описанной религіозной эволюціи, которыя она приняла въ *германской* Европѣ. Движеніе противъ религіознаго формализма прошло здѣсь двѣ главныхъ ступени. На первой отрицается церковное преданіе и религію считаютъ возможнымъ построить по непосредственнымъ указаніямъ ея Основателя: на Евангеліи. Эта ступень протеста противъ средневѣкового формализма соотвѣтствуетъ *евангелическому* христіанству германскаго міра. На второй ступени и Евангеліе признается излишнимъ посредникомъ между людьми и Богомъ. Сношеніе съ божествомъ считается возможнымъ устроить непосредственно: «въ Духѣ» поклоняться Богу и въ собственномъ духѣ находить Его отраженіе. Сердце каждаго истиннаго христіанина признается, такимъ образомъ, обиталищемъ св. Духа. На этой ступени вѣра разрываетъ всякую связь съ преданіемъ и съ писаніемъ, слѣдовательно, вообще сходитъ съ почвы положительной, откровенной религіи и превращается въ такъ называемое *духовное* христіанство.

Великое религіозное движеніе германской Европы не осталось безслѣднымъ и для русской жизни; но въ развитіи нашей религіозной мысли эпоха реформаціи представляетъ лишь доисторическій періодъ. Ученіе евангельскаго и даже отчасти духовнаго христіанства явились у насъ въ этотъ періодъ въ очень опредѣленной формулировкѣ; но для массы, только-что переходившей въ это время отъ полнаго язычества къ обрядовому благочестію, эти ученія прошли совершенно незамѣченными. Задѣты были только ближайшія къ западу окраины (Новгородская и Псковская область), въ другихъ же мѣстностяхъ новые взгляды нашли отголосокъ лишь въ немногихъ отзывчивыхъ душахъ. Такъ, въ Москвѣ, лѣкарь изъ Литвы, кальвинистъ или лютеранинъ, смутилъ служилаго человѣка, Матвѣя Башкина, удивившаго вскорѣ своего духовника «недоумѣнными» сужденіями: въ евхаристіи нѣтъ тѣла и крови, а есть простой хлѣбъ и вино; церковь—не есть зданіе, а собраніе вѣрующихъ: иконы—«идолы окаянные»; покаяніемъ не получишь спасенія, а надо перестать грѣшить; молиться надо «единому» Богу Отцу; преданія св. отцовъ—однѣ басни, а рѣшенія вселенскихъ соборовъ—произвольны; только надо вѣрить Евангелію, да Апостолу. Подобныя же мнѣнія привезъ съ родины, изъ Пскова, отъ нѣмецкихъ пасторовъ, извѣстный намъ (см. выше, II), Артемій, троицкій игуменъ; а, побывавъ въ Заволжьѣ, онъ увлекся еще болѣе крайними теоріями. Дѣло въ томъ, что въ Заволжьѣ,

въ бѣлозерскихъ скитахъ сохранялись еще тогда остатки своеобразнаго русскаго раціонализма на реалистической подкладкѣ, распространившагося въ Новгородѣ въ концѣ XV вѣка. Подавленное казнями, движеніе это *) отказалось отъ своихъ крайностей и значительно приблизилось къ точкѣ зрѣнія евангельскаго христіанства. Настоящимъ продолжателемъ его былъ бѣглый холопъ, Θеодосій Косой, самый послѣдовательный и крайній изъ русскихъ «еретиковъ» средины XVI вѣка. Всѣмъ этимъ людямъ не мѣсто было въ тогдашней Россіи. Соборы 1553—1554 гг. ихъ осудили на заточеніе; затѣмъ Артемій и Θеодосій перебрались въ Литву. Непривычная атмосфера религіозной свободы подѣйствовала на нихъ различно. Артемія она испугала, и, въ противоположность крайностямъ своихъ литературныхъ противниковъ, Косаго и Симона Буднаго, онъ сдѣлался защитникомъ умѣреннаго православія. Θеодосій, напротивъ, развилъ свое ученіе въ цѣлую систему, отказавшись только отъ нѣкоторыхъ обломковъ новгородскаго вольномыслія. Нѣкоторыя черты этой системы приближали ученіе Θеодосія къ духовному христіанству. Не ограничиваясь обычной евангельской критикой, онъ объявлялъ своихъ послѣдователей, «принявшихъ духовный разумъ», «сынами божіими», единственными, которымъ «открылась истина»; всѣ же остальные были для него «псами и внѣшними». Впрочемъ, своихъ послѣдователей Косой находилъ во всѣхъ исповѣданіяхъ: «всѣ люди одинаковы передъ Богомъ, и татары, и нѣмцы... Апостолъ Петръ говоритъ: «во всякомъ народѣ боящійся Бога и творящій правду Ему пріятенъ». «Кто нашъ разумъ имѣетъ, то братъ духовный и чадо есть». Поэтому крещенія не надо. Причащенія также не надо, такъ какъ «Христосъ глаголы предалъ, а не тѣло свое, не кровь свою». Не нужно и молиться, такъ какъ въ Евангеліи повелѣно «кланяться духомъ и истиной, а не тѣлесно на землю падать». Отступи отъ неправды—вотъ и молитва. Воздержаніе отъ пищи и брака излишне, потому что «все чисто—чистымъ». Наставниковъ въ общинѣ вѣрующихъ не должно быть, такъ какъ «одинъ наставникъ Христосъ». Имущество подобаетъ приносить въ общину, по образцу первыхъ христіанъ. Властей и войны не должно быть у истинныхъ послѣдователей Христа.

Всѣ эти положенія евангельскаго и духовнаго христіанства мы встрѣтимъ снова много времени спустя послѣ XVI вѣка. Но едва ли можно думать, что онѣ дошли до XVIII и XIX вѣка путемъ живой, устной перадачи. Нѣсколько лицъ, раздѣлявшихъ въ

*) Ересь жидовствующихъ.

Россіи эти взгляды въ эпоху реформаціи, навѣрное не оставили по себѣ преемниковъ; и ихъ ученія сохранились лишь въ пересказѣ опровергавшихъ ихъ полемистовъ. Сами того не ожидая, эти полемисты оказали реформаціоннымъ взглядамъ большую услугу. Полемическія произведенія переписывались и перечитывались долго спустя послѣ того, какъ опровергаемые взгляды перестали существовать; когда же въ XVII в. явились аналогичные взгляды, произведенія старыхъ полемистовъ были приспособлены къ нимъ и вошли въ новые популярные сборники полемическихъ сочиненій. Такимъ образомъ эксплуатированы были для новыхъ цѣлей и полемика Іосифа Волоколамскаго противъ жидовствующихъ, и полемика Зиновія Отенскаго противъ ученій Θеодосія Косого. Благодаря этимъ перепечаткамъ реформаціонные взгляды «еретиковъ» XV и XVI вѣка дожили до того времени, когда ихъ начали понимать и когда явилась возможность ими воспользоваться.

Въ XVI вѣкѣ ни понять, ни примѣнить этихъ теорій, за исключеніемъ ничтожной кучки лицъ, было некому. Даже самые соборы, разбиравшіе и осудившіе мнѣнія «еретиковъ», не подозрѣвали еще ихъ источника и не знали, съ чѣмъ они имѣютъ дѣло. Евангелическія ученія Башкина и Артемія сошли за «латынскую ересь»; оффиціально наша церковь вплоть до 1639 года не отличала протестантскихъ церквей отъ католичества. Правда, уже до Грознаго царя дошли слухи о «люторской ереси» (подъ которой онъ разумѣлъ и всѣ остальныя реформаціонныя ученія). Но, несмотря на то, что въ Москвѣ проживали и лютеране, и кальвинисты, и самъ царь велъ съ ними бесѣды о вѣрѣ и даже нарочно выспрашивалъ ихъ по пунктамъ, свѣдѣнія русскихъ о реформаціи продолжали быть крайне смутными. Происходило это, притомъ, вовсе не оттого, чтобы иностранцы скрывали свою вѣру, а оттого, что русскіе не умѣли о ней спрашивать. Ихъ интересовало въ нѣмецкой вѣрѣ то, что было для нея совсѣмъ не существенно; а что было существенно, того они не могли понять. Царь Иванъ Грозный велѣлъ, напримѣръ, пастору Мартину Нандельштедту изъ Кукейноса написать подробно, «какъ у нихъ живетъ церковная служба, какъ входятъ въ церковь попы служити и какъ въ ризы облачаются», «что на обѣднѣ поютъ... и какъ бываетъ отпускъ пѣнію... и какъ у нихъ звонятъ, во всѣ ли дни равно, или по великимъ праздникамъ господнимъ?» Надо еще замѣтить, что вопросы эти задавались нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того, какъ Иванъ Грозный велъ торжественный богословскій диспутъ съ богемскимъ братомъ, Яномъ Рокитой. И тутъ не обошлось

безъ недоразумѣній: Грозный принялъ Рокиту за лютеранина, и тотъ этимъ самымъ принужденъ былъ свое изложеніе вѣры ограничить общими мѣстами протестантизма Для проповѣдника, ѣхавшаго въ Россію съ мечтой—обратить русскихъ на путь истинной вѣры—это было жестокимъ разочарованіемъ. Но царь Иванъ хотѣлъ добить своего противника окончательно и вручилъ ему передъ прощаніемъ объемистое возраженіе. «Не стоило бы и разговаривать съ псомъ и метать бисеръ передъ свиньями», замѣтилъ царь въ предисловіи къ своему богословскому трактату; но чтобы Рокита не подумалъ, что царю нечего возразить или что онъ не понялъ яда лютеровой ереси, царь опровергалъ общія мѣста Рокиты со свойственнымъ ему многословіемъ. Не обошелъ онъ даже и затронутаго Рокитой вопроса объ оправданіи черезъ вѣру; но рядомъ съ этимъ онъ, повидимому, такъ и остался въ невѣдѣніи, какъ учатъ протестанты о таинствахъ: Рокита объ этомъ молчалъ, а царь не спрашивалъ. Въ сущности, все для царя и для русскихъ того времени рѣшалось тѣмъ соображеніемъ, что Лютеръ отступилъ отъ старой церкви и самозванно присвоилъ себѣ право учительства; о дальнѣйшемъ содержаніи этого учительства нечего было разговаривать. (Если прибавить къ этому то свѣдѣніе, что Лютеръ женился на монахинѣ, то этимъ, пожалуй, и ограничивалось все, что было извѣстно русскому человѣку второй половины XVI в. о религіозныхъ движеніяхъ на Западѣ).

Положеніе мало-по-малу измѣнилось въ теченіе XVII столѣтія. Познакомиться ближе съ протестантствомъ заставили московское правительство семейные интересы царя. Михаилъ Ѳедоровичъ сперва самъ сватался къ племянницѣ Христіана IV датскаго, а потомъ задумалъ выдать свою дочь за его сына. Первое предпріятіе сразу было брошено, когда выяснилось, что невѣста не захочетъ подвергнуться перекрещиванію, которое установилъ русскій соборъ 1620 года относительно переходящихъ въ православіе «латинянъ» (какъ еретиковъ перваго чина). Второе предпріятіе пошло дальше. Королевичъ Вальдемаръ пріѣхалъ въ Москву, и русское правительтво не выпускало его цѣлыхъ два года, надѣясь уговорить на перекрещиваніе путемъ преній о вѣрѣ. Главнымъ руководителемъ этихъ преній выступилъ ключарь Успенскаго собора, Иванъ Насѣдка, сопровождавшій еще первыхъ царскихъ сватовъ въ Данію (1622) и на мѣстѣ ознакомившійся съ практикой лютеранскаго богослуженія. Съ теоріей протестантизма онъ познакомился посредствотъ кальвинистскаго катихизиса (принятаго имъ за лютеранскій) Симона Будного. Напечатанный еще въ 1562 г. въ Литвѣ «для простыхъ людей языка русскаго», этотъ

катихизисъ уже существовалъ въ началѣ XVII в. у насъ въ рукописномъ переложеніи съ западно-русскаго на церковно-славянскій. Вернувшись въ Россію, Насѣдка составилъ для полемическихъ цѣлей обширную компиляцію (такъ назыв. «Изложеніе на лютеры»), лучшая часть которой заимствована была изъ произведеній южно-русской полемической литературы. Собственное участіе Насѣдки въ составленіи трактата выразилось въ бранчивомъ тонѣ нѣкоторыхъ мѣстъ его, въ бсзразборчивомъ пользованіи всякаго рода «божественными писаніями», включая сюда и апокрифы, въ неумѣломъ расположеніи матеріала и, наконецъ, въ преобладаніи внѣшняго, формальнаго взгляда на богословскіе вопросы. Какъ бы то ни было, «Изложеніе на лютеры» познакомило русскую публику съ протестантскимъ вѣроученіемъ; смѣшивать его съ «латинствомъ» теперь уже было невозможно. Въ новомъ изданіи требника (1639) внесенъ былъ новый обстоятельный чинъ отреченія отъ «люторскія ереси», въ которомъ главныя ученія протестантства формулированы были по «Изложенію на лютеры» въ 35 пунктахъ. Конечно, эти проклятія противъ протестантскихъ учителей и ихъ ученій не мало содѣйствовали популяризаціи ихъ въ Россіи. Впрочемъ, и помимо требника, московскій печатный дворъ издалъ въ 40-хъ годахъ нѣсколько сборниковъ, посвященныхъ опроверженію лютеранства и кальвинизма *). Наконецъ, самыя пренія, одно изъ которыхъ было торжественнымъ и публичнымъ, не могли не привлекать вниманія москвичей, а неудачный исходъ ихъ долженъ былъ послужить темой для самыхъ разнообразныхъ толковъ.

Но и помимо этого, такъ сказать, невольнаго ознакоменія русскихъ съ протестантизмомъ, существовала прямая протестантская пропаганда, не оставшаяся безъ послѣдствій. Пропаганда эта исходила изъ присоединеннаго къ Швеціи (1617) финскаго прибрежья, жителей котораго шведское правительстто усиленно старалось обратить въ лютеранство. Уже въ 1614 г. въ Нарвѣ напечатано было «для русскихъ священниковъ и всего прихода въ Ивангородѣ, а также и для другихъ людей той же вѣры, «Краткое изложеніе и наставленіе о христіанской вѣрѣ и богослуженіи въ Швеціи», составленное придворными проповѣдниками шведскаго короля. «Здѣсь изложены кратко и опровергнуты грубѣйшія заблужденія,

*) Сборникъ о поклоненіи иконамъ, напечат. въ 1642 г.; «Кириллова книга», составленная по спеціальному приказанію Михаила Өедоровича, въ ожиданіи преній о вѣрѣ, и изданная въ самый годъ преній (1644); «Книга о вѣрѣ», переведенная съ западно-русской компиляціи кіевскаго игумена Наөанаила съ присоединеніемъ результатовъ преній по вопросу о крещеніи.

какія есть въ религіи русскихъ», говорилось въ самомъ заглавіи книги. Въ 1625 г. заведена была въ Стокгольмѣ славянская типографія, отпечатавшая (1628) русскій переводъ катихизиса Лютера. Съ русской стороны принимались мѣры противъ этой пропаганды: новгородскому воеводѣ, напримѣръ, было приказано даже твердыхъ въ вѣрѣ пришельцевъ изъ-за рубежа не пускать въ Софійскую соборную церковь, а пошатнувшихся и приставшихъ къ лютеранству запрещено было пускать и въ приходскія церкви. Конечно, подобныя мѣры не могли предупредить послѣдствій пропаганды. Вѣроятно, не мало русскихъ жителей, имѣвшихъ сношенія съ зарубежными, раздѣляли взгляды, подобные тѣмъ, которые Олеарій въ 1634 г. открылъ у одного русскаго купца, встрѣченнаго имъ въ Нарвѣ. Показавъ гостямъ славянскую библію, онъ сказалъ имъ: «здѣсь я долженъ искать волю Божію и сообразно съ этимъ поступать»; о постахъ говорилъ: «что толку, если я не ѣмъ мяса, а пользуюсь хорошей рыбой и напиваюсь виномъ и медомъ?» Образамъ онъ не поклонялся и держалъ ихъ только «въ воспоминаніе о святыхъ». «Краску я могу стереть, а дерево сжечь», прибавлялъ онъ; «можно-ли въ этомъ искать спасенія?».

Не менѣе трудно было уберечь и столичное населеніе отъ соприкосновенія съ иностранцами. Въ XVI в. такое соприкосновеніе не представляло опасности для вѣры; другое дѣло въ XVII в., когда сталъ пробуждаться въ самомъ населеніи интересъ къ протестантизму. Съ самаго начала вѣка правительство начинаетъ, поэтому, принимать мѣры предосторожности. Иностранцевъ переводятъ изъ центра Москвы на окраину, ихъ церкви разрушаютъ, сношеніе съ населеніемъ становится для нихъ все болѣе затруднительнымъ; запрещается, наконецъ, имъ держать при себѣ прислугу изъ православныхъ. И несмотря на все это, евангелическое вліяніе проникаетъ въ Москву, вмѣстѣ съ стокгольмскимъ переводомъ Лютерова катихизиса. Какими путями проникали въ столицу евангелическіе взгляды, какъ сближались между собой ихъ сторонники и какъ распространялись ихъ ученія, это лучше всего видно изъ исторіи одного такого кружка, сложившагося въ послѣдніе годы XVII и въ первые годы XVIII столѣтія. Нѣкій цирюльникъ Ѳома Ивановъ, по самому ремеслу своему не чуждый нѣмецкой лѣкарской науки, съ 1693 года пересталъ бывать у исповѣди и причащаться, признавши иконы за идолы, а причастіе—за простые хлѣбъ и вино. Около того же времени двоюродный братъ этого Ѳомы, Дмитрій, прозванный Тверитиновымъ, поступилъ въ аптекарскіе ученики къ лѣкарямъ иноземцамъ и усво-

илъ себѣ тѣ же взгляды. Будучи «отъ натуры остроуменъ», Тверитиновъ не ограничился, какъ Ѳома, приведеніемъ своей жизни въ согласіе съ теоріей. Онъ усердно принялся за выработку новаго взгляда на вѣру и затѣмъ занялся его пропогандой. Запасшись печатнымъ изданіемъ Лютерова катихизиса, рукописной копіей катихизиса Буднаго и библіями острожскаго и московскаго изданія, онъ составилъ обширную выписку библейскихъ изреченій, расположенныхъ систематически по предметамъ протестантскаго отрицанія. Тутъ кстати только что вернулся съ богомолья, изъ Соловецкаго монастыря, братъ жены Дмитрія, и тотъ поспѣшилъ испробовать надъ нимъ силу своихъ доводовъ. Богомольный шуринъ сперва увѣровалъ, но, встрѣтивъ отпоръ въ семьѣ, принялся самъ за библію и сдѣлалъ изъ нея выписку противъ Дмитріевыхъ взглядовъ. Раскаявшись затѣмъ въ своемъ увлеченіи и искупивъ грѣхъ постриженіемъ въ монахи, Пафнутій составилъ изъ своихъ выписокъ книгу «Рожнецъ Духовный». За то вскорѣ у Дмитрія нашелся новый и очень полезный союзникъ. Нѣкто Иванъ Максимовъ въ первыхъ годахъ XVIII в. наслушался протестантскихъ сужденій въ Нарвѣ и въ Москвѣ у шведскихъ пасторовъ. И его, какъ Пафнутія, стали мучить сомнѣнія, но онъ нашелъ изъ нихъ иной исходъ, чѣмъ монашество. Онъ поступилъ въ московскую славяно-греко-латинскую академію и, пробывъ въ ней шесть лѣтъ, дошелъ до философскаго класса. Сомнѣнія его, однако, не только не разсѣялись въ академіи, но еще болѣе укрѣпились. Виновата была, впрочемъ, въ этомъ не академическая наука, а новыя московскія знакомства. Максимовъ столкнулся съ Ѳомой, у котораго брился, и съ его двоюроднымъ братомъ. Тверитиновъ тотчасъ же воспользовался знакомствомъ, чтобы подкрѣпить свои научныя познанія. Максимовъ сталъ ходить къ нему для практики латинскаго языка; «школьнымъ чиномъ» они вели по латыни и по русски диспуты, схоластическая форма которыхъ соединялась съ самымъ животрепещущимъ содержаніемъ: о поклоненіи иконамъ, о нетлѣнія св. мощей, о моленіи за усопшихъ, о таинствѣ пресуществленія и т. д. Диспуты Тверитинова съ Максимовымъ стали привлекать въ квартиру Дмитрія любопытствующихъ и заинтересованныхъ. Нѣкоторые изъ слушателей скоро стали учениками Тверитинова; около него сплотилась община, члены которой были тѣсно связаны между собой и оказывали другъ другу всяческую помощь; одинъ изъ шурьевъ Дмитрія замѣчалъ по этому поводу, что «ученики-де его живутъ во всякомъ довольствѣ, потому что-де они другъ друга снабдѣваютъ; если бы-де и мнѣ къ нимъ склониться, то бы-де и меня обогатили». Но и внѣ этого тѣснаго кружка

молодыхъ друзей Тверитиновъ велъ усердную пропоганду. Бесѣды о вѣрѣ возникали и въ знатныхъ княжескихъ или боярскихъ домахъ, куда Тверитиновъ являлся въ качествѣ лѣкаря, и въ цирюльнѣ Ѳомы на Всесвятскомъ мосту, и даже въ городскихъ рядахъ, передъ купцами. Одинъ изъ нихъ самъ научился латинскимъ «вокабуламъ» и доучивался по латини у Максимова. Смущенный доводами Дмитрія, онъ пришелъ къ нему на квартиру, чтобы собственными глазами прочесть въ библіи указываемыя имъ мѣста. Все было такъ, на мѣстѣ: не повѣрить было нельзя. Такъ, отъ знакомаго къ знакомому, быстро увеличивался кругъ людей, втянутыхъ въ пропаганду, и, по мѣрѣ, увеличенія этого круга пропаганда велась все смѣлѣе и открытѣе. Друзья Тверитинова «имѣли еретическій свой голосъ такъ смѣло, якобы заграничные иноземцы»; и самъ Дмитрій открыто заявилъ: «нынѣ-де у насъ на Москвѣ, слава Богу, повольно всякому,—кто какую вѣру себѣ изберетъ, такую и вѣруетъ».

Послѣдствія почти доказали справедливость этого мнѣнія. Тверитиновъ имѣлъ сильную протекцію, и духовной власти лишь послѣ долгихъ усилій удалось настоять на соборномъ осужденіи его и его сторонниковъ (1711). Въ концѣ концовъ, имъ пришлось покривить душой и отречься отъ своихъ взглядовъ; а Тверитиновъ, кромѣ того, долженъ былъ торжественно проклясть свои ученія въ Успенскомъ соборѣ. Самымъ непримиримымъ оказался Ѳома: онъ взялъ назадъ свое отреченіе и, арестованный, въ Чудовомъ монастырѣ изрубилъ косаремъ икону митроп. Алексѣя: *за это* его сожгли на Красной площади въ срубѣ, не дождавшись общаго приговора.

Въ же состояло ученіе Тверитинова? Самъ онъ называлъ себя и своихъ учениковъ «евангелистами», т.-е. «послѣдующими евангелію» и «не пріемлющими человѣческихъ преданій». Но болѣе свѣдущіе изъ его слушателей не разъ находили, что его проповѣдь «и лютерскому ученію противна»,—что тутъ «горшее иконоборство, нежели въ лютрахъ и кальвинахъ, и нѣкая новая ересь значится». При еще большей освѣдомленности они могли бы найти старые источники и для тѣхъ мнѣній Тверитинова, которыя были не согласны съ лютеранствомъ и кальвинизмомъ. Что тѣло тлѣетъ по смерти и не воскреснетъ, что святые спятъ въ могилѣ безчувственномъ сномъ и не слышатъ обращенныхъ къ нимъ моленій,—это говорили еще русскіе еретики XVI вѣка. Точно также и презрѣніе къ кресту, какъ къ орудію позорной казни Спасителя («шибеницѣ» или висѣлицѣ), обличалось еще Артеміемъ у литовскихъ еретиковъ того же времени. Ученія были не новы, но

новъ былъ духъ, побуждавшій ихъ реставрировать, и въ этомъ отношеніи слушатели Тверитинова были правы, называя его ученіе «новой ересью». Они справедливо подчеркивали ту горячность, съ которой Тверитиновъ переходилъ отъ простого отрицанія къ насмѣшкамъ и хуленіямъ на отрицаемыя имъ ученія. Съ ловкостью настоящаго пропагандиста Тверитиновъ задѣвалъ за живое своихъ православныхъ слушателей и приводилъ ихъ отъ негодованія противъ его выходокъ къ сомнѣніямъ, отъ сомнѣній къ разспросамъ, отъ разспросовъ къ увѣренности въ истинѣ новыхъ взглядовъ. Далеко не всѣ слушатели Тверитинова прошли черезъ всѣ эти стадіи; но, во всякомъ случаѣ, зерно сомнѣнія падало на этотъ разъ на благодарную почву. Плоды проповѣди Тверитинова не были уничтожены его собственнымъ отреченіемъ; «евангелическое христіанство» съ этого времени продолжало существовать въ Россіи въ томъ самомъ видѣ и съ тѣми самыми отклоненіями, которыя намѣтились уже въ XVI столѣтіи. Благодаря этой національной окраскѣ, «новая ересь», дѣйствительно, не подходила подъ названіе «кальвинской», къ которой она стояла всего ближе. Когда понадобилось дать ея послѣдователямъ особое названіе, духовныя власти чаще всего называли ихъ книжнымъ терминомъ «жидовствующихъ», сохранявшимся въ полемической литературѣ XVII вѣка. Въ мнимомъ «жидовствѣ» сохранились евангелическія ученія Тверитинова, вмѣстѣ съ его «тетрадями», до тѣхъ поръ, пока новый порывъ религіозной пропаганды не перевелъ ихъ, въ концѣ XVIII вѣка, въ новую форму.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ дальнѣйшей судьбѣ евангелическаго христіанства въ Россіи, мы должны еще остановиться на возникновеніи въ Россіи «духовнаго христіанства». Собственно говоря, къ духовному христіанству склонялись и наши первые «евангелисты»; но прежде чѣмъ оно успѣло развиться у нихъ изъ ученія, что человѣкъ есть живая церковь, оно появилось у насъ и самостоятельно, изъ вполнѣ національнаго источника. То патологическое состояніе, при которомъ человѣкъ чувствуетъ себя во власти чужой воли, видитъ образы и произноситъ отрывочные слова,—это состояніе давно было извѣстно русскому язычеству, также какъ и способы—вызывать его искусственно; а лица, наиболѣе способныя приходить въ такое состояніе, считались находящимися въ особыхъ сношеніяхъ съ духами. Еще въ эпоху Стоглава,—чтобы не восходить глубже,—являлись въ деревняхъ лживые пророки и пророчицы... тряслись, падали, бились и разсказывали потомъ о разныхъ видѣніяхъ, пророчили будущее. Прежде ихъ видѣнія и пророчества выводились отъ дьявола, или отъ язы-

ческаго бога. Въ концѣ XVII вѣка, подъ вліяніемъ взволновавшихъ массу религіозныхъ смутъ, пророки начинаютъ говорить отъ «Духа Святаго». Одного такого пророка, «мужика Семена» изображаетъ намъ Евфросинъ на сходкѣ самосожигателей 80-хъ годовъ XVII вѣка (см. выше, V). «Егда онъ бываетъ посѣщенъ, то духомъ ударяемъ о землю и во изступленіи полежавъ, извѣщеніе видитъ и, возставъ отъ пораженія, благовѣстіе скажетъ: духъ мой мнѣ вѣщаетъ» и т. д. «Се, отцы, пророкъ, и дѣйствуетъ имъ духъ святъ»,—разсуждали послѣдователи Семена. Идея о вселеніи Бога въ человѣческую душу была не чужда древней русской письменности. Изъ XV столѣтія въ XVI-е и XVII-е переходитъ увѣренность, что кто будетъ постоянно твердить Іисусову молитву, у того въ сердцѣ вселится и Отецъ, и Сынъ и Духъ Святой. Сектантъ XIX столѣтія (Радаевъ) совѣтуетъ для воплощенія Сына Божія въ человѣкѣ, то же самое древне-русское средство,—безпрестанное повтореніе Іисусовой молитвы. Конечно, секстантскій смыслъ идея вселенія Бога въ человѣка получила только со времени появленія на Руси духовнаго христіанства.

По всѣмъ признакамъ можно думать, что непрерывную традицію духовнаго христіанства слѣдуетъ возводить къ тому же времени, какъ и евангельскаго христіанства, т. е. къ концу XVII столѣтія. Была догадка, что и тутъ толчокъ къ появленію новой секты данъ былъ иностранцемъ,—нѣкіимъ Квириномъ Кульманомъ, пріѣхавшимъ въ 1689 г. въ Россію пророчествовать о своихъ мистическихъ видѣніяхъ. Дѣйствительно, у наивнаго нѣмецкаго энтузіазта, мечтавшаго съ помощью Москвы водворить на землѣ единую церковь, въ которой не будетъ ни властей, ни имущества,—оказалось въ нѣмецкой слободѣ десятка три единомышленниковъ, подобно ему раздѣлявшихъ ученія мистика Якова Бема. Но черезъ полгода Кульманъ былъ сожженъ; московскіе «бемисты», молчавшіе о своихъ взглядахъ до его пріѣзда, еще болѣе присмирѣли послѣ казни. Русское духовное христіанство въ это самое время создавалось вдалекѣ отъ столицы, и его первоначальное содержаніе едва-ли соотвѣтствовало взглядамъ сторонниковъ тысячнаго «іезуелитскаго» царства. Общее тѣмъ и другимъ было ожиданіе скорой кончины міра, но Кульманъ ожидалъ наступленія своего тысячнаго царства еще черезъ два съ половиной вѣка, тогда какъ на Руси свѣтопреставленія ждали со дня на день. Въ этой обстановкѣ, въ которой сложилась безпоповщина, получило свое начало и духовное христіанство. Его родоначальникомъ былъ современникъ и, вѣроятно, подвижникъ «мученикъ Семенъ», о которомъ повѣствуетъ Евфросинъ; и мѣсто зарожденія новой

секты находилось недалеко отъ Романовскаго и Пошехонскаго уѣздовъ, въ которыхъ шла усиленная проповѣдь самосожженія. Одинъ изъ учениковъ того самаго черңеца Капитона, отъ котораго, по Ерфросину, пошла проповѣдь самосожженія, является въ преданіяхъ своихъ послѣдователей основателемъ *христовщины* (или хлыстовщины).

Хлыстовская легенда не сохранила достовѣрныхъ воспоминаній о первыхъ временахъ существованія секты; но она хорошо запомнила то нравственное состояніе, въ которомъ находились вѣрующіе люди на Руси въ моментъ ея появленія. Вѣра Христова, по этой легендѣ, уже триста лѣтъ, какъ падала; народился и антихристъ отъ монашескаго чина и окончательно истребилъ на землѣ всю вѣру. Люди спорили о книгахъ, по какимъ книгамъ спастись можно: одни говорили по старымъ, другіе по новымъ. Въ Костромской губерніи жилъ тогда святой человѣкъ, Данило Филипповичъ, у котораго много было старообрядческихъ книгъ. Онъ и разрѣшилъ, наконецъ, безполезный споръ новымъ открытіемъ: ни старыхъ, ни новыхъ книгъ для спасенія не нужно, а нужна одна «книга золотая, книга животная, книга голубиная—самъ сударь Духъ Святой». И собралъ онъ всѣ свои книги въ куль и бросилъ въ Волгу. Собрались тогда «Божіи люди» и рѣшили выбрать изъ своей среды умныхъ людей и послать ихъ звать на землю самого Господа Бога. Пришли умные люди на святое мѣсто, стали плакать и молиться и просить Бога на землю. И по ихъ молитвѣ совершилось великое чудо: въ Стародубской волости, въ Егорьевскомъ приходѣ, на гору Городину «сокатилъ среди облаковъ на огненной колесницѣ самъ Господь Богъ Саваоѳъ и вселился въ пречистую плоть Данилы Филиппыча». Свѣдалъ про то патріархъ Никонъ и посадилъ «превышняго Бога» Данилу въ темницу. Но тогда настала по всей землѣ мгла и продолжалась до тѣхъ поръ, пока не отпустили Данилы Филиппыча домой, въ Кострому. Вернувшись, онъ далъ тамъ людямъ свои двѣнадцать заповѣдей.

Нельзя не видѣть, какъ тѣсно переплетаются въ этой легендѣ чисто раскольническіе мотивы съ мотивами «духовнаго христіанства». Данило Филипповичъ, бросившій старыя книги въ воду и перешедшій къ проповѣди живого Духа, является самымъ подходящимъ символомъ для секты, послужившей переходной ступенью отъ безпоповщины къ позднѣйшему, болѣе чистому духовному христіанству. Русское евангелическое христіанство, какъ мы видѣли, вышло изъ рукъ людей, умѣвшихъ по-латыни, «школьнымъ чиномъ», защищать лютеранскіе и кальвинистскіе аргументы: естественно, что это ученіе является сразу такъ хорошо систематизи-

рованнымъ и развитымъ, что, превращаясь потомъ въ народную вѣру, оно могло только потерять въ содержательности. Наоборотъ, духовное христіанство возникаетъ изъ чисто-народныхъ слоевъ: понятно, что въ первое время оно сохраняетъ въ себѣ черты стараго народнаго міровоззрѣнія и современныхъ ему раскольническихъ толковъ. «Двѣнадцать заповѣдей» Данилы Филипповича ближе всего напоминаютъ тѣ ученія, которыя приняты были безпоповщинской общиной на Выгу около 1700 года. Такія постановленія, какъ «холостые не женитесь, женатые разженитесь, вина и пива не пейте, на крестины и свадьбы и веселыя бесѣды не ходите, не воруйте, не бранитесь»,—постановленія, постоянно повторявшіяся на хлыстовскихъ радѣніяхъ,—буквально въ тѣхъ же выраженіяхъ были приняты и въ общинѣ Андрея Денисова. Съ другой стороны, пророки и радѣнія хлыстовщины, если и не произошли прямо отъ языческихъ волхвовъ и празднествъ, какъ утверждалъ Щаповъ, то, во всякомъ случаѣ, въ глазахъ народа могли напоминать двоевѣрную старину. Не даромъ хлыстовскимъ пророкамъ и пророчицамъ приходилось предсказывать крестьянамъ погоду, урожай или уловъ рыбы; не даромъ также хлыстовскія радѣнія зачастую кончались въ ту пору «свальнымъ грѣхомъ». Все это было знакомо и привычно народной массѣ.

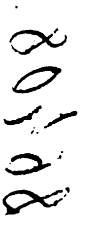
Соотвѣтственно этому происхожденію хлыстовщины—обрядовая сторона была первою, которая была разработана въ сектѣ; гораздо позже, вѣроятно, уже въ нашемъ столѣтіи, подверглось болѣе подробной разработкѣ самое ученіе духовнаго христіанства. Только несовершенствомъ теоретической разработки и можно объяснить то іерархическое различіе между членами, съ которымъ хлыстовская община является уже въ первыхъ извѣстіяхъ о ней. Ходитъ по селамъ «нѣкій мужикъ», именуетъ себя Христомъ и принимаетъ себѣ поклоненіе; при немъ «дѣвица краснолична, и зоветъ ее своей матерью, а вѣрующіе въ него зовутъ ее богородицей». «И идетъ же тотъ лжехристосъ и апостоловъ 12». Такъ разсказываетъ о хлыстовщинѣ Дмитрій Ростовскій въ своемъ «Розыскѣ», составлявшемся въ первыхъ годахъ XVIII вѣка. Мужикъ-Христосъ былъ извѣстный Иванъ Тимоѳеевичъ Сусловъ, усыновленный Богомъ Саваоѳомъ—Данилой. Послѣ его смерти роль Христа перешла къ нижегородскому стрѣльцу Прокопію Лупкину, отставленному отъ службы «за подучей болѣзнію». Ниже Христа и Богородицы стояли «пророки» и «пророчицы»; это званіе могъ принять на себя всякій, научившійся «ходить въ кругѣ» во время радѣній и этимъ доказавшій въ себѣ присутствіе Духа. Остальные члены общины только чаяли получить себѣ Духа и безусловно подчинялись ве-

леніямъ, которыя диктовалъ Духъ «кормщику» хлыстовскаго «корабля». Во время радѣній они составляли хоръ, пѣвшій хлыстовскія пѣсни. Одною изъ нихъ, призывавшей въ собранія Духа и носившей названіе молитвы Господней, обязательно начинаются радѣнія; другія, сначала медленныя и жалостныя, потомъ переходящія въ веселое allegro и бурное presto, сопровождаютъ ритмическія движенія вертящагося пророка и собственныя движенія хора. Въ результатѣ этихъ движеній, продолжающихся до полнаго изнеможенія и до истерическихъ припадковъ, Духъ «накатываетъ» на весь корабль и пророкъ начинаетъ пророчествовать сперва всему кораблю общую «судьбу», а потомъ частную судьбу каждому члену отдѣльно. Обстановка культа особенно тѣсно связываетъ хлыстовщину съ ея прошлымъ. Бѣлыя рубахи и зажженныя свѣчи какъ будто напоминаютъ ожиданія свѣтопреставленія первыми раскольниками; болѣе старыя пѣсни и по формѣ, и по содержанію примыкаютъ къ народной поэзіи, служа проводникомъ народныхъ воззрѣній на страшный судъ, на райскія мѣста и т. п. Прибавимъ кстати, что двуперстное крестное знаменіе и осьмиконечный крестъ, употребляемые хлыстами, также напоминаютъ о происхожденіи секты.

Надо думать, что именно интересъ, представляемый культомъ, быстро привлекъ къ хлыстовщинѣ многочисленныхъ приверженцевъ. Въ первыя тридцать лѣтъ, при Сусловѣ и Лупкинѣ, хлыстовщина пустила корни въ Москвѣ и имѣла нѣсколько кораблей. Къ первому судебному процессу, начатому противъ хлыстовъ въ 1733 году, привлечено было до 50 послѣдователей секты; а во время второго процесса 1745 — 1752 годовъ число подсудимыхъ доходило уже до 416, да сверхъ того насчитывалось около 167 хлыстовъ, укрывшихся отъ слѣдствія. Кромѣ четырехъ хлыстовскихъ кораблей въ Москвѣ (потомъ число ихъ возрасло до 8-ми), существовало не мало общинъ въ провинціи, особенно въ Поволжьѣ, откуда вышла хлыстовщина. Послѣдній процессъ нанесъ тяжелый ударъ сектѣ, но вовсе не прекратилъ ея существованія. Для послѣдователей хлыстовщины онъ только послужилъ урокомъ, изъ котораго они вывели важныя для себя заключенія. На разгромъ своихъ кораблей они посмотрѣли, какъ на наказаніе Божіе за раздоры между пророками и за отклоненіе отъ истиннаго пути къ спасенію. Дѣло въ томъ, что, начавши съ проповѣди воздержности и аскетизма, сектанты кончили совсѣмъ другимъ. Безпоповщинскій взглядъ на бракъ соединился у нихъ со взглядомъ на внѣбрачныя отношенія духовнаго христіанства. Бракъ есть блудъ; внѣбрачныя отношенія—«христова любовь». При дальнѣй-

шемъ развитіи ученія явилось и антиномистическое оправданіе этого взгляда: разъ Духъ руководитъ человѣческой волей, человѣкъ уже не отвѣтственъ за свои поступки и не подчиняется внѣшнимъ предписаніямъ закона и морали. Притомъ же, удовлетвореніе желаній плоти есть тоже путь—и даже кратчайшій —къ ея умерщвленію. Противъ этой-то распущенности хлыстовства возникаетъ въ средѣ самихъ хлыстовъ протестъ во имя строгихъ требованій аскетизма.

Въ духѣ старыхъ русскихъ книжниковъ хлыстовскіе протестанты рѣшаютъ, что все зло, всѣ препятствія къ спасенію души заключаются въ женщинѣ. Женская «лѣпость (т. е. красота) весь свѣтъ поѣдаетъ, и къ Богу идти не пущаетъ». Противъ этой «лѣпости» недѣйствительны никакія средства, и остается только одно—лишить людей самой возможности грѣшить. Съ этой проповѣдью выступаетъ въ концѣ 60-хъ годовъ XVII вѣка основатель новой «скопческой» секты, Кондратій Селивановъ. Встрѣченный враждебно хлыстовскими пророками, потомъ признанный за «Бога» знаменитой пророчицей Анной Романовной въ кораблѣ самой «Богородицы» хлыстовской Акулины Ивановны, Селивановъ началъ довольно успѣшно вербовать себѣ приверженцевъ среди хлыстовъ Тамбовской и Орловской, Калужской и Тульской, а затѣмъ и Московской губерній. Начиная свою проповѣдь, Селивановъ хотѣлъ только дополнить своимъ новымъ «крещеніемъ» старое ученіе хлыстовъ и не думалъ отъ нихъ отдѣляться; но само собой вышло такъ, что скопчество сперва стало своего рода монашескимъ орденомъ среди хлыстовской общины, а потомъ и вовсе отъ него отдѣлилось, взявши отъ него гораздо больше, чѣмъ само могло ему дать. Разбросанная повсюду и гораздо менѣе численная, чѣмъ хлысты, скопческая секта естественно сгруппировалась около своего «Бога», управлявшаго, по возвращеніи изъ сибирской ссылки (1775 — 1796) всѣми русскими скопцами до самой своей смерти (1832). Получивши, такимъ образовъ, гораздо болѣе прочную организацію и болѣе централизованная, чѣмъ хлыстовщина,— скопческая секта какъ бы застыла въ своемъ религіозномъ ученіи. Знаменитое посланіе Селиванова къ братушкамъ вертится все на той же мысли о вредѣ «лѣпости», которою вызвано было самое возникновеніе секты. Селивановъ, правда, принялъ на себя, кромѣ званія «Бога», еще званіе «царя», назвался Петромъ III Ѳедоровичемъ и обѣщалъ послѣдователямъ водворить въ Питерѣ свое земное царство. Такимъ образомъ, въ ученіе скопчества введенъ былъ новый, политическій элементъ. Но ученіе о Духѣ оставалось такимъ же неразвитымъ, какимъ оно было въ моментъ



образованія скопческой секты. Болѣе способны были къ внутреннему развитію ученія хлыстовскіе корабли, руководимые безконтрольно каждый своимъ кормщикомъ и своими самозванными пророками (кормщики скопческіе *назначались* или, по крайней мѣрѣ, утверждались въ своемъ званіи Селивановымъ). Бóльшей свободѣ соотвѣтствовало и большее разнообразіе теорій и культа въ различныхъ хлыстовскихъ корабляхъ.

Подъ вліяніемъ общаго оживленія интереса къ духовному христіанству, съ начала XIX вѣка, двинулось дальше и развитіе ученій скопчества и хлыстовщины. Но это было уже результатомъ воздѣйствія со стороны, и прежде чѣмъ начались эти попытки преобразованія старыхъ сектъ въ новомъ духѣ, духовное христіанство нашло себѣ новое религіозное выраженіе. Промежуточная роль хлыстовщины между безпоповствомъ и духовнымъ христіанствомъ была сыграна уже къ тому времени, когда возникало скопчество. Въ общей связи русскихъ религіозныхъ движеній скопчество оказалось, такимъ образомъ, явленіемъ запоздалымъ: на сцену выступила одновременно съ нимъ новая секта, представлявшая ученія духовнаго христіанства въ гораздо болѣе чистомъ видѣ, совершенно независимомъ отъ старообрядческихъ воспоминаній, хотя и несовсѣмъ независимомъ отъ самой хлыстовщины. Мы разумѣемъ секту «духоборцевъ».

Происхожденіе духоборческой секты остается до сихъ поръ очень темнымъ. Мы имѣемъ свѣдѣнія, что въ 1740—1750 гг. бродилъ по Харьковской губерніи какой-то прусскій унтеръ-офицеръ. «Думаютъ, что сей иностранецъ былъ квакеръ, потому что образъ его жизни и правила, какія онъ проповѣдывалъ, совершенно согласны съ духомъ ученія квакерскаго», замѣчаетъ старый изслѣдователь духоборства, Новицкій. Черезъ самый короткій промежутокъ времени духоборческія ученія обнаруживаются на югѣ, а затѣмъ и на сѣверѣ отъ этого предполагаемаго центра духоборческой пропаганды: въ Екатеринославской и въ Тамбовской губерніяхъ. Можно думать, что разница мѣстныхъ условій, сразу внесла и разницу въ оттѣнкахъ пониманія духовнаго христіанства тамъ и здѣсь. Проповѣдникъ тамбовскаго духоборчества, Илларіонъ Побирохинъ, выступаетъ передъ нами въ роли сына Божія, окруженнаго 12-ю «архангелами» и призваннаго судить вселенную. Въ этихъ чертахъ нельзя не видѣть отраженія хлыстовскихъ взглядовъ. Такимъ образомъ, мы вправѣ предположить, что тамбовское духовное христіанство развилось въ той же средѣ, которая въ это самое время выдѣлила изъ себя первыхъ послѣдователей скопчества. Напротивъ, среди украинскихъ духоборцевъ съ самаго

начала мы встрѣчаемъ болѣе одухотворенное пониманіе новыхъ ученій. Патріархъ екатеринославскихъ, а можетъ быть и вообще русскихъ духоборцевъ, Силуанъ Колесниковъ, былъ человѣкъ книжный и кое-что зналъ, повидимому, объ ученіяхъ западныхъ мистиковъ. Нельзя не замѣтить, что ко времени образованія духоборства (60-е — 90-е годы) относится и живая, простонародная проповѣдь знаменитаго украинскаго философа и мистика Григорія Савича Сковороды. Не принадлежа самъ ни къ какой сектѣ и не разрывая открыто съ церковью, Сковорода въ душѣ былъ сектантомъ и взгляды его, за исключеніемъ развѣ ученія о предсуществованіи душъ, совершенно совпадали со взглядами духоборцевъ. Въ интимныхъ письмахъ къ двумъ - тремъ друзьямъ онъ прямо называлъ себя «абраамитомъ»—ученіе чешскихъ деистовъ XVI вѣка, весьма близкихъ къ нашему духоборчеству. «Пусть занимаются, кто чѣмъ хочетъ», писалъ онъ ближайшему другу, «а я всего себя посвятилъ исканію божественной мудрости. Для этого мы рождены, этимъ я живу, объ этомъ день и ночь думаю, и съ этимъ умру». И дѣйствительно, всѣ сочиненія Сковороды, очень цѣнимыя нашими сектантами, есть не болѣе, какъ одушевленная пропаганда духовнаго христіанства. «Многіе ищутъ Христа въ монархіи Августа и Тиберія, волочатся по Іерусалимамъ, по Іорданамъ, по Виѳлеемамъ: здѣсь Христосъ, кричатъ другъ другу. Знаю, кричитъ имъ ангелъ, Христа распятаго ищете. Нѣтъ его тутъ! И ищутъ въ высокихъ мірскихъ честяхъ, въ великолѣпныхъ домахъ, въ церемоніальныхъ столахъ... ищутъ, зѣвая по голубому звѣздному своду, по солнцу, по лунѣ, по всѣмъ Коперниковымъ мірамъ... Нѣтъ, и тутъ нѣтъ! Ищутъ въ долгихъ моленіяхъ, въ постахъ, въ священническихъ обрядахъ... не здѣсь! Такъ гдѣ же онъ? Навѣрное ужъ тутъ, гдѣ витійствуютъ въ проповѣдяхъ, узнаютъ пророческія тайны?.. Нѣтъ, и не здѣсь... Несчастный книжникъ, читалъ пророковъ, искалъ человѣка, а попалъ на мертвеца и самъ съ нимъ пропалъ... Нѣтъ Христа въ царствѣ мертвецовъ; онъ всегда живъ, тамъ его ищите». «Если прежде не сыщете внутри себя, безъ пользы искать будете въ другихъ мѣстахъ». Всегда, «во всѣхъ вѣкахъ и народахъ», неумолчно гремѣлъ Его голосъ въ сердцѣ каждаго, кто не згасилъ въ себѣ искры Божества плотскими пристрастіями. Сатана посѣялъ «сѣмя злыхъ дѣлъ» въ людскихъ сердцахъ, внушивъ имъ злыя желанія. Стремленіе осуществить эти желанія порабощаетъ насъ плоти и тушитъ Божественный огонь; напротивъ, побѣждая плоть, духъ «возносится отъ раболѣпной вещественной природы къ вышней господственной натурѣ, къ родному своему и безна-

чальному началу». Очистившись въ этомъ соприкосновеніи, душа «увольняется отъ тѣлесной земли и землянаго тѣла» и «изъ тѣлесныхъ границъ вещества вылетаетъ на свободу духа». Внутренній духъ есть единственное, что дѣйствительно существуетъ; все внѣшнее, доступное чувствамъ, есть преходящая тѣнь, водный потокъ, безпрерывно измѣняющійся; и наше пребываніе въ мірѣ есть странствіе путника, — «шествіе рода Израильскаго въ землю обѣтованную». «Израильскій родъ», — потомки Авраама, усмотрѣвшаго впервые истину сквозь плотское покрывало, — это тѣ люди, которые познали въ себѣ духъ, или что то же, познали, обрѣли самихъ себя Такіе люди рѣже встрѣчаются, чѣмъ бѣлые вороны; ихъ надо искать съ Діогеновымъ фонаремъ. Къ ихъ числу принадлежатъ, всѣ познавшіе истину, къ какой бы вѣрѣ и націи они ни принадлежали. Къ нимъ причислялъ себя и самъ Сковорода, сравнивавшій свой внутренній голосъ съ «геніемъ» Сократа и безусловно повиновавшійся всему, что «велитъ» ему духъ. Ближайшіе друзья, да и самъ Сковорода, готовы были принимать велѣнія этого духа за пророчества. Не чуждо было Сковородѣ и то мистическое ощущеніе внутренняго огня, которое убѣждало духовныхъ христіанъ всѣхъ временъ въ томъ, что въ душѣ ихъ присутствуетъ «духъ Божій». Послѣ одного изъ такихъ экстазовъ Сковорода окончательно увѣровалъ въ свое призваніе. Какъ онъ относился ко внѣшнимъ формамъ христіанства, нѣтъ надобности разъяснять подробно послѣ всего сказаннаго. Только снисходя къ «совѣсти слабыхъ», онъ рѣшился исполнить христіанскіе обряды передъ кончиной. Писаніе онъ толковалъ по «духовному разуму», «усматривая Сущаго сквозь буквальный смыслъ». Библія вся состоитъ, по его мнѣнію изъ «картинъ» и «фигуръ», которыя надо понимать духовно и толковать аллегорически.

Теперь мы перейдемъ къ изложенію оффиціальнаго исповѣданія екатеринославскихъ духоборцовъ, представленнаго ими, во время тюремнаго заключенія, губернатору Каховскому въ 1791 году. Тождество идей этого замѣчательнаго документа съ теоріями Сковороды несомнѣнно; и, тѣмъ не менѣе, трудно доказать, чтобы тутъ было прямое заимствованіе. Всего вѣроятнѣе предположить, что со времени составленія исповѣданія, развитыя въ немъ идеи не составляли уже индивидуальныхъ взглядовъ составителей, а болѣе или менѣе усвоены были всѣми украинскими духовными христіанами. «Въ языкѣ сильно мы косны и на бумагѣ тоже не управились», такъ заканчиваютъ составители свой документъ; «писатели дороги, да въ темницѣ сидящимъ намъ и искать ихъ неудобно: потому и мало стройно это показаніе наше.

Видя то, всепокорно просимъ за непорядокъ мыслей, за неясность, за неполноту объясненій, за нескладочность въ рѣчахъ, за нечистоту словъ не взыскивать строго съ насъ малограмотныхъ. Грубо-ль гдѣ одѣли мы здѣсь вѣчную истину и тѣмъ опятнили лице ея, просимъ не возгнушаться по этой причинѣ ею, которая сама по себѣ во вѣкъ прекрасна». Изъ этого признанія уже видно, что у составителей не было недостатка ни въ природномъ краснорѣчіи, ни даже въ умѣньѣ литературно выразиться. Если ихъ произведенію и не хватаетъ стройности и систематичности изложенія, то, во всякомъ случаѣ, излагаемыя мысли составляютъ очень стройную и цѣльную систему, не лишенную даже нѣкотораго философскаго обоснованія въ духѣ древняго гностицизма (этой черты мы не найдемъ у самого Сковороды). По ученію духоборцевъ, души человѣческія созданы до рожденія людей, по образу и подобію Божію, т.-е. святой Троицы. Умъ, память и воля—таковы тѣ три стихіи души, сливающіяся въ одно существо, которыя составляютъ въ душѣ образъ Божій и дѣлаютъ душу причастной тріединому Божеству *). Но часть душъ согрѣшила, отпала отъ Бога еще до созданія міра, и за это Богъ низвергнулъ ихъ въ матеріальный міръ, «отнялъ у насъ память—чувствовать, чѣмъ мы были прежде», и предоставилъ нашу волю самой себѣ, т. е. всѣмъ соблазнамъ зла. Такимъ образомъ, «тѣло, плоть человѣческая есть временная тюрьма», «херувимъ, преграждающій путь къ древу жизни». Пребываніе въ этой тюрьмѣ должно имѣть одну задачу: возстановить въ себѣ образъ Божій и этимъ освободиться отъ оковъ исторіи. Плоть, облекающая душу, это жидкая вода; жизнь въ мірѣ—это кипѣніе воды въ котлѣ; а цѣль жизни—«перечищеніе въ чистый спиртъ вѣчный». Поэтому, «всякое пристрастіе къ чему-либо въ мірѣ—есть засѣмененіе зла въ плоти»—и еще болѣе низкое погруженіе души въ міръ, въ матерію. Первые люди въ мірѣ, несмотря на свое паденіе, не нуждались еще «ни въ какихъ внѣшнихъ обрядахъ и учрежденіяхъ, кромѣ духа разума въ душѣ»,—такъ какъ Духъ святой непосредственно просвѣщалъ ихъ; это были истинные «люди Божіи», родъ Авеля. Но съ самаго начала «сыны погибели», потомки Каина, начали гнать и продавать Авелевъ родъ, «разсѣянный во всемъ мірѣ подъ разными титлами исповѣданій». Въ мораль-

*) Это послѣднее ученіе встрѣчается въ русской литературѣ въ возраженіяхъ Сильвестра Медвѣдева нѣкоему Яну Бѣлободскому, кандидату на каѳедру въ славяно-греко-латинской академіи, довольно долго распространявшему въ Москвѣ свои кальвинистскія идеи.

номъ смыслѣ борьба Каина съ Авелемъ означаетъ также борьбу плоти съ духомъ. Люди съ теченіемъ времени «растлились и омерзились», благодаря побѣдѣ плоти; тогда стали необходимы для нихъ и внѣшнія формы. Пристрастіе къ удовольствіямъ жизни вызвало, вмѣсто прежней любви, борьбу между людьми: «мудрѣйшіе, видя это, и судя, что нельзя членамъ такого общества устоять самимъ по себѣ, — учредили на нихъ различныя власти, удерживающія безпутства ихъ». Однако же, эти внѣшніе «законы царей—злости злыхъ истребить не сильны»; они только «удерживаютъ малѣйшую часть» этой злости отъ публичнаго обнаруженія. Если бы не было законовъ, «какъ псы загрызлись бы вдругъ человѣки, и сильнѣйшіе немощныхъ передушили бы». То же паденіе внутренней жизни вызвало, наряду съ закономъ гражданскимъ, и устройство закона церковнаго. То, что должно было бы заключаться внутри человѣка, въ духѣ и вѣрѣ, перешло во внѣшнюю формулу: въ писаніе и обрядъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ начались и всевозможныя раздѣленія изъ-за формъ, образовались различныя церкви. Наконецъ, духовная премудрость, любовь и благость, разлитая въ началѣ «въ натурѣ міра» *), воплотилась во внѣшнемъ явленіи Сына Божія, Іисуса Христа. Впрочемъ, Христосъ «сходитъ внутрь» каждаго изъ людей Божіихъ «благовѣстіемъ Гавріиловымъ и засѣменяется въ нихъ духовно, яко въ Маріи» **). Вся земная жизнь Іисуса есть прообразъ постепеннаго внутренняго обновленія каждаго изъ насъ, — постепеннаго сліянія каждаго съ божественнымъ естествомъ и превращенія въ «цѣлаго совершеннаго новаго человѣка Іисуса». Вмѣстѣ съ этимъ обновленіемъ для людей Божіихъ становятся излишни всѣ внѣшнія проявленія гражданскаго и церковнаго закона. «Въ чьемъ сердцѣ въ полуденномъ свѣтѣ взойдетъ солнце вѣчной правды, тамъ перестаютъ свѣтить луна и звѣзды,—тамъ истинно ненужны для чадъ Божіихъ ни цари, ни власти, ни какіе бы то ни были человѣческіе законы. Іисусомъ Христомъ воля ихъ учинена свободной отъ всѣхъ законовъ; праведнику никоновъ законъ

*) «Для чего ты боишься назвать Бога натурою?» спрашиваетъ Сковорода; «натура не только означаетъ всякое рождаемое и измѣняющее вещество, но и тайную экономію той вѣчной и премудрой силы, которая имѣетъ свой центръ вездѣ, а периферію—нигдѣ, и которой дѣйствіе называется тайнымъ закономъ, по всей матеріи разлитымъ, безъ границы пространства и времени».

**) Здѣсь опять вспоминаются слова Сковороды: «возблаговѣстилъ Гавріилъ... посланникомъ есмь не ко единой Дѣвѣ Маріи, но ко всей вселенной, всѣхъ зачавшихъ во утробѣ своей и вмѣстившихъ въ сердцѣ своемъ духъ заповѣдей Господнихъ, посѣщаю» и т. д.

не положенъ». Люди Божіи стоятъ также выше церковной внѣшности, выше вѣроисповѣдныхъ различій: они суть члены невидимой, во всемъ мірѣ единой церкви. «Іисусъ позволяетъ» имъ «входить во храмы папски-ль, гречески-ль, лютеровы-ль, кальвиновы-ль»; въ сущности, сами они живые храмы, по словамъ ап. Павла. «Всякій изъ насъ», говорится въ исповѣданіи, «омываться можетъ въ дому духа своего, дабы не ходить далеко къ купели Іерусалимской». Естественно, что ни писаніе, ни таинства, ни обряды для нихъ уже не обязательны: и то, и другое имѣетъ для нихъ внутренній, духовный смыслъ. И писаніе, и обряды суть только «знаки» и «образы», «картины» и «фигуры». Подчиняться имъ, не имѣя внутренняго душевнаго содержанія, т. е. любви къ Богу и ближайшимъ,—значитъ «лицемѣрить»; а при живой сердечной любви всѣ эти внѣшнія обнаруженія излишни. «Церемонія возлѣ благочестія есть то, что на зернахъ шелуха или при доброжелательствѣ комплименты» — такъ поясняетъ эту мысль Сковорода. Къ иносказательному толкованію Библіи пріучилъ духоборцевъ уже Колесниковъ. «Сколько время отъ трудовъ по хозяйству дозволяло, любили мы читать, слушать и одинъ другому пересказывать слово Божіе *исторіально*, *образно*, сколько Господь давалъ, и *умно*», сообщаютъ авторы исповѣданія. Примѣры этихъ «историческихъ, аллегорическихъ, аналогическихъ и моральныхъ» толкованій Писанія мы уже видѣли выше.

Естественно, какъ должны были смотрѣть духоборцы на весь остальной міръ и на свое собственное состояніе до принятія ученія секты. «Родились мы; надъ каждымъ изъ насъ совершили наружный христіанскій обрядъ: потомъ мы росли, выросли и состарѣлись: всю жизнь ходили въ церковь, и что же? Правду скажемъ,— стояли мы въ ней со скукой, какъ и прочіе, не понимая труднаго и неудобопонятнаго книжнаго слога, особенно въ быстромъ и спутанномъ произношеніи. Такъ ведутся къ Богу милліоны душъ. Отъ стоянія въ церквахъ умъ нашъ ничуть не приходилъ къ познанію себя, Бога и его святой воли; и пребывали мы, какъ и многіе сыны міра, въ слѣпотѣ, не раскаиваясь во всемъ зломъ. Теперь же, начавъ ходить въ (свое) собраніе, слушая тамъ слово Божіе ясно разсказываемое, постепенно входя въ его пониманіе, мы съ несказаннымъ удивленіемъ увидали Бога и Его святую волю и уже сознательно молились, да поможетъ намъ Господь, отрекшись отъ себя, т. е. отъ злой воли нашей, слѣдовать впредь Его благой волѣ... Теперь, войдя въ церковь, мы и тамъ больше прежняго понимаемъ изъ читаемаго и видимъ, что церковное чтеніе лишь для тѣхъ не скучно, кто научился понимать его дома...

О, сколь лучше сдѣлали бы люди, если бы рѣшились потратить сотни на разъясненіе намъ насъ самихъ, строя міра и святого слова Божія, чѣмъ терять тысячи на сооруженіе великихъ каменныхъ храмовъ и на ихъ великолѣпныя украшенія».

Если скопческую проповѣдь аскетизма мы признали выше явленіемъ запоздалымъ въ общемъ ходѣ развитія русской народной вѣры, то мистическую систему украинскихъ духоборцевъ нельзя не признать явленіемъ, значительно опередившимъ свое время. Духовное христіанство выставило въ екатеринославскомъ исповѣданіи свой идеалъ, достиженіе котораго принадлежало будущему. Разница между идеаломъ и дѣйствительностью была еще настолько велика, что самый этотъ идеалъ не могъ уцѣлѣть во всей своей неприкосновенности. Прежде чѣмъ до него подняться, пришлось его приспособить къ среднему уровню тогдашняго сектантства. Вотъ почему въ дальнѣйшемъ мы увидимъ понятное движеніе: рядъ компромиссовъ только-что выставленнаго идеала со старыми сектантскими воззрѣніями. По отношенію къ высокому умственному и нравственному уровню екатеринославскаго исповѣданія это былъ цѣлый рядъ паденій и отклоненій. По отношенію къ прежнимъ взглядамъ сектантовъ, усвоивавшихъ себѣ новое ученіе въ упрощенной формѣ, это былъ, все-таки, прогрессъ.

Начало уклоненій отъ строгаго духоборческаго ученія мы можемъ прослѣдить, прежде всего, въ самомъ духоборствѣ. Мы уже говорили выше, что тамбовскіе послѣдователи секты усвоили кое-какія черты, не соотвѣтствующія духовному пониманію вѣры и, очевидно, заимствованныя отъ хлыстовщины. Идеи екатеринославскаго исповѣданія хорошо были извѣстны и здѣсь, какъ видно изъ допроса двухъ тамбовскихъ духоборцевъ митрополитомъ Евгеніемъ въ 1802 году. Въ духѣ этого исповѣданія они отвѣчали Евгенію на его вопросъ: «поручилъ ли Христосъ въ церкви своей кому-нибудь видимое начальство»,—«у насъ всѣ равны». Между тѣмъ на дѣлѣ у тамбовцевъ былъ Христомъ Побирохинъ; а одинъ изъ его преемниковъ, знаменитый Капустинъ, возвелъ даже фактъ христовства въ теорію. По теоріи Капустина, Богъ, конечно, живетъ въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ христіанъ; но душа Христа переселяется въ одного только, избраннаго человѣка. Не даромъ Христосъ сказалъ: «азъ съ вами буду до скончанія вѣка»; во исполненіе этого обѣтованія онъ постоянно, изъ поколѣнія въ поколѣніе, вселяется въ какое-нибудь лицо. Въ первые вѣка христіанства объ этомъ знали всѣ, и всякій могъ указать, въ комъ именно живетъ Христосъ. Человѣкъ этотъ признавался главой всѣхъ христіанъ и назывался папой. Но скоро появились лже-

папы, которымъ и сталъ поклоняться міръ; Христосъ же сохранилъ около себя только небольшую кучку вѣрныхъ, по слову: «много званныхъ, но мало избранныхъ». Эти избранныя и есть духоборцы, среди которыхъ Христосъ продолжаетъ воплощаться. Къ этой теоріи Капустинъ прибавилъ еще другую, что Христосъ, обитающій въ немъ, можетъ переселяться по желанію, и что по смерти его сосудомъ Христа предназначенъ быть его собственный сынъ. Такимъ образомъ, онъ основалъ цѣлую династію Христовъ, продолженію которой не помѣшалъ и разгромъ духоборской общины, въ которой царствовалъ Капустинъ. Это были духоборцы, переселенные по собственному желанію изъ Тамбовской и Екатеринославской губерній на Молочныя воды (Таврической губерніи) въ первые годы царствованія Александра. Въ 1842—1843 гг. правительство переселило ихъ на Кавказъ, послѣ слѣдствія, раскрывшаго злоупотребленія духоборческихъ олигарховъ, управлявшихъ общиной при сынѣ Капустина. Дѣло въ томъ, что Капустинъ окружилъ себѣ тридцатью совѣтниками (изъ которыхъ 12 носили званіе апостоловъ), тираннизировавшими общину послѣ его смерти. Къ числу отклоненій отъ стараго духоборческаго ученія на Молочныхъ водахъ надо отнести и какія-то тайныя сборища, устраиваемыя помимо обычныхъ и всѣмъ доступныхъ молитвенныхъ собраній. Повидимому, эти сборища были возстановленіемъ самаго худшаго вида хлыстовскихъ радѣній.

На самую суть ученія всѣ эти отклоненія не оказывали прямого вліянія. Но нельзя не замѣтить, что упадокъ внутренней жизни отразился въ ученіи—излишествомъ символизма и аллегорій, превратившихся мало-по-малу въ своего рода обрядность и догматику, ключъ къ которой былъ потерянъ. Такое именно впечатлѣніе производитъ старый духоборческій катехизисъ. Сочиненный, повидимому, тамбовскими духоборцами, онъ вывезенъ былъ ими въ 1802 г. и на Молочныя воды; содержаніе его какъ нельзя лучше характеризуетъ низменное пониманіе ученія тамбовцами и ослабленіе этого пониманія на Молочныхъ водахъ. Весь катихизисъ выдержанъ въ стилѣ какой-нибудь апокрифической «бесѣды трехъ святителей»; есть вопросы, прямо оттуда заимствованные. «Съ чѣмъ ты ходишь въ собраніе?—Съ изощренной бритвою.—Что есть бритва?—Языкъ изощренный—глаголъ Божій». «Чѣмъ церковь покрыта?—Божіими рабами.—Чѣмъ церковь занавѣшана?—Пеленами.—Что есть пелена?—Божіе пѣніе» и т. д. Или «Что есть елей?—Елей есть добродѣтель.—Въ чемъ елей соблюдается?—Въ козьемъ рогѣ.—Что есть козій рогъ?—Божій родъ». Или «На чемъ престолъ стоитъ?—На трехъ старцахъ жи-

вотныхъ.—На которыхъ старцахъ?—Первый—Аспидъ, второй—Сапфиръ, третій—Халкидонъ, четвертый—Смарагдъ». «Которому кресту вѣруешь: осьмиконечному или четырехконечному?—Четырехконечному.—Что есть каждый конецъ?—Первый конецъ пророкъ, второй—апостолъ, третій—ангелъ, четвертый—архангелъ».

Итакъ, компромиссъ идеала съ дѣйствительностью выразился внутри самого духоборства искаженіемъ жизни и измельчаніемъ вѣроученія. Рядомъ съ этимъ, компромиссъ со старымъ сектантствомъ повелъ къ возникновенію новыхъ сектъ, болѣе умѣреннаго или болѣе архангельскаго направленія. Какъ и слѣдуетъ ожидать послѣ сказаннаго выше, компромиссъ этотъ осуществился среди сектантовъ *Тамбовской* губерніи.

Дѣло началось съ того, что зять самого Побирохина, Семенъ Уклеинъ, перейдя сперва въ духоборство, началъ потомъ колебаться и раздумывать. Писаніе у внутреннихъ христіанъ всегда стояло на второмъ планѣ рядомъ съ внутреннимъ откровеніемъ. То было мертвое, а это—живое слово. «Много-де въ Писаніи; иное тому, иное другому пригодно; а мы-де принимаемъ, что намъ слѣдуетъ», говорили духоборцы Евгенію. Набожному и начитанному въ Библіи Уклеину такое отношеніе къ писанію было не по душѣ. Но когда Побирохинъ объявилъ, что будетъ судить вселенную, Уклеинъ окончательно потерялъ вѣру въ тестя и рѣшительно разорвалъ съ нимъ. Библію онъ рѣшилъ теперь считать необходимымъ, но и единственнымъ основаніемъ вѣры. Такимъ образомъ, отъ духовнаго христіанства онъ переходилъ къ евангельскому. Охотниковъ слѣдовать за нимъ нашлось не мало: это были широко разсѣянные по Россіи послѣдователи тверитиновскихъ театрадокъ. Идеи евангельскаго христіанства были достаточно распространены между ними, чтобы вызвать общее отрицательное отношеніе къ церковной обрядности, но не были настолько усвоены, чтобы создать какое-либо опредѣленное вѣроученіе. Чаще всего взгляды ихъ оставались не формулированными и не вели къ открытому разрыву съ церковью; поэтому и какой-либо цѣльной секты люди, симпатизировавшіе идеямъ евангельскаго христіанства, не составляли. Нѣкоторые изъ нихъ, ставшіе извѣстными властямъ, окрещены были именемъ «иконоборцевъ»; другіе, усвоившіе себѣ, неизвѣстно какъ и когда, нѣкоторыя правила моисеева закона, получили отъ властей названіе «жидовствующихъ» и «субботниковъ». Это былъ готовый матеріалъ для секты, которую создалъ Уклеинъ. О чистомъ евангельскомъ христіанствѣ нечего, конечно, и говорить по поводу новой секты. Уклеинъ дошелъ своимъ умомъ до новаго ученія, и скроилъ свою тео-

рію изъ старыхъ матеріаловъ, оказавшихся подъ рукой. Прежде всего, подражая своимъ предшественникамъ, онъ началъ съ того самаго, съ чего начали хлысты и тамбовскіе духоборцы. Онъ набралъ себѣ 70 «апостоловъ» и въ ихъ сопровожденіи, съ пѣніемъ псалмовъ, совершилъ торжественный входъ въ городъ Тамбовъ. За такое начало проповѣди Уклеину пришлось посидѣть въ тюрьмѣ; но, притворно принявъ православіе, онъ скоро освободился. Затѣмъ онъ принялся за пропаганду своихъ ученій въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, и прежде всего отправился къ евангельски настроеннымъ жителямъ сосѣднихъ губерній, Воронежской и Саратовской. Въ послѣдней проповѣдь пошла особенно успѣшно, такъ что ее Уклеинъ сдѣлалъ исходной точкой новаго предпріятія. Пробравшись изъ Балашовскаго уѣзда къ Волгѣ, около Камышина, онъ затѣмъ спустился внизъ по рѣкѣ, и на всемъ этомъ пути создалъ нѣсколько крупныхъ центровъ своей секты, сохранившихъ свое значеніе и до послѣдняго времени.

Познакомившись съ привольной жизнью астраханскихъ степей, далекихъ отъ властей и поповъ, Уклеинъ направилъ сюда своихъ послѣдователей: скоро они создали здѣсь, на Ахтубѣ, такую же колонію, какою были для духоборцевъ Молочныя воды. Другая колонія появилась на Иргизѣ. Въ то же самое время и по сю сторону Волги ученіе Уклеина быстро распространилось въ губерніяхъ Симбирской, Пензенской, Орловской и Рязанской. Всюду, куда ни приходили Уклеинъ и его ученики, они приносили съ собой готовое, письменное исповѣданіе вѣры; послѣдователи ихъ заставляли дѣтей съ раннихъ лѣтъ затверживать этотъ «обрядъ духовныхъ христіанъ», и такимъ образомъ ученіе Уклеина сохранилось мѣстами въ неизмѣнномъ видѣ въ теченіе цѣлаго столѣтія. Содержаніе «обрядника» въ значительной степени заимствовано изъ духоборческихъ ученій: сюда относится отрицаніе храмовъ, иконъ, богослуженія, поста, пониманіе таинства въ духовномъ смыслѣ, идея о воскресеніи «въ новомъ тѣлѣ». Но основной христіанскій догматъ послѣдователи Уклеина не рѣшались толковать аллегорически и ученію о св. Троицѣ оставили православный смыслъ. Здѣсь они согласились иногда молиться за умершихъ. За каждымъ изъ перечисленныхъ тезисовъ слѣдовала въ «обрядникѣ» выписка важнѣйшихъ мѣстъ изъ Библіи, на которыхъ этотъ тезисъ основывался. Такимъ образомъ, все ученіе ставилось подъ защиту Писанія.

Быстрота, съ которою распространилась секта Уклеина (она получила отъ православныхъ названіе «молоканъ», т. е. пьющихъ въ постъ молоко), показываетъ, что это ученіе гораздо болѣе при-

ходилось по плечу русскому населенію, чѣмъ теоріи духоборцевъ. Но надо прибавить, что распространеніе это было достигнуто цѣною еще одной дальнѣйшей уступки, произведшей расколъ въ самомъ молоканствѣ. Мы упоминали, что въ числѣ первыхъ послѣдователей Уклеина было много людей, уже затронутыхъ евангельскими ученіями въ формѣ «жидовства». Особенно численны были жидовствующіе въ Саратовскомъ краѣ, гдѣ у этой, вообще неорганизованной, секты былъ свой наставникъ, нѣкто Семенъ Далматовъ. Уклеинъ здѣсь встрѣтился съ силой и, чтобы привлечь ее на свою сторону, долженъ былъ пойти на компромиссъ. «Чистымъ—все чисто», говорили духовные христіане отъ Θеодосія Косаго до Сковороды; «не сквернитъ входящее въ уста» и т. д. Это былъ одинъ изъ аргументовъ противъ постной пищи. Но что же было дѣлать, когда «жидоствующіе» въ духѣ стараго благочестія рѣшительно отказывались отъ пищи, воспрещенной Моисеемъ? Съ обрѣзаніемъ и *единымъ* Богомъ Отцомъ они могли разстаться, но какъ было разрѣшить себѣ на свинину? И Уклеину пришлось уступить Далматову на этомъ пунктѣ. Рядомъ съ духовными истолкованіями таинствъ помѣщено было запрещеніе ѣсть свиное мясо и рыбу, лишенную чешуи. Конечно, у коренныхъ молоканъ эта уступка духа матеріи не замедлила вызвать протестъ. Молокане-*воскресники* отдѣлились отъ молоканъ-*субботниковъ*, своихъ жидовствующихъ единовѣрцевъ. Къ вопросу о пищѣ присоединился потомъ вопросъ о молитвенныхъ формахъ и обрядахъ, введенныхъ болѣе слабыми въ вѣрѣ и отрицавшихся болѣе послѣдовательными. Такъ, приспособляясь къ средѣ, и евангельское христіанство дѣлало шагъ назадъ къ обрядовому благочестію.

Въ началѣ нашего столѣтія прекратились гоненія, которымъ сектантство подвергалось въ гораздо большей степени, чѣмъ расколъ. Узники были освобождены изъ тюремъ, ссыльные вернулись изъ ссылки. Сектанты получили возможность перебраться отъ преслѣдованія мѣстныхъ властей и отъ вражды мѣстнаго населенія изъ внутреннихъ губерній на окраины (Таврическую, Астраханскую, Самарскую губерніи), гдѣ зажили привольно. Священникамъ запрещено было вступать въ состязаніе съ сектантами, начальству предписано было преслѣдовать только «явное неповиновеніе власти», пропаганду и «публичное оказательство раскола». Но простой терпимостью дѣло не ограничилось. Послѣ того, въ 1813 г., по иниціативѣ членовъ Лондонскаго Библейскаго Общества, открыто было русское Библейское общество подъ непосредственнымъ покровительствомъ императора и подъ предсѣдательствомъ кн. А. Н. Голицына, министра соединенныхъ (въ 1817) вѣдомствъ народнаго

просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, піэтиста и мистика. Соединеніе въ одномъ вѣдомствѣ иностранныхъ исповѣданій съ православнымъ, и тѣхъ и другихъ съ народнымъ просвѣщеніемъ, наглядно иллюстрировало основную идею правящихъ сферъ, что духъ истиннаго христіанства чуждъ вѣроисповѣдныхъ раздѣленій и что на духовномъ христіантствѣ должно быть основано народное просвѣщеніе. По выраженію одной статьи «Сіонскаго Вѣстника», издававшагося тоже мистикомъ и тоже членомъ Библейскаго общества, Лабзинымъ, «у Христа мы не найдемъ никакихъ толковъ о догматахъ и таинствахъ церковныхъ, а однѣ практическія аксіомы, поучающія, что дѣлать и чего удаляться». Эти «практическія аксіомы» Евангелія, долженствовавшія сдѣлаться основой народнаго просвѣщенія, должно было дать въ руки всѣмъ и каждому Библейское общество. Для этой цѣли, дѣлу общества была придана самая широкая гласность. Начальствующія лица въ провинціи получили приглашеніе къ участію въ его дѣятельности и къ открытію мѣстныхъ отдѣленій. Приглашеніе, конечно, было, какъ правительственный циркуляръ. «Во всѣхъ внезапно обнаружилась ревность къ слову Божію и стремленіе просвѣщать «сѣдящихъ вь сѣни смертной». Губернаторы начали говорить рѣчи, совершенно похожія на проповѣди; городничіе и градскіе головы, капитанъ-исправники и становые пристава съ успѣхомъ распространяли священное писаніе и доносили о томъ по начальству въ благочестивыхъ письмахъ, переполненныхъ текстами».

Естественно, какъ должны были понять все это сектанты. Правительство, очевидно, убѣдилось въ истинности ихъ ученія. Молокане спѣшили записываться въ члены Библейскаго общества и покупать изданныя имъ Библіи. «Сіонскій Вѣстникъ» Лабзина сдѣлался любимымъ чтеніемъ сектантовъ; стали проникать къ нимъ и вновь издаваемые переводы западныхъ мистиковъ, Эккартсгаузена, Юнга Штиллинга.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ высшемъ обществѣ обнаружился интересъ къ русскому евангельскому и духовному христіанству. Молокане и духоборцы жили далеко отъ столицы; чтобы познакомиться съ ихъ ученіемъ, нужно было имѣть особыя побужденія, какія имѣли англійскій и американскій квакеры, отправившіеся (въ 1817 г.) на Молочныя воды. Но за то подъ рукой были скопцы и хлысты: темныя стороны ихъ ученій мало были извѣстны въ публикѣ, и на нихъ смотрѣли, какъ на настоящихъ представителей духовнаго христіанства. У дома, гдѣ жилъ выпущенный на свободу Кондратій Селивановъ, постоянно стояли цѣлыя вереницы великосвѣтскихъ и купеческихъ экипажей. Скоро явились подража-

тели русскимъ сектантамъ изъ большаго свѣта. Вдова полковника Татаринова, была одной изъ посѣтительницъ Селиванова; но она перестала бывать у него, дознавшись (очевидно, это было не такъ легко постороннимъ), что онъ называетъ себя «Искупителемъ». Съ тѣхъ поръ у нея самой стало собираться для духовныхъ бесѣдъ избранное общество людей, жаждущихъ «придти въ разумъ истины, найти царствіе Божіе и правду Его». Были въ томъ числѣ и Голицынъ, и Лабзинъ; много генераловъ, полковниковъ, генеральшъ, княгинь и княженъ. Отъ самого Селиванова отпало и пристало къ Татариновой нѣсколько человѣкъ. На простыхъ бесѣдахъ и чтеніяхъ Писанія этимъ послѣднимъ скоро стало скучно; они соскучились по радѣніямъ, и Татаринова разрѣшила ввести радѣнія у себя. Простонародныя пѣсни, верченье и бормотанье пророковъ сперва шокировало знатныхъ господъ; но скоро они «отложили и попрали ногами всю мудрость людскую съ ея приличіями», рѣшились «сдѣлаться какъ бы глупцами и юродивыми ради Бога», и сами пустились въ плясъ. Къ своему удивленію, они скоро нашли, что это и пріятно, и полезно. Самые равнодушные соглашались, что «этотъ родъ движенія производитъ такую транспирацію», послѣ которой «чувствуешь себя каждый разъ необыкновенно легкимъ и свѣжимъ». Болѣе преданные вѣрѣ ощущали послѣ радѣній «необыкновенное спокойствіе, свободу отъ страстей, мирную безмолвную молитву»; а наиболѣе экзальтированные испытывали полное блаженство и приходили «въ такой восторгъ, что забывали себя, играли, пѣли, предавались святому скаканію и плясанію, плескали руками» и т. д. Явился у нѣкоторыхъ и пророческій даръ, и сама Татаринова общимъ голосомъ признана была пророчицей. Такимъ образомъ, полный хлыстовскій обрядъ водворился въ великосвѣтской средѣ. Конечно, здѣсь онъ потерялъ свой мужицкій характеръ. Пѣсни сочинены были новыя; стали искать и теоретическаго оправданія радѣній. Одинъ участникъ радѣній нашелъ въ «конверсаціонсъ-лексиконѣ» ссылку на книгу «О христіанскихъ плāскахъ и торжественныхъ танцахъ первыхъ христіанъ»; припомнили, что и современные свѣтскіе танцы имѣли первоначально обрядовый характеръ. Въ интеллигентныхъ рукахъ старый русскій сектантскій обрядъ началъ получать новое теоретическое обоснованіе.

Сближеніе сектантства съ интеллигенціей не ограничилось, конечно, реабилитаціей обряда. При помощи новой мистической литературы было разработано и самое ученіе; и результаты этой разработки постепенно сдѣлались достояніемъ всего русскаго духовнаго христіанства.

Едва ли не первымъ опытомъ такой разработки было дошедшее до насъ «Извѣстіе, на чемъ скопчество утверждается», произведеніе камергера Еленскаго, одного изъ самыхъ преданныхъ петербургскихъ послѣдователей Селиванова. Ново въ этомъ произведеніи, прежде всего, то, что идеи чистаго духовнаго христіанства—идеи Сковороды и екатеринославскаго исповѣданія—становятся въ немъ достояніемъ скопчества. Но затѣмъ, въ способѣ, которымъ развиваются эти идеи, есть и нѣчто оригинальное, послужившее, въ свою очередь, образцомъ для произведеній позднѣйшей сектантской литературы. Основная тема Еленскаго та, что духовные христіане «ни малѣйшей новости не заводятъ, а старое потерянное отыскиваютъ». Развивается эта тема исторически. «Первоначальный Израиль», возрожденный послѣ Адамова грѣха Авраамомъ, хранилъ у себя живую церковь до самыхъ «временъ устроенія царства Израильскаго». Но впослѣдствіи, по мѣрѣ развитія науки и учености, «написаны были книги, усилилось священство» и, захвативъ въ свои руки власть, «пренебрегло пророками», вѣщавшими прежде Израилю живые божескіе глаголы. «Отвергнувъ гласъ небесный, довольствуясь книгами», священство «составило законы, обряды, уставы», и назвало все это преданіемъ отцовъ. «И такъ далеко священство израильское вознеслося, что безъ вождей небесныхъ, безъ царей земныхъ сами архіереи народомъ израильскимъ правили и царство потеряли». Тогда Богъ послалъ на землю Іисуса Христа напомнить людямъ, что человѣкъ рождается отъ духа и духомъ живетъ, что «всѣ книги тѣмъ Духомъ святымъ написаны, который съ нами есть, а въ книгахъ духа нѣтъ—тамъ бумаги и чернилы», что «человѣкъ долженъ быть книга Божія» и тѣмъ самымъ «освобождается отъ суетнаго отеческаго преданія и отъ обрядовъ закона». Но «за таковую истинную проповѣдь и обличенія сынъ Божій пострадалъ отъ архіереевъ, старцевъ, законниковъ, книжниковъ и фарисеевъ,—отъ церковнаго сану». Истинные послѣдователи Христа получили отъ него святаго духа и пророческій даръ: но, наученные Богомъ, скрывали этотъ даръ втайнѣ отъ хулителей Духа. Однако же впослѣдствіи и христіане «уподобились древнему Израилю, лишились живого Бога»: и они стали «составлять обряды и основывать дѣла вѣры на законѣ, дабы все было видимо». Такимъ образомъ, и въ христіанствѣ явилось опять священство, «назвалось восприемниками апостольскими», присвоило себѣ право проклинать на соборахъ, стало «отъ чужихъ книгъ учить», а не «отъ собственнаго житія»; словомъ, новое священство во всемъ «уподобилось жрецамъ, книжникамъ и фарисеямъ, кои взяли ключъ разумѣнія,

сами въ царство Божіе не входятъ и входящимъ запрещаютъ войти». Сводя религію къ внѣшнему выполненію закона и наложивъ проклятіе на невыполняющихъ его, новые фарисеи тѣмъ самымъ вызвали безконечныя дѣленія вѣрующихъ по исповѣданіямъ, сходныхъ только въ томъ, что всѣ одинаково «ненавидятъ истинныхъ духовныхъ людей». Напротивъ, «послѣдне-избранный родъ», «собранный отъ всѣхъ странъ земли», «не воздаютъ зломъ за зло», хранятъ въ себѣ живого Христа и молятъ Бога о возвращеніи его царства, о томъ, чтобы «Отецъ свѣтовъ открылъ глаза сердечныя всѣмъ властямъ земнымъ видѣть истину Господню».

Записка Еленскаго была направлена въ 1804 г. къ Новосильцеву. Проектъ Еленскаго остался въ бумагахъ Новосильцова и самъ авторъ былъ сосланъ въ монастырь.

Въ проектѣ Еленскаго скопчество осталось вѣрнымъ своему направленію. Хлыстовщина, не владѣя такимъ вліяніемъ и богатствами, какъ скопцы, не могла, конечно, мечтать о подобныхъ способахъ водворенія на землѣ царствія Божія. На нее, однако, тоже повѣяло новымъ духомъ. Попытки одухотворить старое ученіе мы встрѣчаемъ и здѣсь. Однимъ изъ выраженій этой тенденціи было выдѣленіе изъ хлыстовщины особой секты «лазаревщины», основательницей которой считалась нѣкая Арина Лазаревна, настоятельница Зеленогорской общины въ Нижегородскомъ уѣздѣ († 1841). Послѣдователи Арины Лазаревны сохранили вѣру въ присутствіе въ человѣкѣ благодати Божіей, дающей возможность пророчествовать, но отказались отъ ученія хлыстовъ, что въ человѣка вселяется самъ Богъ. Радѣнія превратились у нихъ въ молитвенныя собранія, въ которыхъ пророческій экстазъ вызывался не физическими упражненіями. Наконецъ, лазаревщина впервые, повидимому, ввела въ хлыстовщину мистическое ученіе о «таинственной смерти и таинственномъ воскресеніи». Ученіе это содержитъ цѣлый рядъ практическихъ указаній, какъ надо «умереть грѣху», и рядъ психологическихъ наблюденій надъ тѣмъ, что значитъ «жить Богу». Очень обстоятельно ученіе о смерти и воскресеніи развито въ срединѣ вѣка пророкомъ Радаевымъ, отъ котораго сохранились письменныя произведенія. Времена перемѣнились и въ этомъ отношеніи: потомки людей, гордившихся званіемъ «некнижныхъ рыбарей, безграмотныхъ архіереевъ», не чуждаются болѣе книги; по старой легендѣ основатель хлыстовщины бросаетъ всѣ книги въ воду, а по новой легендѣ Богъ велитъ хлыстовскому пророку «доходить по книгамъ, какъ избавиться грѣха и какъ спасти душу».

Необходимымъ условіемъ для того, чтобъ достигнуть таин-

ственной смерти, является безусловное отреченіе отъ личной воли. Своими силами спастись нельзя; помочь можетъ только Богъ черезъ посредство человѣка, уже воскрешеннаго таинственно. Итакъ, первый шагъ состоитъ въ полномъ «отверженіи себя». Нужно не только «обнажиться богатства, славы, почести»; надо отказаться отъ «разума, памяти, желанія, воли»: надо оставить въ сторонѣ «пріобрѣтенное просвѣщеніе, добродѣтельныя учрежденія, всѣ уставы и правила», и «предаться единой волѣ Божіей», въ лицѣ руководителя. Не нужно «ни трудовъ, ни подвиговъ, ни постовъ»; нужно только совершенное уничиженіе себя. Смерть грѣху, достигаемая такой «нагой и слѣпой вѣрой», обнаруживается въ состояніи «безстрастія». За смертью слѣдуетъ «погребеніе о Христѣ», т. е. углубленіе въ самаго себя, какъ въ могилу. «Начатокъ Духа Божія» существуетъ во всякой душѣ; и послѣ предварительнаго умерщвленія воли и плоти, человѣкъ скоро почувствуетъ въ себѣ внутренній голосъ, повелѣвающій имъ помимо его воли. Этого голоса безусловно слѣдуетъ слушаться, что бы онъ ни приказывалъ: Богъ даетъ этимъ способомъ знать человѣку, что имъ началъ дѣйствовать Духъ Божій. Самъ Радаевъ по опыту зналъ, что на этой ступени являются сомнѣнія: «Божіе ли во мнѣ, полно не врете ли?» Но скоро всякія сомнѣнія исчезаютъ. «Съ того времени, какъ послѣдовало со мною умаизступленіе, всегда слышу свидѣтельство Духа Св.», разсказываетъ о себѣ Радаевъ. «Духъ гоняетъ меня и водитъ, такъ что иногда, когда ѣмъ, вдругъ руку у меня остановитъ, и во всякихъ вещахъ своей воли больше уже не имѣю». Такъ совершается таинственное воскрешеніе, и воскрешенному уже необязательны никакія внѣшнія предписанія, кромѣ голоса дѣйствующей въ немъ таинственной воли. На эту волю ложится и отвѣтственность за все, что онъ совершаетъ. «Мы и сами знаемъ,—говоритъ Радаевъ,—что несходны иные наши поступки съ писанымъ закономъ, и намъ тяжело и скорбно такъ поступать. Что же намъ дѣлать? Своей воли не имѣемъ... Сила, во мнѣ дѣйствующая, не даетъ покоя днемъ и ночью, водитъ меня туда и сюда; никогда мнѣ не даетъ эта сила ни ѣсть, ни пить, ни идти, куда мнѣ хочется»; «иногда... поставитъ на мѣсто, и не могу сойти». Пока сила эта не перестала дѣйствовать внутри, воскрешенный можетъ быть увѣренъ, что поступки его согласны съ велѣніемъ Духа; и ничто постороннее не можетъ перевысить этой увѣренности. «Вы думаете, что я ослѣпъ, считаете меня погибшимъ? Но свидѣтельство Божіе, которое во мнѣ, вѣрнѣе вашего. Могъ ли бы я не смутиться, когда всякаго званія люди мнѣ обѣщаютъ адъ и погибель? Почему же я стою непоколебимо? По-

тому, что во мнѣ ясное и явное дѣйствіе Божіе... Сойди всѣ ангелы съ небесъ и скажи: ты не такъ живешь, и то не послушаю... Господь Богъ мой меня оправдываетъ, а вы кто меня осуждаете?» Таковъ необходимый выводъ антиномистовъ всѣхъ временъ и народовъ. У Радаева онъ не новъ, такъ какъ ученіе о поглощеніи личной воли божественною можно найти и у Сковороды, и у Еленскаго. Но ново то, что хлыстовскій пророкъ доводитъ эту теорію до ея крайнихъ послѣдствій.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ скопчествѣ и хлыстовщинѣ новое вѣяніе отразилось обновленіемъ и своеобразнымъ развитіемъ идей духовнаго христіанства. Въ духоборствѣ дальнѣйшее развитіе состояло въ постепенномъ подъемѣ всей массы на тотъ высокій уровень, на которомъ стояли основатели и вожди секты. Какъ признакъ сравнительно невысокаго уровня массы, мы приводили выше содержаніе стараго духоборческаго катихизиса. Въ настоящее время катихизисъ этотъ, очевидно, пересталъ удовлетворять требованіямъ общины, такъ какъ появился новый, существенно передѣланный. Натянутыя аллегоріи, похожія на ребусы, въ немъ совершенно исключены; взамѣнъ того, вновь выдвинута соціальная сторона ученія духоборства. Можетъ быть, въ формулировкѣ этихъ частей катихизиса сказалось вліяніе толстовщины, но самые факты, соотвѣтствующіе ученію, не новы въ исторіи секты (см. ниже).

Наиболѣе неизмѣннымъ въ теченіи столѣтія осталось ученіе молоканъ, можетъ быть, потому, что, умѣренное по самому своему характеру, оно распространилось среди людей умѣренныхъ въ своихъ религіозныхъ запросахъ. Какъ бы то ни было, этотъ продолжительный застой сказался, какъ это всегда бываетъ въ ученіяхъ не развивающихся, въ ослабленіи религіознаго интереса среди самихъ послѣдователей секты. Изслѣдователи давно уже замѣчаютъ признаки внутренняго разложенія молоканства, какъ религіознаго ученія. За то на смѣну ему, и совершенно независимо отъ него, явилось свѣжее ученіе подобнаго же характера, сильное своей новизной, необходимостью борьбы и жаждой пропаганды. Мы говоримъ о послѣднемъ крупномъ явленіи въ исторіи русскаго сектантства, о появленіи штундизма. Источники штундизма, несомнѣнно, иностранные, какъ показываетъ отчасти и самое названіе секты (Stunde—такъ называли себя нѣмецкіе евангелическіе и реформатскіе кружки, не довольствовавшіеся обычнымъ богослуженіемъ и собиравшіеся съ начала XVIII в. для чтенія св. Писанія и пѣнія религіозныхъ гимновъ). Возникновенію штундизма предшествовало сильное религіозное броженіе среди нѣмецкихъ

колонистовъ въ Бессарабіи и Екатеринославской губ. Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ здѣсь возникли двѣ новыя секты: *назарянъ*, ожидавшихъ одно время второго пришествія, и *скакуновъ* (Hüpfer), выступившихъ съ своими радѣніями въ видѣ протеста противъ ослабленія религіозной ревности среди собратьевъ-менонитовъ. Религіозное одушевленіе новыхъ сектъ оказалось, какъ всегда, заразительнымъ и быстро передалось сосѣднему русскому населенію. Шестидесятые годы были временемъ, благопріятнымъ для всякаго рода идейной пропаганды. «Когда всюду заговорили о свободѣ, жизни, движеніи», говоритъ современный изслѣдователь штунды, свящ. А. Рождественскій,—«когда вліяніе духа свободы коснулось низшихъ слоевъ народа; когда съ общимъ подъемомъ духа и сознанія своей личности до высокой степени возросъ среди простого народа интересъ къ религіознымъ вопросамъ, болѣе всего симпатичнымъ его уму; когда на мѣсто пропагандистовъ-нѣмцевъ протестантскихъ исповѣданій выступили фанатики-нѣмцы разныхъ сектантскихъ оттѣнковъ, тогда умъ простого народа, не встрѣчая себѣ поддержки со стороны (о. Рождественскій разумѣетъ здѣсь невысокій уровень мѣстныхъ пастырей), не могъ не поддаться вліянію сектантскихъ идей».

Такимъ образомъ, штундизмъ быстро распространился въ Херсонской и Кіевской губерніяхъ. Въ 70-хъ годахъ онъ еще разъ подвергся иностранному вліянію баптистской проповѣди, шедшей изъ Бессарабіи и изъ Закавказья. Значительная часть штундистовъ рѣшилась принять новое крещеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ она получила болѣе правильную организацію подъ управленіемъ «пресвитеровъ». Дальнѣйшее распространеніе штундо-баптизма шло не менѣе успѣшно. Къ 1891 году это ученіе было распространено, по свѣдѣніямъ миссіонерскаго съѣзда, уже болѣе чѣмъ въ 30-ти губерніяхъ. Особенно усердно идетъ проповѣдь штундобаптизма среди родственнаго ему молоканства: послѣднее послужило для штунды такимъ же благодатнымъ матеріаломъ, какимъ сто лѣтъ раньше для самого молоканства служили «жидовствующіе».

Ученіе штундизма появилось на свѣтъ съ двойственнымъ характеромъ. По словамъ одного изъ первоучителей штунды, «это вѣроисповѣданіе взято изъ Священнаго Писанія, *отъ духовнаго озаренія*, изъ свидѣтельства Іисуса Христа, *отъ духа пророчества*». То-есть, оно носитъ за-разъ и черты евангельскаго, и черты духовнаго христіанства. Въ первое время, въ шестидесятыхъ годахъ, повидимому, сильнѣе подчеркивалась духовная сторона. «Религія должна быть въ сердцѣ, а до внѣшнихъ видовъ религіи намъ дѣла нѣтъ»; «мой Спаситель есть пастырь души моей, и

болѣе никто не можетъ быть пастыремъ души моей». Такъ говорили штундисты въ 1867 году. Въ это время особенно рѣзко высказывалась у нихъ и идея о внутреннемъ присутствіи Бога. «Это не я работаю,—говорилъ крестьянинъ Онищенко, патріархъ штундизма,—это Богъ». Другой штундистъ такъ доказывалъ преимущество своей вѣры православному: «отъ ты не бачилъ своего Бога, а я, якъ закрою очи, то и бачу». Какъ выводъ отсюда, нечужда была имъ и мысль, что «разъ принявши» въ себя духа, человѣкъ уже «не можетъ грѣшить». Но вліяніе баптистовъ дало перевѣсъ евангельской точкѣ зрѣнія. Отрицателей всѣхъ «внѣшнихъ видовъ религіи» баптисты заставили креститься въ рѣкѣ: отрицателей иныхъ «пастырей души», кромѣ Христа, заставили принять «пресвитеровъ». Съ одной стороны, это вызвало протестъ; но за то съ другой, даже штундисты, не рѣшавшіеся на перекрещиваніе и на переходъ въ баптизмъ, стали иногда переходить на точку зрѣнія евангельскаго христіанства. Продолжая отрицать таинства и обряды церкви, они однако признали Библію основой вѣры, приняли ученіе о св. Троицѣ, преломленіе хлѣба въ воспоминаніе тайной вечери и нѣкоторые другіе обряды по составленному самими чину. Одинъ изъ такихъ штундистовъ прямо заявилъ въ 1883 г., что «въ настоящее время называетъ себя христіаниномъ евангельскаго исповѣданія». Въ этой формѣ штундизмъ особенно близко подходилъ къ молоканству. Наконецъ, въ самое послѣднее время, съ неожиданной силой пробилась мистическая струя, въ формѣ ожиданія немедленнаго второго пришествія: идея, вѣроятно, заимствованная еще отъ бессарабскихъ сектантовъ и подкрѣпленная заграничной пропагандой. Надо прибавить, что отъ времени до времени эта идея вспыхивала и среди молоканства, уже съ самаго начала XIX столѣтія.

Впрочемъ, усиленіе мистицизма, повидимому, есть лишь мѣстное (малеванщина въ Кіев. губ.) и не составляетъ характерной черты въ общемъ развитіи сектантскихъ вѣроученій. Гораздо характернѣе та роль, все болѣе и болѣе видная, какую въ новѣйшемъ сектантствѣ начинаетъ играть соціальный элементъ, а также отдѣльныя попытки созданія новыхъ ученій чисто-этическаго или даже философскаго характера. Не говоря уже о томъ, какую роль игралъ соціальный элементъ въ *теоріяхъ* духовныхъ христіанъ, напомнимъ, что духоборческая община Капустина на Молочныхъ водахъ пробовала устроить свою жизнь на общественныхъ началахъ. Затѣмъ, часть молоканъ на Кавказѣ сдѣлала попытку осуществить на землѣ идеалъ полнаго общенія имуществъ. Основатель этой секты «общихъ», нѣкто Поповъ, сосланный на

Кавказъ изъ Самарской губерніи, а съ Кавказа снова высланный въ Восточную Сибирь, организовалъ у кавказскихъ молоканъ правильное веденіе хозяйства на началахъ коллективизма. Сильно выдвинутъ соціальный элементъ и въ ученіи штундизма. По словамъ свящ. Рождественскаго, «отвергая существующій порядокъ соціально-политической жизни Россіи, они мечтаютъ о наступленіи новыхъ формъ жизни». Всѣ люди равны, а потому и «блага міра сего должны быть раздѣлены поровну; а такъ какъ состояніе и земля суть блага міра сего, то и они должны быть раздѣлены». Люди должны жить общинами, питаться трудами рукъ своихъ и получать все нужное путемъ непосредственнаго обмѣна продуктовъ труда, безъ помощи денегъ. Можно ли, противъ совѣсти, подчиняться требованіямъ властей,—этотъ вопросъ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ рѣшали, повидимому, неодинаково. Въ духоборствѣ этотъ вопросъ рѣшается въ послѣднее время при помощи ученія гр. Толстого, которое, по свѣдѣніямъ новаго противосектантскаго журнала, «имѣетъ значительный успѣхъ» у духоборцевъ.

Въ качествѣ примѣра философскихъ толкованій сектантства, притомъ, явившихся безъ всякаго содѣйствія интеллигенціи, мы приведемъ только-что обнаруженное въ Кубанской области ученіе нѣкоего Козина, ранѣе бывшаго хлыстомъ. Единственнымъ источникомъ своего вѣроученія послѣдователи Козина (названные «новохлыстами») признаютъ человѣческій разумъ. Богъ есть, по ихъ мнѣнію, сила, движущая весь животный міръ. Въ мірѣ неорганическомъ Бога не существуетъ. «Пребывающій во всемъ движущемся», Богъ не существуетъ и отдѣльно отъ міра, внѣ его; онъ разлитъ неравными частями въ разныхъ отдѣлахъ животнаго міра, но, какъ Бога, онъ сознаетъ себя только въ человѣкѣ, и притомъ только въ томъ высшемъ проявленіи человѣческой мысли, которое представляютъ «новохлысты». Передъ созданіемъ міра Богъ пребывалъ въ безформенной массѣ матеріи, но чтобы создать міръ своимъ *словомъ*, онъ долженъ былъ принять на себя плоть, такъ какъ иначе онъ не могъ бы *говорить*. Такимъ образомъ, въ моментъ выдѣленія Бога изъ безформенной массы явилась св. Троица: Богъ-Духъ, Плоть и Слово. Изъ оставшейся, лишенной Бога массы, созданы были солнце, луна и звѣзды, а самъ Богъ остался на землѣ и создалъ здѣсь органическій міръ, включая человѣка. Впрочемъ, человѣкъ не отличался по образу жизни отъ животныхъ, пока Духъ не вошелъ въ одного изъ людей-перваго новохлыста. Это собственно и было «сотвореніе» человѣка-узнавшаго съ тѣхъ поръ, что онъ созданъ по образу Божію, и по-

лучившаго такимъ образомъ внутренній, духовный рай. Другого рая и блаженства не будетъ; невидимаго міра и ангеловъ не существуетъ и существовать не можетъ, такъ какъ духъ не можетъ существовать отдѣльно отъ плоти: иначе, не имѣя «перегородокъ» или тѣлъ, духи слились бы между собой. какъ сливается вода, не заключенная въ сосуды. Люди и есть ангелы: «новохлысты»—ангелы *видимые*, потому что *видятъ* Бога; другіе люди—«ангелы *невидимые*», потому что удалены отъ него; наконецъ, новохлысты, не живущіе по вѣрѣ, суть «ангелы *злые*». Христосъ былъ такой же человѣкъ, какъ остальные новохлысты, въ которыхъ во всѣхъ онъ пребываетъ. Считать за Христовъ—однихъ только хлыстовскихъ пророковъ и почитать ихъ есть «сумасбродство» и «нелѣпое идолопоклонство». Чудесъ Христосъ никакихъ не творилъ, потому что чудесъ вообще не бываетъ. Второе пришествіе будетъ, но Христосъ явится на нѣсколько лѣтъ, какъ могущественный человѣкъ, чтобы обличить не принявшихъ ученія «новохлыстовъ». Рано или поздно, это ученіе восторжествуетъ, и принявшіе его получатъ внутреннее блаженство, какое и теперь имѣютъ, а непринявшіе—будутъ мучиться душой, что не послушали вновь пришедшаго Христа и потеряли блаженство.

Таковъ этотъ безпомощный пантеизмъ, не съумѣвшій освободиться отъ основныхъ положеній христіанскаго вѣроученія и перетолковывающій ихъ по своему. При всей своей философской наивности, ученіе новохлыстовъ интересно для насъ, какъ указаніе на тотъ путь, которымъ можетъ совершаться дальнѣйшая эволюція русскаго сектантства. И въ этомъ случаѣ мы имѣемъ параллели въ исторіи западнаго сектантства, показывающія, что въ развитіи теоретической мысли человѣчества есть своя внутренняя закономѣрность. Достаточно припомнить, что деистическія и пантеистическія ученія Запада, если они не были прямымъ заимствованіемъ, выростали на почвѣ, подготовленной крайними ученіями духовнаго христіанства.

Подводя теперь итогъ всему сказанному раньше, мы прежде всего отмѣтимъ основныя различія въ характерѣ старообрядчества и сектантства. Являясь охранителемъ старины, русское старообрядчество держалось и держится исключительно въ народныхъ слояхъ, крестьянствѣ и купечествѣ. Напротивъ, сектантство, представляя выраженіе неудовлетворенной религіозной потребности, обще народу съ интеллигенціей. Съ самаго начала до самаго конца исторіи сектантства мы видимъ постоянный обмѣнъ идей между высшими и низшими общественными слоями (Селивановъ и Еленскій; Сютаевъ и Толстой). И притомъ, взаимная

связь тѣхъ и другихъ, въ основѣ своей, устанавливается вовсе не на идеяхъ соціальнаго характера, какъ принято думать, но, главнымъ образомъ, на сходствѣ идей религіозныхъ и религіозно-философскихъ, на одинаковыхъ мнѣніяхъ и чувствахъ, связанныхъ съ вѣрой. Далѣе, что касается историческаго развитія самыхъ ученій старообрядчеста и сектантства, мы находимъ не менѣе поучительную разницу. Русская поповщина въ теченіе всей своей исторіи вращалась въ заколдованномъ кругу идеи о богоустановленной іерархіи; возстановивъ теперь по своему эту іерархію, поповщина вернулась къ своему исходному пункту. Напротивъ, безпоповщина навсегда разорвала съ церковной іерархіей и таинствами, но сдѣлала это съ цѣлью сохранить въ неприкосновенности все ученіе старой вѣры. Отвергнувъ, такимъ образомъ, форму и строго держась содержанія, которое было неразрывно связано съ этой формой, безпоповщина очутилась въ безысходномъ противорѣчіи сама съ собою. Ея положеніе могло имѣть смыслъ, какъ временное,—какимъ оно и разсчитывало быть; но оно стало невозможнымъ, превратившись въ постоянное. Безпоповщинѣ пришлось колебаться между поддержаніемъ, вопреки дѣйствительности, старой теоріи о временности своего ученія, или подвести подъ свое отрицаніе іерархіи и таинствъ новый раціоналистическій фундаментъ, и такимъ образомъ приблизиться къ сектантству. Сектантство не было связано старыми ученіями и догматами. Поэтому, его вѣроученіе не стояло на одномъ мѣстѣ, какъ у поповщины, и не шло diminuendo по отношенію къ исходной точкѣ зрѣнія, какъ у безпоповщины. Напротивъ, въ развитіи сектантскаго вѣроученія мы видимъ постоянное crescendo, постоянное обновленіе формъ вѣры и постепенное углубленіе вѣроученія, далеко не достигшее еще своего естественнаго конца. До сихъ поръ это развитіе религіозныхъ идей въ сектантствѣ шло двумя путями: путемъ евангелическаго и путемъ духовнаго христіанства *). Начало евангелическому христіанству положила чисто интеллигентная проповѣдь, непрерывную традицію которой надо вести съ тетрадокъ Тверитинова. Распространившись послѣ него въ массѣ и принявъ мѣстами формы «жидовства», евангельскія ученія были освѣжены во второй половинѣ XVIII в. соприкосновеніемъ съ духоборствомъ. Результатомъ этого соприкосновенія явилось новое ученіе—молоканство, быстро распространив-

*) Дѣленіе это кажется намъ гораздо болѣе естественнымъ, чѣмъ обычное дѣленіе на секты раціоналистическія и мистическія. Раціонализмъ и мистицизмъ идутъ параллельно въ развитіи русскаго сектантства и часто совмѣщаются или соединяются одинъ съ другимъ въ одной и той же сектѣ.

шееся на подготовленной почвѣ. Наконецъ, еще вѣкъ спустя, деи евангелическаго христіанства вновь освѣжены были пропагандой менонитскихъ сектантовъ и баптистскихъ проповѣдниковъ; подъ ихъ вліяніемъ русскій евангелизмъ принялъ новую форму штундо-баптизма. Надо прибавить, что за все время своего существованія, русское евангельское христіанство обнаруживало склонность къ духовному. Что касается самого духовнаго христіанства, его происхожденіе было чисто народное. Выйдя изъ того же религіознаго броженія, которое создало безпоповщину, русское духовное христіанство на первыхъ порахъ сохранило связь съ расколомъ, а отвергнувъ церковныя формы, взамѣнъ ихъ ввело другія, заимствованныя изъ стараго народнаго обихода. Такъ сложилась та промежуточная форма духовнаго христіанства, которую представляетъ хлыстовщина. Сообразно народному пониманію, главную роль игралъ въ ней культъ, а присутствіе Духа ограничивалось избранными лицами, Христами и пророками, сообщаясь остальнымъ лишь во время радѣній. Своеобразное превращеніе наиболѣе строгой части хлыстовщины въ скопчество не имѣло значенія въ общей связи развитія идей духовнаго христіанства. Несравненно важнѣе было одновременное со скопчествомъ появленіе новаго, болѣе чистаго вида духовныхъ христіанъ въ сектѣ духоборцевъ. Ученіе духоборчества, въ самомъ началѣ сильно спиритуализированное его интеллигентными или начитанными вождями, не могло быть сразу усвоено массой въ этомъ чистомъ видѣ; вотъ почему, обновивъ ученіе евангельскаго христіанства, въ своей собственной сферѣ оно сдѣлалось игрой въ символизмъ и только постепенно, въ послѣднее время подъ вліяніемъ толстовщины, стало достояніемъ массы. Постепенное увеличеніе интереса и пониманія идей духовнаго христіанства сказалось съ самаго начала столѣтія и въ старыхъ сектахъ, хлыстовщинѣ и скопчествѣ, углубленіемъ ученія о внутреннемъ духѣ и измѣненіемъ народныхъ формъ стараго культа.

Передъ наблюдателями сектантства стоитъ теперь вопросъ: въ какой же изъ двухъ основныхъ формъ будетъ развиваться дальнѣйшая исторія сектантства? Сохранитъ ли штундо-баптизмъ то численное преобладаніе, которое онъ унаслѣдовалъ отъ предшествовавшей формы евангельскаго христіанства, отъ молоканства? Или его перегонитъ болѣе спиритуалистическое пониманіе духовнаго христіанства, подъ вліяніемъ соціальныхъ и философскихъ идей интеллигенціи? Новый противосектантскій журналъ, имѣющій, конечно, возможность хорошо знать современное положеніе сектантства, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ слѣдующимъ

образомъ. «На (второмъ миссіонерскомъ) съѣздѣ (въ Москвѣ 1891 г.) предполагалось, что со временемъ господствующей формой русскаго раціоналистическаго сектантства будетъ штундо-баптизмъ, который въ послѣднее двадцатипятилѣтіе получилъ распространеніе не только среди православныхъ, но и среди молоканства, штунды духовной, пашковщины, и даже среди безпоповщинскаго раскола. Въ настоящее время едва ли можно вполнѣ согласиться съ упомянутымъ предсказаніемъ съѣзда миссіонеровъ. Секты наши, въ большинствѣ своихъ послѣдователей, скорѣе всего способны объединиться на почвѣ такого религіознаго лжеученія, которое, разрѣшая вопросъ вѣры, въ то же время не оставляло бы безъ отвѣта и соціальныхъ интересовъ общественной и государственной жизни. И потому будущность предстоитъ интеллигентной религіозно-раціоналистической доктринѣ, а не народной, какою является штундо-баптизмъ».

Единственный общій очеркъ ученій русскаго сектантства имѣется въ Руководствѣ по исторіи и обличенію старообрядческаго раскола, съ присовокупленіемъ свѣдѣній о сектахъ раціоналистическихъ и мистическихъ Н. Ивановскаго. Часть II и III (вмѣстѣ), изд. 4-е, Казань, 1892. Ученія Башкина, какъ они выяснились на допросѣ, см. въ Актахъ Арх. Экспедиціи I, № 239. Ученіе Ѳеодосія Косаго въ его окончательной формѣ (какъ оно сложилось въ Литвѣ) извѣстно изъ «Посланія многословнаго» Зиновія отенскаго, напечатаннаго *Андреемъ Поповымъ* въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древностей 1880, II. Отвѣтъ Ивана Грознаго Рокитѣ изданъ въ Чтеніяхъ 1878, II. Изложеніе самаго диспута, а также свѣдѣнія о протестантской пропагандѣ въ XVII в. см. въ соч. *Д. И. Цвѣтаева*, Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій (въ Чтеніяхъ О. И. 1889, IV; 1890, I и отдѣльно). Изложеніе и оцѣнка «Преній о вѣрѣ, вызванныхъ дѣломъ королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны» сдѣланы въ изслѣдованіи *А. П. Голубцова* подъ этимъ заглавіемъ (М. 1891); имъ же изданы и самые «Памятники преній о вѣрѣ» въ Чтеніяхъ 1892, II (среди нихъ и «сказаніе о латинской вѣрѣ» Нандельштедта съ вопросами Грознаго). Документы, относящіеся къ дѣлу Кульмана, напечатаны *Д. В. Цвѣтаевымъ* въ «Памятникахъ къ исторіи протестантства въ Россіи (Чтенія 1883, II; возраженіе Медвѣдева Бѣлободскому тамъ же 1884, III). Ср. также о Кульманѣ статью *Н. С. Тихонравова*, въ исправленномъ изданіи напечатанную по-нѣмецки пасторомъ *Фехнеромъ*. Документы, относящіеся къ дѣлу Тверитинова, изданы въ Памятникахъ древней письменности, XXXVIII, Спб. 1882. О связи сектантства съ языческими воззрѣніями народа см. статьи *А. П. Щапова* «Умственныя направленія нашего раскола» въ «Дѣлѣ» 1868, №№ 10—12. Послѣднее изслѣдованіе о «Хлыстовщинѣ и скопчествѣ въ Россіи», воспользовавшееся богатыми матеріалами Мельникова (Чтенія, 1872, I-IV: 1873, I), принадлежитъ священнику *Арсенію Рождественскому*, Чтенія 1882, I—III. Въ сочиненіи *Реутскаго* (Люди Божіи и скопцы, М. 1872) полнѣе характеризована хлыстовщина XVIII вѣка по неизданнымъ документамъ процессовъ 1733 и 1745—52 гг. Единственное изслѣдованіе «о духоборцахъ» принад.

лежитъ *О. Новицкому*, Кіевъ 1832, 2-е изданіе тамъ же 1882. «Сочиненія Г. С. Сковороды» изданы въ Харьковѣ, 1894 (7-й томъ сборника Харьк. Истор., филологич. Общества). Духоборческое исповѣданіе 1791 г. напечатано *Н. С. Тихонравовымъ* въ Чтеніяхъ, 1871, II. Распространеніе молоканской секты по даннымъ минист. внутр. дѣлъ и молоканскіе обрядники см. у *Ѳ. Ливанова*, Раскольники и острожники, т. I—IV (особенно II-й и III-й томы), Старый духоборческій катихизисъ см. у *Ливанова*, цитиров. соч. II, 463. Новый мы имѣли въ рукописи. Допросъ тамбовскихъ духоборцевъ митр. Евгеніемъ въ 1802 г. напечатанъ въ Чтеніяхъ 1874 г. Свѣдѣнія о дѣятельности Капустина см. у Haxthausen'a Etudes sur la situation etc... de la Russie. Hanovre, 1847 г. О Библейскомъ обществѣ см. статью *А. Н. Пыпина*, «Вѣстн. Европы», 1868, №№ 8, 9, 11, 12. Сношеніе Александра съ квакерами, посѣщавшими Молочныя воды см. въ «Вѣстн. Евр.» 1869, X; Имп. А. I и квакеры. О кружкѣ Татариновой см. статьи *Н. Ѳ. Дубровина*, Наши мистики-сектанты, «Русская Старина», 1895, X—XII; 1896. Дѣло о скопцѣ камергерѣ Еленскомъ въ Чтеніяхъ 1867, IV. О лазаревщинѣ и Радаевѣ см. въ статьѣ *П. Мельникова*, Бѣлые голуби, «Русск. Вѣстникъ», мартъ 1869. Обстоятельное изложеніе ученія Радаева см. также въ книгѣ *И. Добротворскаго*, Люди Божіи. Казань, 1869. Свѣдѣнія объ исторіи и ученіи штундо-баптизма см. въ сочиненіи священника *Арсенія Рождественскаго*, Южно-русскій штундизмъ. Спб. 1889. Хроника современныхъ движеній въ сектантствѣ ведется въ «Миссіонерскомъ Обозрѣніи», первомъ спеціальномъ противосектантскомъ журналѣ, изданіе котораго началось въ Кіевѣ съ текущаго 1896 года.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИЗЪ РОБЕРТА ГАМЕРЛИНГА.

У ПОТОКА.

Къ лазури небесъ поднимаютъ вершины,
Ликуя, и дубъ, и сосна;
Алмазной росою блистаютъ долины,
Гдѣ звонкая пѣсня слышна.
Печально лежу я въ ущельѣ угрюмомъ,
Гдѣ такъ же, какъ я одинокъ,
Съ вершины утеса свергается съ шумомъ
Грохочущій, бурный потокъ.

—

Лишь сердце мое, да шумящія воды
Не знаютъ, что значитъ покой,
И чужды они ликованью природы,
Разцвѣту любви молодой.
Надъ далью лазурной, надъ моремъ безбрежнымъ—
Чарующій праздникъ весны,
Лишь бурное сердце съ потокомъ мятежнымъ
Бороться и биться должны.

Пер. **О. Н. Чюминой**.

ПО НОВОМУ ПУТИ.

Романъ.

(Продолженіе *).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

V.

Почему ничтожныя по существу обстоятельства иногда имѣютъ такое рѣшающее значеніе? Почему случайность играетъ такую обидную роль въ нашей жизни? Почему мы не можемъ предусмотрѣть и предугадать этихъ случайностей и рѣшающихъ пустяковъ, не смотря ни на какую проницательность? Мы говоримъ о законахъ, по которымъ выстраивается вся органическая жизнь, мы предсказываемъ за десятки лѣтъ затменія солнца или появленіе новой кометы, мы предчувствуемъ стоящія на очереди великія открытія—и мы же не видимъ дальше своего носа, когда дѣло касается такихъ вещей, которыя неизмѣримо дороже для каждаго и солнечнаго затменія, и новой кометы, и новыхъ законовъ въ природѣ, и всякихъ открытій—это вѣчный вопросъ о личномъ счастьѣ. Всѣ къ нему стремятся самымъ упорнымъ образомъ и не могутъ предсказать завтрашній день. Есть что-то обидное въ самой природѣ вещей, что заставляетъ насъ постоянно чувствовать и признавать собственное ничтожество.

Эти мысли о ничтожествѣ собственнаго существованія приходили въ голову Честюниной все чаще и чаще, можетъ быть потому, что она чувствовала себя счастливой, счастливой до глупости. Вѣдь совершенная случайность ея знаком-

---

*) См. «Міръ Божій», № 5, май 1896 г.

ство въ Павловскѣ съ Бруснициными, совершенная случайность замужество Кати, совершенная случайность, что тетка Елена Өедоровна обвинила ее во всемъ, а благодаря этимъ случайностямъ, она теперь живетъ въ комнатѣ рядомъ съ Брусницинымы, каждый день встрѣчается съ ними и чувствуетъ, что въ ея жизнь ворвалось какое-то новое теченіе и что оно окончательно ее захватываетъ. До сихъ поръ она, собственно, только стремилась къ работѣ, но по настоящему работать не умѣла... Да и гдѣ было научиться этому искусству, которое дается каждому только длиннымъ рядомъ ошибокъ. Она много читала—это правда, но въ чтеніи не было строгой системы, не было выдержки. То же самое и въ занятіяхъ по академіи... Вѣдь всѣ науки хороши, каждая по своему, и трудно было остановиться на какой-нибудь одной, а между тѣмъ, приходилось дѣлать выборъ, потому что безъ спеціализированія нельзя было идти дальше необходимаго общаго образованія. Честюнина не могла не завидовать Брусницину, который остановился на своихъ болотныхъ растеніяхъ и больше ничего не хотѣлъ знать. На эту тему у нихъ теперь часто велись разговоры.

— Меня это пугаетъ, Сергѣй Петровичъ, — говорила Честюнина.—Всякая спеціализація дѣлаетъ человѣка одностороннимъ поневолѣ...

— Объять необъятное невозможно, Марья Гавриловна. Необходимо остановиться на чемъ-нибудь одномъ... Если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, я выбралъ бы своей спеціальностью дѣтскія болѣзни и упорно шелъ бы къ этой цѣли. Говорю такъ потому, что не могу слышать равнодушно, когда плачетъ ребенокъ. Мнѣ кажется каждый разъ, что именно я въ чемъ-то виноватъ и что онъ, этотъ ребенокъ, плачетъ именно отъ меня. Это мой больной пунктикъ...

— А вы думали о томъ, что дѣтскому врачу еще труднѣе, чѣмъ врачу для взрослыхъ? Взрослый можетъ, по крайней мѣрѣ, объяснить, что у него болитъ и какъ болитъ, а ребенокъ только плачетъ...

— Всякій работаетъ въ предѣлахъ возможнаго... Затѣмъ, медицина въ собственномъ смыслѣ пока еще не наука, а искусство. Все дѣло въ талантѣ... Талантливый врачъ такъ же чувствуетъ болѣзнь, какъ охотничья собака чуетъ дичь.

— Кто же возьметъ на себя смѣлость сказать, что именно онъ такой талантъ и есть?..

— Это дѣлается само собой... Какъ талантъ, геройство и другія почтенныя качества меньше всего сознаются и чувствуются именно носителями этихъ качествъ. Вѣдь, здоровый человѣкъ не замѣчаетъ собственнаго здоровья...

Такіе разговоры происходили обыкновенно за вечернимъ чаемъ, когда всѣ чувствовали себя вправѣ немного отдохнуть. Елена Петровна большею частью молчала и слушала только брата. Ее удивляла смѣлость Честюниной, рѣшавшейся спорить съ нимъ. Да, спорить съ нимъ, который даже не сознавалъ своей силы. Молчаливое присутствіе Елены Петровны иногда смущало Честюнину, точно съ ними за однимъ столомъ сидѣла какая-то тѣнь не изъ здѣшняго міра. Это чувство постепенно увеличивалось и смущало ее, особенно, когда Елена Петровна наблюдала ее. Разъ Честюнина не утерпѣла и спросила откровенно:

— Почему вы, Елена Петровна, такъ пристально смотрите на меня?

— Я?!.. Вѣроятно, вамъ это показалось...

— Нѣтъ, я это чувствую... И странно, что я начинаю чувствовать себя въ эти моменты виноватой неизвѣстно въ чемъ.

Елена Петровна улыбнулась и ничего не отвѣтила. Ей нравилось, что она можетъ заставить себя чувствовать. Къ Честюниной она, дѣйствительно, присматривалась все время съ особеннымъ вниманіемъ и все еще не могла рѣшить про себя, что за человѣкъ эта немного странная дѣвушка. Главный вопросъ шелъ объ искренности, потому что Елена Петровна не выносила фальши ни въ чемъ. Она дѣлалась ригористкой и нетерпимой, и все это падало, главнымъ образомъ, на знаменитаго брата. Честюнина знала даже моменты, когда этотъ знаменитый братъ начиналъ бунтовать, напрасно стараясь свергнуть добровольное иго. Со стороны все это было смѣшно, а въ дѣйствительности разыгрывалось что-то вродѣ семейныхъ сценъ. Сергѣй Петровичъ кричалъ тонкимъ голосомъ, разбрасывалъ по полу свои книги, грозилъ, что убѣжитъ изъ Петербурга куда глаза глядятъ, и кончалъ тѣмъ, что, послѣ длинной, драматической паузы, начиналъ просить

у сестры прощенія и мирился съ ней на условіяхъ, еще болѣе тяжкихъ, чѣмъ до бунта. Она распредѣляла его время, она выбирала знакомыхъ, она накладывала свою руку на все, и Сергѣй Петровичъ могъ только про себя размышлять о своемъ позорномъ рабствѣ. Разъ, взбѣшенный до послѣдней степени, онъ ворвался въ комнату Честюниной и, размахивая руками и драматически заикаясь, долго не могъ успокоиться.

— Это какой-то просвѣщенный деспотизмъ... это... это... это, наконецъ, самое позорное рабство, когда у человѣка стоятъ надъ душой и не даютъ дохнуть. Остается связать мнѣ руки и вывести на продажу, какъ настоящаго раба...

Увлекшись собственнымъ негодованіемъ, Сергѣй Петровичъ только теперь замѣтилъ, что на диванѣ сидитъ какой-то молодой человѣкъ и слушаетъ его съ почтительной улыбкой.

— Это мой двоюродный братъ Эженъ,—отрекомендовала его Честюнина.—Евгеній Васильевичъ Анохинъ, другими словами...

— Очень радъ... очень...—бормоталъ Брусницинъ, разглядывая своими близорукими глазами Эжена.—Это еще хорошо, что вы только двоюродный, а если бы имѣли несчастіе быть роднымъ братомъ...

— У меня есть сестра Катя...

— Катя? Позвольте, это та самая Катя, которая называетъ меня чучелой, а мою сестру чучелкой? Она теперь актриса? О, очень радъ познакомиться... Могу вамъ только позавидовать, молодой человѣкъ.

Присутствіе Эжена какъ-то сразу успокоило Сергѣя Петровича и онъ остался даже пить чай, чего никогда раньше не дѣлалъ. Когда въ корридорѣ слышались шаги, онъ улыбался и говорилъ Честюниной вполголоса:

— Я увѣренъ, что это *она*... да. Она и вамъ устроитъ сцену, вотъ увидите...

— Нѣтъ, ужъ благодарю васъ. Я сейчасъ пойду и приглашу Елену Петровну пить чай вмѣстѣ съ нами.

— Не пойдетъ!..

Елена Петровна, дѣйствительно, не пошла. Она сердито шагала по корридору и сказала Честюниной нѣсколько колкостей.

— Послушайте, Елена Петровна, вѣдь я не виновата, что вы ссоритесь съ братомъ. Поставьте себя на мое мѣсто и подумайте, что вы говорите... Потомъ, развѣ можно сердиться на Сергѣя Петровича? Это совершенный ребенокъ...

— Вы думаете? Ха-ха... Этотъ ребенокъ очень дурно себя ведетъ...

Честюниной приходилось теперь играть роль посредника, когда братъ и сестра ссорились. Сначала это ее забавляло, а потомъ начало надоѣдать, какъ надоѣдаетъ повтореніе одного и того же мотива. Впрочемъ. къ ней на выручку явился совершенно неожиданно Эженъ, котораго Сергѣй Петровичъ полюбилъ съ перваго раза. Трудно было себѣ представить двухъ человѣкъ болѣе противоположнаго характера, а между тѣмъ, они отлично дополняли другъ друга. Всего удивительнѣе было то, что Эженъ не скучалъ въ обществѣ ботаника и черезъ недѣлю, самымъ серьезнымъ образомъ, заявилъ Честюниной:

— Маріэтта, я погибаю...

— Именно?

— Маріэтта, я влюбленъ въ Елену Петровну!..

— Поздравляю...

— Ты не смѣйся: я говорю серьезно. Мнѣ надоѣло вести разсѣянную жизнь, а это святая дѣвушка... Понимаешь: sainte, въ своемъ родѣ Жанна Д'аркъ.

— Что же, можешь сдѣлать предложеніе...

— А если я боюсь?.. Я могу любить только строгую женщину, которой буду бояться... А въ Еленѣ Петровнѣ именно есть то, что на меня производитъ впечатлѣніе. Ты, пожалуйста, не смѣйся... Притомъ, ты рѣшительно ничего не понимаешь въ подобныхъ дѣлахъ, хотя и продѣлала нѣкоторые научные опыты. При случаѣ, скажи Еленѣ Петровнѣ, что я того... т.-е., ты объясни все въ шутливомъ тонѣ...

— Перестань говорить глупости... Можно подумать, что ты собираешься занять денегъ у Елены Петровны.

Взглянувъ въ лицо Эжену, Честюнина только всплеснула руками; она увидѣла, что онъ уже успѣлъ это устроить.

— Успокойся, пожалуйста, *не у нея* занялъ...—объяснялъ Эженъ съ виноватой улыбкой. — А у него, у чучела, какъ говоритъ Катя. Ну, скажи на милость, для чего ему деньги,

чучелу? Совершенно излишній балластъ, притомъ я выбралъ такой моментъ, когда чучелки не было дома.

— Ахъ, Эженъ, Эженъ!..

— Подожди, я еще буду впослѣдствіи министромъ финансовъ. Вотъ увидишь... Я по натурѣ финансистъ. Кстати, Маріэтта...

— Ты, кажется, хочешь посвятить меня въ какую-то финансовую тайну?

— Неужели у тебя не найдется несчастныхъ трехъ рублей? У предковъ мнѣ кредитъ закрытъ окончательно, что я считаю прямо противоестественнымъ...

Эженъ обладалъ способностью приставать до того, что отъ него приходилось откупаться, и Честюнина часто отдавала ему послѣдніе гроши, не разсчитывая, конечно, на возвратъ, какъ было и сейчасъ. Развѣ можно было обижаться на Эжена?

— Это петербургское болотное растеніе, — охарактеризовалъ его Сергѣй Петровичъ.

Дядю Честюнина видѣла только разъ и то мелькомъ. Старикъ сильно опустился и казался такимъ жалкимъ. У Честюниной не повернулся языкъ спросить его о домашнихъ дѣлахъ. Они постояли на тротуарѣ нѣсколько минутъ, поговорили о чемъ-то постороннемъ и разошлись. О Катѣ извѣстія получались только черезъ Эжена, который навѣщалъ сестру.

— Она теперь вся поглощена семейнымъ счастьемъ.— коротко объяснялъ Эженъ.—Да... А мужъ прекрасный человѣкъ, и я рѣшительно не понимаю, что предки имѣютъ противъ него. Восхитительный мужчина... Мы съ нимъ какъ-то вмѣстѣ ѣздили закладывать Катинъ браслетъ—помнишь, съ сафиромъ? ну, я ему помогъ, а потомъ мы завернули къ Кюба...

— Что же Катя?

— Катя, братъ, настоящая женщина: каждый шагъ мужа для нея священенъ... Она была даже рада, что могла доставить мужу случай немного развлечься.

VI.

У Брусницыныхъ по вечерамъ иногда собирались „свои“, т. е. университетскіе. Большинство—готовившіеся къ магистерскому экзамену или работавшіе надъ диссертаціей, или

доценты. Это былъ свой особый мірокъ, поглощенный своими университетскими интересами. Честюнину особенно интересовали эти будущіе ученые, профессора и подвижники науки, представлявшіе собой вторую стадію студенчества. Она мысленно сравнивала этихъ университетскихъ людей съ студенческимъ міромъ и сравненіе было не въ пользу первыхъ. Здѣсь чувствовалось уже какое-то охлажденіе, интересы съужались и на первый планъ выдвигалось свое **я**. Карьеристами назвать ихъ было нельзя, но было что-то въ этомъ родѣ, хотя и прикрытое хорошими словами. Тамъ, въ студенческихъ кружкахъ охватывала молодая теплота, а здѣсь уже начиналась разсудочность. При случаѣ „свои" не щадили другъ друга и открывали карты: одинъ имѣлъ сильную поддержку въ знаменитомъ профессорѣ, другой прокладывалъ дорогу докладами и сообщеніями по ученымъ обществамъ, третій разсчитывалъ на выдающуюся работу—у каждаго былъ свой методъ борьбы за ученое существованіе. Глядя на нихъ, Честюниной какъ-то не вѣрилось, что вотъ эти корректные, выдержанные молодые люди еще недавно были студентами, шумѣли по аудиторіямъ, спорили и горячились въ своемъ студенческомъ кружкѣ и, вообще, увлекались.

— Вы не видали, Марья Гавриловна, какъ объѣзжаютъ молодыхъ лошадей?—объяснялъ Брусницинъ.—То же самое... Сначала молодая лошадка брыкается, бунтуетъ, а потомъ успокоится и привыкаетъ къ своимъ оглоблямъ. У каждаго изъ насъ есть такія оглобли... Вѣроятно, теперь вы иногда критикуете и даже осуждаете насъ, университетскихъ, а придетъ время и сами будете такой же.

— Нѣтъ, такой не буду, Сергѣй Петровичъ. Это не значитъ, что я считаю себя какимъ-то счастливымъ исключеніемъ—просто, я не могу быть именно такой.

— Вы соскучились о своихъ студенческихъ кружкахъ?

— Да...

Брусницинъ подумалъ и добродушно прибавилъ:

— Вы правы, Марья Гавриловна, съ той поправкой, что молодость не повторяется, а съ ней и молодая искренность, и порывы, и счастливая самоувѣренность, и все то, чѣмъ красна каждая весна.

Послѣднее Честюнина уже могла провѣрить собственнымъ опытомъ. Бывая въ академіи на лекціяхъ, она уже не испытывала того волненія, какъ въ прошломъ году. Да и другія слушательницы тоже. Это было не разочарованіе и не усталость, а что-то другое, чему нельзя было подобрать опредѣленнаго названія.

— А вѣдь мы уже старенькія, Честюнина, — говорила разъ Морозова, когда онѣ вмѣстѣ гуляли по корридору. — Вонъ посмотрите на новенькихъ первокурсницъ... Какъ онѣ торопятся, суетятся, какой дѣловой видъ у каждой—вѣдь и мы были такими же.

Морозова разсказывала послѣднія кружковыя новости— въ собственномъ смыслѣ новаго ничего не было, а только повторялось старое. Кстати, неизвѣстно, куда исчезъ Крюковъ. Говорятъ, что онъ совсѣмъ бросилъ академію. Впрочемъ, онъ всегда отличался легкомысліемъ и наука немного потеряла въ немъ. Геніи и бабьи пророки все въ томъ же положеніи, — Морозова не могла обойтись безъ ядовитаго словца. Ея слова попадали въ цѣль, потому что Честюнина уже начинала чувствовать себя немного чужой среди увлекавшейся зеленой молодежи, принесшей въ столицу такой запасъ нетронутыхъ молодыхъ силъ. Это чувство особенно усилилось, когда она случайно попала въ кружокъ Бурмистрова. Тамъ было все по старому, тѣ же разговоры и тѣ же поклонницы геніальнаго человѣка. Да, все было тоже, а Честюнина слушала молодыхъ ораторовъ и думала про себя, что изъ нихъ выйдетъ лѣтъ черезъ десять. Это старческое настроеніе огорчало ее, но она не могла отъ него отдѣлаться. Неужели въ этомъ и заключается тотъ опытъ жизни, которымъ грозятъ юности всѣ старики? И онъ будетъ расти съ каждымъ годомъ, пока человѣкъ не достигнетъ той степени мудрости, когда отъ него останется одна труха. А, главное, не было уже того настроенія, которое ее охватило еще въ прошломъ году. Послѣ этого печальнаго опыта Честюнина вернулась домой въ самомъ грустномъ настроеніи и обвинила себя въ томъ старчествѣ, о которомъ говорила Морозова. Не старилась и оставалась вѣчно молодой одна наука, и Честюнина съ какимъ-то особеннымъ

азартомъ накидывалась на занятія. Это былъ ея домъ, гдѣ чувствовалось такъ легко и бодро.

Судьба Кати безпокоила Честюнину, но дѣвушка не рѣшалась отправиться на квартиру Парасковеи Пятницы, гдѣ для нея оставались еще тяжелыя воспоминанія. Сама Катя не подавала о себѣ никакихъ извѣстій, кромѣ поклоновъ, которые привозилъ Эженъ. Но незадолго до Рождества Честюнина неожиданно встрѣтила ее на улицѣ. Катя ѣхала на извозчикѣ, выскочила изъ саней и бросилась ее обнимать.

— Нехорошая, нехорошая... — повторяла она. — Развѣ можно такъ забывать сестру? Я думала, что ты умерла, вывихнула ногу или вышла замужъ за этого чучелу ботаника...

— Перваго и второго нѣтъ, а третьяго не будетъ...

— Ну, это твое дѣло. Мнѣ что-то разсказывалъ Эженъ... Ахъ, виновата, это онъ влюбленъ въ эту чучелку. Ха-ха... А знаешь я собралась къ тебѣ, Манюрочка. У мени есть очень и очень серьезное дѣло... да. Знаешь, откуда я теперь ѣду?

— Съ репетиціи, конечно...

— А вотъ и не угадала... Ѣду сейчасъ изъ редакціи одной газеты, въ которой разнесли мужа. Ѣздила объясняться, но опять не застала редактора. Подозрѣваю, что онъ просто прячется. А ужъ я бы его такъ отчитала, такъ отчитала! Представь себѣ, они не признаютъ никакого таланта у Валерія... Ни-ка-ко-го!.. Какъ тебѣ это нравится?.. У Валерія нѣтъ таланта?!.

— Мнѣ кажется, Катя, что лучше было бы твоему мужу самому объясниться съ редакторомъ...

— Ахъ, ты ничего не понимаешь, Манюрочка... Во-первыхъ, всякій артистъ самолюбивъ, а во-вторыхъ, онъ и не подозрѣваетъ о моихъ хлопотахъ. Валерій ни за что на свѣтѣ не позволилъ бы такія объясненія — онъ слишкомъ гордъ для этого. Есть, Манюрочка, благородная гордость артиста... Да. Я этого раньше совсѣмъ не понимала...

Катя ужасно торопилась, нѣсколько разъ начинала прощаться и кончила тѣмъ, что отпустила своего извозчика и поѣхала къ Честюниной. Ей нужно было выговориться и излить свою душу. Честюнина была очень рада ее видѣть и разсматривала такими глазами, точно Катя вернулась изъ

*

какого-то далекаго путешествія. Катя болтала всю дорогу, смѣялась, бранила какого-то антрепренера и непремѣнно хотѣла ѣхать опять въ редакцію.

Когда онѣ подъѣхали уже къ самой квартирѣ, Катя заявила:

— Манюрка, знаешь, что я тебѣ скажу?..

— Я слушаю...

— Я давно не видала тебя, а сегодня смотрю и... вѣдь ты красавица, глупая моя Манюрочка! И настоящая красавица, строгая славянка... Черты лица не совсѣмъ правильны, но это придаетъ только пикантность. Поверни немного голову... вотъ такъ... Прелесть! Чему ты смѣешься, дурочка? Вотъ спросимъ извозчика... Извозчикъ, которая барышня красивѣе?

Извозчикъ повернулъ улыбавшееся лицо, почесалъ въ затылкѣ и проговорилъ:

— Которая красивѣе? А обѣ никуда не годитесь...

— Вотъ тебѣ разъ!.. Почему уже не годимся?

— Какая же красота, ежели вдвоемъ-то фунта не подымете? Главная причина, что господская кость жидка...

Катя расхохоталась до слезъ.

— Вотъ это такъ анатомія: жидкая кость. А, впрочемъ, почему бы истинѣ не изрекаться устами петербургскаго Ваньки... Вотъ тебѣ, Ванька, гривенникъ на чай.

Поднимаясь по лѣстницѣ, Катя продолжала болтать.

— Знаешь, Манюра, еслибъ я была мужчиной, я влюбилась бы въ тебя... И никому бы не отдала. Какіе глупые эти мужчины, вообще, и чего смотритъ твой чучелистый ботаникъ. Нужно быть окончательно слѣпымъ, чтобы упустить такую женщину... Настоящія красавицы не тѣ, у которыхъ академически правильныя лица, а тѣ, у которыхъ есть внутренняя красота. Богъ справедливъ и далъ женщинѣ красоту, чтобы пополнить кое-какіе недостатки.

Когда онѣ вошли въ комнату, этотъ гимнъ красотѣ неожиданно превратился въ довольно непріятное объясненіе, какъ это могло быть только у Кати.

— Знаешь, Манюрка, у меня мелькнула счастливая мысль,—заявила она восторженно.—Поѣзжай ты въ редакцію и объяснись.

— Я?!..

— Да, да, именно ты... Представь себѣ положеніе редактора, когда войдетъ такая дѣвушка, какъ ты, и объяснитъ ему всю его подлость. Я увѣрена, что онъ просто не понимаетъ, что дѣлаетъ, а ты ему и объяснишь все. У тебя, знаешь, такой внушительный видъ весталки съ Выборгской стороны... Ты ему скажи, что Зазеръ-Романовъ выдающійся талантъ, что онъ скоро прогремитъ на всю Россію, что ему нужно сдѣлать только первый шагъ къ славѣ... Однимъ словомъ, ты это съумѣешь сдѣлать.

— Ты это, конечно, не серьезно?

— Совершенно серьезно...

— Не могу, къ сожалѣнію...

— Ты не можешь?.. А если я буду просить тебя на колѣняхъ?.. Если я не уйду отсюда? Я тебя сама завезу въ редакцію и подожду на тротуарѣ...

— Катя, ты сошла съ ума...

— А если отъ этого зависитъ вся моя жизнь?..

— Еще разъ: не могу.

— Нѣтъ, ты не хочешь!!.. Ты—эгоистка, ты—безчувственная, ты... ты... Однимъ словомъ, я тебя не хочу больше знать и отрекаюсь отъ тебя навсегда. Вотъ до чего ты меня довела, несчастная...

Катя наговорила еще какихъ-то дерзостей, повернулась и, не прощаясь, вышла изъ комнаты. Но изъ корридора она вернулась, вспомнивъ, что позабыла хлопнуть дверью. Прітворивъ дверь, она просунула голову и заявила:

— Если бы былъ Крюковъ, онъ бы все это сдѣлалъ. Вотъ тебѣ...

Ударъ двери былъ настолько силенъ, что изъ сосѣдняго нумера показалась голова Брусницина. Онъ посмотрѣлъ на Катю удивленными глазами и спросилъ:

— Это вы?

— Да, я... т. е. не я, а дверь.

— Но, вѣдь, такъ можно ее и сломать...

— А вамъ ее жаль, т. е. дверь?.. Какой вы добрый... Вотъ дверь жалѣете, а когда человѣка преслѣдуютъ и губятъ—вамъ все равно. Вы всѣ безчувственные... Ну, что ей стоило заѣхать въ редакцію? Я подождала бы ее на тротуарѣ...

Понимаете: всего нѣсколько словъ. Но это какое-то чудовище, дѣвица безъ сердца, медицинскій препаратъ, сѣверный полюсъ въ юбкѣ, синій чулокъ... Еще никогда и никто въ жизни такъ меня не оскорблялъ! Понимаете?

Ботаникъ смотрѣлъ на разгорячившуюся даму и ничего не могъ понять, что ее еще болѣе разозлило.

— Позвольте, мнѣ кажется, что я васъ гдѣ-то встрѣчалъ,—неожиданно заявилъ онъ и улыбнулся уже совсѣмъ не къ мѣсту.

— Очень даже просто: я сестра вашей Марьи Гавриловны...

— Ахъ, да... Это вы меня называете чучеломъ, а сестру чучелкой? Да, припомнилъ... Но, позвольте, почему же вы называете Марью Гавриловну нашей?

— Какъ я это объясню вамъ, когда вы, все равно, ничего не поймете...

— Вы думаете, что не пойму?

— Я убѣждена... Идите и скажите вашей Марьѣ Гавриловнѣ, что она просто дрянь и больше ничего. Идите сейчасъ... Что же вы стоите?

— Позвольте... Я все-таки ничего не понимаю, сударыня.

Въ отвѣтъ послышался истерическій плачъ. Брусницинъ взялъ Катю за руку и повелъ къ себѣ въ комнату.

— Вы успокойтесь, ради Бога,—уговаривалъ онъ.—Выпейте воды... Если Марья Гавриловна не могла вамъ помочь, такъ, можетъ быть, это могу сдѣлать *я*. Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ падать духомъ...

Катя сидѣла на „учономъ креслѣ“ у письменнаго стола, пила воду, плакала и довольно безсвязно передала, въ чемъ дѣло. Брусницинъ слушалъ ее, поднявъ брови и никакъ не могъ припомнить, что нужно сдѣлать еще, когда дама плачетъ.

— Послушайте, сударыня, отчего вы мнѣ не объяснили всего сразу? Да я самъ съѣзжу въ редакцію и переговорю... Знаете, мнѣ не разъ случалось имѣть такія объясненія... гм... да... Да поѣдемте хоть сейчасъ. Впрочемъ, нѣтъ, у васъ лицо заплаканное...

— Вы—благородный человѣкъ, единственный благородный человѣкъ...

Эта трогательная сцена была нарушена появленіемъ „чучелки“. Елена Петровна очень строго посмотрѣла на Катю,

а когда братъ заявилъ о своемъ намѣреніи ѣхать въ редакцію—только пожала плечами.

— Вы меня презираете?—какъ-то по дѣтски спрашивала ее Катя.

— Я? Я васъ вижу во второй разъ и совсѣмъ не знаю,—съ леденящей холодностью отвѣтила Елена Петровна.

VII.

Это было довольно курьезное путешествіе. Катя страшно торопилась и попеременно называла Брусницина то Сергѣемъ Петровичемъ, то Петромъ Сергѣичемъ. Она раза два успѣла разсказать о неблагородномъ поступкѣ Честюниной, обругала того же неизвѣстнаго антрепренера и кончила тѣмъ, что, когда они подъѣзжали къ редакціи, изъявила скромное желаніе съѣсть порцію мороженаго.

— Нѣтъ, мы сначала кончимъ дѣло,—протестовалъ Брусницинъ.

Редакція газеты „Уголекъ“ помѣщалась недалеко отъ Невскаго, и Катя осталась дожидаться на извозчикѣ. Ей показалось, что прошла цѣлая вѣчность, пока чучело велъ переговоры. Когда онъ вышелъ на подъѣздъ, она заявила:

— Ѣдемте къ Филиппову пить кофе... У меня вся душа замерзла. Вы все устроили?

— Да... т. е. переговорилъ. Редакторъ былъ очень любезенъ и далъ объясненіе по существу. Представьте себѣ, онъ прежде всего спросилъ меня, что видѣлъ ли я вашего мужа на сценѣ, и я очутился въ самомъ неловкомъ положеніи...

— И вы не нашлись что-нибудь солгать? Ахъ, Боже мой...

— Но, вѣдь, я не знаю даже его амплуа?

— Гамлетъ, Карлъ Мооръ, „Бѣдность не порокъ“, „Двѣ сиротки“...

— А потомъ редакторъ объяснилъ мнѣ, что... извините... что у вашего мужа никакого таланта нѣтъ, а только однѣ претензіи.

— Это онъ изъ зависти... Противъ мужа ведутъ интригу и всѣ газеты подкуплены. Я такъ и знала... да. Но это все равно, Петръ Сергѣичъ... Вы, вѣдь, тоже хотите кофе?..

Мысль о кофе теперь заслоняла рѣшительно всѣ осталь-

ныя благородныя побужденія, и Катя даже не могла разсердиться по настоящему на жестокаго редактора. Выпивъ кофе, она пришла въ свое обычное благодушное настроеніе и весело проговорила:

— Сергѣй Петровичъ, вы, вѣроятно, считаете меня сумасшедшей...

Онъ добродушно улыбнулся, и Катѣ сдѣлалось совсѣмъ весело. А, вѣдь, онъ славный, чучело... Брусницинъ приходилъ къ тому же заключенію, любуясь своей красивой дамой. Какъ она была хороша сейчасъ, эта милая взбалмошная Катя. Сколько подзадоривающей наивности, веселья, непосредственности—она не жила, а горѣла. Брусницину хотѣлось ей еще помочь въ чемъ-нибудь, утѣшить, защитить и опять любоваться этимъ чуднымъ женскимъ лицомъ съ дѣтскими глазами. Ему доставляло наслажденіе смотрѣть, какъ она ѣла пирожное, какъ брала свою чашку кофе, какъ поправляла выбивавшіеся изъ подъ шапочки волосы и смѣялась отъ каждаго движенія, точно вся состояла изъ одного веселья.

— Я была такъ голодна, что готова была съѣсть Исакіевскій соборъ,—смѣялась Катя, кончая кофе.—А вотъ съѣла три пирожка, и больше не могу... Не правда ли, какъ странно устроенъ человѣкъ?

— О, да... очень странно.

— Вы меня проводите немного, Петръ Сергѣичъ?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ.

Катя смотрѣла на него улыбавшимися глазами и наслаждалась своей силой. Да, она уже чувствовала его въ своей власти и ей еще хотѣлось заставить его что-нибудь сдѣлать такое, чего онъ никогда не дѣлалъ. Они вышли изъ булочной подъ руку, какъ хорошіе старые знакомые, и чучело былъ счастливъ, чувствуя, какъ она крѣпко опирается на его руку.

Они шли по Невскому, и Катя останавливалась передъ каждымъ магазиномъ. По пути она успѣла разсказать, какъ случайно познакомилась съ своимъ мужемъ, чего ей стоило уйти изъ отцовскаго дома, какъ ее любитъ мужъ, какъ онъ будетъ любить ее еще больше, когда она сдѣлается знаменитой артисткой и т. д., и т. д.

— Ахъ, цвѣты!.. Боже мой, сколько цвѣтовъ, Сергѣй

Петровичъ... Если бы вы знали, какъ я люблю цвѣты. Они, вѣдь, походятъ на женщинъ и такъ же скоро вянутъ. Если бы они могли говорить... Мнѣ кажется, что въ каждомъ цвѣточкѣ скрыто что-то таинственное, какая-то быстропроходящая тайна, и мнѣ хочется сказать за него: „Любуйтесь мной—я скоро умру“... Потомъ мнѣ хочется иногда плакать, когда я держу цвѣты въ рукахъ. Вы не знаете, почему?

Онъ не зналъ, и ея рука сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Какъ же вы не знаете, когда это уже ваша область, т. е. ботаника? Чему же вы учитесь?

Онъ повелъ ее въ магазинъ, выбралъ букетъ бѣлыхъ цвѣтовъ и молча поднесъ ей. Катя покраснѣла отъ восторга и спрятала свое счастливое лицо въ цвѣтахъ. Когда они выходили изъ магазина, она проговорила съ грустью:

— Почему вы выбрали бѣлые цвѣты? Они напоминаютъ о смерти...

— Можно перемѣнить... Вернемтесь.

— О, нѣтъ... Это судьба, а противъ судьбы нельзя идти.

Усаживая Катю на извозчика, Брусницинъ сказалъ какимъ-то виноватымъ голосомъ:

— Если вамъ, Екатерина Васильевна, что-нибудь будетъ нужно—я всегда къ вашимъ услугамъ...

— Вы это серьезно? да?—печально отвѣтила она.—Вѣроятно, у меня такой видъ, какъ у человѣка, который будетъ нуждаться въ чужой помощи?..

Когда Катя скрылась въ живомъ потокѣ двигавшихся по Невскому экипажей, Брусницинъ не зналъ, что ему дѣлать. Онъ стоялъ и улыбался, еще полный полученными впечатлѣніями. Странно, что онъ старался представить ея лицо и не могъ—оно точно испарилось. Но ея голосъ и смѣхъ еще стояли въ его ушахъ, точно далекое эхо, и онъ даже прислушивался къ нему. Куда мчатся эти экипажи? куда бѣжитъ по панели публика? почему началъ падать легкій снѣжокъ? Онъ стоялъ и боялся шевельнуться, чтобы не потерять что-то такое хорошее и молодое, что его наполняло сейчасъ. А тутъ еще мысль о Васильевскомъ Островѣ, гдѣ сестра ждетъ его обѣдать... Это уже была проза.

— Извозчикъ...

— Куда прикажете, господинъ?

— На Выборгскую...

Брусницинъ опомнился, только когда они выѣхали на Неву. Извозчикъ, кажется, сошелъ съ ума...

— Вѣдь я тебя на Васильевскій рядилъ?

— Никакъ нѣтъ... На Выборгскую, господинъ.

— Ты ошибаешься... Поворачивай на Васильевскій.

Всю дорогу Брусницинъ думалъ о Катѣ и улыбался. Какая милая послѣдовательность: мороженое, кофе, пирожки, цвѣты... А какъ она хорошо говорила о цвѣтахъ? Не правда ли? И потомъ эта мысль о смерти... Ему вдругъ сдѣлалось ее жаль, жаль именно такой, какой она сегодня была — вѣдь она тоже цвѣтокъ. „Любуйтесь мной — я скоро умру"... А всего удивительнѣе то, что скажи то же самое, что говорила она — скажи другой, вышло бы и нелѣпо, и глупо, и смѣшно.

— Не правда ли, какъ странно устроенъ человѣкъ?—подумалъ онъ ея фразой.

Черезъ три дня Брусницинъ получилъ удивительнѣйшее письмо, какое только доставлялъ когда-нибудь петербургскій почтамтъ:

„Возлюбленный (такъ называли другъ друга первые христіане, и если Вамъ будетъ угодно когда-нибудь писать мнѣ, то пишите: „возлюбленная", но только не сестра — у васъ есть сестра и я не желаю повторяться), бѣлые цвѣты завяли... Я сегодня плакала надъ ними (причины неизвѣстны). Потомъ мнѣ захотѣлось написать Вамъ, но я рѣшительно не знаю, о чемъ писать. Еще потомъ: я эти дни много думала о Васъ. Ахъ, какъ хорошо думала... Есть такія хорошія—хорошія мысли, которыя трудно назвать словами. Какъ вы опишете розовый или синій цвѣтъ слѣпому? Собственно это были не мысли, а настроеніе... я чувствую себя добрѣе, лучше и чище, когда такое настроеніе овладѣваетъ мной. Есть высшій обиходъ мыслей и чувствъ, доступный только избранникамъ, есть высшія отношенія, предъ которыми все остальное блекнетъ, какъ Ваши бѣлые цвѣты. А я такъ ими любовалась и думала о томъ, какъ хорошо Вы тогда меня жалѣли, т. е. когда я уѣхала. Отчего я знаю послѣднее? Я въ высшей степени суевѣрна, и у меня есть постоянно какое-нибудь роковое предчувствіе— это уже область мистической

мнительности. Жму Вашу руку, возлюбленный. Ядовитый болотный цвѣточекъ Катя".

Въ припискѣ стояло: „Знаете, цвѣты счастливѣе насъ, потому что не знаютъ самаго ужаснаго чувства — скуки... Конечно, это кто-то сказалъ до меня, но, право, я сама это придумала".

Брусницинъ перечиталъ это сумасшедшее письмо десятки разъ и находилъ въ немъ все новый смыслъ. Потомъ, онъ ни слова не сказалъ о немъ сестрѣ — это, кажется, былъ еще первый примѣръ его братской неискренности. Что-то мѣшало быть ему откровеннымъ даже съ ней, съ этимъ добрымъ геніемъ, а затѣмъ у него явилось желаніе остаться одному, съ глазу на глазъ только съ самимъ собою. Брусницинъ носилъ письмо постоянно съ собою, какъ талисманъ и потихоньку перечитывалъ его среди своихъ занятій. Ему тоже хотѣлось написать Катѣ, и онъ тоже не зналъ, что ей писать. Не малымъ препятствіемъ для осуществленія этого намѣренія служило и то, что письмо могло попасть въ руки погибавшаго великаго артиста. Оставалось думать о Катѣ и смутно чего-то ожидать. Послѣднее было безуміемъ, и Брусницинъ начиналъ провѣрять состояніе своихъ умственныхъ способностей.

Настроеніе получалось, во всякомъ случаѣ, мучительное по своей полной безвыходности. Но изъ него вывело неожиданно новое письмо Кати, полученное ровно черезъ недѣлю. „Пользуюсь правомъ, которое Вы мнѣ дали", —писала она:— „и обращаюсь къ Вамъ, возлюбленный, съ требованіемъ, чтобы Вы были сегодня вечеромъ въ той самой булочной Филиппова, гдѣ мы пили тогда кофе. Я пріѣду ровно въ восемь часовъ вечера".

Брусницинъ, конечно, былъ тамъ, и, конечно, Елена Петровна ничего не знала объ этомъ нарушеніи добрыхъ нравовъ—больше, онъ почему-то счелъ нужнымъ прямо обмануть ее, сказавъ, что отправляется въ какое-то ученое засѣданіе. Для чего онъ сдѣлалъ послѣднее — меньше всего могъ объяснить онъ самъ. Катя заставила подождать себя цѣлыхъ полчаса.

— Какъ вы добры, Сергѣй Петровичъ,—говорила она, крѣпко пожимая его руку.

Она была блѣдна и чѣмъ-то встревожена. Присѣвъ къ столику и не снимая перчатокъ, она проговорила безъ всякихъ предисловій:

— Что бы вы сказали, если бы вмѣсто сегодняшняго письма къ вамъ явилась я сама... и со всѣмъ багажемъ?

— Что такое случилось?

— Меня удержалъ только страхъ предъ вашей милой чучелкой, которая выгнала бы меня въ шею... Я ушла отъ мужа, и мнѣ некуда дѣваться. Рѣшительно некуда... Къ отцу я не могу вернуться, Манюрку ненавижу, близкихъ знакомыхъ нѣтъ...

— Я позволю нескромный вопросъ...

— Почему я ушла отъ мужа? Отвѣтъ не новъ и кратокъ: негодяй... Чтобы убѣдиться въ этомъ маленькомъ словѣ, мнѣ нужно было полгода.

— Послушайте, Екатерина Васильевна, вы человѣкъ увлекающійся и, вѣроятно, преувеличиваете... Да, это бываетъ.

— Нѣтъ, все кончено!..

— Выслушайте меня... Вы раздражены, волнуетесь, преувеличиваете и дѣлаетесь несправедливыми...

— Очень благодарна...

— Вотъ видите: вы даже на меня сердитесь, хотя я желаю вамъ только добра. Хотите, я самъ съѣзжу къ вашему мужу и переговорю съ нимъ...

— Онъ васъ убьетъ... Вы его не знаете: онъ всѣхъ убьетъ.

Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ Катя согласилась, чтобы Брусницинъ съѣздилъ. къ мужу. Какъ оказалось, все дѣло вышло изъ-за ревности. Великій артистъ поцѣловалъ за кулисами какую - то хористку, и Катя это видѣла собственными глазами. Положимъ, что за кулисами многое позволяется, и мужъ объяснялъ, что это простой братскій поцѣлуй, но Катя предвидѣла въ будущемъ повтореніе такихъ братскихъ чувствъ.

Они сговорились встрѣтиться черезъ полтора часа здѣсь же, и Брусницинъ поѣхалъ на Выборгскую Сторону. Его встрѣтила Парасковея Пятница.

— Мнѣ бы нужно видѣть г. Зазеръ-Романова,—заявилъ Брусницннъ.

— А для чего его вамъ нужно?

— Позвольте мнѣ не отвѣчать на такой вопросъ...

Парасковея Пятница обидѣлась и молча указала на дверь.

Любопытство было однимъ изъ недостатковъ Парасковеи Пятницы и поэтому она осталась въ корридорѣ. Она, какъ охотничья собака, чутьемъ слышала, что гость явился не спроста и почему-то его появленіе связала сейчасъ же съ исчезновеніемъ Кати. У женщинъ своя логика. И, дѣйствительно, скоро послышался крупный разговоръ, причемъ упоминалось имя Кати.

— Я удивляюсь одному, почему именно вы явились посредникомъ?—съ гордостью спрашивалъ артистъ.—Кто далъ вамъ такое право?

— Я самъ предложилъ Екатеринѣ Васильевнѣ... Но я тутъ не причемъ и дѣло совсѣмъ не во мнѣ.

— Позвольте, я могу только удивляться вашей смѣлости... Вы, кажется, считаете меня за дурака, милостивый государь? Какое вамъ дѣло до того, цѣловалъ я или не цѣловалъ кого-нибудь за кулисами, и почему именно я долженъ давать объясненія именно вамъ?

Объясненіе было бурное, т. е. горячился артистъ, а гость оставался спокойнымъ, какъ рыба. Потомъ послѣдовало какое-то соглашеніе, и они вышли вмѣстѣ, такъ что Парасковея Пятница имѣла полное основаніе удивляться и приняла гостя за режиссера.

— Въ сущности, конечно, всегда нужно уступать женщинѣ...—говорилъ артистъ, когда они садились на извозчика.

— Непремѣнно... — подтверждалъ Брусницинъ. — Она ждетъ насъ въ булочной, и вы извинитесь. Развѣ это трудно сдѣлать?

— Гм... Что же, я, собственно говоря, всегда готовъ... да...

VIII.

Зима пролетѣла совершенно незамѣтно. Честюнина усиленно готовилась къ экзамену за первые два курса и невольно подводила итоги своимъ знаніямъ, что приводило ее въ отчаяніе. Въ сущности, она, какъ и другія, хорошенько

ничего не знала, а только нахватала вершковъ. Особенно огорчали ее практическія занятія анатоміей, химіей и гистологіей,—не хватало времени, а каждая наука была интересна сама по себѣ. Ей особенно нравился профессоръ гистологіи Бобровъ, энергичный, умный и суровый человѣкъ — послѣднее, впрочемъ, относилось къ ихъ женскимъ курсамъ, а студенты на него не жаловались. А какъ онъ увлекательно читалъ свои лекціи... Одна такая лекція, въ которой онъ говорилъ о знаменитомъ французскомъ ученомъ Биша̀, навсегда осталась у нея въ памяти. Недоразумѣнія происходили, главнымъ образомъ, на практическихъ занятіяхъ, когда Бобровъ дѣлался особенно требовательнымъ и даже разносилъ курсистокъ за небрежную работу съ микроскопомъ. Когда онъ появлялся, многія бросали свои препараты. Другая лекція, которая произвела на Честюнину еще болѣе сильное впечатлѣніе, была по химіи и случайно читалъ ее академикъ Зиминъ. Рѣчь шла о водородѣ, какъ о металлѣ въ газообразномъ состояніи. Старикъ ученый говорилъ о водородѣ съ такимъ увлеченіемъ, больше—съ какой-то страстной любовью, говорилъ просто и вмѣстѣ картинно. Одна такая лекція стоила цѣлаго курса, потому что давала методъ. Одно — быть ученымъ, а другое — умѣть передать свои знанія слушателямъ. Эти двѣ лекціи произвели глубокое впечатлѣніе на Честюнину и послужили поворотнымъ пунктомъ въ ея жизни. Онѣ являлись для нея чѣмъ-то вродѣ приговора. Да, ея жизнь была здѣсь и нигдѣ больше, и она чувствовала себя глубоко счастливой, а главное, спокойной, какъ человѣкъ, застраховавшій свою жизнь.

Черезъ Брусницыныхъ Честюнина, какъ мы уже говорили, познакомилась съ университетскими начинающими учеными, къ которымъ первое время относилась немного скептически. Недавнее студенчество въ нихъ быстро вывѣтривалось, замѣняясь новыми стремленіями, интересами и задачами. Тутъ уже не было молодыхъ увлеченій, охватывавшихъ цѣлый міръ, горизонтъ съужался и цѣли были яснѣе, ближе и понятнѣе. Каждый работалъ въ своемъ маленькомъ уголкѣ и эта работа постепенно заслоняла все остальное. Это былъ своего рода ученый искусъ, черная работа, а горизонты только предчувствовались еще впереди. Типичнѣйшимъ пред-

ставителемъ этой молодой науки оставался все-таки Брусницинъ. Онъ долженъ былъ кончить свою работу къ веснѣ, но почему-то не кончилъ, что волновало и мучило Елену Петровну.

— Я просто не узнаю брата,—жаловалась она Честюниной.—Какой-то онъ странный... Вообще, не понимаю.

Въ первое время Елена Петровна относилась къ Честюниной какъ-то подозрительно, по крайней мѣрѣ такъ ей казалось, но это чувство изгладилось и замѣнилось другимъ. Честюнина, въ свою очередь, очень полюбила эту выдержанную строгую дѣвушку, въ которой каждое чувство, каждую мысль и каждое движеніе отличались необыкновенной цѣльностью. Елена Петровна не выносила никакой фальши и только страдала, когда слышала что-нибудь въ этомъ родѣ. У нея постепенно развивался спеціально женскій пессимизмъ и терялась живая вѣра въ людей. Міръ представлялся ей въ какомъ-то туманѣ, точно окутанный флеромъ. Зачѣмъ люди злы, несправедливы, порочны? И какъ все просто, если бы люди не лгали, не обманывали другъ друга и не дѣлали зло. Вѣдь это совсѣмъ не такъ трудно, потому что требуются только отрицательныя достоинства.

Интереснѣе всего были моменты, когда Елена Петровна обрушивала все свое негодованіе на Эжена, какъ живое олицетвореніе всевозможнаго зла. Происходили удивительныя сцены, которыя смѣшили Честюнину до слезъ. Эженъ выслушивалъ все съ джентльмэнскимъ терпѣніемъ и возражалъ съ самой изысканнѣйшей вѣжливостью, т. е. даже не возражалъ, а позволялъ себѣ говорить „послѣднее слово подсудимаго“.

— Мужчина самое грубое существо, вѣрнѣе—замаскированный звѣрь,—обличала Елена Петровна съ методичностью и хладнокровіемъ опытнаго прокурора. — Въ душѣ всѣ мужчины относятся къ намъ съ глубокимъ презрѣніемъ, а ихъ увлеченія только вспышки самого грубаго эгоизма Начать съ того, что они не признаютъ въ насъ человѣка, а только милую, болѣе или менѣе забавную игрушку. Женщина имѣетъ цѣну, только пока она молода и красива... Будь она геніемъ и на нее никто не взглянетъ, если она не красива.

— А женщины?

— Женщины неизмѣримо выше... Онѣ цѣнятъ больше всего умъ, талантъ, энергію, убѣжденія—вообще, проявленіе генія въ той или другой формѣ.

— Елена Петровна, если бы женщинѣ представилось выбрать между двумя мужчинами, приблизительно, равноцѣнными по нравственнымъ достоинствамъ, но отличавшимися физическими качествами—полагаю, что преимущество было бы на сторонѣ болѣе красиваго и молодого...

— Само собой разумѣется...

— Ergo?..

— Ergo, всякое безобразіе и даже старость есть результатъ тѣхъ пороковъ, какимъ мужчины предаются съ момента своей юношеской самостоятельности. Мнѣ даже дѣлается страшно, когда я начинаю думать на эту тему... Начинаешь не вѣрить даже самой себѣ.

— Значитъ, вы отрицаете даже возможность исправленія?

— Совершенно... Всякое исправленіе предполагаетъ собственное желаніе исправиться, а именно этого и не достаетъ вамъ всѣмъ, Эженъ. Вы когда-нибудь, напримѣръ, задумывались, что вы такое?

— Т. е. какъ задумываться? Гм... Конечно, каждый человѣкъ думаетъ о себѣ...

— Я хочу сказать о вашихъ недостаткахъ.

— Ахъ, да... Но это старая исторія, какъ міръ. Къ сожалѣнію, Елена Петровна, я не могу вамъ представить нѣкоторыхъ соображеній по психологіи порока. Вѣдь, по своему существу, порокъ совсѣмъ ужъ не такъ дуренъ...

— Замолчите, несчастный!..

— Вотъ видите, съ вами нельзя говорить серьезно.

Елена Петровна говорила Эжену очень рѣзкія вещи и удивлялась, что какъ-то не можетъ разсердиться на него по настоящему. Это уже былъ несомнѣнный признакъ слабости и, оставшись одна, она дѣлала строгій выговоръ самой себѣ. Въ сущности, этого испорченнаго мальчишку не слѣдуетъ пускать въ комнату, не то, что разговаривать съ нимъ, а тѣмъ болѣе—спорить. А съ другой стороны въ немъ была какая-то такая безобидная наивность, которая совершенно обезоруживала. Если бы онъ получилъ другое воспитаніе и

не вращался въ испорченной средѣ разныхъ шелопаевъ, право, изъ него могъ бы выйти совсѣмъ недурной человѣкъ. Отсюда уже логически самъ собой вытекалъ вопросъ объ исправленіи Эжена, и Елена Петровна иногда думала объ этомъ.

Разъ, во время одного спора съ Эженомъ, Елена Петровна почувствовала на себѣ пристальный, наблюдающій взглядъ Честюниной и смутилась до того, что даже покраснѣла. Потомъ ей начало казаться, что Честюнина какъ-то особенно къ ней ласкова и что она что-то такое знаетъ, чего не рѣшается высказать прямо. Послѣдняго она и желала, и боялась. Послѣднее случилось неожиданно, когда онѣ ѣхали куда-то на извозчикѣ.

— Елена Петровна, вы никогда не любили?—спросила Честюнина, продолжая какую-то свою мысль.

Елена Петровна вздрогнула и даже отодвинулась отъ нея, а потомъ отвѣтила рѣшительнымъ тономъ:

— Нѣтъ... И не потому, что это не стоитъ, а такъ, какъ-то, линія не выходила. Просто, было некогда...

Честюнина подумала и продолжала:

— По моему, нѣтъ ничего печальнѣе на свѣтѣ, какъ эта хваленая любовь... Обиднѣе всего то, что это все-таки самый рѣшительный моментъ въ жизни каждаго, и именно въ такой рѣшительный моментъ человѣкъ теряетъ и душевное настроеніе, и самообладаніе и, вообще, дѣлается невмѣняемымъ. Когда я встрѣчаю влюбленную парочку, мнѣ дѣлается впередъ больно...

Д. Маминъ-Сибирякъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

САМОПОМОЩЬ СРЕДИ АМЕРИКАНСКИХЪ УЧАЩИХСЯ ДѢВУШЕКЪ.

Изъ «Nineteenth Century» м съ Бэнксъ.

Различные виды самопомощи, практикуемые американскими дѣвушками, стремящимися къ высшему образованію, почти неизвѣстны по сю сторону Атлантическаго океана, а между тѣмъ, они заслуживаютъ вниманія своей оригинальностью и простотой. Многія изъ этихъ средствъ вырабатывались въ самихъ колледжахъ, и американскія дѣвушки, обладающія большимъ честолюбіемъ и маленькимъ кошелькомъ, тотчасъ же воспользовались предлагаемой имъ возможностью учиться. Иногда же новыя идеи относительно самопомощи появлялись у самихъ учащихся, и въ результатѣ оказалось, что многія дѣвушки, которыя, вслѣдствіе недостатка, средствъ, были бы лишены доступа къ высшимъ отраслямъ науки получили возможность окончить семинарію или колледжъ и вступить въ жизнь вполнѣ подготовленными къ избраннымъ ими занятіямъ. Американскимъ школьникамъ хорошо знакома исторія покойнаго президента Гарфильда, который зарабатывалъ себѣ деньги на образованіе тѣмъ, что правилъ мулами, тащившими барки,—и американскія дѣвушки съ удовольствіемъ могутъ остановиться на томъ фактѣ, что въ то время, когда будущій президентъ Соединенныхъ Штатовъ такимъ труднымъ путемъ шелъ къ цѣли своихъ стремленій, будущая м-съ Гарфильдъ въ другомъ уголкѣ страны исполняла домашнія работы въ колледжѣ, чтобы заработать себѣ образованіе.

Современные сторонники американскихъ женщинъ не запомнятъ никакихъ сколько-нибудь серьезныхъ споровъ по вопросу о *правѣ* женщинъ на высшее образованіе. Женщины воспитывались въ сознаніи неоспоримости и несомнѣнности этого права и, вѣроятно, съ изумленіемъ, вѣрнѣе, со смѣхомъ слушали бы всякіе аргументы, клонящіеся къ доказательству того, что ихъ братья имѣютъ, будто бы больше правъ на высшее образованіе, чѣмъ онѣ сами. Но хотя желательность высшаго образованія для женщинъ стоитъ внѣ всякаго спора, достиженіе этой цѣли часто затрудняется соображе-

ніями экономическаго характера. Дѣвушки, живущія въ большихъ или маленькихъ городахъ, гдѣ общественныя школы одинаково доступны и для мужчинъ, и для женщинъ, рѣдко сталкиваются съ такого рода затрудненіями. Онѣ могутъ пройти курсъ низшей и высшей школы и слушать лекціи въ университетѣ, не имѣя при этомъ никакихъ издержекъ, развѣ на покупку учебниковъ. Иначе обстоитъ дѣло въ деревняхъ и на фермахъ, гдѣ вопросъ о томъ, «какъ воспитывать дочерей», является однимъ изъ самыхъ наболѣвшихъ вопросовъ въ семьѣ.

Любопытно, что дочери восточныхъ фермеровъ уже съ раннихъ лѣтъ присутствуютъ при накопленіи денегъ для ихъ дальнѣйшаго образованія. Съ того момента, какъ онѣ поступаютъ въ начальную сельскую школу, онѣ уже слышатъ разговоры родителей о томъ, что по окончаніи этой школы ихъ отошлютъ въ пансіонъ. Многіе изъ этихъ отцовъ въ молодости считали за счастье, если имъ удавалось получить въ школѣ самые элементарные начатки знанія; но, обрабатывая свои поля и собирая жатву, они лелѣютъ въ душѣ честолюбивыя мечты о высшемъ образованіи для своихъ сыновей, и въ особенности для дочерей. Иногда приготовленія къ школѣ принимаютъ форму подарка или, такъ называемаго, «яичка», подносимаго дочери. Иногда на ея долю отводится небольшой участокъ земли, на которомъ она сама должна разводить овощи и продавать ихъ; выручаемыя деньги изъ года въ годъ откладываются и, въ концѣ концовъ, накопляется сумма, которая можетъ оплатить первый годъ ея ученія въ колледжѣ. Такой кусочекъ земли называется «образовательнымъ садомъ». Вмѣсто земли, фермеры иногда подносятъ своимъ дочерямъ «школьную корову» (collegecow). Она сама доитъ свою «школьную корову», снимаетъ съ молока сливки, бьетъ масло и относитъ его на рынокъ, стараясь продать, по возможности, дороже. Деньги, которыя она такимъ образомъ получаетъ, служатъ началомъ для «образовательнаго фонда», который увеличивается по мѣрѣ прибавленія семейства у «школьной коровы». Кромѣ того, существуютъ и другіе способы увеличенія образовательнаго фонда, въ родѣ «школьныхъ курицъ», которыя кладутъ «школьныя яйца» и пр.

Но даже и при содѣйствіи всѣхъ этихъ источниковъ дохода, нерѣдко случается, что «образовательный фондъ» не можетъ покрыть издержекъ на образованіе. Неурожай хлѣбовъ или какая-нибудь болѣзнь скота могутъ помѣшать отцу увеличивать его въ должныхъ размѣрахъ. И вотъ, въ такихъ-то случаяхъ предпріимчивыя дѣвушки пользуются тѣми способами заработать себѣ образованіе, какіе предлагаются имъ въ колледжахъ.

Наиболѣе популярный изъ этихъ способовъ, который уже много лѣтъ практикуется въ Восточной Америкѣ, заключается въ томъ, что дѣвушки исполняютъ въ колледжѣ нѣкоторыя обязанности прислуги и за это освобождаются отъ извѣстной части своей платы за ученіе. Этотъ способъ съ такимъ успѣхомъ примѣнялся во многихъ американскихъ колледжахъ, что, по справедливости, считается однимъ изъ главныхъ средствъ самопомощи среди американскихъ дѣвушекъ, и такъ какъ я сама пользовалась имъ во время моей школьной жизни, то на основаніи собственнаго опыта могу смѣло говорить въ его пользу.

Подобно большинству дочерей фермеровъ Восточной Америки, я росла въ надеждѣ, что, по окончаніи курса въ мѣстной сельской школѣ, мнѣ удастся поступить въ какое-нибудь высшее учебное заведеніе и продолжить свое образованіе. Но въ послѣднюю зиму моего ученія въ школѣ, всѣхъ окрестныхъ фермеровъ постигла большая неудача: на поляхъ появился жучекъ и весь урожай пропалъ. Я тотчасъ же сообразила, что плохой урожай будетъ имѣть послѣдствіемъ для меня невозможность поступленія въ семинарію, и поэтому принялась старательно изучать земледѣльческую газету, надѣясь вычитать тамъ какое-нибудь новѣйшее средство для борьбы съ жучкомъ. Всѣ получаемыя такимъ образомъ свѣдѣнія я тотчасъ же сообщала рабочимъ и просила непремѣнно испробовать каждое средство. Но, не смотря на наши соединенныя усилія, жучекъ полновластно распоряжался на поляхъ, и наша великолѣпная пшеница погибла. Когда мнѣ объявили, что не только на этотъ годъ, но можетъ и на будущій, придется отказаться отъ моей завѣтной мечты—поступить въ высшую школу, или такъ называемый колледжъ, потому что не хватало еще цѣлой трети «фонда», я рѣшила, что жизнь,—по крайней мѣрѣ на фермѣ,— совершенно не имѣетъ смысла, и готова была впасть въ полное отчаяніе; но тутъ пришла почта и для меня блеснулъ лучъ надежды. Между прочимъ, почта принесла уставъ одного изъ колледжей для женщинъ, и въ этомъ уставѣ я прочла слѣдующій параграфъ:

«Студентки могутъ имѣть работу по хозяйственной части въ колледжѣ, за что плата будетъ понижена на 25 долларовъ въ годъ за часъ работы въ день. Всякая, желающая воспользоваться этой возможностью уменьшить плату за ученіе, должна заранѣе написать объ этомъ предсѣдательницѣ, обозначивъ число часовъ въ день, въ теченіе которыхъ она желаетъ заниматься хозяйствомъ, чтобы домоправительница знала, на какую помощь она можетъ

разсчитывать съ этой стороны, прежде чѣмъ нанимать прислугу на будущій годъ».

Я моментально высчитала, что, работая такимъ образомъ по 4 часа въ день, я съэкономлю 100 долларовъ въ годъ, а въ 4 года получится солидная сумма сбереженій въ 400 долларовъ. Излишне прибавлять, что я тотчасъ же ухватилась за предлагаемое средство, которое, кззалось, было послано мнѣ самой судьбой. Впослѣдствіе оно оказалось такимъ благотворнымъ для меня, что мнѣ часто приходило въ голову, что «жучокъ» на нашихъ поляхъ принесъ мнѣ счастье. Описаніе моихъ занятій по хозяйственной части въ нашемъ колледжѣ дастъ понятіе обо всей этой системѣ, практикуемой въ настоящее время въ нѣсколькихъ десяткахъ женскихъ колледжей въ Соединенныхъ Штатахъ.

Вся черная работа въ хозяйствѣ, какъ мытье кухонной посуды, чистка платьевъ, стряпня и пр., производилась въ кухнѣ наемной прислугой, и сюда студентки не допускались. Но вся работа въ столовой производилась студентками. Онѣ должны были вытирать пыль, накрывать и убирать со стола, мыть посуду, чистить серебро. Три или четыре студентки помогали при изготовленіи блюдъ изъ растительной пищи, и нѣкоторымъ разрѣшалось пробовать свои силы въ кулинарномъ искусствѣ; но они ограничивались только приготовленіемъ кушаній, а не варкою или жареніемъ. Затѣмъ, гостиныя, музыкальные классы и церковь тоже убирались студентками, хотя полъ выметали настоящіе служанки. Студентки также отворяли входную дверь, и это считалось за два часа работы въ день. Одна изъ студентокъ часть своего времени отдавала на глаженіе и починку бѣлья. Во время работы мы не сталкивались съ настоящей прислугой. Такимъ образомъ, значительная часть всей домашней работы безъ всякихъ затрудненій выполнялась 25-ю или 30-ю молодыми дѣвушками. Все дѣлалось систематически, правильно и весело; неудобно было только то, что занятыя такой работой въ теченіе 3—4 часовъ ежедневно, естественно имѣли меньше времени для отдыха, чѣмъ остальныя. За исключеніемъ этого, не было никакой разницы въ положеніи тѣхъ дѣвушекъ, которыя личнымъ трудомъ покрывали часть расходовъ на свое образованіе, и тѣхъ, за которыхъ платили ихъ состоятельные отцы. Впрочемъ, говоря, что между ними не было никакой разницы, я имѣю въ виду только ихъ положеніе въ школѣ, потому что со стороны успѣховъ въ наукахъ между ними была очень существенная разница. Дѣвушки, которыя особенно выдѣлялись своими способностями, обыкновенно работали по хозяйству и рѣдко попадалось экзаменаціонное сочиненіе, удостоенное выс-

шаго знака отличія—цифры 100, которое не было бы написано студенткой, «пробивающей себѣ дорогу», какъ у насъ выражались. То же самое можно сказать про музыку и искусства вообще. Самая талантливая музыкантша въ школѣ была дочерью сельскаго священника, которая ежедневно, по утрамъ, въ теченіе двухъ часовъ, въ большомъ бѣломъ передникѣ занималась мытьемъ и уборкой чайной посуды. Послѣ обѣда та же самая дѣвушка садилась за фортепіано, и изъ подъ рукъ ея лились такіе чудные звуки, что мы постоянно останавливались у дверей класса музыки и съ восторгомъ слушали ея игру.

Принимая во вниманіе такое положеніе вещей, станетъ понятнымъ, что неработающія дѣвушки никоимъ образомъ не могли смотрѣть сверху внизъ на тѣхъ, которыя работали. Среди студентокъ были дочери адвокатовъ, докторовъ, священниковъ, купцовъ, фермеровъ, журналистовъ и политиковъ. Никому изъ нихъ не приходило въ голову, считать другую «выше» или «ниже» себя въ зависимости отъ состоянія финансовъ ея отца, а если у кого-либо и появлялись такія мысли, то, во всякомъ случаѣ, ихъ не рѣшались высказывать. Популярность студентки среди учителей обусловливалась способностями и трудолюбіемъ, а среди подругъ — главнымъ образомъ тѣмъ, считалась ли она хорошимъ товарищемъ или нѣтъ.

Дѣвушки брались за работы по хозяйству исключительно по необходимости. Ни одна дочь богатаго человѣка не имѣла склонности для времяпрепровожденія или просто для забавы заняться этимъ дѣломъ; да если бы даже она и выразила такое желаніе, то ей не дали бы возможности осуществить его, потому что работа по хозяйству предназначалась только для дѣвушекъ съ ограниченными средствами, для которыхъ это было необходимостью. Многія студентки работали только по часу въ день и употребляли выручаемыя такимъ образомъ 25 долларовъ на какія-нибудь спеціальныя занятія, которыя не входили въ составъ общаго курса. Одна молодая дѣвушка, увлекавшаяся естествознаніемъ, на эти деньги пріобрѣла себѣ цѣнныя справочныя книги по своему любимому предмету. Другая служила ежедневно по получасу въ столовой и за это получала право часъ практиковаться на фортепіано. Ея скудныя средства лишали ее возможности тратить деньги на уроки музыки, которые были не обязательными и потому за нихъ взималась особая плата, но ежедневная практика давала ей возможность не забывать того, что она раньше знала по музыкѣ, а къ теченіе слѣдующихъ лѣтнихъ вакацій она

взяла мѣсто школьной учительницы и заработала себѣ денегъ на будущій учебный годъ.

Дѣвушки, поступающія въ хозяйственную бригаду, обыкновенно шли туда одушевляемыя какой-нибудь благородной цѣлью. Вотъ, напримѣръ, исторія одной изъ самыхъ популярныхъ дѣвушекъ въ нашей школѣ. Родители ея, путемъ величайшей экономіи и самоотреченія, скопили сумму денегъ, достаточную для оплаты ея четырехлѣтняго курса ученія въ колледжѣ. Но за мѣсяцъ до ея поступленія въ колледжъ, она сдѣлала открытіе, что братъ ея, бывшій старше ея на два года, также стремился къ высшему образованію и былъ въ отчаяніи, потому что, по недостатку средствъ, ему приходилось отказываться отъ своей мечты. Тогда она предложила подѣлиться съ нимъ тѣми деньгами, которыя были припасены на ея образованіе, рѣшивъ доработать остальныя деньги, съ тѣмъ, чтобы онъ такимъ же образомъ «пробивалъ себѣ дорогу» въ университетѣ. Въ концѣ-концовъ оба они уѣхали изъ дому. Молодой человѣкъ платилъ часть своихъ издержекъ изъ тѣхъ денегъ, которыя ему дала сестра, и зарабатывалъ себѣ пропитаніе, прислуживая въ ресторанѣ за обѣдомъ и завтракомъ, такъ что у него оставалось достаточно времени для занятій въ университетѣ, а сестра дополняла недостающую половину издержекъ на свое образованіе занятіями по хозяйству въ колледжѣ.

Въ колледжѣ была также одна молодая дѣвушка, которая служила предметомъ особеннаго вниманія, потому что она была единственной «невѣстой» среди насъ. Она была на нѣсколько лѣтъ старше большинства студентокъ и была учительницей до поступленія въ колледжъ, гдѣ она не проходила всего курса, а занималась только нѣкоторыми предметами. Отдавая значительную часть своего времени хозяйству, она имѣла возможность учиться при очень маленькихъ затратахъ. Намъ она казалась окруженной извѣстнымъ романическимъ ореоломъ, и мы постоянно старались заводить съ нею разговоры объ ея женихѣ и о томъ, когда будетъ ея свадьба. Каково же было наше изумленіе, когда она въ одинъ прекрасный день сообщила намъ, что выйдетъ замужъ немедленно по окончаніи занятій въ колледжѣ. Къ чему же ей было такъ много работать и тратить свои заработанныя деньги на изученіе латинскаго языка и науки о нравственности, разъ она немедленно по окончаніи курса должна была выйти замужъ? Почему она не посвящала теперь своего времени и денегъ на изготовленіе приданаго? Когда мы обратились къ ней съ этими вопросами, она отвѣтила слѣдующее:

— Дѣло вотъ въ чемъ, господа. Я выхожу замужъ за человѣка, который въ умственномъ отношеніи стоитъ несравненно выше меня. Когда мы познакомились, онъ уже кончилъ университетъ, а я прошла только обыкновенную высшую школу и была учительницей въ деревенской школѣ. Я рѣшила, что не выйду за него замужъ до тѣхъ поръ, пока не смогу, въ умственномъ отношеніи, сдѣлаться его товарищемъ. Онъ зналъ такъ много, въ чемъ я была полной невѣждой, и я боялась, что буду скорѣе препятствіемъ на его пути, чѣмъ его помощницей. Вотъ потому я и занимаюсь теперь тѣми вопросами, которые, я знаю, его всего болѣе интересуютъ. Я не могла помириться съ мыслью, что онъ женится на дѣвушкѣ, на которую смотритъ просто, какъ на «милое маленькое созданіе», и которая неспособна понимать его интересовъ и стремленій. Потому я и поступила въ колледжъ, чтобы подготовить себя и сдѣлаться ему настоящей женой.

Вообще, почти всѣ дѣвушки въ колледжѣ и, конечно, безъ исключенія всѣ, которыя работали по хозяйству, учились съ какой-нибудь опредѣленной цѣлью впереди. Большинство изъ нихъ стремилось къ «карьерѣ» въ той или иной области. Многія собирались сдѣлаться учительницами и профессорами въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, другія имѣли въ виду потомъ посвятить себя медицинѣ, или заняться журналистикой, или занять какія-нибудь правительственныя должности. Но цѣль, которую поставила себѣ та дѣвушка, о которой только-что была рѣчь, конечно, была не менѣе достойна уваженія, чѣмъ всѣ остальныя, и дальнѣйшія событія показали, что она ее вполнѣ достигла: мнѣ приходилось видѣть ее, когда она была замужемъ, и я убѣдилась, что она сдѣлалась одной изъ тѣхъ женъ, которыхъ обыкновенно называютъ «властью, стоящей за трономъ».

Въ Сѣверныхъ Штатахъ существуетъ, можетъ быть, около полудюжины или даже болѣе колледжей, въ которыхъ практикуется вышеописанная форма самопомощи. На югѣ она встрѣчается рѣже, и къ сожалѣнію, нужно сказать, въ ней чувствуется меньше потребности: женщины южныхъ штатовъ значительно отстали отъ своихъ сѣверныхъ сестеръ въ смыслѣ независимости и предпріимчивости. Эта система не составляетъ исключительнаго достоянія женскихъ колледжей; она съ успѣхомъ примѣняется во многихъ, такъ называемыхъ, «смѣшанныхъ» школахъ. Къ числу такихъ учрежденій принадлежитъ Оберлинъ-колледжъ въ Огіо, пользующійся такой широкой извѣстностью вслѣдствіе того участія, которое принимали его профессора и студенты въ агитаціи противъ рабства, предшествовавшей войнѣ. Въ Оберлинѣ, Люси

Стонъ, піонеръ движенія въ пользу женскихъ избирательныхъ правъ, все время работала въ хозяйственномъ отдѣленіи, чтобы имѣть возможность пройти весь курсъ ученія, причемъ она удѣляла много времени занятіямъ греческимъ и еврейскимъ языками, желая въ оригиналѣ прочесть то, что сказано въ Библіи о «низшемъ положеніи женщинъ». Во время всего курса ученія, ея доходъ равнялся 50 центамъ въ недѣлю, или около 5 фунтовъ въ годъ, и за всѣ 4 года она сшила себѣ всего одно новое платье.

Система самопомощи, основанная на занятіяхъ по хозяйству, была впервые введена въ Голіокъ-колледжѣ, въ Массачусетсѣ, въ 1837 г. Основательница этого колледжа, миссъ Мэри Лойонъ, имѣла первоначально въ виду не уменьшать издержки на образованіе для тѣхъ студентокъ, которыя пожелали бы заработывать свое ученіе, а понизить плату за помѣщеніе и содержаніе до такого минимума, чтобы ими могли пользоваться молодыя дѣвушки съ самыми ограниченными средствами. Съ этою цѣлью она рѣшила распредѣлить всю домашнюю работу между всѣми студентками, чтобы избѣжать расходовъ на прислугу. Ни одна изъ учащихся, къ какой бы богатой семьѣ она ни принадлежала, не должна была быть избавлена отъ занятій по хозяйству. Этотъ планъ былъ проведенъ въ жизнь, и тысячи молодыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ многія принадлежали къ самымъ извѣстнымъ фамиліямъ въ Соединенныхъ Штатахъ, проходили курсъ въ Голіокъ-колледжѣ, причемъ каждая изъ нихъ несла свою долю работы по хозяйству. Одинъ изъ параграфовъ устава этого учрежденія гласитъ: «каждая студентка работаетъ около часу по хозяйству, причемъ продолжительность работы немного колеблется въ зависимости отъ рода работы; на болѣе трудныя и непріятныя работы посвящается, сравнительно, меньше времени, чѣмъ на болѣе легкія и пріятныя. По воскресеньямъ работѣ посвящается только полъ-часа, вслѣдствіе чего является необходимость въ лишней полу-часовой работѣ по средамъ. Студентка въ теченіе семестра работаетъ въ назначенный часъ, если только этому не встрѣтится препятствій при распредѣленіи учебныхъ занятій. Въ случаѣ нездоровья, работа студентки исполняется запасной прислугой, которая получаетъ поденное жалованье».

Благодаря такой организаціи, ежегодныя издержки студентокъ уменьшаются на 100 долларовъ, которые шли бы на жалованье и содержаніе штата наемной прислуги. При колледжѣ находится всего одна служанка, и одинъ слуга, исполняющіе всю черную и трудную работу; но вся остальная «домашняя работа» въ семьѣ, насчитывающей 300—400 членовъ, исполняется самими студент-

ками. Не слѣдуетъ, конечно, забывать, что вся эта работа облегчается до послѣдней степени всевозможными хозяйственными приспособленіями, сберегающими трудъ, и что всѣ зданія отопляются паромъ.

Эта система, извѣстная подъ именемъ «Голіокской системы», въ 1875 г. была принята и въ новомъ Вельслейскомъ колледжѣ, но тамъ она была нѣсколько видоизмѣнена, а именно: работа по хозяйству перестала быть обязательной и предоставлялась только желающимъ, какъ средство заработать себѣ нѣкоторую сумму денегъ.

Въ Вэссаръ-колледжѣ студенткамъ предоставляется другого рода возможность самопомощи: студентки могутъ, по желанію, взять на себя наблюденіе за вентилированіемъ классовъ, распредѣленіе почты, занятія въ библіотекѣ и въ канцеляріи.

Въ новомъ университетѣ въ Чикаго молодымъ дѣвушкамъ открываются самые разнообразные способы «пробивать себѣ дорогу», какъ это здѣсь называютъ. Студентки, которыя живутъ въ университетскихъ интернатахъ, не принимаютъ участія въ хозяйствѣ, но многія молодыя дѣвушки, живущія внѣ университета, зарабатываютъ себѣ столъ въ частныхъ семьяхъ и въ пансіонахъ нѣсколькими часами работы по утрамъ и вечерамъ. При университетѣ устроено бюро для пріисканія занятій студенткамъ. При его посредствѣ молодыя дѣвушки получаютъ работу въ частныхъ школахъ и вечернихъ классахъ; другія ежедневно занимаются въ редакціяхъ чикагскихъ газетъ или въ библіотекахъ. Многія дѣвушки, живущія въ стѣнахъ университета, зарабатываютъ себѣ столъ и квартиру, присматривая за дѣтьми кого-либо изъ профессоровъ; и эти временныя няни обыкновенно занимаются науками въ паркѣ, куда они водятъ гулять своихъ питомцевъ.

Въ университетскомъ почтовомъ отдѣленіи ежедневно по часу занимаются нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, которыя получаютъ, сортируютъ и помогаютъ отвѣчать на письма, адресуемыя профессорамъ, а число этихъ писемъ приближается къ 200. За эту работу онѣ освобождаются отъ двухъ третей платы за обученіе. Въ библіотекѣ молодыя дѣвушки занимаются штемпелеваніемъ книгъ за такое же вознагражденіе. За четыре часа ежедневной работы въ библіотекѣ онѣ зарабатываютъ отъ 300 до 350 долларовъ въ учебный годъ.

Большая часть стенографической и переписной работы для членовъ факультета выполняется также студентками. Нѣкоторыя изъ нихъ зарабатываютъ извѣстную сумму денегъ, участвуя въ

хорѣ. Въ концѣ каждаго семестра студентки, исполнявшія такого рода работы, вмѣсто денегъ, получаютъ квитанцію, удостовѣряющую, что часть платы или вся плата за ихъ обученіе уплачена.

Во время длинныхъ лѣтнихъ вакацій студентки разъѣзжаются въ разныя стороны и берутся за всѣ дѣла, какія только можно себѣ представить; многимъ изъ нихъ удается за это время скопить 200, 300 и даже 500 долларовъ, съ которыми онѣ возвращаются въ колледжъ. Недавно въ одной газетѣ, издающейся на востокѣ Америки, была напечатана жалоба отъ имени клуба «безработныхъ дѣвушекъ», которыя сѣтовали на то, что лѣтомъ нельзя достать мѣста прислуги, такъ какъ цѣлая армія студентокъ наводняетъ города и деревни и берется вести хозяйство «на научныхъ основаніяхъ». Очень многія молодыя дѣвушки не считаютъ ниже своего достоинства— на лѣто облечься въ фартукъ и выступать въ роли горничной или кухарки въ частныхъ домахъ. Цѣлыя компаніи студентокъ получаютъ лѣтомъ мѣста въ купальняхъ, гдѣ онѣ смотрятъ за бѣльемъ, продаютъ билеты, и пр. Четыре года тому назадъ, я проводила лѣто въ отелѣ, гдѣ за столомъ прислуживала студентка одного изъ большихъ университетовъ востока; она, въ обществѣ 10 своихъ товарокъ, зарабатывала себѣ деньги на ученье для слѣдующаго семестра. Я слышала потомъ, что одна изъ этихъ дѣвушекъ не кончила курса, потому что вышла замужъ за богатаго капиталиста, который жилъ лѣтомъ въ томъ же отелѣ и которому она прислуживала за столомъ.

Нѣкоторыя студентки лѣтомъ замѣняютъ служащихъ чиновниковъ-мужчинъ, которые берутъ отпуски. Въ этомъ случаѣ для нихъ очень важно знаніе стенографіи, бухгалтеріи и хорошій почеркъ. Студентки часто занимаютъ также на лѣто мѣста наборщиковъ, а тѣ, которыя обладаютъ нѣкоторымъ литературнымъ талантомъ, зарабатываютъ себѣ порядочную сумму денегъ газетными корреспонденціями изъ людныхъ дачныхъ мѣстъ. Другія дѣлаются на время агентами книжныхъ фирмъ, и надо сознаться, что это рекламированіе книгъ является одной изъ самыхъ непріятныхъ отраслей дѣятельности, доступныхъ женщинамъ, и за него берутся только въ моменты крайней нужды, когда нѣтъ никакой другой возможности заработать что-либо.

Не слѣдуетъ думать, что студентки идутъ на всѣ эти занятія по какимъ-либо инымъ причинамъ, кромѣ нужды. Дѣвушки другой національности могутъ сказать: «американки дѣлаютъ все это ради интереса посмотрѣть жизнь и испытать новыя ощущенія». Но такой взглядъ очень далекъ отъ истины. Американскія дѣвушки

не находятъ никакого особеннаго удовольствія въ роли кухарокъ, горничныхъ, учительницъ лѣтнихъ школъ или приказчицъ. Я еще никогда не слышала о студенткѣ, которая проводила бы такимъ образомъ свои лѣтніе каникулы «для развлеченія». Каждая изъ нихъ, конечно, предпочла бы отправиться на морскія купанья и жить тамъ въ отелѣ въ качествѣ жилицы, а не въ качествѣ горничной. И во время учебнаго года американскія дѣвушки, вѣроятно, предпочли бы заниматься только наукой, не будучи обязанными зарабатывать себѣ часть платы за обученіе работами по хозяйству. Американскія дѣвушки дѣлаютъ все это вовсе не потому, что имъ это *нравится*. а потому что *должны* какъ-нибудь помочь себѣ, или же остаться безъ высшаго образованія. Одной изъ характерныхъ особенностей американской женщины является ея умѣнье приспособляться къ обстоятельствамъ. Дайте ей весь комфортъ и всю роскошь, порождаемую богатствомъ, счастливое дѣтство въ домѣ, наполненномъ многочисленною прислугою, любящихъ родителей и братьевъ, балующихъ ее, легкій курсъ науки въ пансіонѣ для дѣвицъ и потомъ свѣтскіе успѣхи въ обществѣ, путешествія и возможность выйти замужъ за какого-нибудь англійскаго лорда,—она, конечно, воспользуется всѣми своими преимуществами, и возьметъ отъ жизни все, что та можетъ дать. Но представьте себѣ ее безо всѣхъ этихъ преимуществъ, или даже утратившей ихъ, и она сейчасъ же приспособится къ новымъ условіямъ и съумѣетъ устроиться. На этомъ и основывается изобрѣтательность и предпріимчивость американскихъ студентокъ, пробивающихъ себѣ дорогу къ высшему образованію, несмотря на недостатокъ средствъ.

Разумѣется, въ американскихъ колледжахъ также примѣняется система обученія старшими ученицами младшихъ, какъ и въ Англіи. Но въ Англіи это является главнымъ средствомъ самопомощи, а въ Америкѣ только однимъ изъ многихъ, и тамъ онъ не пользуется особою популярностью, потому что доступенъ только слушательницамъ старшихъ курсовъ и не годится для вновь поступающихъ въ колледжъ.

Во всѣхъ колледжахъ и семинаріяхъ существуетъ также по нѣскольку стипендій; кромѣ того, наиболѣе способныя и нуждающіяся студентки получаютъ нерѣдко пособія изъ различныхъ суммъ, находящихся для этой цѣли въ распоряженіи колледжа. Въ тѣхъ заведеніяхъ, гдѣ введена система работъ по хозяйству, предпочтеніе въ вопросѣ стипендій отдается тѣмъ, которыя работаютъ наибольшее число часовъ. Въ большинствѣ колледжей максимумомъ времени, отдаваемымъ на хозяйство, считается 5 часовъ въ

день; дѣвушки, работающія по 5 часовъ, освобождаются отъ платы за свое содержаніе, и стипендія идетъ на уплату за обученіе. Я знала нѣсколькихъ дѣвушекъ, которыя прошли, такимъ образомъ, весь курсъ ученія, не получая никакихъ денегъ ни отъ родителей, ни отъ родственниковъ, и зарабатывая себѣ во время лѣтнихъ каникулъ деньги на туалетъ.

Конечно, перечисленныя мною средства самопомощи, практикуемыя американскими дѣвушками, не могутъ быть названы особенно пріятными, но за нихъ берутся ради той цѣли, къ которой они приводятъ, и, такимъ образомъ, «необходимость является матерью изобрѣтенія».

Пер. съ англійскаго **Л. Давыдова.**

ОТВЕРЖЕННЫЙ.

Разсказъ Юхани Ахо.

Переводъ съ финскаго.

Этотъ ножикъ былъ мнѣ дорогъ,
Онъ одинъ былъ мой любимый,
Отъ отца онъ мнѣ достался,
Онъ былъ собственностью старца.
Вотъ сломалъ его о камень,
О голышъ онъ разломался,
Здѣсь о хлѣбъ дрянной хозяйки,
Хлѣбъ, печеный злою бабой.

Калевала. Руна 33, стр. 91—98, переводъ Бѣльскаго.

I.

— Оставьте его въ покоѣ, говорю я! — кричалъ хозяинъ съ противуположнаго конца поля еще несжатой ржи.

— Намъ все равно, пускай себѣ остается въ покоѣ,—проворчали остальные работники и снова принялись жать.

Но черезъ нѣсколько времени старая забава продолжалась по прежнему, и даже еще съ бо̀льшимъ рвеніемъ. Всѣ жнецы заключили союзъ противъ одного. Это былъ высокій, сильный парень съ угрюмымъ лицомъ, который, какъ бы на зло своимъ товарищамъ, жалъ, не разгибая спины, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ, стараясь не обращать вниманія на грубыя шутки. Но его во что̀ бы то ни стало хотѣли разсердить; его хотѣли заставить продѣлать то, что̀ онъ обыкновенно продѣлывалъ въ подобныхъ случаяхъ: схватить какой-нибудь огромный предметъ, величиной чуть не съ него самого, и швырнуть его подальше въ сторону, чтобы отвесть душу. Частенько доводили его такими истязаніями до того, что онъ бросалъ объ стѣну корыто или какой-

нибудь другой тяжелый предметъ, либо подымалъ огромные камни, или, наконецъ, съ проклятіями вскакивалъ съ своего мѣста, послѣ чего онъ вдругъ успокаивался, исчезалъ куда-то и, вернувшись назадъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней не говорилъ ни съ кѣмъ ни слова.

Такъ какъ онъ никогда не могъ постоять за себя, то на него смотрѣли почти какъ на идіота, и часто маленькіе деревенскіе мальчики дразнили несчастнаго по наущенію взрослыхъ. Единственнымъ защитникомъ его былъ хозяинъ; причина эта заключалась въ томъ, что парень былъ усерднымъ работникомъ, аккуратно исполнялъ всѣ порученія, хорошо смотрѣлъ за лошадьми, а время отъ времени—къ великому удовольствію работницъ—чистилъ даже коровъ.

За обѣдомъ снова началась потѣха. Когда всѣ усаживались, то Юнну положилъ свою шапку и кисетъ съ табакомъ и трубкой, съ которой онъ разставался только на время ѣды, на небольшую кочку возлѣ себя. Послѣ обѣда вещи вдругъ исчезли; онъ принялся разыскивать ихъ и, наконецъ, нашелъ: шапка оказалась одѣтой на пень, а трубка торчала изъ трещины въ томъ же пнѣ, словно изо рта какого-нибудь курильщика. Эта шутка развеселила всѣхъ; даже самъ хозяинъ не могъ не разсмѣяться вмѣстѣ съ остальными.

Не говоря ни слова, взялъ Юнну свою шапку, вынулъ трубку и попросилъ отдать кисетъ, который тоже пропалъ.

— Что ты у насъ спрашиваешь, спроси у пня! — раздалось въ отвѣтъ, и всѣ покатились со смѣху.

Но Юнну только тогда понялъ, что началась травля, когда работникъ Тахво дернулъ за кисетъ, который былъ пришпиленъ кривой иголкой къ его поясу и болтался за спиной. Дальше онъ не могъ удерживаться отъ желанія побить Тахво. Онъ-было ударилъ его, но тотъ ловко увернулся отъ удара, и Юнну со всего размаху хватилъ кулакомъ по стволу сосны и расшибъ себѣ въ кровь одинъ суставъ.

Грудь его медленно поднялась разъ-другой, ноздри раздулись. Онъ взялъ свой серпъ и молча отправился жать.

— Вотъ прожорливая тетеря: ему во время ѣды можно, кажется, всю голову обрить, и то онъ не замѣтитъ этого! — раздалось ему вслѣдъ.

— Разъ это, должно быть, такъ и случилось,—вставилъ Тахво.

— Когда?

— А вотъ когда онъ въ Куопіоской крѣпости на казенныхъ харчахъ сидѣлъ.

— Придержи языкъ, — крикнулъ хозяинъ и велѣлъ людямъ приниматься за работу.

Но и за работой шутка продолжалась своимъ чередомъ.

— За какую жъ такую исторію отправили его въ путь-дорогу на казенный счетъ?

— Да за то, что онъ горшокъ молока укралъ... стащилъ т. е. изъ одного дома на пустоши, и отдалъ его другимъ, такимъ же, какъ онъ самъ, разбойникамъ.

— Кто это разсказывалъ?

— Онъ самъ.

— Придержи языкъ, кривой! — крикнулъ вдругъ Юнну ко всеобщему удивленію.

— Держи самъ, волчья твоя спина.

У Юнну была длинная спина и короткія ноги; это служило тоже, между прочимъ, предметомъ вѣчныхъ насмѣшекъ.

— Спинка-то его, говорятъ, вынесла столько розогъ, что секуторъ думалъ, что ему никогда не кончить. «Начать снова?» спрашивалъ онъ судью, и Юнну получилъ сорокъ парочекъ передъ приходской кутузкой... но и тутъ ни словечка не вымолвилъ.

— Можетъ быть, подъ казацкой-то плетью онъ бы и взвылъ...

— Кто знаетъ; развѣ, если бы родной отецъ собственноручно его попотчивалъ?..

Отецъ Юнну былъ неизвѣстенъ, и это-то обстоятельство послужило причиной сказки, пущенной кѣмъ-то въ ходъ, будто отцомъ Юнну былъ казакъ, одинъ изъ тѣхъ казаковъ, которые нѣкогда стояли въ селѣ.

— Молчи, вѣдь говорилъ я! — крикнулъ строго хозяинъ.

— Господи спаси и помилуй! — вскрикнули въ эту же минуту жницы, а жнецы дружно разразились цѣлымъ залпомъ проклятій...

Юнну поднялъ съ земли камень, такой огромный, что онъ самъ едва могъ обхватить его, и съ искаженнымъ отъ бѣшенства лицомъ, со страшными ругательствами, бросилъ его въ кучку жнецовъ. Всѣ успѣли отскочить, но Тахво камень попалъ прямо въ ногу и лежалъ теперь возлѣ него.

— Ой, убилъ, убилъ! — кричалъ Тахво.

— Да не убилъ онъ тебя... замолчишь ли ты... онъ даже и ноги-то тебѣ не повредилъ, — увѣрялъ его хозяинъ, который вмѣстѣ съ другими подбѣжалъ къ Тахво осмотрѣть ногу.

— Вяжи его! Держи, пока не удралъ!

Работники бросились черезъ рожь въ погоню за Юнну и скоро схватили его. Но тотъ только разъ обернулся кругомъ и стряхнулъ съ себя всѣхъ.

— Оставьте его въ покоѣ и не топчите ржи! Прочь оттуда! Принимайся каждый за свое дѣло!

— Неужели хозяинъ заступается за такого урода, который не смотритъ, что̀ бросаетъ?.. А чья бы вина была, кабы онъ мнѣ угодилъ въ голову?..

— Твоя!.. Развѣ я тебя не предупреждалъ?

— Такая ужасная боль; я готовъ его къ суду притянуть и притяну,—бормоталъ Тахво, идя за своимъ серпомъ и прихрамывая.

— Притягивай, сколько хочешь, но и шуткамъ долженъ быть предѣлъ.

Хозяинъ диву давался, разсматривая брошенный камень, который при паденіи на половину ушелъ въ землю и который самъ онъ едва-едва, и то немного, могъ сдвинуть съ мѣста. Во всякомъ случаѣ, было удивительно, что дѣло не кончилось хуже.

Сильное напряженіе силъ испугало и самого Юнну; онъ усталъ и съ трудомъ держался на ногахъ. Постоявъ немного, онъ направился въ чащу лѣса, самъ не зная—куда. Въ глазахъ у него было и желто, и красно, земля подъ ногами ходила, словно качалась на волнахъ, и опушка лѣса постоянно мѣняла свое положеніе. Только тогда, когда онъ, пройдя немного, подошелъ къ какой-то изгороди и сталъ перелѣзать черезъ нее, онъ ясно понялъ, что чуть не убилъ человѣка, и въ ту же минуту онъ вспомнилъ, что въ тотъ самый моментъ, когда онъ поднималъ съ земли случайно попавшійся ему на глаза камень, онъ дѣйствительно хотѣлъ совершить что-то въ этомъ родѣ.

II.

Вернувшись съ поля, рабочіе выкупались, поужинали и разошлись на покой, каждый въ свою хатку. Только хозяинъ не ложился еще спать; онъ былъ занятъ развѣшиваньемъ своихъ сапогъ на перекладины, проходившія подъ потолкомъ комнаты, какъ вдругъ къ нему вошелъ Юнну и, не говоря ни слова, сѣлъ на скамью, стоявшую у стѣны.

— Тебѣ тамъ оставили ужинъ, — сказалъ хозяинъ, но Юнну отвѣчалъ, что не хочетъ ѣсть.

— Я бы хотѣлъ поговорить немного съ хозяиномъ,—произнесъ онъ, видя, что тотъ взялся за ручку двери, собираясь выйти.

— Ну, что за важное дѣло, о которомъ ты хочешь поговорить?

— Я хотѣлъ бы отказаться отъ мѣста...

— Чего хочетъ Юнну?! Это въ самую-то горячую пору?.. Что ты?..

— Не могу здѣсь ужиться съ людьми.

— Вотъ, стоитъ еще думать о всякой болтовнѣ дураковъ... прежде кончали вы такіе споры полюбовно—и не разъ...

— Можетъ быть—они, но не я... притомъ я могу, чего добраго, кого-нибудь искалѣчить.

— Ты долженъ себя немного сдерживать: нельзя бросаться на человѣка съ чѣмъ ни попало.

— Я не могу сдерживаться, когда на меня находитъ гнѣвъ и когда меня оскорбляютъ...

Хозяинъ постоялъ, подумалъ немного и сѣлъ на скамью возлѣ стола.

— Если ты не можешь поладить съ Тахво, я могу отказать ему.

— Да, вѣдь, другіе не лучше... они ненавидятъ меня всѣ... всѣ порядочные люди ненавидятъ меня.

— Что за вздоръ ты тутъ мелешь!.. хуже ты, что-ли, другихъ!..

— Да вы слышали, что они говорятъ?

— Но, вѣдь, это только въ шутку сказано.

— Нѣтъ, это правда; они правду говорятъ.

— То есть, что ты въ тюрьмѣ сидѣлъ?..

— Да. Я разсказалъ объ этомъ одному только Тахво—это было прошлой зимой, когда мы возили сѣно; онъ тогда всячески хотѣлъ попасть ко мнѣ въ друзья. Теперь я разскажу объ этомъ вамъ, потому что вы всегда были добры ко мнѣ.

— Разсказывай, если хочешь.

— Ну, такъ вотъ что я разскажу вамъ объ этомъ дѣлѣ,— продолжалъ Юнну, прерванный на минуту словами хозяина; всхлипывая и глотая слезы, началъ онъ свою исповѣдь.—Дѣло было такъ: они—это были нищіе какіе-то—ловко обошли меня, обманули, а я поддался; они подсадили меня въ окно и заставили украсть крынку молока, три хлѣба и горшокъ съ масломъ... но я во всемъ признался и выдалъ другихъ... больше я ничего худого не сдѣлалъ... я всегда жилъ своимъ заработкомъ, но всѣ меня преслѣдовали, и здѣсь, вотъ, и тамъ—дома... собаки они, собаки... и вездѣ собаки—во всемъ свѣтѣ!

— Но со свѣтомъ ты, во всякомъ случаѣ, не можешь расквитаться.

— Нѣтъ, я расквитаюсь, если вы захотите помочь мнѣ... я бы отступился отъ части заработка, если бы вы только позволили мнѣ устроиться на вашей землѣ.

— Какъ, свой домъ поставить? Гдѣ?

— Да, напримѣръ, въ Контіокорпи.

Хозяинъ на это ничего не отвѣтилъ, и Юнну продолжалъ:

— Я уже подумывалъ объ одномъ мѣстечкѣ возлѣ Мустинлампи... вы можете назначить плату за аренду, какую вамъ угодно.

Строго говоря, хозяинъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы позволить устроиться на своей землѣ постоянному работнику, и, подумавъ о предложеніи серьезнѣе, рѣшилъ, что арендаторъ въ Контіокорпи, возлѣ Мустинлампи, дѣло очень подходящее. А что касается разныхъ предположеній, сообщаемыхъ въ газетахъ, то, вѣдь, еще неизвѣстно — оправдаются ли они. Къ тому же, онъ *самъ* хочетъ устроиться тамъ...

— Насчетъ аренды можно всегда сговориться,—сказалъ, наконецъ, хозяинъ и прибавилъ:—Я это дѣло обдумаю.

— Я бы хотѣлъ отправиться въ лѣсъ завтра же утромъ... а чтобъ работа здѣсь шла своимъ чередомъ, я долженъ поставить за себя человѣка.

Хозяинъ подумалъ нѣсколько времени и затѣмъ проговорилъ подымаясь со скамьи:

— Приходится, конечно, отпустить тебя, потому что ничто другое не поможетъ. А подробно потолковать объ этомъ дѣлѣ мы можемъ въ другой разъ,—прибавилъ онъ, выходя изъ комнаты.

Юнну продолжалъ сидѣть одинъ передъ полузатухшей лучиной. Давно уже зрѣлъ въ его головѣ этотъ планъ. Чѣмъ старше онъ становился, тѣмъ труднѣе было ему переносить насмѣшки и безсердечіе его окружавшихъ. Онъ вообразилъ, наконецъ, что всѣ соединились противъ него одного; онъ вообразилъ, что видитъ это въ каждомъ взорѣ, въ каждомъ жестѣ. Онъ встрѣчалъ эти взоры и жесты, гдѣ бы онъ ни былъ—дома ли, или на чужой сторонѣ. Онъ думалъ задобрить людей дружбой и добрымъ словомъ, предлагалъ имъ и одно, и другое. Но всѣ они, не смотря на это, относились къ нему такъ, какъ, напримѣръ, недавно отнесся Тахво, которому онъ повѣрилъ всѣ свои тайны. Какъ только работники выкуривали табакъ, подаренный имъ Юнну, а работницы съѣдали булки, привезенныя имъ изъ города, они снова готовы были издѣваться надъ его наружностью и острить насчетъ его неуклюжести и глупости. У нихъ только и было на умѣ, какъ бы вывести его изъ себя, заставить сдѣлать что-нибудь такое, за что онъ могъ быть обвиненъ, скованъ и брошенъ снова въ тюрьму. Они путемъ всякихъ хитростей старались подобраться къ его сбереженіямъ, которыя, какъ всѣмъ было извѣстно, имѣлись у него еще съ того времени, когда онъ занимался сплавкой лѣса. Его старались обмануть всѣ—и господа, и мужики.

*

— Если ты сознаешься, то понесешь меньшее наказаніе,—говорилъ ему судья со своего кресла.

Но судья лгалъ. Когда онъ сознался, его сейчасъ же подвергли наказанію розгами. Если бы его руки не были связаны въ ту минуту, то онъ задушилъ бы судью здѣсь же, у судейскаго стола. Не даромъ говорили другіе заключенные, что бѣдняку не добиться на этомъ свѣтѣ справедливости, какъ это удается другимъ.

Правда, тогда, припоминалъ онъ, пастору удалось успокоить его взволнованную душу. Онъ увѣрялъ, что всякій осужденный и несущій свое наказаніе, такой же человѣкъ, какъ и всѣ остальные, и что никто не имѣетъ права обижать или ненавидѣть его. Онъ увѣрялъ, что и осужденный можетъ быть и кумомъ, и свидѣтелемъ... Но пасторъ тоже лгалъ... именно съ той поры, какъ онъ вернулся изъ тюрьмы домой, и началось серьезное гоненіе. Впрочемъ, можетъ быть, еще то справедливо, что, если человѣкъ людямъ не милъ, то онъ все-таки милъ Господу Богу. Юнну не понималъ всего этого и не былъ въ состояніи разобраться въ своихъ сомнѣніяхъ. Каждый разъ, какъ онъ пытался объяснить себѣ это, голова его тяжелѣла, мысли спутывались и онъ не могъ отдать себѣ отчета ни въ чемъ. Одно только было ему теперь ясно, что онъ прощается со всѣмъ и прощается на всегда. Онъ уйдетъ въ глушь, залѣзетъ туда, какъ медвѣдь въ берлогу, и пусть тогда «собаки» посмѣютъ явиться къ нему и тревожить его тамъ!..

Онъ быстро поднялся со своего мѣста и вышелъ. Юнну уйдетъ отсюда ночью, думалъ онъ.

Забравъ съ чердака свои вещи и сунувъ въ коробъ нѣсколько горбушекъ чернаго хлѣба, Юнну осторожно выбрался со двора; никѣмъ не замѣченный прошелъ онъ немного по проселку и затѣмъ, свернувъ въ сторону, продолжалъ путь по лѣсной тропинкѣ. Онъ направлялся къ тому мѣсту, гдѣ паслись лошади; возлѣ изгороди щипалъ траву его любимый меринъ, съ которымъ онъ постоянно работалъ и котораго всегда холилъ. Увидя своего друга, меринъ тихонько заржалъ. Юнну подошелъ къ нему, потрепалъ его по шеѣ, которую тотъ просунулъ сквозь изгородь, и сказалъ ему нѣсколько ласковыхъ словъ при этомъ. Это былъ его единственный другъ, единственное существо, которое ни разу не сказало ему худого слова и въ глазахъ котораго онъ никогда не замѣчалъ и тѣни насмѣшки.

III.

Въ ближайшее воскресенье Юнну отправился на свою пустошь, чтобы уже окончательно устроиться тамъ. Въ то время, какъ весь народъ былъ въ церкви, онъ, переговоривъ снова съ хозяиномъ, тихонько вышелъ со двора, принявъ заранѣе всѣ мѣры предосторожности, чтобы кто-нибудь не замѣтилъ его ухода.

На свои сбереженія Юнну купилъ любимаго своего мерина и сговорился съ хозяиномъ относительно условій аренды: рѣшено было, что Юнну, если онъ только захочетъ остаться арендаторомъ, получаетъ землю на десятилѣтній срокъ безъ уплаты арендныхъ денегъ; онъ обязанъ лишь отдавать часть жатвы, которую получитъ со своего новаго поля. Кромѣ того, поставлено было и такое условіе, что, если новый арендаторъ, по той, или другой причинѣ, захочетъ уйти со своего мѣста и отправиться на всѣ четыре стороны, то всѣ его постройки переходятъ въ собственность хозяина.

Когда онъ улизнетъ, вотъ, наконецъ, отъ «нихъ», тогда это и будетъ значить, что онъ «отправился на всѣ четыре стороны», разсуждалъ про себя Юнну съ довольнымъ видомъ, ведя въ поводу свою лошадь—сѣсть на нее верхомъ онъ не рѣшался—и уходя все глубже и глубже въ лѣсную чащу. И какъ глупъ, казалось ему, былъ онъ, не осуществивъ этой мысли раньше. Но откуда ему было узнать, что найдется на свѣтѣ такой человѣкъ, который не будетъ его презирать и преслѣдовать. «Въ теченіе десяти лѣтъ можешь ты не платить арендныхъ денегъ», сказалъ хозяинъ... и какъ это могъ онъ быть такъ далекъ отъ корысти и жажды наживы? Но Юнну вернетъ ему все сторицею, онъ отдастъ ему добровольно всю ту часть жатвы, которая окажется лишней, и когда онъ думалъ о поступкѣ хозяина, онъ умилялся душой, нижняя губа начинала вздрагивать и онъ вытиралъ рукавомъ слезы, набѣгавшія на глаза.

Юнну подвигался впередъ по узкимъ лѣснымъ тропинкамъ, которыя незамѣтно какъ-то тянулись по лѣсу, извивались по краямъ болотъ или взбѣгали на небольшія, покрытыя лѣсомъ, возвышенности; казалось, никогда еще нога человѣческая не вступала на нихъ. Онъ поднялся на высокій холмъ, откуда можно было видѣть только густой лѣсъ, начавшій уже убираться въ осенній нарядъ, да глухія дремлющія болота.. Весь остальной міръ лежалъ тамъ, гдѣ-то далеко за этими возвышенностями, откуда не доносилось ни звука, гдѣ не видно ни струйки дыма, которая бы поднималась къ небу, свидѣтельствуя о томъ, что здѣсь человѣческое жилье. Далеко гдѣ-то, очень далеко слышенъ былъ лай охотничьей

собаки, да время отъ времени, раздавался ружейный выстрѣлъ. Но они идутъ своей дорогой, они не придутъ сюда нарушать его покой.

Однако, изъ предосторожности, Юнну заткнулъ мхомъ колокольчикъ своей лошади и тогда только рѣшился двинуться въ дальнѣйшій путь.

Даже придя домой, онъ долго не могъ успокоиться.

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль все мучилъ Юнну неопредѣленный страхъ, боязнь, что «люди», быть можетъ, откроютъ мѣсто, гдѣ онъ скрывается, найдутъ «негодяи», и придутъ сюда, чтобы не давать ему покоя. Можетъ быть, Тахво въ серьезъ сказалъ, что обвинитъ его въ покушеніи на жизнь человѣка?..

И всю осень мучила его эта мысль. Мѣсто, на которомъ задумалъ Юнну строиться, было расположено въ долинѣ, по сосѣдству съ болотомъ, между двумя высокими холмами. Здѣсь стояла уже съ давнихъ поръ старая, на половину ушедшая въ землю избенка, построенная на тотъ случай, чтобы въ ней могли пріютиться рабочіе, расчищавшіе здѣсь когда-то мѣсто для поля. Тутъ-то и хотѣлъ Юнну поставить себѣ избу. А пока онъ поселился въ старой избенкѣ, предварительно починивъ крышу. Окончивъ постройку новаго своего обиталища, Юнну принялся за конюшню.

Въ теченіе всего времени, пока онъ рубилъ лѣсъ для своей новой избы, ему все чудилось, будто онъ совершенно ясно слышитъ шаги въ лѣсу и видитъ какую-то фигуру, мелькающую между деревьями. Онъ переставалъ рубить, прислушивался къ звукамъ, какъ птица, затаивъ дыханіе и не двигаясь ни однимъ членомъ. Каждое воскресенье ожидалъ онъ своего врага съ полной увѣренностью и, ради безопасности, уже рано утромъ ходилъ по лѣсу, углубляясь въ чащу, пока хватало духу.

Возвращаясь же домой, обыкновенно въ сумерки, онъ прокрадывался, какъ воръ, чрезъ дворъ къ дверямъ избы. Но прежде чѣмъ двинуться къ дому, онъ высматривалъ что-то и прислушивался еще на опушкѣ лѣса.

Между тѣмъ, никто не являлся. Къ тому времени, какъ выпалъ первый снѣгъ, Юнну успѣлъ уже покрыть крышей новую избу. Въ день «всѣхъ святыхъ» *) онъ въ первый день развелъ огонь въ новой печи. Очагъ пылалъ, дрова весело потрескивали струя дыма, извиваясь какъ змѣя, ползла то вдоль одной стѣны, то вдоль другой и уходила, наконецъ, подъ крышу. Юнну лежалѣ на скамьѣ, покуривалъ свою турубочку да смотрѣлъ на огонь.

*) 1-го ноября.

Неужели-таки въ концѣ концовъ у него своя кровля надъ головой? Неужели это его собственныя стѣны? Неужели у него теперь въ самомъ дѣлѣ есть свой уголъ, откуда онъ можетъ выгнать всякаго, кто осмѣлится безпокоить его? Неужели онъ теперь ни передъ кѣмъ не обязанъ больше гнуть спины, стараясь всячески угодить?

...Будь его старуха мать жива; онъ бы взялъ ее къ себѣ сюда,—промелькнуло вдругъ въ его головѣ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ не вспоминалъ о ней—да и не хотѣлъ вспоминать. Но, вѣдь, она, такъ же какъ и онъ, была отверженной; вѣдь и она тоже не знала покоя, какъ не зналъ его онъ, и никогда не жила подъ своей кровлей. Она умерла, какъ раба, проданная съ публичнаго торга; осмѣянная и униженная всѣми, она лежитъ въ землѣ въ неоструганномъ гробѣ, въ большой общей могилѣ, зарытая въ тотъ памятный каждому голодный годъ... Какъ жалокъ и бѣденъ былъ тогда благовѣстъ церковный... Онъ грубо обращался съ ней при жизни... но, вѣдь, «они» посадили его въ тюрьму и оторвали отъ матери. А когда онъ вернулся, они бранили и срамили ихъ обоихъ: «Вотъ идетъ эта негодница со своимъ сыномъ!»—говорили они и затѣмъ припѣвали: «Янасъ Юнну, потаскухинъ сынъ; Янасъ Юнну, потаскухинъ сынъ!» Съ той поры онъ сталъ стыдиться своей матери, а мать его, и оба они старались дать крюку, лишь бы только не встрѣтиться. Когда мать была въ послѣдній разъ больна, она послала просить его придти къ ней поговорить. Юнну занятъ былъ тогда сплавомъ лѣса и отказался придти единственно потому, что просьба была ему передана такъ, что всѣ ее слышали. Скоро пришла новая просьба: придти и вырыть, по крайней мѣрѣ, порядочную могилу.

— Пусть хоронятъ, гдѣ хотятъ,—отвѣчалъ онъ и не пошелъ...

Но все это могло пройти и иначе—и такъ какъ мать могла быть жива и вести другой образъ жизни, болѣе подходящій, то его это мучило. Чтобы отогнать горькія мысли, Юнну сталъ приводить въ порядокъ свои сани; онъ думалъ заняться перевозкой грузовъ, когда установится санный путь, чтобы заработать деньги, необходимыя для покупки коровы. Вѣроятно, въ его приходѣ представится случай возить бревна. Но тамъ онъ можетъ столкнуться съ людьми, отъ которыхъ только-что ушелъ. Поэтому, онъ направился въ ближайшій городъ, но направился туда другой дорогой, чтобы миновать село и прочія знакомыя мѣста.

Половину зимы провелъ Юнну въ работѣ, перевозя товары купцовъ съ морского берега въ глубь страны и изъ одного города въ другой.

Здѣсь его не узнавалъ никто и никто не спрашивалъ его о томъ, откуда онъ. Тѣмъ не менѣе, Юнну, какъ онъ это дѣлалъ и въ родномъ своемъ приходѣ, старался не заѣзжать на крестьянскіе дворы, не останавливаться въ деревняхъ и держался въ сторонѣ отъ прочихъ возчиковъ. Если не было мятели или стужи, то онъ располагался на отдыхѣ возлѣ дороги, заѣзжая куда-нибудь на ночь только изъ-за лошади. Его мучали, ему были въ тягость человѣческіе взоры, которые устремлялись на него изъ оконъ, съ дворовъ и на дорогѣ, и потому онъ всегда вздыхалъ съ какимъ-то облегченіемъ, когда выбирался на большую дорогу; она была, правда, очень однообразна, но зато здѣсь не было человѣческаго жилья. Здѣсь онъ былъ одинъ одинешенекъ со своею лошадью, съ которой онъ разговаривалъ иногда часами, идя возлѣ нея, и которой онъ помогалъ на подъемахъ, таща сани за веревку, прикрѣпленную къ передку.

Но передъ Рождествомъ дороги кишѣли народомъ, направлявшимся изъ одного города въ другой, съ ярмарки на ярмарку.

Однажды, помогая своей лошади втаскивать грузъ на крутой подъемъ, Юнну увидѣлъ передъ собой въ нѣкоторомъ разстояніи сани, въ которыхъ сидѣло нѣсколько господъ, одѣтыхъ въ большія шубы и подпоясанныхъ красными кушаками. Когда они поровнялись другъ съ другомъ, то господа крикнули Юнну, чтобы онъ сворачивалъ. Но такъ какъ поклажа была очень велика и мѣшала свернуть въ сторону быстро, то одинъ изъ господъ, сидѣвшихъ въ саняхъ, вытянулъ лошадь Юнну изо всѣхъ силъ кнутомъ по спинѣ. Юнну освирѣпѣлъ, забылъ совсѣмъ о своей лошади, которая пустилась уже во всю прыть, выдернулъ огромный шестъ изъ изгороди, тянувшейся вдоль дороги, и бросился въ догонку за господскими санями. Тѣ летѣли впередъ, насколько было возможно, но на слѣдующемъ же подъемѣ Юнну настигъ и, напрягши всѣ свои силы, бросилъ шестъ прямо въ сани. Сидѣвшимъ въ нихъ удалось увернуться; шестъ же сломился о бортъ саней, а Юнну стоялъ позади, средь дороги, совершенно запыхавшись. Вернувшись назадъ, онъ нашелъ свой возъ и лошадь передъ другимъ подъемомъ: лошадь, вся въ мылѣ, вздрагивала всѣмъ тѣломъ; одна оглобля легла ей поперекъ спины. Сжавъ кулаки и плача отъ злобы, прокричалъ Юнну вслѣдъ удалявшимся санямъ цѣлый залпъ всякихъ ругательствъ: отчетливо и громко раздались его слова въ этой зимней тиши.

Гнѣвъ его улегся лишь тогда, когда онъ снова пришелъ къ сознанію и подумалъ, какое счастье, что онъ не убилъ человѣка. На первомъ же привалѣ—на крестьянскомъ дворѣ, куда онъ за-

вернулъ, чтобы дать постоять своей изъ силъ выбившейся лошади, онъ услышалъ, что встрѣтившіеся ему на пути господа также останавливались здѣсь и что это, вѣроятно, какіе-нибудь инженеры (такъ предполагали крестьяне). Ну, что жъ, пусть другой разъ эти негодяи смотрятъ лучше и не становятся ему поперекъ дороги.

Ему вдругъ захотѣлось уйти отсюда, отъ этихъ мѣстъ, отъ этихъ грабителей на большихъ дорогахъ, отъ всѣхъ этихъ людей, разъѣзжавшихъ теперь по ярмаркамъ; ему совѣстно становилось передъ своей обиженной лошадью, а такъ какъ заработокъ былъ хорошъ, то Юнну и вернулся домой, давъ попрежнему большого крюку, чтобы миновать село и другія населенныя мѣста. Въ саняхъ съ собой привезъ онъ молодую коровенку, пріобрѣтенную имъ на отложенныя сбереженія. Коровенка была заботливо укутана въ шубы и войлокъ, а самъ владѣлецъ ея сидѣлъ на облучкѣ. Когда онъ оборачивался и глядѣлъ на нее, она смотрѣла на него своими большими темными глазами; въ эти минуты ее можно было принять за человѣческое существо. Юнну былъ въ хорошемъ расположеніи духа, улыбался, иногда даже громко смѣялся, смотря на свою семейку и, подъѣзжая къ дому, рѣшительно разошелся: «Я не нуждаюсь въ людяхъ; корова есть, лошадь есть, есть и своя избенка; не нуждаюсь я въ людяхъ... нѣтъ, не нуждаюсь!»—думалъ онъ про себя.

Подъѣхавъ въ избѣ, Юнну увидѣлъ, что она совершенно погребена въ огромномъ сугробѣ снѣга. Ни одна дорожка не вела къ ней, ни одинъ человѣкъ не заходилъ сюда, одни только зайцы да бѣлыя куропатки бѣгали по двору и протоптали небольшую твердую тропинку вокругъ избы.

IV.

Настало теперь для Юнну веселое времячко: наступила глубокая зима, подошли и зимнія работы. Онъ рубилъ дрова, возилъ домой сѣно и бревна для новыхъ построекъ,—хлѣва и сарая.

Но однажды обычное хорошее настроеніе Юнну было испорчено утромъ, когда онъ, проѣзжая лѣсомъ, услышалъ изъ чащи удары топора. Это былъ, конечно, какой-нибудь дровосѣкъ, но Юнну боялся, что этотъ дровосѣкъ придетъ къ нему въ избу. Впрочемъ, онъ не придетъ, навѣрное, потому что онъ, кажется, ѣдетъ съ своимъ возомъ по другую сторону болота. И Юнну въ теченіе многихъ дней послѣ этого не слышалъ, чтобы онъ возвращался. Но однажды, когда онъ, вполнѣ увѣренный въ своемъ

одиночествѣ, ѣхалъ въ саняхъ по лѣсу, повстрѣчался съ нимъ какой-то незнакомый ему человѣкъ; онъ, впрочемъ, не сказалъ ни слова, когда Юнну молча свернулъ въ сторону на другую дорогу. Лошадь незнакомца была съ хозяйскаго двора—это была старая лошадь Тахво, но работника Юнну не зналъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней ѣздилъ незнакомецъ по лѣсу, но онъ, повидимому, и не хотѣлъ мѣшать Юнну. Это былъ, по всей вѣроятности, какой-нибудь новый работникъ и на видъ, притомъ, славный малый. Когда они разъ встрѣтились снова, то Юнну остановилъ свою лошадь, закурилъ трубку и вступилъ съ работникомъ въ разговоръ. Тахво, оказалось, уже весною отправился на казенныя работы, такъ какъ, во-первыхъ, хозяинъ не хотѣлъ его дольше держать у себя, во-вторыхъ, они не сошлись относительно рабочей платы.

Новый знакомецъ понравился Юнну, относился къ нему почтительно и удивлялся его хорошимъ заработкамъ, о которыхъ Юнну разсказывалъ; послѣдній разговорился о своихъ планахъ насчетъ новыхъ построекъ—конюшни и хлѣва. Онъ даже просилъ работника заходить къ нему, если ему какъ-нибудь придется проѣзжать здѣсь. Работникъ, дѣйствительно, заѣхалъ однажды, хвалилъ опять Юнну, говорилъ съ нимъ, какъ съ хозяиномъ и, какъ пристально ни смотрѣлъ Юнну все время на него, не могъ замѣтить ни малѣйшаго даже намека на насмѣшку въ глазахъ гостя.

Однажды, въ воскресенье, посѣтилъ его и самъ хозяинъ. Онъ заявилъ, что безпокоился о Юнну, котораго здѣсь занесло, быть можетъ, снѣгомъ, и что онъ, поэтому, хотѣлъ провѣдать его и узнать, что̀ съ нимъ. Юнну сварилъ гостю кофе, предложилъ табаку, который онъ привезъ изъ города; хозяинъ съ своей стороны похвалилъ его устройство; это было второй разъ, что Юнну хвалили.

— Ты, чего добраго, цѣлый дворъ поставишь здѣсь; начало положено хорошее,—сказалъ хозяинъ.

И оба они пустились въ разговоръ о полѣ Юнну; обсуждали, что̀ отвести подъ поля и что подъ лугъ. Хозяинъ совѣтовалъ обработать полосу земли отъ избы до болота. Юнну, наоборотъ, думалъ, что можно найти и лучшее мѣсто подъ пашню, хотя и немного дальше; но хозяину казалось наиболѣе подходящимъ имѣть поле подъ бокомъ.

«Неужели я сталъ взаправду настоящимъ хозяиномъ, и они видятъ себя вынужденными обращаться со мною, какъ съ равнымъ?» думалъ Юнну, когда уѣхалъ хозяинъ.

Съ наступленіемъ весны онъ принялся за работу съ бóльшимъ еще рвеніемъ, воодушевленный своими мечтами о будущемъ. Онъ обработалъ большую полосу земли подъ поле на солнечной сторонѣ холма, огородилъ небольшое мѣсто для выгона, гдѣ прежде была уже, впрочемъ, срубленная рощица; вспахалъ новое поле и выбралъ, наконецъ, въ долинѣ мѣсто подъ лугъ. Но самыми свѣтлыми днями для Юнну были воскресенья. Онъ проводилъ ихъ обыкновенно въ обществѣ своей лошади. Онъ ходилъ съ нею по лѣсу, садился возлѣ нея, когда закуривалъ трубку, подзывалъ ее къ себѣ и давалъ ей въ видѣ угощенія хлѣба съ солью, который бралъ нарочно изъ дому. Яровые посѣвы взошли скоро, стояли хорошо; рожь была густа, стебель крѣпокъ, и когда онъ, смотря на нее, размышлялъ о своей новой жизни, крупныя слезы катились по его щекамъ и нижнюю губу судорожно подергивало.

Но, какъ и прежде, на него находила по временамъ безпричинная, непонятная боязнь,—боязнь, что вотъ что-нибудь да случится, помѣшаетъ ему и положитъ конецъ его счастью. Ему представлялось это то въ одномъ, то въ другомъ образѣ. Однажды ему приснилось, будто это невѣдомое несчастье надвигается съ той стороны, гдѣ лежитъ его деревня, будто оно поднялось въ видѣ густой темной тучи, которая подняла страшный вихрь и гремѣла по всему лѣсу, которая потомъ сорвала крышу съ его избы и бросила самого его лицомъ на земь. Онъ запомнилъ этотъ сонъ, размышлялъ много о его значеніи и подыскивалъ средства какъ помѣшать этому видѣнію осуществиться на дѣлѣ.

Лишь бы хозяинъ не разсердился на него за что-нибудь, лишь бы онъ не прогналъ его отсюда въ виду того, что у него нѣтъ письменнаго контракта, думалъ Юнну. Впрочемъ, онъ можетъ разработать поле и тамъ, гдѣ укажетъ хозяинъ. Можетъ быть, тамъ будетъ такъ же хорошо, хотя и труднѣе. Но, быть можетъ, пасторъ нападетъ на него изъ-за подати или по поводу того, что онъ не былъ на духовной бесѣдѣ или у причастія; или, наконецъ, можетъ случиться, что правительство пошлетъ лэнсмана*) требовать съ него податей и налоговъ... Онъ направился на пасторскій дворъ, внесъ, что слѣдовало, масломъ и записался на исповѣдь.

Тогда же внесъ онъ въ казну подати, внося деньги впередъ, по просьбѣ казначея: срокъ платежа тогда еще не наступилъ.

Ну, теперь они не посмѣютъ являться къ нему; ни люди, ни небо не дерзнутъ теперь преслѣдовать его, думалъ онъ, возвращаясь домой.

---

*) Нѣчто въ родѣ русскихъ исправниковъ или, вѣрнѣе, становыхъ.

Онъ помирился бы даже съ Тахво, если бы встрѣтилъ его теперь. Но возможно, что Тахво помирился уже самъ, вѣдь онъ не показалъ своего гнѣва.

Его страхъ уже прошелъ, какъ вдругъ онъ вспомнилъ о матери. А что если общество притянетъ его къ суду за дурное обращеніе съ матерью, разъ станетъ извѣстнымъ, что у него есть корова и лошадь?.. Можетъ быть, и Господь Богъ отвернется отъ него за то, что онъ такъ дурно обращался съ ней и, когда она умерла, не позаботился даже о томъ, чтобы по ней благовѣстили отдѣльно.

Онъ повернулъ назадъ, отправился къ старшинѣ и внесъ нѣсколько марокъ въ пользу бѣдныхъ, такъ какъ благодѣянія въ иной формѣ не принимались; послѣ старшины зашелъ онъ къ столяру и заказалъ для могилы матери деревянный крестъ.

Это его успокоило; ему казалось, что онъ раздѣлался со всѣмъ этимъ злымъ міромъ. Теперь ему ничего не могутъ сдѣлать, не могутъ придти къ нему. Впрочемъ, можетъ быть, они и вовсе не хотятъ этого дѣлать.

Онъ началъ какъ-будто примиряться въ своихъ мысляхъ со всѣмъ міромъ; его ненависть улеглась, вся горечь чувствъ пропала и онъ уже не вѣрилъ болѣе въ свои предчувствія, когда они иной разъ неожиданно снова всплывали на поверхность.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

СОЖИТЕЛЬСТВО И ВЗАИМНАЯ ПОМОЩЬ.

Зоологическій очеркъ профессора А. Θ. Брандта.

(*Окончаніе* *).

Соціальный строй общественныхъ перепончатокрылыхъ насѣкомыхъ поражаетъ насъ, между прочимъ, своею изолированностью въ животномъ царствѣ. Ни въ классѣ насѣкомыхъ (исключая, впрочемъ, термитовъ), ни, подавно, въ другихъ классахъ безпозвоночныхъ мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго. Мало того, даже изъ числа представителей позвоночныхъ животныхъ, если не считать человѣка, этого zoon politicon—такъ выражался *Аристотель*,—нѣтъ ни одного, у котораго сожительство многочисленныхъ особей вылилось бы въ такія же сложныя формы, какъ у высшихъ представителей изъ жалоносныхъ перепончатокрылыхъ. Сожительства не только холоднокровныхъ, но и теплокровныхъ животныхъ, гдѣ вообще встрѣчаются, въ громадномъ большинствѣ случаевъ носятъ на себѣ чисто стадный характеръ. Такъ, рыбы соединяются въ стаи, большею частью, лишь временно, когда стремятся въ мѣста, удобныя для нерестованія. Ихъ соединяютъ общность пути и половое влеченіе. Земноводныхъ и пресмыкающихся животныхъ весьма тупыхъ и необщительныхъ скучиваютъ опять-таки лишь подходящія мѣстныя условія для обитанія, какъ показываетъ примѣръ лягушекъ на Лаго д'Аніано, близъ Неаполя. Даже среди теплокровныхъ животныхъ сожительство ограничивается, въ большинствѣ случаевъ, стаей или стадомъ, или же семьею въ тѣсномъ смыслѣ слова, и лишь сравнительно рѣдко становится сложноорганизованнымъ. Зато тутъ уже сказывается сознательность дѣйствій, при которомъ индивидъ съ его личною волею и иниціативою выступаетъ на болѣе видный планъ. Въ сравненіи съ птицей и млекопитающими, соображающими и при-

*) См. «Міръ Божій», № 5, май 1896 г.

наравливающими свои дѣйствія въ отдѣльныхъ случаяхъ къ даннымъ обстоятельствамъ, какая-нибудь пчела уподобляется автомату. Примѣры такихъ дѣйствій, направленныхъ на помощь товарищамъ, будутъ приведены въ заключительной главѣ.

Общественная жизнь птицъ бываетъ, въ большинствѣ случаевъ, лишь временная, пріуроченая къ опредѣленному сезону. По минованіи періода вывода птенцовъ у многихъ видовъ пернатыхъ пробуждается инстинктъ общительности, примѣромъ чему служатъ: чижи, щеглята, скворцы, ласточки и весьма, весьма многія другія птицы, если не большинство. Сочлены образующихся такимъ образомъ стай сообща промышляютъ добычу, и сытые, видимо, развлекаютъ другъ друга, иногда организуя правильныя игрища. Мотивомъ для сборищъ служатъ также упражненія въ полетѣ, порою съ характеромъ стройно организованныхъ маневровъ, которые происходятъ подъ руководствомъ опытныхъ предводителей. Такіе маневры выполняются, напр., при участіи иногда многихъ тысячъ головъ, галками, воронами, грачами. Совмѣстныя упражненія въ полетѣ предшествуютъ осеннему перелету тѣхъ изъ птицъ, которыя совершаютъ эти перелеты цѣлыми стаями.

Осѣдлыя общежитія нѣкоторыхъ птицъ имѣютъ своимъ источникомъ многоженство. Это мы видимъ въ отрядѣ куриныхъ, а изъ бѣгающихъ у африканскаго страуса. Эта птица замѣчательна тѣмъ, что полигамическое общежитіе находится еще на пути къ выработкѣ изъ пожизненнаго сожительства парами, составляющаго норму въ классѣ птицъ. Дѣло въ томъ, что сплошь да рядомъ попадаются страусы, живущіе парами. Эти пары впослѣдствіи разростаются въ семейки тѣмъ, что родители оставляютъ при себѣ нѣсколькихъ молодыхъ самочекъ изъ числа собственныхъ птенцовъ. Такимъ образомъ основывается гаремъ съ коммунистическимъ отчужденіемъ дѣтей отъ ихъ матерей, ибо всѣ самки откладываютъ яйца въ общее гнѣздо, гдѣ они подогрѣваются отчасти тропическимъ солнцемъ, отчасти родителями и притомъ, въ особенности въ ночную пору, главнымъ образомъ самцомъ.

Другимъ поводомъ къ сближенію птицъ нерѣдко въ весьма многочисленныя общества является ограниченность мѣстъ гнѣздованія, примѣромъ чего служатъ упомянутыя уже во вступительной главѣ птичьи горы, колоніи береговыхъ ласточекъ, щурокъ (Merops apiaster), требующихъ, для устройства гнѣздъ, непремѣнно крутыхъ обрывовъ. Обыкновенная городская ласточка, и та нуждается въ подходящихъ уголкахъ подъ кровлями или оконными откосами для прочнаго прилѣпленія своего тяжеловѣснаго гнѣзда. Вотъ почему ласточкины гнѣзда скопляются иногда на

небольшомъ, сравнительно, пространствѣ въ необычайномъ количествѣ. Припоминаю карнизъ съ лѣпными выступами (такъ наз. сухарями) длиннаго общественнаго зданія на одной изъ главныхъ улицъ Казани, гдѣ непрерывнымъ рядомъ помѣстилось около сотни гнѣздъ. Невольнымъ результатомъ такихъ обусловленныхъ чисто внѣшними причинами сожительствъ могутъ являться иногда и солидарныя дѣйствія, такъ особенно, въ случаѣ нападенія общаго врага, положимъ, хищной птицы. Особенно тѣсное скучиваніе гнѣздъ въ состояніи переходить въ общественное сооруженіе, разительнымъ примѣромъ чему служитъ коллективное сотовидное гнѣздо *общежительныхъ воробьевъ* или *вьюрковъ*, иначе

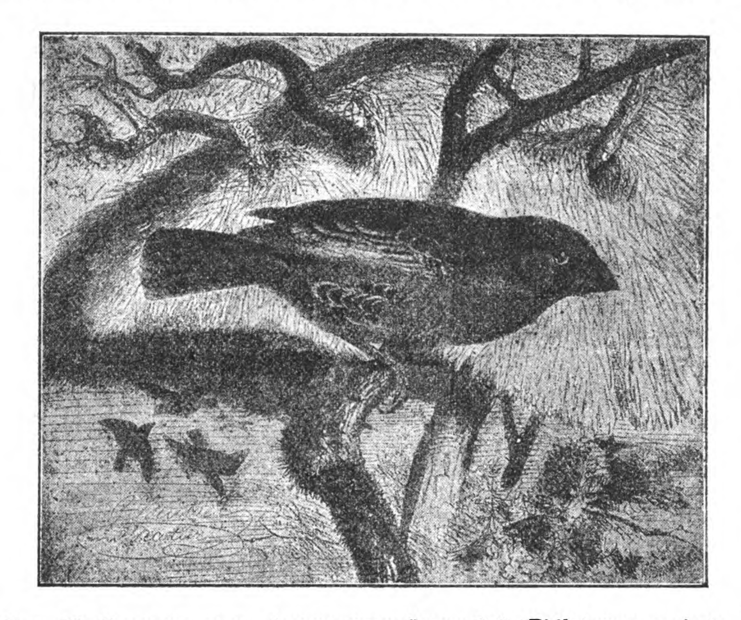


Рис. 10. Вьюрокъ, или общежительной воробей (Philetaerus socius).

воробьевъ республиканцевъ (Fringilla s. Philetaerus socius, рис. 10). Эти африканскія птицы плетутъ бокъ-о-бокъ на вѣтвяхъ одного и того же дерева изъ травинокъ множество гнѣздъ въ видѣ висячихъ, открытыхъ снизу кошельковъ. Прикрывая ихъ сверху такими же травинками, онѣ тѣмъ самымъ сооружаютъ надъ гнѣздами общій навѣсъ, который придаетъ всей ихъ совокупности сходство съ соломенною крышею. Размѣры всего сооруженія могутъ быть весьма почтенны, такъ какъ въ составъ его входятъ до 800 и даже до 1.000 гнѣздъ. Оригинальная постройка въ значительной мѣрѣ обезопашиваетъ птицъ, ихъ птенцовъ и яйца отъ хищныхъ животныхъ, въ особенности отъ змѣй.

Крысы и мыши въ домахъ, амбарахъ и на поляхъ, сколько бы ихъ тамъ ни было, не составляютъ собою истиннаго сожительства, ибо не соединяются для совмѣстныхъ дѣйствій. Но если эти грызуны, какъ это отъ времени до времени случалось, и по сію пору иногда случается, цѣлыми полчищами двигаются въ походъ, сообща форсируютъ переходъ даже черезъ рѣки, на-половину вплавь, на-половину по тѣламъ своихъ утопающихъ и утонувшихъ товарищей, то уже получаемъ картину значительной солидарности. Байбаки нашихъ южно-русскихъ степей живутъ парами въ своихъ норахъ; но эти пары селятся охотно одна близъ другой и выставляютъ общихъ караульщиковъ, которые своимъ крикомъ предупреждаютъ прохаживающихся по степи товарищей о грозящей имъ опасности. Выставленіе караульщиковъ практикуется также сернами, каменными баранами

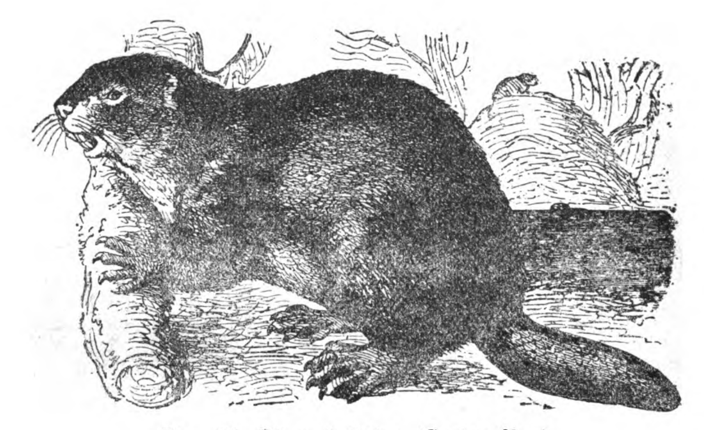


Рис. 11. Рѣчной бобръ (Castor fiber).

и многими другими стадными млекопитающими. Солидарность зачастую спасаетъ животныхъ, плохо вооруженныхъ отъ природы. Волкамъ, сравнительно, легко и безопасно хватать лошадь за горло и перекусить его. Поэтому, табунъ лошадей, въ случаѣ нападенія волковъ, инстинктивно ли, сознательно ли, сплачивается въ кучу головами во внутрь и отбивается отъ хищника задними ногами.

Постройка норъ и логовищъ, а иногда и гнѣздъ (напр., бѣлкою, мышью-малюткою, шимпанзе), замѣчается у млекопитающихъ нерѣдко; но лишь въ немногихъ случаяхъ эти сооруженія суть результатъ совмѣстной работы. Во главѣ четвероногихъ съ общественными постройками, неоспоримо, стоятъ бобры. Ихъ хижины, своего рода прототипъ свайныхъ построекъ, окруженныхъ водою, сложены изъ палокъ и вѣтвей, слѣпленныхъ иломъ, землею, гли-

ною. Внутри центральная камера, вымазанная тѣмъ же связующимъ матеріаломъ; вокругъ нея кольцеобразная галлерея. Отъ центральной камеры ведутъ длинныя подземныя галлереи, которыя оканчиваются подъ водою. Бобровая хижина, смотря по размѣрамъ и по отношенію высоты къ ширинѣ, имѣетъ сходство то съ холмикомъ, то со стогомъ сѣна. Ея вышина бываетъ до полуторы сажени. Хижины, сгруппированныя въ озерцѣ, рѣчкѣ или ручьѣ по нѣсколько штукъ, уподобляются цѣлому селенію. Слишкомъ низкій уровень и недостаточный для плаванія просторъ въ проточномъ водоемѣ побуждаетъ бобровъ къ сооруженію ниже хатъ плотины. Можно утверждать безошибочно, что такія плотины суть самыя достопримѣчательныя изо всѣхъ животныхъ построекъ, такъ какъ свидѣтельствутъ объ истинно человѣческой сообразительности. На самомъ дѣлѣ плотина строится именно тамъ, гдѣ нужна, и примѣнительно къ силѣ теченія. Гдѣ теченіе слабое, бобры протягиваютъ ее напрямикъ отъ берега къ берегу; а тамъ, гдѣ вода имѣетъ бо́льшую силу, ей дается изогнутая форма выпуклостью на встрѣчу теченію, точь-въ-точь, какъ это практикуется инженерами. Приспособленіе животныхъ къ даннымъ обстоятельствамъ на столько полно, что наблюдатель имѣетъ возможность по кривизнѣ бобровой плотины судить о силѣ напора и теченія воды. Съ данными условіями сообразуется и длина, и толщина плотины. По измѣреніямъ американца *Моргана* первая доходитъ иногда до ста, а вторая до трехъ саженей. Положимъ, эти плотины достигаютъ своей окончательной толщины отчасти прибиваемыми къ нимъ теченіемъ вѣтвями, иломъ и пескомъ и скрѣпляются корнями выростающихъ на нихъ деревъ и кустарниковъ; но все же изумительно количество труда, затрачиваемаго на ихъ сооруженіе. Сооружаются же плотины, равно какъ и хижины, коллективнымъ трудомъ. Прежде всего бобры валятъ деревья, перегрызая ихъ. За симъ они разгрызаютъ вѣтви на палки; причемъ обламываютъ передними лапами мелкія вѣтви, а палки очищаютъ отъ коры, которой питаются. Между палками бобровыхъ построекъ попадаются и такія, которыя носятъ на себѣ слѣды зубовъ лишь съ тонкаго конца, тогда какъ у комля показываютъ изломы. Палки этой категоріи у комля оказываются столь толстыми, что отломать ихъ, очевидно, не по силамъ для одного единичнаго животнаго и невольно напрашивается предположеніе о дружномъ участіи при этой работѣ сотоварищей. Въ подтвержденіе этого предположенія, изслѣдователь бобровыхъ хатъ нашего Полѣсья *Н. И. Холодовскій* приводитъ разсказъ стараго рыбака, видѣвшаго-де своими глазами, какъ по четыре бобра

взбирались на конецъ вѣтви поваленнаго ими дерева и дружно ее раскачивали, пока не отломится.

III.

Борьба за существованіе—излюбленный современный лозунгъ и боевой кличъ. Едва ли въ нашемъ, да и въ какомъ-либо изъ предшествовавшихъ ему столѣтій, другой научный принципъ стяжалъ такую же широкую популярность. Борьбу за существованіе принято связывать непремѣнно съ именемъ *Чарльза Дарвина*; но не совсѣмъ правильно. Самъ *Дарвинъ* и не думалъ самому себѣ приписывать открытіе этого принципа, а вполнѣ добросовѣстно ссылается на своихъ предшественниковъ: *Мальтуса* въ области экономическихъ наукъ и *Декандоля* старшаго и *Лайеля* въ области наукъ естественныхъ. Заслуга знаменитаго біолога заключается въ подробномъ развитіи принципа, въ примѣненіи его къ теоретическому объясненію великой проблемы происхожденія разнообразія органическаго міра. Это сдѣлано имъ не только съ возможною обстоятельностью, но и въ надлежащій моментъ, когда почва была къ тому подготовлена. Мы приписываемъ честь открытія Америки *Колумбу*, и вполнѣ основательно, ибо это имъ Новый Свѣтъ пріобщенъ къ Старому, такъ сказать, брошенъ на великое торжище всемірной исторіи; хотя всякій гимназистъ, можно надѣяться, знаетъ, что еще въ IX вѣкѣ *Торзинъ* и другіе нормандскіе пираты не только открыли, но на короткое время даже колонизовали уголокъ Америки. Какъ бы то ни было, лишь послѣ *Дарвина* ученіе о борьбѣ за существованіе сдѣлалось всеобщимъ достояніемъ и нашло себѣ примѣненіе къ самымъ разнообразнымъ областямъ изслѣдованія, не исключая экономической, на которой собственно впервые зародилось. Оно при этомъ, дальше больше, стало предметомъ цѣлаго культа. Было бы весьма легкомысленно отрицать то, что такъ очевидно, отрицать великое значеніе борьбы за существованіе въ жизни органической природы, да и въ жизни человѣчества. Мы этого и не замышляемъ, а хотѣли бы только предостеречь нашихъ читателей отъ излишнихъ увлеченій; а эти увлеченія доходятъ порою даже до Геркулесовыхъ столбовъ признанія борьбы за существованіе идеаломъ человѣческаго общежитія.

Мы признательны извѣстному зоологу покойному *К. Ѳ. Кесслеру* за то, что еще, шестнадцать лѣтъ тому назадъ, когда одностороннее увлеченіе дарвинизмомъ находилось нъ неменѣе остромъ періодѣ, чѣмъ теперь, онъ рѣшился публично противопоставить борьбѣ за существованіе законъ (вѣрнѣе, принципъ) взаимной помощи.

Это имъ сдѣлано въ рѣчи, произнесенной въ торжественномъ годичномъ собраніи С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей, при шумныхъ одобреніяхъ многолюднаго собранія. Основная идея рѣчи формулируется авторомъ почти дословно слѣдующимъ образомъ.

Всѣмъ органическимъ тѣламъ присущи двѣ коренныя потребности: потребность питанія и потребность размноженія. Потребность въ питаніи ведетъ ихъ къ борьбѣ за существованіе и къ взаимному истребленію другъ друга, а потребность размноженія ведетъ ихъ къ сближенію между собою и къ взаимной помощи. Но на развитіе органическаго міра, на преобразованіе однѣхъ формъ въ другія оказываетъ едва ли не болѣе вліянія сближеніе между недѣлимыми одного и того же вида, нежели борьба между ними. Вслѣдствіе борьбы между недѣлимыми пріобрѣтаютъ большую важность ихъ различія, возникающія отъ неодинаковости жизненныхъ условій, въ которыя они бываютъ поставлены, и дающія однимъ извѣстныя преимущества передъ другими; но для дальнѣйшаго развитія этихъ различій необходимо размноженіе недѣлимыхъ, сопряженное съ наслѣдственностью и влекущее за собою сближеніе между ними для цѣлей взаимной помощи.

Въ другомъ мѣстѣ своей рѣчи покойный зоологъ касается опредѣленнѣе источника сближенія и взаимной помощи. Онъ говоритъ: простое влеченіе животныхъ къ размноженію превращается во влеченіе недѣлимыхъ одного пола къ недѣлимымъ другого. Отсюда проистекаетъ извѣстная общительность между недѣлимыми одного и того же вида. Вмѣстѣ съ тѣмъ, начинаетъ проявляться также влеченіе родителей къ своимъ дѣтямъ и привязанность дѣтей къ своимъ родителямъ. Отдѣльныя недѣлимыя перестаютъ заниматься исключительно только заботами о своемъ собственномъ прокормленіи, о своей собственной сохранности, а начинаютъ оказывать помощь другимъ недѣлимымъ, недѣлимыя одного пола недѣлимымъ другого пола, недѣлимыя полновозрастныя недѣлимымъ молодымъ, отъ нихъ происшедшимъ, и т. д. И вотъ, такимъ образомъ, въ царствѣ животныхъ получаетъ свое начало законъ взаимной помощи. Взаимная помощь, оказываемая одними недѣлимыми другимъ недѣлимымъ того же вида, съ одной стороны противодѣйствуетъ борьбѣ между ними за существованіе, а съ другой стороны облегчаетъ борьбу, не столько между отдѣльными недѣлимыми, сколько между отдѣльными видами. Чѣмъ тѣснѣе дружатся между собою недѣлимыя извѣстнаго вида, чѣмъ больше оказываютъ взаимной помощи другъ другу, тѣмъ болѣе упрочивается существованіе вида и тѣмъ больше получается шансовъ къ

тому, что данный видъ пойдетъ дальше въ своемъ развитіи и усовершенствуется, между прочимъ, также и въ интеллектуальномъ отношеніи. Взаимную помощь другъ другу оказываютъ животныя всѣхъ классовъ, особенно высшихъ; но мы еще слишкомъ мало знакомы съ жизнью животныхъ, чтобы всегда могли усмотрѣть и уразумѣть дѣйствія этой взаимной помощи. Какъ примѣры, особенно рѣзко бросающіеся въ глаза, реферируемый нами авторъ напоминаетъ о пчелахъ, во имя взаимной помощи соединившихся въ общества. Далѣе, онъ приводитъ соединенные труды жуковъ-могильщиковъ для погребенія мыши, предназначенной служить пріютомъ и пищею ихъ молодому поколѣнію. Изъ числа высшихъ животныхъ, особенно птицы, поражаютъ насъ необыкновеннымъ развитіемъ у нихъ жизни семейной и общественной. *Кесслеру* пришлось однажды быть очевидцемъ такого случая. Старая кряковая утка вмѣстѣ со своими молодыми, не могшими еще летать, была застигнута врасплохъ охотниками на небольшомъ озерѣ, на которомъ ей негдѣ было укрыть утятъ отъ выстрѣловъ. Тогда она улетѣла и, какъ казалось, покинула несчастныхъ утятъ. Но не прошло и пяти минутъ, какъ она возвратилась къ нимъ, и возвратилась не одна, а въ сопровожденіи селезня, который принялся вертѣться предъ охотниками на такомъ близкомъ разстояніи, что съумѣлъ привлечь къ себѣ ихъ вниманіе. Этимъ и воспользовалась матка; она собрала и увела утятъ чрезъ небольшой перешеекъ въ смежное съ озеромъ мало доступное болото. Далѣе, нашъ авторъ вкратцѣ причисляетъ поводы къ соединенію птицъ въ общества и стаи: ради перекочевки и перелета, состязаній и упражненій въ полетѣ, взаимнаго увеселенія.

Справедливость прежде всего. Было бы ошибочно думать, что распространитель ученія о борьбѣ за существованіе игнорировалъ взаимную помощь. Напротивъ того, въ его же сочиненіяхъ мы находимъ богатый матеріалъ по этой части. Онъ придаетъ взаимной помощи большую важность; но только не дѣлаетъ ея темою самостоятельнаго трактата. Такимъ образомъ, взаимная помощь, естественно, отступаетъ у него на одинъ изъ заднихъ плановъ и для менѣе посвященныхъ читателей оказывается заслоненной принципомъ борьбы за существованіе. Въ популярной рѣчи *Кесслеръ* могъ объ этомъ и не упоминать; но что *Дарвинъ* далеко не пренебрегалъ явленіями взаимной помощи, тому мы черезъ немного строкъ представимъ доказательства въ видѣ нѣкоторыхъ выписокъ.

Вереница фактовъ, представшихъ передъ нами въ предыдущихъ главахъ, указываетъ на различныя причины сближенія и

общежительства однородныхъ и разнородныхъ животныхъ. Здѣсь же насъ интересуютъ особенно сожительства, сопряженныя съ взаимными услугами, несомнѣнно, сознаваемыми, а потому связанными съ взаимнымъ расположеніемъ и любовью. Вмѣсто повторенія, пополнимъ уже извѣстные намъ примѣры нѣкоторыми новыми.

Посѣтителей звѣринцевъ и зоологическихъ садовъ потѣшаетъ заботливость, съ которою обезьяны избавляютъ другъ друга отъ паразитовъ. *Бремъ* разсказываетъ о табунѣ *золотисто-зеленой мартышки* (Cercopithecus chryseoviridis), пробравшемся чрезъ колючіе кустарники. Обезьяны, по очереди, разваливались на вѣтвяхъ; къ нимъ подсаживалось по товарищу, который съ большимъ вниманіемъ просматривалъ ихъ мѣхъ и извлекалъ каждую изъ вонзившихся въ него колючекъ. *Павіаны-гамадріасы* (Cynocephalus hamadryas) охотно переворачиваютъ камни въ поискахъ за насѣкомыми, многоножками и прочею животною мелочью, поѣдаемою ими охотно. При этомъ случается, что камень оказывается слишкомъ тяжелымъ для одного. Тогда призываются на помощь товарищи, а добыча дѣлится между сотрудниками. Тотъ же знаменитый популяризаторъ во время своего путешествія по Абиссиніи былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены. Большое стадо павіановъ пересѣкало долину. Иные уже достигли противолежащаго холма; тогда какъ другіе находились еще на подошвѣ долины. На послѣднихъ напали собаки. Немедленно старые самцы спустились съ холма обратно и съ широко раскрытою пастью такъ страшно заревѣли, что собаки въ испугѣ отступили. Ободряемыя охотниками, собаки опять ринулись впередъ; но имъ удалось только окружить молодого, приблизительно, шестимѣсячнаго павіана, взобравшагося на обломокъ скалы и громко взывавшаго о помощи. Въ этотъ моментъ съ холма на выручку спустился вновь одинъ изъ самыхъ рослыхъ самцовъ, настоящій герой, мѣрно подошелъ къ юнцу, поласкалъ его и съ тріумфомъ увелъ. Собаки были слишкомъ поражены для того, чтобы напасть на смѣльчака. Вотъ еще одинъ случай, повѣствуемый тѣмъ же авторомъ. Орелъ захватилъ молодую мартышку, но не могъ ее утащить, такъ какъ она уцѣпилась за вѣтвь. На громкій крикъ обезьянки другіе члены табуна съ ревомъ поспѣшили на выручку, окружили орла и столько повыдергали у него перьевъ, что тотъ и забылъ про добычу, лишь бы только улепетнуть, да разъ на всегда подальше отъ обезьянъ.

Случаи, подобные только-что пересказаннымъ, несомнѣнно свидѣтельствующіе о взаимномъ расположеніи членовъ не только семьи, но и цѣлой животной общины, извѣстны и о птицахъ. Такъ, капитанъ *Стэнсбери* нашелъ на берегу Соленаго озера въ

странѣ мормоновъ старую, вполнѣ слѣпую бабу-птицу, которая, тѣмъ не менѣе, была очень жирна, а потому, надо полагать, хорошо кормилась сотоварищами. Положимъ, этотъ случай могъ бы оставаться подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, такъ какъ, чего добраго, при обиліи рыбы и хорошемъ чутьѣ, старая слѣпая баба-птица и сама могла бы прокормиться. Однако, со словъ *Блайта*, уже какъ очевидца, *Дарвинъ* передаетъ о другомъ аналогичномъ случаѣ, въ которомъ индѣйскіе вороны кормили своихъ слѣпыхъ товарищей. Повѣствуютъ о томъ же самомъ и относительно домашнихъ куръ.

Обратимся къ примѣрамъ взаимнаго расположенія животныхъ иноплеменныхъ. Недавно въ «Scientific American» напечатано слѣдующее интересное наблюденіе. Фермеръ имѣлъ у себя во дворѣ два высокихъ шеста съ домиками, одинъ для корольковъ, а другой для дроздовъ. Эти птицы изъ года въ годъ возвращались весною въ эти домики и въ нихъ гнѣздились. Но вотъ, въ одинъ прекрасный день явилась пара воробьевъ, выгнала корольковъ и расположилась въ ихъ законномъ обиталищѣ. Корольки, какъ менѣе сильные, должны были уступить. Однако, минутъ десять спустя они вернулись съ подкрѣпленіемъ въ семь или восемь корольковъ, которые и помогли имъ изгнать узурпаторовъ, но не надолго, ибо воробьи, въ свою очередь, вернулись на поле битвы съ десяткомъ единоплеменниковъ и обратили въ бѣгство отрядъ корольковъ. Этими проявленіями взаимной помощи однородныхъ существъ дѣло не ограничилось; а случилось нѣчто совсѣмъ особенное. Во время послѣдней битвы корольковъ съ воробьями одинъ изъ корольковъ влетѣлъ въ сосѣдній домикъ, занимаемый дроздами. Прошло нѣсколько мгновеній, и изъ этого домика вылетѣлъ отрядъ дроздовъ, бросился на воробьевъ и на этотъ разъ окончательно прогналъ ихъ. Дружба между собакою и кошкою, и та далеко не рѣдкость. *Дарвинъ* приводитъ примѣръ особенно нѣжной такой дружбы. Однажды, когда кошка лежала въ корзинѣ больная, собака не проходила мимо безъ того, чтобы не лизнуть ее разъ, другой языкомъ—вѣрный признакъ дружескаго расположенія. Хорошія собаки готовы накинуться на всякаго, дерзающаго не только бить, но и дотронуться до ихъ господина. Одна очень трусливая комнатная собачка, когда попробовали, для вида, прибить даму, ея госпожу, со страху соскочила съ ея колѣней; а по миновании мнимой обиды, вернулась къ ней и трогательно стала ласититься и лизать ей лицо, какъ бы въ утѣшеніе. Опытъ былъ сдѣланъ впервые, а потому такое поведеніе собачки не могло зависѣть отъ дрессировки или наслѣдственнаго инстинкта.

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—повѣствуетъ тотъ же авторъ,—сторожъ зоологическаго сада показалъ мнѣ пару глубокихъ, едва зажившихъ ранъ на своемъ затылкѣ. Эти раны были нанесены сторожу свирѣпымъ павіаномъ въ моментъ, когда онъ нагнулся къ землѣ, стоя на колѣняхъ. Добрый другъ сторожа, американская обезьянка, жившая въ той же клѣткѣ, видя своего пріятеля въ опасности, поспѣшила къ нему на выручку, хотя вообще страшно боялась павіана. Криками и укусами она на столько отвлекла его, что человѣкъ былъ въ состояніи удалиться. По словамъ пользовавшаго врача, его жизнь находилась въ большой опасности».

Представимъ себѣ молодую самку, впервые испытывающую материнскія радости и раньше даже никогда не видавшую, какъ пекутся о своихъ дѣтяхъ другія. Если такая самка охотно предоставляетъ свои сосцы въ распоряженіе дѣтенышу, то она, конечно, руководствуется инстинктомъ. Въ новорожденномъ при этомъ и подавно нельзя предполагать соображенія. Онъ инстинктивно ищетъ мордочкой, чего бы пососать; а если не находитъ сосцовъ, то хватается за что попало, какъ мнѣ пришлось наблюдать особенно наглядно на новорожденномъ теленкѣ, отобранномъ у матери тотчасъ по появленіи на свѣтъ: теленокъ сновалъ по избѣ, въ явныхъ поискахъ за чѣмъ-то, и старался присосаться къ разнымъ предметамъ. Ясно, что въ дѣлѣ кормленія молокомъ какъ мать, такъ и ея приплодъ руководятся однимъ лишь инстинктомъ. Совершенно иную окраску носятъ на себѣ другіе, только-что приведенные исключительные, наслѣдственностью предусмотрѣнные благородные случаи подачи животными другъ другу помощи и выраженія ими взаимныхъ симпатій. Собака—природный врагъ кошки; взаимная вражда этихъ животныхъ вошла даже въ поговорку. Поэтому собака, дружащая съ кошкою, ласкающая ее въ болѣзни, являетъ примѣръ нравственной побѣды животнаго надъ дурнымъ голосомъ природы. Изо всѣхъ инстинктовъ сильнѣйшимъ должно считаться чувство самосохраненія; ибо лишь въ извѣстныхъ случаяхъ регулярно заглушается и перемѣшивается попеченіемъ о потомствѣ. Поэтому, самопожертвованіе для спасенія или защиты товарища, и даже разноплеменнаго животнаго, предполагаетъ личную симпатію, любовь.

Кромѣ любви и симпатіи, животныя обнаруживаютъ еще и другія психическія проявленія, которыя у человѣка мы, не задумываясь, называемъ психическими. Провинившаяся въ чемъ-либо собака сплошь да рядомъ выдаетъ себя своимъ поведеніемъ. Она крадется за вами съ опущеннымъ хвостомъ, понуривъ печально голову: въ ней говоритъ совѣсть. Благовоспитанная собака и въ

отсутствіи свидѣтелей превозмогаетъ чувство голода и ничего не стащитъ со стола. Вѣрность и послушаніе необходимыя принадлежности подчиненія предводителю, руководящему табуномъ, стадомъ. «Когда павіаны,—говоритъ *Бремъ* по своимъ наблюденіямъ въ Абиссиніи,—опустошаютъ садъ, то они молча слѣдуютъ за своимъ предводителемъ, а если неумное молодое животное производитъ шумъ, то получаетъ отъ другихъ ударъ, для внушенія ему молчанія и послушанія; но коль скоро павіаны увѣрены въ своей безопасности, они всѣ съ большимъ шумомъ обнаруживаютъ свою радость».

Инстинктивныя или добровольныя соединенія животныхъ въ стада или стаи зачастую имѣютъ и свои невыгоды: цѣлая гурьба обращаетъ на себя особое вниманіе преслѣдователей; хищнику легче выхватить беззащитную жертву изъ цѣлой гурьбы, чѣмъ преслѣдовать ее въ одиночку. Однако, число встрѣчъ беззащитныхъ животныхъ съ хищниками было бы больше, еслибъ они жили и странствовали каждое порознь. Къ тому же, въ толпѣ, вѣдь, и трусливые люди становятся храбрѣе, когда прикрываются спинами товарищей: шансы уцѣлѣть въ опасности возрастаютъ пропорціонально численности сотоварищей. Опасность умаляется еще въ тѣхъ случаяхъ, когда сообщество пользуется руководительствомъ и бдительностью бывалыхъ, опытныхъ и сильныхъ вожаковъ, чему представляютъ примѣры: табуны обезьянъ, стада антилопъ, сернъ, каменныхъ барановъ. Такимъ вожакамъ, своего рода старшинамъ, патріархамъ, приходится подчиняться, хотя бы они и держали меньшую братію въ повиновеніи тумаками, ударами роговъ и копытъ или укусами,—ибо этими же способами они и защищаютъ своихъ подчиненныхъ.

Это по поводу оборонительныхъ ассоціацій животныхъ. Ассоціаціи бываютъ и наступательныя. Соединенными силами волки организуютъ правильныя облавы, загоняютъ свои жертвы въ засады, гдѣ подкарауливаютъ ихъ товарищи; соединенными же усиліями хищники преодолѣваютъ животныхъ, которыя превосходятъ ихъ своею силою.

Совмѣстное странствованіе большинства перелетныхъ птицъ, основанное на инстинктѣ общительности, представляетъ и очевидныя выгоды. Дѣло тутъ не въ одномъ руководительствѣ бывалыми путешественниками; но также въ нѣкоторой взаимной тепловой защитѣ недѣлимыхъ, заслоняющихъ другъ друга отъ холода и рѣзкаго вѣтра, а также въ уменьшеніи сопротивленія встрѣчнаго вѣтра. Такой вѣтеръ разбивается о груди передовиковъ. Съ цѣлью уменьшенія его сопротивленія, стаи извѣстныхъ птицъ вы-

страиваются цѣпью въ одну линію, а иногда треугольникомъ, остріемъ котораго какъ клиномъ рѣжется воздухъ. Такъ летаютъ, напримѣръ, журавли. Механическій смыслъ такого выстраиванія въ клинъ уже давно признается зоологами. Ясно, что наибольшій напоръ воздуха приходится испытывать передовику, который энергичнѣе долженъ напрягать свои силы и скорѣе устаетъ. Вотъ, почему участники полета чередуются на передовой позиціи.

На почвѣ общительности выростаютъ своего рода правовыя отношенія. Въ одной изъ прежнихъ своихъ статей, напечатанной въ приложеніи къ «Нивѣ» 1890 г., я привелъ извѣстный фактъ суда и казни, иногда практикуемыхъ аистами надъ провинившимися товарищами. На этотъ разъ сообщу аналогичный примѣръ, наблюдавшійся *Гольдсимсомъ* и приведенный въ только-что вышедшей въ русскомъ переводѣ брошюрѣ профессора *Жиро*. «Лихорадочная энергія, съ которою начинаютъ вить свои гнѣзда строители-грачи, понемногу остываетъ. Утомясь отъ далекихъ путешествій за матеріалами, они стараются добыть ихъ по близости, и при этомъ не останавливаются даже передъ присвоеніемъ чужой собственности: видя беззащитное гнѣздо товарища, они забираютъ изъ него лучшія хворостины. Эти грабежи, будучи замѣчены, не остаются, однако, безъ наказанія. Не извѣстно, поступаетъ ли жалоба. Во всякомъ случаѣ кара налагается публично. Я наблюдалъ подобнаго рода акты правосудія, когда восемь или десять грачей вмѣстѣ устремлялись на гнѣздо преступной птицы и раззоряли его въ одно мгновеніе. И такъ, члены одной и той же общины подчинены довольно суровой дисциплинѣ». *Кэнчъ* подтверждаетъ эти данныя: «Разъ открытъ виновникъ, онъ подвергается наказанію пропорціонально проступку. Разрушеніе гнѣзда учитъ преступника строить жилища изъ честно добытыхъ, а не изъ отнятыхъ у другого матеріаловъ, даетъ ему понять, что для пользованія выгодами общежитія, необходимо подчиненіе его принципамъ». Судъ и карательная процедура, даже смертная казнь виновнаго цѣлой стаей наблюдались также неоднократно у воронъ.

Нельзя утверждать, чтобы вѣнецъ творенія буквально родился въ сорочкѣ, ибо природа отказала ему въ тепломъ волосяномъ покровѣ, которымъ надѣлила болѣе или менѣе щедро остальныхъ млекопитающихъ. Она отказала ему, далѣе, и въ органахъ обороны и нападенія, въ родѣ лошадиныхъ копытъ, оленьихъ роговъ, львиныхъ зубовъ и когтей. Вмѣсто всего этого, на его долю выпали высшія умственныя способности и пара хватательныхъ конечностей, избавленныхъ отъ обязанности быть носительницами

тѣла, а потому пригодныхъ къ изощренію на всякаго рода подѣлкахъ. Вотъ, съ какимъ приданымъ природа водворила нашихъ праотцовъ-троглодитовъ въ первобытный дремучій лѣсъ со всѣми его ужасами. Долгія тысячелѣтія они скитались по лѣсу, подъ вѣчнымъ страхомъ передъ силами природы и дикими звѣрями, довольствуясь ягодами, плодами, яйцами и выдираемыми изъ гнѣздъ птенцами. Ихъ убѣжищами отъ ненастья и холода служили вѣтки деревъ, дупла, пещеры, разселины въ скалахъ и, быть можетъ, берлоги, оставленныя медвѣдями и другими хищниками. Животноподобные троглодиты, естественно не могли оставить о себѣ никакого историческаго памятника; о нихъ угасла и всякая традиція. Рисуемая нами картина ихъ житья бытья, хотя и основана на догадкахъ, но, тѣмъ не менѣе, является необходимымъ выводомъ изъ нашего современнаго научнаго кругозора. Въ сравненіи съ такими троглодитами самыя низшія первобытныя племена, по сію пору влачащія свое существованіе въ нѣкоторыхъ тропическихъ странахъ, представляются уже людьми культурными.

Спрашивается: что же возвысило животно-людей на начальную культурную ступень, кто далъ первый толчокъ къ ихъ прогрессу? Отцомъ человѣческой культуры, а потому величайшимъ изобрѣтателемъ всѣхъ временъ, надо полагать, былъ тотъ скромный, невѣдомый троглодитъ, который впервые догадался отломить палку или поднять камень съ цѣлью обороны или нападенія. На самомъ дѣлѣ, съ момента пріобрѣтенія такихъ элементарнѣйшихъ искусственныхъ орудій человѣкъ оказался вознагражденнымъ за неимѣніе природныхъ. Само собою разумѣется, что недостаточно было придумать простѣйшія орудія; но надо было ознакомить съ пользованіемъ ими и другихъ, да преемственно передавать это искусство изъ поколѣнія въ поколѣніе. Только при содѣйствіи общежитія изобрѣтеніе одного лица могло сдѣлаться общимъ достояніемъ и знаменовать собою культурную эру. И такъ, сближеніе въ семьи, общины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и коллективная борьба за существованіе съ внѣшней природой, являются необходимыми элементами, безъ которыхъ возникновеніе культуры немыслимо.

Природные острые осколки камней, попадающіеся тамъ и сямъ, дали въ руки первобытнымъ троглодитамъ рѣжущія орудія, одновременно и ножъ, и топоръ, и лопату; природные же осколки навели на мысль подражать имъ искусственно, разбивая камень о камень, а впослѣдствіи и подравнивать и шлифовать осколки. Изготовленіе каменныхъ орудій уже ремесло, какъ всякое другое, требующее спеціальной сноровки, ловкости, силы, опытности, которыми не могли обладать всѣ индивидуумы въ одинаковой сте-

пени. Вотъ весьма существенный поводъ къ первоначальному установленію раздѣленія труда въ древній доисторическій періодъ. Въ разгаръ каменнаго вѣка существовали уже своего рода оружейныя фабрики. Объ этомъ фактѣ свидѣтельствуютъ находимыя до сихъ поръ подъ землею груды каменныхъ осколковъ вмѣстѣ съ удавшимися и неудавшимися каменными топорами, ножами, наконечниками стрѣлъ и копій.

И такъ, пользованіемъ палкой и камнемъ, этими простѣйшими природными орудіями, ознаменовалась утренняя заря человѣческой культуры; тогда какъ дальнѣйшая ея ступень характеризовалась переходомъ къ искусственной выработкѣ и къ усовершенствованію этихъ орудій. Совмѣстная жизнь, сопровождаемая раздѣленіемъ труда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и взаимною помощью, являлись при этомъ какъ нѣчто неизбѣжное. А что люди каменнаго вѣка дѣйствительно уже селились общинами, это вполнѣ очевидно по дошедшимъ до насъ доисторическимъ памятникамъ ихъ жизненной обстановки, въ особенности по обширнымъ, несомнѣнно, коллективнымъ насыпямъ «кухонныхъ отбросовъ» изъ костей, устричныхъ раковинъ, черепковъ грубой глиняной посуды. Только дружными совокупными трудами въ тѣ времена можно было осиливать такія задачи, какъ, напримѣръ, сооруженіе свайныхъ построекъ среди озеръ и охота на мамонтовъ, для которой требовалось выкапывать на дорогѣ къ водопою обширныя, прикрываемыя вѣтвями ямы-западни. Гдѣ есть что дѣлить, тамъ и поводы къ ссорѣ; поэтому и въ первобытной семьѣ или общинѣ, должно быть, не всегда господствовали миръ и тишина; но уже самый фактъ существованія общинъ свидѣтельствуетъ о сносномъ modus vivendi во имя общности интересовъ. Послѣдняя оказывалась во время нападеній на селеніе свирѣпыхъ хищниковъ, при наводненіяхъ, лѣсныхъ пожарахъ, а также при кровавыхъ столкновеніяхъ съ враждебными сосѣдями. Поводы къ такимъ распрямъ могли быть довольно разнообразны, какъ - то: захватъ территорій для охоты или рыбной ловли, спорная дичина въ западнѣ или ловушкѣ.

Изъ малыхъ зачатковъ выросла та сложная совокупность, которая называется высшей культурой, куда относятся: сумма опыта и знанія, степень осложненія дѣятельности идивидуумовъ и раздѣленія между ними труда, матеріальная обстановка и потребности людей. Возникновеніе и осложненіе этихъ культурныхъ элементовъ мы привели въ связь съ ассоціаціей индивидуумовъ во имя взаимной помощи; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы указали и на то, что уже первобытная культура даетъ усовершенствованные способы и орудія борьбы между различными сталкивающимися об-

щинами. Нѣтъ спора, что въ распряхъ съ иноплеменниками племена и народы не только доисторическаго, но и историческаго періода почерпали массу усовершенствованій, которыя либо сами изобрѣтали, либо заимствовали отъ противниковъ. Апологетики войнъ считаютъ кровавыя столкновенія даже главнымъ двигательнымъ рычагомъ цивилизаціи, и при этомъ, въ видѣ примѣра, особенно охотно ссылаются на походъ *Александра Македонскаго* въ Индію, благодаря которому дѣйствительно кругозоръ классическаго міра значительно расширился ознакомленіемъ со своеобразною культурою Востока и его произведеніями природы. Подобныхъ примѣровъ не трудно набрать вдоволь изъ древней, средней и новой исторіи. Войною отсталые или вздремнувшіе народы расшевеливаются и втягиваются въ культурный прогрессъ. Даже самому великому колоссу дальняго Востока, закостенѣвшему въ своей древнѣйшей замкнутой культурѣ, нынѣ, послѣ кроваваго урока, приходится раскрывать ворота знаменитой стѣны и сложить длинныя косы на алтарь европейской цивилизаціи.

Все это, положимъ, всегда такъ было, отчасти теперь еще такъ, да и будетъ еще продолжаться въ этомъ родѣ. Тѣмъ не менѣе, апологетамъ войнъ, считающимъ ихъ разъ на всегда установленной формой международныхъ сношеній, должно поставить на видъ нѣсколько тривіальную, но глубоко справедливую народную поговорку: «Всякому овощу свое время».

Дерутся ребятишки; это свойственно ихъ возрасту; они при этомъ попутно пріобрѣтаютъ силу и ловкость, далеко не лишнія въ позднѣйшей жизни. Не ихъ ума дѣло, не дѣло также ума грубаго дикаря и простолюдина руководствоваться возвышеннымъ принципомъ уваженія къ чужой личности. Ихъ можно останавливать, поучать—добромъ и силою—но осуждать ихъ не за что. Въ иномъ свѣтѣ намъ представляется потасовка между людьми совершеннолѣтними и, къ тому же, образованными. Никто имъ не повѣритъ, еслибъ они вздумали оправдываться какими-либо возвышенными цѣлями самоусовершенствованія. Пора бы и европейскимъ цивилизованнымъ народамъ въ этомъ отношеніи сознавать себя совершеннолѣтними. Въ древнемъ Римѣ закрытіе воротъ храма Януса было почти неслыханнымъ событіемъ; тогда какъ въ наше время войны становятся все рѣже и рѣже; осужденіе же ихъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше проникаетъ въ сознаніе народовъ. Для всѣхъ становится яснымъ, что для улаживанія международныхъ недоразумѣній есть другіе пути, аналогичные легальному, судебному умиротворенію спорящихъ и тяжущихся разумныхъ людей. Что же касается цивилизаторской роли войнъ, то

она нынѣ уже спѣта, по крайней мѣрѣ, по отношеніи войнъ между цивилизованными націями. Въ международныхъ сношеніяхъ на поприщѣ промышленности, торговли, науки явились болѣе могущественные агенты въ дѣлѣ взаимнаго поученія, чѣмъ когда-либо представляли собою потоки человѣческой крови и пожарища. Со временемъ войны сдѣлаются анахронизмомъ, въ особенности когда народности пойдутъ еще дальше на пути къ сліянію и смѣшенію, когда пути сношенія и духовные интересы скуютъ ихъ еще болѣе густою, неразрывною сѣтью. *Когда* это будетъ, лѣтъ черезъ сто, черезъ тысячу или того больше? Это вопросъ второстепенный; ибо исторія цивилизаціи, какъ нѣчто весьма крупное, измѣряется и крупнымъ мѣриломъ. Уже въ наше время государства ведутъ между собою войну, главнымъ образомъ, на поприщѣ торгово-промышленномъ, войну, требующую не мало жертвъ; но международные договоры, а со временемъ правильное, сообразное съ мѣстными условіями раздѣленіе труда между народонаселеніемъ разныхъ странъ подаютъ надежду на то, что и этого рода войны смѣнятся мирнымъ соревнованіемъ.

Кромѣ внѣшнихъ войнъ, лишь отъ времени до времени вырывающихъ лучшія молодыя силы тысячами, десятками тысячъ, въ человѣчествѣ ведется еще другого рода война, и притомъ безпрерывно. Она-то и есть настоящая борьба за существованіе, эта война всѣхъ противъ всѣхъ, это bellum omnium contra omnes, какъ любятъ выражаться. Ея жертвы насчитываются ежегодно милліонами, и рѣдко кто выходитъ изъ нея не раненнымъ побѣдителемъ. Въ ней борются классъ противъ класса, партія противъ партіи, рабочій съ работодателемъ, капиталистъ съ пролетаріемъ, покупатель съ продавцомъ, начальникъ съ подчиненнымъ, братъ съ братомъ, даже дѣти съ родителями. Побѣждаетъ обыкновенно не правый, а сильный. Такъ сокрушаются моралисты, а модная философія, ликуя, увѣряетъ: «такъ всегда было, есть, всегда будетъ и должно быть; да здравствуетъ борьба за существованіе, кулачное право, эти созидатели будущаго сильнаго поколѣнія сверхъ-человѣковъ! Борьба за существованіе есть всеобщій законъ органической природы, которому всецѣло подчиненъ и человѣкъ, и притомъ разъ навсегда: лишь формы борьбы смѣняются, ея же свирѣпость и жестокость остаются неизмѣнными, если не усиливаются». Спрашивается, такъ ли это? Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ.

Для характеристики борьбы за существованіе обыкновенно выставляется печальная участь эксплуатируемаго рабочаго пролетарія. Каково бы ни было положеніе этихъ несчастныхъ—бу-

демъ его рисовать себѣ хотя бы въ самыхъ мрачныхъ краскахъ—за ними въ настоящее время признаются хоть человѣческія права: *одинъ* законъ ихъ охраняетъ съ остальными гражданами. То ли было въ древности, да кое гдѣ и въ недавнемъ прошломъ, когда рабочіе были рабами, которые не считались юридическими лицами, а вещью, чужою собственностью и безнаказанно подвергались истязаніямъ и истребленію? Это они, никто другіе, которые въ палящихъ лучахъ солнца гнули свои исполосованныя плетью спины подъ тяжестью камней при сооруженіи семи чудесъ свѣта. Всякій считалъ это тогда въ порядкѣ вещей; даже свѣтлые мыслители, въ родѣ Платона, разсматривали рабство, какъ необходимое государственное установленіе. Мало того, самъ Спаситель, снисходя къ господствовавшему въ эпоху Его земной жизни общественному строю, не громилъ этого установленія, а лишь сулилъ рабамъ вознагражденіе за всѣ невзгоды въ загробной жизни. Отрицаніе рабства представляетъ лишь позднѣйшій, правда, неопровержимый выводъ изъ Его высокаго ученія любить ближняго, какъ самаго себя. Послѣ многихъ мрачныхъ столѣтій этотъ выводъ нынѣ становится всеобщимъ достояніемъ и порою даже силою внушается некультурнымъ народамъ. Современный взглядъ, все болѣе и болѣе устанавливающій признаніе человѣческихъ правъ за всѣми, безъ исключенія, согражданами—врядъ ли только чисто внѣшняя перемѣна; нѣтъ, это фундаментальнѣйшее отступленіе отъ господства кулачнаго права, сопряженнаго съ безпощадною борьбою за существованіе. Далѣе, въ наше время, слава Богу, уже не наслаждаются кровавыми игрищами римскихъ цирковъ, не сжигаютъ колдуновъ, вѣдьмъ, еретиковъ, не пытаютъ, не сажаютъ на колъ преступниковъ настоящихъ и мнимыхъ. Если въ темномъ углу кѣмъ-либо иногда и совершается нѣчто подобное, то строго осуждается общественною совѣстью. Мы негодуемъ на лицемѣріе, ханжество, взяточничество, клевету, интриги, кумовство, завистливость. Кто сганетъ отрицать, что эти пороки, къ сожалѣнію, втихомолку процвѣтающіе въ современномъ обществѣ и наиболѣе культурныхъ странъ, отравляютъ жизнь честныхъ тружениковъ, губятъ ихъ самихъ и ихъ хорошія общественныя начинанія, въ которыя они вложили всю свою душу. Но развѣ всѣми этими ненормальностями опровергается фактъ культурно-историческаго смягченія, очеловѣченія борьбы за существованіе, постепеннаго перерожденія ея въ свободное соревнованіе на поприщѣ общественной пользы?

Пока человѣкъ не выучится ходить на двухъ ногахъ съ горделиво приподнятою головою, онъ, на подобіе неразумной твари, ползаетъ на четверинкахъ. Дайте время, и изъ него выростетъ

полезный гражданинъ. Исторія развитія общества уподобляется исторіи развитія идивидуума, въ милліоны разъ увеличенной чудодѣйственнымъ микроскопомъ Недолговѣчности единицы противопоставляется необозримая во времени перспектива существованія человѣчества. Единичные избранники и за немногія десятилѣтія успѣваютъ подняться до нравственной высоты, предъ которой люди средніе съ благоговѣніемъ преклоняются. Продолжительность жизни всего человѣчества не поддается вычисленіямъ. Несправедливо требовать уже въ отрокѣ воплощенія идеала добра и правды. Возмужалый же возрастъ человѣчества въ отдаленномъ будущемъ. Оно, чѣмъ дальше, тѣмъ больше и рѣшительнѣе придвинется къ осуществленію идеала. Въ этомъ ручается путь, уже имъ пройденный, и притомъ пройденный за короткое время. Смѣемъ думать, что это должно быть ясно для всякаго, кто уподобляется не факиру, сведшему глазныя оси на кончикѣ собственнаго носа, а уподобляется матросу со зрительной трубой на вершинѣ мачты. Многіе изъ насъ помнятъ своего прадѣда или еще въ настоящее время слушаютъ его повѣствованія о житьѣ-бытьѣ минувшихъ десятилѣтій и, такимъ образомъ, въ состояніи воочію обозрѣвать три, четыре поколѣнія. Это своего рода цѣнный масштабъ. На самомъ дѣлѣ, положимъ — сообразно средней продолжительности жизни — по три цѣлыхъ человѣческихъ поколѣнія на столѣтіе и сообразимъ теперь, что всего какихъ-нибудь тридцать поколѣній тому назадъ мы бродили бы какъ потерянные среди древлянъ, полянъ, кривичей, сѣверянъ и вятичей; а какихъ-нибудь шестьдесятъ поколѣній тому назадъ мы созерцали бы звѣзду, возгорѣвшуюся надъ Виѳлеемомъ; далѣе всего полтораста, двѣсти поколѣній тому назадъ мы были бы въ числѣ посѣтителей двора древнѣйшихъ фараоновъ. Много ли это времени въ сравненіи съ тою медленностью, съ которою прогрессируетъ міръ животныхъ? А между тѣмъ, какъ была бѣдна тогдашняя горделивая культура, какъ были бѣдны тогдашнія умственные и нравственные горизонты и общественные идеалы въ сравненіи съ современными! Что, наконецъ, было 10.000 лѣтъ тому назадъ? Бронзовый, каменный ли вѣкъ? Съ этихъ поръ прошло всего на всего какихъ-нибудь 300 поколѣній. Развѣ это много? Почтенно, очень почтенно громить современные общественные пороки и недостатки и желать ихъ скорѣйшаго искорененія; но вмѣстѣ съ тѣмъ близоруко отрицать быстроту и колоссальность человѣческаго прогресса, выросшаго на сближеніи людей въ общежитія ради взаимной помощи.

Чѣмъ тѣснѣе и чѣмъ продолжительнѣе сожительство людей,

тѣмъ больше эгоизмъ долженъ отступать передъ альтруизмомъ. Это совершается безъ ущерба для личности, испытывающей, съ своей стороны, альтруистическія услуги собратовъ. Христіанское ученіе нашло простѣйшую формулу для идеальныхъ взаимныхъ отношеній: люби ближняго, какъ самаго себя; поступай съ ближними такъ, какъ ты желаешь, чтобы съ тобою поступали. Вотъ немудреная и единственно правильная, да въ концѣ концовъ единственно возможная основа долговѣчнаго сожительства. «Они», эти всѣ прочіе, суть такія же мыслящія и чувствующія существа, какъ и я самъ; твердое сознаніе этой истины только и дѣлаетъ человѣка достойнымъ пользоваться благами сообщества людей. Это сознаніе порождаетъ и дѣла, дѣла взаимной помощи и поступленіе личными интересами для блага ближнихъ. Такимъ образомъ, на почвѣ любви къ ближнимъ выростаетъ и понятіе о долгѣ. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ отвѣтить и на вопросъ *Иммануила Канта*: «Долгъ, чудное понятіе, откуда ты происходишь? ты, который дѣйствуешь не путемъ мягкаго увѣщеванія, не лестью, не угрозою, а дѣйствуешь лишь тѣмъ, что предъявляешь душѣ свой простой законъ, и этимъ самымъ вынуждаешь у нея, если не всегда послушаніе, то, по крайней мѣрѣ, почитаніе, предъ которымъ молкнутъ всѣ стремленія, какъ скрытно они бы ни возставали».

Развѣ только *Робинзонъ*, единовластный и единственный человѣческій обитатель острова, могъ обходиться безъ чувства долга, да и то не совсѣмъ, ибо, кромѣ долга къ ближнимъ, человѣкъ имѣетъ еще нравственныя обязанности ко всѣмъ существамъ, способнымъ чувствовать, а также и къ самому себѣ. Я уже не говорю объ обязанностяхъ къ Всевышнему, такъ какъ ихъ принято выдѣлять въ особую сферу, въ сферу религіи. Отъ интересующихъ насъ исключительно нравственныхъ обязанностей относительно ближнихъ Робинзонъ дѣйствительно былъ свободенъ и могъ грѣшить противъ нихъ развѣ мысленно. Но стоило только появиться на сцену Пятницѣ, и все сразу перемѣнилось. Чувство долга, совѣсть воспряли. Съ присоединеніемъ къ двумъ товарищамъ престарѣлаго отца Пятницы, Четверга, взаимныя обязанности еще болѣе осложнились. Изъ этихъ размышленій ясно, что лишь сожительствомъ вызывается, какъ новое душевное отправленіе, совѣсть, и что Робинзонъ, явись онъ отшельникомъ на своемъ островѣ безъ всякаго воспоминанія о сожительствѣ съ себѣ подобными, не зналъ бы чувства долга и совѣсти, и никто не имѣлъ бы права его въ этомъ упрекать.

Признавая, такимъ образомъ, нравственное чувство человѣка

порожденіемъ его общежитія, мы, естественно, припоминаемъ, что проблески этого чувства сказываются также у животныхъ съ выраженными общественными инстинктами. Благодаря этимъ инстинктамъ, животныя чувствуютъ наслажденіе, находясь въ обществѣ сотоварищей, выражаютъ имъ свою симпатію и оказываютъ другъ другу малыя и большія услуги. Само собою разумѣется, что мы не имѣемъ основанія ожидать во всякихъ случаяхъ проявленіе долга сообразно современнымъ человѣческимъ требованіямъ. Пчелиная матка, убивая собственныхъ дочерей, на нашу цивилизованную человѣческую мѣрку, совершаетъ великое преступленіе; съ точки же зрѣнія пчелиной гражданственности она исполняетъ лишь прямой свой долгъ, ибо лишнія молодыя матки, вылетая изъ улья, увлекли бы съ собою каждая по цѣлому рою работницъ, основали бы съ ними новыя колоніи, и тѣмъ самымъ ослабляли бы метрополію, тогда какъ дѣятельность согражданъ въ ульѣ направлена по преимуществу на его разращеніе, усиленіе, процвѣтаніе. Избіеніе дармоѣдовъ-трутней ихъ родными сестрами-работницами, съ точки зрѣнія пчелиной государственной морали, точно также актъ мудрости, а не жестокости. Впрочемъ, исторія, а также этнографія дикихъ народностей обилуютъ фактами, аналогическими съ только-что приведенными.

Такъ, сѣверо-американскіе индѣйцы бросаютъ на погибель въ степи своихъ ослабѣвшихъ товарищей, а жители Огненной земли погребаютъ заживо собственныхъ престарѣлыхъ и больныхъ родителей. Немногимъ лучше прикрываемое религіозными вѣрованіями оставленіе индусами умирающихъ на берегахъ Ганга или опущеніе ихъ въ волны священной рѣки, или хотя бы сжиганіе тѣми же индусами вдовы вмѣстѣ съ трупомъ ея мужа. Современное цивилизованное общество только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ подвергаетъ смертной казни вреднѣйшихъ изъ своихъ членовъ; да и при этомъ всякій разъ чувствуетъ нѣчто въ родѣ угрызенія совѣсти, обвиняя само себя въ дурномъ воспитаніи этихъ, ставшихъ злодѣями, сочленовъ. При наступленіи осеннихъ холодовъ все населеніе осиныхъ гнѣздъ—за исключеніемъ лишь немногихъ остающихся на племя матокъ — гибнетъ; но прежде, нежели погибнуть, оно съ остервенѣніемъ набрасывается на личинокъ и куколокъ, умерщвляетъ ихъ, и тѣмъ самымъ избавляетъ отъ мучительной голодной смерти. При данныхъ обстоятельствахъ осы не могли бы поступить болѣе «человѣчно». Цивилизованный хозяинъ земного шара, правда, распоряжается иначе, онъ подбираетъ брошенныхъ на погибель малютокъ, онъ ходитъ за безнадежными больными до послѣдняго ихъ издыханія, не прибѣгая къ насиль-

ственнымъ мѣрамъ пресѣченія ихъ страданій, ибо такія мѣры наводили бы панику на больныхъ и здоровыхъ.

Разнообразна общественная мораль въ различныхъ странахъ и въ различныя историческія эпохи. Тѣмъ болѣе разнообразны формы взаимодѣйствія между особями различныхъ представителей животнаго царства. Гдѣ преобладаютъ между ними кулачное право и самая безпощадная взаимная борьба за существованіе, а гдѣ и взаимная помощь. Почему же, спрашивается, человѣку надлежитъ брать себѣ въ образецъ именно борьбу съ себѣ подобными, а не взаимную помощь? Вѣдь не враждою и рознью, а дружными усиліями, цѣлой громадой соціальныя животныя борются съ наибольшимъ успѣхомъ за существованіе, созидаютъ удивительныя постройки и своего рода государства.

Человѣческій индивидуумъ долженъ стремиться къ сверхъ-человѣку (Übermensch Ф. Нитше) всѣми, имѣющимися въ его распоряженіи, интеллектуальными и физическими способами. Пусть онъ давитъ и душитъ своихъ ближнихъ. Они погибнутъ въ борьбѣ за существованіе; останутся одни сверхъ-человѣки. Вотъ идеалъ моднаго философа, геніальными софизмами извращающаго и насилующаго основные выводы біологіи и исторіи цивилизаціи. Позвольте по этому поводу предложить простой вопросъ о первоисточникѣ борьбы за существованіе въ животномъ мірѣ вообще. Отвѣтъ извѣстенъ: борьба вызывается ограниченностью наличнаго пространства и питательнаго матеріала съ одной стороны, а съ другой—стремленіемъ всѣхъ организмовъ размножаться съ неимовѣрною быстротою въ безконечной геометрической прогрессіи. Всѣ мѣста за трапезой природы давнымъ-давно заняты, а потому весь ежегодно нарождающійся избытокъ особей долженъ гибнуть, что и происходитъ въ борьбѣ за существованіе. Въ этой борьбѣ побѣда остается, въ общемъ, на сторонѣ болѣе сильныхъ или болѣе способныхъ переносить всевозможныя внѣшнія невзгоды. Такъ дѣло обстоитъ въ мірѣ животныхъ. Но вопросъ въ томъ, примѣнимъ ли законъ численнаго равновѣсія животныхъ безъ оговорокъ и къ человѣку?

Человѣкъ покоряетъ внѣшнюю природу, чѣмъ дальше, тѣмъ больше дѣлаетъ ее своею данницею. Его существованіе уже не пріурочено къ опредѣленнымъ, непосредственнымъ дарамъ дикой природы, къ дупламъ вѣковыхъ деревъ и пещерамъ, въ которыхъ укрывались отдаленные наши предки. Человѣческое племя, не смотря на недостатокъ въ природной тепловой защитѣ, разселилось изъ странъ тропическихъ почти по всему лицу земному. Оно научилось не только завладѣвать въ обильномъ количествѣ гото-

выми дарами природы; но и культивировать и обрабатывать ихъ въ потребномъ количествѣ. Конечно, всюду не мало бѣдняковъ; существуютъ цѣлые народы и племена, еле влачащіе нищенское существованіе; но, тѣмъ не менѣе, общая сумма производительности человѣчества съ избыткомъ покрываетъ его потребности. На счетъ этого избытка оно и множится, какъ бы вопреки закону численнаго равновѣсія организмовъ. Пусть это размноженіе по прошествіи тысячелѣтій встрѣтитъ предѣлъ въ недостаткѣ свободнаго пространства для размѣщенія всѣхъ нашихъ отдаленнѣйшихъ потомковъ. Какими мѣрами тогда установится комплектъ человѣческихъ существъ,—объ этомъ загадывать преждевременно. Пока же приростъ человѣческаго племени можетъ считаться обезпеченнымъ на многія тысячелѣтія, такъ какъ рука объ руку съ нимъ будутъ наростать и богатства, благодаря изобрѣтеніямъ и усовершенствованіямъ въ сферѣ сельскаго хозяйства и промышленности, въ особенности, когда техническая химія вступитъ на путь искусственнаго, фабричнаго приготовленія пищевыхъ веществъ. Такимъ образомъ, для человѣка не существуетъ той естественной, основной причины, которою по необходимости вызывается взаимная борьба за существованіе въ средѣ животныхъ. На всѣхъ должно хватать мѣста и пропитанія при установленіи надлежащаго взаимнаго соглашенія. Да еще и ведется ли эта борьба единоплеменными животными особями между собою съ такимъ ожесточеніемъ, какъ это обыкновенно принимается неестествоиспытателями? Многочисленные примѣры, выставленные въ этой статьѣ, указываютъ на сильный противовѣсъ, который борьба индивидуума противъ индивидуума встрѣчаетъ въ соціальныхъ инстинктахъ. Соціальныя животныя борются за существованіе съ внѣшними врагами и разными невзгодами уже сообща, и борются, несомнѣнно, съ большимъ успѣхомъ, нежели полагающіяся на свои личныя силы и враждебныя къ своимъ собратьямъ. Съ кого изъ животныхъ человѣку, этому облагороженному, одухотворенному животному, слѣдуетъ брать примѣръ?

Насиліе надъ болѣе слабымъ, право, и такъ проявляется слишкомъ часто. Что сталось бы съ человѣчествомъ, еслибъ насиліе было узаконено, какъ это проповѣдуетъ нравственная (?) философія *Фридриха Нитше?* Правильная культурная работа возможна только при условіи единенія людей, ихъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ и при справедливомъ признаніи правъ каждаго изъ тружениковъ. «Сверхъ-человѣкъ» это, мнѣ кажется, не тотъ, кто пользуется своею силою для того, чтобы сбить съ позиціи и задушить другого по праву умственно и физически сильнаго,

а тотъ, кто въ мирномъ соревновеніи превзойдетъ своихъ собратьевъ, а затѣмъ поможетъ имъ приблизиться къ той высотѣ, къ тому относительному совершенству, котораго самому удалось достичь.

Соревнованіе—это то понятіе, въ которое для человѣка чѣмъ дальше, тѣмъ больше должно перерождаться понятіе о взаимной борьбѣ. Соревнованіе, если угодно, своего рода проявленіе эгоизма, но эгоизма съ приложеніемъ къ альтруизму, къ пользѣ ближнихъ.

Въ вѣнскомъ Пратерѣ до сихъ поръ сохранилось главное зданіе всемірной выставки семидесятыхъ годовъ съ надписью на фронтонѣ: Viribus unitis, соединенными силами. Пусть кто-нибудь придумаетъ надпись болѣе краткую и болѣе выразительную на храмѣ современнаго человѣческаго прогресса. Да, единеніе—великій, единственно разумный, единственно возможный лозунгъ культурнаго человѣчества.

ВЪ ВОДОВОРОТѢ.

(Изъ писемъ французской аристократки о Вандейскомъ возстаніи).

„Моя бѣдная, моя дорогая мама!

Наконецъ-то держу я въ рукахъ письмо изъ Лондона, написанное вами! Оно проблуждало по свѣту болѣе полугода, пока, наконецъ, я могла прижать къ своимъ устамъ эти строки, написанныя родной рукой... Вы жалуетесь, что не получали отъ меня извѣстій со дня разлуки? а между тѣмъ, я писала вамъ, какъ только представлялся удобный случай. Очевидно, кто-то препятствовалъ моимъ письмамъ переплывать Ла-Маншъ; они оставались во Франціи, гдѣ читали ихъ чужіе, недружелюбные глаза... Я разсказывала тамъ и про взятіе Тюльери, и про арестъ его величества короля Людовика XVI съ семействомъ, и про нашъ отъѣздъ въ Табурель. Только весной прекратились мои письма; но въ эти два мѣсяца мнѣ пришлось перевидать столько ужасовъ, испытать столько страданій, что я не въ силахъ была взяться за перо.

Теперь, мама, я постараюсь разсказать вамъ всѣ тѣ бѣды, которыя пришлось вынести мнѣ, маленькой щепкѣ, въ этомъ водоворотѣ всеобщаго несчастія.

О, Боже! Боже! Оглядываясь на прошлое, переживая вторично эти полтора года, въ продолженіи которыхъ мы не видали другъ друга, я чувствую себя необыкновенно странно: смотрю на себя точно издалека, я сама себѣ чужда и не могу признать за себя самое эту женщину—худую, грязную, оборванную, загорѣлую, съ испуганнымъ взглядомъ, съ дрожащими руками... Мама, неужели же это, дѣйствительно, была я? Неужели я присутствовала при междоусобныхъ битвахъ, неужели это я равнодушно смотрѣла, какъ сотни лю-

дей падали подъ выстрѣлами пушекъ? Я ли слыхала эти стоны, эти проклятія, которыя посылали другъ другу люди, братья, сыны одной матери—Франціи? Я ли бѣгала по пустыннымъ полямъ, съ дочерью на рукахъ, пытаясь укрыться отъ республиканскихъ розысковъ? Я-ли провела ночь въ лѣсу, въ дуплѣ дуба, прижимая къ себѣ Люсиль, и умоляя Господа Бога послать ей смерть раньше моей собственной кончины? Я ли, наконецъ... О, нѣтъ! Нѣтъ, мама! Ваша дочь не въ силахъ разсказать вамъ сразу всего своего горя... Подождемъ, дорогая! Изъ моего разсказа вы пріучитесь смотрѣть бѣдѣ въ лицо; быть можетъ, прослушавъ сначала исторію чужихъ страданій, вы почерпнете въ душѣ своей силу выслушать мужественно извѣстіе о собственномъ несчастіи.

Но съ чего начать?

Цѣлая масса горькихъ воспоминаній стоитъ возлѣ меня толпою; но я не знаю, о чемъ разсказывать, что выбрать для начала... а сердце мое сжимается тоской и на глаза просятся привычныя слезы...

Нѣтъ, такъ нельзя!

Надо сперва успокоиться, и затѣмъ описывать все по порядку, иначе—вы ничего не поймете изъ моего разсказа... О, если бы я могла сама разсказать вамъ все и на груди вашей выплакать свое горе! Но пока это невозможно. Республиканское правительство не прощаетъ эмигрантовъ; а намъ, уцѣлѣвшимъ дворянамъ Вандеи, послѣ усмиренія возстанія, нечего и думать о выѣздѣ заграницу. И такъ, мнѣ остается одно утѣшеніе: разсказать вамъ все. Надѣюсь, мой разсказъ дойдетъ до васъ, вы прочтете его, поплачете надъ нимъ вмѣстѣ со мною, а затѣмъ... затѣмъ, мы будемъ ждать, терпѣливо ждать минуты свиданія...

Сегодня больше не буду ничего писать вамъ, дорогая, до завтра! Завтра стану спокойнѣе и постараюсь, какъ можно лучше, по порядку разсказать все, что пережила за это время ваша дочь Анжелика.

Вы во время уѣхали изъ Парижа, дорогая мама! Восьмого августа мы проводили васъ въ Англію, а съ десятаго наступило смутное время.

Вы были правы, совѣтуя намъ также ѣхать съ вами; я тогда же хотѣла послѣдовать этому совѣту; но Генри сильно разсердился, когда я рѣшилась намекнуть ему на эмиграцію.

— Я бы считалъ себя послѣднимъ изъ трусовъ, если бы

покинулъ короля въ самую опасную минуту!—отвѣчалъ онъ мнѣ.

— Но что же мы можемъ сдѣлать? Чѣмъ помочь?—возразила я,—неужели горсть офицеровъ съумѣетъ противиться всему Парижу, за которымъ стоитъ вся Франція?

— Если всѣ офицеры будутъ разсуждать такъ, Тюльери останется пустымъ въ одну минуту,—замѣтилъ Генри, — во что бы то ни стало, мы всѣ обязаны быть на своемъ посту до конца.

Это было справедливо, и я ничего ему не отвѣчала.

— Но ты, Анжелика,—сказалъ онъ мнѣ, —ты сама можешь послѣдовать за матерью; ты, дѣйствительно, ничѣмъ не можешь помочь катастрофѣ и тебѣ вовсе не стыдно уѣхать.

— Я тебя не оставлю... и не будемъ говорить объ этомъ.

— Ну, такъ отправь одну Люсиль... Четырехлѣтняя дѣвочка намъ обоимъ свяжетъ руки.

Но я отвѣтила:

— Будь что будетъ! Если не хочешь ѣхать, останемся вмѣстѣ.

На этомъ разговоръ оборвался.

Вы уѣхали вмѣстѣ съ другими, а мы остались ждать катастрофы.

Она наступила раньше, чѣмъ ее ожидали: черезъ два дня Людовикъ XVI съ семействомъ былъ уже во власти національнаго собранія, а всѣ защитники или убиты, или разсѣялись по всему свѣту.

Я находилась при королевѣ Маріи-Антуанетѣ всю ночь десятаго августа и утро одиннадцатаго, когда рѣшался вопросъ о безопасномъ убѣжищѣ для королевской фамиліи. Когда было, наконецъ, рѣшено, что ихъ величества отправятся въ Національное собраніе, Марія-Антуанета сказала окружавшимъ ее дамамъ:

— Mesdames, я, совѣтовала бы вамъ удалиться отсюда заранѣе. Я сейчасъ оставлю васъ, чтобы идти къ королю и дофину, намъ теперь надо быть вмѣстѣ.

Королева наклонила голову и сдѣлала жестъ рукой, приглашая всѣхъ насъ разойтись. Нѣкоторыя повиновались; иныя продолжали стоять подлѣ нея, сдерживая рыданія.

— Уходите, прошу васъ, еще не поздно, — повторила Марія-Антуанета нѣсколько сурово,—вы слышите гулъ толпы? Скоро начнутъ стрѣлять, тогда уже спасаться будетъ поздно. Прощайте или, лучше, до свиданія! Не заставляйте

меня убѣждать васъ... Я буду спокойнѣе, зная, что есть еще во Франціи друзья, которые находятся въ безопасности.

Послѣ глубокаго поклона, дамы начали удаляться одна за другою; я стояла послѣдней, употребляя всѣ силы, чтобы сдерживать просившіяся изъ груди рыданія.

Королева не замѣтила моего присутствія. Она стояла у окна, глядя на площадь, кишѣвшую народомъ.

— Бей! Бей! Жги! Пали!—доносилось оттуда. Затѣмъ все смолкло; послышались шаги регулярной арміи:—это шли во дворецъ швейцарцы.

Черезъ минуту раздался одинокій, первый выстрѣлъ... ему отвѣтилъ другой...

Марія-Антуанета, вздрогнувъ, отошла отъ окна, за которымъ пошла уже крупная перестрѣлка.

— Вы здѣсь еще, madame де-Морильонъ?—спросила королева, схвативъ меня за руку,—уходите скорѣе, моя дорогая.

Она обняла меня, подвела къ небольшой двери на потайную лѣстницу и ласково толкнула къ выходу.

Тутъ я не смогла уже больше сдерживать слезъ и громко зарыдала; но королева не обратила на это вниманія. Она затворила за мною дверь, задернула ее портьерой и въ будуарѣ воцарилась полнѣйшая тишина. Вѣрно, Марія-Антуанета вышла оттуда.

Мнѣ оставалось только удалиться, что сдѣлать было еще довольно легко.

Во дворцѣ уже давно ожидали нападенія, почему дамы одѣвались чрезвычайно просто, чтобы избѣжать, въ случаѣ надобности, назойливаго и опаснаго вниманія толпы.

Слѣдуя примѣру другихъ, и я была въ гладкомъ темномъ платьѣ, ничѣмъ не отличавшемся отъ костюма другихъ горожанокъ. Для большей безопасности, я сняла съ себя драгоцѣнныя бездѣлушки и, прикрывъ плечи простой черной шалью, тихонько выскользнула на площадь Карусели, кишѣвшую народомъ.

Мгновенно толпа поглотила меня, оглушила, отняла мою волю, заставила отказаться отъ своихъ желаній, тянула въ одну сторону, тогда какъ я торопилась въ другую. Точно щепку, которую волны кидали туда, куда того хотѣла буря... Мы оба,—народъ и я,—повиновались чему-то, что было какъ бы внѣ насъ, что управляло нами извнѣ, помимо нашего сознанія.

Я хотѣла идти черезъ Елисейскія поля въ городское пред-

мѣстье, гдѣ мнѣ назначилъ свиданіе Генри; но меня потащили обратно ко дворцу, меня принудили опять войти въ тѣ залы, которыя я только-что оставила, меня влекли по корридорамъ, по лѣстницамъ; меня заставляли смотрѣть, какъ разъяренныя женщины били зеркала, разрушали мебель, выбрасывали въ окна драгоцѣнныя вазы, тарелки, люстры, картины... Наконецъ, народная волна потащила меня обратно въ садъ, откуда мы всѣ хлынули къ Тюльерійскимъ рѣшоткамъ.

— Короля ведутъ въ Національное собраніе,—раздались вокругъ восклицанія; но они тотчасъ же были покрыты громовымъ кликомъ:

— Да здравствуетъ нація!

Толпа раздалась на мгновеніе, но затѣмъ сомкнулась опять. Я очутилась за воротами сада, увидала мелькомъ сѣрую шляпу короля и гордую голову королевы и услыхала въ эту минуту осторожный окликъ:

— Ты-ли это, Анжелика?

Оглянувшись, я увидала возлѣ себя Генри, переодѣтаго въ рабочую блузу.

— Въ Елисейскія поля,—шепнулъ онъ мнѣ, прикладывая палецъ ко рту.

Я молча кивнула головой.

Скоро толпа повернула на мостъ и мы, наконецъ, имѣли возможность выбраться на широкую, почти пустую теперь, площадь Согласія.

— Я давно слѣжу за тобою,—сказалъ Генри,—но эта черная шаль такъ скрываетъ твое лицо, что я боялся ошибиться.

— О, Генри!—воскликнула я, хватая его руку,—зачѣмъ мы не уѣхали въ Англію!.. Мнѣ не пришлось бы переживать такія ужасныя мгновенія и знать, что всѣ наши усилія не могутъ отвратить грозы, разразившейся надъ нами.

— И все-таки надо оставаться во Франціи!—возразилъ Генри.—Конечно, мы уѣдемъ сейчасъ изъ Парижа, потому что бороться теперь—это идти на вѣрную смерть; но потомъ... переждавши, надо опять взяться за оружіе!

Тутъ онъ нахмурился и замолчалъ.

— Но когда ты успѣлъ переодѣться?—спросила я, пытаясь отвлечь его отъ печальныхъ мыслей.

— Я долго защищалъ дворецъ,—отвѣчалъ мужъ, — но, когда увидѣлъ, что швейцарцы слабѣютъ, ушелъ къ придвор-

ному лакею переодѣться въ блузу, чтобы защищать Тюльери если не силой, то хитростью... Но уже было поздно. Я засталъ королевскую фамилію окруженной республиканцами и пошелъ тогда за нею совершенно безсознательно.

— Что это? — спросила я, вдругъ оглядываясь назадъ, такъ какъ, неожиданно, на дорогу легла тѣнь отъ нашихъ двухъ фигуръ, тѣнь, которой не было раньше, но которая съ каждымъ мгновеніемъ становилась все яснѣе.

Генри также оглянулся.

Со стороны дворца появилось кровавое зарево. Оно быстро разгоралось, охватывало все небо, окрашивало облака, листья на деревьяхъ, стволы, траву и наши лица въ кровавый, блуждающій свѣтъ.

— Это горитъ Тюльери,—сказалъ мужъ.

Мы постояли нѣсколько секундъ, и затѣмъ молча поспѣшили впередъ, не оглядываясь, торопливо, точно за нами неслась погоня.

А въ саду было такъ мирно и тихо! Вѣтеръ ласково шелестѣлъ листьями, точно желая пробудить отъ сонной лѣни эти толстые стволы, которые спокойно дремали, увѣренные въ своей полной безопасности... Но вдругъ мирная тишина уснувшаго лѣса нарушилась какими-то криками. Сперва крики эти долетали къ намъ издалека; но мало-по-малу они все становились явственнѣе, пока, наконецъ, въ глубинѣ лѣса не появилась бѣгущая женщина. Увидавъ насъ, женщина замолчала, но побѣжала еще шибче.

— Гражданинъ, заступитесь за меня!—сказала она, подбѣгая къ мужу и почти бросаясь къ нему на грудь.

Недалеко отъ нея бѣжалъ какой-то человѣкъ, въ самомъ растерзанномъ видѣ, съ ружьемъ въ рукахъ, направленнымъ впередъ, и также что-то кричалъ.

— Что вамъ надо отъ насъ? — сказала я, оттаскивая Генри отъ женщины; но она схватила его подъ лѣвую руку и точно приросла къ нему, повторяя:

— Защитите меня, гражданинъ, защитите!

Между тѣмъ, мужчина остановился въ двухъ шагахъ, поднялъ ружье и, прицѣливаясь въ нашу группу, кричалъ:

— Эге, да это, кажется, аристократы-кинжальщики убѣгаютъ отъ правосудія народа? Я много убилъ ихъ сегодня, теперь прибавлю къ своему списку еще нѣсколько лишнихъ душъ.

— Чего вы хотите отъ насъ и отъ этой женщины?— спросилъ хладнокровно Генри.

— Я у нея спрашиваю дорогу въ Тюльери, потому что хочу также бить швейцарцевъ, а она молчитъ и отъ меня убѣгаетъ... Я развѣ разбойникъ? Какъ она смѣетъ думать про меня, что я разбойникъ?

Говоря такъ, онъ продолжалъ прицѣливаться въ насъ изъ ружья. Генри попытался достать пистолетъ, спрятанный у него подъ блузой; но я и неизвѣстная женщина въ ужасѣ такъ крѣпко ухватили его за обѣ руки, что онъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія.

— Развѣ я разбойникъ, чтобы меня бояться?—продолжалъ кричать неизвѣстный,—вотъ я докажу ей сейчасъ же, что я вовсе не разбойникъ!

— И докажете это, убивъ ее?—сказалъ Генри.

Человѣкъ опѣшилъ, опустилъ ружье и отвѣчалъ, добродушно смѣясь:

— Что подѣлаешь, гражданинъ! Иной разъ и такое доказательство бываетъ необходимо... Вѣдь, я этой сумасшедшей не хотѣлъ ничего сдѣлать дурного, пока она не стала горланить... Ну, а крики сегодня, знаете ли, дѣйствуютъ такъ, что невольно хочется прицѣливаться!

Женщина немного оправилась, перестала дрожать и отошла отъ насъ подальше.

— Ну, что же, гражданка, укажешь дорогу въ Тюльери?—сказалъ, смѣясь, неизвѣстный,— обѣщаю въ тебя больше не прицѣливаться.

— Я сама иду туда же, а съ тобой мнѣ будетъ еще безопаснѣе, — отвѣчала женщина, и оба недавніе врага мирно пошли отъ насъ въ другую сторону.

Эта встрѣча меня такъ напугала, что я продолжала свой путь чуть ли не бѣгомъ... Мнѣ такъ хотѣлось поскорѣе добраться до предмѣстья, гдѣ жила моя кормилица, и тамъ укрыться отъ опасности.

Между тѣмъ, наступило утро, и зарево пожара блѣднѣло предъ зарей восходящаго солнца. На встрѣчу намъ стали попадаться рабочіе, шедшіе въ городъ, которые поглядывали на насъ очень недружелюбно.

Наконецъ, въ одной группѣ даже сказали:

— Вотъ идетъ рыцарь кинжала съ своей переодѣтой аристократкой... Только очень ужъ они неловко переодѣлись!

Мы переглянулись съ мужемъ. Онъ сталъ мало-по-малу

отставать отъ меня, а я, понимая его намѣреніе, поспѣшила впередъ, къ группѣ женщинъ, также шедшихъ изъ города. Волосы ихъ были растрепаны, лица грязны, платье изорвано; онѣ шли, весело приплясывая, изрѣдка били въ ладоши и выкрикивали обрывки пѣсенъ или ругательствъ.

Я вмѣшалась въ эту толпу и стала также приплясывать и хлопать въ ладоши, я даже кричала что-то вмѣстѣ съ ними, будто обезумѣвъ... Изрѣдка я оглядывалась на Генри, который шелъ вдали, наблюдая за мною. Онъ иногда укоризненно качалъ головой; но я не обращала на это вниманія, продолжая кричать что-то, прыгать и вертѣться.

Встрѣчавшіеся люди смѣялиеь, указывали на насъ пальцами; но я не смущалась этимъ, чувствуя себя теперь въ полной безопасности.

Наконецъ мы добрались до моей кормилицы. Добрая Жозефа была крайне изумлена, увидавъ меня въ такой компаніи.

Она вышла ко мнѣ на встрѣчу, повела въ домъ, что-то говорила; но я нѣкоторое время ничего не понимала и отвѣчала ей только нелѣпыми вскрикиваніями.

Генри объяснилъ ей, въ чемъ дѣло.

Меня уложили въ постель. Жозефа сѣла у изголовья, чтобы перемѣнять на моей головѣ холодные компрессы.

Но я долго не могла успокоиться. Я требовала, чтобы меня поскорѣе увезли въ Нантъ или въ помѣстье возлѣ Лауры; но это было вовсе не такъ легко.

Генри провелъ весь день съ мужемъ Жозефы, обсуждая планъ бѣгства. Добрый Леруа помогъ намъ; безъ него мы оба непремѣнно бы погибли.

Леруа, въ качествѣ республиканца, занималъ теперь видное мѣсто у себя въ предмѣстьи. Онъ былъ полицейскимъ приставомъ и капитаномъ секціи святой Маргариты.

Благодаря своему вліянію, онъ досталъ намъ черезъ нѣсколько дней паспорты до Нанта. Но я боялась ѣхать одна съ Генри такъ далеко, я умоляла Леруа сопровождать насъ, и добрый человѣкъ устроилъ мнѣ это.

Всякими хитростями онъ добился командировки въ Нантъ для закупки фуража войскамъ, стоявшимъ въ Парижѣ. Я съ восторгомъ приняла вѣсть о скоромъ освобожденіи, уже мечтая увидѣть въ Нантѣ Люсиль, которую отослала туда съ теткой при первыхъ признакахъ безпорядковъ и совершенно оправилась, не подозрѣвая, что именно за заставой-то и начнется для насъ рядъ новыхъ, еще болѣе рискованныхъ, приключеній.

На границѣ Парижа ожидала насъ первая непріятность.

Завѣдующій почтой чиновникъ, осмотрѣвъ наши паспорты, отказался пропустить насъ дальше.

— По новому постановленію,—сказалъ онъ,—теперь необходимы также пропускныя свидѣтельства и для лошадей, безъ этого выѣзжать изъ города запрещается.

Леруа вышелъ изъ кареты для объясненій.

Его появленіе произвело нѣкоторую сенсацію, потому что онъ предусмотрительно одѣлся въ военную форму съ эполетами и трехцвѣтной какардой на шляпѣ.

Изъ окна кареты я видѣла еще нѣсколько экипажей, стоявшихъ у дверей почты, съ пассажирами, тщетно молившими о пропускѣ.

Однако, Леруа удалось то, въ чемъ другіе потерпѣли неудачу. Онъ говорилъ съ такимъ авторитетомъ и успѣлъ внушить чиновнику такое къ себѣ уваженіе, что послѣдній, наконецъ, склонился на его доводы.

— Въ виду того, что вы ѣдете по государственной надобности,—сказалъ онъ,—я могу вамъ разрѣшить это нарушеніе установленныхъ правилъ.

Скрывая радость, Леруа сѣлъ въ карету и велѣлъ кучеру ѣхать дальше, но тотъ не шевелился.

— Поѣзжай же, не слышишь, что ли?—нетерпѣливо повторилъ нашъ покровитель.

Кучеръ обернулъ свое лицо, наглое, улыбающееся, пьяное и отвѣчалъ насмѣшливо:

— Зачѣмъ же я буду васъ везти впередъ, когда того не велитъ законъ?

— Но ты, вѣдь, слышалъ разрѣшеніе чиновника?—возразилъ Леруа, стараясь казаться спокойнымъ.

— Мало ли кому можно заговорить зубы? Теперь всѣ равны, и если однимъ нельзя ѣхать, значитъ—нельзя и другимъ... Вотъ этотъ гражданинъ,—онъ указалъ на кучера сосѣдней кареты, чуть ли не лежавшаго всей спиной на ея передней стѣнкѣ и комфортабельно курившаго сигару,— вѣдь онъ не везетъ же своихъ пассажировъ, почему же буду дѣлать это я?

— И не вези ихъ, гражданинъ,— сказалъ ему одобрительно его товарищъ, соблаговоливъ на мгновеніе вынуть изо рта сигару,—почемъ знать, можетъ, это передѣтые кинжальщики-аристократы, и ты будешь помогать ихъ побѣгу?

— Да, это вѣрно... Я не тронусь съ мѣста,—равнодушно

заявилъ нашъ возница, закручивая на одну руку возжи, а другую засовывая въ карманъ, чтобы вынуть сигару.

Леруа выскочилъ опять изъ экипажа, надѣясь, что видъ мундира и здѣсь произведетъ свое обычное дѣйствіе.

— Что ты за наглецъ!—сказалъ онъ,—вѣдь я на службѣ, ѣду по экстренной надобности, и ты будешъ отвѣчать, если отъ моего промедленія пострадаютъ интересы городской коммуны!

Возница оскалилъ зубы, сплюнулъ на сторону и возразилъ:

— Э, гражданинъ! Развѣ торопятся по дѣламъ службы, имѣя при себѣ такой громоздкій багажъ, какъ этотъ кавалеръ и эта дама, что сидятъ у тебя въ каретѣ? Можетъ быть, они и не аристократы-кинжальщики, кто ихъ знаетъ. Но ужъ голову даю на отсѣченіе, что они плохіе патріоты, потому что, какой же патріотъ уѣдетъ теперь изъ города, гдѣ наступило царство справедливости?

Въ это время изъ дверей почтовой конторы вышелъ какой-то господинъ, весьма унылаго вида, сѣлъ въ сосѣднюю карету и велѣлъ везти себя обратно, въ управленіе секціи святого Сюльписа.

Кучеръ докурилъ сигару, бросилъ окурокъ, расправилъ свои члены, уставшіе отъ неподвижнаго сидѣнія, и потомъ ужъ повернулъ лошадей къ Парижу.

— Ну, гражданинъ, садись, поѣду и я,—сказалъ нашъ возница.

Леруа поспѣшилъ сѣсть, увѣренный, что мундиръ и здѣсь произвелъ свое дѣйствіе; но каково же было его негодованіе, когда нашъ кучеръ повернулъ лошадей также къ городу и во весь опоръ помчался за первой каретой!

Я и Генри сидѣли молча, покоряясь своей участи; но Леруа положительно задыхался отъ бѣшенства. Онъ кричалъ, грозилъ, колотилъ кулаками о стѣнку кареты, сыпалъ проклятіями,—а карета все быстрѣе мчалась впередъ, минуя предмѣстье, Елисейскія поля, сожженный Тюльерійскій дворецъ, большую площадь, пока, наконецъ, не въѣхала въ узкую улицу и не остановилась передъ крытымъ подъѣздомъ управленія секціи святого Сюльписа.

На улицѣ толпилась масса народа, читавшаго на дверяхъ бюро объявленія. При видѣ двухъ каретъ, примчавшихся во весь опоръ къ подъѣзду, всѣ праздные люди, сновавшіе безъ всякаго дѣла, стали собираться вокругъ, заглядывать въ окна и переговариваться съ кучерами.

— Это, вѣроятно, аристократы,—сказалъ кто-то.

— Конечно, хотѣли удрать, а ихъ и привезли обратно!

Раздался хохотъ, послышались и свистки. Леруа спустилъ шторы въ нашей каретѣ и ушелъ въ бюро, плотно затворивъ дверцы.

Но вниманіе толпы внезапно было обращено въ другую сторону: какая-то веселая компанія, съ пѣснями и свистками, появилась изъ за угла и подходила также къ дверямъ секціи. Посреди этой компаніи были двѣ женщины, смущенныя, растерянныя, служившія предметомъ всѣхъ этихъ веселыхъ шутокъ.

— Смотрите! Смотрите!—кричали мальчишки, бѣжавшія возлѣ, — онѣ не хотѣли идти на исповѣдь къ нашему священнику.

— Вѣрно потому, что онъ присягнулъ конституціи?— спросилъ какой-то оборванецъ, грозно подходя къ дрожавшимъ женщинамъ.

— Нѣтъ, просто любятъ исповѣдываться у молоденькихъ кюре, а этотъ старый,—отвѣтилъ кто-то.

Толпа захохотала. Посыпались шуточки, еще болѣе нескромныя.

Женщины поспѣшили скрыться въ дверяхъ бюро. Всѣмъ опять стало скучно.

Какъ разъ въ это время вышелъ Леруа, съ новымъ пропускомъ въ рукахъ. Онъ хотѣлъ садиться въ карету; но зѣваки обступили его, спрашивая, кто онъ такой и кого прячетъ за занавѣсками своей кареты, зачѣмъ такъ торопится уѣзжать изъ города, который именно теперь прославился на весь міръ своими великими дѣяніями?

— Друзья мои,—отвѣчалъ Леруа,—я ѣду по дѣламъ городской коммуны, меня посылаетъ самъ мэръ, и я очень прошу васъ дать мнѣ дорогу.

— Нѣтъ, ты не поѣдешь, это все еще намъ надо разслѣдовать!—закричалъ мрачный санкюлотъ, раньше подходившій къ женщинамъ.

— Конечно, конечно, пусть остается,—поддержали его и другіе,—это не патріотично оставлять Парижъ въ такое время!

— Держите его лошадей, если они только тронутся съ мѣста, мы отправимъ всѣхъ въ консьержери вмѣстѣ съ каретой.

Положеніе наше становилось весьма критическимъ; но

находчивый Леруа не потерялся. Онъ влѣзъ на сидѣнье кучера и тамъ, стоя такъ высоко, чтобы всѣ могли его видѣть, повелъ длинную, льстивую, веселую рѣчь.

— Сограждане! — началъ онъ; — зачѣмъ вы шумите и напрасно тратите свои драгоцѣнныя силы? Развѣ можетъ быть подозрительнымъ человѣкомъ тотъ, кто ѣдетъ за нѣсколько сотъ лье закупать фуражъ для вашихъ лошадей, безъ которыхъ, какъ извѣстно, даже храбрый французъ не сможетъ быть хорошимъ солдатомъ? Теперь вы знаете, кто я, поэтому, прошу васъ, не тратьте понапрасну со мной свои драгоцѣнныя силы! Я такой же патріотъ, какъ и всѣ вы, вы увидите это очень скоро! Вотъ, я привезу изъ Пуату фуражъ, и тотчасъ же завербуюсь въ солдаты, чтобы грудь съ грудью, стать на борьбу съ врагами... а вѣдь враги-то стоятъ уже почти на границѣ! Вѣдь вамъ, вѣрно, извѣстно, что Кобургъ и Питтъ угрожаютъ нашей дорогой націи... Поэтому, повторяю, сохраняйте свои силы на борьбу съ коварной Англіей, и вмѣстѣ со мною лучше кричите — да здравствуютъ французы!

— Да здравствуютъ французы!—раздалось ему въ отвѣтъ единодушно.

Нѣсколько десятковъ шапокъ, фуражекъ, фригійскихъ колпаковъ полетѣло на воздухъ.

Не переставая издавать патріотическіе клики, Леруа вдругъ выхватилъ возжи у зазѣвавшагося кучера, хлестнулъ ими по лошадямъ и во весь духъ промчался мимо шумѣвшей толпы.

Скоро минули мы парижскія улицы, почтовую контору, заставу, сады предмѣстья, и только на большой дорогѣ Леруа далъ передохнуть взмыленнымъ лошадямъ.

— Ну, пріятель,—сказалъ онъ кучеру, еще не пришедшему въ себя отъ удивленія,—теперь ты, надѣюсь, видѣлъ, кто изъ насъ умнѣе?.. Если желаешь, я могу сейчасъ же доказать тебѣ, что я не только умнѣе, но и сильнѣе тебя...

Кучеръ пробормоталъ сквозь зубы ругательство.

— Итакъ,—продолжалъ невозмутимо Леруа,—если хочешь быть со мной въ ладу, — вези насъ, какъ слѣдуетъ, до ближайшей станціи, если же ты все-таки желаешь остаться при особомъ мнѣніи, я тебя сейчасъ сброшу съ козелъ, и можешь идти пѣшкомъ въ Парижъ.

— Давайте возжи!—мрачно пробормоталъ возница и Леруа пересѣлъ къ намъ въ карету.

Далѣе мы продолжали уже путь сравнительно спокойно, хотя по дорогѣ намъ попадалось множество новобранцевъ, отправлявшихся пополнять ряды парижской арміи.

Эти молодые солдаты имѣли обыкновеніе останавливать путешественниковъ, спрашивать ихъ паспорта, требовать объясненій по поводу ихъ поѣздки; но форма Леруа избавляла насъ отъ подобныхъ непріятностей.

При такихъ встрѣчахъ онъ выставлялся въ окно кареты, кланялся новобранцамъ, махая своимъ военнымъ кэпи, украшеннымъ трехцвѣтной кокардой, и кричалъ:

— Да здравствуетъ нація!

Такое же привѣтствіе раздавалось ему въ отвѣтъ изъ сотенъ молодыхъ, здоровыхъ грудей, и мы благополучно ѣхали далѣе.

Такимъ образомъ, благодаря находчивости Леруа, мы проѣхали мимо множества волонтеровъ, непрерывно шедшихъ намъ на встрѣчу, и ни разу не подверглись никакой опасности.

Чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ Нанту, тѣмъ страна становилась все болѣе и болѣе спокойной.

Прелестные холмы, всѣ въ яркой зелени, смотрѣли весело; на пастбищахъ, окруженныхъ низкорослыми подстриженными деревьями, разгуливалъ прекрасный, откормленный скотъ. При дорогѣ виднѣлись плоскія крыши фермъ, крытыя красной черепицей, иногда за ними возвышался острый шпицъ деревенской колокольни.

Въ Нантѣ мы прогостили недолго. Я отдохнула дня два у родныхъ, взяла у нихъ свою четырехлѣтнюю дѣвочку Люсиль, и мы отправились дальше, къ Пуату, въ свое помѣстье.

Дороги здѣсь становились все неудобнѣе. Узкая колея мѣшала экипажу ѣхать скоро, окружавшія дорогу деревья дѣлали ее темной и прохладной, отчего грязь долго не высыхала, обращаясь въ липкую кашу. Иногда вѣтви сплетались надъ нашими головами, образуя бесѣдку, которая тянулась на нѣсколько лье. Перекрестки, усѣянные изображеніями святыхъ, попадались такъ часто, что мы постоянно рисковали заблудиться, и даже туземцы не могли намъ указать въ точности нужную дорогу.

Въ гостинницахъ, которыя служили намъ ночнымъ пріютомъ, замѣчалось большое оживленіе. Ихъ наполняло множество молодого народа, крестьянъ и буржуа, призываемыхъ къ военной службѣ.

Вѣсть о взятіи короля подъ стражу уже была здѣсь из-

вѣстна въ подробностяхъ. Молодежь собиралась небольшими группами по угламъ и закоулкамъ и шепталась о чемъ-то, умолкая при появленіи посторонняго; но лица ихъ, испуганныя, задумчивыя, выдавали то, что таилось въ глубинѣ ихъ темной, непросвѣщенной души.

Подъѣзжая къ Пуату, за которымъ недалеко былъ нашъ замокъ, мы услыхали, что въ городѣ начались серьезные безпорядки. Молодые люди, собранные тамъ для отбыванія воинской повинности, отказались тянуть жребій и въ одну ночь всѣ куда-то исчезли. Очевидно, ихъ спрятали обыватели-буржуа, республиканскіе власти знали это; но отрядъ національной гвардіи, стоявшій въ мѣстныхъ казармахъ, былъ такъ невеликъ, что власти не рѣшились употребить его въ дѣло, опасаясь потерпѣть неудачу.

Полетѣли донесенія въ Нантъ и Парижъ съ требованіями войскъ; а пока въ Пуату царила нерѣшительность и паника.

Я была такъ напугана парижскими безпорядками, что не хотѣла оставаться въ городѣ ни одной лишней минуты изъ опасенія быть свидѣтельницей новыхъ междоусобій.

Здѣсь мы простились съ добрымъ Леруа, который остался исполнять данное ему порученіе, и уже на собственныхъ лошадяхъ отправились къ родному гнѣзду.

Черезъ нѣсколько часовъ замелькала вдали стрѣльчатая колокольня моей старой, дорогой деревушки Табурель, а за нею вскорѣ и бѣлыя стѣны нашего родового замка.

Здѣсь, казалось мнѣ, мы были въ полной безопасности... Иначе, вѣдь, я и не могла думать! Наша семья уже много вѣковъ жила подъ этой крышей, среди фермеровъ, съ которыми мы играли въ дѣтствѣ, танцовали въ юности и затѣмъ всю жизнь дѣлили вмѣстѣ радость и горе.

Я входила подъ прохладный портикъ родного дома, увѣренная, что оставляю за собою навсегда всѣ опасности, которыя не посмѣютъ переступить порогъ этого стараго замка.

Прошла зима. Дѣйствительность какъ бы подтверждала мои надежды; хотя въ другихъ мѣстахъ и стали поговаривать о вооруженномъ сопротивленіи революціи, но у насъ было тихо.

Большую часть времени я проводила одна съ Люсиль. Генри страстно любилъ охоту и часто пропадалъ въ лѣсу по нѣскольку дней, ночуя гдѣ-нибудь въ крестьянской хижинѣ. Возвращаясь домой онъ всегда обѣщалъ мнѣ никогда больше не проводить такъ много времени внѣ дома, но сдержать

подобное обѣщаніе стоило ему большихъ усилій. Генри скучалъ зимнимъ бездѣльемъ деревенской жизни. Иногда онъ развлекался игрой на гитарѣ, пѣлъ романсы; то по цѣлымъ часамъ сидѣлъ за столомъ, уставленнымъ игрушечными фигурками солдатъ и производилъ съ этимъ оловяннымъ войскомъ маневры.

А когда я смѣялась, называя его страсть игрушечнымъ увлеченіемъ, онъ вздыхалъ:

— Ахъ, милая, желалъ бы я очень, чтобы грозящая намъ война была такъ же мало кровопролитна, какъ это мое игрушечное увлеченіе!

Весной Генри сталъ пропадать по цѣлымъ недѣлямъ; возвращаясь, онъ привозилъ съ собою уже не дичь, а какія-то бумаги, письма, помѣченныя иностранными штемпелями.

Я боялась его разспрашивать, инстинктивно желая сохранить подольше свое спокойствіе, но по всему было замѣтно, что вокругъ замка начинаетъ совершаться что то необыкновенное.

Крестьяне принялись за пашню безъ обычнаго рвенія; часто можно было ихъ видѣть въ полѣ толпившимися вокругъ священника въ оборванной сутанѣ, который горячо проповѣдовалъ имъ что-то, между тѣмъ какъ волы ихъ стояли неподвижно посреди неоконченной борозды.

Сквозь листву зазеленѣвшихъ деревьевъ замелькали фигуры монахинь въ бѣлыхъ капорахъ, торопливо разносившія по замкамъ таинственные пакеты съ иностранными штемпелями. Владѣтель замка, получившій такой пакетъ, жадно читалъ его, запрятывалъ подальше, садился на лошадь и куда-то уѣзжалъ.

Однажды Генри пріѣхалъ взволнованный болѣе обыкновеннаго, и сказалъ мнѣ послѣ нѣкоторыхъ колебаній:

— Вокругъ насъ возстали всѣ! Не пугайся, пожалуйста; не думаю, чтобы дѣло зашло слишкомъ далеко, и намъ лично угрожала бы какая-нибудь опасность, но меня теперь ты будешь видѣть очень рѣдко.

— Ты хочешь стать во главѣ возставшихъ? — воскликнула я, — о Генри, Генри, нужно ли это?

— Это такъ нужно, что даже не требуетъ никакихъ разсужденій, — сурово отвѣчалъ мужъ, — и какъ тебѣ не стыдно быть такой малодушной! Я много видалъ теперь женщинъ во время своихъ скитаній и съ огорченіемъ долженъ сознаться, что ты среди нихъ составляешь какое-то исключеніе... Всѣ

онѣ такъ мужественны, что не только не отговариваютъ своихъ мужей и дѣтей отъ возстанія, но даже собираются идти вмѣстѣ съ ними.

— Что дѣлать, меня Богъ не наградилъ храбростью,— отвѣчала я;—видъ крови доводитъ меня до обморока.

Вошелъ слуга и доложилъ, что изъ Сенъ-Флорана пріѣхалъ какой-то человѣкъ и желаетъ видѣть мужа.

Въ комнату вошелъ старикъ, въ какой-то необыкновенной военной формѣ, весь забрызганный грязью.

— Въ Сенъ-Флоранѣ возстаніе,—сказалъ онъ, почтительно поклонившись,—ваше сіятельство обѣщали къ намъ присоединить и свою милицію... Графъ Бопре прислалъ меня спросить, когда можно надѣяться ему на подкрѣпленіе?

— Я еще ничего не могу сказать опредѣленнаго; нашъ народъ не такъ рѣшителенъ, какъ у васъ въ Сенъ-Флоранѣ.

— У насъ также не подозрѣвали, что кризисъ такъ близко, и возстаніе произошло случайно. Около мэріи собралась толпа новобранцевъ, которую отправляли въ Парижъ; они не хотѣли идти, не смотря на всѣ убѣжденія. Тогда власти пригрозили употребить силу... во время свалки, которая въ концѣ концовъ завязалась между войскомъ и новобранцами, кто-то прострѣлилъ руку мэру... Тогда республиканцы направили на нашихъ молодцовъ пушку; но тѣ не дождались выстрѣла, а кинулись впередъ, отняли пушку и направили ее противъ властей... Тутъ завязалось настоящее дѣло! И мэрія, и дворъ, и дома возлѣ мэріи – все разнесли! Масса народу убита! Теперь у насъ настоящій праздникъ! Колокола звонятъ, старый кюре прогнанъ, потому что онъ принялъ конституціонную присягу, и всѣ пируютъ.

— Да, пусть они пока пируютъ,—сказалъ Генри,—но намъ надо готовиться къ послѣдствіямъ этой побѣды...

— За тѣмъ меня и послалъ сюда графъ де-Бопре... Намъ слѣдуетъ непремѣнно соединиться.

— Мнѣ кажется, что графу надо идти ко мнѣ сюда, для того, чтобы видъ его веселыхъ побѣдителей прибавилъ храбрости нашимъ крестьянамъ... Ими я не могу похвалиться.

— Я передамъ его сіятельству ваши соображенія и скоро принесу отвѣтъ,—сказалъ старикъ, церемонно откланиваясь.

— Это старый буфетчикъ графа,—замѣтилъ мнѣ мужъ,— и, видишь, даже онъ не побоялся возстать за церковь и народное дѣло.

— Господинъ кюре,—доложилъ слуга.

Но кюре, не дожидаясь позволенія войти, появился тотчасъ же за лакеемъ. Видъ священника былъ очень жалокъ и растерянъ.

— Господинъ графъ, — обратился онъ взволнованно къ Генри, — прошу васъ, помогите мнѣ уѣхать отсюда... Крестьяне услыхали, что въ Сенъ-Флоранѣ прогнали конституціоннаго священника и теперь явились ко мнѣ толпой требовать, чтобы я также удалился изъ Табуреля... Они грозили мнѣ, даже не дали уложить моихъ вещей, и просто выгнали изъ дому.

— Я могу только удивляться, — отвѣчалъ Генри очень сухо, — что вы рѣшились занять приходъ въ нашей деревнѣ, принявъ конституціонную присягу.

Священникъ удивленно вскинулъ на него глаза.

— Я думалъ, графъ, что вы сами стоите за конституцію.

— Это мое личное дѣло, господинъ кюре.. Повторяю, могу только удивляться вашей смѣлости... Конечно, я помогу вамъ уѣхать, только совѣтую сдѣлать это какъ можно незамѣтнѣе.

Священникъ вышелъ, пожимая плечами.

— Да, да, — сказалъ мужъ, глядя ему вслѣдъ и насмѣшливо улыбаясь, — теперь наступило ваше время удивляться, господинъ кюре!.. Надо его поскорѣе отъ насъ выпроводить... Теперь намъ нужны преданные люди, чтобы быть вполнѣ увѣренными въ исходѣ дѣла.

— Но какъ же деревня останется безъ священника? — спросила я.

— О, у насъ будетъ свой кюре сегодня же вечеромъ! Онъ ждетъ меня уже нѣсколько дней въ хижинѣ лѣсничаго...

— Генри, Генри! А этотъ поѣдетъ навѣрно въ Парижъ и донесетъ на всѣхъ васъ.

— Успокойся, вѣсти о насъ придутъ туда гораздо раньше, и этотъ измѣнникъ уже не скажетъ имъ ничего новаго... Однако, мнѣ пора ѣхать! Завтра, утромъ, я вернусь съ господиномъ кюре, съ человѣкомъ, на котораго я могу всегда положиться... А пока — до свиданія! Совѣтую не скучать, потому что этимъ, все равно, ничего не поправишь.

Онъ поцѣловалъ меня и торопливо вышелъ.

Я просто не узнавала мужа! Всегда спокойный, немножко лѣнивый, склонный къ сантиментальности, любитель романсовъ, онъ теперь совершенно измѣнился. Въ движеніяхъ его появилась небывалая энергія, во взглядѣ огонь, обращеніе съ людьми сдѣлалось повелительнымъ...

Утромъ Генри вернулся съ новымъ священникомъ, господиномъ Сенъ-Пьеромъ.

Новый кюре былъ изгнанъ изъ Ліона за отказъ принять конституціонную присягу, и нѣкоторое время скитался по лѣсамъ и деревушкамъ. Генри случайно встрѣтилъ его во время этихъ скитаній и обѣщалъ ему нашъ приходъ. Кюре не долго пришлось ждать исполненія обѣщанія. Черезъ нѣсколько дней онъ уже водворился въ нашей деревнѣ и сдѣлался однимъ изъ самыхъ ярыхъ сподвижниковъ возстанія.

Каждый праздникъ, послѣ обѣдни, кюре говорилъ крестьянамъ проповѣдь, въ которой звалъ ихъ на смѣлую борьбу противъ республики, обѣщая всѣмъ павшимъ въ этой борьбѣ прямую дорогу въ рай, а трусамъ грозилъ адомъ и вѣчными муками.

Воодушевленные крестьяне изъ церкви шли къ намъ во дворъ, гдѣ Генри училъ ихъ маршировать, слушать команду, стрѣлять въ цѣль. Тутъ же назначалъ онъ офицеровъ изъ наиболѣе способныхъ, которые, впрочемъ, ничѣмъ не отличались отъ всего импровизированнаго войска.

Иногда къ намъ приходили монахини, приносившія письма и всякія вѣсти. Онѣ разсказывали, что наши всюду одерживаютъ побѣды надъ республиканцами, что графъ де-Бопре далъ еще одно сраженіе, которое также выигралъ, и теперь идетъ къ намъ въ Табурель, чтобы, соединившись съ нашими новобранцами, напасть вмѣстѣ на республиканцевъ, приближавшихся къ Шатильону.

Однако, день проходилъ за днемъ, а графъ де-Бопре не появлялся; чѣмъ ближе подходилъ моментъ опасности, тѣмъ нерѣшительнѣе становилось населеніе Табуреля. Республиканцы уже ночевали въ Шатильонѣ, а Генри все еще сомнѣвался, уговоритъ ли онъ своихъ крестьянъ идти къ нимъ на встрѣчу.

Наконецъ, въ одно чудесное весеннее утро къ намъ пришелъ кюре съ какимъ-то пакетомъ въ рукахъ и сказалъ, подавая его мнѣ:

— Это мадемуазель Ларошъ прислала вамъ въ подарокъ... Она поручила мнѣ сказать еще, что придаетъ ему большое значеніе.—Я разорвала пакетъ. Оттуда посыпалось множество листковъ лощеной бумаги и на каждомъ листкѣ было нарисовано кровавое сердце, пронзенное стрѣлою. Подъ сердцемъ была надпись: „Кто вѣритъ въ сердце Христово, тотъ успѣваетъ въ дѣлахъ своихъ“.

— Но что же мнѣ дѣлать съ этими картинками?—спросила я.

— Вы ихъ будете раздавать сегодня крестьянамъ послѣ богослуженія, — сказалъ кюре, — всѣ дамы дѣлаютъ это по своимъ приходамъ, надо же и вамъ, наконецъ, принять участіе въ общемъ движеніи...

Я не смѣла противорѣчить, но на глазахъ у меня появились слезы.

— О чемъ вы теперь думаете?—спросилъ кюре.

— Мнѣ просто грустно... Это сердце, которое билось только любовью, теперь должно сдѣлаться символомъ раздора.

— Вы ошибаетесь, — возразилъ кюре очень строго,— сердце это призываетъ всѣхъ вѣрныхъ защищать церковь и религію.

— Тутъ не о чемъ и разговаривать,—сказалъ Генри,— ты должна это сдѣлать, если даже и не хочешь... Всѣ такъ дѣлаютъ, и я не желаю. чтобы мы выдѣлялись чѣмъ-нибудь изъ общества. Можетъ быть, хоть это воодушевитъ ихъ,— обратился онъ къ кюре,—правду сказать, они хотя и храбры, но такъ плохо дисциплинированы, что постоянно нуждаются въ какихъ нибудь-понудительныхъ мѣрахъ.

— Сегодня я ожидаю сюда и графа де-Бопре,—сказалъ кюре.—Можетъ быть, видъ его побѣдоноснаго войска воодушевитъ нашихъ лѣнтяевъ... А теперь я пойду служить обѣдню; часа черезъ два ожидайте насъ всѣхъ къ себѣ съ визитомъ.

Кюре ушелъ. Генри вскорѣ послѣдовалъ за нимъ, не удостоивъ меня даже взглядомъ, до того онъ былъ во мнѣ разочарованъ. Я сидѣла одна, предаваясь самымъ мрачнымъ мыслямъ. Я боялась крови, боялась выстрѣловъ; видъ страданія былъ невыносимъ моей душѣ, и вотъ, силой обстоятельствъ, мнѣ приходится быть участницей въ возстаніи, и, трепещущей отъ предчувствія будущихъ ужасовъ, самой разжигать страсти, чтобы сдѣлать эти ужасы возможно болѣе распространенными...

Толпа, валившая въ нашъ дворъ, прервала мои размышленія.

Чтобы не раздражать мужа еще сильнѣе, я поспѣшила выйти на балконъ, захвативъ съ собою пакетъ съ кровавыми сердцами.

Генри стоялъ посреди крестьянъ и уже заканчивалъ свою небольшую рѣчь.

— Что же мнѣ сказать вамъ еще? — говорилъ онъ.—Я

думаю, вы все знаете также хорошо, какъ и я... Вы знаете, что миръ съ синими *) немыслимъ; вы знаете, что если мы не возьмемся за оружіе, они придутъ сюда, сожгутъ ваши хижины, перебьютъ васъ, а женщинъ и дѣтей переселятъ на другое мѣсто...

Толпа молчала.

— Ну, больше мнѣ нечего сказать вамъ,—проговорилъ Генри, отходя въ сторону.

Тогда выступилъ впередъ кюре.

— Неужели вы допустите республиканцевъ овладѣть вашими церквами?—воскликнулъ онъ, поднимая руку, — неужели вы безропотно позволите имъ прогнать меня отсюда только за то, что я остался вѣрнымъ Богу?.. Они придутъ сюда, они осквернятъ вашу церковь, а потомъ продадутъ ее какому-нибудь нечестивцу...

Въ толпѣ послышались вздохи и сдержанныя рыданія женщинъ.

— Они продадутъ и кладбище, гдѣ покоится прахъ вашихъ предковъ,—продолжалъ кюре,—кто-нибудь купитъ это священное мѣсто, выкопаетъ кости, выброситъ ихъ въ овраги, сравняетъ плугомъ могилы и засѣетъ ихъ... и будетъ собирать богатую жатву на этомъ жирномъ полѣ...

Истерическіе вопли женщинъ покрыли послѣднія слова священника.

Толпа заволновалась. Пестрыя платья женщинъ замелькали между темными одеждами крестьянъ; онѣ кричали, размахивали руками и, рыдая, упрекали мужчинъ за то, что они потеряли вѣру въ Бога, если не хотятъ защищаться отъ угрожающаго святотатства... Но этого не будетъ! И если мужчины у нихъ трусы, онѣ поднимутся сами на защиту Христа и Мадонны! Онѣ бросятъ дѣтей, свои прялки и веретена, чтобы идти сражаться противъ синихъ! И вѣчный позоръ падетъ на головы трусовъ!

И вдругъ, въ эту общую сумятицу, вблизи раздался барабанный бой и послышались воинственные крики...

Толпа растерянно смолкла.

— Это синіе!—крикнуло вдругъ нѣсколько испуганныхъ голосовъ, и наше войско уже готово было разсыпаться въ разныя стороны.

---

*) Такъ назывались въ Вандеѣ республиканцы, которые, въ свою очередь, называли туземцевъ «разбойниками».

— Успокойтесь, дѣти мои!—торжественно сказалъ кюре, — это вовсе не синіе, это ваши братья-бретонцы, побѣбившіе синихъ: они и пришли помогать вамъ защищаться.

Взрывъ восторга смѣнилъ неожиданную панику.

Толпа бросилась на встрѣчу гостямъ, которые уже появились между деревьями парка.

Что это были за оригинальные побѣдители! Иные шли пѣшкомъ, иные ѣхали на разношерстныхъ лошадяхъ съ подушками, вмѣсто сѣделъ, съ обрывками веревокъ, вмѣсто стремянъ, съ ногами, на которыхъ, вмѣсто сапоговъ, болтались деревянные башмаки.

У немногихъ счастливцевъ были ружья. Остальные довольствовались топорами, ломомъ или косой, привязанной торчмя къ палкѣ; иной, вмѣсто всякаго оружія, несъ въ рукѣ серпъ или простую палку. За то всякая шапка, хотя бы самой необыкновенной формы, была украшена бѣлой кокардой и на правомъ рукавѣ у всѣхъ, безъ исключенія, виднѣлось нашитое красное сердце, пронзенное огненной стрѣлою.

Это странное войско ворвалось къ намъ въ ограду съ радостными криками: „Ура! Ура! Мы побѣдили!“

Черезъ минуту побѣдители смѣшались съ нашими нерѣшительными крестьянами, воодушевляя ихъ разсказами о томъ, какіе трусы республиканцы, какъ они скоро бѣжали, сколько оставили пороху и ружей на полѣ сраженія.

— Намъ досталась даже пушка!—кричалъ какой-то высокій бретонецъ, очевидно, одинъ изъ офицеровъ, — да, да, настоящая красивая пушка, которую мы прозвали Марія-Жанна... Она ѣдетъ за нами, и вы скоро ее увидите!..

Этотъ человѣкъ былъ верхомъ. На хвостѣ его лошади я замѣтила привязанные республиканскіе эполеты, а нѣсколько трехцвѣтныхъ кокардъ украшало ея гриву, какъ бы въ доказательство несомнѣнной побѣды. Въ рукахъ онъ держалъ косу съ остріемъ, поднятымъ къ небу, на которомъ я увидала нѣчто необыкновенное... какіе-то овальные, блѣдные кусочки...

— Что это у него на косѣ?—спросила я одну изъ женщинъ, слѣдовавшихъ массой за своими дѣтьми и мужьями.

— О, это? Это, госпожа, уши синихъ...—и, замѣтивъ, что я содрогнулась отъ ужаса, она прибавила добродушно,— ихъ рѣзали мы только съ убитыхъ...

— Да, да, только съ убитыхъ, —закричала другая, вдругъ начиная приплясывать и махать топоромъ, — да, мы побѣ-

дили! Смотрите, смотрите, вотъ этимъ топоромъ мы сейчасъ срубили дерево свободы въ Клоссонѣ! Идемъ скорѣе въ Шатильонъ, чтобы и тамъ сдѣлать тоже!

— Идемъ! Идемъ!—подхватили другія женщины,—мы и тамъ срубимъ это дерево свободы, мы и тамъ сдѣлаемъ изъ него костеръ, на которомъ сожжемъ всѣ бумаги республиканцевъ!

— Вотъ ѣдетъ Марія-Жанна!

— Марія-Жанна! Ура! Ура! Марія-Жанна!

Толпа кинулась на встрѣчу пушкѣ, которая торжественно подъѣзжала къ замку, украшенная лентами и цвѣтами. Ее поставили посреди двора, толкались около нея, тѣсня другъ друга, потому что каждому хотѣлось поскорѣе взглянуть на нее, обнять, поцѣловать, точно живого человѣка послѣ долгой разлуки.

Генри вышелъ ко мнѣ на балконъ и знакомъ подозвалъ старика Бошана, дворецкаго графа де-Бопре.

Бошанъ приблизился съ той изысканной вѣжливостью, которая отличала старыхъ слугъ и которая особенно рѣзко выдѣлялась посреди шума этой недисциплинированной толпы.

— Почему же графъ де-Бопре самъ не пріѣхалъ вмѣстѣ съ вами?—спросилъ Генри.

— Графъ уже возлѣ Шатильона, онъ обдумываетъ планъ атаки, — отвѣчалъ Бошанъ,—его сіятельство поручилъ мнѣ просить васъ поскорѣе поспѣшить къ нему съ подкрѣпленіемъ.

— Да, да, надо торопиться, — замѣтилъ подошедшій кюре,—теперь подходитъ самая рѣшительная минута.

Онъ выступилъ впередъ и крикнулъ:

— Дѣти! Друзья мои!

Толпа мало-по-малу успокоилась и подошла поближе къ балкону, приготовляясь внимательно слушать.

— Друзья мои!—началъ кюре,—вамъ извѣстно, что синіе уже въ Шатильонѣ, и что битва съ ними для насъ неизбѣжна... Друзья! Неужели найдется среди васъ хоть одинъ человѣкъ, который не захочетъ идти защищать свой очагъ, свою родину, своего Бога? Не вѣрю!

— Всѣ пойдемъ!—раздалось вокругъ.

— Я такъ и думалъ!.. Теперь, друзья, кто хочетъ идти съ нами на Шатильонъ, пусть идетъ къ балкону получать отъ госпожи де-Морильонъ святое сердце Христово, этотъ

символъ побѣды... а кто хочетъ остаться въ деревнѣ, пусть отправляется домой!

Толпа вся, какъ одинъ человѣкъ, бросилась ко мнѣ, протягивая жадныя руки.

Я стала раздавать сердца Христовы; но справлялась съ этимъ дѣломъ очень неумѣло. Нѣсколько женщинъ брали у меня эти реликвіи горстями, бросали ихъ въ толпу, пришивали ихъ къ рукавамъ, къ груди, къ шляпѣ своихъ воиновъ.

Скоро всѣ крестьяне уже были украшены этой великой эмблемой и, казалось, она придала имъ больше энтузіазма. Мужчины клялись побѣдить; женщины хотѣли непремѣнно также идти къ Шатильону вмѣстѣ съ ними. Подростки вертѣлись около побѣдителей, срывали трехцвѣтныя кокарды съ лошадиныхъ гривъ и хвостовъ, плевали на нихъ, топтали ихъ ногами. А въ деревнѣ въ это время вдругъ зазвонили во всѣ колокола.

— Надо выступать,—сказалъ кюре Генри,—теперь самая удобная минута.

— Да, это вѣрно,—отвѣчалъ мужъ, — ну, прощай, моя маленькая трусишка!—обратился онъ ко мнѣ,—пожалуйста, не скучай, обѣщаю тебѣ беречь себя и постоянно посылать вѣсти. Не плачь! Надо, чтобы всѣ видѣли, что у насъ въ замкѣ нѣтъ малодушныхъ!

Онъ обнялъ меня, сошелъ со ступенекъ балкона, подошелъ къ лошади, которую держалъ конюхъ, и уже занесъ-было ногу въ стремя, какъ толпа, окружавшая его, закричала, размахивая руками.

— Чего вы хотите, друзья мои?—спросилъ кюре.

— У насъ нѣтъ лошадей, надо, чтобы и начальникъ нашъ былъ безъ лошади,—крикнулъ кто-то.

Лицо Генри покрылось яркой краской гнѣва; онъ уже хотѣлъ было отвѣтить что-то рѣзкое, но, взглянувъ на спокойное лицо кюре, отошелъ отъ лошади и сказалъ конюху:

— Уведи ее...

— Значитъ и мнѣ, друзья, придется идти пѣшкомъ?—спросилъ кюре, улыбаясь.

— Конечно! Конечно!—раздалось въ отвѣтъ.

— Кюре, вы будьте всегда поближе ко мнѣ, — сказалъ какой-то юноша, дергая его за сутану,—говорятъ: пули не долетаютъ до того мѣста, гдѣ находится священникъ.

— Ишь, ловкій!—возразилъ какой-то старикъ,—у тебя

есть силы, ты долженъ самъ себя защищать, а вотъ намъ, немощнымъ, присутствія кюре требовать не стыдно!

— Друзья,—отвѣчалъ кюре,—я постараюсь быть понемногу возлѣ каждаго изъ васъ.

— Ура! храбрый кюре, ура!—закричали ему въ отвѣтъ на эту дипломатическую фразу.

— А правда ли?—спросилъ кто-то,—что всѣ, убитые синими, черезъ три дня воскресаютъ совершенно здоровыми?

— Правда ли?! Кто жъ этого не знаетъ? — отвѣчалъ одинъ изъ бретонцевъ-побѣдителей, — у моего пріятеля воскресъ недавно двоюродный братъ...

— И ты его самъ видѣлъ?

— Пріятель видѣлъ, а не я...

— Стройся!—вдругъ скомандовалъ Генри.

Раздались звуки барабана, неровные, прерывистые: очевидно, чья-то неумѣлая рука старалась какъ можно лучше исполнить затверженный урокъ, но безуспѣшно.

Послѣ сутолоки, препирательствъ и всякихъ недоразумѣній, новобранцы, наконецъ, кое-какъ выстроились и вышли изъ-за ограды замка; но на перекресткѣ произошла еще задержка: каждая колонна, проходя мимо каменнаго распятія, останавливалась, падала, какъ одинъ человѣкъ, на колѣни и, помолившись горячо Іисусу, соединялась съ авангардомъ.

Наконецъ, скрылась и послѣдняя колонна, исполнивъ этотъ священный обрядъ... Скоро улеглась и пыль, поднятая ногами новобранцевъ; наступила глубокая тишина послѣ недавняго оживленія и только теперь я поняла, что осталась одна, одна...

Лѣто подходило къ концу, а междоусобіе только разгоралось.

Республиканцы терялись, при видѣ стойкаго сопротивленія, а туземцы въ ихъ нерѣшительности почерпали новыя силы.

Генри часто присылалъ въ замокъ гонцовъ, то съ извѣстіями о побѣдѣ, то съ требованіями пороху, котораго у насъ были большіе запасы.

Иногда вѣсти запаздывали, тогда весь замокъ приходилъ въ отчаяніе. Я боялась и глядѣть на слугъ въ такое время, ожидая прочесть на ихъ лицахъ роковую новость о чьей-нибудь смерти.

Къ счастью, обыкновенно, мы не оставались въ неиз-

вѣстности подолгу. Иногда являлся и самъ Генри отдохнуть немного, а то присылалъ письмо, которое читалось громко всѣмъ домочадцамъ, слушавшимъ его въ благоговѣйномъ молчаніи.

Къ концу лѣта счастье отъ насъ отвернулось. Республиканцы, получившіе свѣжее войско изъ Парижа, одерживали побѣду за побѣдой... Нашу недисциплинированную армію стала охватывать паника... Крестьяне перестали драться съ синими; они бѣжали при первомъ натискѣ, прятались въ болота, въ кустарники, и тамъ сидѣли до тѣхъ поръ, пока республиканцы не уходили.

Письма Генри становились все короче; они ограничивались теперь только извѣстіями объ отступленіяхъ.

Наконецъ, по эту сторону Луары, мы были разбиты окончательно.

Генри, передавая это извѣстіе, прибавлялъ, что скоро пріѣдетъ въ замокъ вмѣстѣ съ графомъ де-Бопре и Бошаномъ.

Мнѣ было очень интересно увидать графа, очень популярнаго среди крестьянъ; я представляла его себѣ уже старикомъ, высокимъ, мужественнымъ, съ повелительной рѣчью и рѣзкими движеніями.

Каково же было мое изумленіе при видѣ тоненькаго, высокаго юноши, которому нельзя было дать и двадцати лѣтъ, съ женственными манерами, съ тонкими, изящными чертами лица, на которомъ едва пробивался бѣлокурый пушокъ усовъ и бороды!

— Да, да, — смѣясь, сказалъ мнѣ Генри,—я вижу, ты удивлена также, какъ и всѣ, при видѣ этого женственнаго героя... а между тѣмъ, онъ проявлялъ чудеса храбрости!

— Къ сожалѣнію, — замѣтилъ молодой человѣкъ, которому похвалы, повидимому, не доставляли особеннаго удовольствія, — теперь намъ нужна не храбрость, а тактика, умѣнье правильно управлять отступленіемъ... И я не знаю, кто изъ насъ можетъ взять на себя такое трудное дѣло!

— Съ нашимъ войскомъ нельзя ни сражаться, ни отступать по правиламъ! Да, впрочемъ, развѣ весь этотъ сбродъ можно назвать войскомъ? Развѣ они привыкли къ дисциплинѣ? Они не могутъ быть вмѣстѣ три дня,—такъ ихъ тянетъ разбѣжаться поскорѣе по домамъ! Послѣ побѣды они приходили въ такой неистовый восторгъ, что бѣгали по деревнямъ хвастаться, отчего мы никогда не могли воспользоваться, какъ

слѣдуетъ, выиграннымъ дѣломъ; а послѣ пораженія разсыпались по кустамъ и опять убѣгали въ деревни, жаловаться...

— И все-таки,—возразилъ графъ де-Бопре,—намъ надо придумать тактику отступленія, благодаря которой можно будетъ спасти много народа...

— Да я и не спорю, — сказалъ Генри, — только намъ нужно сперва выслать отсюда женщинъ... Нашъ замокъ можетъ служить хорошимъ сборнымъ пунктомъ, а женщины только будутъ мѣшать...

— Неужели и мнѣ придется покинуть Табурель?—спросила я, чуть не плача.

— Тебѣ даже больше, чѣмъ кому бы то ни было,— отвѣчалъ Генри.

— Но почему же?

— Во-первыхъ, потому, что ты жена предводителя и попадись ты въ руки синихъ, они не пощадятъ тебя, а во-вторыхъ, ты вовсе не такая храбрая амазонка, чтобы присутствовать при всѣхъ ужасахъ, которые здѣсь могутъ разыграться...

— Они сожгутъ нашъ замокъ, Генри?

— Ну, вотъ, ужъ ты и блѣднѣешь, и падаешь въ обморокъ, а что-жъ будетъ, когда синіе въ самомъ дѣлѣ появятся у насъ во дворѣ? Собирайся-ка, собирайся поскорѣе! Одѣнь Люсиль въ крестьянское платье и сама также переодѣнься... черезъ часъ Бошанъ отвезетъ тебя въ безопасное мѣсто.

— Но нельзя ли лучше здѣсь гдѣ-нибудь спрятаться по близости?—прошептала я.

— Но пойми же, ты стѣснишь насъ всѣхъ,—возразилъ Генри, — мы будемъ думать больше о тебѣ, чѣмъ о войскѣ, и надѣлаемъ кучу ошибокъ... Нѣтъ, ужъ уѣзжай поскорѣе! Конечно, если бы ты была храбрая... это другое дѣло! Но вѣдь ты не можешь стоять подъ выстрѣлами и заряжать ружья, какъ маркиза де-Фоссе-Ниго? Или скакать впереди войска со знаменемъ и первой лѣзть въ аттаку, какъ мадамъ Дессиль?..

Я молчала.

Генри обнялъ меня, поцѣловалъ и сказалъ очень ласково:

— Не бойся, малютка, за нашъ Табурель, мы постараемся отстоять его всѣми силами, и вообще не скучай... чтобы тебя утѣшить, я готовъ даже сказать тебѣ большую тайну: скоро изъ Дувра подойдетъ въ Кале большое англійское войско, а пока мы заведемъ синихъ къ нимъ поближе... и всѣ они будутъ перебиты.

— О, это ужасно!—воскликнула я.

— Что жъ дѣлать? Междоусобная война никого никогда не украшаетъ... А иначе съ такими войсками, какъ наши, намъ не добиться побѣды. Крестьяне не годятся для правильной войны; но, когда на помощь имъ придетъ регулярное войско, они поведутъ партизанскую войну, и тогда будутъ незамѣнимы! Дѣлать засады въ своихъ изгородяхъ, подстерегать синихъ въ кустахъ, избивать ихъ на дорогахъ,— о, я ручаюсь, это все они будутъ исполнять въ совершенствѣ.

— О, Генри,—сказала я, содрагаясь,—зачѣмъ же понадобились вамъ еще англичане? Неужели не довольно и того, что мы сами уже полгода, какъ рѣжемъ другъ друга?

Генри, нахмурившись, хотѣлъ мнѣ что-то возразить, но его перебилъ графъ де-Бопре:

— Вы совершенно правы, сударыня, и, конечно, никто не станетъ защищать тѣхъ, кто призвалъ англійское войско; но политика такъ запутываетъ своими сѣтями простыхъ смертныхъ, что имъ совершенно невозможно и выкарабкаться... Я самъ гнушаюсь этой иностранной, братоубійственной помощью, а между тѣмъ поставленъ въ такое положеніе, что долженъ буду помогать англичанамъ.

Я встала, рѣшивъ, что, дѣйствительно, мнѣ не остается ничего лучшаго, какъ уѣхать изъ замка.

Приготовленія къ этому отъѣзду уже всѣ были сдѣланы безъ моего участія. Мнѣ оставалось только переодѣться крестьянкой, проститься съ домашними и, сѣвъ съ Люсиль на простую деревенскую телѣгу, выѣхать изъ замка.

Юлія Безродная.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ИЗЪ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ МЕЛКИХЪ НАРОДНОСТЕЙ.

(Продолженіе) *).

V.

Академія рабочихъ въ Прагѣ. «Хорватская Матица» въ Загребѣ.

Безъ сомнѣнія, каждый читатель «Міра Божьяго» прекрасно знаетъ, что такое «академія наукъ», «академія художествъ», «духовная», «торговая» или «военная» академія. Учрежденій подобнаго рода такъ много, ихъ дѣятельность такъ общеизвѣстна, что всякій уже по самому названію можетъ опредѣлить, какую цѣль преслѣдуетъ данная академія. Но что должна представлять «академія рабочихъ», на этотъ вопросъ наврядъ ли кто-нибудь сумѣетъ отвѣтить, не задумываясь. Съ понятіемъ о рабочемъ у насъ связано представленіе о темной, полуграматной массѣ, зарабатывающей свой хлѣбъ тяжелымъ физическимъ трудомъ. Что же можетъ быть общаго между этой, только начинающей стремиться къ свѣту, массой и академіей? Вѣдь въ академіи засѣдаютъ и читаютъ лекціи профессора, ученые, литераторы, посвящающіе всю жизнь умственному труду. Причемъ же тутъ рабочіе? спроситъ читатель. А вотъ причемъ: *«академія рабочихъ» въ Прагѣ задалась цѣлью удовлетворять всѣ культурные запросы и нужды чешскаго рабочаго класса.*

Какъ извѣстно, земли, населенныя чехами, принадлежатъ къ самымъ промышленнымъ провинціямъ Австріи. И въ собственной Чехіи, и въ Моравіи, и въ Силезіи находится громадное количество мануфактуръ, фабрикъ и рудниковъ, требующихъ сотенъ тысячъ рабочихъ рукъ. Такіе крупные фабричные центры, какъ Прага или Брюннъ, сосредоточиваютъ десятки тысячъ фабричныхъ рабочихъ. Такъ какъ культурный уровень всего чешскаго населенія

---

*) См. «Міръ Божій», № 5, май 1896 г.

очень высокъ, то, само собой разумѣется, и чешскій рабочій уже ничѣмъ не отличается отъ своихъ германскихъ или французскихъ собратьевъ и очень мало напоминаетъ, напр., русскаго рабочаго. Если вы пойдете на какую-нибудь вечеринку, устраиваемую чешскими рабочими, на какую-нибудь лекцію въ рабочемъ ферейнѣ или на гулянье рабочихъ, вы не узнаете въ этихъ, чисто, а иногда даже щегольски, одѣтыхъ мужчинахъ и женщинахъ, людей, которые проводятъ полъ-жизни около машинъ или за верстакомъ. Между чешскими рабочими неграмотные принадлежатъ къ столь же рѣдкимъ исключеніямъ, какъ грамотные между русскими; точно такъ же рѣдко вы встрѣтите рабочаго, который не былъ бы подписчикомъ какого-нибудь органа. Въ настоящее время на чешскомъ языкѣ издается около тридцати органовъ печати: политическихъ, спеціальныхъ и общеобразовательныхъ. Почти каждая отрасль промышленности имѣетъ свой спеціальный органъ. Существуетъ органъ чернорабочихъ, кузнецовъ, сапожниковъ, портныхъ, работающихъ на хлопчатобумажной мануфактурѣ и т. д. Любопытно, что всѣ эти изданія безъ единаго исключенія редижируются самими рабочими безъ всякаго участія записныхъ литераторовъ и публицистовъ изъ интеллигентнаго класса. Почти то же самое можно сказать о многочисленныхъ лекціяхъ и рефератахъ, которые читаются въ рабочихъ ферейнахъ. Однако, тутъ изрѣдка бываютъ исключенія, такъ какъ рефераты читаются иногда и не рабочими: молодежью высшихъ учебныхъ заведеній, учителями гимназій и профессорами.

Поднятію культурнаго уровня чешскихъ рабочихъ не мало способствуютъ ихъ ферейны, т. е. союзы. Вообще, нигдѣ нѣтъ такого громаднаго количества различныхъ ферейновъ, какъ у чеховъ. Страсть основывать различныя общества у чеховъ перешла, можно сказать, въ какую-то манію. Гдѣ только соберется, хотя бы маленькая кучка чеховъ, тамъ тотчасъ основывается «Бесѣда» (Beseda). Такія «Бесѣды» находятся и въ Америкѣ, и въ Лондинѣ, и въ Парижѣ, и въ Берлинѣ,—словомъ, вездѣ, кромѣ, впрочемъ, Россіи. Чехія по количеству разныхъ обществъ можетъ поспорить съ Германіей. Въ одной Прагѣ существуетъ нѣсколько ихъ тысячъ, начиная со студенческихъ *), различныхъ ученыхъ и кончая гим-

*) Нужно замѣтить, что чешскія студенческія общества не имѣютъ рѣшительно ничего общаго съ нѣмецкими «буршеншафтами». Въ то время, когда послѣдніе предаются повальному пьянству, дуэлямъ и скандаламъ, первые преслѣдуютъ, главнымъ образомъ, образовательные цѣли, снабженіе товарищей газетами, книгами, удешевленными билетами въ театръ и т. д Кромѣ того, они организуютъ лѣтнія экскурсіи, вечеринки съ танцами, сборы пожертвованій на школьную матицу.

настическими и пожарными. Особенно много рабочихъ ферейновъ. Они раздѣляются на политическіе и на образовательные. Къ первымъ, по законамъ, обязывающимъ въ Австріи, могутъ принадлежатъ только мужчины, ко вторымъ—рабочіе обоего пола. Обыкновенно въ такомъ образовательномъ ферейнѣ группируются рабочіе какого-нибудь одного мастерства. Въ каждомъ ферейнѣ, или по-чешски сполкѣ (spolek), устраиваются періодически лекціи на самыя разнообразныя темы, любительскія представленія, концертные вечера, танцы и т. д. Кромѣ того, каждый членъ сполка, уплачивающій ежемѣсячно незначительный взносъ, пользуется извѣстнымъ количествомъ газетъ и журналовъ, на которые по требованію и выбору членовъ подписывается сполекъ, и книжками изъ библіотеки сполка.

Будущая академія рабочихъ встрѣтитъ большую помощь со стороны рабочихъ сполковъ. Ее будутъ содержать всѣ образовательные сполки чешскихъ рабочихъ, соединенныхъ въ нѣкотораго рода лигу, которая должна заботиться о доставленіи академіи необходимыхъ средствъ. Планъ будущей дѣятельности академіи рабочихъ уже выработанъ во всѣхъ деталяхъ, ея уставъ внесенъ въ министерство для утвержденія, и уже въ самомъ непродолжительномъ времени чешскіе рабочіе будутъ обладать учрежденіемъ, неизвѣстнымъ ихъ собратьямъ даже въ Германіи и Франціи.

Дѣлами академіи будутъ завѣдывать пять комитетовъ, состоящихъ изъ делегатовъ различныхъ образовательныхъ сполковъ, которые принадлежатъ къ вышеупомянутой лигѣ: 1) образованія; 2) статистики; 3) вспомоществованія; 4) развлеченій и 5) выставокъ.

1) Комитетъ образованія будетъ заботиться: a) объ агитаціи въ пользу академіи, b) объ организаціи образовательныхъ курсовъ, c) объ организаціи лекцій, d) о просмотрѣ соотвѣтственной литературы, e) о пріобрѣтеніи книгъ для сполковъ и членовъ лиги, f) о посредничествѣ при снабженіи книгами, принадлежащими одному сполку, членовъ другихъ сполковъ, которые тоже принадлежатъ къ лигѣ, g) объ основаніи читаленъ, h) о пріисканіи лицъ, которыя бы читали рабочимъ лекціи по различнымъ отраслямъ знанія и т. д.

2) Комитетъ статистики долженъ будетъ: a) вести статистику рабочихъ сполковъ и ихъ членовъ, b) вести статистику рабочаго времени и рабочей платы, c) вести статистику рабочей жизни вообще и т. д.

3) Комитетъ вспомоществованія позаботится о всякой матеріальной помощи, которая будетъ необходима для членовъ лиги.

4) Комитетъ развлеченій: a) долженъ стараться о доставленіи членамъ лиги всякихъ благородныхъ увеселеній, b) организовывать любительскіе спектакли, c) устраивать рабочіе хоры и оркестры, d) заботиться о томъ, чтобы рабочіе занимались гимнастическими упражненіями и т. д.

5) Комитетъ выставокъ: a) собирать все, что относится къ рабочей жизни, и b) устраивать періодическія и постоянныя выставки рабочаго труда и рабочей жизни вообще.

Проектъ академіи рабочихъ не сразу вылился въ такую опредѣленную форму. Мысль о подобномъ учрежденіи зародилась у чешскихъ рабочихъ уже давно. Первоначально рабочіе стремились къ тому, чтобы организовать систематическіе курсы по различнымъ отраслямъ знанія, т. е. нѣчто вродѣ университета. Они уже договорились съ извѣстнымъ числомъ интеллигентныхъ людей и спеціалистовъ, которые взялись преподавать рабочимъ политическую экономію, соціологію, исторію, литературу, психологію, гигіену и т. д. Однако, по мѣрѣ того, какъ дѣло университета подвигалось къ концу, со стороны рабочихъ являлись все новые и новые проекты. Эти-то проекты и легли въ основу программы будущей академіи рабочихъ.

Не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что академіи рабочихъ въ Прагѣ и другихъ городахъ Чехіи, которые пойдутъ по слѣдамъ столицы, принесутъ чешскому народу громадную пользу, распространяя просвѣщеніе въ тѣхъ слояхъ общества, для которыхъ недоступны гимназіи, университеты и т. п. учебныя учрежденія привиллегированнаго меньшинства.

Дѣлу народнаго просвѣщенія съ успѣхомъ служитъ и «Хорватская Матица» въ Загребѣ. Это учрежденіе, по характеру своей дѣятельности, не имѣетъ ничего общаго съ чешской «Матицей» *). Въ то время, когда послѣдняя заботится о школахъ для чешскаго

*) Вообще у всѣхъ западныхъ славянъ существуютъ «Матицы», дѣятельность которыхъ очень разнообразна. О чешской «Матицѣ» мы уже говорили. Подобную же роль играетъ «Польская Матица» въ Цѣшинѣ (въ Силезіи). Другая польская «Матица» въ Краковѣ издаетъ книжки и газеты для народа. Русинская «Матица» во Львовѣ имѣетъ характеръ ученаго общества. Словинцы имѣютъ двѣ «Матицы»: одну, которая представляетъ нѣчто въ родѣ миньятюрной академіи наукъ, и другую—музыкальную. Сербская «Матица» въ Новомъ Садѣ (Neusatz) въ южной Венгріи издаетъ книги различнаго содержанія и научно-литературный журналъ «Летонну». Кромѣ этихъ главныхъ «Матицъ», существуютъ еще и мелкія: далматинская, моравская и. т. д.

населенія, отстаивающаго свою національность въ борьбѣ съ германизаціей, первая задалась цѣлью доставлять самымъ широкимъ кругамъ хорватскаго общества хорошія книжки по самой дешевой цѣнѣ.

Изъ всѣхъ славянскихъ племенъ Австро-Венгріи хорваты поставлены въ безспорно самыя благопріятныя условія. Пользуясь совершенной автономіей, будучи полными хозяевами у себя дома, хорваты могутъ посвятить всѣ свои силы внутреннему своему развитію культурной работы, народному просвѣщенію и т. д. Всѣхъ хорватовъ не болѣе трехъ милліоновъ. Этотъ симпатичный славянскій народецъ долгое время былъ оплотомъ противъ турецкаго нашествія, такъ какъ хорватскія земли соприкасались съ могущественной нѣкогда турецкой имперіей. Хорваты защищали съ юга Европу отъ турокъ, вынося на своихъ плечахъ вѣковую борьбу съ исламомъ, что не могло не отразиться на ихъ культурной жизни. Въ то время, когда защищаемые ими народы работали на поприщѣ просвѣщенія, хорваты не могли и думать о какомъ-нибудь культурномъ трудѣ. Они были принуждены всѣ свои силы посвятить войнѣ. Только въ Далмаціи, которая была отдалена отъ театра постоянныхъ стычекъ съ турками, на берегу и на островахъ Адріатическаго моря, подъ вліяніемъ итальянской цивилизаціи развилась самостоятельная жизнь одной части хорватскаго народа. Съ XV по XVII столѣтіе въ Далмаціи вообще, а въ Дубровникѣ (Ragusa) въ частности цвѣла богатая хорватская литература, давшая хорватскому народу цѣлый рядъ высокоталантливыхъ поэтовъ, какъ Гундуличъ, Джорджевичъ, Маруличъ, Менчетичъ и т. д. Однако, съ конца XVII столѣтія дубровницкая литература начинаетъ приходить въ упадокъ, а въ началѣ настоящаго вѣка мало-по-малу начинаетъ глохнуть и всякая память о блестящей эпохѣ хорватской литературы.

Когда могущество турецкой имперіи было окончательно уничтожено, хорватскій народъ вздохнулъ съ облегченіемъ. Къ началу этого столѣтія относится, такъ называемое, хорватское возрожденіе въ собственной Хорватіи. Въ то время хорватскіе крестьяне представляли темную массу, лишенную всякаго просвѣщенія. Хорватская интеллигенція была очень малочисленна. Хорватская аристократія употребляла латинскій языкъ, который господствовалъ во всей Венгріи въ качествѣ оффиціальнаго языка администраціи, судопроизводства и школы. Національное сознаніе хорватовъ пробуждалось очень медленно, такъ же медленно возникала и новая хорватская литература. Долгое время велись споры о томъ, какое изъ сербо-хорватскихъ нарѣчій принять за литера-

турный языкъ *). Наконецъ, когда къ концу 40 гг. хорватская національная идея восторжествовала, и хорваты могли начать работать какъ слѣдуетъ надъ своимъ внутреннимъ развитіемъ, имъ пришлось тратить силы на борьбу съ мадьяризаціонными попытками венгровъ. Національная ненависть къ мадьярамъ побудила хорватовъ стать на сторону Австріи, которая имъ плохо отплатила. Когда венгры были разбиты благодаря Россіи, во всей Австріи насталъ періодъ реакціи, убивавшей въ зародышѣ всякія благія начинанія. Только послѣ 1866 г., когда Австрія вступила на путь политическихъ реформъ, всѣ ея народности, а въ томъ числѣ и хорваты, снова подняли головы и принялись залѣчивать свои раны.

Въ Хорватіи все ожило. Литература начала развиваться нормально. Лучшіе представители хорватскаго общества стали серьезно заботиться о народномъ просвѣщеніи. Хорватскіе богачи жертвуютъ значительныя суммы на разныя ученыя и просвѣтительныя учрежденія.

Въ Загребѣ существовала съ 1842 г. «Иллирійская Матица», учрежденіе для изданія книгъ и журналовъ, нѣчто въ родѣ академіи наукъ. Когда Хорватія дождалась настоящей академіи наукъ, «Иллирійская Матица» потеряла цѣль своего существованія и довольно долго прозябала, не обнаруживая никакихъ признаковъ жизни. Только въ 1876 году «Иллирійская Матица», переименованная въ «Хорватскую Матицу», вступила на путь, на которомъ она достигла блестящихъ результатовъ. Въ 1877 году она издала нѣсколько беллетристическихъ и научныхъ книжекъ, которыя распространились въ массѣ экземпляровъ среди хорватской публики. Съ этого времени «Хорватская Матица» издаетъ ежегодно по 8—12 книжекъ, которыя получаютъ всѣ ея члены.

Число членовъ «Хорватской Матицы», уплачивающихъ ежегодно взносъ въ размѣрѣ *трехъ* гульденовъ, т. е. 2 руб. 30 коп., достигло въ настоящемъ году 12.000, что является цифрой по истинѣ колоссальной, если мы примемъ во вниманіе общее количество хорватовъ (3.000.000). Это значитъ, что, если бы въ Россіи существовало подобное учрежденіе, то оно должно было бы имѣть не менѣе 360.000 членовъ, такъ какъ русскихъ въ Россіи—80.000.000.

*) Сербы и хорваты (босняки, герцеговинцы, черногорцы, далматинцы и т. д.) говорятъ на одномъ и томъ же языкѣ, распадающемся на три нарѣчія: штоковское, чакавское и кайкавское. Въ основу литературнаго языка обѣихъ отраслей юго-славянскаго племени легло штоковское нарѣчіе, на которомъ писали дубровницкіе поэты. Штоковщину въ сербскую литературу ввелъ знаменитый Вукъ Стефановичъ Караджичъ, а въ хорватскую Людевитъ Гай.

Любопытнѣе всего то, что члены «Хорватской Матицы» получаютъ за ничтожную сумму 3 гульденовъ книги, которыя въ отдѣльной продажѣ стоятъ 9, 10, 12 и даже 14 гульденовъ. Содержаніе этихъ книжекъ самое разнообразное. Тутъ есть и изданіе классиковъ хорватской литературы, и переводы выдающихся произведеній западноевропейскихъ поэтовъ и беллетристовъ, и сочиненія по исторіи литературы, и популярныя монографіи по различнымъ отраслямъ естествознанія и т. д. Всѣ книжки «Хорватской Матицы» изданы замѣчательно изящно, рисунки, находящіеся въ ея изданіяхъ, исполнены художественно. Вообще, внѣшній видъ этихъ изданій не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Русской литературѣ, точно такъ же, какъ и остальнымъ славянскимъ, «Хорватская Матица» удѣляетъ достаточное вниманіе. До сихъ поръ «Хорватская Матица» издала около двухсотъ томовъ.

Л. Василевскій.

СЭРЪ ДЖОРЖЪ ТРЕССЕДИ.

Романъ Гемпфри Уордъ.

Переводъ съ англійскаго А. Анненской.

(*Продолженіе*) *).

XI.

— Эта лэди, которая сидитъ рядомъ съ сэромъ Джоржемъ? Да вѣдь это лэди Максвель! Нѣтъ? Съ другой стороны? О, эта лэди Ливенъ. Развѣ вы ее не знаете? Она страшно веселая.

И темноглазый, розовый юноша, сидѣвшій подлѣ Летти, поклонился и улыбнулся черезъ столъ Бетти Ливенъ только для того, чтобы напомнить ей о своемъ существованіи. Они уже видѣлись передъ обѣдомъ, встрѣтились какъ старые товарищи.

Затѣмъ онъ снова обратился съ чиннымъ видомъ къ лэди Тресседи, которую ему поручено было вести къ столу. «Очень недурненькая, но ничего особеннаго»,—сказалъ онъ самому себѣ, оглядывая свою даму холодно критическимъ взглядомъ человѣка, близко знакомаго съ лучшими представительницами Ярмарки Тщеславія. Онъ былъ съ дѣтства пріятелемъ Анкота и теперь готовился вступить въ гвардейскій полкъ, или скорѣе,—какъ предположила Летти,—въ самый центръ великосвѣтскаго общества Англіи. Она знала, что онъ былъ лордъ Нэзби и долженъ былъ современемъ сдѣлаться маркизомъ. Поэтому, въ ея глазахъ онъ былъ окруженъ извѣстнымъ ореоломъ. Но по своей обычной манерѣ, выработанной долголѣтней практикой въ обращеніи съ молодыми людьми, она не говорила ему прямо никакихъ любезностей, а, напротивъ, старалась поддразнить его и такимъ образомъ поддерживать его вниманіе къ себѣ.

— Право, вы лучше всякаго печатнаго гербовника!—сказала

*) См. «Міръ Божій», № 5, май 1896 г.

она, выслушавъ отъ него краткую біографію лорда Казедина, сидѣвшаго противъ нихъ, а затѣмъ и нѣсколькихъ другихъ гостей.

— Мнѣ бы хотѣлось держать васъ привязаннымъ къ своему вѣеру, когда я бываю на обѣдахъ.

— Неужели?—сухо спросилъ молодой человѣкъ.—О, вы скоро и сами узнаете все, что вамъ надо.

— Помилуйте, легко ли намъ, ничтожнымъ іоркширцамъ, оріентироваться въ этомъ большомъ свѣтѣ? Вы всѣ такъ заняты другъ другомъ, вы и женитесь только на своихъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Впрочемъ, я не понимаю, кто это *мы*. Конечно, каждому человѣку надобно жениться, а жениться на двоюродной сестрѣ всего удобнѣе.

Глаза молодого человѣка невольно обратились на противоположную сторону стола и остановились на молодой, красивой дѣвушкѣ въ изящномъ черномъ костюмѣ. Она обмахивалась большимъ вѣеромъ изъ черныхъ перьевъ, оттѣнявшимъ ея бѣлокурые волосы и нѣжное личико, и какъ-то нервно смѣялась, болтая съ сэромъ Франкомъ Ливеномъ. Летти подмѣтила его взглядъ.

— Это леди Маделена Пенли, не правда ли?—спросила она.—Родственница миссисъ Аллисонъ?

— Да, двоюродная племянница. А вотъ ея мать, лэди Кентъ, сидитъ подлѣ бѣднаго Анкота. Ловкая старуха! Къ концу обѣда она съумѣетъ влѣзть въ душу Анкота и все у него вывѣдать.

— Развѣ у лорда Анкота есть тайны?—спросила Летти, окидывая внимательнымъ взглядомъ смуглый лобъ, большой носъ и блиставшую брильянтами шею старой леди, очень шумной и подвижной, сидѣвшей направо отъ хозяина дома.

Впечатлѣніе, произведенное ея вопросомъ на молодого Незби, удивило ея. По лицу его скользнуло какое-то странное выраженіе, которое онъ поспѣшилъ подавить.

— По мнѣнію леди Кентъ—у насъ всѣхъ есть тайны, спокойно отвѣчалъ онъ.

Но Летти замѣтила, что взглядъ его нѣсколько разъ переходилъ отъ лорда Анкота къ леди Маделенѣ и обратно. Онъ, повидимому наблюдалъ ихъ, и Летти съ своею обычною проницательностью догадалась, въ чемъ дѣло. Несомнѣнно, красивая, стройная дѣвушка приглашена сюда «на смотрины». Навѣрно и много дѣвушекъ будутъ такимъ образомъ подвергаться осмотру, прежде чѣмъ молодой султанъ остановитъ на комъ-нибудь свой выборъ. А между тѣмъ, лордъ Анкотъ несомнѣнно старше, чѣмъ говорилъ Джоржъ. Онъ, должно быть, уже нѣсколько лѣтъ какъ кончилъ университетъ. Какое у него странное лицо! Маленькое, сморщен-

ное съ очень большими голубыми глазами; вьющіеся волосъ его съ рыжеватымъ оттѣнкомъ были высоко зачесаны надъ большимъ лбомъ; острый подбородокъ и тонко закрученные усы дѣлали его похожимъ на какой-то старый французскій портретъ. Онъ былъ невысокаго роста, но строенъ и крѣпкаго сложенія. Два красивые кольца старинной работы, надѣтыя на его пальцахъ, обращали вниманіе на нѣжную бѣлизну его рукъ; въ его манерахъ было что-то нервное и въ то же время угрюмое. Летти смотрѣла на него съ невольнымъ уваженіемъ, какъ на сына миссисъ Аллисонъ и въ особенности какъ на владѣльца Кэстль Лютона и пятидесятитысячнаго дохода. Если бы Кэстль Лютонъ не принадлежалъ ему, она навѣрное нашла бы, что у него непріятное, цыганское лицо.

— Неужели вы незнакомы съ леди Кентъ?—спросилъ лордъ Незби, возвращаясь къ прежней темѣ разговора, такъ какъ ему было лѣнь придумывать новыя.—Я думалъ, что во всей Великобританіи нѣтъ человѣка, который бы не зналъ ее.

— Я, дѣйствительно, встрѣчалась съ ней,—отвѣчала Летти небрежно и увы! невѣрно;—но вы, кажется, забываете, что я всего три сезона провела въ Лондонѣ, два со старой теткой изъ Кавендишъ-сквера, которая никуда не выѣзжала, бѣдная старушка, и одинъ съ миссисъ Уаттонъ изъ Мальфорда.

— Ахъ, съ миссисъ Уаттонъ изъ Мальфорда,—разсѣянно повторилъ лордъ Незби. Онъ вдругъ замѣтилъ, что леди Ливенъ дѣлаетъ ему знаки. Онъ наклонился къ ней черезъ столъ и они стали обмѣниваться нѣсколькими оживленными фразами о чемъ то, чего Летти совсѣмъ не знала.

Обиженная Летти мысленно назвала его дуракомъ, отвернулась отъ него и окинула взглядомъ отставнаго губернатора, сидѣвшаго рядомъ съ ней слѣва. Она увидѣла красивую голову, болѣзненное желтоватое лицо и посѣдѣвшіе волосы человѣка, разстроившаго здоровье жизнью въ жаркомъ климатѣ; у него было пріятное, хотя нѣсколько равнодушное выраженіе лица. Сэръ Филипъ Уентвортъ не былъ такъ разборчивъ на знакомства, какъ лордъ Незби. Онъ замѣтилъ, что хорошенькая, молоденькая дама хочетъ познакомиться съ нимъ и пошелъ на встрѣчу ея желанію. Кромѣ того, онъ зналъ, что это жена «много обѣщающаго, высокообразованнаго Тресседи», съ которымъ онъ встрѣчался въ Индіи и самымъ дружескимъ образомъ возобновилъ знакомство передъ обѣдомъ. Онъ любезно заговорилъ съ женой Тресседи о его необыкновенныхъ способностяхъ, о предстоящей ему карьерѣ. Сначала это было пріятно Летти, потомъ ей сдѣлалось какъ-то неловко.

Глаза ея обратились въ ту сторону стола, гдѣ Джоржъ разго-

варивалъ, что это значитъ?—разговаривалъ очень серьезно и съ видимымъ удовольствіемъ съ лэди Максвель, благородная голова которой, поднимаясь надъ серебристо-бѣлымъ платьемъ, затмѣвала красотой большой портретъ маркизы Бальби, работы Ванъ-Дика, висѣвшій сзади нея.

Вотъ что думаютъ и говорятъ о Джоржѣ посторонніе! Летти какъ-то сразу сознала, что она не думала ни о чемъ подобномъ съ тѣхъ поръ, какъ повѣнчалась или, лучше сказать, съ тѣхъ поръ, какъ стала невѣстой. Она считала не подлежащимъ сомнѣнію, что онъ человѣкъ «изящный»; это была одна изъ причинъ, почему она его избрала. Но ей не было ни времени, ни охоты думать о тѣхъ элементахъ его души, ради которыхъ люди говорили о немъ такъ, какъ говорилъ въ настоящую минуту этотъ старый чиновникъ изъ Индіи.

Занавѣсы на окна, ковры, платья, отдѣлка комнатъ; перестройка Фёрта; ея собственный успѣхъ въ обществѣ; средства удержать лэди Тресседи на приличномъ разстояніи,—все это были вещи, о которыхъ она думала и много думала. Но благородное честолюбіе Джоржа, уваженіе, которымъ онъ пользовался, мѣсто, которое онъ долженъ былъ занять среди другихъ мужчинъ,—думать объ этомъ было для нея странно и непривычно. Она почувствовала нѣкоторый укоръ совѣсти, а затѣмъ раздраженіе противъ другихъ.

Она невольно наблюдала за Джоржемъ. Онъ казался утомленнымъ и блѣднымъ, несмотря на оживленный разговоръ. Ну, что же изъ этого? Навѣрно и она сама блѣднѣе обыкновеннаго. Въ памяти ея промелькнули нѣкоторыя слова и фразы изъ ихъ утренняго спора. Въ этой красивой комнатѣ, украшенной знаменитыми картинами, среди всѣхъ этихъ сокровищъ, произведеній искусства и роскоши ихъ ссора показалась ей особенно безобразной. Глядя на маркизу Ванъ-Дика, невольно хотѣлось думать о себѣ, какъ объ особѣ, всегда сохраняющей достоинство и утонченность, всегда изящной и спокойной.

Черезъ минуту Летти одумалась и мысленно осмѣяла сама себя.

— Неужели у всѣхъ этихъ господъ никогда не бываетъ сердитыхъ минутъ и ссоръ изъ-за денегъ! Навѣрно бываютъ! А если и нѣтъ, то, конечно, легко быть добродушнымъ, получая 50 тысячъ фунтовъ въ годъ.

Послѣ обѣда миссисъ Аллисонъ повела гостей въ «Зеленую гостиную». Эта комната, увѣшанная портретами Генсборо, была одною изъ достопримѣчательностей дома, и въ этотъ вечеръ Марчелла Максвель съ особеннымъ восхищеніемъ оглядывала ее.

— Какіе вы счастливые люди!—сказала она миссисъ Аллисонъ.—Когда я вхожу въ эту комнату, я всегда спрашиваю себя, достойна ли я того общества, которое тамъ встрѣчу. Я оглядываю свой нарядъ, я боюсь за свои манеры, я жалѣю, что не умѣю танцовать минуэтъ.

— Да,—вскричала Бетти Ливенъ, подбѣгая къ большой картинѣ, семейной группѣ во весь ростъ, занимавшей большую часть задней стѣны комнаты,—сравнительно съ ними, какими ничтожными и вульгарными представляемся мы безъ пудры, безъ гофрированныхъ манжетъ, безъ фижмъ! Миссисъ Аллисонъ, можно моей горничной придти завтра, снять фасонъ этихъ манжетъ? Нѣтъ, нѣтъ, не надо, это будетъ кощунство! Милая дѣвушка!—обратилась она къ одной фигурѣ на картинѣ, къ фигурѣ дѣвушки въ бѣломъ, которая, казалось, выходила изъ рамки картины и уже вошла въ комнату,—милая дѣвушка, приди, поговори съ нами. Оставь отца и мать! Ты кланяешься имъ цѣлыхъ сто лѣтъ, а вѣдь они, въ сущности, скучные, глупые люди. Разскажи намъ какіе-нибудь секреты. Разскажи все, что ты видѣла въ этой комнатѣ, разскажи, какъ разные безумцы объяснялись здѣсь въ любви, какъ несчастные прощались другъ съ другомъ!

Бетти стояла на колѣняхъ на рѣзномъ стулѣ, положивъ на спинку его свои хорошенькія ручки и устремивъ полусмѣющійся, полурастроганный взглядъ на картину.

Лэди Максвель быстро подошла къ ней и Летти слышала, какъ она проговорила тихимъ голосомъ:

— Перестаньте, Бетти, перестаньте! Онъ въ этой комнатѣ сдѣлалъ ей предложеніе и въ этой комнатѣ они распрощались. Она, кажется, никогда не входитъ сюда одна, безъ гостей.

Выраженіе испуга промелькнуло на подвижномъ личикѣ лэди Ливенъ. Она робко оглянулась на миссисъ Аллисонъ. Эта лэди отошла отъ группы, стоявшей около картины. Она сидѣла одна и смотрѣла прямо передъ собой задумчивымъ взглядомъ; тонкія руки ея были сложены на колѣняхъ. Бетти подбѣжала къ ней, усѣлась рядомъ и начала весело болтать, стараясь развлечь ее.

Между тѣмъ, Марчелла пригласила лэди Тресседи сѣсть съ нею на диванъ около большой картины. Летти приняла приглашеніе, придала своему шелковому платью наиболѣе граціозныя складки, поставила ножку на скамеечку Louis XV и начала длинный рядъ вопросовъ о домѣ и о всей семьѣ.

При началѣ разговора было очевидно, что лэди Максвель старается сблизиться съ ней. Она какъ будто хотѣла устроить такъ, чтобы эта чужая чувствовала себя свободнѣе въ этомъ домѣ и въ

томъ кругу, гдѣ она сама была какъ своя. Бетти Ливенъ, увидѣвъ этихъ двухъ женщинъ съ противоположнаго конца комнаты, сказала себѣ, внутренне смѣясь, что Марчелла старается «покорить жену».

Во всякомъ случаѣ, первыя минуты лэди Максвель говорила съ своей собесѣдницей ласково и даже откровенно. Она разсказала ей исторію хозяйки дома.

Тридцать лѣтъ тому назадъ, миссисъ Аллисонъ, дочь и наслѣдница одного лейчестерширскаго сквайра. вышла замужъ за Генри Аллисона, второго сына лорда Анкота, молодого гвардейскаго капитана. Они прожили вмѣстѣ три года. Затѣмъ, Генри Аллисону пришлось отправиться съ своимъ полкомъ въ Африку и тамъ онъ былъ убитъ во время стычки съ какимъ-то мелкимъ народцемъ. Извѣстіе объ этомъ ускорило смерть стараго лорда Анкота, который пережилъ сына всего на мѣсяцъ или на два; не прошло и года, какъ умеръ старшій сынъ, болѣзненный и не женатый; двухлѣтній сынъ миссисъ Аллисонъ сдѣлался владѣльцемъ Кэстль Лютона. Матери пришлось побѣдить свое горе, отказаться отъ той полумонастырской жизни, какую она вела, и заняться воспитаніемъ сына.

— Она прожила двадцать два года въ этомъ помѣстьѣ,—говорила Марчелла,—безконтрольно господствуя надъ всею мѣстностью на нѣсколько десятковъ миль кругомъ, являясь для всѣхъ матерью, другомъ и святою. Ея отношенія къ окружающимъ прекрасныя, вполнѣ отеческія и въ то же время вполнѣ торійскія и деспотическія. Многіе находятъ, что это превосходно. Я не думаю. Но я все-таки гораздо меньше расхожусь съ ней, чѣмъ она со мной.

— О, но она такъ восхищается вами,—вскричала Летти,—она находитъ, что у васъ такой благородный образъ мыслей.

Марчелла широко открыла глаза, невольно удивляясь, откуда лэди Тресседи знаетъ это.

— Мы, конечно, не враги, несмотря на наши политическія разногласія,—сказала она нѣсколько сухо.—Мой мужъ былъ даже опекуномъ Анкота.

— Господи!—сказала Летти,—я думаю не легко быть опекуномъ человѣка, получающаго 50 тысячъ дохода.

Марчелла ничего не отвѣчала, она даже не слышала. Она глазами отыскала миссисъ Аллисонъ и бросила на нее грустный, любящій взглядъ. Летти замѣтила это.

— Она, кажется, обожаетъ его?—сказала она.

Марчелла вздохнула.

— Да, такую любовь рѣдко можно встрѣтить, даже страшно смотрѣть на нее.

— Изъ-за этого она и отказала лорду Фонтеною?

Марчелла вздрогнула и отодвинулась отъ своей собесѣдницы.

— Не знаю,—сухо проговорила она,—я увѣрена, что никогда никто не рѣшался спрашивать у нея объ этомъ.

— О, но вѣдь всѣ это говорятъ,—отвѣчала Летти весело, нисколько не смущаясь.—Оттого-то близкимъ знакомымъ лорда Фонтеноя такъ интересно бывать здѣсь.

Марчелла встрѣтила это замѣчаніе убійственнымъ молчаніемъ.

Но Летти рѣшила произвести эффектъ. Она пустилась въ оживленную и довольно смѣлую болтовню по поводу всѣхъ лицъ, находившихся въ комнатѣ, предлагала множество интимныхъ или дерзкихъ вопросовъ и рѣдко ожидала отвѣта Марчеллы: ей хотѣлось показать, что она многое знаетъ и понимаетъ. Она намекнула, что догадывается, зачѣмъ приглашена красавица, лэди Маделена. Это *страшно* интересно; но, кажется, лордъ Анкотъ немного покучиваетъ?—она наклонилась и заговорила на ухо Марчеллѣ.—Можно ли надѣяться, что онъ скоро остепенится? Разсказываютъ какія-то странныя исторіи о его театральныхъ знакомствахъ и о многомъ другомъ. Да и не удивительно! Молодой человѣкъ въ его положеніи всегда хочетъ пожить на волѣ. Матери придется съ этимъ помириться. Съ лѣтами мужчины становятся обыкновенно благоразумными. Посмотрите на лорда Казедина!

И она стала дѣлать намеки на какія-то обстоятельства въ жизни лорда Казедина, ловко дополняя собственными выводами все, что лордъ Незби ей говорилъ или на что онъ намекалъ за обѣдомъ. Бѣдная лэди Казединъ! Не правда ли, она похожа на ходячій скелетъ со своимъ страннымъ печальнымъ лицомъ и костлявой фигурой. Да оно и понятно! Кромѣ того, у нихъ вѣдь еще и денежныя затрудненія!

Лэди Тресседи съ видомъ сожалѣнія пожала своими бѣлыми плечами.

Черные глаза Марчеллы тревожно оглядывали комнату, отыскивая средства спасенія. Бетти замѣтила ея взглядъ и поспѣшила ей на выручку. Въ то же время встала и миссисъ Аллисонъ, чтобы познакомить лэди Тресседи съ какою-то лэди въ сѣромъ платьѣ, сидѣвшею въ углу комнаты и занимавшейся разсматриваніемъ фотографій. Марчелла взяла Бетти подъ руку и онѣ ушли.

Онѣ остановились у широкаго окна комнаты, открытаго настежъ. За нимъ видѣлся настоящій нѣмецкій садикъ. Его безчисленныя узкія грядки рисовались спиралями и кругами на бѣломъ гравелѣ, освѣщенномъ мѣсяцемъ. Сильный запахъ цвѣтовъ наполнялъ воздухъ. На противоположномъ концѣ цвѣтника возвы-

шалась группа темныхъ кипарисовъ, напоминавшихъ Италію и югъ, а черезъ живую изгородь, окаймлявшую цвѣтникъ, виднѣлись зеленыя лужайки англійскаго парка и лента серебристой рѣки.

— Ну, моя дорогая,—смѣясь сказала Бетти,—я вижу, что вы отлично исполняете свою обязанность, дайте погладить васъ по головкѣ. Это тѣмъ тѣмъ болѣе дѣлаетъ вамъ чести, что вы вовсе не въ восторгѣ отъ лэди Тресседи. Право, вамъ слѣдуетъ получше управлять своимъ лицомъ. Я съ другого конца комнаты вижу, что вы думаете о томъ человѣкѣ, съ которымъ разговариваете.

— Неужели? Это очень жаль,—проговорила Марчелла виноватымъ голосомъ.

— Конечно жаль, это вовсе не хорошо для лэди, занимающейся политикой и желающей добиться своего. Впрочемъ, эта лэди Тресседи навѣрно ничего не замѣтила, она принадлежитъ къ разряду толстокожихъ. Если бы вы посмотрѣли на меня такъ, какъ смотрѣли на нее, я бы вамъ этого не спустила! Чѣмъ она провинилась?

— Ахъ, право, не могу сказать,—нетерпѣливо отвѣчала Марчелла, пожимая плечами.—Но я не знала, какъ отъ нея избавиться; я никогда больше не стану разговаривать съ нею.

— Я вамъ объясню, въ чемъ дѣло,—сказала Бетти.—Она не джентльмэнъ. Не перебивайте меня! Я говорю именно то, что хочу сказать: она не джентльмэнъ. Она говоритъ и дѣлаетъ все то, чего порядочный человѣкъ не скажетъ и не сдѣлаетъ. Мнѣ часто представляется, каковы должны быть подобнаго рода люди ночью, когда они снимутъ съ себя всѣ красивыя одежды, маленькія черныя душонки, завернутыя въ простыни.

— А вы еще находите, что я строга къ людямъ! — засмѣялась Марчелла, слегка ущипнувъ руку подруги.

— Милая моя,—отвѣчала та,—я много разъ объясняла вамъ, что я не важная лэди и не веду политической борьбы. Я могу дѣлать, что хочу, у меня одна забота—мужъ! — и Бетти закончила свою веселую рѣчь вздохомъ.

— Бѣдная Бетти!—сказала Марчелла, поглаживая ея руку.—Что, развѣ Франкъ по прежнему недоволенъ?

— Онъ сказалъ мнѣ вчера, что ненавидитъ жизнь и что попробуетъ, нельзя ли утопиться въ Серпентинѣ. Я отвѣчала, что ничего не имѣю противъ этого, но что безъ меня онъ не съумѣетъ этого сдѣлать. Я взялась удалять полицейскихъ, пока онъ станетъ выбирать мѣсто. Онъ обѣщалъ, что возьметъ меня въ компанію, и мы на этомъ поладили.

Бетти вздохнула уже совершенно серьезно.

— Право, я совсѣмъ несчастная женщина. Франкъ говоритъ, что я испортила ему жизнь; что вся бѣда въ моемъ честолюбіи; что онъ былъ бы очень порядочнымъ сельскимъ джентльмэномъ, а я затягиваю его въ политику и этимъ посѣяла въ немъ зародыши всѣхъ пороковъ. Пріятно это слушать, особенно такой образцовой женѣ, какъ я?

— Не стѣсняйте его,—съ улыбкой сказала Марчелла,—я думаю, онъ никогда не привыкнетъ къ городской жизни.

Бетти всплеснула руками.

— Но, моя милая, я никогда не обѣщала быть женой дикаго плотника и не могу примириться съ подобною перспективой. Оставимъ это! Надѣюсь только, что въ нынѣшнюю сессію онъ будетъ подавать голосъ какъ слѣдуетъ. А вотъ и они, эта язва человѣчества,—и она указала на мужчинъ, входившихъ въ эту минуту въ гостиную.

— Я заранѣе предсказываю, что лэди Тресседи познакомится съ двумя изъ нихъ: съ Гардингомъ Уаттонъ,—впрочемъ, я забыла, это ея двоюродный братъ,—и съ лордомъ Казединомъ. А еще...

Бетти взяла подругу за руку и что-то быстро заговорила ей на ухо, бросая въ то же время взгляды черезъ плечо на лэди Маделену, сидѣвшую съ своей матерью на другомъ концѣ комнаты.

Марчелла посмотрѣла въ ту же сторону, но не выказала желанія отвѣчать на вопросы Бетти. Ей не хотѣлось говорить о Маделенѣ Пенли даже съ Бетти, пріятельницей молодой дѣвушки. Но когда лордъ Незби подошелъ къ лэди Ливенъ и увелъ ее, Марчелла продолжала стоять у окна и нѣсколько минутъ смотрѣла на дѣвушку, о которой у нихъ шелъ разговоръ, нѣжными и серьезными глазами.

Но выраженіе нѣжности вскорѣ исчезло. Она увидѣла, что лэди Кентъ, сидѣвшая подлѣ дочери, подняла гигантскій вѣеръ и сдѣлала знакъ лорду Анкоту. Онъ подошелъ нехотя и она встрѣтила его какимъ-то насмѣшливымъ замѣчаніемъ. Лэди Маделена сидѣла нагнувшись надъ альбомомъ, густая краска покрыла щеки ея, она была видимо смущена. Анкотъ постоялъ съ минуту подлѣ нея, нахмурясь и теребя усы. Затѣмъ, бросивъ какую-то фразу лэди Кентъ, онъ отвернулся и кинулся на софу рядомъ съ лордомъ Казединомъ. Лэди Маделена еще ниже нагнулась надъ книгой и чудные волоса ея казались огненными. Марчелла замѣтила выраженіе ея лица и почувствовала сильнѣйшее желаніе подойти и приласкать ее; но ее пугало присутствіе лэди Кентъ, смотрѣв-

шей очень сердито. Кромѣ того, подошло нѣсколько молодыхъ людей, которые охотно заняли мѣсто, оставленное Анкотомъ.

Летти сильно обрадовалась приходу мужчинъ. Ей было очень скучно съ той лэди, съ которой миссисъ Аллисонъ познакомила ее. Миссъ Пастонъ, сестра управляющаго лорда Анкота, была дѣвица лѣтъ 35, въ простомъ сѣромъ шелковомъ платьѣ. Она имѣла изящный и не глупый видъ, но Летти отнеслась къ этому равнодушно: она пріѣхала въ Кэстль Лютонъ вовсе не за тѣмъ, чтобы знакомиться съ какою-то миссъ Пастонъ.

Разговоръ между ними не клеился. Летти слегка позѣвывала и играла вѣеромъ, пока появленіе мужчинъ не вернуло румянецъ на ея щеки, оживленіе въ ея глаза. Она выпрямилась и всѣми силами старалась обратить на себя вниманіе.

Гардингъ Уаттонъ, увидѣвъ свою кузину, тотчасъ же подошелъ и сѣлъ на софу подлѣ нея. Летти встрѣтила его любезно, хотя была бы болѣе рада, если бы это былъ лордъ Анкотъ или лордъ Казединъ. Прежде, чѣмъ начать разговоръ съ нимъ, она окинула взглядомъ комнату и увидѣла, что подлѣ открытаго окна стоитъ Джоржъ съ лордомъ Максвелемъ и съ сэромъ Уентвортомъ, бывшимъ губернаторомъ. Они разговаривали объ Индіи, и сэръ Филиппъ положилъ свою руку на руку Джоржа.

Тресседи бросилъ на жену ласковый взглядъ, какъ бы спрашивая, какъ она себя чувствуетъ. Въ отвѣтъ на это, Летти мило улыбнулась, ей было пріятно сознавать, что онъ думаетъ о ней. Когда глаза ея встрѣтились съ глазами мужа, она увидѣла, что Марчелла Максвель, продолжавшая стоять у окна, позвала Джоржа. Онъ быстро подошелъ къ ней, они вмѣстѣ спустились въ садъ и исчезли въ аллеяхъ парка.

— Эта важная лэди и Джоржъ въ концѣ концовъ, кажется, подружились, — сказалъ Летти Гардингъ Уаттонъ вполголоса и смѣясь. — Я увѣренъ, что она старается переманить его. Пусть себѣ! Черезъ нѣсколько недѣль министерство окончательно провалится съ этимъ биллемъ, и даже «прекрасная лэди» не спасетъ его. Максвель сегодня мраченъ, какъ ночная сова.

Летти разсмѣялась. Это положеніе дѣлъ льстило ея тщеславію. Ей пріятно было думать, что лэди Максвель будетъ унижена и побѣждена, отчасти съ помощью Джоржа. Очевидно, она была болѣе чувствительна, или болѣе проницательна, чѣмъ это допускала Бетти Ливенъ.

Между тѣмъ Марчелла и Джоржъ Тресседи тихими шагами шли къ рѣкѣ по дорожкѣ, прорѣзывавшей лугъ. Передъ ними разстилалось большое пространство травы, с еребривейся подъ

лучами луны; на ней тамъ и сямъ разбросаны были группы величественныхъ деревьевъ, покрытыхъ густою листвою и поднимавшихъ свои темныя вершины къ ясному голубому небу. Въ одномъ мѣстѣ чащу лѣса прорѣзывала лента рѣки и на берегу ея стройно вздымалась къ небу башня красивой церкви. Лебеди тихо плавали по рѣкѣ и подъ мостомъ. Воздухъ былъ свѣжъ, но безъ весенняго холода. Стояла послѣдняя недѣля мая, въ лѣсахъ и поляхъ чувствовалось наступленіе «лѣтняго пира природы».

Если бы даже предубѣжденіе Тресседи продолжало существовать —а оно уже давно исчезло—то и тогда онъ не могъ бы не видѣть, что красивая женщина, шедшая рядомъ съ нимъ, является самою подходящею выразительницею и олицетвореніемъ всей этой обстановки.

Въ этотъ вечеръ онъ пришелъ къ убѣжденію, что она держитъ себя совершенно безхитростно. За обѣдомъ она ясно показала ему, что дорожитъ его обществомъ; ея манера обращенія съ нимъ была такая мягкая и дружеская, что на нее ни одинъ мужчина не могъ бы отвѣтить грубостью, особенно мужчина молодой и честолюбивый. Но онъ въ то же время замѣтилъ, какъ замѣчалъ не разъ и раньше, что у нея нѣтъ ни малѣйшей тѣни женскаго кокетства, женскихъ уловокъ. Послѣ длиннаго разговора за обѣдомъ онъ почувствовалъ, что она можетъ быть не только умнымъ товарищемъ—это онъ признавалъ и раньше,—но и въ высшей степени привлекательнымъ симпатичнымъ другомъ. Его влекло къ ней чувство дружбы, и прежнее стѣсненіе, которое онъ испытывалъ въ ея присутствіи, исчезло. Заботы и непріятности послѣднихъ недѣль, воспоминаніе объ унизительной сценѣ сегодняшняго утра перестали мучить его.

А между тѣмъ, все это время, онъ, внутренне смѣясь, повторялъ себѣ, что долженъ быть на-сторожѣ. Они не говорили за обѣдомъ прямо о биллѣ, но постоянно, такъ или иначе, касались его. Очевидно, Максвели сильно волновались; и Джоржъ зналъ, что положеніе министерства становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Между самими сторонниками билля произошли разногласія; одинъ или два депутата отъ Лондона, первоначально поддерживавшіе билль, стали колебаться; походъ, предпринятый въ послѣдніе дни Фонтеноемъ и Уаттономъ въ одной подкупленной газетѣ противъ двухъ главныхъ параграфовъ билля, нанесъ ему громадный вредъ. Положеніе было, во всякомъ случаѣ, тяжелое, и не удивительно, что Максвель выглядѣлъ мрачнымъ.

Но Тресседи не замѣтилъ никакой горечи въ расположеніи

духа леди Максвель. Она казалась ему бодрой, энергичной, только немного грустной. Онъ самъ не зналъ почему, но послѣ разговора съ ней почувствовалъ себя растроганнымъ. «Мы побѣдимъ,— говорилъ онъ самому себѣ,—и она это знаетъ». Въ первый разъ подобная мысль не доставила ему особеннаго удовольствія.

Подвигаясь впередъ медленными шагами, они перебрасывались словами на тѣ же темы полуполитическія, полусоціальныя, о которыхъ говорили за обѣдомъ. Вдругъ лэди Максвель сказала совсѣмъ другимъ тономъ:

— Я слышала часть вашего разговора съ сэромъ Филиппомъ. Вы совсѣмъ другой человѣкъ, когда говорите объ Индіи!

— То-есть, вы хотите сказать, — улыбнулся Джоржъ, — что, когда я говорю не объ Индіи, а объ англійскихъ рабочихъ или о бѣднякахъ, я разсуждаю, какъ скотина,

— Не совсѣмъ такъ,—спокойно возразила она,—но, когда вы говорите объ Индіи, о людяхъ, въ родѣ Лауренсовъ или лорда Дальгауса, ясно видно, чѣмъ вы собственно восхищаетесь, что привлекаетъ вашу симпатію.

— Еще бы не восхищаться! Нельзя же не чувствовать благодарности къ людямъ, которые создали силу нашей родины?

Онъ весело посмотрѣлъ на нее. Ему было пріятно спорить съ ней, отстаивать свое мнѣніе при такомъ строгомъ критикѣ.

— Создали силу нашей родины!—повторила она не безъ ироніи, и замолчала.

— Ну, что же!—вскричалъ Джоржъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Я жду, какъ вы будете доказывать, что Дальгаусы и Лауренсы ничего не сдѣлали для страны, сравнительно съ какимъ-нибудь секретаремъ рабочаго союза, которымъ вы особенно восхищаетесь.

Она засмѣялась, но ничего не отвѣчала; они вышли на берегъ рѣчки и подошли къ мосту. Марчелла вошла на мостъ и облокотилась на перила. Онъ послѣдовалъ за ней и они оба глядѣли на домъ. Съ своими рѣзными украшеніями и завитками онъ возвышался среди зелени луга точно выточенный изъ желтоватой слоновой кости. Освѣщенныя окна его горѣли точно драгоцѣнные камни; на лужайкѣ передъ нимъ двигались фигуры, и при лунномъ свѣтѣ можно было разглядѣть женщинъ въ платьяхъ со шлейфами и мужчинъ въ черныхъ фракахъ. По временамъ слышался гулъ разговоровъ или смѣхъ, а изъ открытаго окна гостиной лились звуки скрипки.

— Брамсъ!—съ восхищеніемъ воскликнула Марчелла.—Ничто кромѣ музыки, его музыки не можетъ выразить эту ночь, эту рѣку, общую картину разцвѣта природы.

При ея словахъ ощущеніе чего-то поэтичнаго и радостнаго проникло въ душу Джоржа. Все, что мучило и утомляло его, сразу улетучилось. Онъ посмотрѣлъ въ лицо женщины, стоявшей подлѣ него, и окинулъ взглядомъ живописную картину, окружавшую ихъ. Что такое случилось съ нимъ?

Онъ зналъ одно только, что уже давно не чувствовалъ себя такимъ счастливымъ, такимъ веселымъ.

Но лэди Максвель скоро забыла и луну, и музыку.

— Люди, которые создали силу нашей страны!—повторила она съ разстановкой.—Этотъ домъ говоритъ вамъ о такихъ же людяхъ; въ немъ жили извѣстныя, историческія личности. Но, по моему, настоящая сила страны создается незамѣтно, въ мастерскихъ и копяхъ, людьми, которые умираютъ и тотчасъ же забываются, людьми, которые падаютъ, какъ осенніе листья, и только подготовляютъ почву для будущихъ поколѣній. Вчера, напримѣръ, я все утро старалась заставить поѣсть одну женщину. Она швея, у нея четверо дѣтей и мужъ, карабельный плотникъ, потерявшій работу. Она работала до того, что заболѣла и ослѣпла. Она не могла ни ѣсть, ни спать; но, благодаря ей, ея дѣти и мужъ остались живы. Ея жизнь угаснетъ черезъ нѣсколько недѣль; но дѣти будутъ жить, мужъ опять найдетъ мѣсто и заработаетъ себѣ пропитаніе. Что могутъ сдѣлать для Англіи ваши Лауренсы и Дальгаусы безъ нея и сотенъ, тысячъ подобныхъ ей?

— А между тѣмъ,—вскричалъ Джоржъ,—вы же сами отнимаете у этой женщины возможность кормить своихъ дѣтей и мужа, вы хотите испортить жизнь всѣхъ ихъ, пытаясь улучшить жизнь одной. Я не понимаю, какъ могли вы привести такой примѣръ!

— Ничего тутъ нѣтъ удивительнаго, я привела этотъ примѣръ совсѣмъ съ другою цѣлью. Вы намекаете на билль. Но вѣдь мы хотимъ только сказать нѣкоторымъ изъ этихъ несчастныхъ: Ваша жертва слишкомъ велика, государство не можетъ допускать, чтобы вы ее приносили. Мы поможемъ вамъ служить обществу менѣе тяжелымъ образомъ.

— А пока мы всѣхъ васъ засадимъ въ рабочій домъ! Не забывайте этого!—сказалъ Джоржъ.

— Отдѣльнымъ личностямъ придется пострадать,—твердымъ голосомъ проговорила она,—но найдутся друзья, которые помогутъ имъ, друзья, которые употребятъ всѣ усилія, чтобы помочь имъ.

Въ ея голосѣ, въ томъ выраженіи, съ какимъ она произнесла эти слова, вылилось все ея сердце. Въ первый разъ въ этотъ вечеръ проявила она свою страстность, свой южный, пылкій темпераментъ, ради котораго одни смѣялись надъ ней, другіе не лю-

били ея. Онъ видѣлъ, какъ быстро поднималась и опускалась ея грудь подъ кружевнымъ шарфомъ, который она накинула на себя, выходя изъ дому; какъ руки ея нервно сжимали перилы моста. Она снова имѣла видъ пророчицы, но теперь онъ смотрѣлъ на нее хотя съ улыбкой, но кротко и дружелюбно.

— Хорошо, значитъ, по вашему собственному признанію, вы ради спасенія своихъ швей готовы погубить страну. Мнѣ жаль, что вамъ предстоитъ такая дилемма!

— Ахъ, не будемъ говорить объ этомъ,—сказала она, пожимая плечами, — это все такіе наболѣвшіе, грустные, жгучіе вопросы! И подумать, что намъ предстоитъ черезъ недѣлю, черезъ двѣ!

Джорджъ промолчалъ, находя, что отвѣчать на эти слова слишкомъ трудно. Нѣсколько секундъ ничего не было слышно, кромѣ обычныхъ ночныхъ звуковъ: тихаго плеска рѣки и шелеста деревьевъ. Мимо нихъ лебедь плавалъ взадъ и впередъ и изъ дальняго лѣса доносился крикъ совы.

Марчелла подняла бѣлый пальчикъ и указала на домъ.

— Вотъ отличное сравненіе, — сказала она. — Этотъ домъ подобенъ государству, какъ вы его себѣ представляете, онъ славенъ, гордъ и величественъ, но мы, женщины, которымъ приходится вести такой домъ, знаемъ, на чемъ покоится все его величіе: на работѣ нѣсколькихъ судомоекъ, кухонныхъ мужиковъ, поденщицъ, которыхъ гости никогда не видятъ и которые все поддерживаютъ въ порядкѣ. Я это хорошо знаю, такъ какъ я занималась ихъ судьбой и старалась устроить дѣло такъ, чтобы никто изъ нихъ не надрывался на работѣ, пока мы пируемъ. Это оказалось невѣроятно трудно; половина человѣческаго рода считаетъ своимъ призваніемъ облегчать жизнь для другой половины. Имъ кажется естественнымъ мучиться и трудиться, пока мы сидимъ, развалясь въ креслахъ. Имъ даже непріятно, когда мы пытаемся измѣнить этотъ порядокъ.

— Господи!—вскричалъ Джорджъ,—я никогда ничего подобнаго не замѣчалъ въ своемъ хозяйствѣ!

— Конечно, вы всегда имѣли дѣло съ высшими слугами, а они, обыкновенно, еще большіе тираны, чѣмъ сами господа,—отвѣчала она, и въ голосѣ ея слышался отчасти смѣхъ, отчасти неподдѣльное чувство.—Я говорю о работникахъ, которые такъ же невидимы, какъ портнихи и швеи въ вашемъ сильномъ, славномъ государствѣ.

— Можетъ быть, вы и правы,—отвѣчалъ Джорджъ, — но, по правдѣ сказать, я не вполнѣ довѣряю вашему сужденію. Прежде, чѣмъ рѣшать, кто важнѣе: мои Дальгаусы или ваши швеи, я

послушаю, что скажутъ люди, которые не искалѣчили себѣ души состраданіемъ.

— Состраданіемъ?—губы ея задрожали, не смотря на ея стараніе сдержаться,—вы считаете состраданіе недостаткомъ?

— Да, такое, какое проводите въ жизнь вы и вамъ подобныя,— холодно отвѣчалъ онъ.—Это вредная вещь; міромъ не можетъ управлять состраданіе. Жизнь представляется мнѣ большимъ, грубымъ, тяжелымъ дѣломъ, которое мы должны исполнять, хотя бы и противъ воли. Если мы станемъ слишкомъ беречь чужія жизни, въ цѣломъ явится застой. Если мы захотимъ оказывать слишкомъ много вліянія, деміургъ, управляющій ходомъ машины, разсердится и перестанетъ работать. Тогда государство распадется на части, пока не явится какой - нибудь смѣлый негодяй, который снова соединитъ ихъ воедино.

— Что вы подразумѣваете подъ словомъ деміургъ?

Онъ засмѣялся.

— Зачѣмъ вы ловите меня на словахъ? Я подразумѣваю естественныя силы природы, благодаря которымъ все идетъ въ извѣстномъ порядкѣ, силы, лежащія внѣ насъ и не заботящіяся о насъ.

— Да, если вы такъ думаете, я васъ понимаю—задумчиво проговорила Марчелла.—Но если силы, лежащія внѣ насъ, не заботятся о насъ, тѣмъ болѣе намъ необходимо заботиться другъ о другѣ. Позвольте мнѣ прямо спросить у васъ: знаете ли вы кого-нибудь изъ лондонскихъ бѣдняковъ, имѣете ли вы пріятелей среди нихъ?

— Конечно! я сижу съ Фонтеноемъ, пока онъ принимаетъ депутаціи отъ всѣхъ портнихъ и швей, которыхъ вы хотите облагодѣтельствовать. Цѣлыя вереницы вдовъ проходятъ каждый день мимо насъ и жалуются на свою одинокую жизнь.

Она покачала головой.

— Оставимъ Лондонъ. Вы, кажется, владѣете угольными копями на сѣверѣ. Знаете вы своихъ рабочихъ?

— Знаю и ненавижу ихъ,—рѣзко отвѣчалъ Джоржъ.—Узкоголовые скоты! Въ будущемъ мѣсяцѣ они начнутъ стачку, и я буду лишенъ своего законнаго дохода до тѣхъ поръ, пока ихъ сіятельствамъ угодно будетъ снова приняться за работу. Вы должны жалѣть меня, а не ихъ.

— Я и жалѣю васъ. Это ужасно—ненавидѣть людей, которые доставляютъ намъ средства жизни.

Они оба замолчали. Потомъ Джоржъ вдругъ заговорилъ другимъ тономъ:

— Впрочемъ, иногда бѣдняковъ приходится поневолѣ жалѣть. На прошлой недѣлѣ я встрѣтилъ одну мать... пройдемъ, пожалуйста, немного подальше. Мнѣ хочется посмотрѣть, какъ рѣка выходитъ изъ лѣса.

Они сошли съ моста и пошли дальше по берегу рѣки. Джоржъ разсказалъ ей исторію Мери Батчелоръ съ своей обыкновенной полуиронической манерой, но, впрочемъ, такъ, что дрожь не разъ пробѣжала по тѣлу Марчеллы. Потомъ, мало-по-малу, онъ перешелъ въ полуюмористическое, полусерьезное обсужденіе своего положенія, какъ собственника копей, и трудностей его положенія. Безсознательно въ его разсказѣ стали вкрадываться эпизоды изъ его собственной жизни; онъ говорилъ о своемъ воспитаніи, о своей матери, о тѣхъ разнообразныхъ задачахъ, которыя представились ему по возвращеніи изъ Индіи; даже о своихъ отношеніяхъ къ женѣ. Разъ или два у него мелькнуло въ головѣ, что онъ удивительно откровенно исповѣдуется передъ женщиной, которую рѣшился ненавидѣть. Но это соображеніе не остановило его. Ароматная ночь, уединеніе, близость красавицы, такой доброй и ласковой—все это съ каждымъ шагомъ болѣе и болѣе обезоруживало, покоряло его.

Для нея все это казалось простымъ и естественнымъ. Она при первомъ же свиданіи почувствовала, что въ немъ есть много симпатичнаго, она рѣшила, что онъ будетъ ея другомъ, и достигла своей цѣли. Слыша его откровенныя изліянія, она почувствовала къ нему странное состраданіе. Она женскимъ инстинктомъ понимала, что онъ сердцемъ одинокъ и не встрѣчаетъ сочувствія. И не мудрено, вѣдь его жена — это маленькое, жестокое, пошлое созданіе! Она ли его поймала, или онъ самъ отдался въ минуту увлеченія съ тѣмъ отрицаніемъ серьезнаго чувства, которое, повидимому, является его любимымъ конькомъ? Во всякомъ случаѣ, Марчелла, сама счастливая жена, находила, что онъ сдѣлалъ непоправимую ошибку, и отъ всей души жалѣла его.

Съ другой стороны, онъ представлялся ей еще очень молодымъ; она считала, что онъ года на два моложе ея, но глядѣла на него съ такимъ чувствомъ превосходства, какъ будто разница эта была гораздо больше.

Обстоятельства создали странный фонъ, на которомъ развивались ихъ взаимныя чувства,—Максвель, Фонтеной и все, что связывалось съ этими именами. Она ни на минуту не забывала мужа и его борьбу, въ душѣ Джоржа постоянно стояла на сторожѣ мрачная фигура Фонтеноя. При данныхъ обстоятельствахъ ея темпераментъ и ея любовь къ мужу неизбѣжно заставляли ее

попытаться привлечь своего собесѣдника и затѣмъ оказать на него вліяніе. И онъ при тѣхъ же обстоятельствахъ не могъ не покоряться чарующему вліянію женщины, хотя продолжалъ относиться неодобрительно къ ея политической дѣятельности.

Мало-по-малу разговоръ ихъ снова перешелъ на лондонскія дѣла и она съ жаромъ сказала ему:

— Вы должны увидѣть всѣхъ этихъ людей живьемъ, увидѣть ихъ не въ вашемъ домѣ, а въ ихъ собственномъ, или на первый разъ въ моемъ.

— Извините, но я не понимаю, почему истина можетъ скорѣе открыться на Ст.-Джемсъ-скверѣ, чѣмъ на Карльтонъ-гаусъ-террасѣ?—съ улыбкой спросилъ онъ. Фонтеной жилъ на Карльтонъ-гаусъ-террассѣ.

— Я васъ приглашаю не на Ст.-Джемсъ-скверъ — отвѣчала она.—Тамъ я живу только ради одной цѣли. Мой настоящій домъ не тамъ, а на Мильэндъ-родѣ.

И она объяснила удивленному Джоржу, что ея время дѣлится между западнымъ и восточнымъ Лондономъ, что она каждую недѣлю проводитъ два дня среди рабочихъ, положеніе которыхъ она хорошо изучила, и дѣло которыхъ она такъ энергично защищаетъ.

— Приходите,—заключила она,—моя старая горничная напоитъ васъ кофе, и вы встрѣтите у меня массу мастеровыхъ. Вы увидите, каковъ настоящій человѣкъ не на бумагѣ, а въ дѣйствительности, послѣ того, какъ онъ проработаетъ 15 часовъ въ комнатѣ, гдѣ мы съ вами не могли бы дышать.

— Прелестно!—вскричалъ онъ, кланяясь,—я непремѣнно приду!

Они остановились подъ тѣнью деревьевъ и смотрѣли на освѣщенный луною садъ и на домъ. Вдругъ Джоржъ проговорилъ страннымъ голосомъ:

— Не разсердитесь на меня, но, знаете, въ наше время не бываетъ политическихъ обращеній.

Въ темнотѣ нельзя было замѣтить, какъ она покраснѣла; но онъ почувствовалъ въ ея голосѣ скрытую досаду и обиду.

— Я знаю,—съ притворною веселостью отвѣчала она.—Давно уже не слышно, чтобы хорошею рѣчью можно было пріобрѣсти новый голосъ въ палатѣ. Я не понимаю, зачѣмъ люди трудятся говорить! Вернемся назадъ? А, кто-то идетъ къ намъ! Это мужъ и Анкотъ.

Двѣ фигуры показались темнымъ пятномъ на освѣщенномъ лугѣ и скрылись въ тѣни рощи.

— Вотъ вы гдѣ!—вскричалъ Максвель, замѣтивъ бѣлое платье

жены.—Не опасно ли ходить въ темнотѣ по этой тропинкѣ? Выйдемъ-ка отсюда.

Дѣйствительно, они стояли на крутомъ берегу около самой рѣчки и деревья, сплетаясь верхушками, закрывали свѣтъ луны. Максвель, нѣсколько встревоженный, схватилъ жену за руку и придержалъ ее, пока не разглядѣлъ хорошенько тропинку. Между тѣмъ, Анкотъ и Тресседи пошли быстро назадъ на лугъ; при этомъ Анкотъ говорилъ и смѣялся необыкновенно оживленно.

Максвели не спѣшили. Когда они вышли изъ лѣса, Марчелла взяла мужа подъ руку.

— Подождемъ входить въ комнаты,—сказала она.—Что намъ дѣлать тамъ?

— Конечно, что намъ дѣлать?—повторилъ онъ со вздохомъ.—Вообще, для чего мы здѣсь? Я это спрашиваю у себя весь вечеръ, особенно послѣ того, какъ прошелся съ этимъ мальчикомъ, съ Анкотомъ.

— Разскажи мнѣ, что онъ говоритъ,—попросила она,—удалось ли тебѣ вывѣдать у него что-нибудь?

— Рѣшительно ничего. Онъ увѣряетъ, что не знаетъ за собой ничего дурного, что про него распускаютъ глупыя сплетни. Онъ хохочетъ, болтаетъ о разныхъ разностяхъ, очевидно, онъ возбужденъ и несчастенъ, но мнѣ онъ ни въ чемъ не хочетъ сознаться.

— А какъ ты думаешь, она знаетъ что-нибудь?

— Его мать? Я думаю, ничего. Иногда въ ея обращеніи съ нимъ проглядываетъ какая-то тревога, она какъ будто что-то подозрѣваетъ и оттого спѣшитъ устроить этотъ бракъ. Но я увѣренъ, что она не слыхала тѣхъ исторій, которыя дошли до насъ. А эта бѣдная дѣвушка! даже я замѣтилъ, что онъ всячески старается избѣгать ее.

Они пошли по дорожкѣ, окаймлявшей лѣсъ, и продолжали разговаривать о томъ дѣлѣ, ради котораго пріѣхали въ Кэстль-Лютонъ. Ни одинъ изъ нихъ не явился бы добровольно гостемъ миссисъ Аллисонъ въ то именно время, когда домъ ея представлялъ главную квартиру враждебной партіи, когда самъ предводитель этой партіи былъ въ числѣ приглашенныхъ. Но недѣли двѣ тому назадъ до слуха Максвеля дошли такіе разсказы о молодомъ Анкотѣ, что онъ самъ вмѣстѣ съ Марчеллой напросился въ Кэстль-Лютонъ на Троицынъ день.

Генри Аллисонъ былъ другомъ отца Максвеля, и въ память отца Максвель съ полною серьезностью отнесся къ обязанности опекуна мальчика. Онъ заботился о немъ, пока тотъ былъ ребенкомъ, и теперь не переставалъ съ тревогой слѣдить за нимъ.

Въ послѣднее время Анкотъ какъ будто нарочно избѣгалъ и своего опекуна, и всѣхъ старыхъ друзей матери; Максвели не видали его по цѣлымъ мѣсяцамъ. А между тѣмъ, про молодого человѣка ходили очень невыгодные слухи, и въ послѣднее время имя его связывали съ именемъ одной извѣстной актрисы, похожденія которой давали не мало пищи мелкой прессѣ. Это встревожило Максвеля не столько ради молодого человѣка, сколько ради его матери. Для миссисъ Аллисонъ скандалъ, о которомъ ходили слухи, былъ бы настоящей трагедіей. Ея страстная любовь къ сыну сама по себѣ была уже трагедіей, такъ какъ въ ней чувства матери сливались съ чувствами христіанки, для которой «порокъ» не забава, а страданіе.

Марчелла хорошо понимала, какъ тяжело было для Максвеля заниматься именно теперь любовными дѣлами Анкота.

— Не думай объ этомъ,—просила она его,—это все такъ непріятно! У насъ довольно и своего!

Максвель остановился и съ легкой улыбкой обнялъ ее одной рукой.

— Дорогая моя, скоро у меня будетъ вдоволь времени, чтобы думать о дѣлахъ Анкота и о всемъ прочемъ. Знаешь, я сегодня утромъ соображалъ, что мы будемъ дѣлать, когда насъ прогонятъ. Не съѣздить ли намъ нынѣшнею осенью въ Австралію? Мнѣ очень интересно побывать тамъ.

— Отчего ты такой унылый сегодня?—спросила она печальнымъ голосомъ.—Развѣ ты узналъ что-нибудь новое?

— Да; въ общемъ дѣла идутъ все хуже для насъ и все лучше для нихъ. Во всякомъ случаѣ, побѣда съ трудомъ достанется намъ, развѣ большинствомъ одного, двухъ голосовъ.

И онъ, въ короткихъ словахъ, передалъ ей свой послѣобѣденный разговоръ съ лордомъ Казединъ, сторонникомъ Фонтеноя въ палатѣ лордовъ, человѣкомъ очень проницательнымъ и ловкимъ, хотя антипатичнымъ, по своимъ нравственнымъ качествамъ.

Марчелла съ удивленіемъ и негодованіемъ услышала, что еще одинъ или два человѣка измѣнили министерству. Она стояла въ темной аллеѣ, опираясь на руку любимаго человѣка, и сердце ея билось быстро и тревожно. Какъ это можетъ быть, что люди не понимаютъ его и отворачиваются отъ него? Не можетъ ли она какъ-нибудь помочь ему? Въ умѣ ея мелькали сотни плановъ, она не могла помириться съ мыслью, что онъ будетъ униженъ и пораженъ.

XII.

Лордъ Анкотъ сильно тяготился обществомъ, собравшимся въ Кэстль-Лютонѣ. Къ большому неудовольствію и недоумѣнію матери, онъ съ трудомъ согласился играть роль хозяина. Максвель находилъ, что поведеніе молодого человѣка въ значительной степени обусловливается тѣмъ воспитаніемъ, какое онъ получилъ. Во-первыхъ, онъ не учился ни въ какомъ общественномъ заведеніи: по обычаямъ семьи, сыновья должны были получать домашнее воспитаніе, и миссисъ Аллисонъ ни за что не соглашалась нарушить традиціи. Вслѣдствіе этого, у мальчика былъ цѣлый рядъ воспитателей, отличавшихся, главнымъ образомъ, твердыми религіозными принципами. Анкотъ росъ чувствительнымъ мальчикомъ съ наклонностью къ мистицизму. Его конфирмація праздновалась съ необыкновенною торжественностью, а когда ему было 17 лѣтъ, миссисъ Аллисонъ съ трудомъ могла заставить его въ посту ѣсть столько, сколько нужно для поддержанія здоровья. Затѣмъ, юноша поступилъ въ кэмбриджскій университетъ, и тамъ съ нимъ произошелъ быстрый переворотъ. Когда онъ, послѣ двухлѣтней жизни въ университетѣ, пріѣхалъ къ Максвелю, тотъ едва вѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ. Юноша, который въ 19 лѣтъ разсуждалъ о церковной музыкѣ и о древнихъ напѣвахъ, въ 21 годъ не думалъ и не говорилъ ни о чемъ, кромѣ театра и французскихъ bric-à-brac. У него на языкѣ постоянно вертѣлись имена разныхъ актеровъ, пѣвцовъ, танцовщицъ, преимущественно изъ появляющихся на маленькихъ театрахъ; онъ былъ своимъ человѣкомъ среди нихъ, они уважали его не ради его богатства и званія, какъ онъ объяснилъ своему опекуну, а ради того, что онъ тоже артистъ, что онъ можетъ съ ними вмѣстѣ и пѣть, и танцовать, и декламировать.

Сначала Максвель снисходительно относился къ этому увлеченію молодого человѣка, но когда Анкотъ вздумалъ съ большими издержками ставить на сценѣ плохія пьесы собственнаго сочиненія, онъ уговорилъ его бросить Кэмбриджъ и проѣхаться заграницу. Анкотъ выбралъ себѣ въ спутники человѣка по своему вкусу, отправился въ Парижъ и тамъ дѣлилъ свое время между магазинами рѣдкихъ бездѣлушекъ и двумя, тремя мелкими театрами. Величайшимъ удовольствіемъ для него было царить на первыхъ представленіяхъ и бросать изъ своей ложи на сцену цѣлый дождь букетовъ; самымъ лестнымъ для себя комплиментомъ онъ считалъ слова одного извѣстнаго торговца съ Quai Volter: «Mon Dieu, milord, que vous êtes fin connaisseur» (Боже мой, милордъ, какой вы тонкій знатокъ!).

Наконецъ, въ 25 лѣтъ, онъ принужденъ былъ возвратиться въ Англію, такъ какъ, на основаніи завѣщанія дѣда, долженъ былъ вступить въ управленіе своимъ имѣніемъ. Подъ отрезвляющимъ вліяніемъ этого обстоятельства онъ, повидимому, на время вернулся къ матери и къ свѣтскому обществу. Онъ отдѣлалъ заново нѣсколько комнатъ въ Кэстль-Лютонѣ и особенно украсилъ свой кабинетъ; стѣны его были увѣшаны картинами Буше, Грёза и Ватто въ перемежку съ миніатюрами и разными красивыми бездѣлками; на столахъ лежали портфели съ рисунками, которые онъ не спѣшилъ показывать матери. Кромѣ того, онъ сталъ снова ласковъ къ матери и даже иногда ходилъ съ нею въ церковь.

Инстинкты англійскаго аристократа проснулись въ немъ, и миссисъ Аллисонъ ожила. Она пригласила златокудрую лэди Маделену погостить въ Кэстль-Лютонѣ Когда она пріѣхала, Анкотъ сталъ замѣтно ухаживать за ней. Онъ каталъ ее, пѣлъ съ нею, сочинялъ и разъигрывалъ съ нею французскія шарады; онъ дошелъ до того, что сталъ сравнивать ее съ «Саломеей», выставленной однимъ изъ самыхъ удивительныхъ импрессіонистовъ въ парижскомъ салонѣ. Къ счастью, лэди Маделена не видала этой картины.

Затѣмъ, въ одно утро Анкотъ неожиданно уѣхалъ въ Лондонъ и не возвращался. Мать поѣхала за нимъ, но онъ избѣгалъ свиданій съ нею, и она пробыла въ городѣ не долго, но все же успѣла дать понять Максвелямъ и другимъ близкимъ друзьямъ, что весьма желала бы назвать лэди Маделену своей невѣсткой.

Вотъ каково было положеніе дѣлъ. Естественно, что судьба Анкота занимала мысли большинства гостей его матери и служила темой для ихъ разговоровъ.

— Добрый ли вы человѣкъ?—съ этимъ неожиданнымъ вопросомъ Бетти Ливенъ подошла къ молодому лорду Незби въ воскресенье утромъ. — Чувствуете ли вы въ своемъ сердцѣ милосердіе, смиреніе, довѣрчивость? Если нѣтъ, я уйду; я довольно натерпѣлась отъ лэди Кентъ.

Чарли Незби засмѣялся. Онъ читалъ сидя въ саду подъ деревомъ и давно наблюдалъ за Бетти и лэди Кентъ, которыя вели оживленный разговоръ подъ тѣнью большого кедра въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Лэди Кентъ была въ самомъ воинственномъ настроеніи, и молодому человѣку было очень интересно узнать, о чемъ шелъ у нихъ разговоръ.

— Добрый ли я человѣкъ?—повторилъ онъ.—Кажется, нѣтъ. Я не пошелъ въ церковь, а вмѣсто того читалъ французскій романъ и даже не могу сказать вамъ заглавія его. — И онъ поспѣшно сунулъ томикъ въ карманъ.

— Что хуже?—глубокомысленно спросила Бетти. — Нарушить четвертую или девятую заповѣдь? Лэди Кентъ, въ сущности, нарушила и ту, и другую, особенно достается отъ нея девятой. Она называетъ это: добираться до корня вещей.

— Чьи же корни тревожила она сегодня утромъ?

Бетти оглянулась, увидѣвъ, что лэди Кентъ вошла въ домъ, и съ видомъ утомленія опустилась на скамейку рядомъ съ Незби.

— Я все время защищала отъ нея тайны всѣхъ моихъ друзей, тогда она, за неимѣніемъ лучшаго, ухватилась за Джоржа Тресседи и наговорила мнѣ разныхъ дурныхъ вещей о его матери.

— Джоржъ Тресседи! Съ какой стати она злобствуетъ противъ него? Я думаю, она его видитъ первый разъ въ жизни.

Бетти сжала губы. Она и Чарли Незби были друзьями еще тогда, когда носили передники и сидѣли на высокихъ стульчикахъ.

— Нѣтъ надобности добираться до корня вещей,—сказала она строго,—но у кого есть глаза, тотъ не можетъ не видѣть. Развѣ вы не замѣтили, что Анкотъ вдругъ необыкновенно подружился съ сэромъ Джоржемъ, вчера вечеромъ разговаривалъ съ нимъ, Богъ знаетъ до котораго часа, и сегодня гулялъ съ нимъ, а не съ той особой, съ которой долженъ бы гулять. И зачѣмъ это мужчины ведутъ себя такъ смѣшно! Точно рыба, которая не хочетъ идти въ сѣти! Вѣдь все равно поймаютъ, только лишнее себѣ мученіе!

— Не совсѣмъ,—засмѣялся Незби.—Все-таки, есть надежда, что и не попадешь въ сѣть. — Выразительное лицо его вдругъ стало серьезнымъ. — Пора бы, кажется, — сказалъ онъ, — лэди Кентъ прекратить эту ловлю. Во-первыхъ, Анкотъ не дастъ себя поймать, во-вторыхъ... если бы у меня была сестра, влюбленная въ Анкота, я скорѣе увезъ бы ее къ сѣверному полюсу, чѣмъ допустилъ, чтобы ея имя называли рядомъ съ его!

Бетти посмотрѣла на него широко открытыми глазами.

— Значитъ, въ томъ, что про него разсказываютъ, есть доля правды?—вскричала она.—А Франкъ сказалъ мнѣ, что это все пустяки. И Максвели не говорятъ ни слова. Теперь я понимаю, съ чего лэди Кентъ пѣла мнѣ въ уши, что «Анкотъ долженъ жениться рано, это единственное спасеніе для него».—Бетти передразнивала глухой голосъ и важный видъ лэди Кентъ.—«Его дѣдъ былъ... жена порядкомъ намучилась съ нимъ, я бы могла многое поразсказать вамъ и о немъ, и о ней. А сэръ Генри Аллисонъ...» Но тутъ я остановила ее.

— Старая сплетница!—съ отвращеніемъ сказалъ Незби.—Значитъ, она знаетъ. И это мать такой прелестной дѣвушки!

— Что такое знаетъ?—спросила Бетти; она слегка покраснѣла, но глаза ея ясно говорили, что если исторія и не совсѣмъ прилична, она все-таки хочетъ услышать ее.

Незби колебался. Ему непріятно было открывать тайны другого мужчины, тѣмъ болѣе Анкота, своего пріятеля. Но ему нравилась лэди Маделена, и гнусные маневры ея матери приводили его въ негодованіе.

— Максвели ничего вамъ не говорили?—переспросилъ онъ.— А между тѣмъ, я увѣренъ, что они только изъ-за этого и пріѣхали сюда. Посмотрите, вонъ онъ прохаживается съ Фонтеноемъ! Они цѣлый часъ ходятъ взадъ и впередъ по этой аллеѣ. Видалъ ли кто-нибудь что-либо подобное? Это, конечно, не даромъ.

Бетти посмотрѣла въ ту сторону, куда онъ указывалъ, и увидѣла фигуры двухъ мужчинъ, ходившихъ на освѣщенной солнцемъ аллеѣ. Огромная голова Фонтеноя уходила въ плечи, руки были заложены за спину, Максвель былъ и выше, и стройнѣе его. Фонтеной пріѣхалъ изъ Лондона въ это утро и опоздалъ къ обѣднѣ. Онъ былъ съ Максвелемъ все время, послѣ того какъ Анкотъ провелъ его въ садъ, а самъ ушелъ гулять съ Тресседи.

— Анкотъ и Тресседи проходили здѣсь, возвращаясь съ прогулки,—продолжалъ Незби;—Анкотъ очень недружелюбно смотрѣлъ на тѣхъ двухъ, онъ мрачно усмѣхнулся и вошелъ въ домъ одинъ.

— До него мнѣ, въ сущности, мало дѣла, — сказала Бетти.— Но его мать святая, и если онъ разобьетъ ей сердце, его стоитъ повѣсить.

— Она ничего не знаетъ, я увѣренъ, — проговорилъ Незби.

— Какъ это странно,—вскричала Бети,—послѣ этого не стоитъ и быть святой! Нѣтъ, когда *мой* мальчикъ выростетъ, я буду знать все, что онъ дѣлаетъ! Ну, разсказывайте же скорѣе, а то они сейчасъ вернутся изъ церкви. Кто эта барыня?

— Ну, я не стану называть именъ, — неохотно проговорилъ Незби.—Это просто актриса изъ не важныхъ, собой хорошенькая.

И онъ разсказалъ ей довольно обыкновенную исторію, пикантность которой увеличивалась тѣмъ, что у Анкота былъ соперникъ; онъ уже имѣлъ одно столкновеніе въ публичномъ мѣстѣ и, вѣроятно, будетъ имѣть не мало другихъ; такъ какъ Анкотъ былъ Анкотомъ, то отъ него можно было ежеминутно ожидать какого-нибудь безумнаго поступка, благодаря которому мать узнаетъ все. А извѣстно, что такое миссисъ Аллисонъ.

— Онъ можетъ жениться на ней? — спросила Бетти.

— Слава Богу, нѣтъ! У нея есть мужъ гдѣ-то въ Чили, такъ что миссисъ Аллисонъ не грозитъ опасность быть изгнанной изъ

Кэстль-Лютона. Но, между нами говоря, мнѣ жаль Анкота, онъ окончательно погибнетъ, если эта женщина овладѣетъ имъ.

Вся веселость Бетти исчезла. Она сидѣла молча, голубые глаза ея горѣли негодованіемъ.

— И вотъ для чего мы ихъ воспитываемъ!—вскричала она,—чтобы они продѣлывали всѣ эти гадкія, глупыя штуки! Я не говорю о безнравственности, но подумайте, какъ онъ жестоко поступаетъ со своей матерью!

Незби не оправдывалъ пріятеля, но находилъ, что женщинамъ слѣдуетъ спокойнѣе относиться къ такого рода вещамъ. Они начали совѣщаться, какъ бы направить Анкота на истинный путь. Кто изъ мужчинъ имѣетъ на него вліяніе? Между нимъ и Максвелемъ слишкомъ велика разница лѣтъ и характеровъ. Самъ Незби старался, сколько могъ, удерживать его, но все напрасно, и теперь Анкотъ сталъ скрываться отъ него. Вообще у Анкота мало друзей, и почти всѣ они принадлежатъ къ числу третьестепенныхъ актеровъ, которые въ данномъ случаѣ не могутъ быть полезны.

— Я никогда не видалъ, чтобы онъ съ кѣмъ-нибудь говорилъ такъ много, какъ съ Джорджемъ Тресседи въ эти два дня. Но это слишкомъ новый знакомый.

Они задумались. Вдругъ Незби улыбнулся и сказалъ совсѣмъ другимъ тономъ.

— Интересная парочка! Посмотрите-ка сюда!

Бетти взглянула и увидѣла Джоржа Тресседи, который, заложивъ руки въ карманы, ходилъ по дальней аллеѣ сада рядомъ съ Марчеллой Максвель.

— Ну, такъ что же такое?—спросила Бетти.

Незби свистнулъ.

— Ничего; только это очень странно. Я утромъ игралъ въ мячъ съ этимъ прелестнымъ маленькимъ Алленомъ и наткнулся на нихъ. Они были совершенно поглощены своей бесѣдой. Онъ, очевидно, sous le charme, какъ и всѣ мы. Нѣтъ, въ южно-американскихъ республикахъ политики враждебныхъ партій не встрѣчаются такъ дружелюбно въ загородныхъ дачахъ. Они прямо стрѣляютъ другъ въ друга.

— И вы, конечно, находите это вполнѣ нормальнымъ? Подождите, пока у насъ зайдетъ дѣло о чемъ-нибудь болѣе близкомъ нашему сердцу, чѣмъ фабричный билль,—сказала Бетти.—Впрочемъ, Фонтеной и теперь смотритъ серьезно на дѣло.

— Конечно! Фонтеной смотритъ серьезно, вѣроятно, и Тресседи также, а Максвель тѣмъ болѣе! Но вотъ наши идутъ изъ церкви.

Изъ калитки, продѣланной въ старой стѣнѣ, за которой виднѣлась башенка маленькой церкви, вышла небольшая группа: миссисъ Аллисонъ, лэди Казединъ и Маделена Пенли впереди въ сопровожденіи сѣдовласаго сэра Филиппа; сзади лэди Тресседи между Гардингомъ Уаттономъ и лордомъ Казединъ.

— Казединъ!—вскричалъ Незби.—Казединъ былъ въ церкви!

— Вѣроятно, только для того, чтобы сдѣлать непріятность бѣдной Лаурѣ, которая, можетъ быть, надѣялась хоть тамъ освободиться отъ него,—рѣзко проговорила Бетти.—Нѣтъ, на мѣстѣ миссисъ Аллисонъ, я бы вычеркнула лорда Казедина изъ числа знакомыхъ.

— Казединъ никому не напрашивается на знакомство,—спокойно отвѣчалъ Незби.—Здѣсь онъ ведетъ себя совершенно прилично, а въ его умѣ никто не сомнѣвается. Говорятъ, Фонтеной сильно разсчитываетъ на его поддержку въ палатѣ лордовъ.

— А скажите кстати, къ какой партіи вы принадлежите?—спросила Бетти, поворачиваясь къ нему.

— Слава Богу, я не въ парламентѣ!—отвѣчалъ Незби, улыбаясь,—такъ что не допрашивайте меня насчетъ моихъ убѣжденій, у меня ихъ нѣтъ, хотя вообще мнѣ бы хотѣлось, чтобы сдѣлалось такъ, какъ желаетъ лэди Максвель.

Бетти не успѣла отвѣтить, такъ какъ миссисъ Аллисонъ уже подходила къ нимъ.

— Что такое случилось съ ней, съ Маделеной, со всѣми ими?—мысленно спрашивала себя Бетти.

Миссисъ Аллисонъ, блѣдная и разстроенная, не отвѣтила на поклонъ лэди Ливенъ, даже, вѣроятно, не замѣтила ее. Она быстро прошла мимо нея, направляясь къ дому, но въ эту минуту къ ней подходилъ Фонтеной; она съ видимымъ усиліемъ побѣдила свое волненіе и повернула на встрѣчу ему, тяжело опираясь на свою палку съ серебрянымъ набалдашникомъ.

Всѣ прочіе остановились и молчали. Бетти отвела въ сторону лэди Маделену подъ предлогомъ показать ей какой-то цвѣтокъ и спросила шепотомъ:

— Что случилось?

— Не знаю,—отвѣчала та.—Когда мы шли домой, какая-то дѣвушка...

Она вдругъ остановилась: Анкотъ отворилъ калитку сада и подходилъ къ гостямъ.

— Бѣдняжка!—подумала Бетти съ состраданіемъ.

Было очевидно, что молодая дѣвушка всѣмъ своимъ существомъ отозвалась на эти шаги. Она какъ-то невольно повернула голову

въ сторону Анкота и ея стройная фигура выпрямилась въ безсознательномъ стремленіи къ нему.

Анкотъ быстрымъ взглядомъ окинулъ группу гостей.

— Онъ думаетъ, что мы говорили о немъ,—мелькнуло въ головѣ Бетти, и она, вѣроятно, не ошиблась, такъ какъ лицо молодого человѣка приняло презрительное выраженіе и, обратившись къ лэди Тресседи, на которую онъ до тѣхъ поръ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, онъ спросилъ, не желаетъ ли она осмотрѣть оранжереи и цвѣтникъ розъ.

Летти, польщенная этимъ вниманіемъ, весело сказала: «да», и они скоро исчезли среди деревьевъ.

Маделена Пенли смотрѣла вслѣдъ имъ. Бетти боясь, чтобы молодая дѣвушка не выдала себя при мужчинахъ, въ родѣ Гардинга Уаттона и лорда Казедина, пыталась увести ее, но она, повидимому, не понимала. Она машинально разстегивала и застегивала свою длинную перчатку, говорила: «сейчасъ иду», и не двигалась съ мѣста.

Тогда къ ней подошелъ лордъ Незби и выразительное лицо молодого человѣка дышало нѣжностью, смѣшанною съ негодованіемъ.

— Мнѣ бы очень хотѣлось показать вамъ цвѣтущій боярышникъ на холму, лэди Маделена,—сказалъ онъ.—Пойдемте, мы успѣемъ вернуться до завтрака.

Молодая дѣвушка взглянула на него; она поняла, что онъ желаетъ загладить поступокъ своего пріятеля, краска залила ея щеки, и она покорно пошла съ нимъ.

Между тѣмъ, Летти и Анкотъ направились къ оранжереямъ. Летти едва поспѣвала за своимъ быстро шагавшимъ спутникомъ, но это не мѣшало ей безъ умолку болтать. При каждомъ поворотѣ дорожки она вскрикивала отъ восхищенія, а въ промежуткѣ, между восторженными похвалами, закидывала его самыми нескромными вопросами о его садовникахъ, его имѣніи, его дѣлахъ. Анкотъ сначала почти не слушалъ ее и механически отвѣчалъ ей: «да», «нѣтъ», потомъ, когда буря его собственныхъ чувствъ улеглась, и онъ сталъ прислушиваться къ ея болтовнѣ, имъ овладѣло сильнѣйшее раздраженіе: какъ это могъ Тресседи жениться на ней? Какая дурно воспитанная, несносная женщина!

Онъ пошелъ впереди ея, не стараясь поддерживать разговоръ, и Летти опять охватило чувство обиды и униженія, которое она не разъ испытывала. Зачѣмъ,—съ досадой думала она,—позвалъ онъ ее гулять, если не можетъ быть болѣе пріятнымъ собесѣдникомъ.

Въ концѣ липовой аллеи они встрѣтили миссисъ Аллисонъ и лорда Фонтеноя. Проходя мимо, мать взглянула на сына съ легкой улыбкой, но Анкотъ не обратилъ на это вниманія и не сказалъ ни слова привѣтствія Фонтеною. Онъ быстро велъ впередъ свою спутницу, пока они не пришли въ теплицы, обнесенныя стѣнами и отличавшіяся замѣчательно богатою растительностью.

— Я удивляюсь, какъ вы можете находить дорогу!—засмѣялась Летти, когда онъ открылъ дверь въ десятую теплицу виноградныхъ лозъ.—И кто съѣдаетъ всѣ эти фрукты?

— Не имѣю ни малѣйшаго понятія,—рѣзко отвѣчалъ Анкотъ,—можетъ быть, это вамъ извѣстно?

Летти протестовала легкимъ восклицаніемъ.

— Но это дѣлаетъ имѣніе такимъ величественнымъ, такимъ роскошнымъ!

— Что за величіе имѣть больше, чѣмъ нужно?—философствовалъ Анкотъ.—Я думаю, что всѣ эти большія помѣстья съ ихъ скучными теплицами и всѣмъ прочимъ отживаютъ свой вѣкъ.

— Высказывали вы эти мысли лорду Фонтеною?—насмѣшливо спросила она.

— Очень мнѣ нужно!—высокомѣрно отвѣчалъ онъ.—Ахъ,—гордость Летти получила ударъ отъ того выраженія облегченія, съ какимъ были произнесены эти слова,—вонъ идетъ вашъ мужъ и лэди Максвель.

Марчелла и Джоржъ подходили къ нимъ.

Они шли по аллеѣ, окаймленной съ обѣихъ сторонъ грядками, на которыхъ цвѣли піоны всѣхъ оттѣнковъ, прерываемые кустами жимолости. Марчелла упивалась свѣжимъ запахомъ цвѣтковъ жимолости и обращала вниманіе своего спутника на чудные букеты піоновъ. Алленъ бѣгалъ вокругъ нихъ, то довѣрчиво хватая за руку Тресседи, то цѣпляясь за платье матери, то лаская большую с.-бернардскую собаку, сопровождавшую ихъ. Тресседи шелъ, заложивъ руки въ карманы, и Летти сразу замѣтила, что онъ разговариваетъ необыкновенно свободно и оживленно.

Гардингъ сказалъ правду, они подружились. Взглянувъ на нихъ, Летти первый разъ въ жизни почувствовала ревность. Ей было досадно, что лэди Максвель такъ хороша; досадно, что Джоржъ такъ веселъ. Нечего сказать, очень хорошо со стороны важной лэди:—относиться съ пренебреженіемъ къ женѣ и увлекать мужа! Джоржъ могъ бы придти, посмотрѣть, что она дѣлаетъ, вернувшись изъ церкви.

И вотъ, пока Анкотъ разговаривалъ съ Марчеллою, Летти дала понять Джоржу, что сердится на него.

— Но, дорогая, я никакъ не предполагалъ, что вы уже вернулись изъ церкви,—оправдывался Джоржъ.

— Ты очень хорошо знаешь, что это Высокая Церковь, что тамъ служба идетъ быстро, впрочемъ, конечно...—Летти готовилась сказать колкость, но ее прервало появленіе сэра Филиппа Уентворта и Уаттона.

— А, я такъ и зналъ,—сказалъ сэръ Филиппъ.—Я былъ увѣренъ, что мы найдемъ васъ среди піоновъ. Лэди Тресседи, видали ли вы когда-нибудь такую прелесть? Анкотъ, можно въ воскресенье видѣть вашего главнаго садовника; мнѣ бы хотѣлось поговорить съ нимъ объ одной орхидеѣ, которая понравилась мнѣ вчера въ оранжереѣ.

— Пойдемъ въ другое отдѣленіе сада,—отвѣчалъ Анкотъ,—туда, гдѣ теплица орхидей. Если его тамъ нѣтъ, я за нимъ пошлю.

— Въ такомъ случаѣ, надѣюсь, лэди Тресседи пойдетъ съ нами?—любезно спросилъ сэръ Филиппъ,—и вы тоже, лэди Максвель?

Марчелла отказалась, говоря, что не любитъ оранжерей; сэръ Филиппъ и Уаттонъ ушли съ Летти, а Анкотъ нарочно прошелъ впередъ, подъ предлогомъ позвать садовника.

— Миссисъ Аллисонъ говорила мнѣ, что у нея есть масса ирисовъ; это, должно быть, въ Братскомъ саду,—сказала Марчелла.—Мнѣ хочется попробовать, найду ли я туда дорогу. А Аллену интересно будетъ посмотрѣть на золотыхъ рыбокъ въ бассейнѣ.

Ея оба спутника съ удовольствіемъ послѣдовали за нею и она повела ихъ по разнымъ извилистымъ дорожкамъ въ самую поэтичную часть сада. Среди развалинъ монастыря, принадлежавшаго нѣкогда Цистерціанскому пріорству, на конфискованныхъ земляхъ котораго построенъ былъ Кэстль-Лютонъ, разросся пестрый коверъ цвѣтовъ. Ирисы всѣхъ цвѣтовъ, златоцвѣтъ, нарцисы покрывали землю и старыя обвалившіяся стѣны. Бѣлые ломоносы и желтый курослѣпъ вырывались изъ трещинъ и пустыхъ оконъ; тамъ, гдѣ кончались развалины, шла живая изгородь, на которой гнѣздились и щебетали сотни птицъ. Въ срединѣ этого цвѣтущаго пространства былъ старый бассейнъ и, сидя на камняхъ около него, можно было черезъ просѣку видѣть рѣку и холмы противоположнаго берега.

Это было прелестное мѣстечко, но Марчелла, повидимому, не обращала должнаго вниманія на его красоту. Она разсѣянно опустилась на скамью около бассейна, между тѣмъ, какъ Джоржъ и Алленъ любовались золотыми рыбками.

— Вы, кажется, не были знакомы съ Анкотомъ до вчерашняго дня?—неожиданно спросила она Джоржа.

— Очень мало. Фонтеной познакомилъ насъ въ клубѣ.

Марчелла вздохнула. Она какъ будто нагибалась, но затѣмъ оглянувшись на дорожку, которая вела въ садъ, проговорила тихимъ голосомъ:

— Вы, можетъ быть, знаете, что друзья не совсѣмъ довольны имъ.

Какъ нарочно въ это утро Уаттонъ показалъ Тресседи статью газеты, въ которой, не называя имени, описывали подробно поведеніе Анкота.

— Я знаю, что говорятъ газеты,—отвѣчалъ онъ,—я читалъ одну статью.

— Ахъ эти газеты!—вскричала Марчелла,—мы такъ боимся какого-нибудь безумнаго поступка съ его стороны, а всякія сплетни могутъ только вызвать его. Бѣда въ томъ что онъ никому не довѣряетъ и въ послѣднее время сталъ очень скрытенъ.

— У него очень рѣшительное лицо,—замѣтилъ Джоржъ,—я боюсь, что онъ поставитъ на своемъ! Отчего это онъ такъ мало похожъ на свою мать?

— Отчего любовь и самопожертвованіе такъ мало значатъ?—грустно спросила Марчелла. Она въ короткихъ словахъ передала исторію жизни молодого человѣка и самоотверженной любви его матери.

Джоржъ молча слушалъ ее.

— Бѣдная миссисъ Аллисонъ!—проговорилъ онъ, когда она кончила.—Впрочемъ, знаете, и среди розъ, на которыхъ отдыхаютъ великіе міра сего, должны быть шипы.

Она съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Зачѣмъ вы такъ говорите?—спросила она.—Развѣ всякая другая мать не страдала бы также на ея мѣстѣ? Главное, онъ такъ измѣнился, всѣ друзья его изъ другого круга, онъ увлекается лондонскою жизнью, не заботится о своемъ имѣніи. То религіозное настроеніе, которымъ она дорожила, въ немъ совершенно исчезло. А теперь еще онъ готовитъ ей такой скандалъ! Что намъ сдѣлать, чтобы облегчить для нея этотъ ударъ? Бѣдная женщина! Бѣдная мать!

— Анкотъ такъ или иначе уладитъ дѣло,—упрямо возразилъ Тресседи,—и ей надобно спокойнѣе относиться къ нему, не приходить въ отчаяніе!

Марчелла молчала. Онъ повернулся къ ней и проговорилъ послѣ минутнаго молчанія:

— Вы находите меня жестокимъ? Но позвольте сказать вамъ, женщины сами виноваты, что ихъ жизнь и ихъ счастье такъ не-

прочны. Зачѣмъ кладутъ онѣ всѣ яйца въ одну корзину, которую называютъ любовью? Есть и безъ любви много вещей на свѣтѣ. Это просто какая-то бѣдность души.

Онъ разсмѣялся и, поднявъ комокъ земли, бросилъ его въ золотыхъ рыбокъ.

— Алленъ,—сказала Марчелла, гладя ребенка по головѣ,—я не позволю тебѣ такъ цѣловать мою руку. Сэръ Джоржъ говоритъ, что это доказываетъ бѣдность души.

— Неправда! — отвѣчалъ Алленъ разсѣянно. Вниманіе его обратилось на золотыхъ рыбокъ, испуганныхъ Джоржемъ и производившихъ необыкновенно интересныя эволюціи. Старшіе засмѣялись и Джоржъ оставилъ ея замѣчанія безъ отвѣта. Но его слова произвели на Марчеллу болѣзненное впечатлѣніе и снова возбудили въ ней то чувство состраданія, какое она испытала наканунѣ вечеромъ. Молодой человѣкъ, только-что женившійся, и возстаетъ противъ сильной любви—это казалось ей и печальнымъ и неестественнымъ. Навѣрно, во всемъ виновата глупенькая особа въ парижскомъ костюмѣ, гуляющая съ сэромъ Филипомъ.

И вотъ, въ ту минуту, когда она думала о немъ, какъ о человѣкѣ, гораздо моложе себя и менѣе зрѣломъ, онъ возобновилъ разговоръ объ Анкотѣ и заговорилъ очень разсудительно, съ большимъ пониманіемъ жизни и даже съ большимъ чувствомъ; сначала это удивило ее, а затѣмъ она стала прислушиваться къ его словамъ съ возраставшей симпатіей. Она почувствовала къ нему полное довѣріе, она спрашивала его совѣта, она съ удовольствіемъ слѣдила за выраженіемъ юмора въ его тонкихъ чертахъ, за рѣдкими проблесками скрытаго одушевленія въ его голубыхъ глазахъ.

А онъ безсознательно чувствовалъ себя необыкновенно счастливымъ. Ея стройная фигура, ея добрые глаза, повороты ея головы, мягкій тонъ ея голоса, сознанія возникающей между ними связи, въ которой не было ничего низкаго и постыднаго, простодушныя ласки ребенка, чисто физическое удовольствіе отъ этого чуднаго майскаго утра съ его ароматами и бѣлыми облачками на голубомъ небѣ—все это содѣйствовало зарожденію новаго чувства, которое онъ не захотѣлъ бы анализировать, если бы даже могъ.

Ему было особенно пріятно, что она мало говоритъ о политикѣ и о разныхъ «вопросахъ». Ему такъ хотѣлось на время уйти отъ нихъ, изгнать изъ своей души то враждебное настроеніе, какое она возбудила въ немъ при ихъ первомъ свиданіи на улицѣ и въ больницѣ. А между тѣмъ, совершенно безсознательно, во всемъ, что она говорила, въ ея сужденіяхъ о людяхъ, въ ми-

молетныхъ выраженіяхъ ея вкусовъ и взглядовъ сквозилъ ея интересъ къ общечеловѣческимъ идеаламъ и надеждамъ, интересъ, котораго онъ до сихъ поръ не замѣчалъ ни въ одной женщинѣ, и именно этотъ широкій кругозоръ дѣлалъ ее такою необыкновенною, такою увлекательною. Если бы она стала поднимать разные спорные вопросы, онъ упрямо возражалъ бы ей, но она не затрогивала ихъ, вся ея личность, вся она, какъ женщина, нечувствительно возставала на защиту своихъ убѣжденій, и его враждебное настроеніе исчезло само собой.

Впрочемъ, оно исчезло только до тѣхъ поръ, пока онъ забывалъ о Максвелѣ, долго же забывать о немъ было невозможно. Не смотря на благородную сдержанность Марчеллы, страстная любовь къ мужу проникала все ея существо, трогая и въ то же время раздражая ея новаго друга. Нѣтъ, онъ не могъ забыть, что образъ мыслей Максвеля вредоносенъ, не смотря на то, что она является его выразительницей.

Послѣ завтрака Бетти Ливенъ сидѣла въ углу зеленой гостиной. На другой сторонѣ комнаты лордъ Фонтеной разсказывалъ миссисъ Аллисонъ и сэру Филиппу, какъ прошла послѣдняя недѣля въ парламентѣ. Бетти съ удивленіемъ прислушивалась къ его оживленному голосу, къ взрывамъ смѣха, къ связному разсказу, вызываемому у этого молчаливаго обожателя присутствіемъ его музы. Маленькая сѣдовласая лэди говорила кроткимъ голосомъ, но ея слова были призывомъ къ борьбѣ, и Фонтеной никогда не былъ такъ страшенъ для враговъ, какъ тотчасъ по возвращеніи изъ Кэстль-Лютона.

Марчелла вошла въ комнату со шляпой въ рукѣ и Бетти подозвала ее къ себѣ.

— Я боюсь, какъ бы Алленъ не упалъ въ рѣку,—нерѣшительно отвѣчала Марчелла.

— Если и упадетъ, сэръ Джоржъ вытащитъ его. Впрочемъ, онъ, кажется, ушелъ гулять съ сэромъ Джоржемъ и съ Анкотомъ. Я слышала, какъ онъ спрашивался у Максвеля.

Марчелла бросила нерѣшительный взглядъ въ сторону миссисъ Аллисонъ и Фонтеноя. Но, какъ только жена Максвеля вошла въ комнату, противникъ Максвеля прекратилъ свой разговоръ о политикѣ и началъ показывать сэру Филиппу альбомъ съ рисунками миссисъ Аллисонъ. У Фонтеноя не было ни малѣйшаго артистическаго вкуса; онъ очень плохо говорилъ по французски и не зналъ никакого другого европейскаго языка; литературное образованіе его было также очень слабо. Но когда дѣло шло о талантахъ миссисъ Аллисонъ, о ея рисункахъ, о ея вышивкахъ, ея превосход-

номъ знаніи французскаго и итальянскаго языковъ, о тѣхъ книгахъ, которыя она читала, о тѣхъ стихотвореніяхъ, которыя она знала наизусть, онъ являлся самымъ тонкимъ цѣнителемъ.

— Что случилось, когда вы возвращались изъ церкви? — шопотомъ спросила Бетти у своей пріятельницы.

— Пойдемте въ садъ, я вамъ разскажу, — отвѣчала Марчелла, и лицо ея приняло серьезное выраженіе.

Бетти, сгорая отъ любопытства, послѣдовала за ней черезъ открытыя окна, и онѣ усѣлись на скамейкѣ въ нѣмецкомъ садикѣ.

— Случилась ужасная вещь, — заговорила Марчелла, — одна изъ тѣхъ вещей, отъ которыхъ кипитъ вся моя кровь, когда я бываю здѣсь. Вы знаете, какъ она распоряжается всѣмъ въ деревнѣ, — она легкимъ движеніемъ указала на окно гостиной, черезъ которое виднѣлась сѣдая голова миссисъ Аллисонъ. — Не только всѣ котеджи должны быть красивы, но и всѣ люди должны стоять на извѣстномъ уровнѣ нравственности. Если мужчина пьетъ, его удаляютъ, если дѣвушка теряетъ невинность, ее прогоняютъ вмѣстѣ съ ребенкомъ. Такого рода дѣвушка и вышла на встрѣчу нашимъ, когда они возвращались сегодня изъ церкви. Мать не хотѣла разставаться съ нею, слѣдовательно, вся семья должна была выселяться. Говорятъ, послѣ рожденія ребенка дѣвушка нѣсколько помѣшалась. Она кричала и плакала, она говорила, что родители ея не найдутъ работы въ другомъ мѣстѣ, что ей придется умереть съ голоду и ея ребенку тоже. Миссисъ Аллисонъ постаралась остановить ее и не могла. Тогда она отослала прочихъ впередъ, а сама говорила съ ней минуты двѣ. Послѣ того она догнала Маделену. Маделена думаетъ, что она осталась непреклонной, я тоже въ этомъ увѣрена. Я одинъ разъ спорила съ ней по поводу подобнаго же случая. — «Это одинъ изъ тѣхъ грѣховъ, которые возбуждаютъ во мнѣ омерзеніе», говорила она, и никакими доводами нельзя было переубѣдить ея. Вы замѣтили, какъ она блѣдна, какой у нея усталый видъ? Она будетъ теперь долго плакать объ этой дѣвушкѣ и молиться за нее.

Бетти всплеснула руками.

— Боже мой, что же будетъ, когда она узнаетъ!..

— Это очень можетъ убить ее, — отвѣчала Марчелла рѣшительно. Затѣмъ, послѣ минутнаго молчанія, лицо ея вспыхнуло густымъ румянцемъ, и она произнесла тихимъ, взволнованнымъ голосомъ: — Спаси насъ, Господи, отъ всякаго тиранства, отъ всякой жестокости, дѣлаемой во имя Христа!

Бетти ничего не отвѣчала. Передъ сильными натурами, въ родѣ миссисъ Аллисонъ или Марчеллы, она какъ-то робѣла и ухо-

дила въ себя. Онѣ просидѣли нѣсколько времени молча. Обѣ думали объ одномъ и томъ же, но обѣимъ надоѣли безконечные разговоры гостей въ это воскресное утро, обѣимъ пріятно было отдохнуть.

Марчелла оставила свою пріятельницу и пошла одна ходить по лѣсной просѣкѣ. Всѣ постороннія мысли и заботы отлетѣли отъ нея, она думала объ одномъ, о своемъ мужѣ и его дѣлѣ.

Послѣ двухъ лѣтъ работы,—работы, которая состарила его и провела морщины на лицѣ его, послѣ всѣхъ надеждъ, послѣ увѣренности въ успѣхѣ, неужели онъ потерпитъ пораженіе? Она начала снова строить въ умѣ разные планы, придумывать разныя комбинаціи. Типы, случаи, сцены воскресали въ ея понятіи; если бы можно было передать ихъ другимъ съ такой же яркостью, съ такою силой, съ какой они жили въ ея душѣ и въ душѣ Максвеля. Вся бѣда состояла въ недостаткѣ знанія, недостаткѣ воображенія. Дѣло будутъ рѣшать люди, которые не имѣютъ яснаго понятія о жизни бѣдняковъ, о трагическомъ положеніи рабочихъ, сердца которыхъ не возмущаются отъ того, что ихъ ближніе живутъ въ условіяхъ, которыя для нихъ самихъ показались бы хуже смерти. Въ порывѣ отчаянія ей хотѣлось бы прогнать всѣхъ этихъ людей на улицу, въ хорошо извѣстныя ей жилища бѣдняковъ, заставить ихъ смотрѣть и чувствовать. Даже теперь, въ послѣднюю минуту.

За этотъ день она гораздо лучше прежняго узнала этого интереснаго, хотя ограниченнаго человѣка Джоржа Тресседи. Ей нравилась его молодость, его искренность, даже то упорство, съ какимъ онъ отрицалъ всякое увлеченіе; ей льстило то, что очевидное предубѣжденіе его противъ нея исчезло безъ слѣда. Его бракъ былъ настоящимъ несчастіемъ. Она думала о немъ съ инстинктивнымъ высокомѣріемъ человѣка, никогда не испытавшаго искушенія поддаться пошлости жизни. У нея не было ничего общаго съ этою маленькою ничтожною женщиной, но тѣмъ болѣе основанія имѣла она подружиться съ мужемъ.

Часа два спустя, Тресседи шелъ быстрыми шагами по берегу рѣки. Разставшись съ лэди Максвель и Алленомъ, онъ пошелъ одинъ гулять въ лѣсъ. Теперь онъ спѣшилъ домой, чтобы передъ обѣдомъ побыть немного съ Летти. Она опять найдетъ, что онъ уходилъ слишкомъ надолго. Правда, онъ предлагалъ ей погулять послѣ чая, но она куда-то ушла съ лордомъ Казединъ. Онъ глядѣлъ вокругъ себя на рѣку и на холмы. Солнце близилось къ закату, и въ голубыхъ струяхъ воды отражались красные и золотистые оттѣнки неба. Темныя грозныя тучи собирались на западѣ; разнообразные оттѣнки неба и причудливая форма облаковъ

казались ему необыкновенно гармоничными и поэтичными. Какъ будто какое-то божество одарило его новымъ чувствомъ, новыми глазами: никогда не чувствовалъ онъ такого наслажденія красотами природы, такое стремленіе къ чему-то таинственному и божественному. Почему это? Неужели потому, что красивая женщина ходила рядомъ съ нимъ, потому что онъ говорилъ съ ней о такихъ вещахъ, о которыхъ вообще говорилъ рѣдко: о фактахъ, о чувствахъ, о мысляхъ, которыми до сихъ поръ онъ не дѣлился ни съ одной женщиной? Какъ довела она его до такой откровенности, до такой довѣрчивости? Ему стало нѣсколько стыдно самого себя, но это чувство быстро смѣнилось радостными мечтами о новыхъ встрѣчахъ и здѣсь въ домѣ, и въ Лондонѣ. Какое горячее, честное сердце! Какая чудная очаровательная женщина, не смотря на свои иллюзіи, на свои заблужденія!

Онъ ускорилъ шагъ, замѣтивъ, что темнѣетъ. На встрѣчу ему изъ-за деревьевъ вышла фигура мужчины. Это былъ Фонтеной, и соратникъ Фонтеноя долженъ былъ скорѣе собраться съ мыслями. Они почти не видѣлись въ этотъ день. Но онъ зналъ, что Фонтеной никогда не забывалъ своей роли, и что въ послѣдніе дни явились нѣкоторыя новыя обстоятельства, по поводу которыхъ онъ захочетъ посовѣтоваться съ нимъ.

Но Фонтеной, повидимому, не спѣшилъ начинать разговоръ. Онъ шелъ погруженный въ задумчивость, а обыкновенно, чѣмъ больше у него было мыслей въ головѣ, тѣмъ молчаливѣе онъ становился.

— Вы поздно идете домой, и я также,—сказалъ онъ, поворачивая назадъ и идя рядомъ съ Тресседи.

Джоржъ кивнулъ въ знакъ согласія.

— Я придумалъ нѣсколько новыхъ тактическихъ ладовъ.

Онъ не сталъ объяснять ихъ и снова погрузился въ молчаніе, а Джоржъ, зная его привычку, не заговаривалъ съ нимъ.

— Впрочемъ, теперь намъ нечего особенно заботиться о тактикѣ!—вскричалъ онъ, быстро поднимая голову,—наше дѣло выиграно, выиграно!—повторилъ онъ съ удареніемъ.

Джоржъ пожалъ плечами.

— Не знаю. Мы, можетъ быть, слишкомъ увлекаемся. Неужели такъ легко побить Максвеля?

Фонтеной засмѣялся страннымъ, короткимъ смѣхомъ, въ родѣ лая.

— А мы все-таки побьемъ его,—сказалъ онъ — и ее также! Хорошая женщина, но какая неразумная!

Джоржъ ничего не отвѣчалъ.

— Хотя я долженъ сознаться,—продолжалъ Фонтеной, — что

въ частныхъ дѣлахъ трудно найти человѣка съ болѣе добрымъ сердцемъ и болѣе здравымъ смысломъ, чѣмъ Максвель. Миссисъ Аллисонъ думаетъ то же о ней.

Взглядъ его сначала смягчился, потомъ затуманился, и Джоржъ угадалъ, о чемъ онъ разговаривалъ съ Максвелемъ въ это утро, гуляя по липовой аллеѣ.

Онъ нашелъ Летти въ очень хорошемъ расположеніи духа, вѣроятно, благодаря любезности лорда Казедина. Кромѣ того, она лучше освоилась со всей обстановкой и меньше робѣла передъ миссисъ Аллисонъ.

— Завтра,—говорила она, надѣвая свои брилліанты,—будетъ еще лучше. Мы ближе познакомимся другъ съ другомъ.

Она совершенно забыла свой припадокъ ревности и не спросила даже, съ кѣмъ онъ такъ долго гулялъ.

Но Летти ждало разочарованіе; общество разъѣхалось раньше, чѣмъ предполагало, и въ понедѣльникъ, въ 10 часовъ утра, всѣ гости миссисъ Аллисонъ, кромѣ Фонтеноя и Максвелей, уѣхали изъ Кэстль-Лютона.

Вотъ какъ это случилось.

Послѣ обѣда, въ воскресенье, Анкотъ, который былъ особенно мраченъ и раздражителенъ за столомъ, предложилъ гостямъ показать имъ домъ. Онъ повелъ ихъ по всѣмъ комнатамъ и корридорамъ, зажигалъ электрическія лампы, показывая имъ картины, обращалъ ихъ вниманіе на китайскіе сервизы и на рѣдкія книги. Вдругъ онъ куда-то исчезъ, и Маделены Пенли тоже не оказалось среди гостей. Общество вернулось въ гостиную безъ хозяина. Черезъ полчаса Анкотъ пришелъ туда же. Онъ былъ страшно блѣденъ и близкіе знакомые, въ родѣ Максвеля и Марчеллы, замѣтили, что онъ съ трудомъ сдерживаетъ сильное волненіе. По странной случайности, мать его ничего не замѣчала, но она чувствовала себя утомленной и рано дала знакъ расходиться по своимъ комнатамъ.

Въ большомъ домѣ воцарилась тишина. Но черезъ часъ послѣ того, какъ Марчелла и Бетти простились у дверей комнаты, Бетти услышала стукъ; она поспѣшила отворить.

— Миссисъ Аллисонъ больна,—сказала Марчелла быстро, тихимъ голосомъ.—Мнѣ кажется, всѣмъ слѣдуетъ разъѣхаться пораньше завтра утромъ. Скажите это Франку. Я иду предупредить лэди Тресседи. Мужчины еще не вошли наверхъ.

Бетти схватила ее за руку.

— Скажите мнѣ...

— О, милая,—шепотомъ проговорила Марчелла,—Анкотъ и

Маделена объяснились у него въ комнатѣ. Онъ ей все разсказалъ—этому ребенку! Она, по его просьбѣ, пошла къ миссисъ Аллисонъ. Потомъ перепуганная горничная пришла за мной. У нея сдѣлался припадокъ сердцебіенія. Съ ней это и раньше случалось. Теперь ей лучше. Но пусть всѣ разъѣдутся!—и она въ волненіи ломала руки.—Мы съ Максвелемъ должны остаться на всякій случай.

Бетти позвонила свою горничную и стала искать росписаніе поѣздовъ. Лэди Максвель направилась къ комнатѣ Летти Тресседи. Но, не доходя до нея, въ полутемномъ корридорѣ, она встрѣтила Джоржа Тресседи, возвращавшагося изъ курильной. Поэтому, она ему сообщила о внезапной болѣзни миссисъ Аллисонъ и просила его передать это извѣстіе женѣ его вмѣстѣ съ сожалѣніемъ хозяйки о томъ, что гостямъ приходится такъ неожиданно уѣхать. Это былъ, по ея словамъ, припадокъ старой болѣзни и ей нуженъ только покой. Джоржъ спокойно выслушалъ ее и хотя въ головѣ его вертѣлось множество вопросовъ, но онъ не предложилъ ни одного. Только когда она пожелала ему спокойной ночи, онъ на минуту удержалъ ея руку.

— Мы уѣдемъ завтра, какъ можно раньше,—сказалъ онъ.—Намъ надо попрощаться сегодня. Будемъ ли мы видѣться въ городѣ? Позволите ли вы?

— Пожалуйста!—отвѣчала она и быстро скрылась.

Дойдя до дверей своей комнаты, онъ оглянулся съ глубокимъ вздохомъ на корридоръ, въ которомъ только-что разстался съ нею. Ему казалось, что онъ все еще видитъ ее, ея блѣдное лицо и бѣлое платье, ея волненіе и состраданіе подъ маской спокойствія, ея мягкія манеры и благородную осанку. Онъ съ нѣкоторой гордостью говорилъ себѣ, что пріобрѣлъ въ ней друга, что можетъ разсчитывать на ея сочувствіе, на ея участіе.

Кому это можетъ помѣшать? Летти? Но въ ту минуту, когда онъ поворачивалъ ручку двери, въ умѣ его вдругъ мелькнула мечта о томъ, какъ онъ можетъ раздѣлить свою жизнь между этими двумя женщинами; одной, на которой онъ женился съ такою безразсудною поспѣшностью, другой — которая въ лучшемъ случаѣ думала о немъ съ мимолетной симпатіей, въ худшемъ — смотрѣла на него, какъ на одну изъ пѣшекъ въ политической игрѣ.

Что потеряетъ Летти вслѣдствіе этой дружбы? Ничего, рѣшительно, ничего.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ⅱ. Г. Управы.

СЪ ЧЕГО НАЧИНАТЬ ИЗУЧЕНІЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

(По поводу книги Ш. Жида: «Основы политической экономіи»).

I.

Съ чего надо начинать изученіе политической экономіи? На этотъ важный вопросъ весьма авторитетными людьми недавно было дано два различныхъ отвѣта. Одни изъ такихъ авторитетныхъ людей совѣтуютъ для начала обращаться къ элементарнымъ руководствамъ, не претендующимъ на научность, но зато имѣющимъ въ виду самую крайнюю степень популяризаціи; напротивъ, другіе рекомендуютъ начинать прямо съ университетскихъ курсовъ, задача которыхъ—познакомить своихъ слушателей или читателей не съ нѣкоторыми обобщеніями экономической науки, а съ ней самой. Перваго взгляда придерживаются составители петербургскихъ программъ для домашняго чтенія, второго — составители московскихъ. Обращаясь къ самымъ программамъ, мы въ нихъ находимъ слѣдующія указанія для желающихъ ознакомиться съ экономической наукой. Въ петербургскомъ «Сборникѣ для самообразованія» (1895) на стр. 21 читаемъ: «Занятія по политической экономіи рекомендуется начать съ чтенія краткаго учебника, *схематически* *) излагающаго систематику предмета и содержаніе каждаго отдѣла. Для такого подготовительнаго чтенія пригодны *курсъ* г. Карелина и книжка г. Карышева. Въ первомъ изъ нихъ обращаютъ на себя *преимущественное* вниманіе прикладныя части, знакомящія попутно съ многими интересными фактами хозяйственной жизни Россіи; во второмъ имѣется *вопросникъ*, могущій служить *важнымъ подспорьемъ* начинающему для усвоенія предмета... *Послѣ этого* вступительнаго знакомства съ предметомъ является возможность приступить къ болѣе подробному изученію по курсу г. Чупрова». Иначе смотрятъ на дѣло составители московскихъ программъ. «Въ основу занятій предла-

*) Курсивъ вездѣ нашъ.

гается положить обстоятельное ознакомленіе съ главными отдѣлами сочиненія Рикардо. Достоинство этого писателя заключается въ замѣчательной глубинѣ и точности мысли и въ рѣдкомъ умѣньѣ выяснить сущность и взаимную связь основныхъ экономическихъ явленій. Но такъ какъ Рикардо принадлежитъ къ числу писателей трудныхъ», — рекомендуется предварительно ознакомиться съ однимъ изъ трехъ курсовъ: профессоровъ Чупрова, Исаева или Иванюкова. Но тутъ же дается совѣтъ читать изъ этихъ руководствъ «только чисто теоретическіе отдѣлы, оставляя отдѣлы описательнаго и прикладного характера до той поры, когда читатель хорошо освоится съ теоріей» («Программа домашняго чтенія», Москва, 1895, стр. 98—99).

Сравнивая выраженные такимъ образомъ взгляды петербургскихъ и московскихъ спеціалистовъ, мы замѣчаемъ, что они расходятся въ двухъ существенныхъ пунктахъ. Въ Петербургѣ, во-первыхъ, не считаютъ возможнымъ дать въ руки начинающему университетскія лекціи, тогда какъ въ Москвѣ на университетскіе курсы смотрятъ уже, какъ на уступку тѣмъ, кому слишкомъ труденъ Рикардо; и, во-вторыхъ, допускаютъ съ самаго начала параллельное ознакомленіе съ теоретической и прикладной частями политической экономіи, противъ чего вооружаются московскіе ученые, признающіе хорошее усвоеніе теоріи необходимымъ условіемъ для перехода къ прикладнымъ и описательнымъ отдѣламъ. Этотъ второй пунктъ разногласія мы здѣсь не станемъ обсуждать, настолько мнѣніе петербургскихъ спеціалистовъ, составлявшихъ экономическую программу, кажется намъ страннымъ и неосновательнымъ: какъ можно знакомиться съ спеціальною частью, не изучивъ общей, съ приложеніями теоріи, не ознакомившись съ ней самой? Поднимать споръ на эту тему значитъ пускаться въ область трюизмовъ. Совсѣмъ иное—вопросъ о степени популярности, съ какой должны излагаться основанія политической экономіи для начинающихъ; онъ подлежитъ еще дѣйствительно спору и заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія.

И на Западѣ, и у насъ политическая экономія, какъ извѣстно, служитъ предметомъ *университетскаго* преподаванія. Исключеніемъ изъ этого общаго правила являются лишь нѣкоторыя спеціальныя среднеучебныя заведенія, коммерческія и иныя, имѣющія въ виду, впрочемъ, уже *завершить* образованіе своихъ воспитанниковъ и сообщающія имъ экономическія свѣдѣнія, какъ необходимыя въ извѣстной профессіи. Обыкновенно предполагается такимъ образомъ, что для усвоенія экономической науки необходимъ тотъ запасъ знаній и тотъ навыкъ къ умственному труду, кото-

рые, худо ли, хорошо ли, даются школой, гимназіей. И люди, посвящающіе себя преподаванію политической экономіи, не только признаютъ такое положеніе дѣлъ вполнѣ правильнымъ, но еще неустанно разъясняютъ своимъ слушателямъ, насколько сложны и спорны затрогиваемые ими вопросы, съ какимъ большимъ запасомъ знаній слѣдуетъ подходить къ рѣшенію практическихъ проблемъ и какъ хорошо надо разобраться въ методологическихъ трудностяхъ для сознательнаго, критическаго отношенія къ такъ наз. «экономическимъ вопросамъ». Совершенно одиноко стоитъ въ этомъ отношеніи Мальтусъ, знаменитый авторъ «Опыта о народонаселеніи», полагавшій, что преподаваніе политической экономіи можетъ быть доведено до той степени популярности, при которой оно распространится и на народныя школы. Однако, этому не суждено было осуществиться и едва ли кто въ настоящее время станетъ поддерживать мнѣніе Мальтуса. Мы склонны, напротивъ, приписывать политической экономіи еще бо́льшія трудности, чѣмъ тѣ, которыя заставили включить ее въ кругъ университетскаго преподаванія; приходится, напр., жалѣть, что по нашему университетскому уставу, политическую экономію слушаютъ студенты I курса. Было бы, можетъ быть, цѣлесообразнѣе, если бы изученіемъ этой науки (и притомъ непремѣнно въ связи съ экономической исторіей и соціологіей, насколько онѣ могутъ быть сдѣланы предметомъ преподаванія при существующихъ знаніяхъ) не открывалось, но завершалось образованіе нашихъ юристовъ...

Иначе смотрять на дѣло составители различныхъ «краткихъ изложеній политической экономіи», иначе думаютъ и петербургскіе профессора, рекомендующіе намъ популяризаціи гг. Карышева и Карелина. Разногласіе требуетъ, очевидно, ближайшаго разсмотрѣнія этихъ популяризацій: если дѣйствительно работы названныхъ авторовъ хорошо знакомятъ съ политической экономіей, какъ наукой, составители петербургской программы правильно рекомендуютъ начинать съ «краткаго учебника, схематически излагающаго систематику предмета»; но если окажется, что ни книжки гг. Карышева и Карелина, ни другія, имъ подобныя, своей цѣли не достигаютъ,—тогда намъ придется одобрить образъ дѣйствія московскихъ профессоровъ, совершенно игнорировавшихъ произведенія популяризаторовъ.

Вотъ, что мы узнаемъ прежде всего о предметѣ политической экономіи изъ книги г. Карышева. «Наука, излагающая законы экономической дѣятельности людей, очень велика и крайне интересна. Она *изучаетъ* всю *ту работу* *), которая удовлетворяетъ необходи-

---

*) Курсивъ нашъ.

мѣйшимъ стремленіямъ всѣхъ людей и которой почти всѣ люди заняты почти всегда. Кто *интересуется* насущнымъ *хлѣбомъ*, долженъ *интересоваться знакомствомъ* (sic!) съ тѣми правилами, законами, на основаніи которыхъ онъ добывается» (стр. 6). Всего яснѣе и правильнѣе въ приведенной цитатѣ предметъ политической экономіи опредѣленъ словами «излагающая законы экономической дѣятельности людей», но такъ какъ въ книжкѣ до тѣхъ поръ не говорилось ни о характерѣ этихъ законовъ, ни даже о существованіи ихъ, естественно, что г. Карышеву необходимо было дать нѣкоторыя поясненія своимъ молодымъ читателямъ. Онъ это и дѣлаетъ: «политическая экономія изучаетъ работу... почти всѣхъ людей». Не знаемъ, какъ поймутъ это мѣсто читатели г. Карышева; возможно, что политическая экономія представится имъ въ образѣ строгаго фабриканта. Желая быть конкретнѣе, г. Карышевъ говоритъ намъ о «правилахъ, на основаніи которыхъ добывается хлѣбъ». Это уже предметъ не относящійся къ политической экономіи. Мы, скорѣе, отнесли бы такія «правила» къ области агрономіи... *)

Стремясь, главнымъ образомъ, «схематически изложить систематику и содержаніе каждаго отдѣла», г. Карышевъ плохо справляется и съ тѣмъ, и съ другимъ. Онъ, напр., не только не можетъ разграничить обмѣна и распредѣленія, но въ своихъ путанныхъ объясненіяхъ на этотъ счетъ прямо ихъ смѣшиваетъ (см. стр. 9—10). Изъ «отдѣловъ» всего слабѣе разработано у него производство. Ужъ мы не говоримъ о многочисленныхъ опущеніяхъ (ни слова о значеніи машинъ, о перепроизводствѣ и пр.), но вотъ каковы даваемыя здѣсь объясненія. «Нужны два условія,— читаемъ мы на стр. 31 (§ 38 «образованіе капитала»),—для того, чтобы появился капиталъ: 1) нужно, чтобы производительность труда возрасла настолько, чтобы въ день можно было выработать больше, чѣмъ нужно для дневного прокормленія рабочаго и его семьи; 2) нужно, чтобы свободное время, которое остается послѣ выработки дневного пропитанія, употреблялось на увеличеніе количества или на улучшеніе орудій производства». Да развѣ это вѣрно исторически, развѣ такія, а не совершенно иныя условія способствовали «образованію капитала»? И развѣ рабочіе, увели-

*) Если бы къ данному мѣсту примѣнить оговорку г. Карышева, сдѣланную имъ по другому случаю, что подъ словомъ «хлѣбъ» онъ разумѣетъ не только пищу, «но и одежду, и топливо, словомъ, все, безъ чего человѣкъ обойтись не можетъ», то и тогда его опредѣленіе предмета политической экономіи не стало бы лучше. «Правила», по которымъ производятся *топливо* и *одежда*, относятся къ области техники, но не политической экономіи.

личивъ производительность своего труда и обративъ свое свободное время на увеличеніе орудій производства, сдѣлаются отъ того капиталистами, какъ это, однако же, слѣдуетъ по формулѣ г. Карышева?.. Для образованія капитала нужны еще многія условія, упущенныя нашимъ авторомъ.

Основные недостатки «бесѣдъ» г. Карышева—ихъ *ненаучность* и *антиисторичность*. Авторъ анализируетъ экономическія отношенія, какъ что-то застывшее и неизмѣнное: неопытный читатель и не заподозритъ, какимъ сложнымъ историческимъ процессомъ создались анализируемыя явленія, какъ они неустойчивы и преходящи, онъ даже можетъ придти къ тому убѣжденію, что, вѣрно, всегда такъ *было* и всегда такъ *будетъ*. Современному экономисту и даже простому компилятору нельзя пренебрегать исторіей, нельзя обойтись безъ исторической точки зрѣнія. Мы не станемъ отрицать, конечно, того, что изъ книжки г. Карышева совсѣмъ несвѣдущій читатель можетъ узнать кое-что о факторахъ производства, о способѣ распредѣленія, о формахъ обмѣна, о деньгахъ и кредитѣ. Но мы утверждаемъ, что политическая экономія, какъ наука, останется для него чуждой и по прочтеніи «Экономическихъ бесѣдъ». Г. Карышевъ не сообщаетъ ему ничего ни объ ея методахъ, ни объ ея значеніи и цѣли, ни объ ея отношеніи къ другимъ наукамъ. Все это свидѣтельствуетъ о неуспѣхѣ предпринятой популяризаціи. Составители петербургской программы хвалятъ въ «Экономическихъ бесѣдахъ» *вопросникъ*, «могущій служить важнымъ подспорьемъ начинающему для усвоенія предмета». Не станемъ спорить, *вопросникъ* можетъ быть очень хорошъ, но «для усвоенія предмета» его одного, думается намъ, недостаточно.

То обстоятельство, что книга г. Карелина посвящена «преимущественно» прикладнымъ отдѣламъ политической экономіи уже дѣлаетъ ее въ нашихъ глазахъ непригодной для педагогическихъ цѣлей. Хорошъ «курсъ» политической экономіи, авторъ котораго свое *главное* вниманіе направляетъ не на теорію, а на практику! Нѣсколько словъ, однако, не мѣшаетъ сказать и о популяризаторскихъ пріемахъ г. Карелина. Вотъ, напр., опредѣленіе *производства*. «Дѣятельность труда (точно трудъ еще не есть дѣятельность!), вспомоществуемая средствами производства, имѣющая своимъ основаніемъ источники (!) сырыхъ матеріаловъ, называется производствомъ» («Краткое изложеніе политической экономіи, 1894, стр. 25). Что средства производства «вспомоществуютъ» труду, т. е. производству, это еще ничего, но вотъ что основаніемъ производства являются «источники сырыхъ матеріаловъ», — это ужъ плохо. Источникъ шерсти — овца, слѣдуетъ ли ее поэтому назвать «основані-

емъ» всѣхъ шерстяныхъ производствъ? Посвятивъ цѣлую главу *капиталу*, г. Карелинъ приходитъ къ заключенію, что капиталъ представляетъ или «сумму предметовъ, обращенную на производство», или «своеобразное экономическое явленіе». Вотъ это очень хорошо: своеобразное явленіе и все тутъ! Не дурно и такое разграниченіе: «трудъ конкретный производитъ строго опредѣленные предметы», а «трудъ абстрактный производитъ *просто предметы* (!), не разсматриваемые нами со стороны ихъ индивидуальныхъ особенностей».

Требованія популяризаціи: доступность изложенія, простота и ясность употребляемыхъ терминовъ, наконецъ, отсутствіе прямыхъ ошибокъ, — нарушаются г. Карелинымъ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что, совершенно непригодная для ознакомленія съ теоретической экономіей, книжка г. Карелина можетъ быть съ пользою прочтена приступающимъ къ изученію русской экономической дѣйствительности.

Но, быть можетъ, составители петербургской экономической программы сдѣлали просто неудачный выборъ учебниковъ и вмѣсто книжекъ гг. Карышева и Карелина можно указать болѣе удовлетворительныя популяризаціи? Напротивъ, мы имѣемъ дѣло еще съ лучшими образцами этого рода литературы. Все остальное, какъ-то: «Основы политической экономіи» В. Мануилова (не слѣдуетъ смѣшивать съ А. Мануиловымъ, авторомъ изслѣдованія объ ирландской арендѣ), «Популярная политическая экономія» Отто Элерса, «Начальныя основанія политической экономіи» м-съ Фаусеттъ, — эти ужъ совсѣмъ плохи. И любопытно, какъ это видно изъ сдѣланнаго перечня, что на поприщѣ популяризаціи экономическихъ знаній иностранные авторы не оказались счастливѣе русскихъ. Это лучше всего доказываетъ, что причина неуспѣха лежитъ не столько въ неумѣньѣ авторовъ взяться за дѣло, сколько въ безплодности самаго предпріятія. Мы допускаемъ возможность появленія такого «краткаго изложенія» (пока его не существуетъ), которое будетъ свободно отъ грубыхъ ошибокъ, неправильныхъ опредѣленій и неудачныхъ объясненій. Что же дастъ такая идеальная популяризація? Она дастъ, во-первыхъ, крайне условную *систему* современной политической экономіи, во-вторыхъ, по отдѣламъ, дастъ обобщенія и опредѣленія *какой-нибудь изъ существующихъ экономическихм школъ* и, въ-третьихъ, дастъ нѣкоторое количество *фактовъ* изъ области экономическихъ отношеній. Но всякая система должна проводиться, а не предлагаться, и начинающему вообще съ ней нечего дѣлать; готовыя обобщенія безъ того матеріала, на которомъ они построены, безъ параллельнаго

ознакомленія съ обобщеніями противоположнаго свойства,—заслуживаютъ, съ педагогической точки зрѣнія, одного только осужденія: они заставляютъ брать на вѣру то, что должно быть продумано, и такимъ образомъ только отдаляютъ отъ пониманія науки; факты, наконецъ, полезны только въ системѣ, но популярный очеркъ не можетъ дать началъ соціологіи и экономической исторіи.

Основная цѣль изученія политической экономіи — возможность самостоятельно разобраться въ фактахъ экономической жизни и экономической политики. Мы называемъ экономически образованнымъ человѣкомъ того, кто можетъ оцѣнить народно-хозяйственное значеніе вновь установленнаго налога, тѣхъ или иныхъ цѣнъ на трудъ, пониженія курса денегъ, увеличенія въ странѣ вывоза при уменьшеніи ввоза и проч. Могутъ встрѣтиться, конечно, такіе сложные вопросы, въ которыхъ даже спеціалисты оказываются неспособными придти къ опредѣленному, единогласному рѣшенію (таковъ вопросъ о девальваціи, послужившій въ Вольноэкономическомъ Обществѣ предметомъ величайшихъ разногласій). Но въ болѣе простыхъ, несложныхъ вопросахъ всякій экономически образованный человѣкъ долженъ имѣть свое мнѣніе. Вотъ къ этой-то главной цѣли «популяризаціи» не подвигаютъ ни на шагъ. И иначе быть не можетъ: какъ могутъ онѣ научить анализу фактовъ, когда онѣ игнорируютъ всякій анализъ, преподнося готовые выводы? какъ могутъ онѣ научить методическому умозаключенію, когда сами слѣдуютъ только одному методу: эклектическому собиранію разныхъ «положеній»; какъ могутъ онѣ, наконецъ, дать понятіе объ основномъ свойствѣ экономическихъ явленій, свойствѣ, которое долженъ всегда держать въ умѣ всякій обсуждающій эти явленія, — ихъ историчности, измѣняемости, неустойчивости, — когда гг. популизаторамъ приходится, для простоты, разсматривать экономическую жизнь только въ статическомъ ея состояніи?

II.

Изъ сдѣланныхъ выше критическихъ замѣчаній сами собой вытекаютъ тѣ положительныя требованія, которыя мы должны предъявлять ко всякому руководству по политической экономіи. На одномъ изъ руководствъ, недавно появившемся на русскомъ языкѣ, мы остановимся нѣсколько подробнѣе. Мы имѣемъ въ виду «Основы политической экономіи» Шарля Жида, книга котораго отвѣчаетъ *формально* всѣмъ выставленнымъ условіямъ. Французскій авторъ тщательно избѣгаетъ всякаго догматизма въ передачѣ теоріи, по каждому спорному пункту приводитъ мнѣнія разныхъ школъ, ста-

раясь отнестись къ нимъ объективно, въ вопросахъ экономической политики сообщаетъ большое количество фактовъ, способствующихъ образованію у читателя собственнаго мнѣнія, наконецъ, очень рѣшительно оттѣняетъ историческій характеръ экономическихъ явленій. Чтобы исчерпать все, что можно сказать въ пользу разбираемой книги, слѣдуетъ прибавить, что она написана живымъ и легкимъ языкомъ, не служащимъ, притомъ, во вредъ научности изложенія. Но мы нарочно сказали, что сочиненіе Жида удовлетворяетъ выставленнымъ нами условіямъ *формально*, а характеризуя объективность автора, прибавили «старается». Дѣло въ томъ, что проф. Жидъ стоитъ на правильной дорогѣ, онъ хорошо понимаетъ, какъ слѣдуетъ писать руководство по политической экономіи, и въ большинствѣ случаевъ отлично справляется съ этой задачей. Но книга его написана очень неровно, достоинство ея отдѣльныхъ частей неодинаково. По нѣкоторымъ (увы капитальнымъ!) вопросамъ г. Жидъ не удерживается на объективной точкѣ зрѣнія, онъ выступаетъ *на защиту* извѣстныхъ положеній, стараясь ихъ *внушить* своимъ читателямъ и умаляя, притомъ, значеніе и доказательность положеній противоположнаго рода. Кромѣ иногда проявляющейся тенденціозности, «Основы» Жида грѣшатъ еще нѣкоторыми специальными недостатками, такъ что прежде, чѣмъ отвѣтить на вопросъ, могутъ ли онѣ служить руководствомъ для начинающаго, а если нѣтъ, не могутъ-ли быть все-таки полезны при изученіи политической экономіи, намъ необходимо присмотрѣться нѣсколько ближе къ относительнымъ достоинствамъ и недостаткамъ этого, во всякомъ случаѣ, не зауряднаго сочиненія.

Мы съ нѣкоторой подробностью остановимся на первомъ и основномъ вопросѣ политической экономіи,—вопросѣ о цѣнности: какъ разрѣшается онъ г. Жидомъ?—«Цѣнность, читаемъ на стр. 27,—это *желаемость* (désiderabilité)... Разъ цѣнность рождается изъ желанія, она исходитъ скорѣе отъ насъ, чѣмъ отъ вещей. Она, какъ говорятъ теперь, гораздо болѣе субъективна, чѣмъ объективна... Идея цѣнности не предполагаетъ ничего больше, какъ предпочтеніе, оказываемое одной вещи передъ другой,—сравненіе, взвѣшиваніе, борьбу между двумя желаніями». Далѣе слѣдуетъ примѣръ Робинзона, который, спасая, что можно, съ погибшаго корабля, выбиралъ болѣе цѣнныя для себя вещи. «Порядокъ,—прибавляетъ авторъ (стр. 28),—въ которомъ онъ послѣдовательно перетащилъ ихъ на сушу, превосходно указываетъ іерархію его предпочтеній, а, слѣдовательно, и относительныя цѣнности, которыя онъ приписывалъ этимъ богатствамъ». Примѣръ этотъ, къ сожалѣнію, рѣшительно ничего не доказываетъ: въ случаѣ съ Робинзономъ от-

сутствуютъ нормальныя мѣновыя отношенія, товары представляются въ видѣ даровъ природы, и цѣнности, въ научномъ смыслѣ этого слова, спасенныя Робинзономъ вещи вовсе не имѣютъ. Недоказанное (потому что неудачная ссылка на Робинзона играетъ роль единственнаго доказательства) утвержденіе Жида, что «цѣнность есть желаемость, рождается изъ желанія», вообще совершенно неосновательно. Если наши читатели попробуютъ нѣсколько разобраться въ этомъ опредѣленіи, они и сами навѣрно замѣтятъ его полнѣйшую неудовлетворительность. Вѣдь *опредѣленную* цѣнность имѣютъ часто вещи, которыхъ никто еще не «пожелалъ» (товары въ лавкѣ). Цѣнность эта не успѣла реализироваться въ опредѣленной суммѣ денегъ, но она существуетъ, и создало ее, очевидно, не желаніе покупателя, а что-то другое. Кромѣ того, самое страстное желаніе, само по себѣ, не способно придать цѣнность вещи, которая ея не имѣетъ. Такъ, напримѣръ, больной страстно желаетъ попасть въ теплый климатъ, въ его глазахъ это придаетъ большую цѣнность Ривьерѣ, но воздухъ Ривьеры, благодаря его желанію, не пріобрѣтетъ мѣновой цѣнности. Наконецъ, если мы признаемъ, что цѣнность товара опредѣляется только желаніемъ покупщика, намъ придется отказать во всякомъ вліяніи на нее продавца-производителя. Простое наблюденіе противорѣчитъ этому. Но авторъ и самъ не останавливается на выставленномъ имъ афоризмѣ. Нѣсколькими страницами ниже (см. стр. 35), онъ поясняетъ, что мы желаемъ извѣстныхъ вещей болѣе или менѣе сильно, смотря по тому, въ какомъ количествѣ онѣ находятся, причемъ, послѣднее зависитъ отъ нашего умѣнья умножить ихъ. Хотя разсужденіе это и не совсѣмъ правильно, потому что интензивность нашего желанія зависитъ не отъ одного количества удовлетворяющихъ его предметовъ,—во всякомъ случаѣ отсюда, казалось бы, необходимо сдѣлать тотъ выводъ, что, кромѣ «желанія», въ образованіи цѣнности играютъ роль факторы, связанные съ *производствомъ*. Однако, этого вывода г. Жидъ не дѣлаетъ и на только-что приведенномъ разсужденіи обрывается его анализъ цѣнности.

Теорія цѣнности, развиваемая г. Жидомъ вслѣдъ за австрійской школой, имѣетъ среди экономистовъ лишь немногихъ послѣдователей. Господствующей является другая теорія, объясняющая цѣнность изъ труда. Анализъ цѣнности начинается здѣсь съ другого конца: трудовая теорія прослѣживаетъ судьбу извѣстнаго товара съ самаго начала, съ его появленія на свѣтъ и до конца, до обращенія его въ деньги, она констатируетъ, что при современныхъ общественныхъ отношеніяхъ производство имѣетъ ту особенность, что оно служитъ для удовлетворенія потребностей не

самихъ производителей, а третьихъ лицъ. Товары, такимъ образомъ, производятся для сбыта и тотчасъ же поступаютъ въ обмѣнъ. Благодаря обмѣну, производитель сбываетъ ненужныя ему произведенія и получаетъ нужныя. Какъ происходитъ обмѣнъ? Обмѣниваемые предметы (предполагая простыя мѣновыя отношенія) не имѣютъ часто ничего общаго между собой и кажутся несоизмѣримы, таковы: книги, мясо, одежда, сахаръ... Однако, во всѣхъ этихъ товарахъ есть все-таки одно общее свойство, которое позволяетъ сдѣлать сравненіе: всѣ они произведены трудомъ. Продукты равнаго количества труда могутъ быть приравнены между собой и обмѣнены. Но могутъ возразить, что трудъ самъ по себѣ не есть что-нибудь неизмѣнное, постоянное: онъ индивидуаленъ и качественно различенъ, бываетъ трудъ усидчивый и неусидчивый, трудъ легкій и тяжелый, бываетъ трудъ инженера и рудокопа, министра и сапожника. Однако, какъ ни различенъ, какъ ни индивидуаленъ трудъ, онъ все-таки всегда есть трата мускульной и нервной энергіи. И трата эта можетъ быть (хотя и нѣсколько грубо) измѣрена продолжительностью ея, рабочимъ временемъ. На рынкѣ, такимъ образомъ, совершенно забываютъ объ индивидуальныхъ особенностяхъ того или иного труда. «Какъ мѣновая цѣнность, товары представляютъ меньшія или большія количества простого, однороднаго, абстрактно-всеобщаго труда, который *составляетъ сущность мѣновой* цѣнности» *).

Мы не имѣемъ здѣсь мѣста, чтобы говорить о нѣкоторыхъ ограниченіяхъ, которыя вносятся въ приведенныя положенія самими приверженцами трудовой теоріи цѣнности, или чтобы слѣдить дальше за тѣми метаморфозами, которыя переживаютъ товары въ процессѣ обращенія. Нашей сжатой, схематической передачей трудовой теоріи мы хотѣли лишь показать ея главныя преимущества передъ утвержденіями Жида: она ясна, объективна, она разсматриваетъ дѣло съ начала, а не съ конца, изъ постояннаго начала она легко объясняетъ постоянство рыночныхъ отношеній, чего нельзя сдѣлать, исходя изъ столь непостояннаго источника, каковы людскія желанія. Если не эти достоинства трудовой теоріи цѣнности, то, по крайней мѣрѣ, ея господствующее положеніе въ современной наукѣ должны были заставить Жида показать преимущество своего толкованія цѣнности. Это ему совершенно не удалось. Четыре бѣглыхъ замѣчанія, долженствующихъ играть роль критики трудовой теоріи и основанныхъ исключительно на

*) См. Курсъ политической экономіи проф. *Чупрова*, стр. 45—51, «Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи» *Карла Маркса*, переводъ подъ ред. А. Мануилова, М. 1896, стр. 4.

недоразумѣніи, нисколько не убѣждают читателя. Убѣдительным является лишь дальнѣйшее изложеніе, гдѣ Жиду приходится прилагать свою теорію къ объясненію фактовъ, но убѣжденіе, получаемое такимъ образомъ, всецѣло противъ автора. Чтобы не вдаваться въ подробности, мы ограничимся однимъ примѣромъ тѣхъ утвержденій, которыя оказываются возможными съ точки зрѣнія Жида. Такъ какъ главными покупателями драгоцѣнныхъ металловъ, говоритъ онъ (стр. 117), является небольшое число правительствъ съ ихъ монетными дворами, то эти послѣднія могутъ простымъ соглашеніемъ измѣнять цѣнность металловъ. «Если онѣ заявятъ, что всѣ они будутъ покупать килограммъ золота по 3.100 (вмѣсто 3.444), а килограммъ серебра по 200, то весьма вѣроятно, что ихъ рѣшеніе будетъ для рынка закономъ». Это была бы возможно, однако, только въ томъ случаѣ, если бы цѣнность золота и серебра не опредѣлялась, подобно другимъ товарамъ, затраченнымъ на ихъ производство трудомъ. Что никакого исключенія драгоцѣнные металлы не представляютъ, это приходится признать и самому автору всего нѣсколькими страницами ниже. «Съ благородными металлами, — читаемъ мы на стр. 122, — дѣло обстоитъ такъ же, какъ *и со всѣми другими* товарами; ихъ цѣнность—тамъ, гдѣ нѣтъ монополіи—приноравливается къ количеству *затраченнаго* на нихъ *труда*». Этою фразою Жидъ совершенно себя побиваетъ.

Русскій переводчикъ «Основъ», г. Шейнисъ, говоритъ въ своемъ предисловіи объ объективизмѣ ихъ автора, объясняя этотъ объективизмъ «той простой причиной», что г. Жидъ «не принадлежитъ ни къ одной изъ признанныхъ и вполнѣ утвердившихся школъ въ политической экономіи». Къ сожалѣнію, какъ мы только что видѣли, объективизмъ французскаго экономиста не свободенъ отъ исключеній; что же касается непринадлежности его ни къ одной изъ существующихъ школъ, то это не совсѣмъ вѣрно. Самъ Жидъ дѣйствительно такъ думаетъ, создавая для себя въ своемъ воображеніи новую «кооперативную школу». Но, ознакомившись съ ея основными теоретическими положеніями, не трудно замѣтить, что школа эта вовсе не нова и именуется она среди экономистовъ *этической* или *историко-этической* школой. Мѣнять обще-принятое названіе только потому, что къ опредѣленнымъ теоретическимъ положеніямъ прицѣплено практическое требованіе коопераціи для рабочихъ, нѣтъ рѣшительно никакой надобности. Чѣмъ же характеризуется этическая школа? Двумя особенностями: запутанностью и противорѣчивостью своихъ методологическихъ пріемовъ и очень гуманными, но совершенно безплодными поры-

вами въ области экономической политики. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь справедливую оцѣнку этой школы, сдѣланную г. Анненскимъ *): «Для оцѣнки значенія экономистовъ этическаго направленія нужно разсмотрѣть, *какъ именно* проводятъ они этическій принципъ въ своихъ сочиненіяхъ. Стремленіе держаться, по возможности, ближе къ существующему строю, стараніе «примирить непримиримое» и найти средство для возстановленія гармоніи тамъ, гдѣ возможна только борьба и побѣда того или иного изъ борющихся принциповъ,—всѣ эти недостатки присущи большей части теоретическихъ (?) построеній (мы бы сказали «практическихъ предположеній») этической школы» **).

Было бы утомительно показывать на примѣрахъ, какъ названные недостатки воспроизводятся и въ «Основахъ». Но за то слѣдуетъ оттѣнить одинъ пунктъ, весьма существенный для рѣшенія поставленнаго нами вопроса о пригодности этой книги служить руководствомъ для начинающихъ. Этическая школа по духу своему эклектична; въ ея намѣренія не входитъ разрушать сдѣланныя до нея теоретическія обобщенія, она ихъ только исправляетъ и пополняетъ. Подчеркивая значеніе «нравовъ» и говоря объ «этическомъ процессѣ развитія «хозяйственныхъ формъ», она старается только сдѣлать свои пристройки къ существующимъ построеніямъ. Получается то, что всякая стройность теоретическаго зданія нарушается и методологическое единство исчезаетъ. Но эклектики единствомъ не дорожатъ, не дорожитъ имъ и г. Жидъ, типичный эклектикъ: въ его книгѣ вы встрѣтите въ полномъ смѣшеніи и общіе абстрактные законы классической школы, и осторожныя положенія въ духѣ экономистовъ - «историковъ», и нѣкоторыя уступки соціализму, и буржуазныя претензіи ревностныхъ защитниковъ существующаго экономическаго режима. Никакихъ устойчивыхъ методологическихъ принциповъ г. Жидъ не придерживается (хотя о методахъ разсуждаетъ очень недурно), почему его книга поражаетъ отсутствіемъ какой-либо стройности, какого-либо единства. Это ничто иное, какъ богатое собраніе матеріаловъ, сопоставленіе разныхъ теоретическихъ положеній, разбираться въ которыхъ приходится обыкновенно самому читателю. Ясно, какъ это неудобно въ томъ случаѣ, когда читатель—новичекъ въ политической экономіи.

---

*) «Очерки новыхъ направленій въ экономической наукѣ», «Дѣло», 1882, № 8, стр. 164.

**) Впрочемъ, представители этической школы не разграничиваютъ точно теоретической экономіи отъ экономической политики. И въ этомъ Жидъ—ихъ вѣрный послѣдователь.

Мы бы не желали, однако, чтобъ у нашихъ читателей, вслѣдствіе указанныхъ слабыхъ сторонъ книги Жида, составилось о ней одностороннее неблагопріятное мнѣніе. Дѣло въ томъ, что если мы такъ долго останавливались на недостаткахъ книги и отнеслись къ нимъ довольно строго, то лишь потому, что разсматривали ее, какъ руководство для начинающихъ. Тѣ же недостатки въ сочиненіи, не имѣющемъ этого спеціальнаго назначенія, далеко не такъ важны. Далѣе слѣдуетъ имѣть въ виду, что «Основы политической экономіи», какъ упомянуто въ самомъ началѣ, написаны крайне неровно: рядомъ съ слабыми главами мы въ нихъ встрѣчаемъ и очень удачныя. Какъ наименѣе удовлетворительные отдѣлы могутъ быть названы: очеркъ экономическихъ школъ (во введеніи), весь первый отдѣлъ о цѣнности и первая часть четвертаго отдѣла — соціальный вопросъ и право собственности. Зато выдаются своей полнотой и содержательностью главы, посвященныя металлическимъ и бумажнымъ деньгамъ, вопросу о монометаллизмѣ и биметаллизмѣ, кредиту, банкамъ. Здѣсь есть чему поучиться. Особенно отмѣчаемъ главу: «недостаточность производства», показывающую, что Жидъ совершенно свободенъ отъ того легкомысленнаго оптимизма, съ которымъ трактуются обыкновенно проблемы, поднятыя Мальтусомъ, и не закрываетъ глазъ на печальныя, но необходимыя слѣдствія «закона уменьшающейся доходности земли».

Намъ остается, въ заключеніе, отмѣтить, что авторъ «Основъ» очень удачно и остроумно опровергаетъ нѣкоторые предразсудки вульгарной экономіи. Мы приведемъ два-три примѣра наиболѣе распространенныхъ заблужденій. Чтобъ объяснить и оправдать происхожденіе капитала, вульгарная экономія приписываетъ его бережливости, воздержанію капиталиста. Жидъ возражаетъ на это такимъ сравненіемъ. «Если бы ребенку, спрашивающему, откуда берутся цыплята, отвѣтить, что для производства цыплятъ нужно воздержаться отъ употребленія яицъ въ пищу, онъ вправѣ былъ бы найти такой отвѣтъ очень благоразумнымъ въ смыслѣ совѣта и совершенно нелѣпымъ, какъ объясненіе. Но разсужденіе, по которому сбереженіе является причиной образованія капиталовъ, не кажется намъ болѣе удовлетворительнымъ. Вѣдь, въ сущности оно сводится къ тому, что *неуничтоженіе* должно быть отнесено къ причинамъ *производства*, а это довольно странная логика» (стр. 75). Стремленіе приписать капиталу самостоятельную творческую силу встрѣчаетъ также въ нашемъ авторѣ рѣшительный отпоръ. Неоднократно возвращается онъ къ тому положенію, что капиталъ самъ по себѣ безплоденъ, будучи только *орудіемъ*; произ-

водителенъ же только трудъ. А вотъ справедливая и для насъ русскихъ особенно интересная отповѣдь на чрезмѣрныя увлеченія внѣшней торговлей. «Не только ввозъ,—читаемъ мы на стр. 136,—но и вывозъ можетъ имѣть невыгодныя послѣдствія. Напримѣръ, страны, какъ Россія, постоянно вывозящія свой хлѣбъ и кормовыя травы, подвергаютъ истощенію свои земли, которыя лишаются всѣхъ плодотворныхъ элементовъ; это то же, какъ если бы эти страны вывозили мало-по-малу самую землю!»

Многое можно было бы еще сказать о книгѣ, обнимающей весь предметъ политической экономіи и изобилующей фактами и обобщеніями. Но для нашей цѣли сказаннаго намъ кажется достаточно и мы считаемъ возможнымъ закончить нашъ разборъ окончательнымъ выводомъ. Вотъ онъ: не удовлетворяя своему назначенію служить *руководствомъ*, «Основы политической экономіи» Жида могутъ быть на нашъ взглядъ полезнымъ *пособіемъ*.

III.

Сопоставляя мнѣнія петербургскихъ и московскихъ специалистовъ о томъ, съ чего начинать изученіе политической экономіи, мы, если помнитъ читатель, присоединились къ мнѣнію вторыхъ. Полная неудовлетворительность какъ указанныхъ въ петербургскихъ программахъ, такъ и всякихъ вообще популяризацій заставляетъ предпочесть имъ болѣе трудные, но зато и болѣе научные университетскіе курсы. Насъ могутъ, однако, спросить, развѣ лекціи профессора не суть также популяризація, развѣ есть принципіальная разница между «популяризаціей» и «университетскимъ курсомъ», позволяющая противупоставлять ихъ другъ другу и развѣ, наконецъ, слово «курсъ», —гарантія всяческой доброкачественности? Послѣдняго, конечно, мы отнюдь не утверждаемъ и потому рекомендуемъ лишь курсы гг. Чупрова и Исаева, какъ наиболѣе пригодные для начинающихъ. Что же касается разницы между популяризаціей и университетскимъ курсомъ, то, отрицая въ подобныхъ вещахъ существованіе абсолютныхъ перегородокъ, мы можемъ, однако же, указать достаточно рѣзкія особенности этихъ двухъ формъ изложенія. Правильно или нѣтъ, но профессоръ всегда предполагаетъ въ своихъ слушателяхъ способность понять всѣ трудности излагаемой имъ науки; если онъ и передаетъ *проще* то, что самъ черпаетъ изъ сочиненій Рикардо, Маркса и др., это «проще» относится лишь къ формѣ, но не къ содержанію. Въ угоду понятности, онъ ничѣмъ не жертвуетъ изъ науки: наука въ его изложеніи не спускается до пониманія аудиторіи, а подни-

маетъ послѣднюю до себя. Таковъ университетскій курсъ въ идеѣ, таковъ онъ въ отдѣльныхъ случаяхъ и въ дѣйствительности. Выше мы убѣдились, что сущность популяризаціи совсѣмъ иная. Мы считаемъ себя, поэтому, вправѣ удержать сдѣланное противуположеніе, не придавая ему, конечно, никакого *абсолютнаго* значенія *).

Какъ бы, однако, талантливо, объективно, научно ни излагалась политическая экономія тѣмъ или инымъ профессоромъ, не слѣдуетъ думать, что, прочитавъ или прослушавъ его курсъ, уже овладѣешь наукой. Приступающій къ изученію теоретической экономіи не въ силахъ, разумѣется, критически относиться къ тому, что ему предлагаютъ: одно онъ, не продумавъ, принимаетъ на вѣру, другое понимаетъ превратно, третьяго вовсе не понимаетъ. Необходима провѣрка, расширеніе знаній. Профессора всегда очень охотно даютъ всякія библіографическія указанія, но на скамьяхъ университета, по нашимъ наблюденіямъ, указаніямъ этимъ слѣдуютъ не очень ревностно. Интересъ къ политической экономіи пробуждается обыкновенно позже; за стѣнами университета, при столкновеніи съ жизнью, съ русской экономической дѣйствительностью. И тутъ является серьезная потребность въ указаніяхъ и совѣтахъ. Потребности этой могутъ удовлетворить отчасти уже неоднократно упоминавшіяся программы, къ которымъ намъ и нужно обратиться снова, на этотъ разъ ненадолго.

Въ программѣ московской послѣ курсовъ теоретической экономіи названы четыре руководства по исторіи экономической науки (на выборъ), затѣмъ сочиненія Рикардо и Милля и, наконецъ, обширнѣйшій и ученѣйшій трудъ Ад. Вагнера, Lehrbuch der politischen Oekonomie», доступный, къ сожалѣнію, только для спеціалистовъ. Такая краткость въ указаніяхъ на экономическую литературу объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что, согласно разсчетамъ московской коммиссіи, полный курсъ политической экономіи потребуетъ для своего прохожденія четырехъ лѣтъ. Мы имѣемъ передъ собой только программу 1-го года. Зато въ петербургскомъ «Сборникѣ для самообразованія», кромѣ *общей* программы политической экономіи, мы находимъ еще *спеціальную*, представляющую очень обширный библіографическій указатель какъ по теоріи, такъ и по прикладнымъ экономическимъ вопросамъ; не ясно нѣсколько, въ какомъ отношеніи должны нахо-

*) Само собой разумѣется, что не фактъ чтенія съ каѳедры придаетъ университетскому курсу его достоинства, такъ что можетъ существовать учебникъ политической экономіи, не уступающій ни въ чемъ университетскому курсу, и также возможенъ такой университетскій курсъ, который ничѣмъ не возвышается надъ простой популяризаціей.

диться между собой обѣ эти программы. Естественнѣе всего было бы предположить, что вторая служитъ продолженіемъ первой, но этому противорѣчитъ тотъ фактъ, что въ ней воспроизведены указанія на университетскіе курсы и др. книги, рекомендуемыя уже въ общей программѣ. Изъ предварительныхъ объясненій мы не узнаемъ на этотъ счетъ ничего. «Спеціальная программа по политической экономіи,—говорится на стр. 40,—имѣетъ цѣлью дать читателю возможность, съ одной стороны, изучить теорію науки, съ другой—прослѣдить историческое развитіе и современное положеніе главнѣйшихъ основъ хозяйственнаго быта народовъ». Но та же задача преслѣдуется, надо думать, и общей программой. Остается предположить, что первая программа составлена для людей, желающихъ удѣлить политической экономіи меньше времени, вторая—для людей, обладающихъ бо̀льшимъ досугомъ. Но въ такомъ случаѣ общая программа очень неудовлетворительна. Прочесть сочиненія Зибера о Марксѣ и Рикардо, «Исторію» Чупрова, книжку Карелина объ общинѣ, «Рабочій вопросъ» Ланге и «Очерки» Николая —она,—значитъ получить совершенно случайныя, отрывочныя и недостаточныя свѣдѣнія. Иной упрекъ надо сдѣлать спеціальной программѣ. Она слишкомъ обширна: кто же въ самомъ дѣлѣ по одному предмету въ цѣляхъ простого самообразованія осилитъ 90 названій (здѣсь сосчитаны, правда, и статьи)? Ясно, что изъ этихъ 90 названій надо еще сдѣлать выборъ, нелегкій для человѣка несвѣдущаго, а между тѣмъ необходимый, въ виду случайностей и непонятности нѣкоторыхъ указаній. Въ самомъ дѣлѣ: на ряду съ очень хорошими, классическими произведеніями, изученіе которыхъ вполнѣ обязательно, въ спеціальной программѣ указаны и книги просто плохія и очень устарѣлыя (Гильдебрандъ, «Политическая экономія настоящагои будущаго», 1860, Исаевъ, «Промышленныя товарищества во Франціи и Германіи», 1879, «Владѣніе и пользованіе землей въ разныхъ странахъ», 1871, Lexis «Gewerkvereine», 1880), и совершенно недоступныя простому читателю по своей сухости или тяжеловѣсности (Kautz, «Geschichtliche Entwickelung der Nationaloekonomie», 3 Theilen, 1860, Яроцкій, «Страхованіе рабочихъ», 2 тома, и т. п.).

Библіографическіе указатели для желающихъ пополнить свое университетское образованіе или соотвѣтственное ему штудированіе одного изъ существующихъ курсовъ должны быть, по нашему мнѣнію, прежде всего кратки. Разсчеты московской коммиссіи на 4-лѣтнее прохожденіе политической экономіи подъ ея руководствомъ и вѣра составителей петербургской программы, что можно

одолѣть всѣ ея 90 названій, кажутся намъ одинаково неосновательными. Да, кромѣ того, пространные указатели и совершенно безполезны: лишь первые шаги изучающаго политическую экономію должны быть направлены. Далѣе онъ уже самъ резберетъ, что ему нужно (нужно ли ему, напр., сосредоточиться на апологіяхъ общины, какъ того требуетъ петербургская программа *), или на чемъ-нибудь другомъ и проч.), а что касается литературы, то въ каждомъ изслѣдованіи онъ найдетъ ссылки на другія книги и такія ссылки въ связи съ текстомъ даютъ гораздо больше голаго перечня библіографическаго указателя. Затѣмъ, библіографическій указатель слѣдуетъ составлять изъ книгъ, для всѣхъ (съ извѣстной подготовкой) вполнѣ доступныхъ. Мы уже приводили нѣсколько примѣровъ того, какъ нарушается это условіе обѣими программами. Добавимъ, что въ петербургской программѣ есть указанія на книги, вышедшія изъ продажи, очень дорогія и рѣдкія въ Россіи, такія, которыя не имѣются у насъ въ обращеніи, и прочее. Даже просто иностранныя книги наталкиваются слишкомъ часто на незнакомство читателей съ языками. Это обстоятельство также упускается изъ вида. Желательно, наконецъ, чтобы библіографическіе указатели были не голыми перечнями, а тѣмъ, что называется catalogue raisonné. Такъ именно понимали свою задачу и составители обѣихъ программъ. Въ объясненіяхъ къ самымъ указателямъ мы находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ указанныхъ книгахъ, причемъ въ московскихъ программахъ указанія эти болѣе, а въ петербургскихъ менѣе подробны и опредѣленны.

Руководствуясь вышесказанными соображеніями, мы постараемся на нижеслѣдующихъ страницахъ дать тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые этимъ интересуются, краткій перечень лучшихъ и доступнѣйшихъ сочиненій (на русскомъ языкѣ), знакомящихъ съ экономической наукой въ ея теоріи, исторіи и приложеніяхъ къ жизни. Надѣемся, что насъ не упрекнутъ въ желаніи конкуррировать съ московскими и петербургскими спеціалистами. Говорить о конкурренціи въ такомъ дѣлѣ вообще не приходится: программы имѣли огромный, вполнѣ понятный успѣхъ, но едва ли существующая потребность въ подобныхъ указаніяхъ совершенно ими удовлетворена, и среди читателей «Міра Божьяго», вѣроятно, найдутся та-

*) Книгъ и статей объ общинѣ здѣсь указано около десяти, но среди нихъ вы не встрѣтите ни одного изслѣдованія, авторъ котораго стоялъ бы не на народнической точкѣ зрѣнія. Едва ли желательна такая тенденціозность въ программахъ, долженствующихъ служить дѣлу общаго образованія.

кіе, которымъ нашъ указатель не покажется лишнимъ *). Предпосылаемъ ему необходимыя разъясненія.

Первое, на что мы обращаемъ вниманіе того, кто отъ университетскаго курса перейдетъ къ дальнѣйшимъ самостоятельнымъ занятіямъ,—это вопросы метода. Не ознакомившись и не освоившись хорошо съ тѣми пріемами, при помощи которыхъ политическая экономія получаетъ свои выводы, нельзя двигаться дальше въ изученіи отдѣльныхъ экономическихъ теоремъ. Желательно при этомъ, чтобы вопросъ о методахъ поставленъ былъ возможно шире и политическая экономія въ означенномъ отношеніи приведена была въ связь съ другими общественными науками. Цѣль эта достигается отчасти чтеніемъ книги *Майра* (см. ниже указатель), знакомящей съ характеромъ общественныхъ явленій вообще и съ пріемами ихъ изученія. Абстрактно-дедуктивный методъ во всей его строгости лучше всего проведенъ въ сочиненіи *Рикардо*, на которомъ онъ и долженъ быть изученъ. Изученіе это потребуетъ значительнаго труда; онъ, однако, вполнѣ окупается нѣкоторымъ навыкомъ къ отвлеченному мышленію, который человѣкъ выноситъ изъ этой строгой логической школы. Въ сочиненіяхъ *Маркса*, напротивъ, мы находимъ вполнѣ научное сочетаніе методовъ индуктивниго и дедуктивнаго. Здѣсь же читатель найдетъ основные теоретическіе вопросы въ ихъ современной постановкѣ. «Критика», какъ намъ кажется, написана съ внѣшней стороны доступнѣе, и потому начинать лучше съ нея. Книга *Менгера* очень полезна для бо́льшаго углубленія въ методологическіе вопросы.

Для изученія исторіи экономической науки на русскомъ языкѣ существуетъ только одинъ удовлетворительный источникъ: лекціи проф. *Чупрова* *). Авторъ поставилъ себѣ прекрасную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и трудную задачу разсматривать экономическія ученія въ связи съ современною имъ экономической жизнью. Такое параллельное изученіе доведено, къ сожалѣнію, лишь до конца XVIII вѣка, дальше идетъ уже только исторія «идей», причемъ приходится еще пожалѣть о нѣкоторой краткости въ характеристикѣ новѣйшихъ школъ. Хорошимъ пополненіемъ въ этомъ случаѣ слу-

---

*) Мы не претендуемъ также ни на какую особую оригинальность нашего указателя: хотя читатели въ немъ найдутъ такія книги, которыхъ нѣтъ въ другихъ программахъ, тѣмъ не менѣе, при бѣдности нашей экономической литературы избѣжать частыхъ совпаденій нельзя.

**) Книжка *Инграма* («Исторія пол. экономіи») слишкомъ тенденціозна, полна пробѣловъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ носитъ характеръ только справочнаго изданія.

жать статьи *Н. Ф. Анненскаго*. Авторъ начинаетъ съ характеристики классической школы, прослѣживаетъ дальнѣйшую эволюцію ученій и съ большою подробностью останавливается на современныхъ нѣмецкихъ школахъ. Нѣкоторая устарѣлость его работы не мѣшаетъ ей быть единственной въ своемъ родѣ *). Далѣе нами указаны нѣкоторыя статьи (число ихъ можно было бы увеличить) для ознакомленія съ эволюціей новѣйшихъ экономическихъ ученій и сочиненія *Лавелэ* и *Шэфле* о соціализмѣ; въ первомъ описываются всѣ современныя движенія, соединяемыя подъ этимъ именемъ (католическій, евангелическій, государственный соціализмъ и пр.), во-второмъ—соціализмъ приводится въ связь съ капиталистическимъ строемъ, противупоставляется другимъ экономическимъ доктринамъ и критикуется съ точки зрѣнія взглядовъ австрійскаго ученаго.

Обращаясь къ экономической исторіи, мы рекомендуемъ для древнѣйшей эпохи книгу *Зибера*, удѣляющаго много вниманія первобытнымъ формамъ коопераціи, а для болѣе продолжительнаго періода соч. *Липперта*, описывающаго исторію матеріальной культуры въ ея различныхъ проявленіяхъ. Экономію классической древности освѣщаютъ намъ, къ сожалѣнію, дурно переведенныя на русскій языкъ «Изслѣдованія» *Родбертуса*, средніе же вѣка въ ихъ общественно-экономическихъ отношеніяхъ—статьи *Каупкаго*, въ отношеніи организаціи труда—приложенія къ *Зеворту*, въ отношеніи къ религіозно-коммунистическимъ движеніямъ—книга *Михайлова*. Экономическая исторія отдѣльныхъ странъ можетъ быть изучена по слѣдующимъ книгамъ (къ сожалѣнію, слишкомъ неоднороднымъ): Германіи по неоконченному еще труду *Лампрехта*, гдѣ удѣлено много мѣста экономическимъ явленіямъ, Англіи по небольшой, но содержательной книжкѣ *Гиббинса*, для Франціи можно назвать только уже нѣсколько спеціальное сочиненіе *Карѣева* о крестьянахъ, дополненіемъ къ которому послужитъ статья *Каупкаго* «Классовыя противорѣчія 1789» изъ его «Очерковъ и этюдовъ». До самаго послѣдняго времени нельзя было указать ни одного общаго сочиненія по экономической исторіи Россіи; теперь этотъ пробѣлъ восполнили извѣстные нашимъ читателямъ «Очерки» проф. *Милюкова*. Въ дополненіе къ нимъ слѣдуетъ указать на «Промышленность древней Руси» *Аристова* и популярный очеркъ по исторіи крестьянства г. *Семевскаго*. Не удовольствовавшійся этимъ очеркомъ пусть обратится къ его капитальнымъ трудамъ.

Переходя къ экономической дѣйствительности, должно прежде

*) Аналогичная работа Морица *Майера* неудовлетворительна.

всего ознакомиться съ современнымъ состояніемъ промышленности и земледѣлія. Въ I томѣ сочиненія *Ходскаго* обрисовано положеніе земледѣльцевъ въ главнѣйшихъ странахъ Западной Европы, а въ сборникѣ «Землевладѣніе и сельское хозяйство» отдѣльныя статьи посвящены распредѣленію поземельной собственности въ Европѣ и Америкѣ, арендѣ, сельскохозяйственнымъ рабочимъ, сельскохозяйственнымъ союзамъ, производству и торговлѣ хлѣбомъ и пр. Аналогичный сборникъ «Промышленность» разсматриваетъ разныя формы европейской промышленности, картели, кризисы и пр. Всѣ эти статьи отличаются нѣкоторою сухостью, но зато изобилуютъ фактами и цифрами, благодаря чему читатель получаетъ о предметѣ самое точное представленіе. По книгамъ *Ланге*, *Бутса* (первая описательная часть) и *Сиднея Вебба* и по ст. г. *Миклашевскаго* можно составить себѣ нѣкоторое, впрочемъ, неполное, представленіе о томъ, что называется рабочимъ вопросомъ.

Для изученія нашей русской экономической дѣйствительности существуетъ довольно много источниковъ, но рѣдкіе изъ нихъ отличаются необходимымъ объективизмомъ. Это надо имѣть въ виду при чтеніи нѣкоторыхъ изъ указываемыхъ ниже сочиненій. На первое мѣсто въ нашемъ спискѣ мы ставимъ талантливо и доступно написанные очерки г-жи *Ефименко*, занимающейся вопросомъ о происхожденіи общины на сѣверѣ, о трудовомъ началѣ въ крестьянской жизни и пр. Объ общинѣ у насъ писалось много и, тѣмъ не менѣе, нельзя указать ни одного сочиненія, которое бы полно и обстоятельно излагало ея исторію и современное положеніе. Вниманія заслуживаетъ книжка г. *Карелина*, къ которой можно присоединить нѣсколько устарѣвшее сочиненіе *Посникова*, представляющее столько же защиту, сколько и изслѣдованіе общины. То же надо сказать и объ «Очеркахъ кустарной промышленности» *В. В.* Названнымъ сочиненіямъ въ интересахъ безпристрастія слѣдуетъ противупоставить двѣ главы II отдѣла книги *Волгина* «Община» и «Кустарная промышленность». Здѣсь приведено въ оригинальномъ освѣщеніи много фактовъ, заимствованныхъ изъ новѣйшихъ спеціальныхъ изслѣдованій. Изъ сочиненій *Николая —она* и *Исаева* читатель почерпнетъ свѣдѣнія о развитіи русскаго капитализма; къ обобщеніямъ и выводамъ перваго, равно какъ и къ критикѣ марксизма второго автора слѣдуетъ относиться осторожно. Особое вниманіе въ книгѣ Исаева обращаемъ на гл. VII: «Характеръ государственныхъ мѣропріятій для развитія русскаго общественнаго хозяйства». Русской фабричной промышленности и положенію рабочихъ посвящены соч. *Дементьева*, *Святловскаго* и *Янжула*. Общими статистическими работами *Фор-*

тунатова и *Янсона* мы заканчиваемъ нашъ указатель, чтобъ предоставить тѣмъ изъ читателей, которые имъ воспользуются, самимъ направить далѣе свои занятія въ интересующую ихъ сторону.

Указатель книгъ по политической экономіи.

I. Методъ науки и основные теоретическіе вопросы.

Майръ. Законосообразности въ общественной жизни, 1894.

Рикардо. Начала политич. экономіи. Сочиненія, пер. Н. Зибера 1882.

Марксъ. Критика нѣкоторыхъ положеній политич. экономіи. Пер. подъ редакціей Мануилова, 1896.

Марксъ. Капиталъ. Т. I и II. Спб. 1872—1885.

Менгеръ. Изслѣдованія о методахъ соціальныхъ наукъ и политич. экономіи въ особенности, 1894.

II. Исторія науки и современныя школы.

Чупровъ. Исторія политической экономіи, 1892.

Анненскій. Очерки новыхъ направленій въ экономической наукѣ. «Дѣло», 1882, №№ 4, 6, 8 *)

Статьи: **Чернышевскаго**, «Борьба партій во Франціи» («Современникъ»), **Исаева**, «Фурье» («Юридическій Вѣстникъ»), **Добролюбова**, «Оуэнъ» (сочиненія), **Валентинова**, «Родбертусъ» («Отеств. Зап.»).

Лавелэ. Современный соціализмъ. 1882.

Шэфле. Капитализмъ и соціализмъ, 1871.

III. Экономическая исторія.

a) Запада.

Зиберъ. Очерки первобытной экономической культуры, 1883.

Липпертъ. Исторія культуры, 1894.

Родбертусъ. Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности, вып. I—IV, 1881—1887.

Каутскій. Очерки и этюды. 1895.

Зевортъ. Исторія новаго времени, 1883. Главы экономическаго характера въ текстѣ и приложенія переводчика.

Михайловъ. Революціонный анабаптизмъ, 1889.

Лампрехтъ. Исторія германскаго народа. Т. I. II и III. 1895.

Гиббинсъ. Промышленная исторія Англіи. 1895.

Карѣевъ. Крестьяне во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в. 1879.

b) Россіи.

Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры, ч. I. Населеніе, экономическій, государственный и сословный строй. 1896.

---

*) Старые журналы можно теперь найти, къ сожалѣнію, только въ университетскихъ и публичныхъ библіотекахъ.

Аристовъ. Промышленность въ древней Руси, 1866.
Семевскій. Крестьяне въ Россіи во второй половинѣ XVIII в. «Сборникъ для самообразованія».
Иванюковъ. Паденіе крѣпостного права въ Россіи, 1882.

IV. Экономическая дѣйствительность.

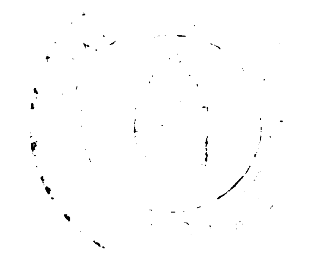
а) на Западѣ.

Ходскій. Земля и земледѣлецъ, т. I, гл. III—VII. 1891.
Землевладѣніе и сельское хозяйство, статьи изъ «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», 1896.
Промышленность, статьи оттуда же. 1896.
Шенланкъ. Промысловые синдикаты, 1895.
Ланге. Рабочій вопросъ. 2-е изд. 1895.
Сидней Веббъ и Коксъ. 8-ми-часовой рабочій день. 1892.
Бутсъ. Въ трущобахъ Англіи, 1891.
Миклашевскій. Рабочій вопросъ и соціальное законодательство въ Германіи 1896.

b) въ Россіи.

Ефименко. Изслѣдованія народной жизни, вып. I. 1884.
Карелинъ. Общинное землевладѣніе въ Россіи, 1893.
Посниковъ. Общинное землевладѣніе, 2 т. 1878.
В. В. Очерки кустарной промышленности. 1886.
Николай—онъ. Очерки нашего пореформеннаго хозяйства, 1893.
Исаевъ. Настоящее и будущее русскаго общественнаго хозяйства, 1896.
Дементьевъ. Фабрика. 1893.
Янжулъ. Фабричный бытъ рабочихъ Московской губ. 1884.
Святловскій. Фабричный рабочій, 1889.
Янсонъ. О крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ. 1881.
Фортунатовъ. Сельскохозяйственная статистика. 1893.

Ник. Водовозовъ.



ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ВСЕЛЕННОЙ.

Космологическія письма Герм. Клейна.

Переводъ съ третьяго нѣмецкаго изданія К. Пятницкаго.

(*Продолженіе* *).

ПИСЬМО II.

Прошлое и будущее вселенной.

Сопротивленіе эфира.—Паденіе планетъ на центральныя тѣла. — Можетъ ли вся матерія міровыхъ пространствъ постепенно собраться въ одно громадное тѣло.—Можно ли сказать, что вселенная приближается къ извѣстному предѣльному состоянію.—Энтропія міра стремится къ максимуму, такъ какъ количество матеріи конечно. — Слѣдствія, вытекающія изъ этого положенія.

Въ первомъ письмѣ я старался показать, что картина вселенной, насколько она доступна для нашихъ чувствъ, не представляетъ чего-то неподвижнаго, законченнаго разъ навсегда, на всѣ времена; напротивъ, въ ней происходятъ постоянныя измѣненія. Приходится отбросить старую аксіому, будто небо не подлежитъ разрушенію. Но возникаетъ такое предположеніе: быть можетъ, эти измѣненія въ отдѣльныхъ членахъ мірового цѣлаго, это появленіе и потуханіе звѣздъ, это паденіе кометъ и метеоритовъ на другія міровыя тѣла, которыя встрѣчаются на пути,—быть можетъ, всѣ эти явленія не играютъ большой роли въ жизни вселенной, и состояніе цѣлаго не можетъ вслѣдствіе ихъ измѣниться. Это—вопросъ крайне важный и крайне интересный, но, конечно, его нельзя рѣшить съ помощью однихъ наблюденій.

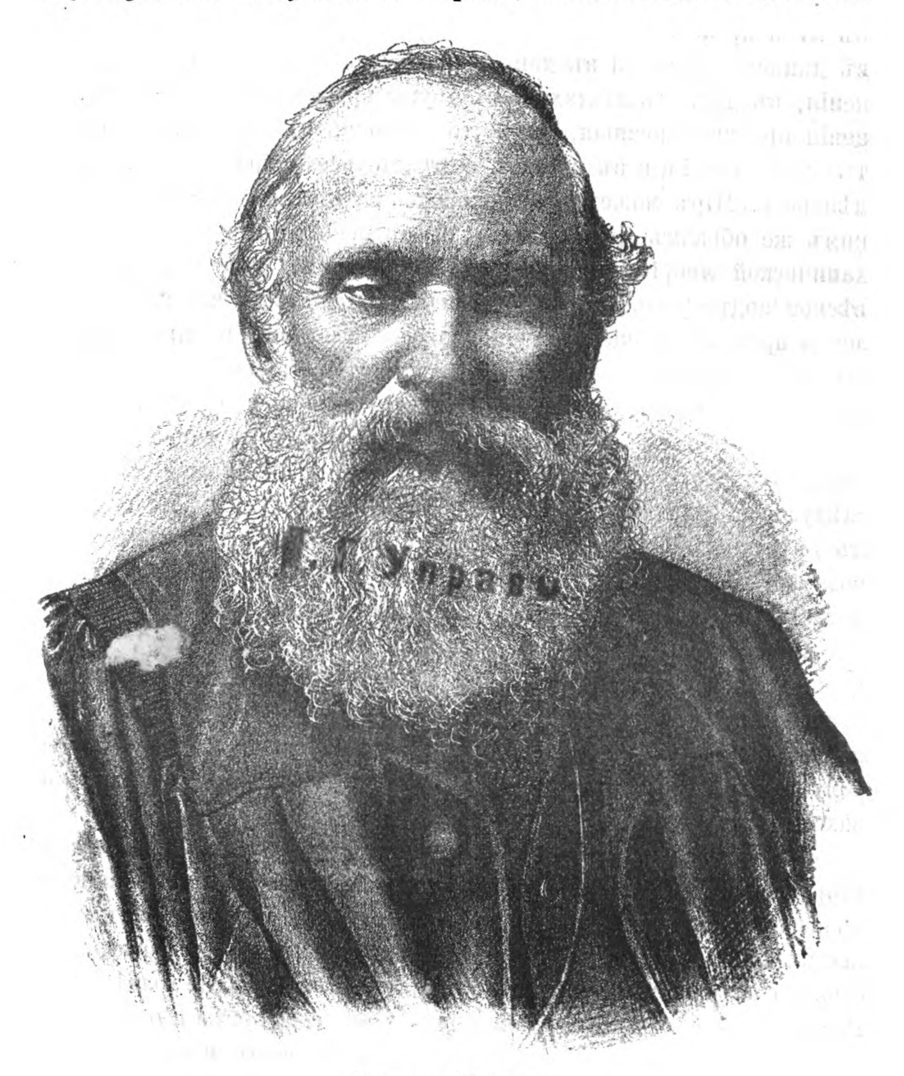
Въ прошломъ письмѣ я отмѣтилъ значеніе эфира: онъ оказываетъ сопротивленіе движущимся тѣламъ, онъ вызываетъ паденіе планетныхъ массъ на центральное тѣло, —такіе случаи имѣли мѣсто на отдѣльныхъ звѣздахъ уже въ теченіе историческаго пе-

*) См. «Міръ Божій», № 5, май 1896.

ріода. Ясно, что подобная судьба можетъ постигнуть любую планету, которая движется вокругъ неподвижной звѣзды, если только допустить достаточный промежутокъ времени. Въ этомъ отношеніи мы свободны: ничто не мѣшаетъ предположить необходимое число тысячелѣтій и милліоновъ лѣтъ, и въ концѣ концовъ всякую планету ждетъ уничтоженіе при ея паденіи на то солнце, около котораго она совершала круговой полетъ. Это заключеніе справедливо для всѣхъ областей видимой вселенной и для всякой солнечной системы, носящейся въ пространствѣ. Разовьемъ его далѣе: пройдетъ достаточно долгій промежутокъ времени, и по той же причинѣ солнце упадетъ на солнце, и звѣздныя кучи сольются съ другими звѣздными кучами въ одну хаотическую массу, которая, въ свою очередь, по прошествіи извѣстняго періода, должна соединиться съ обломками другихъ звѣздныхъ кучъ; наконецъ, вся матерія вселенной соберется въ одно тѣло. Это было бы концомъ всего міра. Вѣроятенъ ли такой исходъ? Нѣтъ ли другихъ силъ, которыя помѣшаютъ разрушенію вселенной или создадутъ новый міръ изъ обломковъ стараго? Такія силы не затруднится допустить тотъ, кто вмѣстѣ съ *Лейбницемъ* считаетъ этотъ міръ лучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ; если нельзя будетъ доказать, существованіе такихъ силъ, призовутъ на помощь всемогущество, чтобы спасти міровое цѣлое отъ разрушенія. Естествоиспытатель не можетъ прибѣгать къ такимъ пріемамъ. Мнѣніе, будто настоящій міръ является наилучшимъ изъ всѣхъ мыслимыхъ міровъ, очевидно, ни на чемъ не основано: это просто уступка человѣческому тщеславію. Обращеніе же къ божественному всемогуществу, чтобы отстоять излюбленную идею, можно разсматривать, какъ самое откровенное признаніе въ недостаткѣ доводовъ. Остается одно: принять во вниманіе самыя общія силы природы и разсмотрѣть, будутъ ли онѣ содѣйствовать такому разрушенію, или, напротивъ, окажутъ противовѣсъ.

На это могутъ сказать: существованіе силъ, дѣйствующихъ на всемъ просторѣ вселенной, пока еще не доказано. Нельзя, однако, отрицать, что вселенная приближается къ извѣстному предѣльному состоянію, при которомъ нѣтъ мѣста никакимъ измѣненіямъ. Въ 1851 г. *Вильямъ Томсонъ* впервые выставилъ основное положеніе: неодушевленныя тѣла не могутъ производить механическаго воздѣйствія чрезъ какую-нибудь среду, если ихъ температура ниже температуры окружающихъ тѣлъ. При всѣхъ превращеніяхъ энергіи, съ которыми мы встрѣчаемся въ природѣ, часть ея постоянно переходитъ въ теплоту. Эта послѣдняя стремится къ равновѣсію, при которомъ исчезаютъ тепловыя различія между отдѣльными тѣ-

лами. Вслѣдствіе этого формы энергіи съ теченіемъ времени должны уменьшаться; на ихъ счетъ устанавливается совершенно равномѣрное тепловое состояніе. И такъ, по выраженію Томсона, въ мірѣ происходитъ «разсѣяніе энергіи», и способность къ дѣйствію



Вильямъ Томсонъ.

въ природѣ постепенно уменьшается, пока не дойдетъ до нуля; а тогда наступитъ конецъ всѣхъ вещей.

Къ подобному выводу пришелъ *Клаузіусъ*, опираясь на второй законъ механической теоріи теплоты. Изъ него слѣдуетъ, что въ извѣстномъ направленіи превращенія энергіи могутъ идти сами

*

собою, т. е. безъ затраты энергіи извнѣ; зато въ обратномъ направленіи они совершаются лишь въ томъ случаѣ, если ихъ уравновѣшиваютъ другія превращенія, одновременныя и противоположныя. «Часто приходится слышать, — говоритъ Клаузіусъ, — что въ мірѣ происходитъ постоянный круговоротъ. Въ то время, какъ въ данномъ мѣстѣ и въ данное время мы наблюдаемъ одни измѣненія, въ другихъ мѣстахъ и въ другія времена совершаются измѣненія противоположныя, такъ-что постоянно повторяются одни и тѣ же состоянія, и въ общемъ состояніе вселенной остается неизмѣннымъ. Міръ можетъ вѣчно продолжать свое существованіе такимъ же образмъ. Когда было выставлено первое положеніе механической теоріи теплоты, въ немъ могли, пожалуй, увидѣть вѣское подтвержденіе этого взгляда. *Гельмгольцъ*, который немедленно призналъ общее значеніе этого положенія и, примѣнивши его къ различнымъ областямъ физики, сдѣлалъ его яснымъ и убѣдительнымъ, обозначилъ его названіемъ: «законъ сохраненія силы». Правильнѣе было бы сказать: «законъ сохраненія энергіи». Разсматривая его, какъ основной законъ вселенной, можно дать ему слѣдующее общее выраженіе: одна форма энергіи можетъ перейти въ другую, но при этомъ не происходитъ ни малѣйшей потери въ количествѣ энергіи; напротивъ, общая сумма энергіи во вселенной остается неизмѣнною, такъ же, какъ и общая масса вещества. Вѣрность этого закона—внѣ сомнѣнія, и онъ, дѣйствительно, выражаетъ неизмѣнность вселенной въ извѣстномъ, очень важномъ, отношеніи. Тѣмъ не менѣе, видѣть въ немъ подтвержденіе взгляда, по которому вселенная неизмѣнна во всѣхъ отношеніяхъ, по которому въ ней господствуетъ вѣчный круговоротъ,—это значило бы заходить слишкомъ далеко.

«Этому взгляду самымъ рѣшительнымъ образомъ противорѣчитъ второй законъ механической теоріи теплоты. Работа, которую могутъ произвести силы природы и которая заключается въ движеніяхъ міровыхъ тѣлъ, все болѣе и болѣе превращается въ теплоту. Теплота постоянно переходитъ отъ тѣлъ болѣе теплыхъ къ болѣе холоднымъ. Распредѣленіе ея будетъ становиться все равномѣрнѣе и равномѣрнѣе; между лучистою теплотой, разсѣянной въ эфирѣ, и теплотой, заключенной въ тѣлахъ, наступитъ извѣстное равновѣсіе. Наконецъ, по своему молекулярному строенію тѣла приблизятся къ извѣстному состоянію, при которомъ общее разъединеніе частицъ для данной температуры будетъ наибольшее. Я попытался выразить весь этотъ процессъ простымъ закономъ; при его помощи опредѣленно характеризуется состояніе, къ которому постепеннно приближается міръ. Я вообразилъ величину, которая имѣетъ тоже значеніе относительно

превращеній, какъ энергія относительно теплоты и работы,—именно сумму всѣхъ превращеній, которыя должны были произойти, чтобы привести тѣло или совокупность тѣлъ къ ихъ настоящему состоянію. Эту величину я назвалъ «энтропіей». Превращенія, при которыхъ энергія принимаетъ форму теплоты, называются положительными; противоположныя превращенія, при которыхъ теплота переходитъ въ работу, называются отрицательными. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ положительныхъ превращеній больше, чѣмъ отрицательныхъ, энтропія увеличивается. Отсюда нужно заключить, что

Гельмгольцъ.

при всѣхъ явленіяхъ природы энтропія можетъ только возростать, а никакъ не уменьшаться. Вмѣстѣ съ тѣмъ выясняется законъ, способный служить краткимъ выраженіемъ того процесса превращеній, который совершается постоянно и повсемѣстно: *энтропія міра стремится къ максимуму*. Чѣмъ больше міръ приближатся къ этому предѣльному состоянію, когда энтропія достигаетъ максимума, тѣмъ меньше поводовъ къ дальнѣйшимъ измѣненіямъ; и еслибъ это состояніе было, наконецъ, достигнуто, прекратились бы всѣ измѣненія, и міръ застылъ бы среди мертваго покоя. Пусть настоящее состояніе вселенной еще очень далеко отъ этого предѣла. Пусть приближеніе къ нему происходитъ такъ медленно,

что всѣ промежутки времени, съ какими имѣетъ дѣло исторія, представляются лишь краткимъ мгновеніемъ сравнительно съ громадными періодами, какихъ требовалъ міръ даже для небольшихъ перемѣнъ. Все-таки найденъ законъ, дающій намъ увѣренность, что въ мірѣ нѣтъ всеобщаго круговорота, что его состояніе измѣняется и приближается къ извѣстному предѣлу».

Въ первый разъ еще точная наука указала законъ, который обусловливаетъ для современнаго устройства вселенной конецъ во времени и, вмѣстѣ съ тѣмъ, начало во времени. Признано существованіе процесса, который когда-нибудь остановитъ пульсъ вселенной. Съ тѣхъ поръ призванные и непризванные успѣли сказать свое слово по этому великому вопросу, и рѣшительно все, что выставлялось противъ заключеній *Клаузіуса*, оказалось несущественнымъ. Вѣчность современнаго мірового порядка—эти слова не имѣютъ больше значенія въ области точнаго знанія; когда-нибудь часы вселенной остановятся, и времени не будетъ.

Только при одномъ условіи вселенная никогда не достигнетъ этого предѣльнаго состоянія: если сумма матеріи въ пространствѣ безконечна. Тогда энтропія никогда не дойдетъ до минимума, хотя бы природа стремилась къ ней въ безконечно многихъ пунктахъ. Но возможно ли допустить безконечность матеріи въ безконечномъ пространствѣ? Говоря откровенно, я могу не видѣть необходимости въ этомъ. Сдѣлавши такое допущеніе, мы признаемъ, въ сущности, что постоянно творится новая матерія: вѣдь еще *Гауссъ* остроумно замѣтилъ, что безконечное можно представить только, какъ вѣчно не конченное. *Ньютонъ* думалъ когда-то, что планетная система не будетъ имѣть устойчивости, если время отъ времени не будетъ вмѣшиваться всемогущая сила; современная физика приводитъ насъ къ заключенію, что вся вселенная по истеченіи невообразимо-громаднаго промежутка времени должна погрузиться въ состояніе мертвой неподвижности, если всемогущая воля не творитъ непрерывно новой матеріи. Въ такомъ случаѣ сила цѣлой вселенной, подобно потоку, вытекаетъ въ безконечность изъ таинственнаго источника, который не можетъ изсякнуть.

Но эта безконечность, въ свою очередь, является такимъ понятіемъ, которое подавляетъ человѣческій разумъ и которое мы должны вводить въ наши вычисленія только въ случаяхъ крайней необходимости. Въ популярныхъ сочиненіяхъ приводятся иногда примѣры, которые наглядно показываютъ противоположность между конечнымъ и безконечнымъ. *Кронигъ* даетъ слѣдующій численный примѣръ. Напишемъ рядъ числа:

$$1^1,\ 2^2,\ 3^3,\ 4^4,\ 5^5,\ 6^6 \text{ и т. д.}$$

10^{10} равняется уже десяти тысячамъ милліоновъ. 100^{100} равно числу, которое выражается единицею съ десятью тысячами нулей. Если эти числа кажутся недостаточно большими, можно написать другой рядъ чиселъ, составленный слѣдующимъ образомъ:

$$2^2, \quad 3^{3^3}, \quad 4^{4^{4^4}}, \quad 5^{5^{5^{5^5}}} \text{ и т. д.}$$

Первое число 2^2 равно 4; второе будетъ уже больше 8 билліоновъ. О третьемъ числѣ въ этомъ ряду можно дать приблизительное понятіе такимъ разсчетомъ. Представьте прямую линію такой длины, чтобы свѣтъ, который дѣлаетъ въ секунду 280.000 верстъ, могъ пролетѣть ее только въ квинтилліонъ лѣтъ; квинтилліонъ пришлось бы изобразить единицею съ 30 нулями. Представьте далѣе, что этой линіей, какъ радіусомъ, описанъ шаръ, и вся внутренность этого шара наполнена типографскими чернилами. Все-таки ихъ не хватило бы, чтобы напечатать данное число самыми мелкими изъ существующихъ литеръ. Вотъ насколько велико это число: — $4^{4^{4^4}}$. Еслибъ меня попросили дать такимъ же образомъ понятіе о слѣдующемъ, четвертомъ числѣ, я, навѣрное, не зналъ бы, какъ начать. Представить дальнѣйшія числа еще труднѣе. И, однако, они являются совершенно ничтожными сравнительно съ безконечной величиной.

Но *Кронигъ* также не приписываетъ вселенной вещественной безконечности: скорѣе онъ убѣжденъ, что матерія вѣчна, но сумма отдѣльныхъ частицъ ея въ то же время конечна. Это представленіе о мірѣ приводитъ къ новымъ трудностямъ. Изъ него неизбѣжно слѣдуетъ, что всѣ возможныя группировки атомовъ въ теченіе минувшихъ, безконечно долгихъ періодовъ уже повторялись безчисленное множество разъ. Значитъ, современная вселенная существовала въ прошломъ несмѣтное число разъ. *Кронигъ* не можетъ думать этого: онъ соглашается съ выводомъ *Клаузіуса*, что вселенная прекратитъ свое существованіе, когда наступитъ полное равенство между температурами отдѣльныхъ предметовъ; онъ поясняетъ даже, что для этого достаточно тѣхъ громадныхъ тепловыхъ потерь, которыя испытываетъ каждое свѣтящееся небесное тѣло вслѣдствіе постояннаго перехода теплоты въ эфиръ.

Все это приводитъ къ заключенію: нѣтъ ничего внѣ вселенной, нѣтъ ничего выше ея; но мы, люди, съ нашими органами чувствъ, можемъ постигать не все содержаніе, не всѣ стороны этого мірового бытія, а только тѣ, которыя доступны нашимъ чувствамъ и нашему разуму. Одѣтые бреннымъ тѣломъ, мы познаемъ лишь пространственное и временное. Отсюда вытекаетъ, что наши изслѣдо-

ванія въ извѣстномъ направленіи должны всегда оставаться односторонними.

Не смотря на эту односторонность, мы видимъ, что устройство міра таково, какъ если бы онъ былъ проникнутъ Высочайшимъ Разумомъ, который въ то же время обладаетъ неизмѣримою способностью къ творчеству. Величайшіе изслѣдователи всѣхъ временъ, основатели современнаго естествознанія признавали присутствіе такого Разума. Его существованіе слѣдуетъ изъ всей совокупности явленій природы съ такой же ясностью и неизбѣжностью, какъ существованіе силы тяготѣнія въ солнцѣ слѣдуетъ изъ движенія планетъ по замкнутымъ путямъ.

ПИСЬМО III.

Царство туманныхъ пятенъ и роль ихъ въ развитіи звѣздныхъ системъ.

Различныя формы міровыхъ тѣлъ соотвѣтствуютъ различнымъ моментамъ ихъ исторіи развитія.—Изысканія Гершеля относительно строенія звѣзднаго міра.—Что такое Млечный Путь.—Блѣдныя, безформенныя туманности, какъ эмбріональныя состоянія звѣздныхъ системъ.—Спиральныя туманности, какъ дальнѣйшій моментъ въ ихъ развитіи.—Новыя данныя относительно исторіи міровъ, полученныя съ помощью фотографіи.—Образованіе солнечной системы изъ вращающейся туманной массы.

Изученіе доступныхъ намъ областей вселенной показало, что небесныя пространства наполнены міровыми тѣлами крайне разнообразныхъ типовъ. Мы видимъ планеты, которыя кружатся около солнца и получаютъ отъ него свѣтъ и теплоту; мы наблюдаемъ кометы, метеоры, безконечные сонмы неподвижныхъ звѣздъ, звѣздныя скопленія и туманности. На это обратили вниманіе, и тщательныя изслѣдованія помогли установить, что различныя формы небесныхъ тѣлъ соотвѣтствуютъ различнымъ моментамъ развитія. Если два міровыхъ тѣла отличаются внѣшнею формою, это показываетъ, что они находятся въ разныхъ періодахъ развитія. Попытаемся же воспроизвести весь ходъ этого развитія.

Такая попытка была бы безумною, еслибъ мы думали рѣшить вопросъ непосредственными наблюденіями: вѣдь дѣло идетъ о происхожденіи и гибели міровыхъ тѣлъ, а въ такомъ случаѣ все время существованія рода человѣческаго представляется не болѣе, какъ мгновеніемъ. Есть, однако, другой путь, ведущій къ той же цѣли: сопоставимъ различныя формы небесныхъ тѣлъ, существующія въ пространствѣ *рядомъ*, *одновременно;* это приведетъ къ заключеніямъ относительно *послѣдовательности* ихъ развитія.

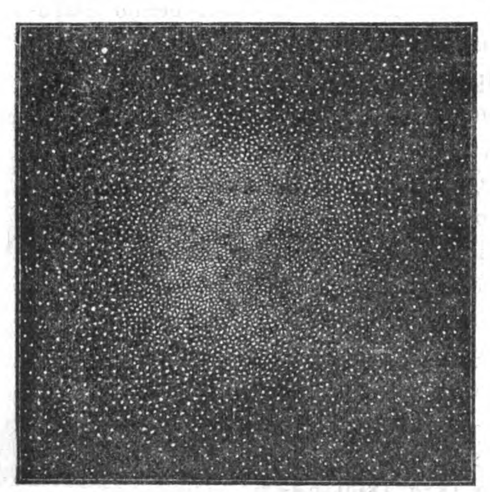
Первый направился этимъ путемъ великій изслѣдователь неба, *Фр. Вильямъ Гершель.* Одушевленный возвышенной идеею, онъ стремился открыть въ глубинахъ небеснаго пространства слѣды тѣхъ измѣненій, которыя съ теченіемъ времени происходятъ въ строеніи звѣздныхъ міровъ. Онъ думалъ, что, дѣйствительно, нашелъ такія области неба, которыя носятъ ясные слѣды опустошительнаго вліянія времени «Въ созвѣздіи Скорпіона,—говоритъ онъ,—есть отверстіе; вѣроятно, оно произошло подъ вліяніемъ этой причины. Я нашелъ его, когда изслѣдовалъ параллельную полосу, отстоящую на 112—114° отъ сѣвернаго полюса. Я считалъ звѣзды въ полѣ зрѣнія моего телескопа. Число звѣздъ постепенно возростало, когда я приближался къ Млечному Пути; вдругъ оно упало до нуля; затѣмъ опять возросло до 4—13, а вскорѣ и до 41. Данное отверстіе занимаетъ около 4° въ ширину. Замѣчательно, что какъ разъ на западномъ краю его лежитъ одно изъ самыхъ богатыхъ и скученныхъ звѣздныхъ скопленій, какія только мнѣ приходилось видѣть. Невольно является предположеніе, что звѣзды этого скопленія собрались съ сосѣдней области пространства и оставили тамъ пустоту. Есть обстоятельства, подтверждающія этотъ взглядъ: извѣстно еще одно звѣздное скопленіе, которое лежитъ также на западномъ краю другого отверстія; рядомъ съ нимъ, къ сѣверо-западу замѣтна маленькая группа звѣздъ или легко разложимая туманность съ діаметромъ въ 2½ минуты».

Обѣ звѣздныя кучи, упомянутыя здѣсь *Гершелемъ*, занимаютъ на небѣ слѣдующія положенія (для 1860 г.):

Прямое восхожденіе	16 ч. 9 мин.	Разстояніе отъ сѣв. полюса					112°38′
»	»	16 ч. 15 мин.	»	»	»	»	116°11′

Млечный Путь, по *Гершелю*, также обнаруживаетъ слѣды измѣненія и разрушенія. Вотъ его слова: «Если когда-нибудь Млечный Путь состоялъ изъ равномѣрно разсѣянныхъ звѣздъ, теперь, какъ показываетъ наблюденіе, этой равномѣрности не существуетъ. Въ ясную ночь на участкѣ Млечнаго Пути между созвѣздіями Стрѣльца и Персея можно отмѣтить, по крайней мѣрѣ, 18 различныхъ оттѣнковъ мерцающаго свѣта; эти мѣста по внѣшности походятъ на большія, легко разложимыя туманности. Не говоря уже объ этихъ общихъ подраздѣленіяхъ, извѣстныя наблюденія заставляютъ насъ предположить распаденіе Млечнаго Пути на болѣе мелкія части. Таково неизбѣжное слѣдствіе силы, образующей скопленія; она слагается изъ притяженій, преобладающихъ въ данной области. Я указалъ 157 звѣздныхъ кучъ, которыя лежатъ въ предѣлахъ Млечнаго Пути. Къ нимъ нужно прибавить еще 68 скопленій, расположенныхъ въ болѣе бѣдныхъ частяхъ Млеч-

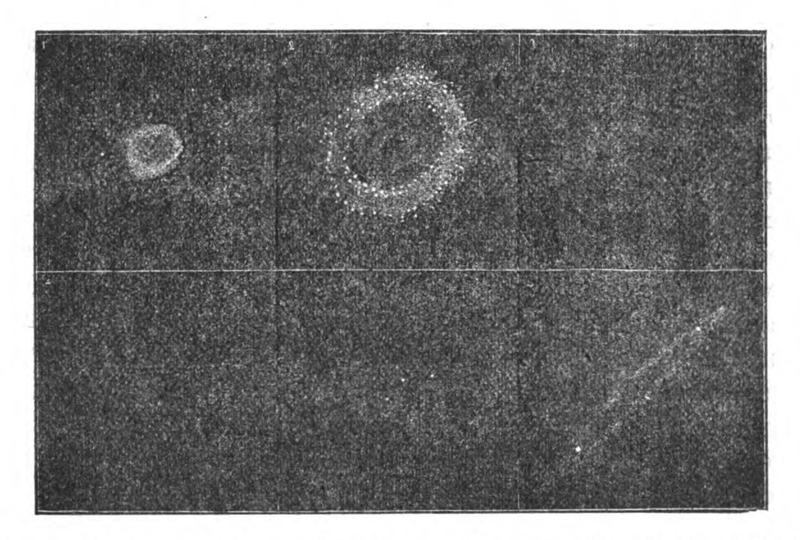
наго Пути, на краяхъ его, гдѣ едва-одва виденъ мерцающій свѣтъ. Нужно помнить, что этотъ необъятный лагерь звѣздъ не обрывается внезапно, какъ изображается это на звѣздныхъ картахъ: онъ исчезаетъ изъ глазъ постепенно, по мѣрѣ того, какъ число звѣздъ убываетъ и мерцаніе ихъ становится слабѣе. Разъ звѣзды Млечнаго Пути непрерывно подвержены вліянію силы, которая неодолимо собираетъ ихъ въ группы, мы можемъ быть увѣрены, что въ каждой группѣ онѣ будутъ сближаться все болѣе и болѣе; наконецъ, скопленіе пріобрѣтетъ особенности, соотвѣтствующія періоду зрѣлости: шарообразную форму и полную изолированность. Вотъ почему съ теченіемъ времени Млечный Путь разложится и не будетъ болѣе лагеремъ разсѣянныхъ звѣздъ. Это постоянное разложеніе Млечнаго Пути позволяетъ намъ сдѣлать еще одно важное заключеніе. Состояніе, въ которое привела его до сихъ поръ эта сила, постоянно образующая скопленія, слѣдуетъ разсматривать, какъ хронометръ, который позволяетъ судить объ его прошломъ и его будущемъ. Мы не знаемъ хода этого таинственнаго хронометра; но распаденіе Млечнаго Пути на отдѣльныя части доказываетъ: съ одной стороны, что онъ не могъ существовать отъ вѣчности, съ другой—что онъ будетъ имѣть конецъ во времени». Самый поразительный примѣръ скучиванья звѣздъ и распаденія Млечнаго Пути на отдѣльныя части представляется, *по Вильяму Гершелю*, между звѣздами β и γ въ Лебедѣ. Скучиванье идетъ здѣсь по двумъ различнымъ направленіямъ. Вычисленіе показываетъ, что на пространствѣ шириной въ 5° расположено больше 331.000 звѣздъ; половина движется въ одну сторону, другая—въ противоположную.



Звѣздная куча въ созвѣздіи Центавра.

Взгляды *Гершеля* проникнуты величіемъ, но возможны возраженія. Вѣдь намъ доступно только оптическое распредѣленіе этихъ звѣздъ на небесномъ сводѣ, слѣдовательно, *видимая* ихъ группировка, какъ представляется она съ громаднаго разстоянія, съ земли; мы не знаемъ, въ сущности, ничего вполнѣ точнаго объ

истинномъ распредѣленіи ихъ въ пространствѣ. По этому вопросу существуютъ изслѣдованія, о которыхъ я не могу говорить здѣсь подробнѣе, но которыя обстоятельно изложены во второй части моей книги «Всеобщее описаніе неба» *): они приводятъ къ выводу, что воззрѣнія *Вильяма Гершеля* относительно строенія Млечнаго Пути не были вѣрными; самъ великій астрономъ совершенно оставилъ ихъ передъ смертью, когда призналъ Млечный Путь неизмѣримымъ. Изъ моихъ собственныхъ изысканій слѣдуетъ, что въ мірѣ, насколько охватываетъ его нашъ взоръ съ помощью телескопа, существуетъ *только одинъ* Млечный Путь. Тѣ кольцеобразныя туманности, въ которыхъ нѣкоторые астрономы видѣли образованія, аналогичныя съ нашимъ Млечнымъ Путемъ, представляются рядомъ съ нимъ совершенно ничтожными по своей величинѣ и значенію.



Кольцеобразныя туманности: 1) въ Лирѣ—по Гершелю, 2) въ Лирѣ—по Россу, 3) въ Лебедѣ, 4) въ Змѣеносцѣ, 5) въ Скорпіонѣ, 6) въ Андромедѣ при Гаммѣ.

Чтобы ясно представить положеніе Млечнаго Пути во вселенной, пусть вспомнятъ, что въ нашей планетной системѣ есть плоскость, въ которой, приблизительно, расположены пути планетъ. Это—плоскость солнечнаго экватора. Совершенно такое же значеніе имѣетъ нѣкоторая другая плоскость для звѣздныхъ системъ. Послѣднія группируются, приблизительно, около одной средней плоскости, которая намъ представляется плоскостью Млечнаго Пути. Кольцеобразная форма—оптическій обманъ; онъ вызывается расположеніемъ чрезмѣрно большого числа звѣздныхъ скопленій и

*) Handbuch der allgemeinen Himmelsbeschreibung. Braunschweig. 1872.

звѣздныхъ группъ въ данной плоскости. Къ одному изъ этихъ звѣздныхъ скопленій принадлежитъ наше солнце, равно какъ и то звѣздное небо, которое въ часы ночи разстилается надъ нашими головами; сквозь сѣть его звѣздъ мы видимъ, какъ въ страшной дали другія звѣздныя скопленія то располагаются рядомъ, то закрываютъ одно другое и, подобно полосамъ тумана, охватываютъ небо въ видѣ громаднѣйшаго круга. Какъ листья на поверхности пруда, мерцаютъ цѣлыя системы звѣздъ на поверхности, которая представляется намъ плоскостью Млечнаго Пути. Теперь понятно также, почему даже въ сильнѣйшіо телескопы это громадное цѣлое должно казаться неизмѣримымъ, и почему мы ничего не можемъ знать относительно внѣшней границы этого звѣзднаго кольца. Очень вѣроятно, что расхожденіе звѣздныхъ кучъ, о которомъ упоминаетъ *Вильямъ Гершель*, было только кажущееся. Представьте, что эти толпы звѣздъ обладаютъ собственнымъ движеніемъ, что то звѣздное скопленіе, къ которому относится наше солнце, также движется въ пространствѣ; этого достаточно, чтобы вызвать видимое расхожденіе скопленій на небесномъ сводѣ. Конечно, мы гораздо основательнѣе судили бы о всѣхъ этихъ явленіяхъ и гораздо лучше знали бы законы, управляющіе ими, если бы наши наблюденія охватывали промежутокъ во много милліоновъ лѣтъ. Наше существованіе эфемерно, изслѣдованіе глубины небеснаго пространства началось, можно сказать, только со вчерашняго дня. Вотъ почему нельзя опираться исключительно на тѣ перемѣны въ строеніи и расположеніи звѣздныхъ кучъ, которыя происходятъ на нашихъ глазахъ. Едва ли этотъ методъ приведетъ къ выводамъ относительно происхожденія и исторіи мірового порядка.

При такихъ обстоятельствахъ остроумный *Вильямъ Гершель* первый указалъ новый путь. Чтобы освѣтить исторію развитія мировыхъ системъ, онъ обратился къ *сравнительному* изученію формъ, существующихъ одновременно. Этотъ методъ, по словамъ самого *Гершеля*, проливаетъ новый свѣтъ на небесныя тѣла. Небо можно сравнить съ роскошнымъ садомъ, гдѣ на отдѣльныхъ грядкахъ разсѣяно множество растеній всѣхъ возрастовъ. Положимъ, наша цѣль — ознакомиться съ исторіей развитія извѣстнаго растенія. Нѣтъ нужды ждать, чтобы оно на нашихъ глазахъ проросло, покрылось листьями и цвѣтами, принесло плоды, увяло и, наконецъ, истлѣло: достаточно пересмотрѣть большое число экземпляровъ, которые познакомятъ насъ со всѣми возрастами даннаго растенія. Осмотръ можетъ быть кратковременнымъ;

это не мѣшаетъ распространить его выводы на неизмѣримо большой промежутокъ времени.

Ясно, что при изслѣдованіяхъ, которыя ведутся указаннымъ способомъ, легко могутъ вкрасться значительныя ошибки. Необходима крайняя осторожность въ выводахъ. Въ лучшемъ случаѣ мы только приблизительно набросаемъ картину происхожденія и развитія міровыхъ тѣлъ. И все-таки, какая величественная перспектива развертывается при этомъ предъ нашимъ духовнымъ взоромъ! Насколько глубже становятся мысли, съ какими созерцаемъ мы ночное небо, усѣянное звѣздами! Мы представляемъ, какъ всѣ эти системы небесныхъ тѣлъ, какія только можно различить въ самые сильные телескопы, постепенно развиваются и снова нисходятъ въ ночь небытія, чтобы уступить мѣсто новымъ образованіямъ. Нашъ разумъ говоритъ, что, если дано достаточно времени, все небо съ его солнцами, роями звѣздъ и туманными пятнами переживетъ извѣстныя превращенія и дастъ начало новымъ формамъ. Было время, когда мы напрасно стали бы искать взорами этотъ Млечный Путь, который теперь свѣтлою дугой охватываетъ небо и, въ свою очередь, въ грядущемъ наступятъ дни, когда его не будетъ. Быть можетъ, другой Млечный Путь, составленный изъ другихъ звѣздъ и скопленій, протянется по ночной тверди предъ глазами мыслящихъ существъ. Конечно, между этими смѣняющимися состояніями должны пройти такіе періоды времени, предъ которыми безсиленъ самый смѣлый умъ, которые обитателю земли никогда не удастся опредѣлить или измѣрить.

Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что великій организмъ вселенной при своемъ развитіи подверженъ превращеніямъ. Все-таки мыслящему существу никогда не будетъ дано выяснить *съ эмпирическою достовѣрностью*, простираются ли подобныя превращенія только на отдѣльныя части, такъ что цѣлое никогда не вернется къ своему исходному состоянію, или же отдѣльныя міровыя системы постепенно соединятся въ одно цѣлое, и изъ него разовьется совершенно новая вселенная. Человѣческій духъ особенно охотно остановился бы на послѣднемъ предположеніи. Но пора отъ этихъ вопросовъ, которые не по силамъ человѣку, снова вернуться къ настоящему и изслѣдовать процессы, которые совершаются при возникновеніи и развитіи *отдѣльныхъ* системъ.

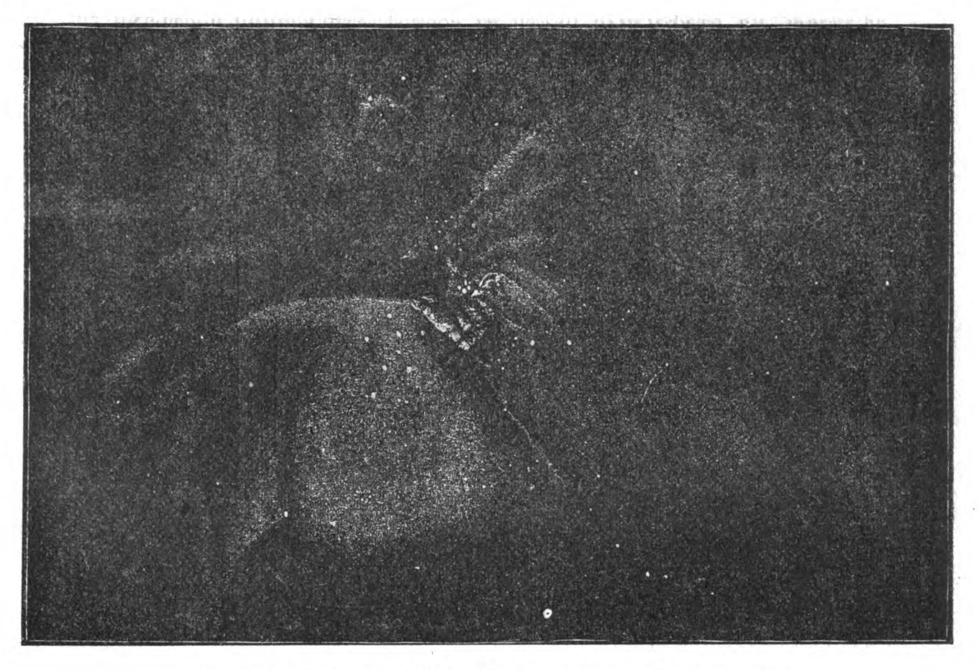
Вильямъ Гершель настойчиво указывалъ, что громадныя, блѣдныя, безформенныя туманности представляютъ эмбріональныя состоянія солнечныхъ системъ, а, можетъ быть, и звѣздныхъ скопленій. Слѣдовательно, въ ряду формъ, которыя разсѣяны въ небесныхъ пространствахъ, это—образованія наиболѣе юныя. Ихъ

нѣжность, безформенность и слабость свѣта заставили Гершеля приписать имъ крайне малую плотность. Чтобы получить представленіе о крайней тонкости этого туманнаго вещества, достаточно вспомнить одинъ фактъ: въ длину и ширину туманности покрываютъ значительныя пространства, очень часто не уступающія по величинѣ лунному диску; сообразно съ этимъ, и третье измѣреніе, глубина или толщина слоя, также должно быть значительно, тѣмъ не менѣе, этотъ туманъ свѣтитъ необыкновенно слабо. Крайней рѣдкости соотвѣтствуетъ безформенность. Разъ вещество раздроблено на мельчайшія частицы и разсѣяно на громадномъ пространствѣ, слѣдствія взаимнаго притяженія частицъ, конечно, проявятся позже, чѣмъ при болѣе грубомъ распредѣленіи матеріи.

Безформенная туманность.

Мы уже говорили, что такія безформенныя, громадныя, крайне блѣдныя туманности являются, вѣроятно, наиболѣе юными образованіями вселенной. Тѣмъ не менѣе, возрастъ ихъ измѣряется, навѣрное, многими милліонами лѣтъ. Съ химическимъ составомъ туманностей могъ познакомить только спектральный анализъ. Сравнительное изслѣдованіе ихъ при помощи сильныхъ телескоповъ могло дать понятіе лишь о самыхъ общихъ физическихъ свойствахъ; теперь же, сопоставивъ эти данныя съ выводами спектро-

скопическихъ изслѣдованій, мы можемъ придти къ важнымъ заключеніямъ. *Гёггинсъ* первый анализировалъ свѣтъ туманностей и призналъ, что это—громадныя скопленія раскаленныхъ газовъ, главнымъ образомъ, водорода и азота. Дальнѣйшія изысканія показали, что, если сопоставить ихъ съ солнцемъ, температура ихъ низка, а плотность необыкновенно мала. Но туманности, подвергнутыя спектроскопическому изслѣдованію, свѣтятъ *ярче* другихъ, значитъ, достигли уже извѣстной степени сгущенія. Плотность же тѣхъ громадныхъ, разсѣянныхъ массъ тумана, которыя даже въ 40-футовый телескопъ *Гершеля* представлялись въ видѣ необыкно-



Большая туманность Оріона со сгущеніемъ въ центрѣ.

венно слабаго мерцанія, должна быть такъ ничтожна, что намъ трудно представить ее.

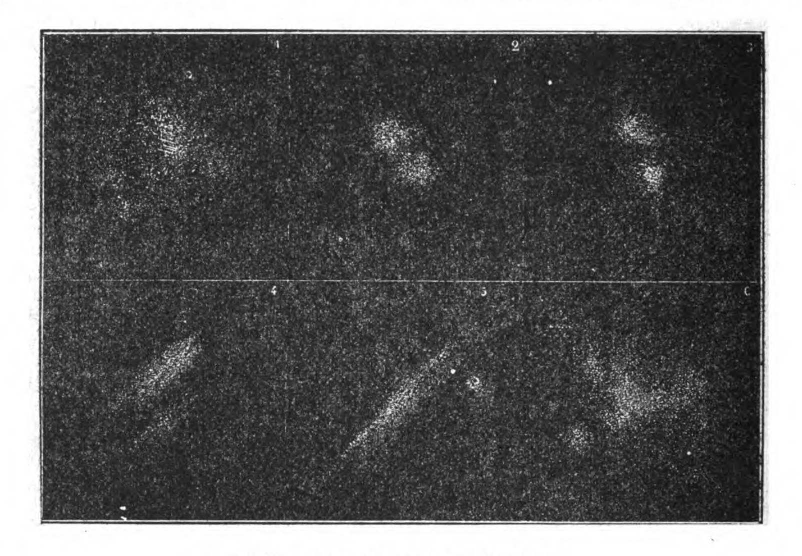
Первыя изслѣдованія *Гёггинса* относились къ яркой и довольно крупной туманности (4.374 по общему каталогу Гершеля). Въ 1860 г. она занимала слѣдующее положеніе на небѣ:

прямое восхожденіе—17 ч. 59 м.,

разстояніе отъ сѣвернаго полюса—115°1′.

Эта туманность пережила уже первые моменты развитія. Прошло, быть можетъ, много милліоновъ лѣтъ, пока она сгустилась до настоящаго состоянія вслѣдствіе притяженія и лучеиспусканія.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что массы разсѣяннаго тумана всегда стягиваются въ одно свѣтлое облако: вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ образуется нѣсколько отдѣльныхъ центровъ тяготѣнія, и вся масса распадается на большое число обрывковъ. Уже *Гершель старшій* замѣчаетъ, что очень многія туманности расположены группами или слоями. Въ своей первой работѣ о строеніи неба онъ описываетъ группу туманностей, настолько богатую, что въ теченіе 36-ти минутъ вслѣдствіе суточнаго вращенія неба чрезъ поле зрѣнія его телескопа прошло не менѣе 31 облака, которыя всѣ отчетливо выдѣлялись на синевѣ небеснаго свода. Допустимъ, что первоначальная масса мірового тумана раздѣлилась на отдѣльныя части съ соотвѣтствующими центрами тя-

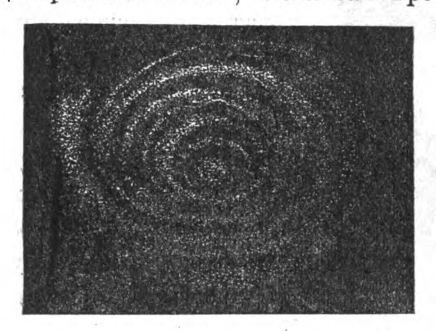


Двойныя и кратныя туманности.

готѣнія; эти части будутъ притягиваться другъ къ другу и двигаться вокругъ общаго центра всей системы, или же они должны обладать извѣстнымъ собственнымъ движеніемъ по прямой линіи. Существуютъ туманности, настолько сближенныя, что въ каталогахъ ихъ описываютъ подъ именемъ «двойныхъ» и «кратныхъ»; если приписать ихъ частямъ взаимную связь, во вселенной окажется значительное число системъ, составленныхъ изъ туманныхъ массъ. Внутри ихъ должны совершаться движенія вокругъ общаго центра тяжести, хотя мы не можемъ еще доказать ихъ на основаніи наблюденій.

Особенно интересны *спиральныя туманности*. Онѣ были открыты съ помощью громаднаго зеркальнаго телескопа лорда *Росса*.

Первую изъ нихъ *Россу* удалось различить весною 1845 г.; *Джонъ Гершель* наблюдалъ ее въ менѣе сильный телескопъ и описалъ какъ шарообразную туманную массу, охваченную далеко отодвинутымъ свѣтлымъ кольцомъ. Еще 6-го октября 1784 г. *В. Гершель* разсматривалъ въ семифутовый рефлекторъ одну туманность, занесенную въ его большой каталогъ подъ № 4.964. Онъ описалъ ее, какъ свѣтлый, круглый, хорошо ограниченный планетарный дискъ около 15″ въ діаметрѣ. Позднѣйшія работы *Ласселя* и *Росса* обнаружили, что это пятно представляетъ переходъ къ спиральнымъ туманностямъ. *Гёггинсъ* нашелъ, что спектръ ея состоитъ изъ четырехъ свѣтлыхъ линій, которыя доказываютъ присутствіе водорода и азота. Все строеніе этого класса туманностей наводитъ на мысль, что внутри ихъ совершаются разнообразнѣйшіе перевороты. Исполинскіе потоки раскаленной матеріи направляются къ центральной массѣ, описывая гро-



Спиральная туманность въ созвѣздіи Льва.

Спиральная туманность въ созвѣздіи Гончихъ Собакъ—по Гершелю.

мадныя спирали и обнаруживая вращательныя и вихревыя движенія. Представимъ, что вся солнечная система обратилась въ раскаленный газъ и огненные, газообразные потоки стремятся по спиралямъ къ центральной массѣ. Явленія, которыя происходятъ внутри туманностей, еще грандіознѣе и величавѣе.

Наибольшей извѣстностью пользуется спиральная туманность въ созвѣздіи Гончихъ Собакъ. Въ небольшую зрительную трубу ее можно различить, какъ туманное пятнышко, расположенное на 3° южнѣе звѣзды *η* изъ созвѣздія Большой Медвѣдицы. Ея мѣсто на небѣ точнѣе опредѣляется слѣдующими данными: прямое восхожденіе 13 ч. 24 м., склоненіе къ сѣверу 47°52′. Эта туманность открыта *Мессье* 13-го октября 1773 года. Онъ изобразилъ ее двойною, съ блестящимъ центромъ и съ діаметромъ въ 4½′. Лучше разсмотрѣлъ это міровое тѣло *В. Гершель*. По его описа-

нію, это—круглая, свѣтлая туманность, окруженная кольцомъ и сопровождаемая на извѣстномъ разстояніи другою туманностью.

Наконецъ, лордъ *Россъ* изслѣдовалъ туманность въ свой гигантскій телескопъ и нарисовалъ ее въ видѣ блестящей спирали. Позднѣе примѣнили фотографію; получилось изображеніе, напоминающее въ общихъ чертахъ рисунокъ *Росса*.

Мы уже упоминали планетарную туманность въ созвѣздіи Дракона (№ 4.374), свѣтъ которой былъ впервые изслѣдованъ *Гёггинсомъ*. Она снова была изучена проф. *Гольденомъ* съ помощью громаднаго Ликовскаго рефрактора. Были пущены въ ходъ увеличенія отъ 270 до 2.000 разъ. Получилось изображеніе замѣчательно ясное. Оказалось, что данная туманность составлена изъ колецъ, расположенныхъ въ видѣ спирали одно надъ другимъ. Затѣмъ на обсерваторіи Лика изслѣдовали планетарную туманность въ созвѣздіи Водолея (№ 4.628); она также обнаружила яркія извилины, которыя даютъ ей сходство съ туманностью въ Драконѣ. Такихъ туманностей много; число ихъ возростаетъ, по мѣрѣ того какъ увеличивается сила телескоповъ, примѣняемыхъ для ихъ изученія. Очень вѣроятно, что въ нихъ мы созерцаемъ дальнѣйшую стадію въ исторіи міровъ: можно уже отмѣтить значительное приближеніе къ тому состоянію, въ какомъ мы видимъ нашу солнечную систему. Вещество въ нихъ охвачено вращательнымъ движеніемъ; вмѣстѣ съ силою тяжести это движеніе въ концѣ концовъ должно привести къ образованію шарообразныхъ міровыхъ тѣлъ, которыя будутъ кружиться около общаго центра тяготѣнія.

Спиральная туманность въ созвѣздіи Гончихъ Собакъ—по Россу.

Порядокъ развитія указанъ *Кантомъ* и *Лапласомъ*.

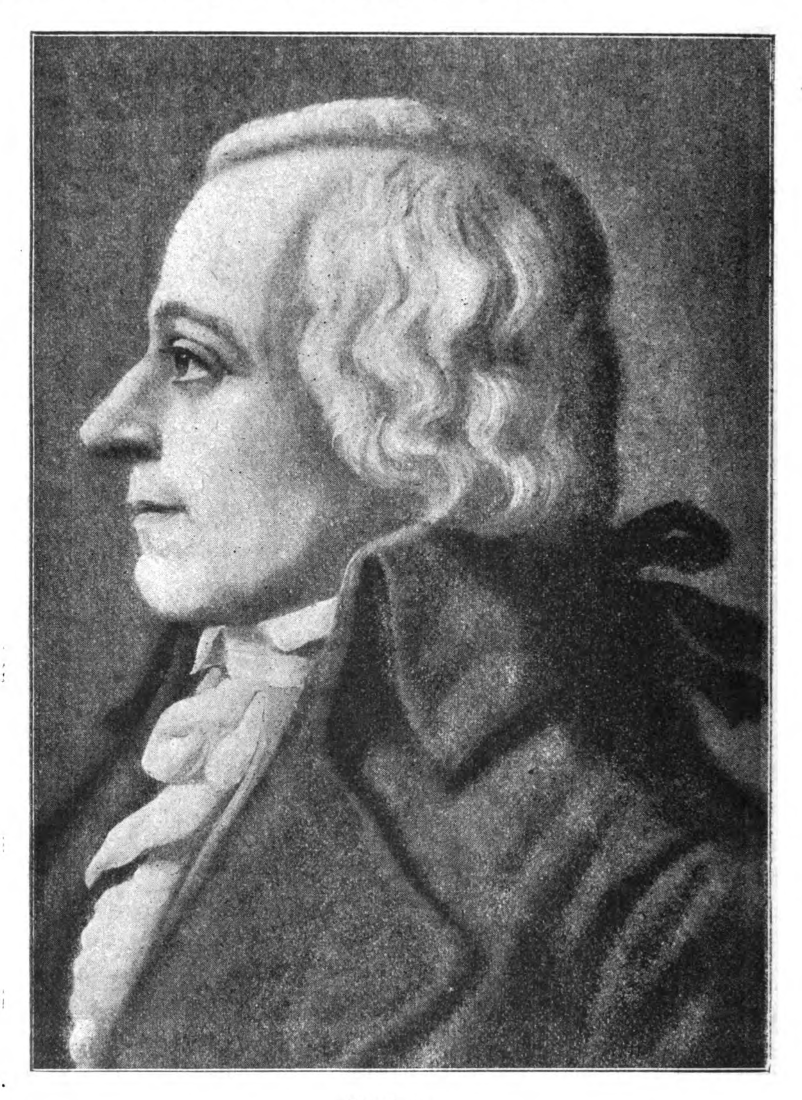
При вращеніи туманности развивается центробѣжная сила,

которая стремится отбросить частицы отъ центра. Чѣмъ быстрѣе вращеніе, тѣмъ она больше; вотъ почему ея дѣйствіе сильнѣе всего проявляется въ плоскости экватора, — туманность сплющивается. Между тѣмъ, раскаленная масса туманности охлаждается.

Кантъ.

Происходитъ сжатіе, и частицы приближаются къ центру. Отъ этого скорость вращенія возростаетъ, центробѣжная сила увеличивается и, наконецъ, у крайнихъ частицъ, расположенныхъ въ плоскости экватора, беретъ перевѣсъ надъ силою тяготѣнія. Что-же выйдетъ? Всѣ эти частицы отдѣлятся отъ туманности; изъ

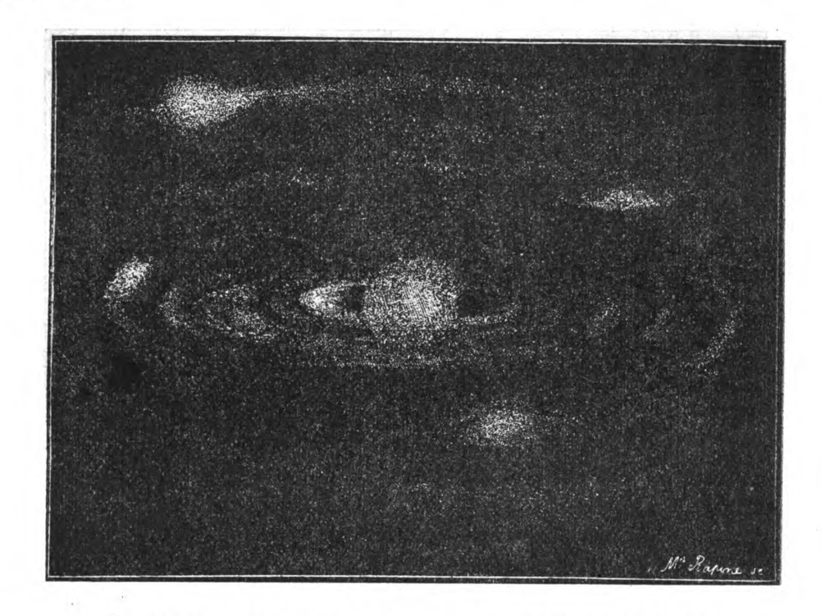
нихъ составится громадное газообразное кольцо, которое будетъ свободно вращаться въ прежнемъ направленіи. Граница туманности отодвинется ближе къ центру. Новое сжатіе дастъ начало новому поясу газовъ. Такимъ образомъ, первоначальная масса туманности можетъ распасться на рядъ колецъ.



Лапласъ.

Разсмотримъ одинъ такой поясъ. Если охлажденіе и сгущеніе во всѣхъ его частяхъ будетъ совершаться правильно и равномѣрно, онъ обратится въ непрерывное жидкое или твердое кольцо. Это — случай рѣдкій. Солнечная система представляетъ только

одинъ примѣръ такого явленія: кольцо Сатурна. Чаще кольцо разрывается на нѣсколько массъ, которыя продолжаютъ нестись вокругъ центра по сходнымъ орбитамъ. Такъ могла произойти толпа малыхъ планетъ, движущихся вокругъ солнца между Марсомъ и Юпитеромъ. Но если одна изъ этихъ массъ окажется достаточно сильною, чтобы притянуть къ себѣ другія, все вещество кольца соберется въ одинъ громадный шаръ. Произойдетъ крупная планета. Наружныя частицы ея движутся быстрѣе внутреннихъ, быстрѣе тѣхъ, которыя ближе къ общему центру туманности; отсюда возникаетъ вращеніе планеты въ прямомъ направленіи.

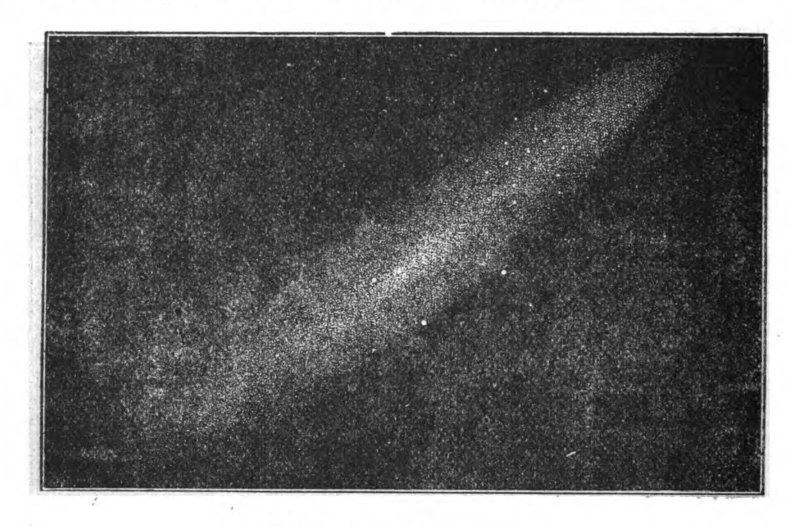


Образованіе солнечной системы по Канту и Лапласу.

Прослѣдимъ дальнѣйшую судьбу такой газообразной планеты. Внутри ея появится ядро; оно будетъ рости вслѣдствіе сгущенія окружающей его атмосферы. Въ этомъ состояніи планета походитъ на первичную туманность. При вращеніи планеты будутъ отдѣляться кольца; они дадутъ начало спутникамъ. Исторія планеты будетъ повтореніемъ исторіи всего солнечнаго міра.

Поразительно, съ какими простыми средствами природа создаетъ міры, которые должны существовать миріады лѣтъ. Шаровидная туманность, ея вращеніе около оси, сжатіе вслѣдствіе лучеиспусканія — вотъ все, что требуется для образованія солнечной системы! Шаровидная туманность образуется изъ безформенныхъ

скопленій мірового тумана подъ вліяніемъ притяженія. Вращеніе происходитъ, потому что потоки туманной матеріи устремляются къ центру, и потому что лучеиспусканіе совершается неравномѣрно въ различныхъ направленіяхъ. Сжатіе при охлажденіи это—общее физическое свойство вещества. Такъ просты средства, съ которыми природа достигаетъ своихъ цѣлей. Все-таки еще недавно теорія, изложенная здѣсь, разсматривалась, какъ очень остроумная гипотеза,—и только, не болѣе. Самъ *Лапласъ*, съ именемъ котораго обыкновенно связываютъ эту гипотезу, повидимому, не представлялъ всего ея значенія, потому что, посвятивши ей нѣсколько словъ, онъ послѣ никогда не возвращался къ ней.



Туманность Андромеды.

Въ послѣдніе годы фотографіи удалось подтвердить эту теорію открытіемъ, котораго никто не ждалъ. Въ созвѣздіи Андромеды есть туманное пятно, которое можно различить даже простымъ глазомъ: оно представляется тогда тускло мерцающею звѣздочкою. Еще въ X столѣтіи объ этой туманной звѣздѣ упоминаетъ персидскій астрономъ *Суфи*; изъ западныхъ ученыхъ первый изслѣдовалъ ее *Симонъ Маріусъ* 15 декабря 1612 года. Позднѣйшіе наблюдатели до *Гершеля* знали объ этой туманности очень мало: знали, что у ней продолговатая веретенообразная форма и что средина ея свѣтится особенно ярко. *В. Гершель* думалъ, что эту среднюю часть удастся разложить на звѣзды. Въ 1848 г. *Бондъ* изслѣдовалъ туманность въ 15-дюймовый рефракторъ: ему удалось различить въ ея предѣлахъ до 1.500 звѣздочекъ. Онъ полагалъ, что вся она составлена изъ отдѣльныхъ звѣздъ, что въ

ней нѣтъ туманнаго вещества въ собственномъ смыслѣ. Чрезъ ея массу тянулись двѣ темныхъ полосы; ихъ удалось разсмотрѣть и другому наблюдателю. Спектроскопъ показалъ, что эта туманность обладаетъ непрерывнымъ спектромъ; въ этомъ обнаруживалось сходство съ неподвижными звѣздами, такъ какъ спектръ газообразныхъ туманностей всегда состоитъ изъ нѣсколькихъ свѣтлыхъ линій. Отсюда приходилось заключить, что туманность

Туманность Андромеды—по Бонду.

Андромеды, дѣйствительно, представляетъ звѣздное скопленіе, которое только вслѣдствіе громаднаго разстоянія кажется намъ туманнымъ пятномъ. Въ концѣ августа 1885 г. близъ центра туманности вспыхнула довольно яркая звѣзда; она свѣтилась въ теченіе многихъ мѣсяцевъ и, наконецъ, опять исчезла. Была ли она въ связи съ туманностью, или просто оказалась въ пространствѣ между нею и глазомъ наблюдателя,—эти вопросы не были выяснены наблюденіемъ; оба взгляда нашли сторонниковъ.

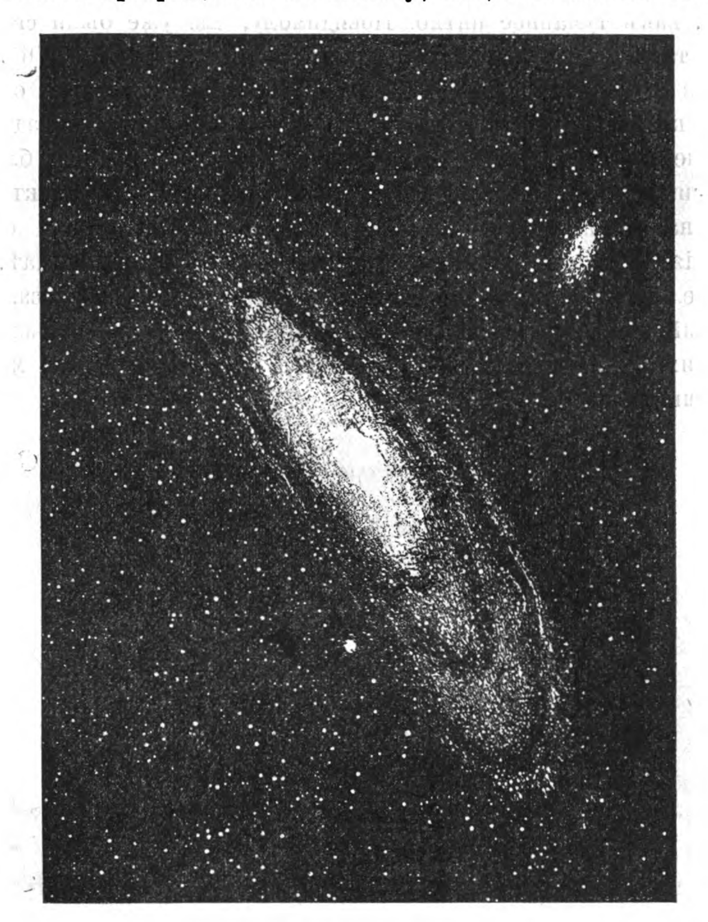
И вотъ 29-го декабря 1888 г. любитель астрофотографіи, *Робертсъ* въ Ливерпулѣ, получилъ снимокъ съ туманности Андромеды. Фотографическая пластинка была выставлена въ фокусѣ

зеркальнаго телескопа съ 20-дюймовымъ діаметромъ въ теченіе 4 часовъ. Результаты былъ поразительный. На снимкѣ можно различить безчисленное множество звѣздъ, окружающихъ туманность. Никакія зрительныя трубы, ни рефракторы, ни рефлекторы не могли обнаружить присутствія этой толпы звѣздъ; только *Бонду* въ 1848 г. удалось разсмотрѣть до 1.500 звѣздъ внутри туманности и около нея. Вліяніемъ этихъ звѣздъ объясняется непрерывность спектра. Ясно, что полученный спектръ принадлежалъ имъ, а не самой туманности. Но всего важнѣе указанія относительно строенія даннаго пятна. На фотографической пластинкѣ отчетливо видно, что эта громадная туманность состоитъ изъ колецъ, окружающихъ свѣтлый центръ, и что вся она расположена въ пространствѣ нѣсколько наискось относительно нашей линіи зрѣнія. На нѣкоторыхъ кольцахъ замѣтны клубки туманнаго вещества; получается такое впечатлѣніе, какъ еслибы на этихъ кольцахъ началось началось образованіе отдѣльныхъ планетъ. Однимъ словомъ: фотографія *Робертса* показываетъ намъ туманность Андромеды какъ разъ въ томъ видѣ, какой, по гипотезѣ *Лапласа*, должна была представлять наша солнечная система, когда изъ колецъ первичной туманности начали образовываться отдѣльныя планеты. Направо отъ главной массы туманности Андромеды виднѣется клубокъ туманнаго вещества; можно принять, что это—спутникъ, уже успѣвшій отдѣлиться отъ него.

Мы видимъ здѣсь природу въ моментъ происхожденія новаго міра. Туманность Андромеды—та *Лапласовская* масса, изъ которой разовьется этотъ міръ. Мы можемъ отнынѣ указывать на этотъ зародышъ міровой системы, который самъ отпечатлѣлъ свое изображеніе и исторію своего развитія на фотографической пластинкѣ. Ученіе *Канта - Лапласа* отнынѣ не гипотеза, а научно доказанный фактъ, и человѣкъ можетъ съ гордостью сказать, что ему удалось освѣтить процессы, которые совершаются при образованіи міровъ.

Всѣ эти факты и соображенія не позволяютъ сомнѣваться, что изъ туманныхъ пятенъ съ теченіемъ времени развиваются неподвижныя звѣзды съ планетными системами. Почему же разные моменты этой исторіи развитія существуютъ въ небесномъ пространствѣ одновременно? Почему не всѣ туманности обратились въ неподвижныя звѣзды? Было бы легкомысленно сказать, что съ появленія вселенной не прошло достаточно времени, чтобы туманности могли сдѣлаться звѣздами. Но, въ такомъ случаѣ, неизбѣжно приходимъ къ заключенію, что развитіе міровыхъ тѣлъ представляетъ извѣстный круговоротъ: туманности переходятъ въ

звѣзды, а изъ звѣздъ снова образуются туманности, конечно, съ тѣмъ разсѣяніемъ энергіи, на которое указываетъ ученіе *Клаузіуса* объ энтропіи. Но какимъ путемъ міровое тѣло, подобное неподвижной звѣздѣ, можетъ снова обратиться въ туманную массу? Очевидно, только чрезъ столкновеніе съ другимъ тѣломъ. Въ этомъ случаѣ живая сила превращается въ теплоту, вещество обоихъ тѣлъ на-



Туманность Андромеды—по фотографіи Робертса.

грѣвается до такой степени, что обращается въ газъ и расширяется въ туманный шаръ огромныхъ размѣровъ. Математическія вычисленія показываютъ, что при этихъ обстоятельствахъ стремленіе матеріи расшириться можетъ быть очень значительно: отдѣльные атомы могутъ совсѣмъ разсѣяться, когда они переходятъ извѣстную границу съ опредѣленными скоростями и продолжаютъ затѣмъ равномѣрное движеніе въ міровомъ пространствѣ.

Если указанная граница не перейдена, образуется громадный шаръ изъ крайне тонкой матеріи. Какъ высока его температура, это зависитъ отъ массы и скорости столкнувшихся тѣлъ. Она можетъ быть такъ высока, что туманность сдѣлается раскаленною; во всякомъ случаѣ, это состояніе наступитъ, когда начнется сжатіе. Такъ является то образованіе, которое мы разсматриваемъ на небѣ, какъ туманное пятно. Повидимому, мы уже были свидѣтелями такого превращенія звѣзды въ туманность. Въ 1876 г., въ созвѣздіи Лебедя внезапно засвѣтилась звѣзда, которая обнаружила крайне сложный спектръ. По мѣрѣ потуханія звѣзды онъ перешелъ въ спектръ планетарной туманности. Эта блѣдная свѣтящаяся точка непремѣнно была бы описана, какъ планетарная туманность, еслибъ не была извѣстна исторія ея появленія. Ничто не мѣшаетъ принять, что въ этомъ случаѣ, дѣйствительно, произошло столкновеніе двухъ звѣздъ, образовался туманный шаръ изъ раскаленныхъ газовъ, и, такимъ образомъ, въ далекихъ областяхъ вселенной возникъ зародышъ новой міровой системы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Литературный сборникъ произведеній студентовъ С.-Петербургскаго университета».—Предисловія гг. редакторовъ и ихъ ликующій характеръ.—Отсутствіе поводовъ для ликованія.—Несправедливость нападокъ на шестидесятые годы.—Стихоплетство студентовъ, какъ признакъ оздоровленія общества, по мнѣнію г. Майкова. — «За послѣдніе годы» А. Ѳ. Кони. —Значеніе его рѣчей. — Печальные герои. — Критика слѣдствія А. Ѳ. Кони и его заключенія по дѣлу мултанскихъ вотяковъ.

Есть особый видъ литературы, о которомъ, какъ о мертвыхъ, принято говорить aut bene, aut nihil. Это—всѣ «сборники», издаваемые съ благотворительной цѣлью, къ числу которыхъ относится и «Литературный сборникъ студентовъ С.-Петербургскаго университета». И если, тѣмъ не менѣе, мы рѣшаемся нарушить этотъ добрый обычай и, вмѣсто хвалы или молчанія, позволить себѣ нѣсколько критическихъ замѣчаній, то для этого есть существенныя причины. Первая изъ нихъ—необычайный для такого рода изданій тонъ предисловій гг. редакторовъ, въ качествѣ которыхъ выступаютъ три «маститыхъ» литератора — гг. Григоровичъ, Майковъ и Полонскій.

Тонъ этотъ ликующій, почти побѣдный. Невольно у читателя напрашивается вопросъ, по какому случаю шумъ, и кто врагъ, на котораго ополчилась юная армія, подъ предводительствомъ мощныхъ старцевъ, которые до сихъ поръ «костью дебелой стоятъ на крѣпкозданной землѣ»?

Скромнѣе и сдержаннѣе своихъ товарищей по редакціи г. Григоровичъ, который убѣждаетъ юношей-авторовъ помнить о «великихъ учителяхъ» русской литературы, Пушкинѣ и Гоголѣ, совѣтуя подражать ихъ примѣру, вдохновляясь ихъ любовью къ искусству. Такія рѣчи всегда умѣстны и слушать ихъ поучительно. Но не хватилъ ли грѣха на душу почтенный г. Григоровичъ, взывая къ авторамъ «Сборника»: «на васъ лежитъ отвѣтственность поддерживать завѣщанное вамъ достоинство русской литературы, служить ей такъ же благородно, правдиво, трудолю-

биво и честно,—какъ служили ей незабвенные наши учителя Пушкинъ и Гоголь»? Намъ кажется—неловко какъ-то тревожить тѣнь «великихъ учителей» по столь незначительному поводу, и вспоминается замѣчаніе одного изъ нихъ, что «хотя Александръ Македонскій и великій человѣкъ, но стулья ломать зачѣмъ же?»

Дѣло въ томъ, однако, что редакторы не просто дарятъ снисходительной улыбкой дѣда, взирающаго на внука, какъ тотъ играетъ «прадѣдовскимъ мечомъ», — они, повидимому, искренно усматриваютъ въ авторахъ нѣкую надежду, а въ сборникѣ ихъ «литературныхъ произведеній» нѣчто многознаменательное и многообѣщающее. По крайней мѣрѣ, слѣдующій редакторъ, г. Майковъ радуется: «хорошій признакъ, подумалъ я, этотъ поворотъ къ поэзіи въ юношествѣ — и очень серьезный, ибо онъ вмѣстѣ съ тѣмъ — одинъ изъ признаковъ общаго оздоровленія нашего образованнаго юношества». А г. Полонскій такъ прямо уже ликуетъ и славословитъ: «наша взяла!» Онъ начинаетъ съ проклятія по адресу того времени, когда «не щадили и Пушкина, воображая, что могутъ настолько втоптать его въ грязь, что Пушкину никогда ужъ и не подняться». Тогда превозносили науку, проповѣдывали, что «на все, кромѣ естествознанія, физики, химіи и физіологіи, не стоитъ обращать никакого вниманія, ибо все остальное—ничто иное, какъ сумбуръ, метафизика, идеализмъ или никому ненужная эстетика»,—говоритъ г. Полонскій. Право, не велика честь нападать на дѣятелей того времени, послѣ г. Волынскаго, которому все же придется отдать пальму первенства. Онъ, по крайней мѣрѣ, хоть силится обосновать свои мнѣнія, а г. Полонскій просто неоснователенъ. Не правда, будто «Некрасова тогда только терпѣли», а бѣдные поэты встрѣчали сочувствіе лишь среди немногихъ могиканъ-идеалистовъ сороковыхъ годовъ. Были и тогда поэты, которыхъ и печать, и общество встрѣчали съ восторгомъ, какъ, напр., Плещеева и того же Некрасова. Правда лишь то, что самъ г. Полонскій тогда успѣха не имѣлъ. Но когда онъ его имѣлъ? Какъ тогда, такъ и теперь, всѣмъ были извѣстны два-три хорошихъ его стихотворенія, которыя и тогдашняя критика умѣла цѣнить и, пожалуй, настолько, что къ ея отзыву о музѣ г. Полонскаго нечего и прибавить теперь. Вотъ что писалъ о немъ Добролюбовъ и что не мѣшало бы вспомнить г. Полонскому: «Задумчивость очень унылая, но не совершенно безотрадная, и томно - фантастическій колоритъ составляютъ отличительные признаки поэзіи г. Полонскаго. Въ его стихѣ нѣтъ той мрачной, демонической силы, отъ которой чело-

вѣкъ можетъ содрогнуться и почувствовать, что сердце его обливается кровью. Нѣтъ въ немъ и того размаха, той пылкости воображенія, при которыхъ поэтомъ создается цѣлый волшебный міръ фантастическихъ образовъ, міръ безконечно-разнообразный, яркій и оригинальный. Но въ застѣнчивомъ, часто неловкомъ и даже не всегда плавномъ стихѣ г. Полонскаго отражается необычайно чуткая воспріимчивость поэта къ жизни природы и внутреннее сліяніе явленій дѣйствительности съ образами его фантазіи и съ порывами его сердца. Онъ не довольствуется пластикой изображеній, не довольствуется и тѣмъ простымъ смысломъ, который имѣютъ предметы для обыкновенннаго глаза. Онъ во всемъ видитъ какой-то особенный, таинственный смыслъ; міръ населенъ для него какими-то чудными видѣніями, увлекающими его далеко за предѣлы дѣйствительности. Нельзя не сознаться, что подобное настроеніе, не сопровождаемое притомъ могучимъ гофманскимъ творчествомъ, очень неблагодарно и даже опасно для успѣха поэта. Оно легко можетъ перейти въ безсмысленный мистицизмъ или разсыпаться въ натянутыхъ приноровленіяхъ и аллегоріяхъ. Послѣднее мы нерѣдко видали у нѣкоторыхъ нашихъ поэтовъ, думавшихъ брать свои вдохновенія изъ классической древности. Но г. Полонскій довольно удачно умѣлъ избѣжать и того, и другого: отъ теологическаго мистицизма избавила его сила образованнаго ума, отъ бездушныхъ аллегорій спасла сила таланта» (Т. III, стр. 130). Въ этой характеристикѣ весь г. Полонскій, который можетъ усмотрѣть изъ нея, какъ хорошо его тогда понимали и чувствовали. Да и не только его одного, что также знаетъ г. Полонскій, хотя и восклицаетъ послѣ своихъ несправедливыхъ нападокъ на журналистику и публику шестидесятыхъ годовъ: «То ли теперь?»—и, ликуя, продолжаетъ: «Я не помню времени, когда бы пишущихъ стихами было такое множество, когда бы сборники стихотвореній появлялись въ такомъ количествѣ! Точно на зло всѣмъ злобамъ нашихъ дней, наше русское общество выдѣляетъ изъ себя сотни, тысячи молодыхъ людей, порывающихся въ область поэзіи. Что значитъ это явленіе?»

Во времена Добролюбова дѣйствительно, не было «сотенъ-тысячъ» молодыхъ людей, порывающихся въ область поэзіи, но поэзіи и пониманія ея было больше, чѣмъ теперь, и лучше всякаго другого это должно быть извѣстно г. Полонскому. Онъ напрасно ссылается на «одного изъ корифеевъ тогдашней журналистики», якобы отрицавшаго поэзію вообще. Тогдашняя критика не поэзію отрицала, а ту жеманно-чувствительную «піитику», въ которой иные во что бы то ни стало хотѣли видѣть «служеніе чистому

искусству». За исключеніемъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, именно въ шестидесятые годы поэзія разцвѣла такъ, какъ никогда въ теченіе нашего столѣтія. Лучшія произведенія Некрасова, А. Толстого, Фета, Плещеева, самого Полонскаго, Мея — относятся къ этому времени. И читатели, и критика умѣли цѣнить ихъ, а журналы охотно печатали, въ противность увѣренію г. Полонскаго, будто ихъ «только терпѣли». Правда, критика не жалѣла рѣзкихъ словечекъ для поэтическихъ, будто бы, кривляній, для вычурныхъ и смѣшныхъ манерностей высокопарнаго стиля, и такимъ поэтамъ приходилось спасаться отъ ея нападокъ даже «подъ сѣнь цензуры», какъ это и сдѣлали гг. Майковъ, Полонскій и Фетъ, что тоже имъ не было поставлено въ особую заслугу.

Не отрицаетъ этого подъема поэтическаго творчества и г. Полонскій, но глумится надъ мертвыми. Эти мертвые съ большимъ уваженіемъ относились къ поэзіи и того же требовали отъ другихъ, безпощадно преслѣдуя все, что ничего общаго съ поэзіей не имѣетъ. И ужъ, конечно, не одобрили бы и не благословили бы такихъ «литературныхъ» произведеній, какъ наполняющія настоящій «Сборникъ», принятый «маститыми» подъ свою руку. Авторовъ, конечно, нельзя судить строго. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, движимые чувствомъ товарищества, они только и желали «принести посильную помощь нуждающимся товарищамъ», дѣйствуя по пословицѣ—«на Тебѣ, Боже, что мнѣ не гоже». Можно отмѣтить, развѣ, нѣкоторую юношескую самомнительность, съ которою они почти всѣ расчеркнулись подъ своими «произведеніями» полными именами и фамиліями, — «да вѣдаютъ потомки православныхъ» о существованіи Николая Лосскаго, Вл. Жуковскаго, Б. П. Никонова, Осипа Бальтерманца, Евгенія Безпятова, и проч. Но редакція — къ ней читатели въ правѣ предъявить извѣстныя требованія.

Допустили ли бы «маститые» редакторы въ свой журналъ, напр. «повѣсть» г. В. Голикова «Дѣтская любовь»? Положимъ, давно уже сказано: «любви всѣ возрасты покорны», но въ «повѣсти» не любовь играетъ главную роль, а нѣчто совсѣмъ другое, что «маститые» врядъ ли допустили бы въ свой журналъ. Непонятно, что могло подкупить въ этомъ разсказѣ редакцію. Не говоря уже о неблаговидности темы, написанъ онъ грубо, реализмъ его ничѣмъ не прикрытъ, а нѣкоторыя откровенія и признанія автора должны бы только возмутить редакцію: «постыдитесь, молодой человѣкъ!»—и побудить её вернуть ему рукопись съ отеческимъ внушеніемъ, что не все можно разсказывать, хотя бы авторъ и руководился добрыми намѣреніями. Ибо добрыми намѣреніями вымощена мостовая въ аду...

Странное впечатлѣніе производитъ эта «повѣсть» среди прочаго матеріала «Сборника». Всѣ произведенія его скучны, безцвѣтны и жалостны по своей безсодержательности и нехудожественности, но, какъ оно и подобаетъ юности, написаны они на темы болѣе или менѣе высокія. Есть тутъ и умилительная смерть бѣднаго ребенка, отданнаго въ науку къ жестокому ремесленнику, и жалостный конецъ студента, долго голодавшаго и внезапно умершаго послѣ сытнаго обѣда, и трагическая встрѣча отца-каторжника съ сыномъ-солдатомъ, приставленнымъ стеречь его, и т. п. Все это немножко наивно, немножко тошновато, но чистенько и даже возвышенно, до чрезвычайности напоминая произведенія гимназическихъ журналовъ, которые обыкновенно процвѣтаютъ въ среднихъ классахъ гимназій. Многимъ читателямъ, конечно, припомнятся и свои грѣхи въ этомъ родѣ, и воспоминаніе о нихъ вызоветъ невольную улыбку сожалѣнія о тѣхъ дняхъ, когда «еще намъ были новы всѣ впечатлѣнія бытія». Но едва ли кто согласится съ мнѣніемъ почтеннаго г. Майкова, будто «впечатлѣніе» отъ этихъ произведеній «похоже на то, какое испытываешь, когда войдешь весною въ молодую рощу, начинающую опушаться первымъ распускающимся листомъ,—она только-что пожелтѣла, чуть начинаетъ зеленѣть, но вы чувствуете уже пробудившуюся кругомъ силу жизни, вы радуетесь обвѣвающему васъ чистому, ароматному, теплому весеннему воздуху; — по землѣ вокругъ васъ уже смотрятъ, какъ дѣтскіе глазки, бѣленькіе и голубые цвѣточки,—наверху въ прозрачныхъ еще вершинахъ вездѣ сквозитъ ясное небо».

Не чувствуется силы во всемъ сборникѣ, нѣтъ и теплоты, нѣтъ весенняго аромата въ массѣ стиховъ, составляющихъ главное содержаніе сборника. Въ лучшемъ случаѣ они банальны, напоминая полустертыя клише, давно уже всѣмъ пріѣвшіяся, намозолившія глаза. Если бы не звонъ, поднятый гг. редакторами по поводу студенческаго стихоплетства, было бы смѣшно останавливаться на этихъ виршахъ, которымъ и сами авторы едва-ли рѣшились бы придать то значеніе, какое усмотрѣли въ нихъ «маститые» поэты. А усмотрѣли они, какъ мы видѣли, «признакъ оздоровленія общества». Шутка сказать—«оздоровленіе»! Не появись этого сборника, мы такъ бы и не замѣтили, что «оздоровляемся», и все бы ныли, горько жалуясь на безвременье. Но если взглянуть съ другой стороны, то не показалось ли бы жалкимъ и ничтожнымъ общество, которое такой, въ сущности, пустякъ, какъ сборникъ нѣсколькихъ плохихъ стишковъ, готово признать «событіемъ, знаменіемъ времени»? Къ счастью, мы думаемъ, это не такъ, и никакого тутъ нѣтъ знаменія. Въ массѣ молодежи всегда най-

дется десятокъ-другой, пусть даже сотня, кропателей стиховъ, которыми они дѣлятся съ избранными сердца и робко разсылаютъ по редакціямъ. Послѣднимъ это очень хорошо знакомо, настолько хорошо, что въ своихъ объявленіяхъ каждая редакція считаетъ долгомъ прибавить: «стихи назадъ не отсылаются и ни въ какія объясненія по поводу ихъ редакція не входитъ». Такое заявленіе есть прямой результатъ горькаго опыта и жестокой необходимости. Въ былое время, пожелай г. Полонскій или другой кто изъ именитыхъ поэтовъ поощрить музу юныхъ сердецъ,—вдвое большій сборникъ разнообразнѣйшихъ стиховъ онъ могъ бы издать, и даже вдвое лучшихъ. Потому что, повторяемъ, требованія тогда были много выше. Теперь какой-нибудь г. Осипъ Бальтерманцъ воспѣваетъ простодушный:

Небо сине... звѣзды блещутъ
Ночь тепла и хороша...
Вѣтеръ вѣетъ чуть дыша,
Дубы старые трепещутъ...

—и доволенъ. А тогда онъ помнилъ бы, что Пушкинъ предвосхитилъ у него эту картину, нарисовавъ ее много лучше—и красивѣе, и поэтичнѣе:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.

Дабы не смущать душу молодыхъ поэтовъ, не будемъ ловить ихъ на подражаніи и просто позаимствованіи, которое, допускаемъ, безсознательно, и вернемся къ общему вопросу о «знаменьи».

Если угодно, знаменье дѣйствительно есть. Въ самомъ дѣлѣ, бывали прежде такіе же студенческіе сборники, хотя, надо добавить, содержаніе ихъ было почти исключительно научное, въ видѣ ряда компиляцій, а отчасти и оригинальныхъ трудовъ. Чисто-беллетристическій сборникъ настоящаго времени есть первый въ этомъ родѣ — и въ этомъ его оригинальность, или знаменье. Предшественники нашихъ студентовъ были скромнѣе и сдержаннѣе, не рѣшаясь выступать въ той области, гдѣ прежде всего требуется искра таланта, безъ нея же—ничто. Недостатокъ таланта,—что, конечно, никто вмѣнить имъ въ вину не рѣшился бы, ибо талантъ отъ Бога, — они замѣняли серьезностью мысли и знаніемъ. И жаль, что ихъ послѣдователи не подражали имъ въ этомъ. Не лучше ли было бы составить сборникъ изъ статей научнаго содержанія, объединенныхъ хотя бы и широкой, но ясной идеей, чѣмъ ничтожные, отрывочные разсказцы, скорѣе, сценки и наброски, и жалкіе стихи, подчасъ съ большими претензіями на что-то (напр., «Исповѣдь» г. Б. П. Никонова)?

Было бы крайне несправедливо дѣлать какіе-либо общіе выводы о современной учащейся молодежи на основаніи этого сборника. Одинъ изъ благосклонныхъ критиковъ (кажется, онъ же и одинъ изъ редакторовъ) привѣтствовалъ сборникъ, какъ показатель стремленій этой молодежи къ искусству, красотѣ и еще чему-то, для чего онъ и самъ еще не подобралъ названія. Почти то же самое говоритъ и г. Майковъ, для котораго сборникъ служитъ доказательствомъ мысли, «что поэзія опять въ ходу у юношества, какъ это было въ далекіе годы моей молодости, моего студенчества». И то, и другое заявленіе слишкомъ общо и потому невѣрно. Современная молодежь, какъ и все современное общество, не представляетъ однообразной массы. Въ ней, какъ и въ обществѣ, есть тысячи оттѣнковъ, направленій и вызываемыхъ ими настроеній. Если въ одной группѣ молодежи преобладаетъ «поэзія», то въ другихъ, едва ли меньшихъ, «наука», — и напрасно г. Полонскій дѣлаетъ странныя противопоставленія между наукой и поэзіей, стараясь принизить первую и возвеличить вторую. «Наука,—говоритъ онъ,—служитъ не одному добру, но и злу... Помнятъ ли это тѣ, которые проповѣдуютъ, что наука должна служить жизни, соображаютъ ли они, что наука, какъ и все на свѣтѣ (а слѣдовательно, и поэзія,—замѣтимъ отъ себя), даже красота, можетъ стать продажной и служить во вредъ, а не въ пользу народовъ и всего человѣчества? Наука въ рукахъ высоконравственныхъ людей есть великій двигатель къ совершенству, и наоборотъ: въ рукахъ людей меркантильно-жадныхъ и эгоистически ко всему равнодушныхъ, есть ничто иное, какъ орудіе зла, и ей, паче всего, мы обязаны тѣмъ, что̀ бросаетъ грязью на всю европейскую цивилизацію. Между такою наукою, рабою всевозможныхъ страстей и пороковъ человѣческихъ, и поэзіей ничего не можетъ быть общаго. Ясно, что по существу своему поэзія должна быть высоконравственной». Все это разсужденіе можно построить наоборотъ, и приписать поэзіи всѣ недостатки, которые приписываетъ г. Полонскій наукѣ, и которые, какъ онъ самъ же говоритъ, зависятъ не отъ науки, а отъ примѣненія ея. Наука по существу не только «должна быть», а есть «высоконравственной», но такъ какъ на свѣтѣ много низкихъ душонокъ, то онѣ и науку могутъ принизить, и самую поэзію совлечь съ Парнасскихъ высотъ и волочить въ грязи, дѣлая ее, поэзію, «рабою всевозможныхъ страстей и пороковъ».

Пусть не подумаютъ читатели, что мы вооружаемся противъ поэзіи или противъ того, чтобы поэзія «была въ ходу у юношества». Нисколько. Въ поэзіи и для насъ заключается высшее на-

слажденіе жизни, ея summa summarum, источникъ «вѣчной юности и вѣчной красоты». А юношество всегда жило и живетъ въ ладу съ поэзій, умѣя и самую науку опоэтизировать. Но нечего подымать шумъ, звонить по поводу сборника литературныхъ произведеній кучки студентовъ, — произведеній, въ которыхъ поэзія и не ночевала. Прежде всего дурную услугу оказываетъ такое преувеличенное мнѣніе самимъ авторамъ, которые, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ возмнятъ, что они какой-то гражданскій подвигъ совершили, а иные сочтутъ себя настоящими «литераторами», что тоже случается.

«За послѣдніе годы»—подъ такимъ заглавіемъ выпустилъ въ свѣтъ А. Ѳ. Кони собраніе своихъ рѣчей, воспоминаній, сообщеній и замѣтокъ. Съ нѣкоторыми изъ сообщеній, вошедшихъ въ составъ этого тома, наши читатели знакомы, какъ, напр., съ его «Юридическими поминками», посвященными памяти Арцимовича и Маркова, съ «Предѣльнымъ возрастомъ для судей» и др. Но самое интересное, поучительное и важное въ общественномъ отношеніи—это рѣчи почтеннаго автора, которыя имъ произносились въ качествѣ оберъ-прокурора кассаціоннаго департамента, по поводу едва ли не всѣхъ важнѣйшихъ преступленій, волновавшихъ общественное вниманіе за послѣдніе годы. Въ нихъ встаютъ предъ нами, въ яркихъ и живыхъ характеристикахъ, мѣткихъ, образныхъ и полныхъ глубокаго пониманія—темные дѣятели современной общественной жизни, разнообразнѣйшіе представители администраціи и общества.

Рядъ ихъ открываетъ помощникъ семирѣченскаго губернатора, дѣйствительный статскій совѣтникъ Аристовъ, который на далекой окраинѣ проявилъ, выражаясь оффиціальнымъ языкомъ, «бездѣйствіе власти, попустительство, явное къ себѣ пристрастіе» и проч. Въ талантливой рѣчи обвинителя предъ читателемъ развертывается хорошо знакомая картина окраинной жизни, отголоски которой изрѣдка долетаютъ и до столичной печати, гдѣ получаютъ надлежащую оцѣнку. Такая оцѣнка и была сдѣлана г. Аристову на страницахъ приложеній къ «Гражданину» кн. Мещерскаго, котораго г. Аристовъ и привлекъ къ суду. По формѣ обвиняемымъ выступаетъ кн. Мещерскій, какъ это часто бываетъ съ представителями печати,—по существу, судится г. Аристовъ. Перечислять его подвиги не интересно. Сущность заключается въ обстановочной части его дѣятельности, длившейся благополучно многіе годы, какъ и многихъ другихъ гг. Аристовыхъ, дружески и дружно поддерживающихъ на окраинахъ традицій добраго ста-

раго времени. Дѣлается это до примитивности просто и открыто. Напримѣръ, въ Семирѣченскую область, съ 1881 по 1883 годъ, переселился маленькій, трудолюбивый магометанскій народецъ, «таранчи», въ количествѣ около 50.000 человѣкъ. Его отдаленное прошлое неизвѣстно, но ближайшее было полно страданій подъ управленіемъ алчной и изощрившейся въ притѣсненіяхъ мѣстной китайской аминистраціи. Убѣгая отъ послѣдней, таранчи пришли въ Россію, и здѣсь имъ было оказано высшей администраціей не только гостепріимство, но и пособіе въ размѣрѣ 100.000 р. «Оказалось, однако, что изъ этой суммы растрачено «мѣстной администраціей» 27.718 р., т.-е. болѣе одной четвертой части». Случилось въ городѣ Вѣрномъ землетрясеніе. Мѣстнымъ чиновникамъ было назначено пособіе въ 15.000 р. на постройку домовъ. Аристовъ захватилъ себѣ 2.500 р. Дѣла тянулись по 19-ти лѣтъ безъ рѣшенія, возбуждались за то и такія, для которыхъ не было никакого повода, кромѣ личнаго. Подводя итогъ дѣятельности этого администратора, обвинитель говоритъ: «И долговременная служба Аристова, и его образованіе,—онъ кандидатъ университета, — лишь особо оттѣняютъ тѣ стороны его дѣятельности, которыя вызвали печатный протестъ. Его служебный опытъ и его ученая степень — должны были служить ручательствомъ, что онъ отнесется надлежащимъ образомъ къ высокой задачѣ, выпавшей на его долю. Не простое чиновничье служеніе, не обычное, по заведенному порядку, хожденіе въ должность—лежало на немъ, какъ на одномъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей далекой восточной окраины. Это было исполненіемъ своего рода исторической миссіи, состоявшей въ томъ, чтобы принять въ объятія Россіи гонимый судьбою народецъ, искавшій подъ ея мощнымъ покровомъ жизни и въ ея сердцѣ справедливаго съ себѣ отношенія. Это надо было сдѣлать умѣло, съ любовью и безкорыстіемъ, не заставляя новыхъ сыновъ Россіи почувствовать себя сразу пасынками своей великой пріемной матери... Но тотъ, кто становится между правителемъ цѣлой области и мѣстнымъ населеніемъ, какъ преграда, мѣшающая взглядамъ правителя проникнуть въ дѣйствительность, и о котораго, какъ бы объ стѣну, разбиваются справедливыя сѣтованія этого населенія — тотъ несетъ на себѣ тяжкую нравственную отвѣтственность и не можетъ вопіять объ оскорбленіи своей чести, когда находится человѣкъ, подымающій голосъ, чтобы обратить вниманіе общества и правительства на такой вредный порядокъ вещей. Обличитель можетъ сдѣлать это запальчиво, съ крикомъ негодованія и брани, но судъ, отдѣливъ все шумное и нарушающее пристойность, съумѣетъ

*

взглянуть въ ядро сказаннаго и не долженъ покарать за указаніе на непригядныя и мрачныя явленія общественной или государственной службы... Князь Мещерскій могъ бы въ этомъ случаѣ сказать, что, печатая существенныя части статьи, въ которыхъ Аристовъ видитъ поруганіе себѣ, онъ исполнилъ лишь нравственный долгъ журналиста, состоящій въ борьбѣ, путемъ печатнаго оглашенія, съ проявленіями грубаго произвола и явнаго неисполненія или искаженія должностными лицами обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ потерявшимъ ихъ уваженіе закономъ». Очень лестныя для печати слова, но — только слова, потому что, въ концѣ концовъ, Аристовъ, въ теченіе долгихъ лѣтъ «грубо нарушавшій» законъ, остался цѣлъ и невредимъ, а кн. Мещерскій попалъ на три дня подъ арестъ (наименьшая норма наказанія). Мало того, самое обвиненіе противъ Аристова появилось лишь послѣ того, какъ онъ вышелъ въ отставку и сталъ «немощенъ и слабъ». Тогда лишь въ средѣ мѣстнаго общества объявился «благородный обличитель»...

За Аристовымъ шествуетъ самъ кн. Мещерскій, обвиняемый по дѣлу объ оскорбленіи корпораціи военныхъ врачей, на которыхъ князь взвелъ клевету въ подкупѣ при вербовкѣ новобранцевъ. Клевета эта одинъ изъ обычныхъ легонькихъ доносцевъ, въ которыхъ не безъ успѣха практиковался издатель-редакторъ «Гражданина», пуская ихъ то противъ земцевъ, то противъ суда присяжныхъ, то противъ своихъ собратій по перу. Обыкновенно, не только не приходилось ему отвѣтъ держать за такого рода подвиги, но послѣдствія послѣднихъ какъ бы поощряли его на дальнѣйшее. Въ данномъ случаѣ князь нарвался, и, какъ и слѣдовало ожидать, претерпѣлъ. Однако, весь интересъ этого дѣла заключается не въ обвиненіи князя, а въ принципіальномъ вопросѣ, имъ возбужденномъ. Въ статьѣ, послужившей поводомъ къ обвиненію, не названо то или иное лицо, а говорится вообще о корпораціи военныхъ врачей. Защитникъ обвиняемаго, указывая на «безъимянность», отсутствіе названія, не находилъ признаковъ оскорбленія или диффамаціи. «Указаніе на то, что въ извѣстное дѣло вносится растлѣвающая корысть или вредное направленіе, не заключаетъ въ себѣ признаковъ оскорбленія всѣхъ лицъ этой профессіи, и признаніе въ такихъ отзывахъ печати наличности диффамаціи, сдѣлавъ невозможнымъ публичное обсужденіе дѣятельности различныхъ общественныхъ профессій—адвокатовъ, писателей и т. п.,—крайне стѣснило бы права печатнаго слова». Намъ такая точка зрѣнія защитника кажется вѣрной. Въ самомъ дѣлѣ, любую критику того или иного учрежденія, разъ она не благосклонна, можно

принять за осужденіе, диффамацію и проч. Возьмемъ ближайшій по времени примѣръ, именно, вопросъ о предварительномъ слѣдствіи, возбужденный давно и обострившійся въ послѣднее время, благодаря ряду дѣлъ, при судебномъ разслѣдованіи которыхъ воочію обнаружились всѣ недостатки слѣдственной процедуры. Критика предварительнаго слѣдствія получается очень рѣзкая, какъ увидимъ ниже изъ рѣчей А. Ѳ. Кони по дѣлу мултанскихъ вотяковъ и Палемъ. Что, если корпорація слѣдователей приметъ ее за личное для себя оскорбленіе и возбудитъ процессъ? Нѣчто подобное весьма возможно, и потому тѣмъ интереснѣе мнѣніе такого опытнаго юриста, какъ почтенный авторъ. Позволимъ себѣ привести цѣликомъ выдержку изъ его рѣчи, въ которой онъ говоритъ объ оскорбленіи не того или иного лица, а корпораціи.

«Оскорбительность не упраздняется и даже не уменьшается отъ *не названія*. Не уменьшается отъ этого и ѣдкая сила оскорбленія. Эта сила даже увеличивается. При безъимянномъ оскорбленіи оно тяготѣетъ надъ всѣми, кто замкнутъ въ оскорбленной группѣ по своимъ занятіямъ и должности. При наименованіи должностного лица, всѣ товарищи его по профессіи остаются въ сторонѣ, и общественное мнѣніе знаетъ, отъ кого именно слѣдуетъ ждать оправданій; знаетъ это и опозоренный и смываетъ этотъ позоръ судебнымъ или инымъ путемъ, или же сгибается подъ его давящей тяжестью. Но когда названа цѣлая группа, подозрѣніе падаетъ на всѣхъ и каждаго; каждый мысленно считаетъ себя подводимымъ къ позорному столбу; безславіе бѣжитъ впереди каждаго изъ группы, возбуждая противъ него предубѣжденіе и заставляя относиться къ нему съ подозрительностью или насмѣшливымъ недовѣріемъ. «А, это ты—изъ тѣхъ, которыхъ такъ отдѣлали и изобличили»,—вотъ что слышится ему изъ-за условной вѣжливости житейскихъ отношеній. Едва-ли душевныя муки подвергшагося несправедливому групповому оскорбленію легче мукъ подвергшагося личному оскорбленію. Тамъ они или заслужены, или смягчаются возможностью оправданія, а тутъ? Для личнаго оправданія нѣтъ почвы, нѣтъ яснаго повода. Да и какъ оправдываться? Affirmanti—non neganti incumbit probatio *). Обвиненіе брошено огульно и бездоказательно, какъ же опровергнуть эту бездоказательность? Какъ представлять отрицательныя доказательства по вопросу о своей честности? Ужели производить о себѣ старинный повальный обыскъ и о результатахъ его сообщать всякому встрѣчному, въ которомъ подозрѣвается читатель или слушатель оскорбительнаго отзыва? Это невозможно не только фактически, но и нравственно. Въ нашемъ обществѣ, быть можетъ, подъ вліяніемъ горькихъ воспоминаній прежняго подчасъ возникаетъ съ особою силою подозрительность къ цѣлымъ служебнымъ группамъ,—и иногда злорадно распространяется на цѣлыя вѣдомства, безъ пощады, примѣняясь и къ тѣмъ, кто въ нихъ достоинъ безусловнаго и нерѣдко глубокаго уваженія. Мы лѣнивы разбирать людей и потому любимъ клички и ярлыки, которые налѣпляемъ широкими взмахами клейкой кисти. При такихъ условіяхъ оправданія только усиливаютъ подозрительность. «Ты сердишься—ты не правъ», говорила античная поговорка. «Ты оправды-

*) Доказывать долженъ обвинитель, а не обвиняемый («на утверждающемъ—не на отрицающемъ лежитъ обязанность доказательствъ»).

ваешься—ты должно быть виноватъ», говоритъ современный, житейскій, близорукій опытъ, опирающійся на пословицу «на ворѣ и шапка горитъ». Поэтому-то выступать отдѣльнымъ обвинителемъ при групповомъ опозореніи чрезвычайно трудно. Иногда—и очень часто—это значитъ къ ранамъ, пріятымъ отъ опозоренія, приложить раны сосредоточенной на себѣ подозрительности и двусмысленнаго сочувствія. Остается, въ большинствѣ случаевъ, молчаливо, съ притворнымъ равнодушіемъ нести клеймо незаслуженнаго стыда— и испытывать на себѣ то, что такъ образно называлъ нашъ знаменитый писатель «постояннымъ страхомъ, и гнѣвомъ, и болью *неопредѣленныхъ* подозрѣній». Такимъ образомъ, неуказаніе лица—только облегчаетъ нравственную и юридическую отвѣтственность дѣйствительно виновнаго и, въ то же время, кладетъ тяжелое бремя на душевное спокойствіе невиновныхъ.

Но результаты такихъ оскорбленій не въ одномъ причиненіи личныхъ страданій. У нихъ есть и обще-вредный характеръ. При частомъ и безнаказанномъ повтореніи, такія оскорбительныя обобщенія, связываясь въ представленіи общества съ извѣстной профессіею, пріучаютъ терять къ ней уваженіе, стыдиться ея, краснѣть за свою къ ней прикосновенность. Званіе, которое не носится съ спокойной гордостью исполняемаго долга, легко обращается въ нѣчто ненавистное самому носителю, а трудъ его представляется первымъ попавшимся подъ руку средствомъ заработка. Безнаказанная бездоказательность презрительнаго отношенія къ дѣятельности должностного лица должна подавлять малодушныхъ, разрушать у нихъ энергію и самоуваженіе, убивая всякое побужденіе къ улучшенію своего дѣла, которое заранѣе опозорено. Она должна отнимать у твердыхъ духомъ согрѣвающее сознаніе общественнаго уваженія, столь часто нужное въ минуты одинокой служебной борьбы за правду и пользу...

Можно привести рядъ практическихъ примѣровъ оскорбленій профессоровъ, контрольныхъ ревизоровъ, судей и т. п., построенныхъ по образцу, даваемому статьею «Гражданина», и доказать оскорбительность такихъ примѣрныхъ опозореній для всѣхъ и каждаго изъ членовъ той или другой группы должностныхъ лицъ»...

Всѣ эти замѣчанія почтеннаго автора справедливы, но лѣкарство, имъ предлагаемое, едва ли не хуже. Если признать возможность оскорбленія цѣлыхъ группъ лицъ, то это можетъ оказаться на практикѣ равносильнымъ уничтоженію всякой критики. Въ особенности такая перспектива мыслима у насъ, гдѣ щекотливость дѣятелей доходитъ до крайнихъ предѣловъ, вслѣдствіе непривычки къ критикѣ. Очень печально, конечно, когда печать извѣстнаго сорта инсинуируетъ на учрежденія и цѣлыя корпораціи, обвиняя огуломъ, безъ разбора. Но противъ нападокъ печати лучшее средство находится въ самой печати, которая всегда и всякому открыта для защиты и выясненія. Борьба съ инсинуаціями тѣмъ энергичнѣе и плодотворнѣе, чѣмъ шире предѣлъ для печатнаго слова, чѣмъ оно свободнѣе и потому доступнѣе...

Отъ князя Мещерскаго прямой переходъ къ его излюбленному герою, бывшему земскому начальнику Протопопову, которому посвящена г-омъ Кони одна изъ самыхъ блестящихъ его рѣчей. Въ

его характеристикѣ выступаетъ не просто обвиняемый въ превышеніи власти, а типъ, столь дорогой «Гражданину», выразившій своею дѣятельностью то пониманіе реформы, какъ оно было воспринято извѣстной частью общества. Дѣятельность Протопопова была кратка—съ 8-го по 27-е сентября, но ярка, блестяща и выразительна, представляя, по образному выраженію г. Кони, «нѣчто въ родѣ музыкальной фуги, въ которой звуки раздраженія и презрѣнія къ закону все расширяются и крѣпнутъ, постоянно повторяя одинъ и тотъ же начальный и основной мотивъ «побить морду». И этими-то средствами думалъ онъ внушить спокойствіе, уваженіе къ старшимъ и къ порядку, зная, что именно этихъ-то средствъ, о которыхъ ходили смутные и злые толки, и боялся тотъ народъ, съ которымъ ему нужно было стать въ близкія отношенія. Онъ думалъ внушить не опасеніе законной отвѣтственности, а просто житейскій страхъ. Но однимъ страхомъ, и только страхомъ, не поддерживается уваженіе и не создается спокойствіе».

На ряду съ этимъ «кандидатомъ безправія», какъ мѣтко окрестилъ его г. Кони, память невольно вызываетъ печальную фигуру «насильственнаго благотворителя» Жеденова. Какъ Протопоповъ началъ и кончилъ «битьемъ морды», доведя ввѣренный ему участокъ до открытаго бунта, такъ и Жеденовъ стремился къ «добру» посредствомъ насилія, презрительно попирая самыя законныя требованія и святыя чувства крестьянъ. Насильно онъ отнимаетъ землю у общества подъ постройку пріютовъ, насильно облагаетъ крестьянъ данью въ пользу пріютовъ, насильно заставляетъ ихъ торговать водкой, конфискуя въ пользу пріютовъ доходы съ общественной виноторговли, насильно отнимаетъ сиротъ для заселенія своихъ пріютовъ. Насильственные пріемы его, какъ въ фугѣ Протопопова основной мотивъ «бить морды», все растутъ, крѣпнутъ, принимаютъ, наконецъ, по истинѣ дикіе размѣры, что вызываетъ вмѣшательство высшей администраціи и устраненіе отъ должности. Но Жеденовъ не успокаивается. Онъ и въ столицѣ пускаетъ въ ходъ тѣ-же пріемы насилія, требуя къ себѣ уваженія съ револьверомъ въ рукахъ... Между ними есть лишь та существенная разница, что «кандидатъ безправія» слишкомъ пылко и неосмотрительно разстрѣлялъ свой порохъ. Онъ, какъ неопытный пѣвецъ, взялъ сразу слишкомъ высокую ноту—и сорвался. Тогда какъ Жеденовъ велъ дѣло насильственной благотворительности съ нѣкоторою осторожностью, постепенно устраняя препятствія, гдѣ можно своей властью, гдѣ нельзя—доносомъ, и продержался почти три года, пока не довелъ населеніе до полнаго изнеможенія и раз-

зоренія. Опытъ Протопопова для него не прошелъ безслѣдно, и эти два піонера безправія и насилія, Протопоповъ и Жеденовъ, сходя со сцены, могутъ сказать, что и они жили не даромъ, указавъ своимъ дальнѣйшимъ послѣдователямъ, чего надо избѣгать..

Въ слѣдующихъ, затѣмъ, рѣчахъ г. Кони, представляющихъ кассаціонныя заключенія по выдающимся судебнымъ дѣламъ послѣдняго времени, особенное вниманіе обращаютъ на себя двѣ— по дѣлу Ольги Палемъ и мултанскихъ вотяковъ. Въ первой заключается превосходная критика нашего предварительнаго слѣдствія. А. Ѳ. Кони останавливается надъ вопросомъ о «предѣлахъ изслѣдованія», имѣющемъ острый характеръ при современномъ положеніи слѣдствія, поставленномъ внѣ контроля общественнаго мнѣнія. Преступникъ, лишенный защиты, оказывается нерѣдко отданнымъ всецѣло во власть сплетни, ужасной провинціальной сплетни, не щадящей ни его, ни его присныхъ «до седьмаго колѣна». Припомнимъ еще свѣжее въ памяти всѣхъ дѣло Тальмы, гдѣ все предварительное слѣдствіе представляетъ фантастическую картину семейныхъ отношеній несчастнаго Тальмы, разработанную до мельчайшихъ подробностей, какъ бы съ цѣлью внушить присяжнымъ, что въ *такомъ* семействѣ вполнѣ возможенъ и *такой* преступникъ, какъ Тальма. Предостерегая отъ такого изслѣдованія частной жизни, какъ обвиняемаго, такъ и потерпѣвшаго, А. Ѳ. Кони говоритъ:

«Вопросъ о предѣлахъ изслѣдованія—вопросъ важный и трудный. Но эти предѣлы имѣютъ такое серьезное значеніе, что установленіе ихъ необходимо. Большинство юристовъ не сомнѣваются, что отправною точкою изслѣдованія должно быть *событіе* преступленія. Оно подлежитъ обслѣдованію вполнѣ и со всевозможною подробностью, ибо въ ней, въ этой подробности, очень часто содержится и указаніе на внутреннюю сторону преступленія. Точно также долженъ быть изслѣдованъ и законный составъ преступленія. Здѣсь точность и даже мелочность изслѣдованія имѣютъ прямое отношеніе къ дѣлу. Но затѣмъ должны быть, сообразно свойству каждаго преступленія и по каждому дѣлу, установлены предѣлы, до которыхъ должно идти изслѣдованіе. Такъ, не всѣ предшествовавшія преступленію событія, а лишь ближайшія къ нему и съ нимъ связанныя могутъ имѣть значеніе для дѣла. Обстановка, въ которой совершено преступленіе, или въ которой находились обвиняемый и жертва преступленія, а также движущій и притомъ объективный мотивъ дѣйствій обвиняемаго, конечно, подлежатъ изслѣдованію, равно какъ и личность обвиняемаго, уже потому, что они содержатъ въ себѣ часто задатки снисхожденія. Но предѣлы этого изслѣдованія, особливо по отношенію къ личности, зависятъ отъ рода преступленія и отъ доказанности событія. Личность должна быть, по мѣткому выраженію одного изъ нашихъ выдающихся юристовъ, «изслѣдована по стольку, по скольку она вложилась въ фактъ преступленія»... Идти далѣе этого, значитъ вторгаться въ такую область, которая суду не подлежитъ, да ему и не нужна для правильнаго исполненія

его задачи. Онъ разсматриваетъ *не жизнь обвиняемаго* вообще, а преступное дѣяніе, онъ осуждаетъ подсудимаго за тѣ стороны его личности, которыя выразились въ этомъ дѣяніи, а не за жизнь его. Иначе судебному изслѣдованію и—да позволено будетъ сказать—любопытству отдѣльныхъ судебныхъ дѣятелей не будетъ предѣла. Такой порядокъ вещей не можетъ быть признанъ нормальнымъ ни въ отношеніи обвиняемаго, ни тогда, когда подобные пріемы изслѣдованія направляются на потерпѣвшаго, когда о немъ производится своего рода дознаніе черезъ окольныхъ людей, причемъ его жизнь и личность раскапываются съ самою мелочною подробностью, точно дѣло идетъ исключительно о рѣшеніи вопроса—достоинъ-ли онъ былъ постигшей его участи?—какъ будто житейское поведеніе потерпѣвшаго можетъ изъять его изъ покровительства закона, и по отношенію къ нему сдѣлать дозволеннымъ, по личному взгляду подсудимаго, то, что не дозволено и преступно по отношенію къ другимъ людямъ. Такого взгляда, конечно, у судебной власти существовать не можетъ и не существуетъ; но потому и дѣйствія ея по собиранію доказательствъ не должны никому давать повода думать, что собранный ею матеріалъ можетъ послужить для проведенія въ жизнь такого превратнаго и противорѣчащаго условіямъ общежитія взгляда».

Къ сожалѣнію, всѣ эти глубокомысленныя и прекрасныя слова А. Ѳ. Кони останутся «мѣдью звенящей», пока не измѣнятся кореннымъ образомъ условія слѣдственной процедуры, пока не будетъ введена защита въ предварительное слѣдствіе, какъ теперь она участвуетъ въ судебномъ. Но даже и здѣсь ея участіе встрѣчаетъ иногда странное противодѣйствіе и даже осужденіе со стороны *суда*, на что рѣзко нападаетъ А. Ѳ. Кони въ своемъ заключеніи по дѣлу мултанскихъ вотяковъ. Отмѣтивъ цѣлый рядъ правонарушеній, допущенныхъ *судомъ* въ этомъ дѣлѣ, какъ-то: отказъ въ вызовѣ свидѣтелей со стороны защиты, недопущеніе ея вопросовъ на судебномъ слѣдствіи, относящихся до поведенія лицъ, производившихъ дознаніе, и т. п., ораторъ съ грустью останавливается на невѣроятномъ *заключеніи*, которое дѣлаетъ предсѣдатель Сарапульскаго суда въ своемъ объясненіи по дѣлу: «Крайне печально,—такъ заканчиваетъ этотъ представитель правосудія,—что судомъ присяжныхъ дважды установлена виновность семи вотяковъ въ убійствѣ русскаго человѣка съ цѣлью принесенія его въ жертву ихъ языческимъ богамъ, но что же дѣлать!—обстановка убійства Матюнина и экспертиза, какъ врачебная, такъ и этнографическая, положительно установили, что Матюнинъ былъ зарѣзанъ съ означенною именно цѣлью, и этому не желаютъ вѣрить лишь только бывшіе на судѣ—представитель прессы, корреспонденты, да г. защитникъ, домогающійся во что бы ни стало оправданія всѣхъ подсудимыхъ, котораго онъ, *быть можетъ, когда-либо и добьется»* *). Суровый отвѣтъ даетъ на это А. Ѳ.

*) Курсивъ вездѣ А. Ѳ. Кони.

Кони: «Для него (сената), въ предѣлахъ его вѣдомства, *печальнымъ* можетъ быть лишь то, что по судебному дѣлу огромной важности, имѣющему не только юридическій, но и бытовой интересъ, судомъ *дважды* допущены такія существенныя нарушенія, что совокупной работѣ суда и присяжныхъ должно, во имя нелицемѣрнаго соблюденія законовъ, вмѣненнаго сенату въ обязанность, обратиться въ ничто. Печальными могутъ показаться и заключительныя слова объясненія, столь странно звучащія при существованіи въ судебныхъ установленіяхъ коренныхъ началъ гласности разбирательства и судебной защиты, и едва ли соотвѣтствующія достоинству того, кто писалъ объясненіе, и высотѣ того мѣста, куда оно предназначалось» *).

Мы далеко не все отмѣтили, что читатели найдутъ въ сборникѣ «За послѣдніе годы». Кромѣ рѣчей, здѣсь приложены статьи, упомянутыя нами выше, и превосходная характеристика Д. А. Ровинскаго, какъ дѣятеля судебной реформы и собирателя единственнаго въ своемъ родѣ матеріала—народныхъ картинъ, имѣющихъ огромный интересъ для выясненія народнаго самосознанія и отношенія къ текущей жизни. Къ этой характеристикѣ мы еще вернемся.

А. Б.

---

*) Напомнимъ читателямъ, что дѣло вотяковъ третій разъ будетъ разбираться въ началѣ іюня, въ Мамадышѣ. Что касается медицинской и этнографической экспертизы, то обращаемъ вниманіе на рецензію о книгѣ г. Богаевскаго въ библіографическомъ отдѣлѣ настоящей книги «М. Б.».

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Переселеніе и переселенцы. Переселеніе давно уже вошло въ разрядъ обычныхъ явленій народной жизни, и пока въ печати и обществѣ устанавливался взглядъ на него, оно шло своимъ порядкомъ, съ каждымъ годомъ принимая все большіе и большіе размѣры. Съ постройкой Сибирской дороги на него обратило большое вниманіе и правительство, желающее утилизировать переселенческій потокъ въ своихъ видахъ, для заселенія пустынныхъ пространствъ вдоль линіи. Въ прошломъ году была отправлена въ Сибирь коммиссія г. Тихѣева, которой поручено было учесть, какое количество переселенцевъ можетъ быть еще устроено по линіи Великой Сибирской дороги, до Иркутска включительно. Коммиссія, если вѣрны на этотъ счетъ свѣдѣнія «Русскихъ Вѣдомостей», пришла къ выводу, что въ Тобольской, Томской и Енисейской губерніяхъ и Акмолинской области для переселенцевъ заготовлено, т.-е. разграничено, приблизительно, 3.700.000 десятинъ, на которыхъ можно водворить до 240 тыс. семей переселенцевъ. Но часть этой «свободной площади» уже заселена въ прошлый и предшествующіе годы, такъ что дѣйствительно свободныхъ участковъ имѣется, приблизительно, на 165 съ половиною тысячъ переселенческихъ семей, или, по разсчету коммиссіи г. Тихѣева, на пять переселенческихъ періодовъ, если въ нынѣшнемъ и четырехъ будущихъ годахъ наплывъ переселенцевъ въ Сибирь сохранитъ обычные размѣры. Надо однако ожидать, что уже въ нынѣшнемъ году не исполнится это послѣднее условіе и, слѣдовательно, разсчетъ надо бы принимать уже другой, еще болѣе сокращенный. По даннымъ коммиссіи г. Тихѣева, въ заселенныхъ районахъ Тобольской и Томской губерній земли, годныя для заселенія, не могутъ уже считаться свободными впредь до устройства старожиловъ. Въ Енисейской губерніи къ концу нынѣшняго лѣта всѣ свободныя земли, пригодныя для культуры, также будутъ заняты; въ Минусинскомъ же округѣ хотя и есть излишки земель у старожиловъ, но тамъ еще въ прошломъ году насчитывалось много неустроенныхъ новоселовъ и послѣ отрѣзки земли имъ—врядъ ли этотъ округъ можетъ принять новыхъ переселенцевъ. Остается Иркутская губернія, гдѣ работа временныхъ партій по отводу переселенческихъ участковъ только что начинается, но и здѣсь, по мнѣнію коммиссіи, свободные излишки земель не велики и не особенно привлекательны для переселенцевъ. «Что же дѣлать съ послѣдними, потокъ которыхъ не уменьшается?»—спрашиваютъ сибирскія газеты и, вмѣстѣ съ коммиссіей г. Тихѣева, указываютъ на сибирскую тайгу, какъ единственно свободное пространство для

заселенія, куда и предлагаютъ направить первый переселенческій потокъ.

Такой проектъ едва ли понравится самимъ переселенцамъ, имѣющимъ о Сибири самое преувеличенное мнѣніе. Попасть въ дикую тайгу, откуда бѣжитъ природный сибирякъ, для русскаго мужика все равно, что идти на вѣрную гибель. Эта сибирская тайга, такъ внезапно всплывшая въ вопросѣ о переселеніи служитъ, превосходной иллюстраціей самого вопроса. Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ переселеніе было въ передовой печати излюбленной мѣрой для экономическаго подъема народа. Съ тѣхъ поръ взглядъ этой печати на переселеніе значительно измѣнился, и только немногіе изъ могиканъ еще настаиваютъ на немъ. Большинство же видитъ и въ переселеніи одинъ изъ вопросовъ, не разрѣшимыхъ при современныхъ условіяхъ, и всѣ попытки въ этомъ направленіи только и могутъ завести въ сибирскую тайгу. Мы безусловно противъ переселеній, что отнюдь не значитъ, будто мы желали бы задерживать это движеніе насильно. Правильно понимаемыя задачи государства заключаются не въ выселеніи яко бы лишнихъ, а въ устройствѣ ихъ на мѣстѣ,—тѣмъ болѣе, что въ примѣненіи къ Россіи вопросъ о лишнихъ звучитъ какъ-то странно и двусмысленно. Могутъ замѣтить, что разъ переселеніе существуетъ, надо такъ или иначе считаться съ нимъ,—замѣчаніе вполнѣ справедливое, на которое можно отвѣтить только вопросомъ:—кому считаться?

Во всякомъ случаѣ, ненормальность современнаго положенія переселенческаго дѣла не отрицается нынѣ никѣмъ. Объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ самый процессъ переселенія, истинно надрывающій душу, даже въ описаніяхъ. Интересныя наблюденія помѣстилъ г. Носиловъ въ «Новомъ Вр.», гдѣ онъ разсказываетъ о видѣнномъ имъ на большомъ сибирскомъ трактѣ, по которому стремится главный потокъ переселенцевъ. Вотъ, напр., одна изъ самыхъ обычныхъ въ Тюмени сценъ.

«Въ городъ недавно пришла большая партія кіевлянъ, повозокъ что-то тридцать. Годъ тому назадъ, они послали сюда смотрѣть земли своихъ ходоковъ; были выбраны хорошіе, осмотрительные люди. Они высмотрѣли землю у одного мѣстнаго купца, онъ ихъ соблазнилъ дешевизной цѣны и они купили у него ее, затративъ почти всѣ наличныя деньги.

Кіевляне поднялись съ мѣстъ, побросали земли, распродали задешево дома, хозяйства, превратили, что могли, въ деньги и двинулись въ путь, въ Сибирь. Но придя сюда, нашли, что эта земля имъ не годится, климатъ суровъ, нѣтъ сѣнокосовъ, то, что они подразумѣвали изъ писемъ вожаковъ-ходоковъ, совсѣмъ не отвѣчало имъ въ дѣйствительности, и вотъ теперь они послали себѣ искать земли по Иртышу другихъ, а сами, дожидаясь, сидятъ на городскомъ выгонѣ, проѣдая послѣднія свои средства.

Это еще бы ничего, они дождутся; имъ можно дать хорошей земли на Иртышѣ, тамъ ихъ удовлетворитъ и климатъ, и угодья. Но бѣда въ томъ,—говоритъ чиновникъ,—что между ними теперь пошелъ раздоръ и половина ихъ уже собирается ѣхать обратно домой, что, разумѣется, ее приведетъ къ полному раззоренію.

Сегодня утромъ къ нему заходилъ одинъ изъ этихъ переселенцевъ, прося, «Господомъ Богомъ», чтобы онъ пріѣхалъ къ нимъ въ таборъ и уговорилъ не расходиться... они совсѣмъ потеряли голову, они пересссорились другъ съ другомъ, даже подрались вчера, хотя не было ни капли ни у кого водки, и теперь сынъ возсталъ на отца, отецъ возсталъ на сына, и они готовы съ проклятіемъ бросить другъ друга, чтобы уже не видѣться никогда.

Мы поднимаемся въ гору, въѣзжаемъ на голый просторный городской выгонъ, ѣдемъ нѣсколько верстъ и видимъ вдали: что-то чернѣетъ и тамъ поднимается сѣрый дымокъ.

Еще немного времени, это черное пятно расплывается, и мы можемъ различить: странный таборъ людей съ телѣгами, лошадьми, какими-то странными земляными хижинами, которыя пріютились у опушки чахлаго березоваго лѣса.

Насъ замѣтили. Съ табора собрался народъ въ кучку и мы, подъѣхавъ вплоть, остановились у самой толпы сѣрыхъ мужичковъ, сбѣжавшихся женщинъ, ребятъ, которые были, видимо, рады нашему пріѣзду.

Меня поразила эта толпа. Грязная, немытая, въ смятыхъ одеждахъ, въ грязи отъ вчерашняго дождя, выпачканная въ сажѣ костровъ, около которыхъ она спитъ въ землянкахъ, обтрепанная въ дорогѣ, она представляла не нашихъ чистоплотныхъ кіевскихъ мужиковъ, франтоватыхъ красивыхъ женщинъ, а какую-то погорѣлую семью, деревню, которая только-что осталась одинокой у родного пепелища. У нѣкоторыхъ виденъ былъ уже недугъ: дѣти были блѣдны и тощи и на всѣхъ лицахъ сквозь радость нашего пріѣзда свѣтилась какая-то горькая дума, забота, тоска, которая связала ихъ, заставила дѣйствительно, какъ говорилъ чиновникъ, потерять голову...

Моего спутника тотчасъ же окружила толпа мужиковъ, женщинъ, дѣтей и начался общій шумъ, въ которомъ нельзя было разобраться. Кто говоритъ, что онъ проѣдаетъ послѣднюю лошадь, кто говоритъ, что онъ заложилъ послѣднюю женину юбку, кто говорилъ, что у него даже совсѣмъ нѣтъ ничего дать ѣсть дѣтямъ... Одни толкуютъ: «Богъ съ ней, съ вашей Сибирью, пойдемъ домой, хоть умремъ у родныхъ могилъ». Другіе стараются, чтобы тѣ одумались; третьи ждутъ, что скажутъ старики, но старики давно махнули рукой на все и говорятъ, что «теперь ребята одно— или помирай, или иди по міру»... Женщины плачутъ, онѣ тоже кричатъ въ толпѣ, видя всеобщее замѣшательство, онѣ тоже подаютъ свой голосъ... Съ большими усиліями чиновнику удается ихъ уговорить говорить потише. Толпа стихаетъ и онъ начинаетъ передъ ней рисовать всѣ лишенія тѣхъ, кто рѣшитъ теперь покинуть Сибирь и направиться раззореннымъ во-свояси. Толпа молчитъ, всѣ угрюмы. Чиновникъ настаиваетъ на томъ, чтобы они не расходились, помогли другъ другу. Въ числѣ ихъ есть богатые, но тѣ даже думать не хотятъ объ этомъ и, давно уже собравшись въ особую кучку, словно не узнаютъ своихъ, даже родныхъ, жалѣя каждую, дѣйствительно трудомъ нажитую, дорогую копѣйку. Чиновникъ совѣтуетъ имъ теперь же двинуться въ ближайшій участокъ свободной земли на Иртышѣ, онъ показываетъ имъ планы, говоритъ: какая тамъ земля, покосы; говоритъ, что тамъ они могутъ разводить даже бахчу, но они упорно отмалчиваются, заглядывая въ планы, уже не довѣряя Сибири, не довѣряя тому, о чемъ они когда-то мечтали, идя сюда, но попавъ случайно на неудобную землю, которой ихъ обманулъ купецъ.

Одни, подъ вліяніемъ его словъ, соглашаются, другіе говорятъ: «веди хоть куда, только не дай, ради Христа, помереть съ голода и не пусти насъ по міру»; третьи молчатъ и надѣются только на своихъ ходоковъ. Когда поднятъ былъ вопросъ, кто хочетъ идти на родину, то снова поднялся крикъ и суматоха. Одинъ братъ хотѣлъ идти, другой — оставаться, замужняя дочь рвалась за отцомъ, проклиная Сибирь; другая, молодуха, валялась въ ногахъ молодого мужа, прося его ѣхать въ родную деревню, у ней расплелись черныя косы и то

падаютъ на голую землю, то скользятъ по круглымъ, красивымъ плечамъ... Мужики угрюмы, суровы, они грубыми жестами отталкиваютъ женъ, стараются вдуматься, но шумъ толпы, крики, слезы, плачъ испуганныхъ дѣтей не даютъ имъ одуматься, и они, махнувъ на все рукой, только вслушиваются въ то, что говорятъ ихъ вожаки. Но и эти теперь далеко уже не имѣютъ своей силы, рискъ для нихъ великъ, имъ никогда не простила бы деревня принятаго рѣшенія, и вопросъ: что же дѣлать, куда идти— виситъ надъ ними неразрѣшенный.

Толпа раздѣлилась на два лагеря: одинъ хочетъ теперь же сняться и идти въ Россію, другой тоже пошелъ бы слѣдомъ, но у него нѣтъ средствъ, все затрачено, прожито, потеряно въ дорогѣ, и у нихъ одна надежда на чиновника,котораго они просятъ не дать только имъ помереть здѣсь, на чужой сторонѣ съ голоду. Тотъ беретъ ихъ подъ свое покровительство, обѣщаетъ доставить на мѣсто, дать землю, и такъ какъ у большинства и теперь нѣтъ ничего, чтобы дать дѣтямъ хлѣба, онъ вынимаетъ деньги и начинаетъ ихъ распредѣлять между бѣднѣйшими... И нужно было видѣть эти мозолистыя руки переселенцевъ, у которыхъ еще недавно было хозяйство, скотъ, дома, деньги, которыя теперь протягивались со слезами на глазахъ къ чиновнику, получали рубли и держали ихъ на раскрытой ладони, словно удивляясь, что они приняли милостыню въ той Сибири, куда шли съ золотыми надеждами на счастье...

Я пошелъ осматривать таборъ.

Кой-гдѣ у состоятельныхъ стояли пологи, что-то въ родѣ цыганскихъ палатокъ, около нихъ телѣги, бродили еще лошади, но большинство переселенцевъ жило въ землянкахъ. Я заглянулъ въ одну и удивился простотѣ, съ какой устроился переселенецъ. Онъ вырылъ въ землѣ яму, укрѣпилъ надъ ней стропила изъ березовыхъ кольевъ, покрылъ ихъ вѣтками сосны, навалилъ сверху дерна—и хижина его готова. Тамъ, внутри, на серединѣ ея, горитъ огонекъ, около него ежатся въ рубищахъ дѣти, они не привыкли къ холоду сибирскаго лѣта, у нихъ нѣтъ теплыхъ одеждъ— и одна надежда на эти смолистыя дрова сибирскаго лѣса, которыя грѣютъ ихъ теперь на сквозномъ, сыромъ, убійственномъ для нихъ вѣтру. Я заглянулъ въ другую хижину — тамъ стонала бѣдная старушка. Въ третьей было пусто, и только масса тряпья на постеляхъ и мѣшковъ свидѣтельствовала, что здѣсь живетъ семья, скрываясь подъ защитой сырой земли, даже безъ признака огонька на срединѣ. Я видѣлъ много еще другихъ такихъ хижинъ, ихъ показывали мнѣ дѣти. Они съ любопытствомъ сопровождали меня по табору отъ хижины къ хижинѣ, говоря: кто тутъ живетъ, съ кѣмъ, сколько у кого дѣтей, что у него нѣтъ хлѣба, что онъ недавно еще продалъ послѣднюю лошадь, что онъ едва ходитъ отъ голода. И ихъ лепетъ хваталъ за душу своей простотой, своей наивностью и, смотря на нихъ, засматривая въ ихъ свѣтлые равнодушные глазки, я былъ радъ, что они еще не знаютъ тоски своихъ отцовъ, муки своихъ матерей, которые теперь рѣшаютъ тамъ, въ сторонѣ, важный вопросъ жизни...

Что сталось съ ними, гдѣ они нашли землю, гдѣ эти бѣдныя невинныя дѣти нашли убѣжище, я не знаю, я уѣхалъ дальше, путешествуя по Сибири, но этотъ вопросъ еще теперь стоитъ передо мной, когда я вспоминаю видѣнную мной картину переселенцевъ на городскомъ вагонѣ...

И такъ бываетъ не съ одними, а со многими изъ тѣхъ, что пускается въ Сибирь, убѣгая отъ безземелья въ Россіи...»

Далѣе онъ описываетъ сцены крестинъ и похоронъ въ пути.

«Батюшка что-то поговорилъ съ капитаномъ, съ переселенческимъ чиновникомъ каравана и затѣмъ они всѣ пошли напервую баржу. Вслѣдъ за ними вынули изъ телѣжки и понесли зеленую купель и черезъ нѣсколько минутъ на смоленой палубѣ, подъ открытымъ небомъ, въ кругу любопытныхъ переселенцевъ, начались крестины семерыхъ маленькихъ переселенцевъ. Молодые, стыдливые парубки стромно держали свѣчи рядомъ съ расфрантившимися малороссійскими дѣвушками въ яркихъ костюмахъ родной стороны; нашлись охотники пѣть и обрядъ сразу принялъ какую-то особенную торжественность, огласивши воздухъ тихой, словно спящей подъ яркими лучами лѣтняго солнца рѣки. И я засмотрѣлся вмѣстѣ съ другими на эти оригинальныя обстановкой крестины, на эту группу женщинъ, мужчинъ, которые, слушая пѣніе, словно задумались объ участи маленькихъ переселенцевъ, подававшихъ теперь разными голосами знать присутствующимъ о своемъ существованіи.

Я разговорился съ чиновникомъ.

— Часто бываютъ у васъ такія крестины?—спросилъ я его.

— На каждой остановкѣ, каждый день. Эти бабы удивительно какъ много родятъ дѣтей въ дорогѣ: представьте, мы выѣхали въ четвергъ, всего прошло четверо сутокъ, а у насъ уже прибыло пассажировъ цѣлыхъ два десятка, — пріѣдемъ въ Томскъ, вѣрная будетъ сотня. Фельдшерицы едва справляются, то на одну баржу зовутъ, то на другую, а какая обстановка, сами видите, тѣснота.

— Вѣроятно, многія умираютъ въ дорогѣ?

— Безъ малаго всѣ, пища плохая, молока нѣтъ, тѣснота, ночами сырость, дѣти мрутъ страшно, и сколько мы ни хлопочемъ, никакъ не удается уменьшить процентъ смертныхъ случаевъ; грудныя дѣти почти всѣ помираютъ въ дорогѣ, да вотъ увидите, сколько будутъ отпѣвать,— заключилъ онъ и побѣжалъ распоряжаться на другую баржу.

Дѣйствительно веселый обрядъ крестинъ маленькихъ переселенцевъ закончился грустнымъ отпѣваніемъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ только-что стояла купель, поставили восемь маленькихъ, сбитыхъ изъ какихъ-то сѣрыхъ полугнилыхъ досокъ гробиковъ и батюшка сталъ обходить ихъ съ кадиломъ въ рукахъ, начавши отпѣваніе.

Желающихъ пѣть уже не было, на лицахъ всѣхъ была тоска, кто-то плакалъ тихонько изъ толпы родныхъ, мужики были строго серьезны, какая-то старушка, совсѣмъ не причастная дѣлу, всхлипывала, припавши на бортъ, вѣроятно, вспоминая кого-нибудь изъ своихъ покойниковъ, и только одно солнце весело обливало сѣрые гробики, смоленую палубу, печальныя лица, священника съ кадиломъ въ рукахъ, словно вливая надежду, словно сглаживая эту печаль дорожныхъ людей, какъ оно только-что, словно радуясь, играло своими зайчиками на водѣ зеленой купели...

Обрядъ кончился, мужики взяли гробики подъ мышки, и пошли съ баржи съ дорогой ношей на берегъ зарывать ихъ въ лѣсу, туда же за ними поплелись, всхлипывая на ходу, женщины и дѣти».

Мы вполнѣ раздѣляемъ чувства автора, но понимаемъ также, что чувствомъ тутъ ничего не подѣлаешь, какъ и тѣми безчисленными проектами переселеній, которые глубокомысленно обсуждаются въ печати.

Изъ быта рабочихъ. Послѣ замѣчательной работы г. Дементьева «Фабрика, что она даетъ и что беретъ у рабочаго», бытъ фабричнаго люда у насъ сталъ все больше и ча-

ще предметомъ спеціальнаго изслѣдованія. Новыя данныя изъ этой области лишь подтверждаютъ заключенія г. Дементьева о физическомъ и нравственномъ уродованіи, которое фабричная обстановка производитъ въ рабочей средѣ. Каковы результаты «патріархальности отношеній», практикуемыхъ до сихъ поръ къ рабочимъ на большинствѣ фабрикъ, показываетъ, напримѣръ, недавній докладъ извѣстнаго врача Жбанкова о положеніи рабочихъ на фабрикахъ Смоленской губерніи; докладъ, этотъ составляетъ продолженіе доклада, который уже дѣлалъ г. Жбанковъ въ засѣданіи Общества врачей 13 марта. На этотъ разъ г. Жбанковъ коснулся, главнымъ образомъ, вопроса о вліяніи фабрикъ и фабричнаго производства на рабочихъ. Изъ 5.026 рабочихъ, измѣренныхъ и опрошенныхъ г. Жбанковымъ во время его изслѣдованія фабрикъ, оказалось, что большинство рабочихъ принадлежитъ къ уроженцамъ Смоленской губерніи, но значительный % даютъ также губерніи — Московская и Владимірская. Четвертую часть всѣхъ фабричныхъ рабочихъ составляютъ женщины. Всѣхъ дѣтей на фабрикахъ работаетъ до 15%, большинство женщинъ и дѣтей работаетъ на Ярцевской манафактурѣ, а также и на спичечныхъ и стеклянныхъ фабрикахъ. На семейную жизнь фабрика вліяетъ пагубнымъ образомъ, такъ что большинство рабочихъ въ возрастѣ, когда въ крестьянской средѣ уже вступаютъ въ бракъ, на фабрикахъ ведутъ холостую и незамужнюю жизнь; причина этого явленія, по мнѣнію докладчика, заключается, во-первыхъ, въ отсутствіи твердой осѣдлости при работахъ на фабрикахъ, а во-вторыхъ въ массѣ связей внѣ брака; причины послѣдняго явленія кроются въ общности помѣщеній для ночлега холостыхъ мужчинъ и дѣвушекъ. Грамотность на фабрикахъ развита довольно неравномѣрно: на нѣкоторыхъ фабрикахъ грамотность 56%; тогда какъ на другихъ почти всѣ рабочіе безграмотны; большинство рабочихъ грамотны на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ имѣются школы и гдѣ фабричныя работы являются какъ бы наслѣдственнымъ достояніемъ, переходящимъ изъ одного поколѣнія въ другое. Большинство работъ на фабрикахъ оказываетъ пагубное вліяніе на здоровье рабочихъ и особенно это замѣтно на хлопчато-бумажныхъ, стеклянныхъ и спичечныхъ фабрикахъ; болѣе же здоровый народъ находится на кирпичныхъ, пивоваренныхъ и винокуренныхъ заводахъ. Напримѣръ, на Ярцевской мануфактурѣ, въ ткацкомъ отдѣленіи многіе изъ рабочихъ были почти совершенно глухіе. Заболѣванія рта и губъ замѣчаются больше всего на стеклянныхъ фабрикахъ, гдѣ рабочимъ приходится во всякое время года выдувать ртомъ стеклянную массу. На спичечныхъ фабрикахъ въ огромномъ количествѣ замѣчается пораженіе зубовъ и челюстей. На кожевенныхъ заводахъ наблюдаются преимущественно кожныя заболѣванія: кожа рабочихъ усѣяна массой мелкихъ пятенъ и издаетъ зловоніе Пораженіе кожи замѣчается и у рабочихъ кирпичныхъ заводовъ, которымъ приходится жить въ землянкахъ, гдѣ разводится масса паразитовъ, разъѣдающихъ тѣло до того, что оно представляетъ гораздо болѣе болѣзненный видъ, чѣмъ даже тѣло чесоточныхъ больныхъ».

Не касаясь дальнѣйшихъ преній, замѣтимъ, что положеніе рабочихъ въ Смоленской губерніи не представляется исключительнымъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ № «Недѣли» напечатана интересная корреспонденція изъ Астрахани — «Благотворительный заводъ», гдѣ рисуется обычная у насъ картина фабричныхъ порядковъ на одномъ изъ астраханскихъ заводовъ.

«Осенью прошлаго года,—разсказываетъ корреспондентъ,—въ Астрахани скончался заводчикъ Бекуновъ. Все недвижимое имущество, изъ котораго самое цѣнное стеклянный заводъ, онъ оставилъ на учрежденіе въ Астрахани дома трудолюбія, пріюта для сиротъ и другія благотворительныя учрежденія. Самъ Бекуновъ до послѣдней минуты оставался жаднымъ кулакомъ, скопидомничалъ на грошахъ, спаивалъ рабочихъ (онъ держалъ свой кабакъ, какъ истый «патріархъ»— замѣтимъ въ скобкахъ) и эксплуатировалъ ихъ трудъ. Забракованная посуда, за которую имъ. конечно, не платилось, продавалась. Несмотря на просьбы учителя, онъ не соглашался продавать рабочимъ учебниковъ по номинальной цѣнѣ, всегда высказывая, что школу ему навязали, что онъ не въ состояніи содержать ея, хотя заводъ давалъ ему до 30 т. дохода. Работу на заводѣ окупали лавка и кабакъ. Изъ 6.000 р. заработной платы приходилось рабочимъ на руки не болѣе 1½. Пьянство и распущенность всячески поощрялись. Былъ приказъ отъ владѣльца увольнять тѣхъ, кто будетъ пить въ чужомъ кабакѣ. На заводѣ работали дѣти съ семилѣтняго возраста, хотя по закону раньше 12 лѣтъ дѣти въ работу не допускаются.

Софійскій заводъ, о которомъ идетъ рѣчь, отстоитъ отъ г. Астрахани въ 10 вер., на правомъ берегу одного изъ рукавовъ дельты Волги. Самый заводъ (гута) стоитъ на бугрѣ, а у подошвы его живетъ рабочій людъ, до 700 чел. обоего пола. Мѣсто, занимаемое поселкомъ, заливное, окружено болотами и топкимъ ильменемъ. Почва глинистая и вязкая. Пространство поселка не болѣе 60 кв. саженей, на которомъ построено до 30 домовъ - казармъ. Постройки поставлены самымъ первобытнымъ способомъ. Фундамента у нихъ нѣтъ никакого, нижніе вѣнцы стоятъ прямо на землѣ, сколоченные кое-какъ на скорую руку, плохо или вовсе не проконопачены, отчего въ дождливую погоду всѣ протекаютъ. Хоромы эти грязные, дырявые, въ большинствѣ безъ оконныхъ ставенъ, безъ дворовъ и надворныхъ построекъ. Помѣщенія сырыя, холодныя и тѣсныя. Казармы раздѣляются на нумера, большей частью въ одну кв. сажень, гдѣ помѣщаются по двѣ и по три семьи. Есть около десятка землянокъ. Неудивительно, что здѣсь свирѣпствуютъ всякія болѣзни. Ежемѣсячно заболѣваютъ до 150 человѣкъ. Въ 1893 г. по поводу эпидеміи оспы изъ Астрахани прибыла сюда санитарная коммиссія, одинъ изъ членовъ которой справедливо замѣтилъ, что «самое лучшее, что можно придумать, это обнести камышомъ и соломой всѣ строенія и поджечь». Никакихъ мѣръ, конечно, не предпринимается. Больница отсутствуетъ, и тяжкіе больные отправляются въ городъ. Работа на заводѣ производится посмѣнно, въ двѣ и три смѣны, днемъ и ночью, непрерывно изо-дня въ день, благодаря устройству перемѣнныхъ стекловаренныхъ печей. Обычно работа производится 9 часовъ съ перерывомъ въ одинъ часъ. Но иногда работаютъ по 10—12 часовъ. Преобладающій трудъ дѣтскій. Убійственно отражается здѣсь работа на дѣтяхъ. Не встрѣтишь здороваго, полнаго, румянаго, веселаго и живого дѣтскаго лица; поразительная блѣдность, худоба, вялость, сонливость, какое-то не дѣтское, угрюмое и апатичное выраженіе. Причиною этому служатъ какъ трудность работы и тропическая жара въ заводѣ, такъ особенно неопредѣленность отдыха. Работа производится день и ночь. Самый большій отдыхъ—это когда работаютъ въ три смѣны. Но часто работа идетъ въ двѣ смѣны, тогда остается на отдыхъ только 8 часовъ въ сутки, т.-е. едва достаточно, чтобы вы-

спаться взрослому и здоровому человѣку. Подумайте, что становится съ дѣтьми при такихъ каторжныхъ условіяхъ! Изъ этихъ же восьми часовъ нужно урвать время на выборку посуды и на приготовленіе къ слѣдующей работѣ. Хотя на заводѣ и существуетъ школа вотъ уже 3-й годъ, дѣти-рабочіе почти не посѣщаютъ ея, просто по физической невозможности, къ тому же опредѣленнаго времени, хотя бы законныхъ трехъ часовъ, дѣтямъ на школу не дается, отдыхъ же приходится часто на такое время, когда ученіе не производится. Вообще, на школу смотрятъ здѣсь какъ на бремя, навязанное начальствомъ. Прежде чѣмъ открыть школу, расписали вывѣску, которая и украшала пустое зданіе цѣлыхъ два года.

Жизнь здѣшняго рабочаго самая несчастная. Единственно, что ему доступно послѣ разслабляющаго и утомительнаго труда, это хозяйскій кабакъ. Вотъ и пьютъ отъ мала до велика, и пьютъ очень много; кабакъ торгуетъ отъ 900—1.300 р. въ мѣсяцъ. Есть рабочіе, которые пропиваютъ почти все свое жалованье и заработокъ. Есть семьи, которыя отказываются жить съ отцами, потому-что эти отцы нетолько пропиваютъ весь свой заработокъ, но и заработокъ дѣтей. Прежде кабакъ владѣльца стоялъ вдали, приблизительно, въ верстѣ отъ завода и притомъ на другомъ берегу рѣки. Но нынѣшній годъ почему-то рѣшили устроить кабакъ еще на самомъ заводѣ, хотя для удобной доставки водки принимались и раньше всевозможныя мѣры. Такъ, лѣтомъ существовали спеціально для переправы рабочихъ въ кабакъ двѣ лодки, а ночью особый перевозчикъ для запоздавшихъ и пьяныхъ. Кабакъ совершенно свелъ рабочихъ на нѣтъ, заразивъ чуть не поголовно всѣхъ алкоголизмомъ, съ которымъ, какъ съ болѣзнью, бороться уже невозможно. Вѣдь все такъ удачно устроено: можно прямо изъ кабака перекидывать бутылки на рабочій верстакъ. Ордера на водку давались до послѣдняго времени (мѣсяца за три) безпрепятственно, пьянство не преслѣдуется, а также и всѣ послѣдствія его. Кабатчикъ тоже не безучастно относится къ продажѣ питей, такъ какъ онъ пользуется извѣстнымъ процентомъ съ рубля. Прежде хоть часть безобразій оставалась гдѣ-то далеко за заводомъ, теперь же все совершается на улицѣ, въ казармахъ, на глазахъ семьи и дѣтей.

Кромѣ кабака, для уловленія заработка рабочихъ устроена заводская лавка. Она торгуетъ не меньше, какъ на 3.000 рублей въ мѣсяцъ. Въ розничной продажѣ фунтъ сахару стоитъ 15—16 к., въ лавкѣ 18—20 коп.; коровье масло 23--24 коп., здѣсь 29—30 коп. и пр. и пр.; даже учебники для школьниковъ не изъяты отъ наложенія 3 и 5 коп. на книгу. Расцѣночной описи товаровъ, которая должна бы быть всегда вывѣшена въ лавкѣ и утверждаться фабричнымъ инспекторомъ, не существуетъ».

Едва ли «патріархальная» картина нравовъ, рисуемая корреспондентомъ, нуждается въ комментаріяхъ, представляя лучшую иллюстрацію къ докладу врача Жбанкова.

Тюремная аудиторія. Не такъ давно мы приводили выдержку изъ записокъ г. Мельшина о чтеніи среди каторжанъ («Русскіе писатели передъ судомъ каторги»). Въ «Недѣлѣ» находимъ еще изъ той же области интересное сообщеніе г-жи Новицкой объ устройствѣ школы въ Харьковской женской тюрьмѣ. При женскомъ отдѣленіи Харьковскаго тюремнаго замка г-жею Л. И. Дашкевичъ открыта воскресная школа съ библіотекой при ней и аудиторія для воскресныхъ чтеній съ волшебнымъ фонаремъ.

Чтенія начались съ марта прошлаго года, а воскресная школа стала работать съ ноября. Помѣщеніемъ для

этихъ образовательныхъ учрежденій служитъ одна изъ большихъ камеръ тюрьмы. Школьныя занятія, а затѣмъ чтенія ведутся каждое воскресенье. Въ теченіе года на чтеніяхъ присутствовало каждый разъ 30—60 взрослыхъ женщинъ и до 10 дѣтей, находящихся въ тюрьмѣ или потому, что идутъ съ матерями на поселеніе, или потому, что находятся при матеняхъ, отбывающихъ наказаніе.

Тотъ, кто имѣлъ возможность наблюдать, съ какимъ живымъ интересомъ относится обыкновенная народная аудиторія къ чтеніямъ подобнаго рода,—легко представить себѣ ту степень интереса, которую возбуждаютъ они у обездоленныхъ тюремныхъ женщинъ. Смотря по характеру чтенія, они вызываютъ у арестантокъ то горькія слезы и глубокіе вздохи, то напряженное вниманіе, а подчасъ и дружные взрывы искренняго смѣха. Особенно сильное впечатлѣніе производятъ на арестантокъ чтенія о жизни Іисуса Христа, его чудесахъ и страданіяхъ. Съ большимъ вниманіемъ прослушали онѣ «Полтаву» Пушкина, «Муму» Тургенева, причемъ высказывалось трогательно выраженное сожалѣніе по адресу нѣмого и его собаки. Съ живымъ интересомъ отнеслись слушательницы къ чтенію дѣлового характера «о каменномъ углѣ», причемъ вниманіе ихъ останавливалось, главнымъ образомъ, на описаніяхъ подземныхъ работъ при добываніи угля и на сообщеніяхъ тѣхъ несчастій, которыми иной разъ сопровождаются эти работы. Кромѣ вышеупомянутыхъ чтеній, имъ были прочитаны: «Начало христіанства на Руси», «Уничиженіе на землѣ Господа нашего Іисуса Христа», «Св. Алексѣй», «Капитанская дочка», «Свѣтлана» и др. Для этихъ чтеній г-жею Л. И. Дашкевичъ, экономическимъ способомъ, сдѣланъ прекрасный экранъ и волшебный фонарь, стекла къ которому выписаны изъ Лондона отъ г. Стюарта, а всѣ остальныя части изготовлены на мѣстѣ, по плану члена харьковской коммиссіи по устройству народныхъ членій Д. А. Кутневича. Картины для чтеній въ тюремномъ замкѣ предложены извѣстною Х. Д. Алчевскою и вышеупомянутой коммиссіею по устройству народныхъ чтеній.

Занятія въ воскресной школѣ начались въ ноябрѣ прошлаго года. Каждый разъ передъ началомъ уроковъ одною изъ грамотныхъ арестантокъ читается глава изъ св. Евангелія. Затѣмъ идетъ бесѣда духовнаго содержанія, тюремнаго священника отца Стефана Любицкаго, пользующагося въ городѣ самою симпатичною извѣстностью. На эти бесѣды, полныя живого интереса, сходятся обыкновенно всѣ имѣющіяся на лицо арестантки. Послѣ этого идутъ занятія начальною грамотою по обычной программѣ для народныхъ школъ. Учащіяся въ тюремной школѣ относятся къ своимъ занятіямъ вообще съ большимъ усердіемъ, нѣкоторыя же проявляютъ необычайное рвеніе и интересъ къ нимъ. Большинство учащихся крестьянки и мѣщанки: это чаще всего горничныя, кухарки и фабричныя работницы, въ возрастѣ отъ 16 до 42 лѣтъ.

Послѣ окончанія занятій, имъ выдаются книги для чтенія изъ школьной библіотеки, заключающей въ себѣ до 300 книгъ, одобренныхъ мин. нар. пр. для этой цѣли, и дѣлящейся на 4 отдѣла: 1) духовно-нравственный, 2) беллетристика, 3) исторія и географія и 4) естественная исторія и медицина. Изъ перваго отдѣла особенно охотно читаются: Евангеліе, библейскіе разсказы и «житія»; изъ художественныхъ произведеній чаще всего требуются творенія народныхъ любимцевъ: Льва Толстого, Жуковскаго, Пушкина, Кольцова и др. Третій отдѣлъ мало удовлетворяетъ вкусы читающихъ, такъ какъ онѣ, главнымъ образомъ, интересуются книжками о

*

жизни въ Сибири, на Сахалинѣ, географическими, этнографическими и бытовыми описаніями этихъ мѣстностей нашего отечества, а какъ извѣстно, таковыми книжками наша народная литература не богата.

Народныя читальни и библіотеки. Толчокъ, данный бывшимъ С.-Петербургскимъ Комитетомъ грамотности дѣлу устройства библіотекъ и читаленъ для народа, уже привелъ къ плодотворнымъ результатамъ. Изъ различныхъ концовъ провинціи сыплются корреспонденціи въ мѣстную печать о дѣятельности открытыхъ библіотекъ и учрежденіи новыхъ. Такъ, въ «Ниж. Листкѣ» находимъ сообщеніе изъ Выксы, заводскаго села съ 6.000 жителей.

«Иниціатива открытія въ с. Выксѣ библіотеки - читальни принадлежитъ земскому врачу и земскому начальнику. Мысль о библіотекѣ-читальнѣ встрѣтила среди мѣстнаго общества и заводоуправленія сочувственный откликъ, дающій надежду на осуществленіе этого предпріятія. Такъ, пароходчикъ г. Бородачевъ согласился отдать подъ помѣщеніе для библіотеки-читальни верхній этажъ своего дома, стоящаго на базарной площади, заводоуправленіе, съ своей стороны, также предлагаетъ отвести подъ читальню домъ. Наконецъ, мѣстное общество никогда не откажетъ въ матеріальной помощи этому начинанію, какъ это показали опыты съ подпиской на картины для народныхъ чтеній, которая дала 100 р., и съ подпиской на общественный вечеръ, устроенный на прошломъ Рождествѣ, которая дала 200 руб.

Въ виду того, что условія, на которыхъ г. Бородачевъ предлагаетъ отдать подъ читальню верхній этажъ своего дома, нѣсколько неудобны, иниціаторы остановились на домѣ, предлагаемомъ заводоуправленіемъ. Домъ этотъ, бывшій прежде богадѣльней, и стоящій рядомъ съ церковью,—одноэтажный; въ немъ двѣ большихъ комнаты. Для ремонта и приспособленія его подъ библіотеку-читальню (съ мебелью и проч., кромѣ книгъ) потребуется 300 руб. Заводоуправленіе соглашается ассигновать на это 155 руб., остающаяся же сумма должна быть покрыта мѣстнымъ сельскимъ обществомъ. Если же послѣднему такой единовременный расходъ покажется обременительнымъ, то заводоуправленіе соглашается отремонтировать и приспособить домъ подъ читальню, уплату же половинной (150 руб.) суммы разсрочить обществу на нѣсколько лѣтъ. Постоянный расходъ исчисленъ въ 250 рублей, при чемъ его должны нести заводоуправленіе и мѣстное сельское общество пополамъ. На половину ремонта дома и на постоянный расходъ въ половинной части далъ уже согласіе директоръ Выксунскаго завода И. А. Лешъ. Остается добиться согласія сельскаго схода, который и будетъ созванъ для этой цѣли на Пасхѣ. Надо замѣтить, что общество горнозаводскихъ мастеровыхъ с. Выксы не только не имѣетъ на себѣ недоимокъ, но, напротивъ, можетъ считаться богатымъ, такъ какъ обладаетъ капиталомъ въ 15.000 р.».

По словамъ «Екатериносл. Губерн. Вѣд.», брянское земство заводитъ подвижныя народныя библіотеки.

Для этого книги дѣлятся на группы, по числу волостей уѣзда. Всѣ эти группы земская управа въ октябрѣ мѣсяцѣ посылаетъ въ волостныя правленія, въ каждое по одной группѣ. Волостное правленіе въ теченіе трехъ мѣсяцевъ распоряжается присланною группою книгъ, перемѣщая ее по прочтеніи изъ одной мѣстности въ другую и поручая выдачу книгъ учителямъ народныхъ училищъ, гдѣ таковые имѣются, а въ прочихъ селахъ и деревняхъ—болѣе грамотнымъ и надежнымъ лицамъ. Затѣмъ, по истеченіи положеннаго срока, волост-

ное правленіе, по составленному управою маршруту, отправляетъ эту группу въ другое волостное правленіе и въ то же время получаетъ новую группу изъ третьяго. Въ апрѣлѣ всѣ группы возвращаются волостными правленіями въ земскую управу, для провѣрки и приведенія въ порядокъ, а къ октябрю земская управа снова разсылаетъ ихъ по волостнымъ правленіямъ.

Такія же сообщенія находимъ въ «Вятск. Краѣ», «Волж. Вѣстникѣ» (изъ Ижевска), въ южныхъ газетахъ («Жизнь и Иск.», «Пріазов. Край» и др.). Заимствуемъ изъ одной о дѣятельности городской читальни въ Одессѣ.

«Въ одесскомъ журналѣ «По морю и сушѣ» напечатанъ весьма интересный отчетъ о дѣятельности одесской городской аудиторіи народныхъ чтеній въ 1896 г. Народныя чтенія въ Одессѣ, существуя почти столько же времени, какъ и въ Кіевѣ,—14 лѣтъ, въ настоящее время ведутся не только въ двухъ городскихъ аудиторіяхъ, изъ которыхъ одна вмѣщаетъ въ себѣ тысячу мѣстъ, но и въ семи пригородныхъ селахъ. Всего въ теченіе прошлаго года произведено было въ этихъ народныхъ аудиторіяхъ 308 чтеній, на которыхъ перебывало 111.584 человѣка. Среднимъ числомъ, на каждомъ чтеніи было посѣтителей въ главной городской аудиторіи по 1.032, во второй на Слободѣ-Романовкѣ по 250 и въ пригородныхъ селахъ по 140. Чрезвычайно интересны сообщаемыя отчетомъ наблюденія надъ посѣтителями пригородныхъ аудиторій. Тамъ чтенія начинаютъ оказывать свое доброе вліяніе на народъ. Начинаютъ появляться на чтеніяхъ всегдашніе посѣтители кабака. Такъ, на чтеніяхъ въ с. Гниляковѣ, какъ разсказываетъ руководитель чтеніями учитель Штомбургъ, одинъ изъ такихъ посѣтителей въ первое свое посѣщеніе послѣ чтенія заявилъ: «Куды пакъ, кака дыковина! Ничого тутъ нема такого, чогобъ стояло сюды ходыть!». Но на слѣдующее чтеніе опять явился и повторилъ: «пусте дило!». На третьемъ и четвертомъ чтеніи повторялась та же исторія; но, наконецъ, видно нашелъ что-то ему нужное, такъ какъ пересталъ высказывать свои сужденія и сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ чтеній. Наблюденія руководителя чтеній въ Нерубайскомъ указываютъ, что послѣ чтенія нѣкоторые изъ посѣтителей просятъ книги для чтенія на домъ, что и удовлетворяется изъ имѣющейся для этой цѣли библіотеки. По его же наблюденіямъ, уже появились и завсегдатаи чтеній, и постоянные абонаты, чего не было до открытія народныхъ чтеній. Съ какимъ вниманіемъ и интересомъ относится народъ къ чтеніямъ, указываютъ наблюденія руководителя чтеній въ Усатовѣ. Онъ говоритъ, что посѣтители просятъ часто повторенія прочитаннаго, а часто и разъясненія непонятнаго. Наблюденія руководителя чтеній въ Кривой Балкѣ дополняютъ указанное явленіе въ Усатовѣ еще и тѣмъ, что посѣтители чтеній выражаютъ желаніе слушать чтенія серьезныя, относясь насмѣшливо къ легкимъ разсказамъ и сказкамъ. Когда прочитана была сказка, «О купцѣ Остолопѣ», то одинъ изъ посѣтителей такъ выразилъ свое сожалѣніе: «даромъ ногы бывъ, да ничого не почувъ». Посѣтители сознаютъ, что чтеніе хорошее дѣло и не только для взрослыхъ, но особенно для подростковъ. Характерно выразился одинъ посѣтитель по этому поводу, сказавъ: «Це добра забава, дивчата меньше будутъ гуляты». Наблюденія руководителей чтеній въ с. Ѳоминомъ указываютъ, что посѣтители умѣютъ цѣнить заботу о нихъ: за каждое чтеніе благодарятъ, и если чтеніе особенно понравилось, то обращаются съ просьбой читать еще «такое же». Нѣкоторыя чтенія не про-

изводятъ никакого впечатлѣнія, даже возбуждаютъ неудовольствіе. Къ сожалѣнію, это относится къ такимъ чтеніямъ, какъ «Муму» Тургенева и «Кольцовъ и его пѣсни» Парунова. Тургеневъ совсѣмъ не понимается деревней на югѣ, а Кольцовъ, надо думать, потому не произвелъ должнаго впечатлѣнія, что изложеніе и языкъ въ брошюрѣ Парунова слишкомъ тяжелы для пониманія. Чѣмъ чтеніе проще, образнѣе, тѣмъ больше и впечатлѣнія производитъ оно на слушателя деревни. Такъ, руководитель чтеній въ с. Дальникъ передаетъ, что во время чтенія хорошо и душевно написанныхъ чтеній посѣтители постоянно вздыхаютъ, а болѣе чувствительные прямо плачутъ. Вообще, въ пригородныхъ селахъ чтенія имѣютъ нѣсколько иной характеръ, чѣмъ въ городѣ. Деревенскій посѣтитель больше цѣнитъ и уважаетъ аудиторію: входя въ нее на чтеніе, онъ сперва перекрестится, затѣмъ сидитъ смирно, разговорами не занимается; онъ любовно относится къ руководителямъ чтеній и выражаетъ свою искреннюю благодарность при каждомъ удобномъ случаѣ».

Дѣло народныхъ библіотекъ-читаленъ двинулось бы еще быстрѣе, если бы ихъ можно было устраивать при школахъ, что, оказывается, связано съ извѣстными затрудненіями, какъ показываетъ слѣдующее сообщеніе «Саратов. Губернск. Вѣдомостей». «Въ концѣ прошлаго года въ селѣ Трескинѣ, Сердобскаго уѣзда, съ разрѣшенія администраціи, была открыта образцовая народная библіотека саратовскаго губернскаго земства, которая и помѣщалась пока въ зданіи земской сельской школы. Завѣдывающимъ библіотекою и отвѣтственнымъ лицомъ по выдачѣ книгъ былъ утвержденъ учитель школы Степановъ. Губернская управа выслала въ библіотеку порядочное количество книгъ, въ числѣ коихъ не мало довольно цѣнныхъ, а уѣздная—озаботилась снабдить ее шкафомъ и другими необходимыми вещами, выхлопотала даже у уѣзднаго земскаго собранія добавовочную ассигновку къ опредѣленному губернскимъ земствомъ жалованью завѣдывающему за тотъ трудъ, который приходится нести ему по библіотекѣ. Образцовая школа начала-было преслѣдовать просвѣтительныя цѣли, но въ настоящее время оказалось, что, помѣщая библіотеку при школѣ, земство допустило ошибки. Инспекторъ народныхъ училищъ г. Саратова и Сердобскаго уѣзда, г. Романовичъ, посѣтивъ въ первыхъ числахъ Трескинскую земскую школу, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ имѣющіяся книги губернской образцовой библіотеки были вынесены изъ помѣщенія школы, такъ какъ по закону всякая библіотека, кромѣ ученической, можетъ быть помѣщена при школѣ только съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и не иначе, какъ въ комнатѣ, отдѣленной отъ классныхъ комнатъ капитальною стѣной и съ отдѣльнымъ выходомъ. Не имѣя другого помѣщенія подъ библіотеку, кромѣ классныхъ комнатъ, завѣдывающій Степановъ былъ вынужденъ временно перемѣстить книги въ кухню своей квартиры, о чемъ и донесъ 8 марта уѣздной управѣ».

Дѣло Бяллозора. Дѣло это, по словамъ «Биржевыхъ Вѣдом.», представляется въ такомъ видѣ. У ковенскаго помѣщика г. Бяллозора украдена тройка лошадей. Строгій хозяинъ объявляетъ, что если воры и похищенное не будутъ отысканы, то всѣ служащіе будутъ разсчитаны. И вотъ послѣ этого приказанія мальчикъ-поступенокъ по просьбѣ дворни заявляетъ, что знаетъ воровъ—это-деврей-извозчикъ Снарскій и крестьянинъ Гудайтисъ. Спрашивали его объ этомъ урядникъ и самъ «панъ», и

обоимъ онъ подтвердилъ свое показаніе. И вотъ результатомъ выспрошеннаго показанія пастушенка и явился допросъ оговоренныхъ подъ пыткой. Снарскій и Гудайтисъ были доставлены въ усадьбу Бяллозора, и здѣсь въ завознѣ ихъ принялись жестоко бить—и кулаками, и палками, и ременными нашильникамя, бить до тѣхъ поръ (съ утра и до вечера), пока несчастные не «сознались» и не оговорили еще двухъ—дворянина Ставскаго и мѣщанина Янковскаго. Въ ту же завозню представлены были и эти два лица, стали и у нихъ такимъ же способомъ добывать признаніе. Ставскій не выдержалъ мученій и подъ безпощадными ударами нашильника «сознался»; Янковскій же нѣтъ, и палачи надъ нимъ такъ поусердствовали, что онъ на четвертый день и душу Богу отдалъ въ холодной, куда его запрятали послѣ истязанія. И производились всѣ эти пытки въ присутствіи полицейскаго урядника и, какъ свидѣтельствуетъ обвинительный актъ, не только съ вѣдома, но и поощренія самого Бяллозора, который не только не находилъ нужнымъ прекратить бойню, но еще и всячески поддерживалъ ее. Помѣщикъ даже высылалъ угощеніе истязателямъ. Слышны были крики и стоны истязуемыхъ даже за предѣлами усадьбы Бяллозора, слышны они были въ расположенной у самой усадьбы деревнѣ, но никто не дерзнулъ вмѣшаться въ то, что творилось шестнадцатью слугами Бяллозора и полицейскимъ урядникомъ. И длилось это страшное варварство не часъ, и не два, а въ теченіе двухъ дней, 15 и 16 октября 1893 года.

Послѣдствіемъ всего этого было то, что Бяллозоръ, его экономъ, вся дворня и урядникъ, всего 17 человѣкъ, попали на скамью подсудимыхъ. Судила ихъ въ Ковнѣ виленская судебная палата съ участіемъ сословныхъ представителей. Приговоромъ ея семь человѣкъ ближайшихъ слугъ Бяллозора, экономъ имѣнія и урядникъ осуждены въ каторжные работы, а трое въ арестантскія роты, Бяллозоръ же былъ оправданъ. И вотъ, когда былъ произнесенъ этотъ приговоръ, то въ залѣ суда раздался отчаянный крикъ: «Загубилъ насъ панъ, загубилъ!» — это кричали жены и дѣти осужденныхъ, какъ засвидѣтельствовано въ оффиціальныхъ «Ков. Губ. Вѣд.».

Сенатъ кассировалъ приговоръ, и дѣло вновь разбиралось въ виленской судебной палатѣ, но на этотъ разъ уже въ самой Вильнѣ. Въ результатѣ получилось опять: каторга и арестантскія роты для урядника и дворни г. Бяллозора и оправдательный приговоръ г. Бяллозору.

Но сенатъ отмѣнилъ и этотъ приговоръ, при чемъ передалъ ужъ дѣло въ с.-петербургскую судебную палату, гдѣ оно и началось слушаніемъ 15 марта.

Свидѣтели представили ужасную картину мученій, которымъ ихъ подвергали. Еврей извозчикъ Снарскій и до сихъ поръ еще не оправился отъ тогдашнихъ истязаній и потерялъ способность къ работѣ. Били его съ утра до вечера широкими ременными нашильниками; когда онъ терялъ сознаніе, обливали холодной водой и снова били. Даже и послѣ признанія въ конокрадствѣ урядникъ хотѣлъ продолжать его бить, но экономъ не позволилъ.

То же самое говоритъ и свидѣтель Гудайтисъ, но дополняетъ еще, что бившіе обѣщали не выпустить его живымъ.

Такъ относительно истязанія; но за то относительно другихъ весьма важныхъ подробностей, главнымъ образомъ, такихъ, къ которымъ соприкасался самъ Бяллозоръ, какъ эти, такъ и слѣдующіе свидѣтели сильно сбивались и отказывались отъ очень многого, что они заявляли на пред-

варительномъ слѣдствіи и во время предыдущихъ разбирательствъ. Этимъ пользовалась защита и прис. повѣр. Врублевскій просилъ ссылаться на всѣ показанія свидѣтелей, какъ взаимно противорѣчащія. Г. Андреевскій, другой защитникъ Бяллозора, отмѣчалъ даже и такія мелочи, какъ промахъ въ редакціи слѣдственнаго протокола, въ которомъ въ уста свидѣтеля-крестьянина была вложена фраза: «При входѣ въ завозню я увидѣлъ слѣдующую картину». Г. Врублевскій всячески старался у свидѣтелей вытянуть показаніе о томъ, что на потерпѣвшихъ могло пасть подозрѣніе въ конокрадствѣ, какъ будто конокрадовъ можно истязать. Этотъ допросъ защиты, допросъ довольно продолжительный и упорный, производилъ крайне тяжелое впечатлѣніе, что замѣтилъ г. Врублевскому и самъ предсѣдательствующій.

Интересно и важно показаніе урядника Симашко. По его словамъ, Гудайтисъ и Снарскій были вызваны по приказу г. Монтвидъ-Бяллозора; этотъ послѣдній бралъ на себя отвѣтственность за избіеніе воровъ. Когда урядникъ спросилъ, зачѣмъ побили воровъ, то Бяллозоръ отвѣтилъ такимъ же вопросомъ: «А тебѣ ихъ жаль?» — «Боюсь пристава!» Въ отвѣтъ на это, г. Бяллозоръ сталъ ему указывать на свои близкія отношенія къ губернатору, съ которымъ онъ вмѣстѣ учился. Онъ даже написалъ записку приставу, чтобы этотъ не «дулъ» урядника.

Изъ остальныхъ свидѣтелей, жены потерпѣвшихъ установили, что все мѣстечко знало объ истязаніяхъ, происходящихъ въ усадьбѣ Бяллозора. Жены, бросавшіяся на выручку своихъ мужей, не были даже впущены на порогъ. Женѣ Снарскаго удалось, впрочемъ, два раза видѣть самого Бяллозора, она плакала передъ нимъ, умоляла его освободить ея мужа, но тщетно... Самъ Бяллозоръ возразилъ на это показаніе, что она дѣйствительно къ нему обращалась, но... онъ могъ только предложить ей «идти съ ней вмѣстѣ просить власть» (урядника)...

Послѣ недолгаго совѣщанія, судебная палата оправдала Бяллозора и остальныхъ подсудимыхъ.

Сибирскій слѣдователь. Изъ Енисейской губерніи сообщаютъ въ «Недѣлю» любопытныя данныя для характеристики нравовъ мѣстной администраціи. «Въ семидесятыхъ годахъ, въ с. Песчинскомъ, волостнымъ писаремъ служилъ крестьянинъ Сухобузинской волости Николай Чуевскій. Это былъ мужчина высокаго роста и непомѣрной энергіи. Прошло 10 лѣтъ и крестьянинъ Сухобузинской волости сталъ секретаремъ Красноярской полиціи. Прошло еще пять лѣтъ, и г. Чуевскій владычествовалъ уже въ одномъ изъ участковъ Красноярскаго округа въ качествѣ земскаго засѣдателя. Описать всѣ его подвиги трудно. Смѣлость его была необычайна. Напр., въ 1891 г. во время проѣзда черезъ Сибирь Наслѣдника Цесаревича, нынѣ царствующаго Государя, г. Чуевскій исполнялъ обязанность коменданта въ с. Башинскомъ. Хозяйкѣ дома, гдѣ останавливался Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ, Черняевой, былъ пожалованъ подарокъ, но г. Чуевскій присвоилъ его себѣ. Черняева подала жалобу губернатору, но не раньше, какъ черезъ *два года* подарокъ былъ врученъ по назначенію. Черняева не удовлетворилась этимъ и подала прошеніе начальнику губерніи, прося привлечь Чуевскаго къ уголовной отвѣтственности, но жалобѣ этой и до сихъ поръ не данъ ходъ. Въ 1892 г. энергичный засѣдатель получилъ новое назначеніе. Его перевели въ Туруханскій край (самый сѣверный округъ Енисейской губерніи) на должность отдѣльнаго пристава. И здѣсь, у хладныхъ бе-

реговъ Ледовитаго океана, г. Чуевскій нашелъ самое теплое мѣсто. Деньги, пушнина, мамонтова кость и рыба — все сваливалось въ амбары туруханскаго сатрапа, а въ это время въ г. Красноярскѣ заботливая супруга воздвигала двухъэтажный домъ. Инородцы, поселенцы-скопцы, русскіе торговцы и священники-миссіонеры не знали куда бѣжать, гдѣ скрыться. Всѣмъ жилось скверно, только г. Чуевскій былъ счастливъ и доволенъ. L'appetit vient en mangeant. Однажды съ какой-то жалобой къ г. Чуевскому явился съ Тазовской Губы инородческій князь Пелле. Вмѣсто того, чтобы выслушать жалобу, приставъ посадилъ его въ тюрьму, а на другой день выпустилъ и приказалъ испуганному князю купить у него, Чуевскаго, женины старыя ситцевыя платья по 25 руб. за штуку. Платья, конечно, были куплены, и несчастный князь моментально исчезъ изъ Туруханска. Каково было положеніе крестьянъ—говорить нѣтъ надобности. Во время лова рыбы, напримѣръ, г. Чуевскій приказывалъ крестьянамъ очищать берега Енисея отъ громадныхъ камней, нанесенныхъ разливомъ, и крестьянамъ приходилось откупаться отъ этой сизифовой работы. Наконецъ, нашелся человѣкъ, который рѣшилъ начать открытую войну съ г. Чуевскимъ— это былъ торгующій казакъ Сотниковъ. Ему стали, наконецъ, невыносимы притѣсненія отдѣльнаго пристава, и онъ началъ писать «въ губернію». Много, очень много прошеній подалъ Сотниковъ, но «губернія» молчала. Война была упорная. Въ 1892 году г. Чуевскій, находясь за тундрой, составилъ протоколъ по обвиненію Александра, Иннокентія и Константина Сотниковыхъ, Алексѣя Попова и Алексѣя Яроцкаго въ безпатентной торговлѣ виномъ. Чуевскій заставилъ всѣхъ ихъ ѣздить за собой сотни верстъ, предлагая при этомъ немедленно освободить отъ всякаго преслѣдованья, если они дадутъ ему двѣ тысячи рублей. Тѣ отказались. Приставъ сталъ грозить тюрьмой, кандалами и высылкой изъ края, но, увы!—ничего не помогло.

Дѣлу о безпатентной торговлѣ виномъ былъ данъ «дальнѣйшій ходъ». Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1893 г. обвиняемые подали прошеніе, прося Чуевскаго разрѣшить имъ отлучку въ г. Енисейскъ, но приставъ былъ неумолимъ и смилостивился только въ августѣ, и то послѣ *длинныхъ переговоровъ* съ обвиняемыми. Отлучка была, за исключеніемъ Ал. Сотникова, всѣмъ разрѣшена. Сотниковъ, однако, не унывалъ. Онъ собралъ людей, при нихъ вложилъ въ пакетъ 700 р. и пакетъ этотъ вручилъ Чуевскому. Сердце г. пристава сразу смягчилось, и, конечно, Сотниковъ отъ всякихъ дѣлъ оказался свободенъ. Возникло дѣло о взяткѣ. Допрашивая свидѣтелей взятой имъ взятки, Феклицкаго и Рослякова, г. Чуевскій угрожалъ послѣднимъ кандалами и тюрьмой. Въ мартѣ онъ отправился въ Туруханскъ и именемъ губернатора и даже генералъ-губернатора, будто бы поручившихъ г. Чуевскому произвести дознаніе, стращалъ Сотникова за *клевету* выслать изъ Туруханскаго края. Впослѣдствіи оказалось, что никакихъ полномочій отъ высшаго начальства Чуевскій не имѣлъ. Письма, представленныя начальнику губерніи отъ имени, будто бы, одного административно-ссыльнаго и крестьянина, оказались писанными по просьбѣ Чуевскаго и подъ его диктовку кр. Ивановымъ, сидѣвшимъ въ то время въ туруханской тюрьмѣ. Въ благодарность за написаніе письма, Чуевскій далъ Иванову разрѣшеніе на даровой проѣздъ изъ Туруханска на обывательскихъ лошадяхъ. Священникъ Сусловъ, Реньевъ и др. вполнѣ подтвердили, что взятку Чуевскій взялъ и не могъ ея не взять, такъ какъ самъ всѣмъ и каждому и раньше говорилъ, что

въ Туруханскъ онъ пріѣхалъ для того, чтобы *нажить капиталъ*.

Обо всемъ, что тутъ разсказано, узналъ прокуроръ, и началось дѣло. Чуевскій былъ преданъ суду за вымогательство и посаженъ подъ домашній арестъ. Но вдругъ произошло что-то невѣроятное. Губернская администрація въ лицѣ губернатора стала доказывать, что Чуевскій суду преданъ неправильно, а какъ онъ полицейскій чиновникъ, то подъ судъ его можетъ отдать только его непосредственное начальство, т.-е. губернаторъ. Прокуроръ доказывалъ, что взятка Чуевскимъ взята въ качествѣ слѣдователя, а не въ качествѣ полицейскаго чиновника, а потому преданіе суду можетъ послѣдовать и помимо губернатора. Губернское управленіе признало преданіе суду неправильнымъ, прокуроръ написалъ протестъ, дѣло пошло въ сенатъ, а г. Чуевскій въ настоящее время вершитъ судьбы канскихъ обывателей въ качествѣ исправника,, т.-е. начальника громаднаго округа.

Какъ бы ни разрѣшилъ правительствующій сенатъ вопросъ о преданіи г. Чуевскаго суду, но все же является непонятнымъ, какимъ образомъ человѣкъ, столь заподозрѣнный, можетъ исправлять самостоятельную должность исправника? Вѣдь все равно, кто бы ни предалъ суду г. Чуевскаго—существо дѣла останется неизмѣннымъ, такъ какъ показанія свящ. Суслова, каз. Мих. Перепрыгина, Купріяна Уксусникова, Матвѣя Феклицкаго, Федора Рослякова и другихъ лицъ, уличающихъ Чуевскаго въ полученіи взятки, никуда не выкинешь».

Дѣло о радомскомъ полицеймейстерѣ Киричеко и разбойничьей шайкѣ въ г. Радомѣ. Подъ такимъ длиннымъ заглавіемъ обошло всѣ газеты интересное дѣло, разбиравшееся въ г. Радомѣ, о полицеймейстерѣ этого города, ротмистрѣ Кириченко, стоявшемъ во главѣ шайки разбойниковъ, наводившей въ г. Радомѣ паническій ужасъ на жителей въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Радомъ—губернскій городъ въ Царствѣ Польскомъ, съ населеніемъ до 30.000 жителей. Подробности этого замѣчательнаго во всѣхъ отношеніяхъ дѣла очень характерны для мѣстнаго быта, какъ сообщаетъ корреспондентъ «Рус. Вѣд.».

«Да, видно, есть еще правда на свѣтѣ, коли Кириченко, наконецъ, попалъ подъ судъ. Много слезъ и горя принесъ онъ массѣ бѣдныхъ людей!»—Такіе толки слышатся теперь здѣсь со всѣхъ сторонъ. Самъ Кириченко, наконецъ, твердитъ одно: «за гордыню, за гордыню покаралъ меня Господь!» Дѣло Кириченки имѣетъ увертюру, которую хоть кратко нужно знать, чтобъ понять и его дѣятельность.

Предварительное дознаніе заключаетъ 369 протоколовъ и допросовъ и представляетъ чрезвычайно богатый матеріалъ въ бытовомъ отношеніи. Поводомъ для возбужденія этого дѣла послужила жалоба 48 радомскихъ купцовъ прокурору окружного суда Чичерину. Въ этой жалобѣ они констатируютъ фактъ, что въ Радомѣ существуетъ правильно организованная шайка, совершающая систематическіе кражи, мошенничества и грабежи, преимущественно въ раіонѣ базара «Валъ», отъ чего сильно страдаютъ мѣстные торговцы. Возбуждено было дѣло, и изъ показаній почти 200 свидѣтелей выяснилось такое положеніе. Шайка терроризировала городъ въ теченіи 2-хъ—3-хъ лѣтъ (до марта 1895 года) безпрестанно. Паника, наведенная злодѣями, была такъ велика, что окрестные крестьяне и мелкіе торговцы перестали пріѣзжать на базаръ въ Радомъ, предпочитая ѣздить въ болѣе отдаленные пункты. Лавочники на базарѣ «Валъ» почти никогда не рѣшались предупреждать покупателей, изъ боязни мести. До 100 мѣстныхъ тор-

говцевъ на этомъ базарѣ были близки къ раззоренію. Дѣятельность шайки была извѣстна всѣмъ; членовъ ея знали въ лицо и по фамиліямъ не только стражники, но и многіе жители Радома. Организація была образцовая: дѣйствовали не въ одиночку, а группами, между которыми было строгое раздѣленіе труда и сильная солидарность. Всякій изъ членовъ, чувствуя силу корпораціи, говорилъ обыкновенно о себѣ, какъ о представителѣ опредѣленной группы людей: «мы сдѣлаемъ», «мы покажемъ» и т. д. Былъ свой судья, разрѣшавшій безапелляціонно всѣ споры между членами. Былъ и банкиръ, ссужавшій деньги на «дѣло». Операціи производились среди бѣла дня, на глазахъ у всѣхъ. Для большей успѣшности работы, на базарѣ «Валъ» цѣлый день стоялъ всегда запряженный возъ. Возница, сидѣвшій на немъ, занимался перевозкой краденыхъ вещей въ опредѣленные склады. Такова самая поверхностная картина условій, при которыхъ происходила дѣятельность шайки. Результатъ этой дѣятельности таковъ: съ начала 1892 г. до марта 1895 г. совершено въ г. Радомѣ 770 кражъ, мошенничествъ и грабежей, и лишь ничтожное количество ихъ было своевременно обнаружено и разслѣдовано. Количество кражъ за одинъ день на «Валу» въ базарные дни доходило до 10, а иногда и больше. Если мы обратимъ вниманіе, что дѣятельность была направлена преимущественно на крестьянъ, мелкихъ торговцтвъ и вообще рабочую бѣдноту, то мы ясно поймемъ, какая масса ужаснаго горя кроется за этими 770 операціями!

Главные члены шайки слѣдующіе: предводители — Щепкинъ, Шерманъ, Боренштейнъ и Бергманъ, кромѣ того — Мошекъ Блятъ, шинкарь на базарѣ «Валъ», Лотерманъ, содержавшій домъ для собраній, и Бляйвесъ, сапожникъ, укрывавшій у себя товарищей. Всѣ преступленія ихъ предусмотрѣны въ ст. 925, 929, 930, 1642, 1643, 1645, 271 и 9 п. 309 Улож. Обвиняемые получили по суду различныя наказанія: одни отправились въ Сибирь, другіе въ тюрьму и арестантскія роты.

Раскрыть все это удалось только потому, что въ самомъ же началѣ возникновенія дѣла были уволены отъ службы полицеймейстеръ Кириченко и стражники Яковлевъ и Варламовъ. Только при ихъ помощи удалось шайкѣ такъ упрочить свою организацію, такъ расширить дѣятельность, ввести такое осадное положеніе, противъ котораго никто не смѣлъ протестовать. Обвинительный актъ по дѣлу Кириченки ярко рисуетъ намъ «полицейское хозяйство» Радома.

Въ базарные дни на «Валу» часто можно было слышать съ различныхъ сторонъ крики обиженныхъ воровской шайкой. Но крики эти были напрасны: воры безслѣдно улетучивались, а полиція не оказывала никогда никакой помощи пострадавшимъ, никогда не препятствовала продѣлкамъ воровъ. Бывали случаи, что стражники арестовывали самихъ жалобщиковъ за то, что они связываются съ мошенниками. Стражники часто пьянствовали вмѣстѣ съ членами шайки, объяснялись съ ними на улицахъ условными знаками, привѣтствовали ихъ при встрѣчѣ и т. д. Давно извѣстны были всѣмъ въ городѣ своими постоянными продѣлками: Шерманъ, Щепкинъ, Зеленецкій и др., которые обыгрывали крестьянъ на улицахъ въ «наперстокъ», въ карты, часто въ присутствіи стражниковъ, которые затѣмъ издѣвались надъ обыгранными, а часто и арестовывали ихъ.

Слыша крики и призывы, стражники на «Валу» обыкновенно дѣлали видъ, что ничего не слышатъ, убѣгали въ противную сторону, прятались куда попало, лишь бы не быть свидѣтелями преступленій.

Обращавшимся къ нимъ за помощью, обманутымъ или ограбленнымъ стражники отвѣчали обыкновенно рѣзко и свирѣпо, совѣтовали имъ самимъ искать украденныя вещи; на неоднократныя замѣчанія постороннихъ лицъ отвѣчали: «Это ихъ дѣло, а не наше, пусть жалуются въ судъ» и т. под.

Насколько солидарны были чины полиціи съ шайкою злодѣевъ на «Валу», показываетъ цѣлый рядъ фактовъ, представленныхъ свидѣтелями. Напримѣръ, свидѣтель Іосифъ Корнетъ говоритъ, что однажды, въ 1894 году, онъ разыскивалъ украденные у него на «Валу» 48 руб. и обращался поочередно къ нѣсколькимъ стражникамъ, стоявшимъ на «Валу»; одинъ изъ нихъ отказалъ ему, говоря, что у него нѣтъ времени, другой былъ совершенно пьянъ, третій разсмѣялся, говоря: «Ну, такъ держи вора», а четвертый прямо посовѣтовалъ, чтобы онъ примирился съ мыслью, что деньги пропали безвозвратно.

Еще случай: дежурный стражникъ, стоявшій на «Валу» предъ воротами дома, пропустилъ убѣгавшихъ во дворъ этого дома двухъ извѣстныхъ злодѣевъ съ украденной только что буркой. Когда свидѣтель Фреймель потребовалъ помощи, стражникъ до тѣхъ поръ не обращалъ на это вниманія, пока Фреймель не сталъ грозить ему, что будетъ жаловаться жандармскому начальнику. Но, задержавши воровъ, скрывшихся на дворѣ, онъ тотчасъ отпустилъ ихъ, увѣряя потерпѣвшаго, что бурка будетъ возвращена ему.

Розенбергъ, Фридманъ и Файферъ были свидѣтелями, какъ стражникъ гнался за тремя карманными ворами, которые только-что совершили кражу, догналъ во дворѣ какого-то дома и затѣмъ, запершись съ ними въ сортирѣ, подѣлился съ ними украденными деньгами.

Если случалось, что стражникъ арестовывалъ подозрительную личность или вора на мѣстѣ преступленія, то эти личности скоро освобождались изъ-подъ полицейскаго ареста; это обстоятельство совсѣмъ подорвало довѣріе жителей къ городской полиціи.

Впрочемъ, сами воры громко говорили, что они не боятся полиціи, такъ какъ дѣлятся съ нею своими доходами. Они часто говорили: «За что вы насъ браните? Если мы украдемъ 3 рубля, то два изъ нихъ должны отдать полиціи».

Когда происходила кража, то полиція не спрашивала, у кого украли, а сколько украли, чтобы знать, какая доля ей причитается. Таково, въ общихъ чертахъ, изображеніе безопасности и спокойствія жителей губернскаго города Радома, въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ границы Зап. Европы, съ начала 1892 г. до марта 1895 г., т. е. до начала слѣдствія по настоящему дѣлу.

Дѣятельность главныхъ виновниковъ въ указанномъ дѣлѣ характеризуется слѣдующими фактами.

Случаи воровства и другихъ преступленій увеличились значительно въ началѣ 1894 года, когда старшимъ стражникомъ на «Валу» былъ назначенъ Акимъ Варламовъ.

Этотъ стражникъ, будучи въ явной дружбѣ съ ворами, нисколько не стѣснялся проводить съ ними время въ пьянствѣ, билліардной игрѣ и т. п. развлеченіяхъ. Поэтому онъ не только лично ничего не предпринималъ для предохраненія своего участка отъ нападенія шайки, но и непосредственнымъ своимъ подчиненнымъ—своему помощнику и дежурному стражнику—давалъ приказаніе не арестовывать и не гнаться за преступниками, когда они обворовываютъ проѣзжихъ; онъ заботился только о томъ, чтобы не было нападеній на лавки торговцевъ «Вала».

Какъ велика была солидарность Варламова съ преступниками—доказываетъ признаніе, между прочимъ, свидѣтеля Фреймеля, который, угрожая ворамъ жалобой на нихъ стражнику Варламову, получилъ такой отвѣтъ: «Мы не боимся его; вѣдь мы ему чиншъ платимъ... Отъ каждаго изъ насъ онъ получаетъ постоянное жалованье, чтобъ можно было намъ свободно дѣйствовать; а съ каждой большой кражи обязательно беретъ взятку». Кромѣ преступнаго поведенія въ случаяхъ кражъ, вся служебная дѣятельность Варламова, съ момента назначенія его старшимъ стражникомъ и до увольненія его со службы, т. е. до марта 1895 г., полна была различными преступленіями.

Для примѣра можно привести слѣдующій фактъ. Въ 1894 г., во время холерной эпидеміи, для надзора за порядкомъ на еврейскомъ кладбищѣ былъ назначенъ Варламовъ. Онъ бралъ отъ 10 к. до 3 и 5 р. отъ семьи умершаго за то, что позволялъ хоронить тѣла безъ примѣненія всякихъ санитарныхъ предписаній.

Другая личность, нѣсколько выше стоящая въ служебной іерархіи полицейскаго царства,—Николай Яковлевъ (по окончаніи предварительнаго слѣдствія умеръ въ Радомѣ). Это былъ фактическій начальникъ полицейской команды; вслѣдствіе неограниченнаго довѣрія и симпатій, какими дарилъ его полицеймейстеръ Кириченко, Яковлеву были подчинены почти всѣ полицейскіе органы. И вотъ онъ изъ общаго числа 46 стражниковъ посылалъ на помощь старшему на «Валъ» только двухъ, хотя число это было слишкомъ мало, въ виду постоянныхъ кражъ. Назначалъ онъ, кромѣ того, стражниковъ молодыхъ, неопытныхъ, какъ будто нарочно затѣмъ, чтобы не стѣснять свободы дѣятельности злодѣевъ. Онъ внимательно слѣдилъ, чтобы одни стражники не вмѣшивались въ дѣла другихъ.

Что Яковлевъ имѣлъ сношенія съ шайкой, видно изъ различныхъ фактовъ. Будучи притомъ правой рукой полицеймейстера, Яковлевъ велъ дѣла такъ, что всякій шагъ полицейской команды былъ хорошо ему извѣстенъ; ничто не происходило безъ его вѣдома. Всѣ рапорты стражниковъ проходили обыкновенно черезъ его руки, прежде чѣмъ дойти до Кириченки.

Желая имѣть во всей полицейской командѣ людей, преданныхъ ему, Яковлевъ не могъ переносить людей, проявлявшихъ самостоятельность своихъ дѣйствій, расторопныхъ и умныхъ; онъ всѣми силами старался отдѣлаться отъ такихъ неподходящихъ людей. Съ низшими чинами онъ обходился жестоко, часто издѣвался надъ ними. Кромѣ оскорбительныхъ словъ и ругани, стражники ничего никогда не слышали отъ Яковлева, даже въ присутствіи постороннихъ лицъ.

Яковлевъ состоялъ въ дружбѣ только съ Варламовымъ.

Шерманъ и Щепкинъ, профессіональные воры, привлекаемые къ допросамъ въ полицію, обыкновенно удалялись съ Яковлевымъ въ отдѣльную комнату и тамъ вели интимную бесѣду. Если же одинъ изъ упомянутыхъ воровъ арестовывался, то другой, остававшійся на свободѣ, тотчасъ являлся съ ходатайствомъ къ Яковлеву; такія ходатайства практиковались и со стороны другихъ воровъ-сотоварищей.

Случаи освобожденія Яковлевымъ арестованныхъ чрезвычайно часты.

Главный маэстро въ этомъ дѣлѣ, полицеймейстеръ г. Радома, ротмистръ Кириченко, состоялъ на службѣ съ 1890 г. Противъ него выставлено 29 отдѣльныхъ обвиненій—въ бездѣйствіи власти, имѣвшемъ особо-важныя послѣдствія, превышеніи власти, оскорбленіи словомъ и дѣломъ частныхъ лицъ, произвольномъ лишеніи свободы, цѣломъ рядѣ вымогательствъ и взяточничествѣ. Разборъ дѣла вар-

шавскою судебною палатою въ Радомѣ начался 15-го апрѣля. 20-го апрѣля, въ 4 ч. дня, объявленъ приговоръ по дѣлу полицеймейстера Кириченко. Кириченко признанъ виновнымъ во взяточничествѣ и превышеніи власти и приговоренъ къ тюремному заключенію на 8 мѣсяцевъ. Старшіе полицейскіе стражники и другіе подсудимые приговорены къ заключенію въ тюрьмѣ и арестантскомъ отдѣленіи.

Не менѣе характеренъ выводъ, который изъ этого дѣла вывела одна юдофобствующая газета: если бы не было въ Польшѣ евреевъ, которые соблазнили невинность Кириченко и К°, то не было бы и такихъ шаекъ, во главѣ которыхъ стоятъ полицеймейстеры. Такое заключеніе *столичной* газеты вполнѣ гармонируетъ съ дѣятельностью Чуевскихъ и Кириченокъ, такъ сказать, объединяя ее, несмотря на громадность разстоянія, отдѣляющаго этихъ печальныхъ героевъ другъ отъ друга. На страницахъ этой газеты они братски подаютъ другъ другу руки.

Къ нимъ въ компанію спѣшитъ изъ Одессы еще герой, которымъ они, конечно, не могутъ гнушаться.

Возмутительный фактъ изъ тюремно-полицейской хроники разсказываетъ «Недѣля». Въ Одессѣ у одной дамы украли вещей и денегъ на 6.000 руб. Воровъ нашли, признали ихъ виновными, но не нашли украденнаго, кромѣ ничтожнѣйшихъ пустяковъ. Воровъ засадили въ тюрьму, смотритель которой, Пирожковъ, черезъ нѣсколько времени сдѣлалъ предложеніе потерпѣвшей Колченковой вернуть ей украденное, если она уплатитъ ему 3.000 р. по нотаріальному договору! На это предложеніе г-жа Колченкова, которой «другого выбора не было», согласилась и, сверхъ того, знакомый ея, Новиковъ, выдалъ Пирожкову отъ себя письменную гарантію въ томъ, что требуемая сумма будетъ ему уплачена.

Въ квартирѣ брандмайора Бицили Пирожковъ передалъ вещи Колченковой, за исключеніемъ изумруднаго съ брилліантами кольца, золотой чеканной цѣпочки, алмазной шпильки, золотого кольца съ камнями, и кромѣ того, оставилъ у себя 12 выигрышныхъ билетовъ: изъ нихъ 5 перваго, 5 второго и 2 третьяго займовъ. Все это Пирожковъ оцѣнилъ въ 3.000 р., говоря, что беретъ себѣ за розыскъ вещей, и въ полученіи всего выдалъ тамъ же Колченковой росписку.

Затѣмъ г-жа Колченкова спохватилась и пожаловалась одесскому прокурору на то, что вынужденно подписала своеобразный договоръ со смотрителемъ тюрьмы. Прокуроръ отослалъ ея жалобу градоначальнику для преданія Пирожкова суду, какъ чиновника ему подчиненнаго. И вотъ до сего времени Пирожковъ находится на должности, суду не преданъ, и выигрышные билеты и вещи г-жѣ Колченковой не возвращены. Между тѣмъ, Пирожковъ неоднократно угрожалъ Колченковой местью, которая уже отчасти и осуществилась: послѣднее носильное бѣлье Колченковой съ мѣсяцъ назадъ уворовано, о чемъ она даже боится заявить кому слѣдуетъ, и теперь она осталась буквально безъ рубашки и гроша денегъ.

Не менѣе характернаго героя извлекла недавно виленская судебная палата, разсмотрѣвшая, какъ сообщаетъ «Вил. Вѣстникъ», дѣло бывшаго предсѣдателя поневѣжскаго съѣзда мировыхъ судей Петра Николаевича Сомова, 58 лѣтъ, обвиняемаго по 354, 359 и 1 ч. 341 ст. улож. о нак. Сущность дѣла по изложенному на 40 листахъ обвинительному акту заключается въ слѣдующемъ. Донесеніе, сдѣланное 10-го февраля 1892 г. прокурору ковенскаго окружного суда помощникомъ секретаря Чаплыгинымъ о растратѣ денегъ и подлогахъ, учиненныхъ предсѣдателемъ поневѣжскаго съѣзда мировыхъ судей П. Н. Со-

мовымъ, подтвердилось при посѣщеніи прокуроромъ Ульянинымъ съѣзда мировыхъ судей. 19-го февраля 1892 г. прибылъ въ гор. Поневѣжъ старшій предсѣдатель виленской судебной палаты А. А. Стадольскій, которому секретарь съѣзда Звѣревъ представилъ за нѣсколько лѣтъ расходные документы и подробно выяснилъ неправильныя дѣйствія предсѣдателя съѣзда. Въ свою очередь, Сомовъ чистосердечно сознался предсѣдателю во всемъ и умолялъ не губить, давъ возможность подать въ отставку. Въ январѣ 1894 года Сомовъ заявилъ, что растраты денегъ и подлога онъ не совершалъ, и если въ этомъ проступкѣ сознался, то сдѣлалъ это по требованію предсѣдателя, увлекшись его обѣщаніемъ прекратить дѣло. Сумма растраты превышаетъ 1.000 р. При одной ассигновкѣ приложенъ счетъ за купленныя книги: ариѳметику, географію и исторію, не представляющія собой необходимый матеріалъ для канцеляріи съѣзда. По обнаруженіи растраты, Сомовъ внесъ разновременно въ казначейство 1.008 руб. 88 к. Кромѣ растраты денегъ, Сомовъ установилъ десятикопѣечный сборъ за печати на исполнительныхъ листахъ. Опредѣляя племянника на должность судебнаго пристава, не потребовалъ залогъ 400 рублей. а залоговыя деньги пристава Н. Осенчука принялъ на свои нужды. Приговоромъ судебной палаты П. Н. Сомовъ исключенъ изъ службы навсегда, съ послѣдствіями по 66 ст. улож. о наказ.

За границей.

Анри Дюнанъ—основатель общества Краснаго Креста. Въ прошломъ году, въ одной изъ французскихъ газетъ появилась маленькая замѣтка, обращающая вниманіе читателей на бѣдственное положеніе Анри Дюнана, одинокаго и всѣми забытаго, доживающаго свой вѣкъ вдали отъ своего родного города, въ Гейденскомъ госпиталѣ. Для большинства читающей публики эта замѣтка не говорила ничего, такъ какъ въ ней не было разъяснено, кто такой Дюнанъ, и только когда другія газеты подхватили это извѣстіе, европейская публика вспомнила о Дюнанѣ, самое имя котораго оказалось уже позабытымъ, хотя то великое дѣло, которому онъ положилъ основаніе, разрослось и принесло прекрасные плоды. Нѣкоторымъ оправданіемъ забвенія, которое постигло основателя международнаго общества попеченія о раненыхъ и больныхъ, служитъ отчасти то обстоятельство, что въ Европѣ давно уже считали его умершимъ. Самъ Дюнанъ, впрочемъ, видимо искалъ забвенія. Посвятивъ всю свою молодость самоотверженному служенію великой идеѣ, Дюнанъ, какъ-то нечаянно для самого себя, увлекся впослѣдствіи какими-то сомнительными финансовыми предпріятіями въ Алжирѣ и вмѣстѣ увлекъ своихъ друзей, которые, такъ же, какъ и онъ, потеряли въ этихъ предпріятіяхъ все свое имущество. Дюнанъ послѣ этого сошелъ со сцены и мало-по-малу о немъ совершенно забыли.

Между тѣмъ, Анри Дюнанъ, не смотря на свои позднѣйшія ошибки, принадлежалъ именно къ числу такихъ самоотверженныхъ идеалистовъ, имя которыхъ не должно исчезать изъ памяти благодарнаго потомства. Состраданіе было самою выдающеюся чертою Дюнана. Еще совсѣмъ юношей онъ записался въ члены общества попеченія о бѣдныхъ и всѣ свои свободные часы проводилъ въ посѣщеніи больныхъ, стараясь всячески облегчить ихъ участь и ободрить ихъ. Онъ говоритъ, что когда ему минулъ

21 годъ, у него уже тогда зародилась идея основанія великаго международнаго союза для облегченія всякихъ страданій и бѣдствій, обрушивающихся на людей. Съ тѣхъ поръ онъ не разставался съ этою идеей, но практическое осуществленіе его юношеской мечты послѣдовало лишь много лѣтъ спустя.

Когда вспыхнула австро-итальянская война, Дюнанъ съ большими затрудненіями и опасностями добрался до поля битвы въ Кастальонѣ, стремясь оказать посильную помощь больнымъ и раненымъ. Битва при Сольферино была однимъ изъ самыхъ кровопролитныхъ сраженій нашего вѣка; тысячи больныхъ и раненыхъ оставались безъ всякой помощи и поле битвы было буквально усѣяно мертвыми тѣлами. Раненые и больные погибали отъ жажды, изнуренія и недостатка во всемъ. Тамъ, гдѣ можно было раздобыть воду, перевязочныя средства и мѣсто въ тѣни для раненыхъ, не хватало рукъ, ни для перевязки, ни для перенесенія раненыхъ. Это было такое зрѣлище человѣческихъ страданій, которое надрывало душу. Воодушевленный страшнымъ желаніемъ облегчить эти страданія, Дюнанъ горячо принялся за дѣло и быстро сформировалъ цѣлый отрядъ добровольцевъ для оказанія помощи раненымъ. Энтузіазмъ его дѣйствовалъ заразительно и въ помощникахъ у него недостатка не было. Скоро онъ пріобрѣлъ большую популярность и взоры всѣхъ страждущихъ обращались къ «бѣлому человѣку»—его такъ прозвали, потому что онъ одѣтъ былъ всегда въ лѣтнее свѣтлое платье—который всюду приносилъ съ собою утѣшеніе и облегченіе страданій. Ломбардскія женщины, вначалѣ не желавшія оказывать никакой помощи австрійцамъ, такъ какъ это были враги, замѣтили, однако, что Дюнанъ не дѣлаетъ никакого различія между врагами и друзьями и одинаково спѣшитъ ко всѣмъ на помощь, видя передъ собою лишь страдающихъ людей. Примѣръ Дюнана подѣйствовалъ на нихъ и крестьянки въ Кастильоне образовали отрядъ сестеръ милосердія, взявшій себѣ лозунгомъ: «Tutti fratelli» (Всѣ братья) и посвятившій себя ухаживанію за ранеными на полѣ битвы. Къ крестьянкамъ присоединились и ломбардскія аристократки, пожелавшія также принять участіе въ великомъ дѣлѣ состраданія. Онѣ не гнушались никакого работой и Дюнанъ отзывается въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Сольферино» съ величайшею похвалой о дѣятельности ломбардскихъ женщинъ.

— Я мать! — сказала одна изъ нихъ раненому, стѣснявшемуся дать себя обмыть, и эти слова сдѣлались ихъ девизомъ. Дѣйствительно, онѣ ухаживали за ранеными съ истинно материнскимъ самоотверженіемъ и преданностью.

Въ Кастильоне и Сольферино перевязочные пункты не были ограждены отъ непріятеля, такъ что раненые все время находились подъ градомъ пуль. Дюнанъ, видя опасность, которой ежеминутно подвергались раненые, еще болѣе убѣдился въ необходимости международнаго договора, объявляющаго раненаго нейтральнымъ и въ то же время священнымъ и неприкосновеннымъ лицомъ. Идея Дюнана встрѣтила сочувствіе, особенно среди женщинъ, тотчасъ же пришедшихъ къ нему на помощь и организовавшихъ подписку въ пользу осуществленія этой идеи. Самъ же Дюнанъ, по окончаніи своей дѣятельности въ Сольферино, взялся за перо, чтобы проповѣдывать свою идею путемъ печати. Въ этой брошюрѣ о Сольферино онъ представилъ яркую картину того безпомощнаго положенія, въ которомъ находились раненые, оставленные лежать на полѣ битвы, за невозможностью оказать всѣмъ нужную помощь. Книга имѣла

успѣхъ, была переведена на многіе европейскіе языки и почти вся Европа откликнулась на призывъ Дюнана; однимъ изъ первыхъ и самыхъ ревностныхъ послѣдователей Дюнана былъ генералъ Дюфуръ, поддерживавшій идею международнаго союза покровительства раненымъ и предложившій учредить общій знакъ: перевязь на рукѣ для ухаживающихъ за ранеными и знамя, которое служило бы защитою раненымъ. Это знамя онъ предложилъ вывѣшивать надъ госпиталями и перевязочными пунктами, чтобы оградить ихъ отъ пуль, а перевязь на рукѣ должна была служить отличительнымъ знакомъ для всѣхъ, посвятившихъ себя ухаживанію за ранеными.

Къ идеѣ Дюнана объ учрежденіи международнаго союза отнеслось очень сочувственно Женевское общество взаимопомощи, тотчасъ же организовавшее спеціальную коммиссію для выработки проекта союза. Президентомъ коммиссіи назначенъ былъ генералъ Дюфуръ секретаремъ Дюнанъ. Затѣмъ въ составъ коммиссіи вошли два врача, Монуаръ и Аппіа и президентъ общества взаимопомощи Муанье. Генералъ Дюфуръ и Муанье отправились въ Бернъ, чтобы привлечь на свою сторону федеральный совѣтъ. Дюфуръ много содѣйствовалъ успѣху идеи еще тѣмъ, что, благодаря своему личному знакомству съ Наполеономъ, съумѣлъ заинтересовать его и заставить взять подъ свое покровительство національный союзъ для помощи раненымъ, хотя военный министръ Рандонъ былъ противъ этого.

Но самыми главными помощницами и сподвижницами Дюнана въ этомъ дѣлѣ были женщины, вездѣ принявшія горячо къ сердцу его идею и всячески содѣйствовавшія ея осуществленію. Онѣ устраивали сборы и способствовали распространенію брошюры Дюнана «Воспоминанія о Сольферино», написанной именно съ цѣлью возбудить сочувствіе общества и заставить его предпринять что-нибудь для защиты раненыхъ. Одна изъ дамъ, принадлежащихъ къ лучшему женевскому обществу, послала эту брошюру своему знакомому, лейбъ-медику голландскаго короля, доктору Бастингу, который такъ заинтересовался этой идеей, что немедленно перевелъ брошюру на голландскій языкъ и распространилъ ее въ обществѣ, и кромѣ того постарался расположить въ пользу идеи Дюнана всѣхъ членовъ королевской семьи. И тутъ противникомъ явился военный министръ, который даже лично отправился къ доктору Бастингу, чтобы отговорить его затѣвать пропаганду идеи Дюнана, но не заставъ его дома, сказалъ его женѣ:

— Передайте вашему мужу, чтобы онъ пересталъ носиться со своею идеей нейтрализаціи раненыхъ на войнѣ. Вѣдь это утопія, совершенно неосуществимая и, какъ всѣ прочія утопіи усовершенствованія міра, осуждена потерпѣть неудачу.

Но жена доктора Бастинга думала иначе и не только не стала отговаривать мужа, но всячески поддерживала его пропаганду. Докторъ Бастингъ оказался однимъ изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей. Ему хотѣлось, для вящшаго успѣха идеи, привлечь на ея сторону правителей и высшіе круги европейскаго общества. Къ его огорченію, конгрессъ благотворительныхъ обществъ, который долженъ былъ состояться въ Берлинѣ, былъ отложенъ, между тѣмъ Бастингъ мечталъ заинтересовать идеей Дюнана конгрессъ и заставить его вотировать соотвѣтствующую резолюцію. Вмѣсто конгресса благотворительности, долженъ былъ состояться статистическій конгрессъ, и находчивый Бастингъ рѣшилъ воспользоваться этимъ конгрессомъ для своихъ цѣлей. Когда статистики, которымъ онъ изложилъ свои взгляды, спросили его, что же общаго между идеями Дюнана и ста-

тистикой, онъ отвѣчалъ: «Дюнанъ предлагаетъ средство спасти и продлить жизнь многихъ людей, поэтому между его идеей и статистикой должна существовать связь». Бастингу очень хотѣлось, чтобы конгрессъ вотировалъ резолюцію въ пользу созыва дипломатической конференціи для обсужденія предложенія Дюнана. Съ этою цѣлью онъ, съ помощью Дюнана, составилъ прекрасную рѣчь, которую собирался прочесть на конгрессѣ. Случай чуть-было не испортилъ все дѣло. Бастингъ ѣхалъ на дрожкахъ вмѣстѣ съ Дюнаномъ на конгрессъ и дорогой вынулъ написанную рѣчь, чтобы прочесть ее. Въ это время они проѣзжали черезъ Шпрее и порывомъ вѣтра выхватило у Бастинга изъ рукъ бумагу и чуть не унесло ее въ рѣку. По счастью, какой-то субъектъ на лету поймалъ бумагу и спасъ ее отъ гибели. Бастингъ чуть не плакалъ отъ радости. Онъ сознался Дюнану, что не въ состояніи былъ бы говорить на конгрессѣ, еслибъ у него не было манускрипта рѣчи въ рукахъ. Отъ какой случайности зависитъ иногда успѣхъ дѣла!

Статистическое общество, усвоивъ идею Дюнана, оказало ему такую же услугу, какъ и Женевское общество взаимопомощи. Благодаря тому, что членами статистическаго общества состояли придворные врачи, высшее берлинское общество заинтересовалось идеей Дюнана, и даже король съ королевой пожелали съ нею ознакомиться. Прусскій военный министръ фонъ-Роонъ, слыша постоянные разговоры о Дюнанѣ, спросилъ Бастинга, встрѣтивъ его въ обществѣ: «Скажите, пожалуйста, что надо этому господину Дюнану? Какое дѣло королю и королевѣ до его благотворительныхъ замысловъ?»

— Этотъ господинъ,—отвѣчалъ съ удареніемъ Бастингъ,—стремится къ тому, чтобы раненые на войнѣ были объявлены нейтральными. Если будетъ организовано международное попеченіе о раненыхъ, то сохранится жизнь многихъ солдатъ.

Тонъ, которымъ говорилъ Бастингъ, произвелъ впечатлѣніе на Роона и онъ выразилъ желаніе лично видѣться и переговорить съ Дюнаномъ. Благодаря энергичной поддержкѣ Бастинга, Дюнану удалось привлечь на свою сторону массу вліятельныхъ дипломатовъ и германскихъ принцевъ, такъ что дѣло его могло считаться выиграннымъ. Король саксонскій даже сказалъ ему: «Та нація, которая не захочетъ присоединиться къ великому дѣлу человѣколюбія, затѣянному вами, недостойна будетъ называться культурною, и европейское общественное мнѣніе должно будетъ заклеймить ее».

Такимъ образомъ, пропаганда Дюнана увѣнчалась успѣхомъ. Въ августѣ 1864 года, въ Женевѣ, состоялась международная конференція изъ представителей 16 государствъ. На этой конференціи и было заключено знаменитое международное соглашеніе, извѣстное подъ названіемъ «Женевской конвенціи», въ основу котораго положена идея помощи и покровительства всякому раненому безразлично, своему или врагу. Главныя постановленія этой конвенціи признаютъ нейтральными и неприкосновенными пріемные покои, военные госпитали и перевязочные пункты, пользующіеся, такимъ образомъ, покровительствомъ воюющихъ сторонъ. Нейтралитетъ распространяется и на весь личный составъ госпиталей, больничный служебный персоналъ, а также на священнослужителей. Кромѣ того, мѣстные жители, подающіе помощь раненымъ, пользуются неприкосновенностью и полною свободой, такъ что каждый раненый, принятый въ какой-нибудь частный домъ и пользующійся тамъ уходомъ, служитъ охраною этого дома. Мѣстные жители,

принявшіе къ себѣ раненыхъ, освобождаются отъ военнаго постоя и частью отъ военной контрибуціи. Конвенціей былъ установленъ и отличичительный флагъ съ изображеніемъ Краснаго Креста, а также и перевязь для ношенія на рукавѣ всѣмъ попечителямъ о раненыхъ и персоналу международнаго союза, названнаго «Обществомъ Краснаго Креста».

Къ соглашенію, состоявшемуся между 16-ю государствами, нѣсколько позднѣе примкнули еще 32 государства. Конечно, всѣ европейскія государства приняли женевскую конвенцію; затѣмъ шесть американскихъ: Соединенные Штаты, Аргентина, Перу, Боливія, Чили, Санъ-Сальвадоръ и одно азіатское государство—Персія, примкнули къ соглашенію, а теперь и Абиссинія, во время своей войны съ Италіей, выразила желаніе вступить въ международный союзъ Краснаго Креста. Сіамъ, Японія и Конго также состоятъ членами Краснаго Креста.

Въ войнѣ 1866 года международное общество Краснаго Креста впервые оффиціально взяло на себя попечительство о раненыхъ. Но эта же война и обнаружила нѣкоторые недостатки женевской конвенціи, такъ что явилась необходимость сдѣлать въ текстѣ ея поправки и дополненія. Нѣкоторыя постановленія женевской конвенціи оказались трудно выполнимы на практикѣ, и былъ разработанъ проектъ дополнительныхъ правилъ, но до сихъ поръ еще онъ не подписанъ всѣми державами, такъ какъ переговоры о пересмотрѣ женевской конвенціи всякій разъ прерывались новыми событіями, франко-прусской и русско-турецкой войнами, отвлекавшими вниманіе Европы отъ этого вопроса. Во всякомъ случаѣ, идея Дюнана принесла уже такіе благотворные плоды, что онъ могъ съ радостью взирать на достигнутые результаты. По его приблизительнымъ вычисленіямъ, работы общества попеченія о раненыхъ спасли жизнь, по крайней мѣрѣ, 30.000 человѣкъ во время франко-прусской войны. Кромѣ того, учрежденіе международнаго союза, въ основѣ котораго лежитъ великая гуманитарная идея, имѣетъ, несомнѣнно, огромное соціальное значеніе. «Это учрежденіе предшествовало движенію мира», говоритъ Берта Зутнеръ въ своемъ письмѣ къ Дюнану.—Дѣйствительно, идея международнаго покровительства раненымъ является какъ бы предвѣстницей идеи международнаго третейскаго суда и проповѣди мира. Существованіе общества Краснаго Креста служитъ постояннымъ напоминаніемъ объ ужасныхъ жертвахъ войны и о томъ, что съ каждымъ шагомъ впередъ въ области техническихъ усовершенствованій, жертвы эти будутъ все многочисленнѣе и многочисленнѣе. Уже теперь орудія истребленія достигли такой высокой степени совершенства, что, по словамъ покойнаго профессора хирургіи Бильрота, отрядъ санитаровъ, сопровождающій армію на войну, долженъ численностью почти равняться арміи. Но Красный Крестъ не только проявляетъ свою дѣятельность во время войны. Всюду, гдѣ только возникаетъ какое-нибудь бѣдствіе, происходитъ ли катастрофа, уносящая много человѣческихъ жизней, или какая-нибудь эпидемія—Красный Крестъ тотчасъ же организуетъ помощь и спѣшитъ къ страждущему человѣчеству, чтобы облегчить его бѣдствія и страданія.

Дюнанъ могъ почить отъ трудовъ видя, какое прекрасное и прочное зданіе возвышается на томъ фундаментѣ, который онъ заложилъ своими руками. Въ послѣдній разъ имя Дюнана появляется на столбцахъ европейской печати въ 1872 году, когда онъ, въ Англіи, организуетъ движеніе въ пользу облегченія участи военноплѣнныхъ. Затѣмъ, «между-

народный человѣкъ», — такъ называли Дюнана въ Европѣ,—совершенно сходитъ со сцены и мало-помалу о немъ забываютъ. Мы считали своимъ долгомъ напомнить о немъ нашимъ читателямъ, какъ объ идеалистѣ, которому Европа обязана однимъ изъ учрежденій, составляющихъ гордость нашего вѣка.

Союзъ женщинъ-работницъ въ Лондонѣ. Въ Англіи существуетъ много женскихъ союзовъ, въ составъ которыхъ входятъ представительницы всѣхъ классовъ общества, но всѣ эти союзы преслѣдуютъ либо узкія спеціальныя цѣли, имѣющія въ виду интересы той или иной профессіи, или же всѣ свои силы направляютъ на борьбу за политическую равноправность женщинъ. Профессіональные женскіе рабочіе союзы (Trade-unions) влачили до сихъ поръ довольно незамѣтное существованіе и не могли оказывать никакого вліянія на положеніе женщинъ-работницъ, въ общемъ довольно-таки жалкое. Только въ 1888 году, послѣ стачки рабочихъ на спичечныхъ фабрикахъ, гдѣ главный контингентъ составляютъ женщины, англійское общество невольно обратило вниманіе на условія женскаго труда и, согласно обычаю, была учреждена коммиссія для изслѣдованія положенія женщинъ-работницъ. Разслѣдованіе обнаружало такіе печальные факты и получилась такая безотрадная картина положенія работницы, что нельзя было не призадуматься надъ вопросомъ, какъ помочь дѣлу. Въ англійскомъ обществѣ началось движеніе въ пользу облегченія участи женскаго рабочаго населенія, стали обсуждаться различныя мѣры, направленныя къ поднятію экономическаго и умственнаго уровня рабочей среды и въ концѣ концовъ это привело къ организаціи «Женскаго рабочаго союза». Союзъ этотъ явился центромъ, объединяющимъ всѣхъ работницъ Англіи и всѣхъ лицъ, желающихъ, такъ или иначе, помочь трудящимся женщинамъ; главною своею задачею союзъ ставитъ улучшеніе положенія работающихъ женщинъ. Для достиженія этой цѣли союзъ собираетъ и публикуетъ всѣ свѣдѣнія, касающіяся женскаго труда и затѣмъ организуетъ всевозможныя учрежденія, которыя могутъ содѣйствовать поднятію образовательнаго уровня женщинъ, облегченію имъ доступа ко всевозможнымъ профессіямъ и устройству для нихъ пріятнаго и полезнаго времяпрепровожденія; послѣднее достигается, между прочимъ, устройствомъ женскихъ клубовъ. Къ подобнымъ учрежденіямъ принадлежитъ, напримѣръ, «Политехникумъ для дѣвушекъ» въ Риджентъ-Стритѣ, члены котораго преимущественно профессіональныя работницы, швеи, наборщицы, приказчицы, портнихи и т. п. Этотъ клубъ, насчитывающій въ настоящее время до 2.000 членовъ, соединяетъ съ себѣ все, что только нужно трудящейся дѣвушкѣ; онъ служитъ для нея мѣстомъ отдыха и развлеченія, но въ то же время преслѣдуетъ и образовательныя цѣли, такъ какъ при немъ учреждены разные курсы ремеслъ и наукъ. При клубѣ устроена также касса взаимопомощи, справочное бюро, библіотека, сцена для спектаклей, общество хорового пѣнія и т. п. Такимъ образомъ, клубъ этотъ является прекраснымъ объединяющимъ центромъ для всей работающей женской части населенія.

Женскій рабочій союзъ, о которомъ идетъ рѣчь, не преслѣдуетъ никакихъ, ни политическихъ, ни религіозныхъ цѣлей. Стремясь изучить условія женскаго труда, союзъ избралъ комитетъ для собиранія объ этомъ свѣдѣній, и для основательнаго и всесторонняго обсужденія этого вопроса. Оказалось, что одною изъ главныхъ причинъ низкаго уровня заработной платы яв-

ляется плохая подготовка женщинъ къ труду. Надо было подумать, слѣдовательно, о лучшей подготовкѣ, для чего былъ избранъ новый «организаціонный» комитетъ. Имѣя въ виду, главнымъ образомъ, тѣхъ дѣвушекъ, которыя посвящаютъ себя уходу за дѣтьми и ихъ воспитанію, комитетъ рѣшилъ учредить элементарные курсы по дѣткой гигіенѣ, физіологіи, дѣтскимъ болѣзнямъ и, отчасти, педагогикѣ. Лондонскій школьный союзъ предложилъ женскому рабочему союзу имѣющіяся въ его распоряженіи педагогичесія силы и, кромѣ того, разрѣшилъ желающимъ членамъ союза практиковат въ дѣтскихъ пріютахъ— «ясляхъ».

Лекці и курсы, организованные комитетомъ, посѣщаются очень охотно; въ числ слушательницъ есть даже много терей семействъ. Дѣятельность друго комитета — «образовательнаго» столь же плодотворна. Комитетъ строилъ, между прочимъ, въ течені года, 38 безплатныхъ лекцій. Всѣ ти лекціи дѣлятся на два разряда; нѣ изъ нихъ предназначаются еимущественно для женщинъ-рабницъ и поэтому, главнымъ образомъ, мѣютъ цѣлью ознакомить женщинъ ихъ правовымъ экономическимъ положеніемъ и съ дѣятельность существующихъ рабочихъ союзовъ, гія же, наоборотъ, имѣютъ въ в преимущественно слушателей, принадлежащихъ къ рабочему клу, но сочувствующихъ рабочему женію. Цѣль лекцій второй катего—привлечь общественное мнѣніе на рону рабочаго движенія. Такимъ обомъ, пропаганда ведется сразу съ хъ сторонъ, въ обществѣ и среди раницъ. Англичанинъ, воспитанный глубокомъ уваженіи къ общественому мнѣнію, прежде всего заботится, нечно, о сочувствіи общественнамнѣнія и старается расположить въ пользу той или иной своей идеиоэтому-то всякая пропаганда въ Англіи ведется путемъ печати, посредствомъ публичныхъ лекцій, рѣчей и т. п. Каждое общество въ Англіи непремѣнно имѣетъ свой собственный органъ и женскій рабочій союзъ не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Въ его органѣ печатаются отчеты о трудахъ комитетовъ, предложенія и рѣчи. Несмотря на то, что женскій рабочій союзъ — учрежденіе совсѣмъ еще молодое, существуетъ лишь второй годъ, оно уже пріобрѣло солидную репутацію и много членовъ не только въ однихъ рабочихъ классахъ. Замѣчательно, что въ числѣ членовъ союза можно встрѣтить представителей самыхъ различныхъ партій и всѣхъ направленій. Это не мѣшаетъ всѣмъ этимъ людямъ сообща работать на пользу дѣла, возбуждающаго ихъ сочувствіе съ какой бы то ни было стороны.

Въ прошломъ году, въ ноябрѣ, состоялось празднованіе годовщины основанія союза. Конечно, оно ознаменовалось многими рѣчами, причемъ наибольшій успѣхъ имѣла рѣчь г-жи Сидней Веббъ, сказавшей, что, при видѣ развитія союза, ею овладѣваетъ такое радостное настроеніе, какое свойственно людямъ, увѣровавшимъ, наконецъ, въ то, во что имъ такъ хочется вѣрить. Ее особенно радуетъ то, что женскій рабочій союзъ совершенно чуждъ узкому индивидуализму и не ставитъ женщину въ особый классъ, съ особыми женскими правами и интересами, ради которыхъ надо вести постоянную войну съ мужчинами. Отсутствіе женскаго сектантства составляетъ одну изъ привлекательныхъ чертъ женскаго рабочаго союза, такъ какъ въ единеніи и заключается залогъ лучшаго будущаго.

Мы должны прибавить, что г-жа Сидней Веббъ пріобрѣла уже нѣкоторую извѣстность въ Англіи своими работами по соціальнымъ вопросамъ и женскому движенію. По собствен-

ному сознанію, она вначалѣ не довѣряла женскому рабочему союзу, только-что организовавшемуся, и была увѣрена, что онъ будетъ узкоспеціальнымъ, какъ и прочіе, и всю свою дѣятельность направитъ на борьбу съ мужчинами. Теперь г-жа Сидней Веббъ открыто сознается, что она ошибалась, и заявляетъ о своемъ присоединеніи къ союзу. Судить о дѣятельности послѣдняго еще слишкомъ рано, потому что онъ существуетъ недавно, но. во всякомъ случаѣ, такое объединеніе женщинъ работницъ должно принести хорошіе плоды, такъ какъ прочная организація дастъ имъ возможность добиваться лучшихъ условій женскаго труда.

Борьба съ природою въ Даніи. Вскорѣ послѣ того, какъ Данія лишилась своихъ провинцій, Шлезвига и Гольштиніи, послѣ несчастной войны съ Пруссіей, въ датскомъ обществѣ возникло движеніе, поставившее себѣ цѣлью наверстать потери, понесенныя Даніей, и замѣнить ей хотя отчасти потерянныя территоріи новыми, годными для культуры и промышленности. Во главѣ движенія сталъ важный инженеръ, по имени Дальгасъ, задумавшій культивировать безплодныя равнины Ютландіи и основавшій для этого общество. Въ то время Западная Ютландія была почти пустыней, гдѣ безгранично господствовали песокъ и вѣтеръ. Всѣ попытки насажденія лѣса въ тѣхъ мѣстахъ оказывались тщетными, и никому и въ голову не приходило, что можно превратить эту несчастную мѣстность, поросшую кое-гдѣ верескомъ, въ прекрасные луга, развести лѣсъ и насадить культуру. Изучивши Ютландію во время своихъ частыхъ служебныхъ поѣздокъ, Дальгасъ проникся горячимъ сочувствіемъ къ мужественному мѣстному населенію, которое ведетъ неустанную и трудную борьбу съ климатомъ и природой, и рѣшилъ придти ему на помощь. Ему удалось собрать кружокъ энергичныхъ. сочувствующихъ дѣлу людей и основать «общество культивированія безплодныхъ равнинъ Ютланди».

Это было въ 1866 году. Средства общества были очень незначительны вначалѣ, но уже въ первый годъ въ немъ насчитывалось 800 членовъ. Прежде всего общество приступило къ разсадкѣ лѣса на равнинахъ, считавшихся до того совершенно безплодными. Попытка увѣнчалась успѣхомъ, благодаря тому, что общество приступило къ посадкѣ горной ели, которая оказалась способною къ культурѣ въ равнинахъ и содѣйствовала побѣдѣ людей надъ неблагопріятными условіями климата и почвы. Эти первыя насажденія много способствовали оживленію мѣстности. Крестьяне, видя, что дѣло идетъ, также приняли участіе въ посадкѣ, тѣмъ болѣе, что работы на плантаціях лѣса давали имъ хорошій заработокъ. Но мало было засадить эту мѣстность, надо было устроить орошеніе. Это было достигнуто безъ особенно большого труда системою запрудъ и каналовъ—и безплодныя равнины, поросшія верескомъ, вскорѣ превратились въ тучные луга. Крестьянское населеніе этой мѣстности, всегда терпѣвшее нужду и страдавшее отъ безплодія почвы, не могло не оцѣнить дѣятельности общества и, главнымъ образомъ, Дальгаса, который былъ его иниціаторомъ. На празднованіе 25-ти-лѣтняго юбилея общества, одинъ изъ крестьянъ сказалъ: «Мы жили впроголодь, пока не пришелъ Дальгасъ, и теперь мы йдемъ, куда бы онъ ни позвалъ насъ. Ему мы обязаны всѣмъ и намъ съ нимъ во вѣкъ не расплатиться».

Дѣйствительно, теперь мѣстность Западной Ютландіи измѣнилась совершенно. До 1866 года пути сообщенія находились тамъ въ очень первобытномъ состояніи; Ютландія была

мало заселена и почти отрѣзана отъ внѣшняго міра. Теперь это густо заселенная мѣстность, испещренная желѣзными и шоссейными дорогами. На каждомъ шагу можно видѣть воздѣланныя поля, стада, жилыя постройки. Культивированіе мѣстности пошло впередъ необыкновенно быстрыми шагами, какъ только поколебалось убѣжденіе въ полной негодности почвы. Дальгасъ доказалъ, что ее можно сдѣлать плодородной и тогда къ нему пришли на помощь и правительство, и частныя лица. Правительство дало субсидію обществу, частныя лица стали устраивать плантаціи на свои средства, покупать участки земли и т. д. Однимъ словомъ, толчокъ былъ данъ и уже далѣе дѣло развивалось и разросталось, привлекая на свою сторону все большее и большее число участниковъ и сочувствующихъ.

Благодаря иниціативѣ общества, въ Даніи возникло множество мелкихъ союзовъ, преслѣдующихъ уже не столь широкія цѣли. Такъ, напр., эти союзы оказываютъ содѣйствіе крестьянамъ въ устройствѣ садовъ и огородовъ, въ посадкѣ деревьевъ, живыхъ изгородей, и вообще способствуютъ разведенію растительности въ деревняхъ.

Въ послѣднее время общество, дѣятельность котораго оказалась столь плодотворной для Даніи, задумало утилизировать болота и превратить ихъ путемъ воздѣлыванія въ плодородную землю. Съ этою цѣлью устроены теперь обществомъ пробныя станціи для осушки и воздѣлыванія болотъ и на каждую станцію отведено отъ 2 до 5 десятинъ болотной земли. Работы по осушкѣ производятся подъ надзоромъ общества и на его средства.

Общество имѣетъ свой органъ «Вѣстникъ» и, кромѣ того, ежегодно выпускаетъ въ свѣтъ множество брошюръ, заключающихъ различныя свѣдѣнія, касающіяся культуры почвы, осушки болотъ и т. п. Общество устраиваетъ также публичныя лекціи, бесѣды и чтенія по вопросамъ, касающимся обработки почвы и культивированія безплодныхъ равнинъ; оно всячески старается распространять полезныя сельскохозяйственныя знанія въ народѣ. Дѣло общества стало теперь національнымъ. Иниціаторъ его, Дальгасъ, умеръ два года тому назадъ, и благодарные крестьяне воздвигли памятникъ на мѣстѣ его дѣятельности, но лучшимъ памятникомъ ему все-таки будутъ служить, конечно, тѣ плодородныя поля, которыя онъ создалъ на мѣстѣ безплодныхъ равнинъ.

Крестьянка-поэтъ. Въ Берлинѣ существуетъ союзъ печати, который ежегодно устраиваетъ литературные вечера и публичныя лекціи, очень охотно посѣщаемые публикой. На этихъ вечерахъ можно слышать порою декламацію лучшихъ артистовъ, чтеніе еще неизданныхъ литературныхъ произведеній и лекціи по исторіи и литературѣ, читаемыя кѣмъ-нибудь изъ профессоровъ. Неудивительно, поэтому, что на этихъ литературныхъ вечерахъ никогда не бываетъ пусто и зала всегда бываетъ биткомъ набита публикой, собирающейся послушать и посмотрѣть на литературныхъ знаменитостей. На одномъ изъ такихъ вечеровъ приманкою для публики явилась крестьянка-поэтъ, Іоганна Амброзіусъ, по мужу Фойхтъ, которая теперь сдѣлалась литературною знаменитостью, хотя года два-три тому назадъ врядъ ли кто въ Берлинѣ ею интересовался. Но въ 1894 году вышелъ въ свѣтъ сборникъ ея стиховъ, сразу обратившій на себя вниманіе, а когда сдѣлалось извѣстно, кто такая эта Іоганна Амброзіусъ, то интересъ къ ней еще болѣе увеличился. Стихотворенія ея имѣли такой успѣхъ, что, менѣе чѣмъ въ два года выдержали 25 изданій и число восторженныхъ поклонниковъ ея таланта съ каждымъ

годомъ увеличивается. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, когда Іоганна Амброзіусъ пріѣхала въ первый разъ въ Берлинъ, то всѣ берлинскія газеты наполнились разсказами о ней, и ея появленіе на вечерѣ берлинской печати сразу получило значеніе выдающагося событія.

Іоганна Амброзіусъ, дочь простого деревенскаго ремесленника, крестьянина, получила образованіе въ сельской школѣ и дальше своей родной деревни не бывала нигдѣ. Ея отецъ на послѣдніе гроши выписывалъ для своихъ дочерей «Gartenlaube», и это былъ единственный источникъ, откуда Іоганна черпала свои литературныя свѣдѣнія. Вся жизнь Іоганны, и въ родительскомъ домѣ, и по выходѣ замужъ за простого крестьянина, была преисполнена лишеній и борьбы съ нуждой. Замужемъ, впрочемъ, ей пришлось еще хуже, такъ какъ пошли дѣти и жить стало труднѣе. Она мужественно боролась съ нуждой, работала въ полѣ, исполняла всѣ обязанности въ домѣ, доила коровъ, стряпала и обшивала дѣтей и, конечно, не помышляла ни о литературѣ, ни о славѣ. Живя въ деревнѣ съ мужемъ, Іоганна лѣтъ двѣнадцать, по крайней мѣрѣ, не видала ни одной газеты и ни одного журнала. Но природное дарованіе все-таки прорвалось наружу. Вѣроятно, чтобы отвести душу, Іоганна, въ свободныя минуты, по вечерамъ, набрасывала на бумагу стихи, которые у нея складывались въ головѣ. Она дѣлала это, не думая печатать ихъ когда-нибудь, но, такъ сказать, повинуясь внутреннему побужденію. Скоро писаніе стиховъ сдѣлалось для Іоганны потребностью и въ нихъ она искала выхода своей душевной тоскѣ. Особенно во время болѣзни, когда она поневолѣ должна была отказываться отъ работы въ полѣ и оставалась одна, въ своей избѣ, стихи служили для нея утѣшеніемъ и развлеченіемъ. «Моя муза—горе»,—говоритъ Іоганна въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. Она называетъ «горе» своимъ неизмѣннымъ другомъ, который никогда съ нею не разстается. Лѣтъ десять Іоганна занималась такимъ писаніемъ стиховъ для собственной утѣхи и развлеченія, затѣмъ попыталась было проникнуть въ литературу, но успѣха не имѣла, хотя два или три стихотворенія ея и были напечатаны въ маленькихъ журнальчикахъ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока не познакомился съ нею одинъ школьный учитель, который пришелъ въ восторгъ отъ ея поэтическаго дарованія и издалъ ея стихи. Съ этого момента слава не заставила себя ждать. Крестьянку-поэта встрѣтили восторженными рукоплесканіями, когда она появилась на вечерѣ берлинской печати подъ руку съ Зудерманомъ. Худое, изможденное лицо Іоганны Амброзіусъ свидѣтельствовало о трудной, исполненной лишеній жизни. Она видимо была смущена и обстановкою, въ которой очутилась, и блестящей публикой, сдѣлавшей ей такой пріемъ Но смущеніе продолжалось лишь до тѣхъ поръ, пока она не начала читать стихи. Тогда она какъ будто забыла, гдѣ находится; большая зала, наполненная народомъ, нарядные туалеты дамъ, электрическій свѣтъ—все перестало для нея существовать, и Іоганна Амброзіусъ своимъ простымъ, безъискусственнымъ способомъ читать стихи съумѣла растрогать своихъ слушателей до глубины души и вызвать у нихъ добрыя чувства. Ея стихи—это вопль измученной, изстрадавшейся души; горе и страданія составляютъ главные мотивы ея поэзіи. Поэтическое дарованіе ея несомнѣнно и тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что Іоганна представляетъ чистѣйшій самородокъ. Все ея литературное образованіе, какъ мы говорили раньше, было почерпнуто изъ «Gartenlaube» и только теперь,

благодаря доходу съ изданія, она имѣетъ возможность не изнурять себя тяжелою работой и позволить себѣ роскошь—чтеніе классическихъ нѣмецкихъ поэтовъ, съ произведеніями которыхъ она познакомилась не болѣе, какъ два года тому назадъ. Врядъ ли талантъ Іоганны можетъ развернуться особеннымъ образомъ. Слава и достатокъ пришли къ ней слишкомъ поздно; ей уже сорокъ лѣтъ и она устала отъ жизненной борьбы, но, во всякомъ случаѣ, она представляетъ замѣчательное въ своемъ родѣ явленіе, особенно если принять во вниманіе, въ какой обстановкѣ росло и крѣпло ея поэтическое дарованіе.

Румынская печать. Начало развитія періодической печати въ Румыніи надо отнести къ русской-турецкой войнѣ. Когда, въ 1877 году, разнеслось въ Румыніи извѣстіе объ объявленіи войны, весь Бухарестъ пришелъ въ волненіе. Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ появленія газетъ, чтобы прочесть въ нихъ подробности первыхъ сраженій. Когда выходили газеты, ихъ буквально вырывали другъ у друга, типографскіе станки работали всю ночь, чтобы удовлетворить требованіямъ народа.

Война продолжалась долго и чтеніе газетъ сдѣлалось потребностью и необходимостью, не только въ столицѣ, но и во всѣхъ прочихъ городахъ Румыніи.

Первыя газеты, появившіяся въ Румыніи, были французскія, нѣмецкія и польскія въ 1795 году, но нельзя сказать, чтобы онѣ имѣли много читателей. Нѣкоторые изъ румынскихъ аристократовъ тогда получали «Journal des Savants», въ которомъ они искали мнѣній французскихъ критиковъ относительно тѣхъ или другихъ сочиненій, пріобрѣтаемыхъ ими для своихъ библіотекъ. Въ 1795 году даже попробовали основать въ Трансильваніи самый безобидный журналъ «Философскія новости», но онъ успѣха не имѣлъ и читающая публика продолжала выписывать иностранныя газеты.

Первыя двадцать пять лѣтъ нашего столѣтія были полны для Румыніи самыхъ тяжелыхъ испытаній. Румынскія провинціи то становятся достояніемъ Россіи, то снова отдаются Турціи; хозяйничанье турокъ, чума, голодъ, всевозможныя бѣдствія, пожары, землетрясенія и т. п.—все это продолжалось почти безъ перерыва вплоть до 1829 года. Гдѣ ужъ тутъ было думать румынамъ объ основаніи своей газеты! Никто не рѣшился бы на такой шагъ, да и въ самомъ дѣлѣ газета была бы совершенно безполезна тогда. Впрочемъ, нашелся-было такой предпріимчивый человѣкъ, который попробовалъ основать румынскую газету въ Лембергѣ, но выпустилъ только одинъ нумеръ и тѣмъ покончилъ изданіе.

Но въ 1829 году начала издаваться въ Бухарестѣ газета «Румынскій курьеръ», самая старая изъ всѣхъ органовъ румынской періодической печати. Спустя два мѣсяца послѣ этого удачнаго дебюта былъ основанъ въ Яссахъ новый румынскій журналъ «Румынская пчела». Оба эти журнала давно уже не существуютъ, но они были первыми самостоятельными органами печати въ Румыніи.

Затѣмъ, во время движенія 1848 года въ Румыніи также обнаружилось нѣкоторое оживленіе общественной жизни, выразившееся въ появленіи новыхъ газетъ и журналовъ; но газета вошла въ нравы и привычки румынской публики только во время русско-турецкой войны и развилась окончательно лишь послѣ 1877 г.

Въ настоящее время изъ трехъ главныхъ городовъ Румыніи — два имѣютъ свои органы печати, въ которыхъ обсуждаются вопросы общей и мѣстной политики, печатаются статьи

о румынской и французской литературѣ и поэтическія произведенія, большею частью не отдѣланныя, но весьма привлекательныя, благодаря своей наивности и свѣжести. Провинціальная печать развивается довольно медленно, такъ какъ обитатели провинціи все-таки предпочитаютъ выписывать и читать столичныя газеты. Бухарестскія газеты явно подражаютъ парижскимъ и по своей формѣ, и по содержанію. Нѣкоторыя изъ нихъ расходятся въ количествѣ 10.000 экземпляровъ, но эти цифры увеличиваются вдвое во время какихъ-нибудь политическихъ или иныхъ событій, волнующихъ румынское общественное мнѣніе. Теперь уже газета проникла всюду и въ низшихъ классахъ населенія газета составляетъ почти такую же насущную потребность, какъ и въ высшихъ. Кучеръ, дожидаясь своего кліента, непремѣнно читаетъ газету; торговцы и разносчики также считаютъ своимъ долгомъ запастись газеткой въ 5 сантимовъ и читаютъ ее въ свободную минуту.

Въ каждой румынской газетѣ отводится спеціальная рубрика для извѣстій изъ румынскихъ провинцій, присоединенныхъ къ другимъ государствамъ, какъ-то: изъ Македоніи, Буковины, Бессарабіи, Трансильваніи и Баната. Идея единой, свободной и независимой Румыніи составляетъ излюбленную тему для всѣхъ румынскихъ публицистовъ.

Почти всѣ современные румынскіе политическіе дѣятели, дипломаты и министры были раньше журналистами и опять возвращаются къ этой профессіи, какъ только сходятъ съ политической сцены. Благодаря газетамъ, Бухарестъ совершенно измѣнился въ 50 лѣтъ; восточная неподвижность и лѣнь, характеризовавшія его, исчезли и замѣнились лихорадочнымъ возбужденіемъ въ моментъ выхода газетъ, особенно замѣтнымъ во время какихъ-нибудь ожидаемыхъ или совершающихся событій. Кіоски, гдѣ продаются газеты, тогда буквально осаждаются покупателями.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что журналистика даже со всѣми ея пробѣлами и недостатками, все-таки много способствовала возрожденію соціальной жизни въ Румыніи и образованію общественнаго мнѣнія, съ которымъ теперь приходится считаться министерствамъ, хотя бы опирающимся на очень значительное парламентское большинство. Одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ румынскихъ дѣятелей сказалъ недавно въ своей рѣчи, что газета была однимъ изъ могущественныхъ факторовъ національнаго возрожденія Румыніи.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue de Paris».—«Revue des Deux Mondes».

Недавно вышедшія въ свѣтъ мемуары Барраса и вызванные ими комментаріи, опять выдвинули на сцену эпоху 18-го Брюмера. Оляръ (Aulard) въ своей статьѣ въ «Revue de Paris» возвращается къ этому времени, опровергая установившееся мнѣніе, будто на другой день 18-го Брюмера Франція проснулась въ кандалахъ и оказалась лишенной слова. Дѣло было не совсѣмъ такъ. Непосредственно послѣ 18-го Брюмера наступилъ періодъ нерѣшительности. Наполеонъ явно старался примирить съ собою тѣхъ, кто не одобрялъ его поступковъ, осуждалъ его; онъ какъ будто хотѣлъ заставить ихъ простить себѣ и поэтому не стѣснялъ свободы печати и не закрывалъ клубовъ. Онъ дѣйствовалъ ощупью, и Франція могла даже надѣяться, что новое положеніе вещей скорѣе укрѣпитъ основы

республики и революціи, нежели расшатаетъ ихъ. Сначала напуганная переворотомъ, Франція быстро успокоилась. Наполеонъ, впрочемъ, умѣлъ ловко ее успокоить; онъ какъ-то ухитрился польстить и консерваторамъ и, въ то же время, обезоружить нереспубликанцевъ. Онъ говорилъ неизвѣстнымъ доселѣ языкомъ и его слушали. Притомъ онъ отмѣнилъ законъ о заложникахъ и принудительные займы. Правда, и даректорія собиралась сдѣлать это, но Бонапарте похитилъ у нея эту честь. Затѣмъ онъ сдѣлалъ весьма удачныя исключенія въ спискѣ изгнаній, такъ что многіе изъ депутатовъ были возвращены въ отечество и даже назначены на болѣе или менѣе важныя должности. Когда Барэръ примкнулъ къ перевороту, это уже было доказательствомъ большого успѣха тактики Наполеона. Присоединеніе Барера было очень важно для партіи Бонапарте, которая, впрочемъ, постаралась обезчестить Барера назначеніемъ его на какую-то полицейскую должность. Немного нашлось такихъ проницательныхъ людей, которыхъ не обманула внѣшность и которые все-таки отказались признать насильственный актъ Наполеона. Но оппозиція этихъ людей не вызывала ни шума, ни подражанія. Многіе, правда, искренно надѣялись, что новый порядокъ вещей будетъ «болѣе либеральнымъ, болѣе справедливымъ и болѣе мирнымъ». Къ несчастью, даже вся мыслящая Франція раздѣляла это заблужденіе. Французскій институтъ, какъ извѣстно, привѣтствовалъ Бонапарте и почти никто во Франціи не предугадывалъ въ немъ диктатора. Онъ казался такимъ же консуломъ, какъ и прочіе, и если было какое-нибудь преобладаніе на его сторонѣ, то оно имѣло исключительно нравственный характеръ.

Дѣйствительно, политика консульства въ теченіе первыхъ недѣль весьма мало отличалась отъ политики Директоріи. Такая же выжидательная, она, въ то же время, была мягче, сердечнѣе и, если можно такъ выразиться, имѣла болѣе «французскій характеръ». Только послѣ того, какъ конституція VIII года превратила Наполеона въ перваго консула и облекла его власть авторитетомъ божественнаго права, отмѣнивъ народные выборы, онъ почувствовалъ себя абсолютнымъ господиномъ и дѣйствительно сталъ таковымъ. Но современники его не предвидѣли такихъ логическихъ послѣдствій, да, быть можетъ, и самъ Бонапарте не имѣлъ этого въ виду въ самомъ началѣ и въ самомъ дѣлѣ искренно помышлялъ о «мирной и чистой славѣ». По мнѣнію Оляра, онъ превращался въ деспота постепенно, изо дня въ день. «Мы можемъ, зная послѣдующія событія—ссылки, убійство герцога Энгіенскаго, тиранническое завоеваніе Европы и т. п.,—говоритъ Оляръ,—прослѣдить всѣ перипетіи этой великой исторической драмы и распознать въ героѣ 18-го Брюмера «нарождающееся чудовище». Но лишь немногіе изъ современниковъ Наполеона могли предвидѣть то, что случилось, и понять, что свобода была поражена на смерть гренадерами Сен-Клу. Какъ и эти гренадеры, всѣ французы распѣвали «Ça ira» и воображали, что они вернулись къ незабвеннымъ днямъ 1789 года, къ тому братскому согласію, которое существовало во время принесенія присяги въ залѣ «Jeu de Paume». Всѣ надѣялись, и слова, и поступки какъ будто оправдывали эту надежду. Люди, окружавшіе тогда Наполеона и какъ бы покровительствовавшіе ему, способствовали тому, что его образъ дѣйствій первоначально не вызвалъ большихъ разочарованій».

Въ Парижѣ, послѣ Брюмера, прежде всего возликовали роялисты, вообразившіе, что Бонапарте сыграетъ роль

Монка и Бурбоны вернутся во Францію. Но Бонапарте постарался успокоить республиканцевъ. Парижъ оставался спокойнымъ, провинція также и, за исключеніемъ нѣсколькихъ незначительныхъ заявленій протеста со стороны меньшинства, не произошло ни одной сколько-нибудь внушительной демонстраціи; государственный переворотъ былъ принятъ вездѣ спокойно и нигдѣ равновѣсіе чувствъ не было нарушено. На биржѣ не только не произошло паденія, но даже, наоборотъ, государственныя бумаги поднялись въ цѣнѣ. Позднѣе, когда Бонапарте, однажды, спросилъ Талейрана о происхожденіи его богатства, слишкомъ бросавшагося въ глаза, Талейранъ отвѣтилъ императору: «Я купилъ ренту наканунѣ переворота 18-го Брюмера и на другой день ее продалъ». Дѣйствительно, это была выгодная операція, вполнѣ подтвердившая правильность разсчетовъ людей, подготовившихъ переворотъ.

Точка зрѣнія Оляра, старающагося прослѣдить постепенное превращеніе Наполеона въ абсолютнаго и властнаго деспота, очень любопытна, тѣмъ болѣе, что многое въ поступкахъ Наполеона и въ ходѣ историческихъ событій какъ будто подтверждаетъ эту гипотезу, хотя и несомнѣнно, что Наполеонъ былъ человѣкомъ, умѣющимъ приспособляться къ обстоятельствамъ и извлекать пользу и выгоду изъ всѣхъ событій.

Извѣстный французскій дипломатъ и депутатъ д'Этурнелль де-Констанъ напечаталъ въ «Revue des deux Mondes» статью «Европа и ея соперники», разсуждающую объ опасности, которая грозитъ Европѣ. «Европа,— говоритъ д'Этурнелль,—страдаетъ болѣзнью, которую она не замѣчаетъ въ себѣ или старается не замѣтить, боясь испугаться, но болѣзнь эта уже развилась на столько, что начинаетъ задерживать движеніе Европы. Не стараясь доискаться причинъ, Европа обращаетъ вниманіе лишь на симптомы и въ своемъ нетерпѣніи принимаетъ эти симптомы за самую болѣзнь и стремится воздѣйствовать именно на нихъ, полагая, подобно многимъ больнымъ, что стоитъ исчезнуть симптомамъ и она выздоровѣетъ... Разумѣется, такія условія только способствуютъ тому, что болѣзнь слѣдуетъ своему теченію, благодаря невѣжеству Европы, и развивается съ усиленною быстротой».

Но что же это за болѣзнь? Есть ли это старость? Нѣтъ, не это только; болѣзнь эта вызывается усталостью, переутомленіемъ и конкурренціей. Европа жила слишкомъ быстро въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ. Производительность ея чрезмѣрно увеличилась, она принесла земледѣліе въ жертву промышленности и дала этой послѣдней такой могучій толчокъ, что теперь въ состояніи наполнить всѣ рынки міра своими товарами. Изобрѣтя паръ и уничтоживъ разстоянія, Европа вообразила, что она одна только извлечетъ выгоду изъ своего открытія. Ея успѣхъ и прогрессъ вскружилъ ей голову и она все больше и больше расширяле свои мастерскія, фабрики, свою администрацію, увеличивъ свои военные расходы, въ то же время, развивъ въ себѣ потребность въ роскоши и стремленія къ наслажденію, стала распространять культъ богатства и мало-по-малу сама увязла въ долгахъ.

Но по мѣрѣ того, какъ возростала жажда роскоши въ Европѣ, по мѣрѣ того, какъ желанія и привычки вошли къ ней въ плоть и кровь, источники, откуда она черпала свои богатства, начали изсякать. Европа замѣтила, что не одни продукты ея машиннаго производства распространились за морями; машины также сдѣлались достояніемъ другихъ народовъ и пробудили въ нихъ предпріимчивость, заставивъ ихъ также заняться

машиннымъ производствомъ и не только удовлетворять свои нужды, но позаботиться и о распространеніи своихъ продуктовъ, которые, мало-помалу, вытѣсняютъ теперь европейскіе продукты. Однимъ словомъ, бывшіе потребители товаровъ Европы, ея кліенты, превратились теперь сами въ продавцовъ и конкуррентовъ.

Первый примѣръ такой эмансипаціи подали Соединенные Штаты. Примѣру ихъ очень скоро послѣдовали и другіе, и теперь вездѣ, въ центральной и Южной Америкѣ, въ Австраліи, Индіи и Японіи возникаютъ все новые соперники и закрываются рынки для сбыта товаровъ Европы. Остались только рынки Африки, послѣднее убѣжище Европы, до сихъ поръ находившіеся въ полномъ небреженіи.

Новый порядокъ вещей прежде всего отразился на земледѣліи. Вездѣ, за исключеніемъ Европы, почва еще дѣвственна и цѣнность ея весьма мала. Земля свободна отъ большинства повинностей, которыя тяготѣютъ надъ нею въ Европѣ и, кромѣ, того, не нуждается въ удобреніи. Благодаря развитію пароходныхъ сообщеній, уже не можетъ встрѣтиться никакихъ особенныхъ затрудненій въ транспортѣ зернового хлѣба, и Америка напримѣръ, смѣло можетъ сдѣлаться житницею Европы. Въ новыхъ странахъ, вообще, земледѣліе развивается гигантскими шагами, не стѣсняемое ни рутиной, ни необходимостью пользоваться устарѣвшими способами и орудіями, и немедленно извлекаетъ выгоду изъ всѣхъ открытій, нововведеній и усовершенствованій, получая, такъ сказать, готовое, выработанное Европой послѣ долгихъ и тщательныхъ изысканій и усилій.

Многіе въ Европѣ уже примирились съ плачевнымъ положеніемъ земледѣлія, говоря, что «будущее принадлежитъ промышленности». Но, на самомъ дѣлѣ, страдаетъ не одно только земледѣліе и европейской промышленности также угрожаетъ серьезная опасность, быть можетъ, даже очень серьезная,—со стороны тѣхъ же самыхъ конкуррентовъ, которые грозятъ земледѣлію.

«Однажды, въ присутствіи Ренана,— прибавляетъ авторъ,—кто-то началъ восхвалять красоты и выгоды желѣзныхъ путей, которые на югѣ и сѣверѣ должны соединить Европу съ Азіей. Ренанъ слушалъ, не прерывая, съ опущенной головой и улыбаясь. Когда блестящая картина успѣха желѣзнодорожныхъ сообщеній была закончена, онъ сказалъ: «Да, это было бы прекрасно, еслибъ... этотъ самый путь не могъ бы служить также и для нашествій».

Автора, очевидно, смущаютъ эти слова Ренана. Онъ признаетъ существованіе опасности и требуетъ, чтобы Европа не закрывала на нее глаза. Всякія внутреннія распри и раздоры только играютъ въ руку соперникамъ Европы, говоритъ онъ. Стоитъ, напримѣръ, въ Англіи возникнуть грандіозной стачкѣ углекоповъ, чтобы въ Японіи немедленно воспользовались этимъ. Продажа японскаго угля получаетъ новый толчокъ и похищаетъ у Европы часть рынковъ, созданныхъ ею съ большими усиліями. Но представьте себѣ, что въ одинъ прекрасный день милліоны европейскихъ рабочихъ должны будутъ прекратить свою работу, не вслѣдствіе стачки, а вслѣдствіе объявленія войны, такъ какъ имъ нужно будетъ отправиться въ свои полки. Вѣдь тогда производительность Европы, внезапно пріостановленная въ своемъ движеніи, оставитъ поле свободнымъ и открытымъ для всѣхъ конкуррентовъ, давно уже выжидающихъ удобнаго момента. По окончаніи войны положеніе европейскихъ рабочихъ, безъ сомнѣнія, измѣнится къ худшему; имъ еще труднѣе будетъ найти работу, чѣмъ теперь. Множество рын-

ковъ окажутся закрытыми для Европы, и время послѣ войны окажется, пожалуй, еще хуже, чѣмъ самая война.

Извѣстный французскій историкъ Эрнестъ Лависсъ помѣстилъ въ «Revue des deux Mondes» статью объ экзаменахъ въ Сенъ-Сирской школѣ во Франціи (высшая военная школа) Все то, что онъ говоритъ въ своей статьѣ, приложимо не только къ этимъ спеціальнымъ экзаменамъ, но и ко всякимъ экзаменамъ и во всѣхъ странахъ. Лависсъ касается, главнымъ образомъ, экзаменовъ по исторіи и географіи. Каждый подготовляющійся къ этимъ экзаменамъ, говоритъ почтенный авторъ, находится въ состояніи постоянной тревоги, что онъ не запомнитъ всего того, что ему нужно знать для экзамена. Это такой трудъ, который въ состояніи поселить на всю жизнь отвращеніе ко всякому труду, и конечнымъ результатомъ получается слѣдующее: тысячи словъ и цифръ загромождаютъ память и составляютъ все знаніе по исторіи и географіи; но взаимная связь между этими словами и цифрами и отношенія ихъ къ событіямъ совершенно ускользаютъ отъ учащагося и, слѣдовательно, духъ исторіи и географіи совершенно ему не ясны. Это все «общія мѣста», «общія понятія», которыми ему некогда заниматься, и мало-по-малу, вслѣдствіе привычки игнорировать эти общія мѣста, у него даже развивается къ нимъ родъ отвращенія.

По мнѣнію Лависса, экзамены при вступленіи въ какую-нибудь спеціальную высшую школу должны быть только общеобразовательными. Особенно это было бы важно для Сен-Сирской школы. Офицеръ, въ наше время, прежде всего долженъ быть культурнымъ человѣкомъ; чтобы понять свою трудную и отвѣтственную роль, онъ долженъ понимать удивительную и странную эпоху, въ которой мы живемъ, ожидая войны и ненавидя ея, и тѣмъ болѣе, что война можетъ вспыхнуть завтра, но, быть можетъ, и совсѣмъ не вспыхнетъ никогда!

Очень часто въ оправданіе существующей системы экзаменовъ выставляется на видъ конкурсъ, необходимость выдѣлить немногихъ счастливцевъ изъ огромнаго числа кандидатовъ. Однако, врядъ ли такой конкурсъ можетъ отмѣтить дѣйствительно тѣхъ, кто заслуживаетъ первенства. Случай играетъ огромную роль на экзаменѣ и уже по этому одному, справедливость невозможна. Притомъ же, почему знаніе какой-нибудь мелкой подробности можетъ дать одному кандидату преимущество? Вѣдь, это же не значитъ, что кандидатъ, знающій, напримѣръ, что графъ д'Артуа былъ вдовъ, заслуживаетъ предпочтенія предъ другимъ кандидатомъ, который этого не знаетъ!

Ренанъ однажды сказалъ, что развитіе своей интеллектуальной жизни онъ исключительно приписываетъ тому, что въ молодости умъ его пользовался полною свободой. Ренанъ былъ врагъ конкурсныхъ экзаменовъ, говоря, что они лишаютъ умъ всякой самостоятельности и отбиваютъ охоту отъ труда, но какъ помочь горю—онъ не зналъ. Лависсъ шутя сказалъ ему, что лучше, быть можетъ, учредить жребій вмѣсто конкурса.—«Отчего же нѣтъ!—воскликнулъ Ренанъ.—Все равно, вѣдь и тутъ играетъ роль судьба».

Издательница **А. Давыдова**. Редакторъ **Викторъ Острогорскій**.

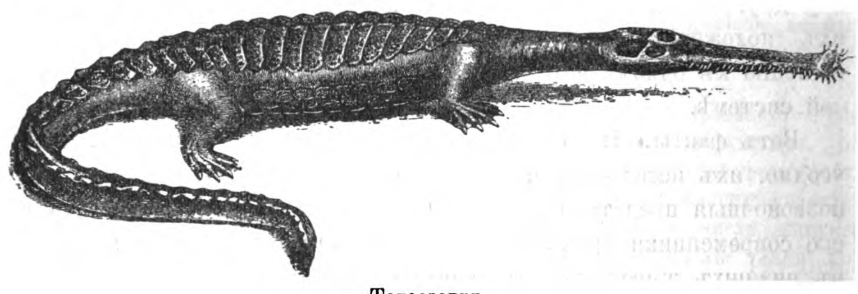
женіе предчувствуемой истины, выраженіе, правда, не полное, такъ какъ истина еще недостаточно хорошо выяснена. Между позвоночными и суставчатыми существуетъ неоспоримое сходство въ двухъ отношеніяхъ: позвонки первыхъ повторяются правильно, какъ и кольца вторыхъ; главные органы представляютъ у тѣхъ и у другихъ одинаковое расположеніе, если только разсматривать ихъ положеніе не по отношенію къ поверхности земли, а по отношенію къ одному изъ самихъ органовъ, напримѣръ, къ нервной системѣ.

Вотъ факты. Надо теперь найти ихъ объясненіе или, если угодно, ихъ истолкованіе. Всегда проникнутые воззрѣніемъ, что позвоночныя представляютъ типичныхъ животныхъ, Жоффруа и его современники принимаютъ ихъ за точку отправленія и ищутъ въ низшихъ животныхъ всѣ части тѣла позвоночныхъ. Это обстоятельство и является источникомъ ошибокъ въ деталяхъ. Въ низшихъ животныхъ нельзя разсчитывать найти всѣ части, свойственныя высшимъ, все равно, какъ въ яйцѣ, или даже въ зародышѣ, не слѣдуетъ искать всѣхъ органовъ, которые наблюдаются у взрослыхъ животныхъ. Но если мы это знаемъ теперь, то этимъ мы частью обязаны методу сравненій, введенному въ науку Жоффруа. Мы знаемъ это потому, что ему пришла мысль сравнить низшихъ животныхъ съ зародышами высшихъ, а также потому, что онъ наиболѣе содѣйствовалъ полному ниспроверженію ученія о вложенныхъ зародышахъ, защищаемаго Кювье; онъ вмѣстѣ съ Ламаркомъ горячо стоялъ за измѣняемость видовъ, безъ допущенія которой немыслимо было бы ученіе объ эволюціи; безъ этого допущенія идея о постепенномъ усложненіи организмовъ осталась бы навсегда смутной и безплодной. Теперь, въ особенности благодаря открытіямъ Семпера и Бальфура, можно считать установленнымъ то положеніе, что тѣло позвоночныхъ нѣкогда состояло изъ сегментовъ, какъ и тѣло суставчатыхъ; что суставчатыя для того, чтобы сдѣлаться позвоночными, должны были совершенно измѣнить положеніе тѣла; теперь уже достаточно ясно начинаютъ познавать причины этого измѣненія *). Теперь, однако, приходятъ къ тому убѣжденію, что нѣтъ существеннаго сходства между кожнымъ скелетомъ членистыхъ и внутреннимъ скелетомъ позвоночныхъ; эти послѣднія имѣютъ сходство не съ членистыми животными, обладающими хорошо развитымъ внѣшнимъ скелетомъ и не съ суставчатоногими. Какъ можно предсказать, при-

*) См. О сходствѣ позвоночныхъ и суставчатыхъ животныхъ E. Perrier. Les colonies animales et la formation des organismes, p. 662—700.

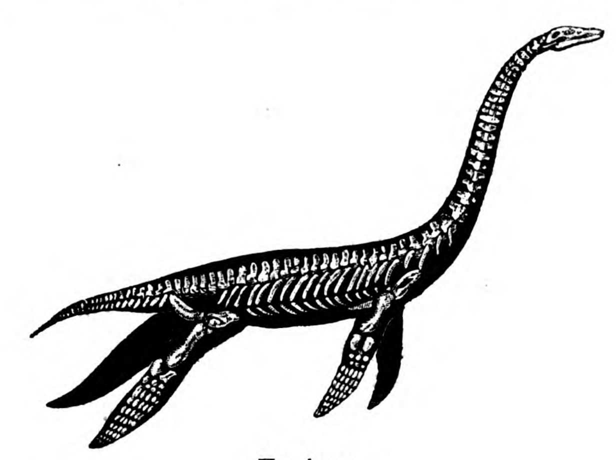
нимая во вниманіе слабое развитіе внутренняго скелета у миногъ и ланцетника, позвоночныя скорѣе находятся въ тѣсномъ родствѣ съ мягкими членистыми животными и съ кольчатыми червями.

Глубоко убѣжденный въ близкомъ сходствѣ высшихъ животныхъ между собою, привыкшій благодаря своимъ изслѣдованіямъ



Телеозавръ.

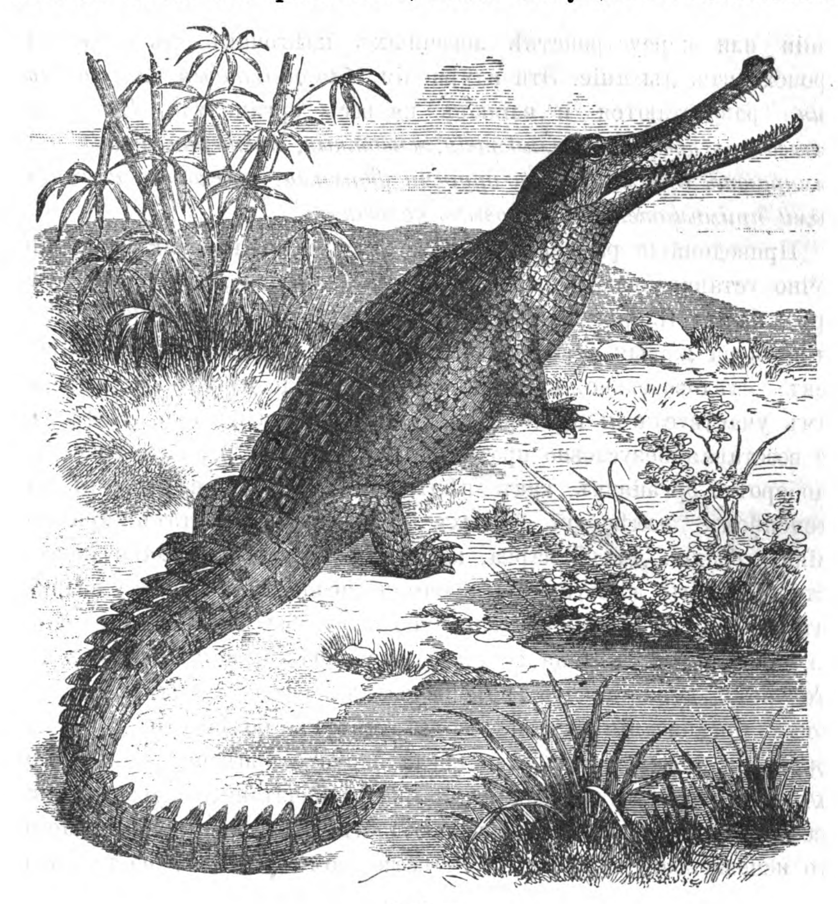
надъ уродами опредѣлять вліяніе внѣшнихъ условій на окончательный результатъ развитія, Жоффруа долженъ былъ непремѣнно стать сторонникомъ идеи измѣняемости видовыхъ формъ. Въ то время, когда, благодаря почину Кювье, всѣ старанія были направлены къ тому, чтобы воскресить въ наукѣ навсегда исчезнувшія животныя формы, творецъ философіи анатоміи пришелъ,



Плезіозавръ.

какъ и Ламаркъ, къ вопросу: не представляютъ ли эти древніе обитатели земного шара вѣроятныхъ предковъ нынѣ существующихъ животныхъ? Съ 1825 по 1828 годъ онъ обнародовалъ нѣсколько замѣтокъ относительно крупныхъ ископаемыхъ рептилій изъ окрестностей Кана и Гонфлера. Онъ говоритъ, что эти животныя, которымъ онъ даетъ имя *телеозавра* и *стенеозавра*

очень отличаются отъ современныхъ крокодиловъ. Но, если принять это первое положеніе, то возникаетъ другой вопросъ, а именно: предполагаемые крокодилы Кана и Гонфлера, заключенные въ нѣкоторыхъ слояхъ юрской системы, не составляютъ ли вмѣстѣ съ *плезіозаврами* въ порядкѣ времени и по степени органическаго развитія неразрывную цѣпь отъ этихъ древнихъ обитателей земли къ рептиліямъ, нынѣ живущимъ и извѣстнымъ



Гавіалъ.

подъ именемъ гавіаловъ. Не утверждая положительно, Жоффруа все же не колеблется предположить возможность такого превращенія, потому что, какъ онъ говоритъ: «окружающій міръ—всемогущъ въ дѣлѣ измѣненія организованныхъ тѣлъ». А чрезъ нѣсколько строкъ онъ прибавляетъ: «Дыханіе представляетъ, по моему мнѣнію, до такой степени важный моментъ, опредѣляющій строеніе тѣла животныхъ, что не нужно слишкомъ быстрыхъ и сильныхъ измѣненій въ свойствахъ дыхательныхъ жидкостей для того,

*

чтобы вызвать едва замѣтныя измѣненія организма. Этому измѣненію помогаетъ еще медленное вліяніе времени, въ особенности, если въ теченіе его на земномъ шарѣ происходятъ катастрофы. Эти незамѣтныя вѣковыя измѣненія накопляются и въ результатѣ процессъ дыханія становится затруднительнымъ для нѣкоторыхъ системъ органовъ. Тогда является необходимымъ измѣненіе дыхательныхъ органовъ, выражающееся въ совершенствованіи или переустройствѣ легочныхъ клѣточекъ, въ которыхъ происходитъ дыханіе. Эти измѣненія, *благопріятныя* или *гибельныя*, разростаются и вліяютъ на весь организмъ. *Если они вызываютъ вредныя послѣдствія, животныя, претерпѣвающія ихъ, вымираютъ и замѣняются другими формами, нѣсколько измѣненными примѣнительно къ новымъ условіямъ»*.

Приведенныя разъясненія чрезвычайно важны, такъ какъ они точно устанавливаютъ различіе между ученіями Ламарка и Жоффруа Сентъ Илера. Ламаркъ предполагаетъ, что внѣшній міръ вліяетъ на живыя существа только чрезъ посредство ихъ привычекъ; слѣдовательно, каждый организмъ до нѣкоторой степени самъ участвуетъ въ претерпѣваемыхъ имъ измѣненіяхъ. Жоффруа, не возставая безусловно противъ идеи Ламарка *), разсматриваетъ наоборотъ, организмъ, какъ нѣчто пассивное, и видитъ въ постепенномъ измѣненіи живыхъ существъ результатъ прямого вліянія среды. Для Ламарка, какъ и для Бюффона, главнѣйшимъ истребителемъ животныхъ является человѣкъ; оба эти великіе натуралиста не считаютъ возможнымъ, чтобы виды въ состояніи были исчезнуть съ лица земли безъ участія человѣка. Жоффруа, наоборотъ, думаетъ, что виды исчезаютъ естественнымъ путемъ, когда организація ихъ не соотвѣтствуетъ болѣе средѣ, въ которой они должны жить, или когда они претерпѣли вредныя для ихъ существованія измѣненія. Строки, напечатанныя курсивомъ въ предыдущемъ отрывкѣ, показываютъ, что Жоффруа приписываетъ это исчезновеніе настоящему естественному подбору; во всякомъ случаѣ, этотъ подборъ есть дѣло самой среды; онъ не вызванъ быстрымъ наростаніемъ числа особей и борьбой за существованіе, которая является слѣдствіемъ этого наростанія, тѣмъ не менѣе

*) Жоффруа возстаетъ въ особенности противъ выбора доказательствъ, на которыя опирается Ламаркъ въ своемъ ученіи. Что же касается самаго вліянія привычекъ на измѣненія организмовъ, мы думаемъ, что ни одинъ физіологъ не усомнится въ немъ. Легко назвать большое количество органическихъ формъ, какъ бы застывшихъ по наслѣдственности въ положеніи, наиболѣе привычномъ имъ, положеніи, которое послужило исходной точкой для многихъ важныхъ измѣненій организма.

для Жоффруа совершенно ясенъ важный фактъ самостоятельнаго исчезновенія видовъ, безъ всякихъ толчковъ и переворотовъ, исчезновенія, которое онъ ставитъ на ряду съ другимъ важнымъ явленіемъ—образованіемъ новыхъ видовъ.

Причины образованія ихъ могутъ быть, впрочемъ, весьма многочисленны. Къ незамѣтнымъ измѣненіямъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ цитированныхъ выше строкахъ, присоединяются, по мнѣнію Жоффруа, внезапныя измѣненія, тѣ, напримѣръ, которымъ онъ приписываетъ превращеніе пресмыкающагося въ птицу, измѣненія такого характера, которыя обыкновенно даютъ уродовъ. Въ особыхъ случаяхъ уродъ, котораго исключительныя особенности, по счастливому совпаденію, соотвѣтствуютъ новому образу жизни, возможному въ данной средѣ, можетъ сдѣлаться родоначальникомъ новаго вида и даже новаго типа, вдругъ происшедшаго отъ типа, по внѣшности отъ него отличающагося. Почему бы, думаетъ Жоффруа, явленія, происходящія такъ часто у насъ на глазахъ въ теченіе эмбріональнаго развитія, не могли быть утилизированы природой въ видахъ достиженія разнообразія ея типовъ.

Это сравненіе между явленіями эмбріональнаго развитія особи и возникновеніемъ путемъ эволюціи особыхъ типовъ совершенно справедливо считается однимъ изъ самыхъ блестящихъ выводовъ философіи зоологіи. Жоффруа всегда помнитъ о немъ, описывая и объясняя превращенія безхвостыхъ амфибій.

«Каждый годъ,—говоритъ онъ *),—мы присутствуемъ при зрѣлищѣ, доступномъ не только нашимъ умственнымъ, но и тѣлеснымъ очамъ, когда мы видимъ, что организмъ превращается, переходя изъ одного класса животныхъ въ другой: я говорю о превращеніи лягушекъ. Эти животныя подъ именемъ головастиковъ сначала представляютъ рыбъ, а затѣмъ подъ именемъ лягушекъ—рептилій. Теперь мы можемъ узнать, какъ совершается это чудесное превращеніе. Здѣсь въ дѣйствительности происходитъ то, что мы раньше высказали, какъ гипотезу—переходъ организма отъ низшей ступени развитія къ непосредственно слѣдующей высшей

«Физіологическіе факты превращенія головастика были собраны и выяснены моимъ знаменитымъ другомъ Эдвардсомъ **) въ сочиненіи, озаглавленномъ «Вліяніе физическихъ агентовъ на жизнь», а факты изъ области анатоміи—многими натуралистами и въ особенности д-ромъ Мартенъ Сентъ-Анжъ.

---

*) Mémoire sur l'influence du monde ambiant pour modifier les formes animales, p. 82. 1831.

**) Здѣсь говорится о Вилльямѣ Эдвардсѣ, братѣ Анри Мильнъ-Эдвардса.

«Явленія развитія, обусловливающія превращеніе безхвостыхъ амфибій, произошли отъ совокупнаго дѣйствія свѣта и кислорода, а измѣненіе въ строеніи тѣла—отъ появленія новыхъ кровеносныхъ сосудовъ, которые въ такомъ случаѣ подчинены закону равновѣсія органовъ въ томъ смыслѣ, что если жидкости кровеносной системы устремляются преимущественно въ новые пути, то этихъ жидкостей остается меньше на долю прежнихъ. Эти измѣняющіеся сосуды, сокращаясь въ одномъ мѣстѣ и расширяясь въ другомъ, измѣняютъ отношенія органовъ, къ которымъ они направляются, а такъ какъ сосуды идутъ ко всѣмъ частямъ тѣла, то превращеніе становится полнымъ, благодаря атрофіи и разрушенію однихъ частей и чрезмѣрному разростанію другихъ, бывшихъ раньше въ зачаточномъ состояніи. Докторъ Эдвардсъ, держа головастиковъ подъ водой, замедлялъ или даже останавливалъ ихъ превращеніе. Экспериментъ, произведенный въ малыхъ размѣрахъ, природа повторила въ большомъ масштабѣ съ протеями крайнскихъ подземныхъ озеръ. Это пресмыкающееся, лишенное возможности испытывать вліяніе свѣта и почерпать въ немъ энергію для дыханія свободнымъ воздухомъ, навсегда остается въ состояніи личинки, головастика; тѣмъ не менѣе, оно можетъ свободно передать потомству эти исключительныя особенности организаціи, свойственныя его виду, особенности, которыя, быть можетъ, были присущи первымъ пресмыкающимся, когда весь шаръ земной былъ подъ водой». Но Жоффруа не только констатируетъ вліяніе среды, онъ рекомендуетъ, какъ нѣкогда Бэконъ, путемъ опыта опредѣлять условія, влекущія за собой прочныя измѣненія организмовъ; онъ отмѣчаетъ результаты уже готовыхъ опытовъ, напримѣръ, измѣненія нашихъ домашнихъ животныхъ, измѣненія, которыя претерпѣли животныя, привезенныя изъ Америки; этими результатами остается только воспользоваться. «Натуралисты нашего времени,—говоритъ онъ,—такъ занятые описаніями отдѣльныхъ тѣлъ и явленій природы, такъ искусно пользующіеся своимъ скальпелемъ для того, чтобы проникнуть во внутренній лабиринтъ организованныхъ существъ, кажется, боятся изслѣдованія вопроса о соотношеніяхъ и взаимномъ вліяніи другъ на друга различныхъ частей вселенной; эти изслѣдованія, очень трудныя сами по себѣ, еще болѣе трудны въ силу ихъ новизны, но за то они полны высокаго философскаго интереса и богаты послѣдствіями».

Это та самая программа, часть которой такъ прекрасно выполнилъ Чарльзъ Дарвинъ, потому что Жоффруа подъ взаимнымъ вліяніемъ частей вселенной ясно разумѣетъ вліяніе, которое оказываютъ другъ на друга существа, принужденныя жить бокъ-о-бокъ.

Жоффруа предвидитъ также, что измѣненіе, которое претерпѣваетъ одинъ органъ, не можетъ не отразиться на другихъ; если одна группа органовъ разростается, то это происходитъ обыкновенно въ ущербъ другимъ, уменьшающимся въ ростѣ только благодаря увеличенію первыхъ; отсюда возникаютъ соотношенія, тѣмъ болѣе многочисленныя, что всѣ эти совмѣстныя измѣненія могутъ зависѣть отъ измѣненій одного какого-нибудь органа; слѣдовательно, имѣетъ смыслъ изслѣдованіе вопроса о томъ, *«какой изъ чрезмѣрно развившихся органовъ имѣетъ преобладающее вліяніе, когда другіе играютъ роль его второстепенныхъ сотоварищей»*. Жоффруа, слѣдовательно, имѣлъ ясное понятіе объ этихъ соотносительныхъ измѣненіяхъ, по поводу которыхъ Чарльзъ Дарвинъ въ своихъ послѣднихъ работахъ высказывалъ сожалѣніе, что раньше не придавалъ имъ достаточнаго значенія. Въ 1835 году Жоффруа формулируетъ, наконецъ, въ своемъ *«Etudes progressives d'un naturaliste»* свое воззрѣніе на живыя существа и ихъ происхожденіе, говоря: «По моему мнѣнію существуетъ только одинъ планъ, по которому созданы организмы, постоянно совершенствующіеся и послѣдовательно прогрессирующіе, въ силу предварительныхъ перемѣнъ въ условіяхъ внѣшняго міра и подъ всемогущимъ вліяніемъ этихъ условій».

Въ ту же эпоху, другой великій геній—Кювье съ неподражаемымъ талантомъ поддерживаетъ и защищаетъ прямо противоположныя воззрѣнія. Отсюда возникаетъ горячій споръ, исторію котораго мы не можемъ обойти молчаніемъ, потому что споръ этотъ не прошелъ безполезно для естественно-исторической философіи и выяснилъ значеніе доктринъ, которыя безъ этого долгое время оставались бы безплодными.

Глава X.

Жоржъ Кювье.

Сходство съ Линнеемъ; вліяніе первыхъ работъ Кювье на его научную дѣятельность; перевороты, которымъ подвергался земной шаръ; теорія послѣдовательныхъ твореній и миграцій.—Характеръ наведеній Кювье. — Порядокъ появленія животныхъ; спеціальное твореніе главныхъ группъ.—Естественная классификація: тяготѣніе къ принципу конечныхъ причинъ; принципъ условій существованія; законъ соотношенія формъ; законъ подчиненности признаковъ.—Четыре типа животныхъ.

Мы только-что показали, какое тѣсное духовное родство соединяло съ Бюффономъ двухъ великихъ натуралистовъ: Ламарка и Жоффруа. Они повторили и развили почти всѣ положенія зооло-

гической философіи, которыя содержатся въ его Естественной Исторіи: одинъ—съ громадными знаніями и поразительной силой синтеза, другой — съ удивительной проницательностью и логикой, наконецъ, съ геніемъ, который умѣетъ поставить всѣ вопросы, извлечь неожиданные выводы изъ всѣхъ отраслей науки и воспользоваться ими для своей конечной цѣли: для того, чтобы открыть планъ творенія. Кювье представляетъ такое же сходство съ Линнеемъ.

Его блистательныя открытія, его высокое развитіе быстро доставили ему первое мѣсто среди естествоиспытателей. Слѣдуетъ отмѣтить, что самыя раннія работы у него и у Жоффруа относились къ совершенно различнымъ областямъ. Жоффруа жилъ въ Парижѣ и еще студентомъ занимался, подъ руководствомъ Добантона, изученіемъ высшихъ позвоночныхъ. Молодой Жоржъ Кювье состоялъ домашнимъ учителемъ въ фамиліи Гериси, провелъ 8 лѣтъ въ замкѣ Фикенвиль, близъ Фекампа, и отдавалъ свои досуги изученію животныхъ низшихъ, животныхъ безпозвоночныхъ, которыхъ море доставляетъ тамъ въ такомъ изобиліи. Въ ихъ строеніи не бросится въ глаза единство плана. Почти всѣ морскія безпозвоночныя, за исключеніемъ ракообразныхъ, были отнесены у Линнея въ классъ червей. Понятно, этотъ классъ долженъ былъ казаться разнохарактернымъ собраніемъ животныхъ, между которыми нѣтъ другого сходства, кромѣ того, что всѣ они низшія. Уже въ 1795 года, едва достигши 26 лѣтъ, Кювье рѣшается уничтожить этотъ классъ, казавшійся ему настоящимъ хаосомъ. Онъ распредѣляетъ всѣхъ безпозвоночныхъ, всѣхъ животныхъ съ бѣлой кровью, какъ называли ихъ еще со временъ Аристотеля, на шесть классовъ. Вотъ ихъ перечень:

Моллюски;
Насѣкомыя;
Ракообразныя;
Черви;
Иглокожія;
Зоофиты.

Въ этомъ распредѣленіи обнаруживается глубокое пониманіе сходствъ и различій между животными, тогда еще мало извѣстными. Замѣчательно, что оно болѣе подходитъ къ современной классификаціи, чѣмъ та система, на которой остановился Кювье впослѣдствіи. Впечатлѣнія юности—самыя живыя и часто оказываются самыми вѣрными. Съ этихъ поръ Кювье проникнутъ мыслію о значительныхъ различіяхъ между животными съ бѣлой кровью и убѣжденъ, что они отдѣлены отъ позвоночныхъ глубо-

кою бездною. Ему не освободиться отъ этихъ представленій; на него не окажетъ теперь вліянія идея объ единствѣ животнаго царства, которая неодолимо привлекала Жоффруа до послѣднихъ дней его жизни.

Жоржъ Кювье.

Уже въ этомъ первомъ мемуарѣ находимъ указаніе на нѣкоторыя изъ тѣхъ соотношеній, открытіе которыхъ прославитъ Кювье впослѣдствіи. Они выражены у него почти такъ же, какъ въ сочиненіяхъ Аристотеля: «Всѣ животныя съ бѣлой кровью, у

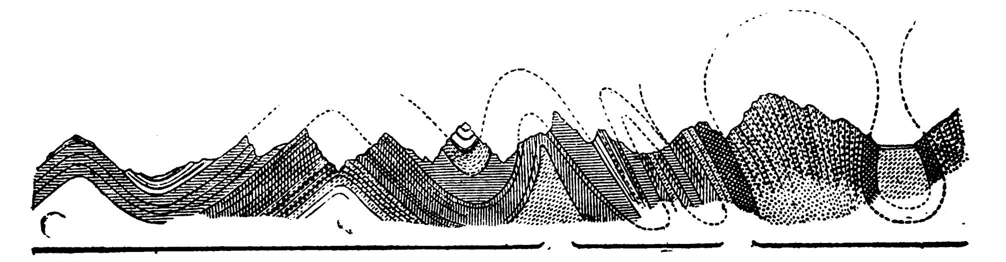
которыхъ есть сердце, снабжены также жабрами; тѣ животныя, у которыхъ нѣтъ сердца, но имѣется спинной сосудъ, дышутъ при помощи трахей; всѣ тѣ, которыя снабжены сердцемъ и жабрами, имѣютъ также печень,—у остальныхъ ея нѣтъ». Кювье не пытается объяснить эти соотношенія: онъ просто прилагаетъ ихъ къ классификаціи; онъ отмѣчаетъ ихъ, какъ законы природы, вытекающіе изъ непосредственнаго наблюденія фактовъ. И эта осторожность въ разсужденіяхъ будетъ развиваться все сильнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ того какъ онъ будетъ подвигаться впередъ въ своей научной карьерѣ.

Эти первые результаты были сообщены Жоффруа С.-Илеру еще въ 1794 году, когда Кювье жилъ въ Нормандіи. Они вызываютъ въ молодомъ профессорѣ музея взрывъ энтузіазма. «Пріѣзжайте», пишетъ онъ своему будущему сопернику, «пріѣзжайте занять среди насъ мѣсто новаго Линнея». Эти слова справедливы: въ лицѣ Кювье возвышается новый Линней. Онъ обниметъ своимъ обширнымъ геніемъ и законы методическаго распредѣленія животныхъ, и законы ихъ организаціи; онъ воскреситъ картины прошлаго, отдѣленныя отъ насъ безконечнымъ рядомъ вѣковъ; онъ оживитъ предъ воображеніемъ своихъ современниковъ міръ вымершихъ животныхъ, который не удалось созерцать ни одному человѣческому оку и который, повидимому, долженъ былъ навсегда остаться погребеннымъ въ нѣдрахъ коры земной.

Продолжая свои работы надъ низшими животными, Кювье послѣдовательно даетъ цѣлый рядъ мемуаровъ: анатомія моллюска patella (1792 г.); анатомія улитки (1795); строеніе моллюсковъ и дѣленіе ихъ на порядки (1795); новый родъ моллюсковъ phyllidiidae (1796); моллюскъ Lingula; анатомія асцидій (1797), кровеносные сосуды піявокъ (1798); черви съ красною кровью (1802); моллюскъ «морской заяцъ»; полипъ veretillum и кораллы вообще (1803); семейство biphora, куда Кювье относилъ сальпъ и нѣкоторыхъ другихъ tunicata (1804); различные крылоногіе и голожаберные моллюски. Въ то же время онъ дѣлаетъ многочисленныя экскурсіи въ естественную исторію позвоночныхъ и собираетъ цѣнныя данныя относительно костей вымершихъ животныхъ, которыя начинаютъ выкапывать во всѣхъ странахъ. Наконецъ, въ 1811 г. онъ излагаетъ свои выводы по вопросу объ исчезнувшихъ животныхъ въ капитальномъ трудѣ, которому даетъ скромное названіе: «*Изысканія относительно ископаемыхъ костей*».

Въ началѣ этого произведенія онъ помѣщаетъ родъ предисловія. Оно сдѣлалось знаменитымъ подъ названіемъ «*Разсужденіе о переворотахъ на земномъ шарѣ*». Здѣсь Кювье излагаетъ общія

заключенія, къ которымъ привели его работы относительно происхожденія и древности животнаго царства. Стиль этого разсужденія полонъ изящества, ясности и величія; на современниковъ оно произвело глубокое впечатлѣніе: долгое время оно давало направленіе изысканіямъ геологовъ и палеонтологовъ и часто, незамѣтно для авторовъ, подсказывало имъ заключеніе ихъ сочиненій. Кювье собираетъ въ немъ факты; постоянно чувствуется стремленіе предоставить слово исключительно фактамъ. Онъ ставитъ задачею излагать только ближайшія слѣдствія, вытекающія изъ нихъ. Съ самаго начала отбрасываются всѣ теоріи; не безъ нѣкотораго удовольствія мы присутствуемъ при крушеніи всѣхъ системъ, придуманныхъ, чтобы объяснить прошлое земного шара при помощи какого-нибудь смѣлаго наведенія. Начинаетъ, наконецъ, казаться, что въ естественную исторію вводится точность



Складки въ горахъ.

доказательствъ, неизвѣстная до той поры. По мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся впередъ въ чтеніи этого образцоваго произведенія, укрѣпляется увѣренность, что каждый шагъ дѣлается твердо, каждое пріобрѣтеніе прочно, каждое положеніе—отнынѣ непоколебимо. Этотъ методъ состоитъ въ томъ, чтобы идти параллельно съ фактами, никогда не отклоняясь, не пытаясь привести ихъ въ порядокъ съ помощью какой-нибудь общей идеи. Онъ сдѣлался правиломъ могучей школы; его выставляли, какъ методъ самой науки. Вотъ почему любопытно прослѣдить, какіе результаты далъ онъ въ рукахъ великаго натуралиста, который былъ его иниціаторомъ въ началѣ этого вѣка.

Глубокіе разрывы, какіе наблюдаются въ громадныхъ горныхъ цѣпяхъ, несогласное расположеніе пластовъ, «складки», «сбросы»—все это наводитъ Кювье на мысль, что земной шаръ былъ театромъ многочисленныхъ переворотовъ, ужасныхъ катастрофъ, которыя много разъ потрясали его поверхность. Кто не получилъ бы такого же впечатлѣнія, созерцая, напримѣръ, наши Пиренеи съ ихъ смѣщенными гребнями, съ поднятыми и перевер-

нутыми пластами, съ ущельями, настолько отвѣсными, какъ будто какая-то исполинская шпага однимъ ударомъ высѣкла ихъ на склонахъ горъ? Вотъ фактъ точный, яркій, поразительный; невольно кажется, что природа захвачена здѣсь наблюдателемъ врасплохъ, что она не имѣла времени, не успѣла исправить безпорядокъ, въ которой повергли ее послѣднія конвульсіи. Картина ужасныхъ катастрофъ представляется уму прямымъ выводомъ изъ наблюдаемыхъ фактовъ, и Кювье утверждаетъ, что эти катастрофы были.

Болѣе того: онѣ произошли внезапно. Доказательствомъ являются трупы носороговъ и мамонтовъ, которые сохранились во льдахъ Сибири совершенно цѣлыми, съ ихъ мясомъ и кожею. Безъ сомнѣнія, эти животныя были заморожены вскорѣ послѣ того, какъ погибли; иначе они разложились бы, и отъ нихъ остались бы только скелеты. Но гдѣ живутъ современные слоны и носороги? Въ знойномъ климатѣ Африки. Слѣдовательно, климатъ Сибири былъ жаркимъ, когда эти крупныя животныя жили въ ней, и то же самое мгновеніе, которое уничтожило ихъ, должно было оледенить страну, гдѣ они обитали.

«Это событіе, — прибавляетъ Кювье, — произошло быстро, внезапно, безъ предварительной подготовки. Данный выводъ, ясно доказанный для послѣдней изъ катастрофъ, не менѣе примѣнимъ къ тѣмъ, которыя предшествовали ей. Разрывы и разнообразныя перемѣщенія пластовъ болѣе древнихъ не позволяютъ сомнѣваться, что внезапныя и могучія причины привели ихъ въ положеніе, въ какомъ мы ихъ видимъ. Движенія массы водъ могутъ быть доказаны грудами обломковъ и округленныхъ валуновъ, которые залегаютъ во многихъ мѣстахъ среди твердыхъ пластовъ. Итакъ, ходъ жизни на землѣ часто нарушался ужасными переворотами. Безчисленное множество животныхъ становилось жертвою этихъ катастрофъ: одни изъ нихъ, обитатели суши, гибли, поглощенные потопами; другія, населявшія лоно водъ, оказывались на сушѣ, когда дно морей внезапно поднималось. Самыя породы ихъ исчезали навсегда и оставляли въ мірѣ только нѣсколько обломковъ, которые съ трудомъ опредѣляются натуралистами.

«Вотъ къ какимъ слѣдствіямъ неизбѣжно приводятъ предметы, которые мы встрѣчаетъ на каждомъ шагу, которые мы могли бы обнаружить въ каждое мгновеніе, почти во всѣхъ странахъ. Куда бы мы ни взглянули, эти великія событія ясно описаны для глаза, способнаго читать исторію по ея памятникамъ».

Положеніе высказано безъ всякихъ оговорокъ; факты кажутся рѣшительно подавляющими, разсужденія—совершенно точными.

Остановившись на мысли, что перевороты вызывались какими-то внезапными и могучими усиліями, Кювье старается доказать, что тѣхъ явленій, какія нынѣ наблюдаются на землѣ, недостаточно, чтобы объяснить эти ужасныя событія. Въ бѣгломъ очеркѣ онъ перебираетъ дѣйствія дождя, вѣтра, проточной воды, морскихъ волнъ, вулканическихъ явленій и землетрясеній; этихъ силъ недостаточно. Объ измѣненіяхъ въ положеніи земной оси и о возможномъ вліяніи ихъ Кювье говоритъ всего нѣсколько словъ: «Эти два движенія... не имѣютъ отношенія къ тѣмъ результатамъ, величіе которыхъ мы только-что отмѣтили. Ихъ крайняя медленность не позволяетъ объяснять съ ихъ помощью катастрофы, которыя, какъ показано, совершались внезапно». Итакъ, силы, нынѣ дѣйствующія, объявлены недостаточными, чтобы объяснить современное состояніе коры земной; причины пресловутыхъ «переворотовъ» окутаны тайною; трудно будетъ разсѣять ее. Остается вопросъ о продолжительности того періода спокойствія, во время котораго развилась наша исторія. Кювье, опираясь на свидѣтельство нѣкоторыхъ историческихъ или археологическихъ документовъ, опредѣляетъ ее, приблизительно, въ шесть тысячъ лѣтъ.

Извѣстно, къ какимъ выводамъ пришли геологи въ настоящее время. Всѣ согласны, что современный періодъ имѣлъ продолжительность, несравненно бо́льшую *). Всѣ признаютъ, что современный видъ земной поверхности созданъ явленіями, вполнѣ похожими на тѣ, которыя совершаются и въ наши дни. Всѣ утверждаютъ, что эти явленія происходятъ медленно и постепенно, что никогда не было ни всеобщихъ катастрофъ, ни внезапныхъ переворотовъ. Наконецъ, доказано, что слоны и носороги, погребенные во льдахъ Сибири, были приспособлены по своей организаціи къ жизни въ холодныхъ странахъ.

Всѣ эти заключенія стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ тѣми, къ какимъ пришелъ Кювье. Какъ объяснить, что въ ту эпоху, когда Жоффруа и Ламаркъ уже поддерживали идеи, торжествующія въ настоящее время, такой выдающійся, логичный и точный умъ, какъ Кювье, не призналъ ихъ? Въ «*Разсужденіи о переворотахъ*» господствуетъ убѣжденіе, что наука стоитъ предъ загадками, которыя долго останутся неразрѣшимыми,—что всѣ попытки въ этомъ направленіи — безполезны. Кювье безъ труда показываетъ несостоятельность объясненій, данныхъ его предшествен-

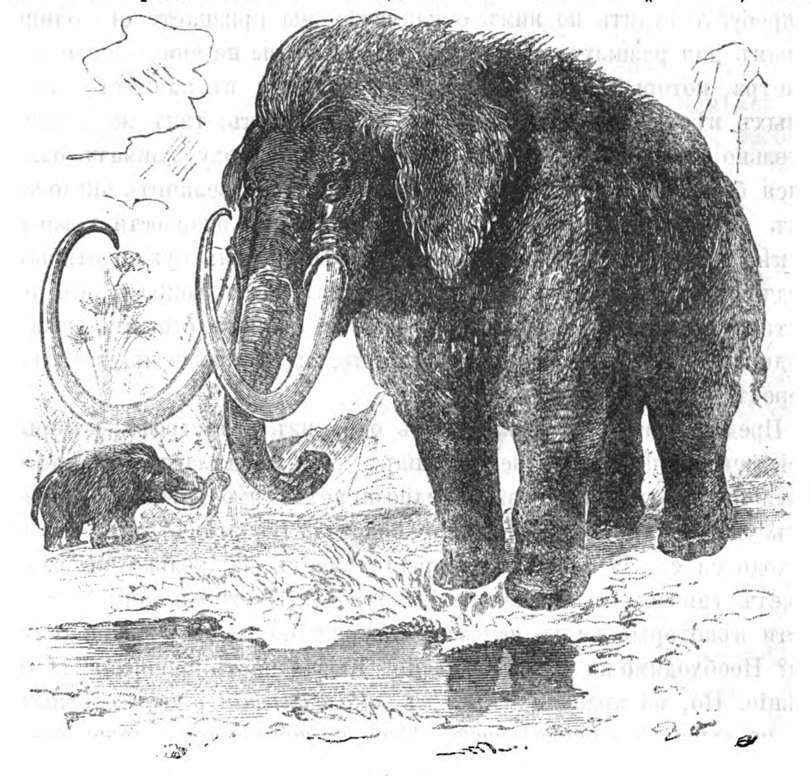
*) По этому вопросу см. Мушкетовъ. Физическая геологія. Часть II. Глава X: «Геологическое лѣтоисчисленіе».

никами: великія имена Декарта, Лейбница, Кеплера, Ньютона поставлены въ его критикѣ рядомъ съ именами Робине и Тельямеда. Общія идеи, при помощи которыхъ распредѣляются факты, уже хорошо извѣстные, исключены совершенно. Но человѣческій разумъ никогда не отказывается отъ своихъ правъ; въ немъ живетъ неодолимая потребность комбинировать и дѣлать выводы, потребность, которая существовала во всѣ времена, которая была источникомъ и необходимымъ условіемъ языка, которая сдѣлала изъ человѣка то, что̀ онъ есть. Разъ два факта представляются ему одновременно, онъ невольно предполагаетъ между ними непосредственное отношеніе причины и слѣдствія, если никакая теорія не предупреждаетъ его, что между этими двумя фактами слѣдуетъ представить громадное число другихъ фактовъ, необходимыхъ, чтобы установить между ними истинную связь. Причинное отношеніе между данными двумя фактами продолжаетъ оставаться непонятнымъ. Тогда разуму вспоминается божественная воля съ ея всемогуществомъ, какъ единственное объясненіе. Теперь все становится возможнымъ, и онъ принимаетъ во всемъ объемѣ тѣ выводы, которые, по его мнѣнію, вытекаютъ изъ сближенія двухъ данныхъ фактовъ, какъ бы нелѣпы ни казались они.

Кювье былъ слишкомъ проникнутъ сознаніемъ слабости человѣческаго разума предъ лицомъ природы, слишкомъ убѣжденъ въ ничтожествѣ системъ Лейбница и Бюффона, изъ которыхъ ему слѣдовало бы, въ концѣ концовъ, заимствовать нѣкоторыя истины. Еслибъ этого не было, еслибъ онъ отнесся съ меньшимъ презрѣніемъ къ общимъ понятіямъ, онъ не такъ скоро повѣрилъ бы, что какая-нибудь страна могла мгновенно перейти отъ зноя къ леденящему холоду. Онъ поставилъ бы вопросъ, дѣйствительно ли слоны и носороги, найденные въ Сибири, были хорошо приспособлены къ жизни въ жаркихъ странахъ, которыми ограничены теперь аналогичные виды. Онъ обратилъ бы вниманіе на ихъ густую шерсть; быть можетъ, онъ открылъ бы, какъ это это сдѣлано теперь, что мамонты жили вмѣстѣ съ толпами сѣверныхъ оленей, что это были животныя холодныхъ странъ, что, слѣдовательно, Сибирь покрылась слоями льда не въ тотъ моментъ, когда они умерли, а задолго до этого. Возникли бы въ его умѣ сомнѣнія и относительно катастрофъ, которыя онъ думалъ объяснить; быть можетъ, самыя катастрофы показались бы ему невѣроятными; идеи Ламарка и Жоффруа относительно медленности измѣненій, какія совершаются на поверхности земного шара, могли бы пролить свѣтъ на этотъ вопросъ, и намъ не пришлось бы видѣть, какъ устанавливается въ наукѣ методъ разсужденія, кото-

рый до сихъ поръ тяжело отзывается на различныхъ отрасляхъ естественной исторіи.

Никто не допускаетъ теперь всеобщихъ катастрофъ и внезапныхъ переворотовъ. Но и въ наше время часто воображаютъ, что прочныя пріобрѣтенія въ наукѣ возможны только при одномъ условіи: если отказываются отъ всякой попытки широкаго освѣщенія фактовъ при помощи общей идеи, если ограничиваются самыми непосредственными выводами изъ точныхъ фактовъ, хотя



Мамонтъ.

бы они остались внѣ всякой связи съ другими фактами, раньше извѣстными и, повидимому, болѣе далекими. Приведу примѣры. Иногда въ смежныхъ пластахъ коры земной различныя фауны смѣняютъ одна другую безъ всякой постепенности, внезапно. Отсюда произвольно заключаютъ, что эти фауны измѣнились тоже внезапно. Почему бы не поставить вопроса: какой промежутокъ времени можетъ соотвѣтствовать простой щели, раздѣляющей данные пласты? Далѣе: флора и фауна первичнаго періода оказываются однообразными. Быстро дѣлается выводъ, что въ это время на всей землѣ царилъ одинаковый климатъ, и что всѣ моря

отличались однѣми и тѣми же особенностями. Но вѣдь это однообразіе можно объяснить иначе: различные типы организмовъ, тѣсно приспособленные къ опредѣленнымъ усдовіямъ существованія, просто не имѣли времени развиться. Исключите изъ современной флоры растенія двусѣмянодольныя и односѣмянодольныя; исключите изъ фауны: млекопитающихъ, птицъ, пресмыкающихся, земноводныхъ, костистыхъ рыбъ и насѣкомыхъ; не покажутся ли тогда современная фауна и флора страшно однообразными? Попробуйте судить по нимъ о климатѣ; вы признаете его одинаковымъ для разныхъ мѣстностей. Но вѣдь вы не уничтожите термометра, который ясно показываетъ разницу въ климатѣ этихъ самыхъ мѣстностей. Кто знаетъ: можетъ быть, такъ же неосновательно утвержденіе, будто въ первичную эпоху климатъ отличался большимъ однообразіемъ. Мы могли бы увеличить число такихъ примѣровъ. Но и теперь ясно, какія опасности грозятъ наукѣ вслѣдствіе преувеличенной осторожности: нужно открыть предъ разумомъ всѣ пути, нужно разсматривать вопросы съ извѣстной высоты, а, вмѣсто того, его заставляютъ сложить крылья и удерживаютъ въ лабиринтѣ фактовъ, гдѣ можно подвигаться впередъ только ползкомъ.

Представимъ, что происходитъ одна изъ катастрофъ, которыя періодически потрясали земной шаръ. Что же дѣлается съ растеніями и животными? Кювье предполагаетъ, что каждый переворотъ уничтожалъ большое число видовъ. Въ этомъ онъ сильно расходится съ Ламаркомъ, который думаетъ, что только человѣкъ можетъ уничтожать произведенія природы. Пусть въ данной мѣстности нѣкоторые виды исчезли совершенно; какъ замѣщаются они? Необходимо ли новое твореніе? Кювье часто приписывали это мнѣніе. Но, по крайней мѣрѣ, въ «*Разсужденіи о переворотахъ*» оно не выражено вполнѣ ясно; Кювье, повидимому, даже отказывается отъ него. «Впрочемъ», говоритъ онъ: «когда я указываю, что каменистые пласты содержатъ кости многихъ родовъ, а рыхлые пласты—кости многихъ видовъ, теперь не существующихъ, я не утверждаю, что необходимо было новое твореніе, чтобы произвести современные виды. Я говорю только, что ихъ не было въ мѣстахъ, гдѣ видятъ ихъ въ настоящее время, и что они должны были явиться здѣсь потомъ».

Но эта страница относится къ человѣку и высшимъ животнымъ, именно къ млекопитающимъ. Въ другомъ же мѣстѣ Кювье принимаетъ, что различные классы животныхъ появились послѣдовательно; отсюда вытекаетъ, что каждый изъ нихъ былъ предметомъ особаго творенія. Изложивши порядокъ, въ какомъ встрѣ-

чаются ископаемыя, Кювье говоритъ: «Слѣдовательно, есть основанія думать, что моллюски и рыбы не существовали въ эпоху, когда отлагались самые первые пласты. Должно также вѣрить, что четвероногія яйцеродящія произошли въ началѣ вторичной эпохи, а четвероногія наземныя появились, по крайней мѣрѣ, въ значительномъ числѣ, уже гораздо позже, послѣ того, какъ успѣли отложиться мощные мѣловые пласты».

«Выше расположены исключительно рыхлые пласты: мергели, пески, песчаники и глины. Они указываютъ скорѣе на переносъ болѣе или менѣе неправильный, чѣмъ на спокойное осажденіе. Если же среди этихъ наносныхъ земель попадаются изрѣдка каменистые пласты разной величины, они обнаруживаютъ, вообще, признаки прѣсноводныхъ отложеній».

«Остатки четвероногихъ живородящихъ, въ большинствѣ случаевъ, попадаются или въ прѣсноводныхъ отложеніяхъ, или въ раньше упомянутыхъ наносныхъ пластахъ. Слѣдовательно, есть основанія думать, что эти четвероногія появились на землѣ, или по крайней мѣрѣ, что остатки ихъ стали отлагаться въ пластахъ лишь послѣ того, какъ совершилось предпослѣднее отступленіе моря, и во время того промежутка, который предшествовалъ послѣднему его наступленію».

Итакъ, Кювье «склоненъ думать», что каждая изъ крупныхъ группъ животнаго царства, перечисленныхъ нами выше, была предметомъ особаго творенія.

Что же касается видовъ, они для Кювье неизмѣнны; для него это—фактъ доказанный: онъ вѣритъ, что современный періодъ продолжался не болѣе 6.000 лѣтъ, и что животныя, сохранившіяся въ египетскихъ гробницахъ со временъ самой глубокой древности, ничѣмъ не отличаются отъ современныхъ. Ясно, что это доказательство теряетъ значительную часть своей силы, если продолжительность современной эпохи увеличить, по крайней мѣрѣ, въ 10 разъ, какъ дѣлаютъ это геологи. Притомъ даже относительно постоянства видовъ Кювье допускаетъ оговорки: если виды неизмѣнны у высшихъ животныхъ, этого вывода нельзя еще переносить на животныхъ съ бѣлой кровью. Желая объяснить, почему его палеонтологическія изысканія касаются, главнымъ образомъ, млекопитающихъ, Кювье пишетъ: «Раковины показываютъ, что тамъ, гдѣ онѣ образовались, существовало море; но измѣненія видовъ у нихъ могли, строго говоря, зависѣть отъ легкихъ измѣненій въ природѣ или температурѣ жидкой среды». Конечно, можно предположить, что это мѣсто относится скорѣе къ переселеніямъ видовъ, чѣмъ къ ихъ морфологическимъ измѣненіямъ, и

то, что слѣдуетъ далѣе, говоритъ скорѣе за такое толкованіе. Но въ началѣ своего разсужденія Кювье выражается яснѣе:

«Понятно, что при такихъ перемѣнахъ въ составѣ жидкости, животныя, обитавшія въ ней, не могли остаться неизмѣнными... Такимъ образомъ, въ ихъ природѣ послѣдовалъ рядъ измѣненій, которыя были вызваны измѣненіями жидкой среды или, по крайней мѣрѣ, соотвѣтствовали имъ; и эти измѣненія постепенно привели классы водныхъ животныхъ къ ихъ современному состоянію».

Мы согласны. что по поводу этой выдержки можно спорить. Но когда писатель такъ хорошо владѣетъ своимъ перомъ, какъ Кювье, и все-таки допускаетъ неясности въ своей фразѣ, позволительно думать, что данная мысль не вполнѣ укрѣпилась въ его умѣ. Мы хотѣли доказать только это.

Слѣды той же неопредѣленности можно отмѣтить въ размышленіяхъ относительно вида, которыя развиты Кювье въ началѣ его книги «*Царство животныхъ*» *):

«Нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобы всѣ различія, наблюдаемыя нынѣ между организованными существами, могли быть созданы обстоятельствами. Все, что высказывалось въ защиту этого мнѣнія, гипотетично. Опытъ приводитъ, *повидимому*, къ противоположному заключенію: *при современномъ состояніи земного шара*, разновидности заключены въ опредѣленныхъ, довольно тѣсныхъ границахъ, и какъ бы далеко ни проникали мы въ глубину древности, мы видимъ эти границы тѣми же, что и нынѣ».

Чтобы остаться въ согласіи съ фактами, Кювье долженъ былъ остановиться на этихъ положеніяхъ. Вмѣсто того, онъ быстро дѣлаетъ обобщеніе и приходитъ къ выводу, котораго совсѣмъ не оправдываетъ незначительное число наблюдавшихся фактовъ:

«Итакъ, *обязательно* признавать, что извѣстныя формы существовали *съ самаго начала вещей*, не выходя за опредѣленныя границы, и всѣ существа, принадлежащія къ одной изъ этихъ формъ, составляютъ *видъ*. Разновидности это—случайныя подраздѣленія вида».

«Такъ какъ разможеніе является единственнымъ средствомъ выяснить, до какого предѣла могутъ простираться разновидности, должно опредѣлить видъ, какъ совокупность индивидуумовъ, происходящихъ одинъ отъ другого или отъ общихъ родителей, и такихъ, которые насколько же похожи на нихъ, насколько они схожи между собою».

Сдѣлаемъ общій выводъ. Мы видимъ, что Кювье твердо убѣж-

---

*) Изданіе 1829 г., стран. 9.

денъ въ существованіи внезапныхъ и всеобщихъ переворотовъ, измѣнявшихъ поверхность земного шара. Эти перевороты уничтожаютъ большую часть видовъ въ той области, гдѣ они происходятъ. Позднѣе эти виды замѣщаются другими, которые могутъ переселиться изъ мѣстностей, пощаженныхъ катастрофой. Слѣдовательно, нѣтъ нужды предполагать новое твореніе непремѣнно послѣ каждаго переворота; однако оно было возможно, и, во всякомъ случаѣ, извѣстно, что различные классы животнаго царства появлялись на землѣ послѣдовательно, одинъ за другимъ. Морскіе виды могли отчасти переживать катастрофы, потрясавшія поверхность суши; но такъ какъ составъ воды въ теченіемъ времени несомнѣнно много разъ мѣнялся, виды, обитавшіе въ данной мѣстности, подвергались соотвѣтственнымъ измѣненіямъ. Такова теорія Кювье. Какъ всегда случается, она была преувеличена нѣкоторыми изъ его учениковъ; многіе изъ нихъ приняли, какъ непоколебимый догматъ, гипотезу *послѣдовательныхъ твореній* или, точнѣе, спеціальныхъ твореній для каждаго геологическаго періода.

Въ сущности, этотъ вопросъ не имѣетъ большого значенія были-ль созданы животныя и растенія всѣ разомъ, или творческое всемогущество проявлялось нѣсколько разъ. Если допустить, вмѣстѣ съ Кювье, что виды неподвижны, неизмѣнны, что каждый изъ нихъ былъ предметомъ особаго творческаго акта, нѣтъ основаній заниматься ихъ происхожденіемъ. Вся дѣятельность Кювье принимаетъ другое направленіе: очень многія животныя представляютъ въ своей организаціи неоспоримыя сходства; существуютъ также другія, которыя раздѣлены глубокими отличіями. Кювье формулируетъ эти отличія наиболѣе точнымъ образомъ; онъ свяжетъ эти сходства законами, которые явятся въ то же время законами организаціи; онъ сдѣлается, съ одной стороны, основателемъ естественной классификаціи животныхъ, съ другой— однимъ изъ творцовъ сравнительно анатоміи.

Во времена Линнея въ наукѣ господствовало стремленіе установить точныя различія между видами, которыя разсматриваются, какъ формы неподвижныя, неизмѣнныя. Прежде всего ищутъ способа съ быстротою опредѣлять виды уже извѣстные; потомъ даются названія тѣмъ, которые еще не были описаны. Этотъ пересмотръ живыхъ существъ неизбѣжно приводитъ къ признанію между ними различныхъ степеней сходства. Хотя главное вниманіе обращено было на отличія, нельзя было не видѣть, что виды растеній и животныхъ можно расположить длинными рядами, въ которыхъ смежныя формы раздѣлены ничтожными отличіями, а

крайнія формы, повидимому, очень далекія одна отъ другой, связаны между собою толпою посредниковъ. Этотъ фактъ привелъ Бонне къ идеѣ о лѣстницѣ живыхъ существъ, Бюффона и Жоффруа къ ученію объ единствѣ плана строенія. Онъ же внушилъ шилъ Ламарку мысль объ эволюціи и теорію происхожденія видовъ; онъ же далъ Линнею, обоимъ Жюсье и Кювье увѣренность, что существуетъ извѣстный планъ творенія, который мы должны воспроизвести въ своей классификаціи животныхъ. Возможна лишь одна классификація, соотвѣтствующая этому плану природы: каждый видъ занимаетъ въ ней опредѣленное мѣсто между двумя смежными видами, которые представляютъ наибольшее съ нимъ сходство. Разъ это мѣсто опредѣлено, отсюда можно вывести всю организацію даннаго растенія или животнаго. Эту идеальную классификафію называютъ *естественнымъ методомъ* и заботливо отличаютъ отъ тѣхъ *искусственныхъ системъ*, какими, за неимѣніемъ лучшихъ, должны были удовольствоваться первые классификаторы.

Еще Линней указалъ, что найти естественный методъ — одна изъ великихъ задачъ, стоящихъ предъ человѣческимъ умомъ. Къ ея рѣшенію стремились послѣ него многіе натуралисты. Оба Жюссье усиливаются установить принципы, на которыхъ этотъ методъ долженъ быть примѣненъ къ растеніямъ. Кювье, убѣжденный, что хорошій методъ это—сама наука, опредѣляетъ и развиваетъ эти принципы въ отношеніи къ царству животныхъ. «Для того, чтобы методъ былъ хорошъ,—говоритъ онъ,—нужно, чтобы каждое существо носило при себѣ свои отличительные признаки; поэтому нельзя отмѣчать въ качествѣ признаковъ свойства или привычки, которыя проявляются временно: они должны заключаться въ строеніи». Этими простыми словами совершенно исключается эмбріологія, къ которой, однако, обращаются нынѣ за рѣшеніемъ всѣхъ трудныхъ проблеммъ сродства, и которая въ близкомъ будущемъ выяснитъ, вѣроятно, истинныя генеалогическія отношенія между животными. Исключительной основой классификаціи становится анатомія.

Какія же черты организаціи слѣдуетъ принимать во вниманіе, чтобы установить въ царствѣ животныхъ крупныя подраздѣленія? Кювье отмѣчаетъ, что не всѣ черты имѣютъ одинаковую цѣну. «Есть,—говоритъ онъ,—такія особенности организаціи, которыми исключаются другія; есть, наоборотъ, такія, которыя неизбѣжно приводятъ къ другимъ. Когда изучаютъ въ животномъ ту или другую черту организаціи, необходимо дать себѣ отчетъ, какія особенности сосуществуютъ съ нею и какія являются несовмѣсти-

мыми. Части, свойства или черты строенія, которыя связаны съ другими наибольшимъ числомъ этихъ отношеній сосуществованія или несовмѣстимости, другими словами, которыя оказываютъ на организмъ наибольшее вліяніе, это—*признаки важные*, *признаки господствующіе;* другія являются *признаками подчиненными;* существуютъ въ этомъ отношеніи различныя степени».

Понятно, когда устанавливаются дѣленія наиболѣе обширныя, нужно принимать во вниманіе признаки наиболѣе важные; затѣмъ переходятъ къ другимъ, въ порядкѣ ихъ важности. Слѣдовательно, существуютъ признаки отдѣла, класса, порядка, рода и вида. Очевидно, что эта идея была уже въ умѣ Линнея, когда онъ устанавливалъ свою іерархію зоологическихъ и ботаническихъ дѣленій. Это *принципъ подчиненности признаковъ* сдѣлался основаніемъ метода. Но выписка, только-что приведенная нами, содержитъ изложеніе другого принципа, на которомъ Кювье построилъ сравнительную анатомію. Это *принципъ соотношенія формъ*, выражающій двѣ идеи: 1) части животнаго такъ связаны между собою, что «ни одна изъ нихъ не можетъ измѣняться, не вызывая въ то же время измѣненій въ другихъ» *); 2) слѣдовательно, разъ дана форма одного органа, можно по ней опредѣлить всѣ другія. Это—предположенія крайне смѣлыя и, быть можетъ, они не такъ тѣсно связаны между собою, какъ можно предположить по тексту Кювье. Если, по примѣру Кювье, разсматривать тѣло животнаго, какъ функцію многихъ перемѣнныхъ, эта функція *a priori* представляется столь сложною, число перемѣнныхъ столь значительнымъ, что невольно возникаетъ вопросъ, не будутъ ли рѣшенія обыкновенно кратными и часто неопредѣленными. Кювье съ самаго начала ограничиваетъ задачу посредствомъ другого принципа, повидимому, болѣе опредѣленнаго: это—*принципъ условій существованія*, по которому каждое животное владѣетъ только тѣмъ, что ему нужно, чтобы обезпечить свое существованіе въ данныхъ условіяхъ. Принципъ соотношенія формъ кажется, на первый взглядъ, естественнымъ слѣдствіемъ этого предположенія. Между тѣмъ, оно—не что иное, какъ *принципъ конечныхъ причинъ*. Этому послѣднему Кювье приписываетъ особое значеніе, считая его единственнымъ основаніемъ, на которое могутъ опираться наведенія естественныхъ наукъ.

Но, обратившись къ приложеніямъ, Кювье вынужденъ спуститься съ высотъ, на которыя занесъ его слишкомъ смѣлый порывъ его генія. Въ концѣ-концовъ, онъ говоритъ о принципѣ со-

---

*) *Discours sur les révolutions du globe*, édit. Didot, p. 62.

отношенія формъ. «Въ общемъ видѣ этотъ принципъ настолько ясенъ, что не нуждается въ доказательствахъ болѣе подробныхъ. Но когда дѣло идетъ объ его приложеніяхъ, можно указать очень много случаевъ, гдѣ нашихъ теоретическихъ знаній объ отношеніяхъ между формами недостаточно, если не опираться на наблюденіе. Такъ какъ эти отношенія постоянны, у нихъ должна быть достаточная причина. Но мы не знаемъ ея, вотъ почему пробѣлъ въ теоріи приходится дополнять при помощи наблюденія. Оно приводитъ насъ къ эмпирическимъ законамъ, которые являются почти столь же точными, какъ законы раціональные, если наблюденія были повторены достаточное число разъ». Здѣсь ясно выразилась разница между методами Жоффруа С.-Илера и Кювье, здѣсь можно видѣть, насколько не одинаково ихъ значеніе. Дѣло идетъ о причинѣ, объясняющей соотношенія между частями организма; Жоффруа старается угадать ее, Кювье отказывается отъ такой безразсудной попытки. Не зная этой причины вполнѣ, Жоффруа успѣваетъ отчасти опредѣлить ее; благодаря этому, онъ получаетъ возможность вычислять и предвидѣть органическія комбинаціи, очень далекія отъ тѣхъ, какія осуществились у современныхъ животныхъ. Напротивъ, Кювье, лишенный такого руководителя, обязанный неотступно держаться наблюдаемыхъ фактовъ, не можетъ заходить такъ далеко. Мало того, что онъ добровольно отказывается отъ цѣннаго метода открытій: его исключительная вѣра въ силу существующихъ фактовъ приводитъ его и въ геологіи, и въ палеонтологіи къ ошибкамъ, противъ которыхъ ничто не могло предостеречь его. Жоффруа предвидитъ, ищетъ и находитъ зачатки зубовъ у зародышей китовъ и птицъ: находки птицъ, снабженныхъ зубами, такихъ, какъ *Гесперорнисъ* или *Ихтіорнисъ* изъ мѣловыхъ пластовъ Америки, для него—фактъ предусмотрѣнный. Кювье, напротивъ, не могъ бы предугадать подобнаго открытія, еслибъ оставался вѣрнымъ своему методу; даже болѣе: положимъ, ему доставили бы для опредѣленія отдѣльную челюсть зубастой птицы; принципъ соотношенія формъ непремѣнно заставилъ бы его приписать эту челюсть пресмыкающемуся. Подобно всѣмъ людямъ, проникнутымъ общею руководящею идеею, Жоффруа находится въ привиллегированномъ положеніи наблюдателя, помѣщеннаго на высокой вершинѣ: предъ нимъ развертывается обширная панорама: деревни, города, лѣса, рощи, поля, горы и долины рисуются со всѣми подробностями, со всѣми отношеніями величины и расположенія. Кювье совѣтуетъ никогда не забираться на подобныя вершины: по его мнѣнію, нужно подвигаться впередъ, не отводя глазъ отъ предмета наиболѣе близкаго; нужно идти мед-

ленно, шагъ за шагомъ и не приступать къ описанію страны, пока не исходили ее пѣшкомъ по всѣмъ тропинкамъ. Когда онъ обращается къ Жоффруа, кажется, будто видишь льва, совѣтующаго орлу никогда не дѣлать употребленія изъ своихъ крыльевъ.

Въ дѣйствительности, принципъ соотношенія формъ всегда оставался въ области метафизики. Истинный методъ, примѣненный Кювье въ палеонтологіи, методъ, который привелъ его къ открытіямъ, состоялъ просто въ точномъ сравненіи ископаемыхъ скелетовъ и частей ихъ съ соотвѣтствующими скелетами современныхъ животныхъ. Такое сравненіе требовало глубокихъ знаній, которыми вполнѣ обладалъ Кювью. Въ другихъ рукахъ этотъ методъ съ его догматическими пріемами полонъ опасностей, какъ оказывалось много разъ впослѣдствіи. Жоффруа, напротивъ, въ своей теоріи аналоговъ оставлялъ послѣ себя методъ такой точности, что онъ сдѣлался у всѣхъ анатомовъ обычнымъ методомъ изслѣдованія.

Въ области зоологіи Кювье точнѣе держится дороги, указанной принципомъ подчиненности признаковъ. Однако, рѣшая вопросъ, «каковы тѣ главные признаки, которые нужно положить въ основаніе первыхъ подраздѣленій», онъ поступаетъ *a priori*. «Очевидно», говоритъ онъ: «это—признаки, связанные съ животными функціями, т.-е., съ чувствительностью и движеніемъ: эти функціи не только дѣлаютъ изъ даннаго организма животное, но еще устанавливаютъ степень его животности» *).

Итакъ, прежде всего Кювье обращается къ нервной системѣ, которой онъ приписываетъ исключительную важность. Онъ дошелъ до того, что сказалъ: «нервная система это, въ сущности—все животное; другія системы существуютъ только для того, чтобы поддерживать ее и служить ей» **). Онъ признаетъ, что нервная система представляетъ въ царствѣ животныхъ четыре различныхъ типа: или она состоитъ изъ головного или спинного мозга, заключенныхъ въ костныя оболочки; или образована изъ массъ, разсѣянныхъ среди внутренностей и соединенныхъ нервными волокнами; бываетъ еще, что ее составляютъ два длинныхъ, узловатыхъ брюшныхъ ствола, которые связаны кольцомъ съ двумя узлами, лежащими надъ пищеводомъ; наконецъ, у нѣкоторыхъ животныхъ трудно различить нервную систему. Опираясь на свои наблюденія, Кювье резюмируетъ свои идеи относительно царства животныхъ въ слѣдующемъ отрывкѣ:

---

*) Règne animale, 2 édit., 1829, t. I, p. 46.
**) Annales du Muséum d'histoire naturelle, t. XIX, p. 76, 1812.

«Если разсмотрѣть царство животныхъ по принципамъ, только-что изложеннымъ, если отбросить въ сторону предразсудки относительно дѣленій, принятыхъ раньше, если принять во вниманіе исключительно организацію и природу животныхъ, а не величину и полезность ихъ, не размѣры нашихъ свѣдѣній о нихъ и другія случайныя обстоятельства, мы найдемъ, что существуютъ четыре главныхъ формы, четыре общихъ плана, по которымъ, повидимому, были образованы всѣ животныя. Дальнѣйшія подраздѣленія основныхъ формъ, какое бы названіе ни присвоивали имъ натуралисты, являются лишь легкими измѣненіями, которыя опираются на развитіе или прибавку нѣкоторыхъ частей и ничего не мѣняютъ въ сущности плана».

Итакъ, единство плана строенія отвергнуто; существуютъ четыре различныхъ плана, между которыми нельзя найти никакого перехода. Почему четыре, не болѣе и не менѣе? Кювье не занимается такими вопросами: это—выводъ изъ наблюденій, это—фактъ, не допускающій ни спора, ни объясненія, ни толкованія. Есть четыре типа въ устройствѣ нервной системы, поэтому принимается четыре отдѣла; вотъ и все разсужденіе. Но какъ не отмѣтить, что въ этомъ разсужденіи предполагается гипотеза: *нервная система это, въ сущности,—все животное, а другіе органы существуютъ только для того, чтобы поддерживать ее и служить ей.* Въ настоящее время ни одинъ анатомъ и ни одинъ эмбріологъ не подпишется подъ такимъ предположеніемъ; а для Кювье оно—очевидная аксіома. Объясняется это тѣмъ, что Кювье выводитъ его не столько изъ наблюденія, сколько изъ другихъ принциповъ, въ сущности метафизическихъ.

Такъ какъ виды неизмѣнны, и каждый изъ нихъ былъ созданъ отдѣльно, естественно предположить, что система органовъ, управляющихъ тѣломъ, имѣетъ большое значеніе при развитіи составныхъ частей индивидуума. Такой системой, вѣрнымъ стражемъ творческой мысли, является нервная система. Она присутствуетъ уже въ «зародышѣ», хотя и нельзя отличить ее; во время роста она держитъ каждую часть въ опредѣленномъ отношеніи къ цѣлому. Зародышъ—точное подобіе организма, отъ котораго произошелъ; разница—въ размѣрахъ. Всѣ части въ немъ—на лицо, но въ скрытомъ видѣ; достаточно имъ увеличиться и развиться, чтобы зародышъ сдѣлался тожественнымъ съ родительскимъ организмомъ.

Такимъ образомъ, въ системѣ Кювье все тяготѣетъ къ мысли, что, если оставить въ сторонѣ внезапные перевороты, которые считаются доказанными, вся природа неизмѣнна. Угасшіе

— Онъ-то?—отозвался снова Калчо и посмотрѣлъ лукаво на Боримечку;—пусть намъ лучше разскажетъ, какъ онъ поборолъ Стайку...

Всѣ засмѣялись. Иванъ Остенъ, желая убѣдиться, что убійство турокъ не возбудило никакихъ подозрѣній, воскликнулъ:

— Такъ вотъ какъ? Сожрали ихъ волки? А не говорятъ ли турки, что болгаре убили полицейскихъ?

— Какъ? Да все село знаетъ! Дѣда Стойко, Богъ его прости,—сказалъ Калчо, плохо разобравшій вопросъ.

— Это мы слышали, но я спрашиваю: не имѣютъ ли турки подозрѣній, что болгаре убили полицейскихъ?

Калчо посмотрѣлъ съ недоумѣніемъ.

— Кто же это говоритъ? Когда же это было, чтобы болгаринъ нашего села убилъ полицейскаго? Говорю вамъ, волки сдѣлали это доброе дѣло, и турки готовятъ на завтра облаву на волковъ, чтобы прогнать звѣрей... Это и мнѣ будетъ въ помощь... Въ эту зиму изъ за этихъ гадинъ изъ хижины нельзя носу показать. На здоровье, ребята! Дай Богъ, чтобы дождались святого Рождества здоровые и веселые. А тамъ и вы сдѣлаете, какъ нашъ Мечка... Выпей, товарищъ! И Калчо подалъ бутылку Огнянову, у котораго силы вернулись подъ вліяніемъ благодѣтельной струи. Онъ поднялъ бутылку и сказалъ съ тронутымъ видомъ:

— Помянемъ, братцы, дѣда Стойко, мученика турецкой ярости. Да успокоитъ Господь его праведную душу, а намъ пусть дастъ мужественное сердце и сильную руку, чтобы бороться съ врагами Христовыми и возвращать имъ сторицей... Богъ да проститъ дѣда Стойко!

— Да проститъ Боже!—повторили остальные.

— Прости, Боже,—сказалъ Калчо, снимая шапку. Потомъ, обернувшись пріятельски къ Огнянову:—Товарищъ, ты славныя слова сказалъ, изъ твоихъ бы устъ да въ божьи уши. Дотянемъ еще немного, а тамъ будетъ перепалка... Какъ тебя звать? будемъ знакомы: меня зовутъ Калчо Богдановъ Букче, и Калчо протянулъ бутылку Огнянову.

Огняновъ назвался какимъ-то именемъ и выпилъ за доброе знакомство.

Компанія мало ѣла, щадя скудные припасы Калча, спустя немного, она распрощалась съ хозяиномъ, который вышелъ провожать ихъ за ворота. Здѣсь онъ снова обратился къ Огнянову:

— Товарищъ, прощай, забылъ твое имя; какъ будешь въ этихъ краяхъ, загляни ко мнѣ, потолкуемъ. Ты ладно разсказываешь... Въ добрый часъ!

Нѣсколько бодрыхъ словъ Огнянова сильно потрясли бѣднаго пастуха. Они не были новыми для него, ненависть къ притѣснителямъ онъ впитывалъ въ себя съ дѣтства, но «товарищъ» упомянулъ нѣсколько словъ о *борьбѣ*, и эти слова задѣли новую струну въ его душѣ и разбудили ее...

Компанія скоро исчезла: она спустилась въ долину около села, когда уже темнѣло.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Бѣлая-Церковь.

Приключеніе въ день св. Андрея совершенно измѣнило мирное до того существованіе Бѣлой-Церкви. Открытіе виновниковъ двухъ турокъ, вырытіе ихъ труповъ и разоблаченіе личности Бойчо привели въ ужасъ весь городокъ. Это событіе оказалось поистинѣ зловѣщимъ. Не только турецкія власти, но и все окрестное турецкое населеніе заговорило громко о мести. Оно съ нетерпѣніемъ ждало массовой рѣзни, а пока упивалось единичными злодѣйствами. По полямъ и дорогамъ, то тутъ, то тамъ, попадались все чаще трупы болгаръ, и сообщеніе между селами и городомъ стало крайне опаснымъ. Съ каждымъ днемъ слухи о предстоящей послѣ Рождества рѣзнѣ становились все болѣе настойчивыми. Паника, особенно среди женщинъ, росла. Патріотическія изліянія притихли, воодушевленіе испарилось. Соколовъ, какъ ближайшій товарищъ Бойчо, былъ арестованъ полиціей еще въ день св. Андрея; арестовали и дѣда Стояна-мельника, какъ соучастника убійства турокъ; хотѣла полиція схватить и дьякона Викентія, но онъ исчезъ. Женское общежитіе, съ своей стороны, вопреки желанію попечителей, поспѣшило изгнать изъ училища Раду, а Михалаки Алафранки предложилъ временно закрыть и мужское училище, дабы оно «повывѣтрилось». Оставили одного Мердвенджіева—для обученія маленькихъ дѣтей. Обыски и аресты продолжались еще цѣлый мѣсяцъ. Всѣ, знакомые болѣе или менѣе съ Бойчо, дрожали отъ страха, а его собратья по идеѣ опасались, чтобы какой-либо фатальный случай или предательство не отдали ихъ въ руки турецкихъ властей. Комитетъ распался самъ собой. Всѣ притаились у себя по домамъ. Господинъ Фратю сдѣлалъ еще лучше: онъ скрылся заграницу, въ Румынію, давъ себѣ честное слово не соваться впредь въ политику. Онъ прибылъ благополучно въ Букарестъ, гдѣ, увидѣвъ себя въ безопасности, снова сдѣлался горячимъ патріотомъ и республиканцемъ и явился къ эмигрантамъ въ качествѣ жертвы, спасшейся отъ висѣлицы. Затѣмъ онъ написалъ анонимно статью, въ которой агитировалъ за болгарскую республику. Но Каравеловъ *), занятый своими планами балканской федераціи съ княземъ Миланомъ во главѣ, разнесъ это замѣчательное произведеніе. Фратю отнесъ тогда свою статью къ Ботеву—въ «Знамя», но она и тамъ потерпѣла ту же участь (Ботевъ тогда грезилъ всемірнымъ соціализмомъ). Тогда Фратю отправился въ фотографію и снялся въ революціонной одеждѣ, вооруженный съ ногъ до головы, какъ ежъ. Но потомъ онъ подумалъ, что неблаго-

*) Любенъ Каравеловъ извѣстный болгарскій патріотъ и литераторъ, старшій братъ Петко Каравелова, современнаго политическаго дѣятеля.

разумно показывать себя въ такомъ опасномъ видѣ, и спряталъ портретъ вмѣстѣ съ республиканской статьей.

Только Ярославъ Брзобѣгунекъ остался неприкосновеннымъ въ своей форменной фуражкѣ съ золотымъ галуномъ. Никто не безпокоилъ австрійца.. Онъ продолжалъ добросовѣстно фотографировать бѣлоцерковцевъ, и такъ какъ ему недоставало нѣкоторыхъ необходимыхъ кислотъ для обмыванія негативовъ, то послѣдніе оставались мрачными и темными, и посѣтители съ удивленіемъ смотрѣли на развѣшанные по комнатѣ портреты какихъ-то негровъ... Въ то же время Брзобѣгунекъ поддерживалъ корреспонденцію съ эмигрантами...

Мало-по-малу, однако, страхи бѣлоцерковцевъ затихали и смѣлость молодежи снова оживала. За первымъ открытіемъ не послѣдовало новыхъ. И всѣ оплакивали судьбу несчастнаго Огнянова: слухъ о его смерти подтверждался многими очевидцами. Турки, приходившіе на базаръ, разсказывали, что въ него попало три пули и что онъ умеръ въ Ахіевской рощѣ. Онбашій зналъ, что послѣднее еще не доказано, но и онъ подтверждалъ это. Нѣкоторые болгаре увѣряли, что графъ похороненъ Никōлой-портнымъ въ долинѣ, гдѣ послѣдній его нашелъ. Хаджи Ровоама трагически описывала конецъ Бойча: какъ онъ, раненый, притащился въ долину, и какъ ночью его съѣли живого волки. Эти разсказы погружали весь городъ въ скорбь. Огняновъ изъ героя сдѣлался мученикомъ и святымъ. О немъ создались легенды. Женщины ставили свѣчи за «великомученика Бойча»; попъ Ставри отслужилъ панихиду по немъ посреди панихиды по Хаджи-Бойчо. На ней присутствовала вся молодежь, къ великому изумленію родственниковъ честнаго покойника, пораженныхъ и тѣмъ, что попъ въ молитвѣ именовалъ Хаджи-Бойча— «*мученикомъ*» вмѣсто «*рабомъ*»...

Но были и другіе, которые остались довольны. Между ними Нечо Пиронковъ и Алафранка. Они смотрѣли высокомѣрно, какъ люди, считающіе себя правыми. Юрданъ довелъ свое усердіе до того, что запугалъ бея угрозой подать жалобу на его безпечность, если онъ вторично допуститъ разбойниковъ возмутить тишину вѣрнаго султану города. Что касается до Стефчова, онъ не имѣлъ особенно торжествующаго вида послѣ своего ночного приключенія у Милки. Спрятанный до послѣдняго времени у себя дома, онъ, наконецъ, снова показался. Событіе съ Огняновымъ, поглотившее всеобщее вниманіе, ослабило его позоръ. Сначала онъ высунулъ за ворота носъ; потомъ подошелъ къ колодцу, когда тамъ никого не было, напиться воды. На другой день онъ дерзнулъ выйти на площадь, даже посѣтилъ нѣкоторыхъ пріятелей, и наконецъ посѣтилъ кофейню. Позоръ сдѣлалъ его еще нахальнѣе. Однако, его сватанье за Лалку не удалось: Юрданъ безжалостно прогналъ Михалаки и хаджи Сміона, которые сунулись было къ нему рано утромъ въ день св. Андрея; имъ еще неизвѣстно было тогда приключеніе съ Милкой и Стефчовымъ... Но въ началѣ февраля гнѣвъ Юрдана утишился: Стефчовъ былъ обвѣнчанъ съ Лалкой!

Нужно сказать, что предательство Стефчова осталось никому неизвѣстнымъ: всю вину и негодованіе обрушивали на злосчастнаго идіота, у котораго игуменъ силой исторгнулъ сознаніе, что онъ былъ единственнымъ свидѣтелемъ зарытія турокъ. Тогда стали понятны и знаки, и восклицанія, которыми Мунчо, вѣроятно, выдалъ Бойчо; какимъ образомъ и передъ кѣмъ,—осталось неизвѣстнымъ. Его лишили свободы и заключили, какъ буйно-помѣшаннаго, въ башню у монастырскихъ воротъ.

Рада ходила все время совсѣмъ потерянная. Добрые люди, у которыхъ

она нашла пристанище, не знали, какъ ее утѣшить. «Пропадетъ дѣвка», говорили они съ сокрушеніемъ.

Съ теченіемъ времени и хорошіе порывы души возродились. Марко и Мичо Бейзадето, послѣ многократныхъ ходатайствъ, добились, наконецъ, того, что подъ ихъ поручительство выпустили на свободу Соколова, который, впрочемъ, оказался непричастнымъ исторіи съ трупами. Оба поручителя не знали, что они имѣли союзника, облегчившаго ихъ хлопоты. Этотъ тайный союзникъ, помогавшій бай Марко во время перваго освобожденія доктора былъ—теперь время это сказать—тотъ самый, котораго отгадала давно, вечеромъ, во время своей молитвы хаджи Ровоама: это была жена стараго бея. Случай свелъ однажды молодую жену бея съ докторомъ, и у послѣдняго не нашлось твердости Іосифа, чтобы устоять противъ искушенія... Благодаря этому кратковременному, давно уже прекратившемуся знакомству, Соколовъ и на этотъ разъ вывернулся изъ мучительнаго положенія.

Черезъ нѣсколько дней послѣ его освобожденія, Каблешковъ прибылъ въ городъ, въ качествѣ апостола, и поселился въ квартирѣ Брзобѣгунека. Тамъ онъ созвалъ членовъ распавшагося комитета, возбудилъ ихъ надежды рѣчью и повелъ ихъ прямо въ монастырь, гдѣ игуменъ Нафанаилъ взялъ съ нихъ клятву надъ евангеліемъ и благословилъ возстановленный комитетъ на дальнѣйшую работу. Послѣ этого подготовительная работа закипѣла съ еще большей силой. Въ началѣ апрѣля Каблешковъ снова прибылъ въ Бѣлую Церковь.

II.

Паціенты доктора Соколова.

Соколовъ ходилъ взволнованный по своей комнатѣ. Онъ часто поглядывалъ черезъ окошко на дворъ, который весь затонулъ въ зелени. Черешни и вишни, въ полномъ цвѣту, казались покрытыми снѣгомъ. Яблони простирали свои густыя вѣтви съ бѣлыми и румяными цвѣтами. Персики и абрикосы, какъ бы усыпанные чуднымъ жемчугомъ, лѣзли своими вѣтвями въ окна. Поросшая травою дорожка, пролегающая посреди двора, лежала въ тѣни, подобно аллеѣ, подъ склонившимися надъ нею переплетающимися вѣтвями плодовыхъ деревьевъ.

Очевидно, докторъ ожидалъ кого-то.

Онъ теперь значительно измѣнился. Лицо его, все еще красивое и добродушное, поблѣднѣло и исхудало, какъ у оправляющагося отъ болѣзни человѣка. Продолжительное заключеніе и нравственныя муки наложили на него печать скорби. Соколовъ сталъ нетерпѣливъ и желченъ.

Къ многочисленнымъ его страданіямъ въ заключеніи присоединилось новое: онъ узналъ, что Стефчовъ обвѣнчался съ Лалкой; это убивало его. Онъ поклялся въ душѣ, что при первой возможности убьетъ Стефчова, виновника всѣхъ злоключеній. Онъ былъ глубоко увѣренъ, что предательство было дѣломъ рукъ Стефчова. Онъ даже обдумалъ и средства къ уничтоженію послѣдняго, и его мстительный нравъ натолкнулъ его на самый жестокій планъ: онъ рѣшилъ бросить Стефчова въ лапы Клеопатрѣ. Какъ и гдѣ это устроить, онъ еще не придумалъ. Когда онъ вернулся въ городъ, первымъ дѣломъ его было зайти поблагодарить Марка Иванова и Мича Бейзадето. Затѣмъ онъ навѣстилъ Клеопатру, которую, послѣ его ареста, отвелъ къ себѣ тайкомъ Нечо Павлювъ. Бѣдный звѣрь, уже достаточно выросшій, сильно исхудалъ, и только послѣ нѣсколькихъ минутъ колебаній

узналъ своего стараго хозяина. Клеопатра успѣла уже одичать и охладѣть къ нему. Въ ней развились грубые инстинкты. Она часто и легко сердилась и показывала острые зубы — совсѣмъ не съ благими намѣреніями. Докторъ мысленно видѣлъ ненавистнаго Стефчова, сдавленнаго въ ея косматыхъ объятіяхъ, и заранѣе радовался. Но когда онъ узналъ, что всему виноватъ Мунчо, и когда возобновилъ свою дѣятельность революціонный комитетъ, онъ весь отдался великому дѣлу — подготовленію возстанія. Месть, принявшая теперь характеръ чисто личный, отошла въ его мысляхъ на задній планъ. Онъ рѣшилъ выпустить на волю и Клеопатру, которая его теперь стѣсняла.

Со времени своего возвращенія въ городъ, Соколовъ совершенно забросилъ лѣченіе. ни къ кому не ходилъ, и больные, изъ страха скомпрометировать себя, не ходили къ нему. Ступки, стклянки съ лѣкарствами, ящики съ покрытыми пылью медицинскими книгами, все это было нагромождено въ одну кучу въ кладовкѣ, и мыши успѣли скоро прочесть половину его фармакопеи.

Одинъ только больной еще рѣшался посѣщать доктора, — это былъ Ярославъ Брзобѣгунекъ. Вскорѣ по возвращеніи доктора, по неосторожности онъ ранилъ револьверомъ себѣ руку. Это несчастіе привлекло къ нему сочувствіе всѣхъ согражданъ и заставило его отказаться отъ своей фотографіи, которая давно уже отказалась отъ него.

Ворота хлопнули и показался именно Брзобѣгунекъ. Онъ былъ одѣтъ все въ тотъ же отрепанный и полинялый костюмъ, полученный отъ Огнянова, фуражка съ золотымъ галуномъ и огромные рыжіе бакенбарды все также должны были его уподоблять австрійцу. Правая рука, обмотанная бѣлыми тряпками, висѣла на повязкѣ. Онъ подвигался медленнымъ и осторожнымъ шагомъ, вѣроятно, для избѣжанія болей, которыя причинило бы его пораненной рукѣ быстрое движеніе. На лицѣ его, которое морщилось на каждомъ шагу, изображалось страданіе. Вошедши къ доктору, онъ внимательно осмотрѣлся вокругъ и бросилъ свою повязку на кровать.

— Добраго утра, товарищъ! — и подалъ руку.

Докторъ сильно стиснулъ ее, и при этомъ гость не обнаружилъ ни малѣйшаго признака страданія; потому что рана Брзобѣгунека была вымышленная: нужно было какъ-нибудь оправдать его частыя посѣщенія доктора.

— Что новаго? — спросилъ его докторъ.

— Каблешковъ пріѣхалъ.

— Пріѣхалъ? Когда?

— Поздно ночью, онъ у меня.

— Надо съ нимъ повидаться! — сказалъ живо докторъ.

— Онъ теперь въ лихорадкѣ. Всю ночь былъ въ огнѣ.

— Ахъ, бѣдняга!

— Да, но онъ все-таки не даетъ себѣ покоя, онъ мнѣ продиктовалъ три длинныхъ письма, которыя нужно сегодня же отправить. Настоящая ртуть... а еле дышетъ... Кашель его мучитъ...

— Надо пойти посмотрѣть его, — сказалъ докторъ, беря шапку.

— Нѣтъ, онъ спитъ теперь... Онъ поручилъ мнѣ созвать комитетъ къ вечеру, онъ самъ будетъ на засѣданіи...

— Пусть, бѣдняга, поспитъ! Нельзя ему на собраніе!

— Пойди, убѣди его, вѣдь ты знаешь, что это за голова... Созови членовъ на вечеръ.

— Ладно, я извѣщу предсѣдателя.

Брзобѣгунекъ кивнулъ головой и сказалъ:

— Ну, а сто червонцевъ добылъ?

— На оружіе? Добылъ.

Фотографъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на доктора.

— Вправду?

— Да говорю тебѣ...

— Кто ихъ далъ?

— Этого я не могу сказать.. тайна..

— Ты ихъ имѣешь у себя?— спросилъ все еще недовѣрчиво Брзобѣгунекъ.

— Нѣтъ, но мнѣ ихъ скоро принесутъ... Я ожидаю человѣка, который ихъ подарилъ.

— Браво, Соколовъ, молодецъ ты;— закричалъ фотографъ.

— Молчи!

— Ахъ! Откуда у тебя этотъ кинжалъ? — воскликнулъ Брзобѣгунекъ, вытаскивая блестящее оружіе изъ подъ жилета доктора.

— Иванъ Маджаръ мнѣ его сдѣлалъ... Теперь его заваливаютъ заказами... Хорошъ, не правда ли?

Брзобѣгунекъ всматривался въ какія то буквы, вырѣзанныя на лезвеѣ.

— С. или С. Что обозначаютъ эти буквы?

— Отгадай!

— Соколовъ или Стефчовъ?—спросилъ съ усмѣшкой Брзобѣгунекъ.

— Свобода или смерть!—сказалъ съ силою докторъ, въ которомъ напоминаніе о Стефчовѣ разбудило непріятное чувство.

Потомъ онъ прибавилъ:

— Теперь Стефчовъ-Мефчовъ и другія подобныя безобразія насъ не касаются, любезный другъ... Ты долженъ знать, что я забылъ все... Кто подготовляетъ революцію, долженъ все остальное забыть...

Брзобѣгунекъ посмотрѣлъ на него лукаво.

— И Лалку забываешь?— сказалъ онъ съ ехидной усмѣшкой.

Докторъ нахмурился. Онъ отвѣтилъ съ гнѣвомъ:

— Да, и Лалку!.. Я сказалъ тебѣ, что все забылъ и забуду... А ты большой болтунъ!

Было очевидно, по его раздраженному голосу, что онъ ничего не забылъ и не могъ такъ легко забыть. Ударъ, нанесенный его сердцу, или его самолюбію, былъ слишкомъ силенъ. Лихорадочная работа по приготовленію къ возстанію притупила на время боль раны, которая, однако, еще зіяла. Разнаго рода дѣла поглощали все его существо, всѣ его помыслы. Всѣ эти хлопоты опьяняли его до такой степени, что онъ терялъ ощущеніе нравственной боли; такъ вино дѣйствуетъ на пьяницу.

Появленіе во дворѣ Кандова положило конецъ непріятному разговору и отвлекло вниманіе доктора.

— Что за птица—его милость?— спросилъ Врзобѣгунокъ.

— Кандовъ—русскій студентъ.

— Знаю, но что онъ за человѣкъ?

— Философъ, дипломатъ, соціалистъ, нигилистъ... и кой дьяволъ знаетъ, что еще... Однимъ словомъ онъ боленъ вотъ здѣсь...

И Соколовъ показалъ пальцемъ на лобъ.

— Не хочетъ ли и онъ принять участіе въ народномъ дѣлѣ?

— Нѣтъ, къ чему оно ему? Видишь, ѣздитъ въ Россію, чтобы получить дипломецъ,—сказалъ сердито докторъ.

— Ахъ, эти ученые вороны! Терпѣть ихъ не могу! — воскликнулъ Брзобѣгунекъ.—Какъ увидишь когонибудь съ дипломомъ, такъ и вычеркивай его изъ числа людей... Народъ, свобода—это ихъ не касается... Подавай имъ комфортъ, жену, домикъ и благоразуміе!

— Брзобѣгунекъ, это — невѣрно, стой, у тебя есть дипломъ?

— У меня? Избави меня Богъ!

— Правда, и Бойчо ничего подобнаго не имѣетъ...—сказалъ докторъ.

— Если бы у меня былъ дипломъ, и я былъ бы подобнымъ осломъ... и ты, напримѣръ, если бы получилъ свой докторской аттестатъ въ какомъ-нибудь медицинскомъ факультетѣ, а не въ албанскихъ горахъ, и ты бы

думалъ какъ деньги зарабатывать, а не бунты строить...

Въ этотъ моментъ студентъ вошелъ въ корридоръ.

Брзобѣгунекъ быстро надѣлъ подвязку и сунулъ въ нее руку, такъ какъ студентъ уже стучалъ въ дверь.

— Антре́—крикнулъ докторъ.

Кандовъ вошелъ.

Ярославъ Брзобѣгунекъ поклонился ему учтиво и вышелъ.

Кандовъ даже не замѣтилъ его, такъ онъ былъ углубленъ въ свои думы.

Кандовъ былъ одѣтъ въ хорошо сшитое, но довольно поношенное уже, платье. Его блѣдное, худое лицо выражало страданіе и озабоченность, и тихая меланхолія свѣтилась въ его мечтательномъ взорѣ. Видно было, что какое-то горе кроется въ его душѣ. Съ нѣкотораго времени онъ сдѣлался совсѣмъ отшельникомъ.

По приглашенію доктора, онъ сѣлъ на единственный въ комнатѣ стулъ. Соколовъ усѣлся на кровать, весьма удивленный этимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ.

— Какъ ваше здоровье, господинъ Кандовъ?—спросилъ Соколовъ, полагая, что студентъ чѣмъ-нибудь боленъ. И онъ внимательно посмотрѣлъ на его сухое смуглое лицо.

— Слава Богу, я здоровъ,—отвѣтилъ Кандовъ кратко, почти машинально.

— Мнѣ пріятно видѣть, что вы совершенно поправились.

— Да я поправился, я здоровъ.

— Значитъ, снова уѣзжаете въ Россію?

— Нѣтъ, я не ѣду.

— Совершенно?

— Да, я остаюсь тутъ, навсегда,—отвѣтилъ Кандовъ глухимъ голосомъ.

Докторъ посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ и ироніей. Этотъ взглядъ какъ бы хотѣлъ сказать: «почему ты, другъ, не удираешь въ школу, къ философамъ? Здѣсь всюду пожаръ: здѣсь тебѣ нечего дѣлать».

Воцарилось молчаніе.

— Вы, можетъ, желаете поступить въ учителя?—спросилъ докторъ съ презрительнымъ участіемъ.

Кандовъ немного покраснѣлъ и, вмѣсто отвѣта, рѣзко спросилъ:

— Господинъ Соколовъ, когда у васъ засѣданіе комитета?

Этотъ дерзкій вопросъ поразилъ доктора.

— Какого комитета? — спросилъ онъ съ видомъ человѣка, который ничего не понялъ.

Кандовъ покраснѣлъ еще сильнѣй и сказалъ съ усиліемъ:

— Вашего комитета, не скрывайте, я знаю все... и кто въ немъ участвуетъ и гдѣ онъ засѣдаетъ... Все; не скрывайте отъ меня...

— Странно, что вы знаетъ столько вещей, когда онѣ васъ не интересуютъ... Но допустимъ, что это такъ... Что вы хотите этимъ сказать?—спросилъ докторъ, устремивъ на него пристальный и вызывающій взглядъ.

— Я васъ спрашиваю, скоро ли у васъ засѣданіе комитета?—повторилъ Кандовъ рѣшительно.

— Да скоро, сегодня вечеромъ!—отвѣтилъ докторъ тѣмъ же тономъ.

— Вы — вице - предсѣдатель, не такъ-ли?

— Вице-предсѣдатель, если угодно!

— Я пришелъ къ вамъ съ просьбой.

— Съ какой?

— Я прошу васъ предложить меня въ члены.

Голосъ студента дрожалъ отъ волненія.

Докторъ стоялъ пораженный: онъ не былъ подготовленъ къ такой неожиданности со стороны Кандова.

— Какъ такъ, Кандовъ?

— Просто, какъ болгаринъ... и я хочу работать.

Соколовъ подскочилъ.

— Дай, братъ, руку!—и онъ горячо его обнялъ и поцѣловалъ; потомъ прибавилъ:

— Съ радостью, съ большой радостью, господинъ Кандовъ, мы всѣ рады видѣть васъ среди насъ... грѣшно, чтобы такая сила, какъ вы, стояла въ сторонѣ... Борьба наша будетъ великая... Отечество насъ призываетъ... Мы должны быть всѣ, всѣ вмѣстѣ... Честь и слава тебѣ, Кандовъ!.. Какъ удивятся товарищи, когда я имъ скажу!.. Дай, братъ, руку!..

— Благодарю, докторъ,—сказалъ расчувствовавшійся студентъ,—и вы увидите, что Кандовъ не будетъ лишнимъ...

— О! я знаю, знаю!.. Почему ты не вступилъ, когда Огняновъ тебѣ предлагалъ?.. Ахъ, сердце мое разрывается отъ жалости... Мой несчастный Бойчо! Лучше бы умеръ я, а онъ бы жилъ и поднималъ народъ своимъ словомъ и примѣромъ... Знаешь ли, Кандовъ, это былъ истинный герой, великая душа!.. Ахъ, мы страшно отомстимъ за его смерть! Воздадимъ сторицей этимъ проклятымъ варварамъ!..

— Месть, да! — отвѣтилъ Кандовъ;—это единственное чувство, которое наполняетъ и меня въ данную минуту... Такого человѣка, какъ Огняновъ, нельзя простить убійцѣ

— Месть, и страшная!—воскликнулъ докторъ.

— Комитетъ соберется сегодня вечеромъ?

— Да, у бай Мичо; мы отправимся вмѣстѣ.

— Если меня примутъ, я внесу предложеніе.

— Какое?

— Убить убійцу Огнянова!

— Да онъ не одинъ, другъ... Ихъ нѣсколько... и гдѣ мы ихъ станемъ искать? Если хочешь, это все турецкое царство...

— По мнѣ, есть одинъ только виновникъ!

Докторъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Одинъ, и онъ среди насъ...

— Среди насъ?

— Да, прямой виновникъ его смерти.

— Ахъ, бай Кандовъ, стоитъ ли труда... мстить идіоту... Мунчо лишенъ сознанія. Этотъ несчастный самъ не понималъ, что онъ совершаетъ предательство... Онъ былъ такъ привязанъ къ Бойчо... Оставь, его, оставь...

Кандовъ вспыхнулъ. Увѣщеваніе Соколова его обидѣло

— Заблужденіе, господинъ Соколовъ! Заблужденіе! Кто вамъ говоритъ о Мунчо?..

— О комъ же вы говорите?

— О Стефчовѣ!

— Стефчовъ!—воскликнулъ докторъ пораженный.

— Стефчовъ! Онъ—предатель! Я знаю самымъ положительнымъ образомъ...

— Ахъ! мерзавецъ!.. и я его прежде подозрѣвалъ.

— Я знаю положительно, что онъ предалъ все туркамъ... Мунчо совершенно невиненъ... Вы всѣ слишкомъ поспѣшили съ обвиненіемъ противъ него... Стефчовъ посовѣтовалъ властямъ еще въ ту же ночь, когда его опозорили, копать около мельницы; онъ открылъ имя Огнянова при посредствѣ Мердвенджіева... Онъ совершилъ всѣ преступленія и ему вы обязаны всѣми несчастіями... Я знаю подробно всю эту темную исторію... и изъ самаго достовѣрнаго источника...

— Ахъ, онъ чортовъ сынъ!

— Я говорю, что хочу внести предложеніе.

— Какое?

— Я берусь убить его... Ты согласенъ? Принимаешь?—спросилъ быстро и съ горячностью Кандовъ.

Въ послѣднія нѣсколько минутъ Кандовъ съ каждымъ моментомъ выросталъ въ глазахъ Соколова. Но болѣе всего его взволновало, когда онъ увидѣлъ его готовность убить Стеф-

чова—противника святаго дѣла, когда онъ услышалъ, что Кандовъ берется совершить такой кровавый подвигъ, чтобы засвидѣтельствовать свою преданность идеѣ, которой онъ отдавался. У всякаго другого такая горячность показалась бы подозрительной; но у Кандова она была искренняя, это ясно читалось въ безпокойномъ огнѣ его взгляда, въ нервномъ трепетаніи и подергиваніи его воодушевленнаго теперь лица.

Соколовъ смотрѣлъ нѣкоторое время въ глаза Кандова, потомъ вскочилъ и сказалъ:

— Погоди, мы еще отправимъ этого мерзавца къ дьяволамъ... Мы будемъ тянуть съ тобой жребій, кому выпадетъ...

— Какъ? Я первый предложилъ его убить!

— И у меня есть съ нимъ счеты; и я имѣю большее право, чѣмъ ты... но, я сказалъ, жребій рѣшитъ...

Кандовъ посмотрѣлъ на него пристальнымъ, полнымъ глубокаго отчаянія взглядомъ, и крикнулъ:

— Стефчовъ—моя жертва, я ее никому не отдамъ!

Соколовъ мрачно ходилъ по комнатѣ. Онъ отвѣтилъ сухо и внушительно:

— Господинъ Кандовъ, сегодня вечеромъ комитетъ рѣшитъ...

При этихъ словахъ возбужденность Кандова улеглась.

— Хорошо,—сказалъ онъ глухо.

— Тогда намъ незачѣмъ болѣе тягаться, — сказалъ Соколовъ и на лицѣ его появилась улыбка. Онъ прибавилъ:

— А я хочу предложить, чтобы приняли мѣры и противъ другого подлеца; онъ теперь также опасенъ и прибылъ сюда нарочно, чтобы устроить пакость.

— Кто это?

— Ты его не знаешь. Это—шпіонъ Самановъ. Третьяго дня я его встрѣтилъ... пріѣхалъ изъ Филиппополя... Онъ прямо подошелъ ко мнѣ, уставился глазами и спрашиваетъ: «какъ подвигается ваше дѣло?» и мигнулъ мнѣ глазомъ,—знаешь, молъ, какое дѣло. И привязался ко мнѣ, какъ клещъ!.. Я успѣлъ вспотѣть, пока отдѣлался отъ него... Я убѣжденъ: этотъ проклятый уже пронюхалъ...

— Что вы полагаете дѣлать?

— Я скажу о немъ нѣсколько словъ въ засѣданіи, мы посмотримъ, какія мѣры нужно принять... А, идетъ!—воскликнулъ докторъ, увидѣвъ, что во дворъ вошелъ красивый, бѣлолицый юноша, одѣтый весьма прилично по европейски.

Видно было, что докторъ его поджидалъ, потому что онъ засуетился при его появленіи.

— Это, должно быть, вашъ паціентъ?—спросилъ студентъ.

— Да, пардонъ!—сказалъ докторъ и выскочилъ въ дверь.

Когда онъ вернулся, лицо его сіяло отъ удовольствія.

— Кто это? — спросилъ Кандовъ, смотря въ спину уходившему юношѣ.

— Пенчо Діамандіевъ, пріѣхалъ на-дняхъ изъ Габровской гимназіи.

— Какъ, шуринъ подлеца Стефчова и сынъ негодяя Юрдана?—спросилъ Кандовъ;—вы пріятели съ нимъ?

— Мы не пріятели, но мы болѣе, чѣмъ пріятели или братья... Мы товарищи: онъ членъ комитета...

III

Два полюса.

Чорбаджій Юрданъ старился и слабѣлъ быстро. Гастрическая болѣзнь, уже долгое время державшая его въ постели, отразилась сильно на его

характерѣ и сдѣлала его еще болѣе раздражительнымъ и нетерпѣливымъ.

Въ это утро погода стояла прекрасная, и онъ сдѣлалъ пѣшкомъ прогулку въ свой садъ, на краю города. Этотъ садъ, обширный и окруженный внушительной каменной оградой, со множествомъ цвѣтовъ и плодовыхъ деревьевъ, покрытыхъ свѣжей зеленью, хорошо повліялъ на больного старика. Прохладный чистый воздухъ и весеннее солнце его оживили. Его походка стала бодрѣе, когда онъ возвращался домой. Однако, когда онъ достигъ дома зятя своего Генка Гинкина, онъ почувствовалъ себя утомленнымъ, ноги его ослабѣли. Онъ зашелъ къ зятю.

Во дворѣ Генко Гинкинъ, еще бобѣе съежившійся и растерянный, держалъ на рукахъ запеленатаго ребенка, который кричалъ и плакалъ; онъ укачивалъ и убаюкивалъ его на груди, какъ нянька.

Юрданъ подошелъ къ стоявшему во дворѣ, покрытому коврикомъ, диванчику и тяжело усѣлся.

— Ребенка ты няньчишь, баба? А гдѣ та?

Подъ словомъ «та» Юрданъ разумѣлъ свою дочь.

Генко смутился, — смущеніе было его нормальнымъ состояніемъ, и заплетаясь, пробормоталъ:

— У нея работа, такъ я держу Юрданча... она мнѣ сказала подержать его и поносить... она, она работаетъ...

— Не дала ли она тебѣ также прялку?—спросилъ съ презрительной усмѣшкой Юрданъ.—Гино, свари мнѣ кофе!—крикнулъ онъ, не видя Гинки.

— Она мѣситъ, мѣситъ, у нея работа, дѣдо... потому я держу ребенка... кофе, кофе... кофе я тебѣ сдѣлаю, вотъ я иду. Я знаю, гдѣ ящикъ съ кофе и сахаръ, — бормоталъ Генко и, оставивъ ребенка на колѣняхъ у дѣда, убѣжалъ въ комнаты.

Ребенокъ запищалъ еще сильнѣе.

Юрданъ разсердился. Онъ сложилъ въ уголъ дивана ребенка, всталъ и закричалъ:

— Куда вы дѣлись, черти? Люди здѣсь или ослы? Гино, Гино!

— Тате, добро пожаловать! Въ чемъ дѣло? Здоровъ ли ты? Смотри, какое времячко славное, хорошо сдѣлалъ, что пошелъ гулять!—отозвалась Гинка съ порога, веселая и улыбающаяся.

На ней былъ бѣлый передникъ, руки были обнажены до локтей, зеленый платокъ сдвинулся на затылокъ, лицо—покрыто мукой. Въ этомъ видѣ она была очень интересна и напоминала бытовыя картинки фламандской школы.

— Что ты дѣлаешь? Что мнѣ наболтала эта баба? Что ты это набѣлилась, какъ мельничиха? Сдѣлать чашку кофе здѣсь некому,—ворчалъ гнѣвно и повелительно старикъ.

— Извини, тато, взялась и я за работу... А теперь я тебѣ сварю кофе... Генко! куда ты пропалъ? Возьми Юрданча и уложи его спать.

— Что же ты работаешь? Что мѣсишь?

— Я мѣсила, мѣсила... нужно же мѣсить... мы тоже не камень могильный... Мы благородные болгаре...— сказала Гинка и засмѣялась.

— Какіе болгаре? Что ты мѣсишь?—спросилъ, нахмурившись, ея отецъ.

— Сухари, тате!

— Сухари?

— А то, что же?.. Развѣ не нужно?

— Зачѣмъ вамъ сухари? Въ баню*), что ли, идете? Что это за разгулъ?

Вмѣсто отвѣта, Гинка расхохоталась.

---

*) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаріи, отправляясь въ баню, жители берутъ съ собою разные съѣстные припасы и пируютъ въ ней.

Прим. перев.

Юрданъ посмотрѣлъ на нее совсѣмъ пасмурно. Онъ не могъ выносить этого постояннаго и безпричиннаго смѣха дочери, которая по характеру была совершенной ему противоположностью.

Она подошла къ нему и сказала ему тихо:

— Кто теперь думаетъ о банѣ? Мы готовимъ сухари для другихъ: они нужны юнакамъ.

Юрданъ посмотрѣлъ на нее удивленно.

— Для какихъ юнаковъ?

— Для болгарскихъ юнаковъ, тате, что идутъ въ Балканы.

— О какихъ юнакахъ ты болтаешь, Гино?—спросилъ Юрданъ, все болѣе и болѣе пораженный.

Гинка подошла еще ближе и сказала:

— Для возстанія... Комитетъ намъ поручилъ вѣдь?..

И она снова расхохоталась.

Юрданъ подскочилъ на мѣстѣ. Онъ не вѣрилъ ушамъ своимъ.

— Для какого возстанія, какой комитетъ? для бунта, что-ли?

— Для бунта, для бунта!.. Мы не хотимъ больше повиноваться султану.—отвѣтила дерзновенно Гинка, но вдругъ она отскочила въ сторону, такъ какъ отецъ замахнулся чубукомъ, чтобы ударить ее.

Блѣдный, дрожащій отъ гнѣва, онъ закричалъ:

— Гино, ослиная дочь, пустоголовая баба, и ты хочешь бунтовать? Вмѣсто иголки и прялки, ты взяла себѣ въ голову кормить сухарями гайдуковъ и бродягъ? . Нѣтъ у тебя стыда, сумасшедшая!.. И она не захотѣла султана, видите ли? Собака противная! Что тебѣ сдѣлалъ султанъ? Ребенка забралъ, или на косу наступилъ? Бросила дѣтей и домъ и пошла валить султана! А ты что смотришь, индюкъ, и ты съ нею, и ты пойдешь подъ знамя?..—обернулся свирѣпо Юрданъ къ Генкѣ, который испуганно выглядывалъ изъ комнаты.

Генко Гинкинъ что-то пробормоталъ и снова скрылся въ комнату. Тамъ Гинка наскоро переодѣвалась, потому что она замѣтила, что отцовскій крикъ привлекалъ къ воротамъ любопытныхъ. Увидѣвъ Генка, она схватила туфлю и принялась его колотить по спинѣ.

— Негодяй, зачѣмъ ты сказалъ, что я мѣсила сухари?

Но Генко, съ гордымъ сознаніемъ своего мужского достоинства, не удостоилъ жену отвѣтомъ, а вбѣжалъ въ другую комнату и заперъ за собой дверь. Утвердивъ эту преграду между собой и туфлей жены, онъ язвительно зашепталъ:

— Ударь теперь, если можешь! Я твой мужъ и ты мнѣ жена!. Увидимъ, ударишь ли теперь!

Но Гинка его не слушала. Она вышла во дворъ, откуда отецъ ея уже ушелъ сердитый и дрожащій отъ гнѣва.

Юрданъ пришелъ домой совершенно измученный.

Онъ миновалъ, задыхаясь, дворъ и обезсиленный присѣлъ на первой ступени лѣстницы, ведущей на верхній этажъ

Чорбаджій Юрданъ былъ страшно возмущенъ. Хотя онъ и былъ долгое время прикованъ къ постели, но и до его ушей кое-что дошло. Тайна предстоящаго возстанія сдѣлалась общественной тайной, о ней слышали даже и глухіе. Но оно, какъ понялъ Юрданъ, готовилось гдѣ-то около Панагюрища, за горами и долами, и огонь, слѣдовательно, былъ далеко отъ его крова. Теперь, благодаря его легкомысленной дочери, онъ узналъ, что и Бѣлая-Церковь задымилась. «Что дѣлаютъ турки? Слѣпы-ли они или глухи, что не догадываются, какъ подкапываются подъ царство?» думалъ онъ.

Съ правой его стороны послыша-

лись дѣтскіе голоса. Надъ головой его было окошко, пропускавшее свѣтъ въ маленькую комнату. Юрданъ всталъ и сталъ подниматься по лѣстницѣ. На третьей ступенькѣ онъ машинально остановился и посмотрѣлъ въ окошко. Онъ увидѣлъ, что двое его младшихъ сыновей, изъ коихъ большему было едва двѣнадцать лѣтъ, стояли передъ каминомъ и что-то дѣлали. Они были до того поглощены своимъ дѣломъ, что не замѣтили головы отца, уставившагося въ окошко.

Одинъ держалъ на огнѣ желѣзную кострюлу и съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за тѣмъ, что жарилось или варилось въ ней. Другой рѣзалъ ножомъ и выравнивалъ какіе то темные шарики, которые кучкой лежали передъ нимъ. Это были литыя пули; а въ кастрюлѣ плавилось олово, которое они переливали въ форму.

— Злодѣи! Ослы!—закричалъ бѣшено Юрданъ, разобравъ, чѣмъ занимаются его сыновья, и, съ поднятымъ чубукомъ, вбѣжалъ въ комнату.

Сыновья бросили свою лабораторію, умчались, какъ вѣтеръ, на улицу и скоро пропали изъ глазъ.

— Гайдуки! Кровопійцы! Поджигатели! Проклятые! И они готовятъ бунтъ! — кричалъ Юрданъ, быстро поднимаясь по лѣстницѣ, такъ какъ ярость гальванизировала его ноги.

Наверху онъ столкнулся со своей женой.

— Жена! Не въ заговорѣ ли и ты? — спросилъ онъ грозно. — Вся семья сошла съ ума! Вы меня раззорите въ прахъ!.. Сгоритъ на старости лѣтъ моя душа!..

И онъ пыхтѣлъ и задыхался.

Жена смотрѣла на него въ остолбенѣніи.

— Пенчо! Пенчо!—закричалъ онъ. Куда онъ дѣвался? Если малыши льютъ пули, то онъ, должно быть, пушки льетъ... Негодяи!

— Нѣтъ его,—отозвалась его жена,—ушелъ въ Карлово.

— За какимъ чортомъ онъ отправился въ Карлово?

— Можетъ, къ кожевнику, отнести ему сто лиръ.

— Къ Тосунъ-бею? Лишь завтра утромъ онъ долженъ пойти!.. Какъ онъ смѣлъ уйти безъ спроса!..

И чорбаджій Юрданъ подошелъ къ своему письменному столу. Онъ сталъ рыться въ ящикахъ, между книгами и счетами, но нигдѣ не находилъ положенныхъ имъ туда денегъ. Вмѣсто нихъ, онъ вытащилъ изъ подъ бумагъ великолѣпный револьверъ.

— Откуда этотъ пистолетъ? Чей это пистолетъ? Я положилъ деньги, а нахожу пистолетъ! Кто роется въ моемъ столѣ?..

— Кто же тутъ роется, кромѣ тебя и Пенчо?—объяснила ему жена.

— А, этотъ ослиный сынъ! А, и онъ бродяга! Онъ не хочетъ сдѣлаться человѣкомъ!.. Онъ то же царскій противникъ! Онъ—бунтовщикъ!.. Конечно, это онъ заставилъ сопляковъ лить пули... Всѣ уже за работой! Всѣ себѣ плетутъ петлю!.. Такъ вотъ онъ какой гадъ! И котята въ домѣ скоро сдѣлаются бунтовщиками, если дѣло пойдетъ такъ дальше!.. Киріакъ пришелъ?

— Онъ здѣсь, увязываетъ тюки...

Юрданъ быстро направился въ комнату, гдѣ былъ Стефчовъ.

IV.

Тесть и зять.

Стефчовъ увязывалъ съ помощью двухъ работниковъ тюки съ товаромъ, которые нужно было отправить на джумайскую ярмарку, начинающуюся 23-го апрѣля. Онъ снялъ сюртукъ и шапку, чтобы легче работать; лицо

его, раскраснѣвшееся теперь отъ работы, сохраняло, однако, свое выраженіе безцвѣтности и душевной сухости и черствости.

Около окна стояла Лалка, его жена, скромно одѣтая въ синее платье, и пришивала полотняныя мѣтки къ связаннымъ уже тюкамъ. Посторонній человѣкъ не могъ бы замѣтить по ея лицу, разцвѣтшему и пріобрѣвшему отпечатокъ большей женственности, что она несчастна за мужемъ, за котораго вышла противъ воли. Простодушная, неопытная, съ душой, лишенной романтической закваски, которая не могла къ ней привиться въ той деспотической средѣ, гдѣ она выросла, она скоро привыкла къ своему новому положенію и примирилась съ нимъ. Она не любила Стефчова, да его и невозможно было любить, но она ему повиновалась и боялась его. И онъ ничего больше отъ нея не требовалъ. Взамѣнъ сердца, котораго онъ и не домогался, онъ получилъ богатое наслѣдство, онъ дѣлался прямымъ наслѣдникомъ Юрдана. И онъ былъ доволенъ.

Онъ выпустилъ веревку, которою увязывалъ тюкъ, а Лалка—иглу, когда они увидѣли Юрдана, вбѣжавшаго съ лицомъ, дрожащимъ и страшно блѣднымъ.

— А, Киріакъ?—крикнулъ онъ еще въ дверяхъ,—какъ видно, мы съ тобой одни только и остались вѣрными слугами царя! Въ дому уже и котята стали бунтовщиками, покупаютъ револьверы и льютъ пули... Огонь и пожаръ подготовляются, а мы сидимъ и готовимъ товары для ярмарки. Я-то боленъ, ну, а ты чего смотришь, къ чему тратить столько денегъ на товаръ, когда такія разбойничьи времена настали...

Оба работника вышли на ципочкахъ изъ комнаты.

Стефчовъ смотрѣлъ на него въ смущеніи.

— Чего смотришь, простакъ?—закричалъ Юрданъ,—я говорю тебѣ, вся моя семья заразилась бунтовствомъ, семья чорбаджія Юрдана, самаго вѣрнаго царскаго человѣка, у котораго останавливаются паши и генералы... Что же дѣлаютъ ужъ другіе, простой народъ! Нѣсколько негодяевъ составляютъ здѣсь комитетъ, подъ нашимъ носомъ, а мы зѣваемъ, какъ бараны!.. Какъ это, зная, что такая чума завелась въ городѣ, ты мнѣ до ихъ споръ не сказалъ ничего?

— Я не хотѣлъ тебя безпокоить, ты былъ боленъ.

— Но бею—сообщилъ ты?

Замѣтимъ, что хотя тайна была извѣстна всѣмъ, Стефчовъ зналъ о ней менѣе кого бы то ни было. Прежде всего потому, что всякій прятался отъ него и боялся говорить съ нимъ о возстаніи, затѣмъ и потому, что онъ относился съ презрѣніемъ къ патріотамъ и къ ихъ пропагандѣ, которую онъ считалъ неважнымъ и ничтожнымъ дѣломъ.

Лицо Стефчова горѣло отъ ярости.

— Я этихъ бродягъ еще сегодня отдамъ въ руки бея! — сказалъ онъ со злобой.

— Чего-жъ ты медлишь?

— Они собираются въ саду у Бейзадето, пусть ихъ схватятъ и поведутъ къ допросу. Какъ дадутъ имъ по двѣсти палокъ, они и про молоко своей матери разскажутъ... Нужно заранѣе положить конецъ этой мерзкой пропагандѣ противъ державы... Кто не доволенъ здѣсь правительствомъ, пусть убирается въ Московію, а не сжигаетъ наши дома.

Стефчовъ открылъ дверь и что-то шепнулъ кому-то.

— Ты знаешь ли, кто эти бродяги?

— Главный—Соколовъ!—сказалъ Стефчовъ, бросивъ украдкой взглядъ на Лалку, и лицо его искривилось отъ злобы. Къ этой злобѣ противъ доктора примѣшивалась и затаенная,

жгучая, какъ раскаленный уголь, ревность. Это окаменѣлое сердце было доступно любви только въ этомъ ея некрасивомъ проявленіи.

— Это—тотъ проклятый?

Стефчовъ отошелъ и сталъ рыться въ карманѣ своего сюртука.

Юрданъ смотрѣлъ на него выжидательно.

— Это—письмо, которое я вчера нашелъ на улицѣ, какъ разъ около вашего дома.

— Какое это письмо?

— Подписано оно Соколовымъ.. Оно посылается въ Панагюрище, какъ видно, къ другимъ подобнымъ бродягамъ.

— А про какія мерзости тамъ написано? Про плѣнъ, пожаръ?

— Про совсѣмъ другія вещи, повидимому, невинныя, но я готовъ поклясться, что подъ ними подразумѣвается совсѣмъ другое, — сказалъ Стефчовъ, развертывая письмо.—Но Самановъ пойметъ его и растолкуетъ; это такая ищейка, что за сто верстъ пронюхаетъ бунтовщика.

Лалка слушала мужа съ все увеличивавшейся блѣдностью на лицѣ. Она потихоньку вышла изъ комнаты и сошла внизъ къ матери.

— Что съ тобой, Лало?—спросила ее мать.

— Ничего, — отвѣтила она слабымъ голосомъ и сѣла, подперевъ голову рукой.

Мать ея, занятая приготовленіемъ обѣда, не обращала болѣе вниманія на дочь. Она сама была сильно раздражена, и, размѣшивая что-то ложкой въ горшкѣ, время отъ времени посылала проклятія сыновьямъ:

— Чтобы ихъ чума заѣла! Чтобы они подохли всѣ! еще уморятъ отца раньше времени!.. Только-что поднялся, теперь ему хуже станетъ... Чтобы имъ опустѣло это возстаніе! Съ чего это они бѣлены объѣлись и съ ума сошли всѣ? И Гинко сумасшедшая, и пустоголовый Генко, и тѣ хотятъ ихъ сухарями кормить! Чтобы ихъ цынга загрызла!

Въ это время пришла Гинка. Юрданица обрушила гнѣвъ свой на нее.

— Къ чему столько гнѣва, мамо? Ты должна бы еще радоваться... Чорбаджійскіе должны примѣръ показывать...

— Гино, молчи, — закричала на нее мать; — я тебя не слушаю, ты сумасшедшая!

— Я не сумасшедшая, я народная болгарка! — отвѣтила горячо Гинка.

— Народная болгарка? Потому это ты бьешь мужа каждый день?

— Бью его, потому что онъ мой хозяинъ, это другая политика: внутренняя.

— Ухъ, безумная, ты ли хочешь быть большей болгаркой, чѣмъ твой отецъ? Да если онъ узнаетъ, что ты читаешь газеты отъ Соколова, онъ тебѣ еще шкуру сдеретъ, хотя ты и сорокалѣтняя старуха...

— Ты лжешь, мать, какъ цыганка!.. На Рождество мнѣ стукнуло тридцать пять лѣтъ... Я лучше знаю, сколько мнѣ лѣтъ!

Приходъ служанки прекратилъ этотъ діалогъ.

— Хозяйка, дѣду Юрдану дурно,— сказала она испуганно.

— На, вотъ оно! Ахъ, Боже Господи, — крикнула Юрданица и бѣгомъ побѣжала къ своему мужу.

Еще на лѣстницѣ она услышала раздирающіе крики Юрдана, котораго схватили колики. Лицо его было обезображено и посинѣло; отчаянные стоны вырывались изъ груди старика, но не облегчали его мукъ; они приводили въ ужасъ всѣхъ домашнихъ и слышны были на улицѣ.

Послали тотчасъ одного изъ работниковъ за Янеліемъ, но работникъ скоро вернулся и сказалъ, что не нашелъ Янелія дома,—онъ уѣхалъ въ Карлово. Принялись тогда за домашнія средства. Но ни компрессы, ни

растиранія, ни травы, ничто не помогало больному. Онъ катался по полу или же бѣгалъ и метался съ мѣста на мѣсто.

Юрданица не знала, что дѣлать.

— Не позвать ли доктора Соколова?—обратилась она вопросительно къ страдающему.

Стефчовъ что-то пробормоталъ съ неодобрительнымъ видомъ.

— Въ позапрошломъ году я его разъ позвала къ себѣ и онъ мнѣ помогъ;—потомъ она снова обратилась къ мужу: —Юрдане, позовемъ доктора!

Юрданъ сдѣлалъ отрицательный знакъ пальцемъ и снова принялся стонать.

— Слышишь, я посылаю за докторомъ Соколовымъ?—спросила уже внушительнѣе Юрданица.

— Не хочу его... — прохныкалъ старикъ.

— Ты его не хочешь, но я тебя не слушаю, — сказала рѣшительно Юрданица; затѣмъ обернулась къ работнику:

— Чоно, пойди, позови доктора Соколова, скорѣе!

Чоно пошелъ къ двери, но только-что онъ ступилъ черезъ порогъ, какъ былъ остановленъ страшнымъ крикомъ Юрдана, похожимъ на вопль зарѣзаннаго.

— Не зовите его! Не хочу я этого бродягу, гайдука!..

Юрданица смотрѣла на него съ отчаяніемъ.

— Что-жъ, ты хочешь умереть?—воскликнула она.

— Умру!.. Уйдите всѣ, проклятые!—заревѣлъ старикъ.

Часа черезъ два припадокъ мало-по-малу улегся. Когда Стефчовъ увидѣлъ, что его тесть успокоился, онъ быстро одѣлся и отправился въ конакъ.

На лѣстницѣ онъ встрѣтилъ маленькаго человѣчка.

— Ну?—спросилъ онъ,—хорошо ли ты смотрѣлъ?

— Они тамъ, у Бейзадета.

— Снова въ саду?

— Нѣтъ, дождь падаетъ, они въ погребѣ. Я ихъ выслѣдилъ... Я тоже знаю дѣло...

Этотъ человѣчекъ былъ нашъ карнарскій корчмарь Рачко... Онъ теперь нанялся служить у Юрдана, и вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ шпіономъ его зятю.

— Принеси мнѣ зонтикъ.

Черезъ минуту Стефчовъ быстро выходилъ изъ воротъ.

Лалка у двери подслушала разговоръ. Она посмотрѣла страннымъ, удивленнымъ и испуганнымъ взглядомъ на своего мужа, потомъ быстро поднялась по лѣстницѣ и вошла въ комнаты.

V.

Одинъ шпіонъ въ 1876 году.

У бея Стефчовъ засталъ только одного человѣка: Саманова.

Они играли въ кости.

Самановъ былъ оффиціальный шпіонъ турецкаго правительства и получалъ жалованье отъ филиппопольскаго бея. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока пяти, хотя по виду ему можно было дать гораздо больше. Его длинное, сухое черное лицо, на которомъ свѣтились два мутныхъ черныхъ подвижныхъ глаза, было покрыто преждевременными морщинами и производило отталкивающее и зловѣщее впечатлѣніе. Усы его, коротко подстриженные, сильно уже посѣдѣли, какъ и его волосы, грязные и нечесанные, выглядывавшіе сзади изъ подъ его грязной шапки; спереди голова его облысѣла. Онъ былъ

одѣтъ въ гороховаго цвѣта сюртукъ, давно уже изношенный, на которомъ отвратительно лоснился засаленный воротникъ Высокаго роста и стройный, онъ обыкновенно ходилъ съ опущенной головой, какъ бы подавленной тяжестью всеобщаго презрѣнія. На всей его фигурѣ виднѣлся отпечатокъ нищеты и цинизма. Обыкновенно, онъ жилъ въ Филиппополѣ, но часто дѣлалъ обходы и по окрестнымъ городкамъ. Онъ былъ родомъ изъ Бѣлой-Церкви и зналъ всѣхъ, но и его знали всѣ. Его прибытіе туда смутило всякаго, кто имѣлъ причину смущаться. Очевидно, онъ прибылъ съ какой-нибудь мрачной миссіей. Его присутствіе внушало страхъ и отвращеніе, и онъ это чувствовалъ, но нисколько не стѣснялся. Онъ нахально и самоувѣренно встрѣчалъ презрительные взгляды, какъ бы говоря: «чего вы удивляетесь? я занятъ, какъ и всякій изъ васъ, своимъ дѣломъ: я тоже долженъ жить». Онъ уже успѣлъ встрѣтить нѣкоторыхъ старѣйшинъ города и попросить денегъ взаймы. Разумѣется никто не отказывалъ такому честному должнику и любезному согражданину. Вѣроятно, онъ уже зналъ о приготовленіяхъ Бѣлой-Церкви къ возстанію, и съ улыбкой спрашивалъ встрѣчающуюся молодежь: «Какъ идетъ дѣло?» И, чтобы еще болѣе увеличить смущеніе спрошеннаго, онъ тихо прибавлялъ: «ничего вы не сдѣлаете», и оставлялъ его пораженнаго на улицѣ. Приблизительно тоже онъ сказалъ и Соколову третьяго дня. Вслѣдствіе этой его зловѣщой откровенности и навязчивости, улицы пустѣли, когда онъ показывался.

Лицо Стефчова засіяло отъ удовольствія, когда онъ увидѣлъ Саманова у бея. Онъ поклонился ему, улыбаясь, какъ своему человѣку, пожалъ руку и, пододвинувъ себѣ стулъ, сталъ слѣдить за игрой.

Старый бей, одѣтый въ короткій суконный полушубокъ, продолжалъ съ большимъ вниманіемъ свою игру. Когда партія кончилась, Стефчовъ сразу приступилъ къ цѣли своего прихода. Онъ подробно разсказалъ бею про всѣ слухи, до него дошедшіе, о революціонномъ броженіи въ Бѣлой-Церкви.

Бей также слышалъ кое-что о броженіи среди «раевъ» *), но считалъ это ребяческой игрой и благодушествовалъ, какъ всѣ турецкія власти того времени. Поэтому, онъ былъ пораженъ теперь величиной зла, когда Стефчовъ раскрылъ ему глаза. Онъ обратился вопросительно и строго къ Саманову:

— Петраки-ефенди, мы играемъ съ тобой въ кости, а около насъ дымится!

— Я пріѣхалъ сюда лишь нѣсколько дней назадъ, но знаю все, и даже болѣе, чѣмъ Киріакъ,—сказалъ Самановъ.

— Знаешь и мнѣ не говоришь?.. Хорошо же ты служишь царю!—воскликнулъ бей крайне недовольный.— Господинъ оказался болѣе вѣрнымъ столпомъ престола.

— Это мой долгъ, господинъ бей,— отозвался Стефчовъ.

Крупный потъ показался на лбу Саманова. Онъ нервно сказалъ:

— Тутъ одно, а въ другихъ мѣстахъ во сто разъ больше... Тутъ только соломинка дымится, а около Панагюрища дымится уже цѣлая рига, и высокое царское правительство не глухо и не слѣпо... Оно видитъ дымъ и выжидаетъ. Оно имѣетъ къ тому свои причины. Было бы ошибкой, если бы мы первые подняли шумъ и компрометировали себя безъ толку. То, что мы видимъ въ Бѣлой-Церкви, это только тѣнь отъ дыма, который въ другомъ мѣстѣ подымается до облаковъ... Мое мнѣніе — не спѣшить и выжидать внимательно.

Эти слова пришлись бею по душѣ,

*) Рая—покоренный турками.
Пр. перев.

потому что отвѣчали его наклонности къ спокойствію и страху передъ отвѣтственностью.

Стефчовъ замѣтилъ это и разсердился. Онъ понялъ, что Самановъ этимъ хитрымъ объясненіемъ хотѣлъ прикрыть свою небрежность.

— Петраки-ефенди не имѣетъ тутъ ни семьи, ни кола-ни двора, такъ вольно ему философствовать, — сказалъ онъ со злостью. — Если завтра распространится пожаръ, что онъ теряетъ?

— Протестую, господине!—крикнулъ Самановъ гнѣвно, поблѣднѣвъ.

— Ты правъ, Киріакъ, я этихъ мерзавцевъ свяжу!—воскликнулъ бей.

Стефчовъ посмотрѣлъ побѣдоносно.

— И я теперь, подумавъ, согласенъ съ мнѣніемъ Киріака... Переловимъ этихъ ословъ!—сказалъ Самановъ черезъ короткое время, съ внезапнымъ озлобленіемъ на лицѣ.

— И такъ, мы всѣ согласны?—сказалъ бей и вздохнулъ облегченно.

— Переловимъ этихъ скотовъ сегодня же вечеромъ!—сказалъ Самановъ.

— Гдѣ они собираются?— спросилъ бей.

— У Мича Бейзадета.

— У Бейзадета?.. Теперь понимаю. Ужъ кто болѣе русскій, чѣмъ сами русскіе, тотъ не можетъ быть пріятелемъ султана... Это онъ ихъ главарь?

— Нѣтъ, докторъ Соколовъ,—отвѣтилъ Стефчовъ.

— Снова Соколовъ? Это онъ на мѣсто консула?

— Онъ, господинъ бей, только дѣла консула были забавой передъ дѣлами Соколова.

— А кто другіе?

— Изгнанные учителя и нѣсколько бродягъ.

— Я и ихъ имена знаю,—сказалъ Самановъ, — и знаю, гдѣ ихъ оружейный складъ и съ кѣмъ они переписываются изъ Панагюрища. У нихъ и своя почта... Даже болѣе, они составляютъ отдѣльное правительство, которому повинуются, которое судитъ и приговариваетъ къ смерти. Я передумалъ: лучше мы первые проявимъ свою дѣятельность и покажемъ примѣръ другимъ властямъ... Только нужно хорошенько взяться... Сегодня, вечеромъ, я самъ обшарю ихъ карманы и сниму съ нихъ первый допросъ, а тамъ ужъ поступайте вы, какъ найдете нужнымъ...

Выраженіе лица Саманова сдѣлалось еще болѣе зловѣщимъ. Его слова привели въ большое смущеніе бея. Онъ сразу перемѣнилъ теперь мнѣніе о Самановѣ, въ которомъ онъ видѣлъ теперь умнаго и проницательнаго служителя престола.

— Ты получишь великую награду, Петраки ефенди,—сказалъ бей покровительственно.

Самъ Стефчовъ былъ пораженъ разоблаченіями шпіона касательно организаціи комитета. Онъ понялъ, что Самановъ горѣлъ теперь нетерпѣніемъ показать свое усердіе и заслужить благоволеніе начальства, и что поэтому онъ теперь предлагаетъ открыто взять на себя это опасное дѣло. Это было на руку и Стефчову, который и теперь хотѣлъ остаться въ сторонѣ, чтобы не подвергнуться мщенію революціонеровъ.

Бей посмотрѣлъ на часы.

— Они теперь тамъ?—спросилъ онъ.

— Тамъ, въ погребѣ. Обыкновенно они собираются въ саду, когда хорошая погода... Тамъ жрутъ они водку и комитетствуютъ.

— Какъ же ты думаешь?

— Они всегда, какъ стемнѣетъ, выходятъ отъ Мича. Какъ станутъ выходить, ихъ надо окружить полицейскими и привести всѣхъ въ конакъ.

— Нѣтъ, такъ не ладно,—сказалъ Самановъ;—вы ихъ схватите безъ всякихъ уликъ, и они могутъ ото

всего отпереться. Поэтому, нужно накрыть ихъ у Мича, въ комнатѣ, на мѣстѣ преступленія такъ сказать. Накрыть ихъ съ ихъ книгами, протоколами и различными документами... Это будетъ чистая работа: чернымъ на бѣломъ... Тогда ужъ не будетъ мѣста—«не знаю», «не слышалъ», «не видѣлъ».

Этотъ совѣтъ понравился бею. И Стефчовъ былъ восхищенъ этимъ планомъ. Шпіонъ теперь стоялъ передъ нимъ на всей высотѣ своего призванія. Догадливость Саманова равнялась его усердію.

— Только это надо будетъ сдѣлать, какъ стемнѣетъ: темнота необходима для подобныхъ нападеній.

— Рѣшено,—сказалъ торжественно бей и ударилъ въ ладоши.

Вошелъ полицейскій.

— Онбашій здѣсь?

— Шерифъ-ага скоро вернется!—доложилъ полицейскій.

— Какъ вернется, ко мнѣ его!—приказалъ бей.

Полицейскій вышелъ.

— Ахъ, чуть было не забылъ,—сказалъ Стефчовъ, обращаясь къ Саманову, который стоялъ, мрачно задумавшись, съ глубокими и безпокойными морщинами на лбу.

И Стефчовъ вынулъ изъ кармана письмо и развернулъ его.

— Что это?—спросилъ Самановъ, внезапно пробудясь отъ своихъ думъ.

— Письмо Соколова въ Панагюрище.

— Ба!

— Уронилъ его, какъ видно, письмоносецъ ихъ... Сегодня я его нашелъ около дому тестя.

— Что въ немъ написано?—спросилъ быстро Самановъ, беря письмо.

— Это письмо написано условно и адресовано нѣкоему Лукѣ Нейчеву. Это простой человѣкъ, сапожникъ въ Панагюрищѣ, и проходитъ здѣсь мимо каждую недѣлю по дорогѣ на базаръ въ Карлово. Но я увѣренъ, что оно назначено совсѣмъ другому лицу, вѣрно, панагюрскому комитету.

— Что это за бумага?—спросилъ съ любопытствомъ бей, такъ какъ говорили по болгарски.

Стефчовъ ему объяснилъ.

— Читай, читай, посмотримъ,—сказалъ бей, приготовившись слушать.

Стефчевъ прочиталъ слѣдующія строки:

«Бай Лука!

«Надѣюсь, что вы живы и здоровы, и что ваша жена не болѣетъ больше; продолжайте, однако, ей давать пилюли, которыя получили отъ меня. Какъ идетъ ваша торговля? Я тебя уже двѣ недѣли не видѣлъ здѣсь; думаю, что причина этому не твое здоровье. Когда пойдешь къ намъ, купи мнѣ въ аптекѣ Янакова на десять *белладона*, у меня весь вышелъ.

«Кланяюсь домашнимъ. Соколовъ».

— Дѣйствительно, это письмо условное,—замѣтилъ Самановъ.

— Переведи его теперь по турецки,—приказалъ бей.

— Если хочешь, оно говоритъ и ничего, и много, смотря, какъ его понимать,—сказалъ Стефчовъ бею и началъ переводить.

— Стой,—остановилъ его въ самомъ началѣ бей,—тутъ подъ пилюлями нужно понимать пули!

— Можетъ, это и пули,—замѣтилъ Самановъ.

Бей пустилъ огромное облако дыма изо рта и, съ горделивымъ и самодовольнымъ выраженіемъ на лицѣ, напрягъ снова свой слухъ.

Стефчовъ продолжалъ.

— Стой,—остановилъ его снова бей,—онъ спрашиваетъ о торговлѣ? Понялъ, значитъ спрашиваетъ: какъ идутъ приготовленія? Мы не такъ просты.

И бей подмигнулъ многозначительно Саманову, какъ бы желая этимъ сказать ему: «не смотри, что Хюсни-бей старъ, онъ—хитрая лисица, его не проведешь».

Стефчовъ переводилъ далѣе. Когда онъ дошелъ до словъ: «думаю, что причина этому не твое здоровье», бей снова остановилъ Стефчова и обратился къ Саманову:

— Петраки-ефенди, тутъ упоминается о болѣзни и здоровьи, немного темно выходитъ. Ты какъ толкуешь эти слова?

— Я думаю, что подъ болѣзнью надо понимать здоровье, а подъ здоровьемъ—болѣзнь,—отвѣтилъ важно шпіонъ.

Бей задумался. Онъ принялъ видъ человѣка, который уразумѣлъ вполнѣ все значеніе этого глубокомысленнаго отвѣта.

— Понятно теперь дѣло,—проговорилъ онъ торжествующе.

Когда Киріакъ снова началъ чтеніе и дошелъ до слова «белладона», бей его прервалъ и крикнулъ весело:

— Охъ, тутъ они, прямо говорю, совсѣмъ влопались: дебела Бона, и она съ ними!.. Сколько разъ я видѣлъ эту корову, каждый разъ мнѣ приходило въ голову, что въ этой бабѣ сто чертей сидитъ, и что она замышляетъ пагубу царщинѣ!

Слова бея относились къ шестидесятипяти-лѣтней толстой старухѣ Бонѣ, которая не пропускала ни одной заутрени, ни вечерни, и каждый разъ, по дорогѣ въ церковь, проходила мимо конака.

Стефчовъ и Самановъ улыбнулись. Они объяснили бею, что рѣчь идетъ объ одномъ растеніи, служащемъ лѣкарствомъ.

— Читай, читай дальше,—сказалъ сконфуженный бей.

Стефчовъ продолжалъ:

«Кланяюсь домашнимъ, Соколовъ». Кончено.

Бей воскликнулъ:

— Кланяюсь домашнимъ!.. Понятно!.. Однимъ словомъ, это письмо отъ начала до конца касается комитета.

— Но изъ него ничего связнаго нельзя извлечь,—замѣтилъ Стефчовъ недовольнымъ тономъ.

— Темно, все темно, — добавилъ Самановъ.

— Что темно, то темно, — подтвердилъ и бей,—но то, что мы не разобрали, мы заставимъ самого доктора намъ объяснить.

— Нѣтъ, любопытно заранѣе знать смыслъ его,—сказалъ Самановъ, упорно всматриваясь въ письмо.—Дай его мнѣ, я узнаю секретъ, у меня есть ключъ къ бунтовщическимъ письмамъ... И онъ сунулъ письмо за пазуху.

— Браво, Петраки-ефендимъ!

Стефчовъ сталъ прощаться.

— И такъ, рѣшено, не правда ли?—сказалъ онъ.

— Все рѣшено, сегодня вечеромъ...—подтвердилъ бей.—Иди спать спокойно, поклонись Юрдану чорбаджію.

Стефчовъ вышелъ съ счастливымъ, сіяющимъ лицомъ отъ бея. Когда онъ отворялъ дверь конака, его догналъ Самановъ.

— Ты не отлучишься сегодня вечеромъ, не такъ ли? Ты самъ будешь руководить облавой, — сказалъ ему Стефчовъ.

— Будь спокоенъ, я беру на себя хлопоты, — отвѣтилъ шпіонъ; — Киріакъ, дай мнѣ одну лиру [1]) взаймы до утра, мнѣ нужно,—прибавилъ онъ быстро.

Стефчовъ мгновенно нахмурился и сунулъ руку въ карманъ жилета.

— Возьми эти два рубля, больше у меня нѣтъ.

Самановъ взялъ деньги, потомъ прибавилъ тихо:

— Давай, давай еще, а то я шепну словечко Странджову, какую яму ты теперь копаешь, такъ ты проглотишь хорошую пилюлю.—И онъ засмѣялся, чтобы показать, что эта угроза была не болѣе, какъ шутка.

---

[1]) Монета въ 23 франка.

Стефчовъ посмотрѣлъ на него безпокойно.

— Самановъ, если утромъ я получу извѣстіе, что Соколовъ съ компаніей сидятъ въ тюрьмѣ, ты получишь отъ меня десять лиръ!—сказалъ онъ торжественно.

— Ладно. Только дай мнѣ нѣсколько мелкихъ денегъ на ѣду, чтобы не размѣнять сегодня же рубли... Благодарю, съ Богомъ!—И Петраки повернулъ въ другую улицу, направляясь къ себѣ въ корчму, гдѣ онъ жилъ. По дорогѣ онъ встрѣтилъ попа Ставрю и остановилъ его.

— Благослови, дѣдо попе!—и поцѣловалъ у него руку.—Какъ поживаете? здоровы ли? доходъ теперь хорошъ ли? что теперь больше—рожаютъ или же мрутъ?

— Болѣе всего вѣнчаются!—отвѣтилъ съ дѣланной улыбкой попъ, испуганный пристальнымъ взглядомъ шпіона. И онъ попытался уйти своей дорогой, но Самановъ задержалъ его за руку, продолжая пронизывать его взглядомъ.

— И время теперь свадьбамъ, потому что не сегодня — завтра можетъ наступить второе пришествіе...—И онъ значительно подмигнулъ попу; потомъ внезапно повернулъ разговоръ:—дѣдо попе, нѣтъ ли у тебя пятидесяти грошей, мнѣ нужно взаймы до утра.

Лицо попа искривилось.

— У попа нѣтъ денегъ, а благословеній, сколько хочешь!..—И съ этимъ шутливымъ отвѣтомъ онъ снова попытался вырваться.

Самановъ строго посмотрѣлъ на него и сказалъ ему тихо:

— Дай сейчасъ пятьдесятъ грошей, вѣдь твой Ганчо—секретарь комитета... Одно словечко стоитъ мнѣ шепнуть, и конецъ вашему дѣлу.

Попъ поблѣднѣлъ. Онъ вынулъ монету и, прощаясь съ шпіономъ, оставилъ ее въ его рукѣ.

— Съ Богомъ, дѣдо попе, не забывай насъ въ своихъ молитвахъ.

— Анаѳема!—пробормоталъ попъ, удаляясь.

Дождь все усиливался.

— Малый, принеси мнѣ немного жару на лопаткѣ и положи его сюда, въ жаровню,—сказалъ Самановъ слугѣ, входя къ себѣ въ комнату.

Слуга посмотрѣлъ на него удивленно, какъ бы желая ему сказать:

— Что-жъ ты за человѣкъ, что въ такое время хочешь грѣться?

— Принеси немного жару, говорю тебѣ,—повторилъ повелительно шпіонъ, снимая съ себя мокрый сюртукъ.

Слуга принесъ нѣсколько горячихъ угольевъ и высыпалъ ихъ въ жаровню, которую онъ вытащилъ изъ подъ кровати.

— Ступай теперь!—и онъ заперъ за нимъ дверь.

Тогда онъ вынулъ изъ-за пазухи письмо, взятое у Стефчова, развернулъ его, и подержалъ его чистой стороной надъ огнемъ. Когда бумага нагрѣлась, онъ ее расправилъ, посмотрѣлъ на нее и на его лицѣ изобразилось живое любопытство, смѣшанное съ удовольствіемъ: бумага, до того чистая и бѣлая, теперь покрылась густыми темножелтыми строками. Какъ извѣстно, революціонные комитеты писали свои письма симпатическими чернилами, и буквы дѣлались видными лишь послѣ нагрѣванія письма. Обыкновенно, на другой сторонѣ они писали разныя невинныя и незначительныя фразы, которыя должны были обмануть власти, въ случаѣ, если бы письмо попало къ нимъ въ руки. Къ несчастію, тайна не можетъ сохраниться, разъ ее знаютъ болѣе двухъ человѣкъ, и прозорливый Самановъ скоро ее пронюхалъ.

Письмо, подписанное вице-предсѣдателемъ Соколовымъ, выдавало дѣйствія и планы комитета Бѣлой-Церкви.

На лицѣ Саманова, послѣ того, какъ онъ внимательно прочиталъ это роковое письмо, заиграла какая то неопредѣленная улыбка. Онъ вынулъ карандашъ и что-то отмѣтилъ на чистомъ мѣстѣ письма подъ подписью вице-предсѣдателя.

И онъ вышелъ быстро и направился въ конакъ.

VI.

Женская душа.

Лишь только Стефчовъ вышелъ изъ дома тестя, за нимъ вышла и его жена.

Дождь, начавшій падать еще въ полдень, все еще падалъ, хотя сдѣлался мельче, и, казалось, собирался падать до вечера, потому что небо было сплошь покрыто тяжелой, густой тучей.

Лалка быстро шагала по улицѣ съ раскрытымъ зонтикомъ. Она была такъ растеряна и смущена, что не отвѣчала на поклоны встрѣчавшихся ей, и не замѣчала даже, что дождь падалъ теперь, подъ напоромъ вѣтра, наклонно, и что онъ ее всю промочилъ. Она скоро достигла площади, на которой находится мужская церковь, откуда можно пройти въ женскій монастырь. Только теперь она укрылась подъ навѣсъ и спросила себя съ недоумѣніемъ, какъ она очутилась здѣсь. Она понимала, что пошла спасти Соколова отъ неминуемой гибели; она рѣшилась на это безъ долгихъ размышленій, сама не зная, какъ это сдѣлать, толкаемая одной невидимой силой. Но лишь теперь она отрезвилась немного, и въ смущеніи задумалась, какъ помочь бѣдѣ. Она видѣла, какъ это трудно сдѣлать. Она знала, что Стефчовъ теперь у бея, что онъ ему предлагаетъ схватить Соколова. Она знала, что послѣдній теперь на засѣданіи у Мича Бейзадета. Но какъ ихъ предупредить объ опасности? Зайти самой къ Мичу, въ гости къ его женѣ, было неудобно, неприлично, почти безумно. Въ этотъ дождь ей пойти къ Мичовицѣ, которая была такъ далека и чужда ей, и мужъ которой, къ тому же, по игрѣ судьбы, былъ въ ссорѣ съ ея отцомъ,— это было нѣчто слишкомъ унизительное и опасное. Потомъ, какъ она скажетъ Мичовицѣ, что она, жена Стефчова, такъ живо интересуется судьбой Соколова, молодого и симпатичнаго, но легкомысленнаго человѣка, что презрѣла всякое приличіе, лишь бы только быть ему полезной!.. Къ тому же, не скомпрометируетъ ли она невольно и мужа своего, не опозоритъ ли она его и выставитъ предателемъ?.. Потому что, если даже она скроетъ его имя, всякій догадается, что Стефчовъ выдалъ жертвы, которыя она пришла спасти. И такъ могутъ замѣтить, что онъ былъ сегодня въ конакѣ. Боже, почему онъ такой дурной?.. Всѣ эти мысли промелькнули, подобно молніи, въ ея головѣ. Нѣтъ, страшно, очень страшно, невозможно...

А дождь все усиливался и лилъ какъ изъ ведра, и она стояла подъ навѣсомъ, какъ въ засадѣ, безсильная и растерянная.

Вдругъ радостная мысль озарила ее.

— Пойду къ теткѣ Нетковичиной,— сказала она себѣ;—ихъ Ташка пойдетъ предупредить.

Дѣйствительно, своей теткѣ Нетковицѣ, которая жила по близости, Лала могла свободно, какъ своему человѣку, разсказать все и послать ея мальчика съ извѣстіемъ къ Соколову.

И она оставила защищавшій ее навѣсъ и храбро тронулась впередъ,

не смотря на дождь и грязь. Она шагала черезъ вздувшіеся потоки, достающіе до щиколокъ, и продолжала свой путь вверхъ по площади, подъ дождемъ и вѣтромъ.

Наконецъ, промокшая насквозь, она пришла къ своей теткѣ. Тетка встрѣтила ее въ сѣняхъ, удивленная, что она вышла въ такую погоду.

— Ахъ, ахъ, какъ ты промолкла! Чего ты въ такой дождь? Скинь-ка юбку, тебя хоть выжми!—восклицала ея тетка.

— Тетя, дома вашъ Ташо?

— Убѣжалъ утромъ и еще не приходилъ... Повѣса, развѣ не знаешь его? На что онъ тебѣ?

— Съ Богомъ, тетя,—и Лалка снова взяла свой зонтикъ. Она походила на лунатика.

— Куда? Куда? — удивилась ея тетка.

Но Лалка уже выбѣжала на улицу.

Къ счастью, дождь внезапно пересталъ, тучи въ одномъ мѣстѣ прорвались и солнце снова весело сіяло.

Только тонкая, почти незамѣтная водяная пыль еще рѣяла въ притихшемъ воздухѣ и падала, сверкая на солнцѣ, какъ безконечныя прямыя нити исполинской паутины. Чудная радуга обрисовалась на небѣ и тонула однимъ своимъ разноцвѣтнымъ концомъ въ темномъ ущельѣ Балкановъ. Шумныя вершины деревьевъ зеленѣли, теперь еще болѣе свѣжія и веселыя; облака быстро разбѣгались и свѣтлая лазурь побѣдоносно распространялась по небу На улицахъ показались прохожіе. Лалка почувствовала себя теперь бодрѣй и на сердцѣ ея стало легче. Эта радуга, озарявшая небо, давала ея душѣ надежду. Съ трепетомъ сердечнымъ всматривалась она въ каждаго встрѣчнаго, надѣясь узнать близкаго человѣка.

Неожиданно ей вспомнился слѣпецъ. самоотверженность котораго уже разъ избавило отъ подобной же опасности Огнянова.

— Боже, дай мнѣ увидѣть теперь Колчо! — молила она, осматриваясь кругомъ.

Случай, который часто играетъ людьми и даетъ самые странные, непонятные обороты ихъ судьбѣ, сыгралъ и теперь: въ пятидесяти шагахъ отъ себя она увидѣла Колча, который осторожно, ощупью шагалъ впередъ, съ палкой въ одной рѣкѣ и съ еще распущеннымъ зонтикомъ въ другой.

Обрадованная, взволнованная, она повернула и принялась догонять слѣпца. Онъ направлялся именно на ту улицу, которая вела къ Бейзадету; навѣрное и Колчо идетъ туда, подумала Лалка, которая знала отъ Рады, что онъ имѣетъ право свободнаго входа на засѣданія комитета, и что онъ не пропускалъ ни одного засѣданія. Она спѣшила, ускоряла все болѣе и болѣе шаги свои, чуть не бѣжала. Глаза ея были вперены въ черный суконный сюртучекъ слѣпца и въ зонтикъ надъ его головой. Она не замѣчала уже никого, кто ей попадался на встрѣчу; ни Брзобѣгунека. который поклонился ей лѣвой рукой (они были сосѣди), ни Хаджи Сміона, который ей что-то крикнулъ въ догонку; и если бы она встрѣтила самого Стефчова, то и его не узнала бы. Черезъ двѣ минуты Лалка была уже въ двухъ шагахъ отъ слѣпца. Онъ подвигался впередъ спокойно, съ мечтательнымъ видомъ слѣпцовъ. Когда она поравнялась съ нимъ, она осмотрѣлась вокругъ—нѣтъ ли какого-нибудь неудобнаго свидѣтеля, и тихо проговорила:

— Колчо! Колчо!

Но отъ волненія голосъ ея замеръ на устахъ, и она сама ничего не слышала.

Колчо повернулъ и зашелъ въ сапожную лавку Ивана Дуды. Это исчезновеніе было такъ быстро и неожиданно, что Лалкѣ показалось, будто какая-то невидимая сила грубо втолкнула его въ отворенную дверь лавки.

Лалка снова осталась одна. Одна

посреди оживленной улицы, которая показалась ей теперь пустыней! Она замѣтила только одну черную точку въ этой пустынѣ: то былъ полицейскій съ ружьемъ на плечѣ, и ей стало казаться, что она видитъ пять полицейскихъ, десять, двадцать, цѣлый полкъ полицейскихъ... Кругомъ нея все кружилось, мысли ея спутались, она не чувствовала, спитъ она, или бодрствуетъ. Она продолжала безсознательно идти впередъ.

Она не помнила, по какимъ улицамъ она проходила, ни какъ и когда она очутилась около своего дома. Она вся была въ огнѣ: голова ея кружилась, всѣ члены казались развинченными. Она чувствовала страшную тошноту и слабость и лишь только вошла въ комнату, упала въ безсознательномъ состояніи на постель.

У Лалки обнаружилась сильная горячка.

VII.

Возобновленный комитетъ.

На этотъ разъ засѣданіе имѣло мѣсто не въ саду бай Мича, подъ зелеными яблонями и высокими соснами, а въ подвальной комнатѣ.

Посланецъ Стефчова хорошо прослѣдилъ.

На низкихъ скамьяхъ сидѣли члены, числомъ около десяти. Между ними нѣсколько нашихъ знакомцевъ. На первомъ мѣстѣ—домохозяинъ, онъ же и предсѣдатель; затѣмъ Соколовъ, попъ Димо, Франговъ. Поповъ, Николай Нетковичъ, Кандовъ, принятый сегодня съ рукоплесканіями, также и Фратю, вернувшійся изъ Румыніи и принятый послѣ долгихъ просьбъ и покаяній. Остальные члены были: Илья Странджовъ, сапожникъ, побывавшій въ тюрьмѣ и готовый на все; Христо Браговъ, торговецъ, Диму Капысызъ, хромой кожевникъ, вѣчный заговорщикъ, называвшійся еще «Безпортевымъ» и «редакторомъ».

Одинъ членъ комитета отсутствовалъ: Пенчо Діамандіевъ. Онъ уѣхалъ въ Карлово, чтобы выкупить ружья тѣми ста лиръ, которыя, по порученію отца, онъ долженъ былъ вручить Тосунъ-бею.

Уже темнѣло.

Засѣданіе, начавшееся еще въ полдень, все еще продолжалось и, повидимому, должно было затянуться еще надолго. Краснорѣчивый и пламенный языкъ Каблешкова плѣнялъ души слушателей, которые уже два часа внимали ему, безмолвные и неподвижные.

Каблешковъ, одна изъ симпатичнѣйшихъ и оригинальныхъ личностей среди толпы апостоловъ подготовившихъ апрѣльское движеніе 1876 г., имѣлъ 26 лѣтъ отъ роду; средняго роста, крайне худой и слабый, онъ имѣлъ блѣдное, смуглое лицо съ едва пробивающимися усами и съ черными какъ уголь волосами, которые онъ постоянно закидывалъ рукою вверхъ и которые снова падали небрежными кудрями на его широкій умный лобъ. Только глаза его съ огненнымъ проницательнымъ взглядомъ, въ которыхъ свѣтился то восторгъ поэта, то вдохновеніе пророка, озаряли и облагораживали это лицо, испитое лихорадкой и измученное постояннымъ трудомъ и бодрствованіемъ. Ни чей взглядъ не могъ устоять передъ силой его глазъ, отражавшихъ, какъ въ зеркалѣ, могучую, буйную и страстную душу, которую трудно было бы предположить по его безсильной, маленькой фигурѣ.

Онъ былъ одѣтъ въ синій суконный сюртукъ и въ черные брюки,

сильно истрепавшіеся, вслѣдствіе его постоянныхъ разъѣздовъ на конѣ. Онъ и теперь непрестанно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и продолжалъ горячо говорить, часто прерываемый упорнымъ кашлемъ.

— Да, помощь, главная помощь заключается въ насъ самихъ. Мы настолько сильны, что сможемъ сами расправиться съ гнилой Турціей. Турція слаба, ея финансы плохи, народъ обѣднѣлъ, да и онъ останется въ сторонѣ. Онъ самъ стонетъ подъ игомъ. Войска ея деморализованы и не заслуживаютъ вниманія. Возьмите, напримѣръ, герцеговинское возстаніе— тысячи и тысячи войска было послано, а возстаніе въ полномъ еще разгарѣ, и кто его дѣлаетъ? Горсть народа! Что же станется съ этой развинченной и разслабленной державой, когда мы поднимемся? Вѣдь насъ въ одинъ день поднимется сто тысячъ душъ! За кого ей взяться прежде всего?..—Къ тому же, развѣ мы одни? Къ западу отъ Турціи стоитъ Сербія и черногорскіе соколы, готовые наброситься на нее; за спиной ея— Греція, которая тоже не станетъ зѣвать... Герцеговина и Боснія еще пламенѣютъ отъ края до края, Критъ—тоже самое... Прибавьте къ этому и революцію въ Царьградѣ, которая только выжидаетъ смутнаго времени, чтобы низвергнуть султана Азиза... Хаосъ повсюду... Наше возстаніе будетъ надгробной пѣсней турецкой имперіи!..

Глаза его горѣли въ полумракѣ, какъ два раскаленныхъ угля.

— Ты забылъ еще одно, — отозвался Мичо Бейзадето,—Россію. Дѣдъ Иванъ полетитъ съ сѣвера къ Царьграду, и—поминай какъ звали! Еще исполнится пророчество слово въ слово.

Онъ разумѣлъ пророчество Мартына Задеки, въ котораго онъ глубоко вѣрилъ.

— Какія мѣстности будутъ готовы къ возстанію?—спросилъ Франговъ.

— Вся Болгарія — отвѣтилъ Каблешковъ. — Филиппополь съ Пазардзшикомъ готовятся, Родопскія села съ Батакомъ тайно вооружаются; Тырново, Габрово, Шуменъ зажгутъ Восточную Болгарію; а въ Западной — нѣтъ никакого войска... Копривщенцы съ Панагюрищей и Стрѣлчой будутъ заграждать проходы Средней-Горы; вы и ваши сосѣди, съ той и другой стороны, займете вершины Балкана, а Балканъ — крѣпость, которую милліонъ войска не сможетъ взять! Болгарія подымется, какъ одинъ человѣкъ. Наше возстаніе будетъ чудомъ въ исторіи Европы! Европа подивится!.. Я васъ увѣряю, что Порта даже не прибѣгнетъ къ вооруженному усмиренію... Она пойдетъ съ нами на соглашеніе... Другого выхода у нея не будетъ...

Каблешковъ говорилъ съ воодушевленіемъ. Какъ человѣкъ развитой, онъ, вѣроятно, ясно представлялъ себѣ положеніе дѣлъ, которое выставлялъ въ ложномъ свѣтѣ. Но онъ былъ такъ увлеченъ своей идеей, что всѣ средства къ ея осуществленію казались ему позволительными. Только эта возвышенная вѣра въ святость дѣла, которому онъ служилъ, объясняетъ гиперболы, болѣе или менѣе искреннія, этой честной души. А его картины были такъ убѣдительно краснорѣчивы, что не вызывали никакихъ возраженій. Всѣ уже вѣрили въ то, въ чемъ ихъ убѣждалъ Каблешковъ.

— Какія условія можемъ мы предложить Портѣ, если она вступитъ въ переговоры?—спросилъ Поповъ.

— Еще мы ей поджаримъ языкъ прежде, чѣмъ вступить, — сказалъ Безпортевъ.

— Почему-жъ не вступить ей?— замѣтилъ попъ Димчо.

— Это—послѣдняя вещь,—отвѣтилъ Каблешковъ, — но теперь на

Греціи, присоединивъ къ тому отвагу и полетъ воображенія средневѣковыхъ поэтовъ. Образованный человѣкъ и патріотъ, почитатель современной ему и древней Италіи, но всего болѣе преданный Англіи, Шекспиръ, поочередно, былъ итальянцемъ въ *Ромео и Джульеттѣ* и въ *Отелло*, римляниномъ—въ *Коріоланѣ* и *Цезарѣ*, но всего болѣе англичаниномъ въ драмахъ, взятыхъ изъ національной исторіи, какъ, напримѣръ, *Генрихъ IV*, *Ричардѣ III*, *Генрихѣ VIII*, или изъ шотландскихъ легендъ, какъ *Макбетъ*. Это — геніальный живописецъ, заставляющій оживать прошедшіе вѣка и чувствующій себя свободно въ Италіи среди бурныхъ событій среднихъ вѣковъ, ужасовъ войны двухъ Розъ или въ полуварварскія времена, такъ же, какъ и среди древняго общества. Съ пылкостью, разрушающей всѣ преграды, онъ бросаетъ на сцену цѣлый міръ, переноситъ исторію въ театръ и, хотя и примѣшиваетъ большую долю воображенія, остается вѣрнымъ истинѣ болѣе, чѣмъ многіе историки. Ничто не можетъ сравниться съ движеніемъ и пыломъ этихъ сложныхъ драмъ, развертывающихся поочередно во дворцахъ, на улицахъ, на поляхъ битвъ и изображающихъ людей всевозможныхъ положеній, замѣняя древній хоръ толпою. Шекспиръ перемѣшиваетъ всѣ тона: серьезный и легкій, даже шутливый, иногда не совсѣмъ приличный. Онъ спускается до грубыхъ народныхъ выраженій съ такою же легкостью, какъ поднимается до высшихъ красотъ, и не знаешь, чему удивляться, читая его лучшія пьесы.

Но онъ въ особенности заслуживаетъ удивленія потомства за то, что онъ зналъ и изображалъ страсти человѣческаго сердца. Характеры его лицъ еще болѣе вѣрны съ точки зрѣнія чувства, чѣмъ съ точки зрѣнія исторіи. Безъ всякихъ данныхъ или указаній, онъ создавалъ типы, жизненность которыхъ неоспорима: Макбетъ и его жена, леди Макбетъ, — типы преступнаго честолюбія; Отелло — типъ ревности; Дездемона, — трогательная жертва пылкаго мавра; Джульетта—граціозное воплощеніе любви; наконецъ, Гамлетъ—тревожный мечтатель, человѣкъ, охваченный меланхоліей, какой не знали въ древнемъ мірѣ, предшественикъ множества душъ, томящихся въ неопредѣленной тоскѣ, свойственной новымъ временамъ. Шекспиръ—послѣдователь поэтовъ древности, но это—поэтъ съ отпечаткомъ иногда болѣзненной чувствительности, составляющей черту характера народовъ Сѣвера. Греки и римляне умѣли превосходно выражать печаль, причиненную несчастіемъ, но имъ была непонятна неопредѣленная грусть и пресыщеніе жизнью въ цвѣтущую пору молодости.

Хотя Англія не имѣетъ другого поэта, равнаго Шекспиру, но ея литература въ то время только-что зарождалась, и англичане впослѣдствіи преуспѣвали во многихъ другихъ родахъ литературы, какъ мы это увидимъ въ XVII вѣкѣ.

«Послѣ того, какъ сѣкира и мечъ междоусобныхъ войнъ уничтожили независимое дворянство, и подавленіе права самостоятельности нанесло ударъ отдѣльному господству каждаго крупнаго феодальнаго барона, сеньёры покинули свои мрачные замки, зубчатыя крѣпости, окруженные рвами со стоячей водой, прорѣ-

занные узкими окнами, нѣчто вродѣ каменныхъ террасъ, пригодныхъ только для охраны жизни своихъ господъ. Они устремились толпами въ новые дворцы, съ куполами и башенками, съ замысловатыми и обильными украшеніями, съ монументальными террасами и лѣстницами, съ садами, фонтанами и статуями. Это были дворцы Генриха VIII и Елизаветы, полуготическіе и полуитальянскіе, удобства, блескъ и симметрія которыхъ говорятъ уже о привычкѣ къ обществу и о стремленіяхъ къ наслажденію. Приблизившись къ двору, сеньёры разстаются со своими нравами; четыре трапезы въ день, которыхъ едва доставало для насыщенія прожорливости стараго времени, сводятся на двѣ; люди благороднаго происхожденія вскорѣ пріобрѣтаютъ утонченность и соперничаютъ въ изысканности и своеобразности своихъ забавъ и нарядовъ. Они великолѣпно одѣваются въ ослѣпительныя матеріи, съ пышностью людей, которые въ первый разъ чувствуютъ на себѣ шуршаніе шелка и блескъ золота — въ колеты изъ ярко краснаго атласа, въ собольи мантіи, цѣною въ тысячу дукатовъ, въ башмаки изъ бархата, вышитаго золотомъ и серебромъ, съ розетками или лентами, въ отложные воротники, откуда выходятъ цѣлые потоки кружевъ, вышитыхъ фигурами птицъ, звѣрей, созвѣздій и цвѣтовъ изъ золота, серебра или драгоцѣнныхъ камней, и въ разукрашенныя рубашки, стоющія по десяти фунтовъ стерлинговъ. «Это—вещь обыкновенная, надѣть на себя въ видѣ платья тысячу козъ и сто быковъ и носить на спинѣ цѣлый замокъ». Одежды того времени походили на церковныя ризы. Когда Елизавета умерла, въ ея гардеробѣ оказалось три тысячи платьевъ. Надо ли говорить о громадныхъ воротникахъ дамъ, объ ихъ пышныхъ платьяхъ, корсажахъ, сплошь покрытыхъ бриллиантами? И — что было странной чертой того времени — мужчины были измѣнчивѣе и болѣе любили наряды, чѣмъ дамы. «Наше непостоянство таково,—говоритъ Гаррисонъ,—что сегодня всего больше нравится испанская мода, а завтра изящными и пріятными будутъ находить только французскія бездѣлки. Черезъ нѣкоторое время будутъ цѣниться только одежды въ нѣмецкомъ вкусѣ. Общее предпочтеніе будетъ отдаваться то турецкому фасону, то мавританской одеждѣ, то варварійскимъ рукавамъ, или французскому короткому нижнему платью. И не только разнообразны моды: никакими словами не выразишь высокой цѣны, изысканности, излишества, тщеславія, пышности, измѣнчивости и, наконецъ, непостоянства и безумія, встрѣчающихся во всѣхъ слояхъ общества». Пожалуй, это было безуміе, но не лишенное поэзіи.

«Со времени вступленія на престолъ Генриха VIII до смерти Іакова I, процессіи, турниры, въѣзды въ города и маскарады почти непрерывно слѣдовали одинъ за другимъ. Сперва это— царскіе пиры, пышныя коронованія, широкія и шумныя увеселенія Генриха VIII. Ульсей даетъ въ честь его празднества «столь дорогія и великолѣпныя, что они казались райскими. Тамъ не было недостатка ни въ дамахъ, ни въ дѣвицахъ, прекрасно одѣтыхъ и достаточно ловкихъ, чтобы танцовать съ замаскированными вельможами или украшать залу, когда это было нужно.

Тамъ были также всякаго рода музыка и пѣніе, съ прекрасными мужскими и дѣтскими голосами». Король, однажды, неожиданно засталъ его за столомъ, явившись вмѣстѣ съ двѣнадцатью знатными лицами, въ пастушескихъ костюмахъ изъ парчи и алаго атласа, въ предшествіи слугъ съ факелами; «это было съ такимъ шумомъ барабановъ и флейтъ, какой рѣдко можно услышать». Тотчасъ же начался новый пиръ «изъ двухсотъ новыхъ блюдъ, чрезвычайно изысканныхъ и дорогихъ. Такъ они провели ночь, пируя, танцуя и развлекаясь другими забавами, къ великому удовольствію короля и собравшейся знати» [1]).

Пробудившаяся пытливость человѣческаго ума перенеслась на вопросы болѣе трудные, касавшіеся не только наблюденій нравственныхъ, наиболѣе доступныхъ нашему уму, но и наблюденій природы и объясненій системы міра. Науки возрождались одновременно съ литературой. Подобно этой послѣдней, на первыхъ порахъ, онѣ ограничивались переводами и толкованіями наиболѣе извѣстныхъ и наилучше разъясненныхъ трудовъ греческихъ ученыхъ, которые, однако, не могли удовлетворить, подобно поэтамъ, историкамъ и философамъ, жажды знанія своихъ учениковъ, большей частью не довольствовавшихся незначительнымъ результатомъ, добытымъ послѣ продолжительнаго труда [2]). Несмотря на достоинства трудовъ греческихъ математиковъ и астрономовъ, особенно принадлежавшихъ къ школѣ Александрійской, они не дали ни одного точнаго рѣшенія вопросовъ, которые мучили человѣка невѣжественнаго въ своей собственной области и еще болѣе несвѣдущаго относительно окружающихъ его небесныхъ пространствъ.

Честь изслѣдованія и открытія этого рѣшенія принадлежитъ людямъ новыхъ вѣковъ. Новые люди въ литературѣ были учениками древнихъ; въ наукахъ они были сами учителями и творцами. Поэтому, нельзя не ставить чрезвычайно высоко имена первыхъ ученыхъ, которые, разсѣивая мракъ, накопленный заблужденіями древнихъ и гордостью, столь же ложною, сколько и упорною, какъ бы поставили міръ на настоящее мѣсто въ его дѣйствительной орбитѣ и заставили вращаться землю вокругъ солнца, а не солнце вокругъ земли.

Уже нѣкоторые астрономы, какъ, напр., *Николай Куза*, дѣлали скромныя попытки исправить ошибки нашего зрѣнія и чело-

---

[1]) H. Taine, *Histoire de la littérature anglaise*, t. I, liv. II, ch. I.

[2]) Главные ученые XV вѣка: итальянцы *Паччіоли*, великій художникъ *Леонардо да Винчи*, *Паоло Тосканелли* (1397—1482), который, въ 1468 г., водрузилъ свой гномонъ для опредѣленія солнцестояній и произвелъ любопытныя наблюденія надъ движеніемъ солнца, луны и звѣздъ. *Лоренцо Вольпаджа* соорудилъ для Лаврентія Медичи *часы* или, скорѣе, остроумную сложную машину, показывавшую не только часы, но и движенія солнца и планетъ.

Въ Германіи освобожденію астрономіи отъ астрологіи положили начало *Пуэрбахъ* (род. въ 1423 г.), *Іоганнъ Мюллеръ*, по прозванію *Регіомонтанусъ*, напечатавшій важный трудъ о кометѣ 1472 г. и первый календарь; затѣмъ, *Вернеръ*, *Іоганнъ Шонеръ* (1436—1476), *Штёфферъ*, *Николай Куза*.

Въ Испаніи *Фердинандъ Кордовскій* комментировалъ *Альмагестъ* Птоломея.

Во Франціи математическія науки разрабатывались съ успѣхомъ *Пьеромъ Дальи* (ум. въ 1420), прозваннымъ орломъ ученыхъ Франціи.

вѣческаго самолюбія. Шарообразность земли, побѣдоносно доказанная открытіями Христофора Колумба, указывала истину. Эта истина впервые была замѣчена неизвѣстнымъ торнскимъ каноникомъ, жившимъ въ одномъ изъ захолустьевъ Польши. *Коперникъ*, проживая въ городкѣ Фрауенбургѣ на Вислѣ и пользуясь знаніями, пріобрѣтенными во время путешествій по Италіи, посвятилъ всю свою жизнь наблюденію звѣздъ и вычисленіямъ. Только подъ конецъ жизни онъ рѣшился напечатать свой трудъ объ *Обращеніи небесныхъ свѣтилъ*, книгу, уничтожившую всѣ прежде признававшіяся или, скорѣе, допускавшіяся системы. Коперникъ объяснилъ движеніе различныхъ планетъ вокругъ солнца и вернулся къ идеѣ объ обращеніи земли вокругъ своей оси въ двадцать четыре часа. Безъ сомнѣнія, это первое изложеніе планетной системы было весьма несовершенно, и Коперникъ сдѣлалъ множество ошибокъ, предполагая, напр., что земля, вращаясь вокругъ солнца, обращена къ нему всегда только одною и тою же стороной. Тѣмъ не менѣе, онъ предугадалъ истину.

Какъ бываетъ всегда, человѣкъ долгое время отвергалъ эту истину. Коперникъ умеръ одновременно съ появленіемъ своей книги (1543) и не могъ уже страдать отъ нападокъ клеветниковъ, но въ теченіе XVI вѣка его система встрѣтила многочисленныхъ противниковъ, упрямыхъ защитниковъ заблужденій прошлаго [1]). Послѣдователями Коперника считаются швейцарецъ *Ретикусъ* и нѣмцы *Рейнгольдъ* и *Местлинъ*, бывшій учителемъ Кеплера.

Астрономію подвинулъ еще дальше датчанинъ *Тихо де-Браге* [2]). Онъ устроилъ обсерваторію на маленькомъ островѣ Хвенѣ, въ трехъ миляхъ отъ Копенгагена, и, поселившись тамъ, посвятилъ 20 лѣтъ своей жизни плодотворнымъ занятіямъ наукою; затѣмъ онъ былъ призванъ императоромъ Рудольфомъ II и поселился въ замкѣ Бенатекъ, близъ Праги. Его система, конечно, отличалась отъ Коперниковой и заключала слишкомъ много гипотетическаго, но имъ открытъ великій законъ *астрономической рефракціи* (преломленія лучей). Онъ замѣтилъ, что, вслѣдствіе этого преломленія, отклоняющаго свѣтъ, звѣзды, при своемъ восхожденіи надъ горизонтомъ, въ дѣйствительности, занимаютъ не то мѣсто, на какомъ мы ихъ видимъ, что̀ слѣдуетъ принимать во вниманіе при опредѣленіи ихъ точнаго положенія. Хотя онъ ошибался относительно причины этого преломленія, происходящаго отъ различія слоевъ воздуха, чрезъ которые проникаютъ свѣтовые лучи, но, тѣмъ не менѣе, онъ выдвинулъ весьма плодотворный принципъ, придавшій болѣе точности астрономическимъ наблюденіямъ. Онъ усовершенствовалъ также ученіе о *лунѣ*, работалъ надъ составленіемъ *звѣзднаго каталога* и отвергъ предразсудки древнихъ относительно *кометъ*.

Успѣхи астрономическихъ знаній привели въ XVI вѣкѣ къ важному измѣненію календаря. Юліанскій календарь былъ разсчитанъ на тропическій годъ ($365^{1}/_{4}$ дней или 6 часовъ), но для

[1]) Впрочемъ, нѣкоторые изъ этихъ астрономовъ имѣли свои заслуги. *Апіанъ*, одинъ изъ первыхъ, предложилъ цвѣтныя стекла для наблюденій солнца и наблюдалъ движенія луны для опредѣленія долготъ.

[2]) Тихо де-Браге (1547—1601).

точнаго года выходила разница *на 11 минутъ болѣе*, что, переходя изъ года въ годъ, произвело нарушеніе въ послѣдованіи праздниковъ. Папа Григорій XIII, послѣ совѣщаній съ знаменитыми астрономами своего времени, *Лиліемъ* и *Клезусомъ*, приказалъ въ 1582 г. прибавить 10 дней; и немедленно, въ тотъ же годъ, послѣ 4-го октября, стали считать 15-е. Тѣмъ не менѣе, какъ и въ Юліанскомъ календарѣ, былъ сохраненъ одинъ прибавочный день черезъ каждые четыре года, но было условлено, что этотъ день будетъ пропускаться въ нѣкоторые высокосные [1]) года, для поддержанія болѣе или менѣе вѣчнаго равновѣсія времени.

Успѣхамъ астрономіи благопріятствовали успѣхи математики. *Тарталія*, *Карданъ* и *Феррари* [2]) продолжали работы древнихъ греческихъ геометровъ и отдавались имъ съ такимъ жаромъ, что посылали другъ другу торжественные вызовы на состязаніе числами, подобно витязямъ, сходившимся на поединки съ оружіемъ въ рукахъ. Они вызывали другъ друга для рѣшенія задачъ и уравненій, и ученый міръ внимательно слѣдилъ за этими мирными битвами, которыя, впрочемъ, не лишены были раздраженія, такъ какъ пылкія страсти XVI вѣка проникали и въ собранія ученыхъ. Французскіе математики соперничали съ итальянскими геометрами, и геометрія созидалась, благодаря этому благородному соревнованію. *Пьеръ Раме*, прозванный *Рамусомъ*, знаменитый философъ, создалъ ей прочную основу, переведя *Элементы Эвклида*.

Законовѣдъ *Віетъ* (1540—1603) создалъ алгебраическій языкъ. До тѣхъ поръ математики обращались только съ числами: неизвѣстная величина и ея степени изображались сокращеніями или знаками; Віетъ сталъ изображать всевозможныя количества *буквами*. Онъ развилъ также геометрію и тригонометрію.

Медицина сдѣлала рѣшительный шагъ, благодаря *Парацельсу* [3]), отвергнувшему греческихъ и арабскихъ авторовъ, чтобы заняться непосредственнымъ наблюденіемъ природы и у нея искать цѣлительныхъ средствъ. *Андрей Везалій* [4]) положилъ въ основаніе медицины серьезное изученіе *анатоміи* и обращался за разрѣшеніемъ

---

[1]) Высокосными годами придумали сдѣлать только тѣ года, число которыхъ, кончая вѣкъ, по отнятіи двухъ послѣднихъ нулей, дѣлятся на 4. 1700, 1800, 1900—не высокосные года, но 2000 годъ будетъ высокоснымъ. Происходящая при этомъ ошибка такъ незначительна, что нуженъ промежутокъ въ четыре тысячи лѣтъ, чтобы равноденствіе подвинулось на одинъ день.

[2]) Главнѣйшіе ученые XVI в.: *Тарталіа* (Ник.) род. въ Брешіи (1500—1557), алгебраистъ, написавшій общій трактатъ *о числахъ*; Луиджи *Феррари* (1522—1565); нѣмцы: Адамъ *Ризе* (1489—1559), Рудольфъ *Штиффель* (1486—1567), *Претуріусъ*, работами котораго пользовался Кеплеръ; ландграфъ *Вильгельмъ IV* Гессенскій (1532—1592); бельгіецъ *Фанъ Броомень* (1560—1615), математикъ и астрономъ; голландецъ *Герардъ Меркаторъ*, ум. въ 1594 г., авторъ системы проэкціи, по которой параллельные круги и меридіаны изображаются прямыми нитями, пересѣкающимися подъ прямымъ угломъ; англичанинъ *Гарріотъ* (1560—1621); Іеронимъ *Карданъ* (1501—1576), род. въ Павіи, философъ, астрологъ и математикъ. *Фернель*, врачъ Генриха II (1497 — 1558); *Бютеонъ* (Жанъ) изъ Дофинэ (1492—1572); *Оронсъ Фине* (род. въ Бріансонѣ), предполагавшій, что ему удалось найти квадратуру круга; *Жакъ Пельтье* (1517—1582).

[3]) Парацельсъ род. около Цюриха (1493—1541).

[4]) Андрей Везалій род. въ Брюсселѣ (1514—1564).

вопросовъ къ изслѣдованію человѣческаго тѣла. Религіозное почитаніе умершихъ было такъ велико, что дѣлало невозможнымъ вскрытіе труповъ; тѣмъ не менѣе, Везалій, врачъ Карла V и Филиппа II, восторжествовалъ надъ этимъ предразсудкомъ, и съ того времени наука врачеванія могла стать на твердое основаніе. *Амбруазъ Паре* [1]), хирургъ Карла IX и Генриха III, заслуживаетъ названія благодѣтеля человѣчества: онъ придумалъ перевязку ранъ отъ огнестрѣльнаго оружія. Онъ, по возможности, старался ихъ заживлять, вмѣсто того, чтобы постоянно прибѣгать къ ампутаціи. Впрочемъ, медицина и хирургія, такъ же, какъ и другія науки, находились еще въ младенчествѣ.

Этимъ усиліямъ истинной науки въ XV и XVI вѣкахъ вредило упорство астрологовъ и колдуновъ. Повидимому, ихъ химерическія ученія удвоили свое распространеніе, судя по страшному преслѣдованію, введенному инквизиціей и королями. Число колдуновъ увеличилось. Напрасно отправляли ихъ тысячами на костры—такъ какъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ было около 6.500 процессовъ о колдовствѣ въ одномъ только Трирскомъ округѣ, — эпидемія (что именно и было) распространялась повсюду. Это страшное преслѣдованіе, отмѣчая грубые и жестокіе нравы той эпохи, не въ состояніи было поправить дѣла, такъ какъ подобнаго рода эпидеміи могли искореняться только успѣхами знанія и разума.

Кромѣ того, стремленіе къ преслѣдованію астрологіи и колдовства часто приводило къ смѣшенію этихъ безсмыслицъ съ истинной наукой. Ученые не рѣшались выпускать въ свѣтъ всѣ свои ученія, и не мало изъ числа ихъ сдѣлались жертвою своихъ смѣлыхъ мыслей, такъ какъ къ послѣднимъ примѣшивались иногда нѣкоторыя заблужденія. Человѣческая мысль не пріобрѣла еще свободы, и вѣкъ реформаціи, далеко не будучи вѣкомъ свободнаго изслѣдованія, былъ эпохою гоненій. Казни типографа и ученаго *Этьена Доле* и *Беркена*, въ срединѣ царствованія Франциска I, и множества другихъ лицъ во всѣхъ странахъ, и возроставшія строгости инквизиціи въ Испаніи указывали, что въ этомъ обществѣ, повидимому, столь свѣтскомъ, религія еще преобладала надъ государствомъ, и многіе изъ числа ея руководителей, ослѣпленныхъ невѣжествомъ, не понимали, насколько такими насиліями они извращали религію и подрывали ея авторитетъ.

Искусство освободилось отъ путъ, замедлявшихъ въ XV и XVI вв. подъемъ человѣческаго духа; поэтому первымъ истиннымъ возрожденіемъ было возрожденіе искусствъ. Архитекторы, живописцы и скульпторы быстро достигли совершенства, какое казалось недостижимымъ художникамъ другихъ вѣковъ, хотя и служило имъ образцомъ. Впрочемъ, этому нечего удивляться, такъ какъ, въ дѣйствительности, возрожденіе въ Италіи началось въ XII и XIII вв. Эпоха, получившая названіе Возрожденія, была только временемъ полнаго разцвѣта.

Италія раньше другихъ странъ проявила себя развитіемъ роскоши, промышленности, торговли и духомъ гражданственности, вос-

---

[1]) Амбруазъ Паре род. близъ Лаваля (1517—1590).

торжествовавшимъ надъ общественными смутами. Въ теченіе многихъ вѣковъ она была изящной, жестокой, утонченной и варварской. Улицы ея городовъ, окаймленныя дворцами, служили мѣстомъ столкновеній и убійствъ, перемежавшихся веселыми праздниками удивительной пышности. Правители небольшихъ областей покровительствовали поэтамъ и держали на жалованьи людей, готовыхъ на всякое преступленіе; восхищеніе древнимъ міромъ соединялось съ воинственными и свирѣпыми нравами; религіозные обряды слѣдовали за злодѣяніями или предшествовали имъ. Подъ прикрытіемъ пурпура, бархата и шелка, въ залахъ, уставленныхъ греческими и римскими статуями или украшенныхъ картинами высокой цѣнности, происходили трагедіи, придававшія особенно мрачный характеръ исторіи итальянскихъ княжествъ и республикъ. Всѣ эти безпрерывныя войны, нападенія, союзы и преслѣдованія поддерживали умы въ постоянномъ напряженіи, чтó также благопріятствовало искусствамъ. Это не значитъ, чтобы такое общественное состояніе служило наилучшей средой для зарожденія искусства: междоусобная война и разложеніе нравовъ—весьма плохая школа. Мы хотимъ только сказать, что итальянскіе художники оказались охваченными тою же отвагою и пылкостью, какая одушевляла ихъ современниковъ, но они облагородили эти качества, направивъ ихъ въ область служенія прекрасному.

Настоящей школой для итальянскихъ художниковъ служилъ древній міръ, по крайней мѣрѣ, для архитектуры, такъ какъ образцовъ живописи древнихъ не существовало. Съ этой любовью къ древности они соединяли религіозное вдохновеніе, еще достаточно сильное для созданія образцовыхъ произведеній. Главными архитектурными памятниками того времени служатъ церкви.

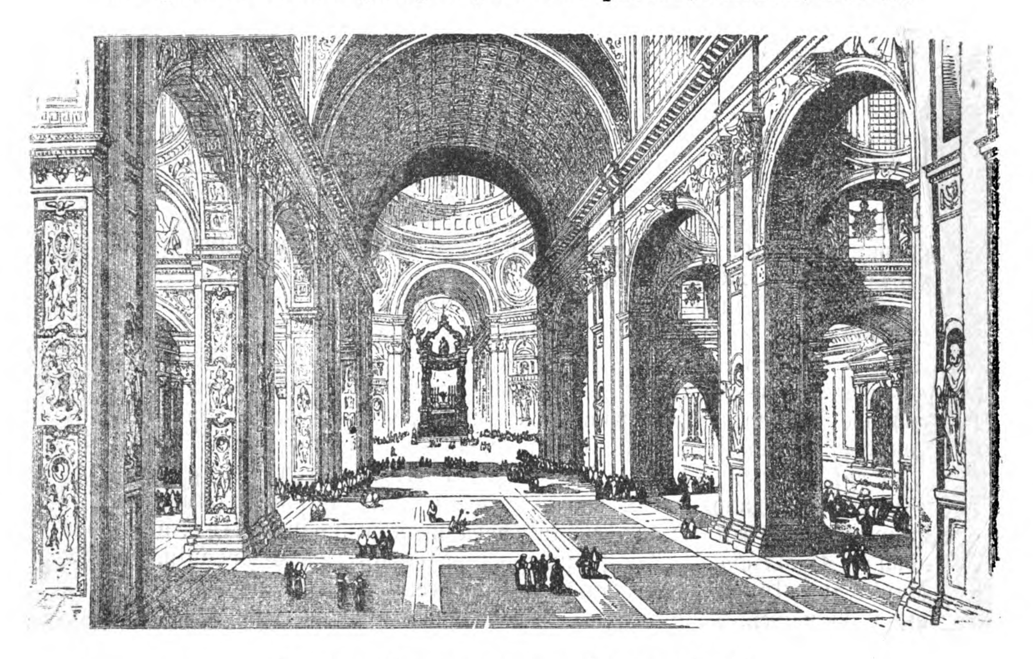
Стрѣльчатый стиль не привился въ Италіи, гдѣ въ архитектурѣ преобладало всегда византійское вліяніе. Изученіе римскихъ памятниковъ, открытыхъ среди развалинъ, въ концѣ XIII в. вдохновило *Арнольфо ди-Лапо*, архитектора собора во Флоренціи, св. Маріи деи Фіори, построенной по простому образцу первоначальныхъ базиликъ. *Брунеллески* [1]) дополнилъ произведеніе Арнольфо куполомъ, восьмиугольнымъ сводомъ на восьмигранномъ тамбурѣ, являющимся однимъ изъ главныхъ памятниковъ Возрожденія. Этотъ куполъ, вдохновившій позднѣе Браманте и Микель Анджело, имѣетъ около 50 саженъ высоты. Съ того времени города стали воздвигать памятники по образцу древнихъ, и архитектура заслужила названіе классической.

Римъ украсился дворцами, вродѣ дворца *Массими*—служащаго предметомъ удивленія и изученія художниковъ, вмѣстѣ со своимъ входомъ въ дорійскомъ стилѣ и тремя дорійскими дворами, дворца *Фарнезе*.

Церкви въ особенности вызывали соревнованіе архитекторовъ *Перуцци*, *Антоніо де-Санъ-Галло*, *Виньоли* и *Джіакомо де-ла-Порта*. Памятникомъ, лучше всего представляющимъ новое искус-

[1]) Брунеллески род. во Флоренціи (1377—1444) и былъ одновременно архитекторомъ, скульпторомъ и инженеромъ.

ство и передающимъ съ наибольшей величественностью сліяніе свѣтскихъ традицій съ традиціями религіозными, является громадная базилика *Святаго Петра въ Римѣ*, начатая пр. Юліи II, по плану знаменитаго *Браманте* (1444—1514), строившаяся при Львѣ X и его преемникахъ и законченная лишь при Скстѣ V. Цѣлый рядъ знаменитыхъ архитекторовъ, послѣ Браманте *Джіокондо*, *Джуліано де-Санъ-Галло*, *Рафаэль*, *Перуцци*, *Антоніо де-Санъ-Галло* и, наконецъ, *Микель Анджело* работали надъ этимъ грандіознымъ произведеніемъ, однимъ изъ чудесъ современнаго міра, по своей массивности, необыкновенной соразмѣрности частей (такъ какъ онъ могъ бы вмѣстить въ себѣ нѣсколько соборовъ), по красотѣ своихъ мраморовъ, лѣпныхъ работъ, мозаикъ, и по смѣлому полету купола, возвышающагося на шестьдесятъ пять сажень надъ основаніемъ церкви. Этотъ соборъ—торжество науки и искусства, и представляетъ удивительный памятникъ, воздвигнутый христіанствомъ съ помощью языческихъ традицій, проникнутый глубокимъ религіознымъ чувствомъ, одушевляющимъ готическіе соборы. Въ слѣдующемъ вѣкѣ Бернини поставилъ передъ портикомъ св. Петра двойную полукруглую колоннаду, достойную служить преддверіемъ къ этому удивительному храму.



Внутренній видъ собора св. Петра въ Римѣ.

Президентъ де-Броссъ въ слѣдующихъ словахъ описываетъ соборъ св. Петра: «Какое впечатлѣніе, думаете вы, онъ произведетъ на васъ съ перваго взгляда? Никакого. При видѣ самаго прекраснаго что̀ только есть въ мірѣ, я всего больше былъ удивленъ тѣмъ, что не испытывалъ никакого удивленія; вы входите

въ это зданіе, о которомъ уже имѣли раньше грандіозное представленіе: все очень просто. Оно кажется ни большимъ, ни малымъ, ни высокимъ, ни низкимъ, ни широкимъ, ни узкимъ. Вы замѣчаете его громадные размѣры только по сравненію, когда, обозрѣвая одну изъ капеллъ, находите ее обширной, какъ соборъ; когда, разсматривая фигуру, находящуюся у основанія одной изъ колоннъ, вы замѣчаете, что большой палецъ ея — величиною съ кулакъ. Все это зданіе, по своей удивительной соразмѣрности, обладаетъ свойствомъ представлять сильно увеличенные предметы въ ихъ настоящихъ размѣрахъ. Если оно не производитъ ошеломляющаго впечатлѣнія съ перваго взгляда, то это потому, что отличается замѣчательной своеобразностью не отличаться ничѣмъ особеннымъ. Тамъ все просто, естественно, священно и, вслѣдствіе того, величественно. Куполъ, составляющій, по моему мнѣнію, самую лучшую часть, это — Пантеонъ Агриппы, который Микель Анджело поднялъ и цѣликомъ помѣстилъ на воздухѣ. Самая высокая часть храма, т. е. крыша, удивляетъ всего болѣе, такъ какъ тамъ, наверху, вы неожиданно находите множество мастерскихъ художниковъ, лавокъ, куполовъ, квартиръ, колоколенъ, колоннадъ и т. д., составляющихъ настоящій, очень оживленный городокъ».

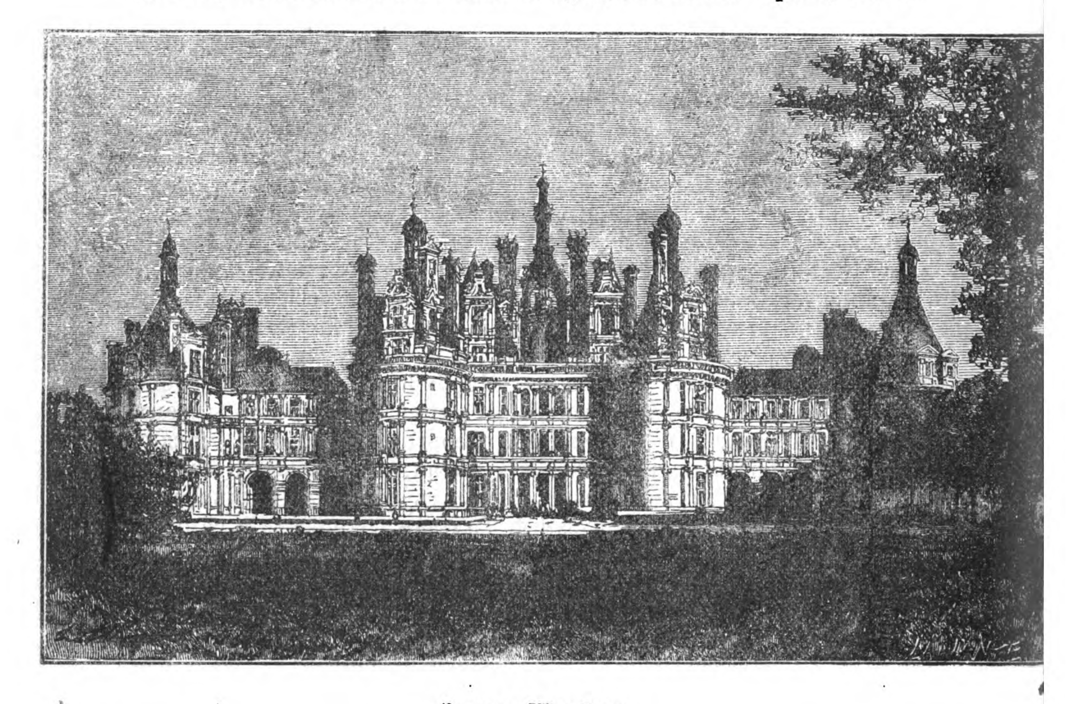
Во Франціи стрѣльчатая архитектура долгое время боролась съ вліяніемъ итальянскихъ мастеровъ. Она возносила къ небу колокольни въ Шартрѣ, центральный шпицъ Руанскаго собора, шпили св. Андрея въ Бордо. Она отдѣлала кружевами изъ камня башни при церкви св. Іакова въ Парижѣ и въ Руанѣ церковь св. Маклу, зданіе суда, затѣмъ ратушу въ С.-Кантенѣ и дворецъ Клюни въ Парижѣ [1]). Кардиналъ Георгій Амбуазскій, между прочимъ, поддерживавшій готическій характеръ въ своемъ соборѣ въ Руанѣ, одинъ изъ первыхъ сдѣлалъ уступку итальянской школѣ, въ своемъ изящномъ замкѣ *Гальонъ*, одномъ изъ самыхъ прелестныхъ образцовъ искусства Возрожденія. Людовикъ XII призвалъ изъ Италіи Джіокондо для перестройки замка въ Блуа (лѣстницы, капеллы и зданія, гдѣ помѣщается зала Штатовъ) [2]).

Подъ вліяніемъ образцовъ Италіи, старинные феодальные замки стали передѣлывать свои массивныя башни въ изящныя башенки, теряли видъ крѣпостей и становились жилищами, украшенными скульптурными окнами. Берега «тихой Луары» и Шеры, мѣстопребываніе герцоговъ Валуа-Орлеанскихъ и Валуа-Ангулемскихъ, оживились еще болѣе великолѣпными замками, въ которыхъ итальянское искусство удачно сочеталось со старой стрѣль-

[1]) *Руллан Леру* былъ однимъ изъ главныхъ архитекторовъ памятниковъ въ Руанѣ и замка Гальона, такъ же, какъ и *Рожеръ Анго*, выстроившій зданіе суда. Церковь Богоматери въ Бру, близъ Бургъ-анъ-Брессъ (1511), была послѣднимъ архитектурнымъ произведеніемъ среднихъ вѣковъ. Но художники уже стараются примѣнить украшенія Возрожденія къ церквамъ, начатымъ въ стрѣльчатомъ стилѣ: напр., церкви св. Евстахія и св. Стефана на Горѣ, въ Парижѣ, св. Михаила въ Дижонѣ, церкви въ Вильневѣ на Іоннѣ.

[2]) Джіокондо построилъ также старинный Счетный дворъ во дворцѣ Правосудія въ Парижѣ.

чатой архитектурой, при чемъ старинныя военныя укрѣпленія, сдѣлавшись безполезными, служили только предлогомъ для новыхъ украшеній: какъ, напр., замки *Мелльянъ*, *Азэй-ле-Ридо*, *Шенонсо* и т. п. Францискъ I особенно поощрялъ эту изящную архитектуру; лучшимъ образцомъ которой былъ замокъ *Шамборъ*, весь составленный изъ башенокъ, маленькихъ колоколенъ, трубъ, слуховыхъ оконъ, съ цѣлой сѣтью сквозныхъ лѣстницъ, и все это заканчивалось небольшимъ бельведеромъ, увѣнчивавшимъ зданіе. Области, лежащія на сѣверъ отъ Луары, въ свою очередь, украсились замками, какъ, напр., *Сенъ-Жерменъ*, *Мадридъ*, *Виллье-Котрэ*, *Фоламбрэй*, *Шантильи*, *Нантуллье* и, наконецъ, замокъ *Фонтенбло*, пользовавшійся особымъ предпочтеніемъ Франциска I.



Замокъ Шамборъ.

Этотъ государь велѣлъ перестроить зданія стариннаго феодальнаго образца, то, что называется Круглымъ дворомъ, затѣмъ Дворомъ фонтановъ, Бѣлаго коня, бальную залу, большую галлерею или галлерею Уллиса, сохранившую имя Франциска I. Но Фонтенбло, дѣйствительно, замѣчательно лишь по внутренней отдѣлкѣ, въ которой принимали участіе художники, призванные изъ Италіи: *Россо*, *Приматичи* и *Бенвенуто Челлини*, которые еще болѣе подняли итальянское искусство и долго господствовали надъ французскими художниками.

Между тѣмъ, французы утомились рабскимъ подражаніемъ. Изучая памятники въ Римѣ, они составили ясное понятіе о примѣненіи древнихъ традицій къ потребностямъ своей страны и

климата. Съ 1545 г. *Жанъ-Бюлланъ* [1]) началъ постройку замка *Экуана* для коннетабля Монморанси. *Пьеръ Леско* [2]) въ 1541 г. началъ перестройку *Лувра*. Его произведеніе, которымъ можно любоваться до сихъ поръ (въ юго-западной части малаго Луврскаго двора), замѣчательно по цѣлому ряду выступающихъ арокъ, колоннъ и криволинейныхъ фронтоновъ, удачно нарушающихъ прямолинейность верхняго карниза: это — одинъ изъ самыхъ законченныхъ образцовъ французскаго Возрожденія.

Филиберъ Делормъ [3]) построилъ для Екатерины Медичи *замокъ Тюильри* (уничтоженный въ 1871 г.) и замки Мёдонъ, Мадридъ, Монсо, Мюэтъ, Сенъ-Моръ де-Фоссе, и, кромѣ того, великолѣпный замокъ Анэ, теперь всѣ уже разрушенные [4]). Филиберъ Делормъ съумѣлъ превосходно воспользоваться изученіемъ древности и остался однимъ изъ самыхъ авторитетныхъ учителей французской школы Возрожденія. Къ его имени слѣдуетъ присоединить еще *Жака Андруэ дю-Серсо* [5]), замѣстившаго Пьера Леско, какъ архитектора Лувра.

Скульпторы были предшественниками зодчихъ въ Италіи, и, начиная съ XIII вѣка, *Николай Пизанскій* изваялъ нѣсколько каѳедръ въ Сіеннѣ, въ Пизѣ и гробницу св. Доминика въ Болоньѣ; послѣ него слѣдуетъ отмѣтить *Андреа Пизанскаго* [6]) и *Андреа Оркапью*.

Въ XV вѣкѣ пріобрѣлъ извѣстность *Лоренцо Гиберти* [7]) своими дверями въ Баптистеріи во Флоренціи, надъ которыми онъ работалъ втеченіе сорока лѣтъ. Затѣмъ *Донателло* [8]), *Мино де-Фьозоле*, *Лука делла Роббія* [9]) и *Сансовино* украсили церкви многочисленными статуями. Наконецъ, появился *Микель Анджело*, этотъ міровой художникъ, въ ранней молодости выступившій, какъ скульпторъ: онъ украсилъ мавзолей Лаврентія Медичи великолѣпными статуями *Авроры*, *Сумерекъ* и *Ночи*, обогатилъ своими шедеврами римскія церкви и, между прочимъ, соборъ Св. Петра, храмъ Минервы и церковь св. Петра, гдѣ онъ воздвигъ удивительный мавзолей *Юлія II*, съ могучей фигурой *Моисея* [10]).

---

[1]) Жанъ Бюлланъ, ум. въ 1578 г., работалъ также въ Тюильри, во дворцѣ Карнавалэ и построилъ дворецъ королевы, ставшій позднѣе дворцомъ Суасона.

[2]) Пьеръ Леско, изъ Лисси, сеньёръ Лагранжъ де-Мартруа (1510—1571).

[3]) Филиберъ Делормъ род. въ Ліонѣ около 1515 г., умеръ въ 1570.

[4]) Отъ замка Анэ осталась лишь одна капелла, съ изваяніями Жана Гужона. Во дворъ Школы изящныхъ искусствъ перенесенъ порталъ, состоящій изъ трехъ стилей, поставленныхъ одинъ надъ другимъ: дорійскаго, іонійскаго и коринѳскаго.

[5]) Андруэ дю-Серсо (Жакъ) построилъ дворецъ Карнавалѐ, началъ постройку Новаго моста (Pont Neuf) и оставилъ нѣсколько трактатовъ объ архитектурѣ, изданныхъ съ 1529 по 1576 г.

[6]) Андреа Пизанскій (1270—1345).

[7]) Лоренцо Гиберти (1378—1455).

[8]) Донателло или Донато (1383—1466).

[9]) Лука делла Роббія (1388—1450).

[10]) Луврскій музей обладаетъ двумя изъ его шести плѣнниковъ, прислоненныхъ къ угламъ памятника Юлія II, изображавшихъ искусства, скованныя смертью первосвященника.

Торреджіано заслуживаетъ названія соперника Микель Анджело. *Бенвенуто Челлини*, ювелиръ, граверъ, литейщикъ, чеканщикъ и ваятель, оставилъ нѣсколько скульптурныхъ произведеній во Флоренціи, но, главнымъ образомъ, онъ работалъ въ Фонтенебло [1]. *Аммонато* украсилъ внутренній дворъ дворца Питти во Флоренціи.

Во Франціи скульптурныя произведенія украшали церкви, но онѣ, какъ и другія искусства, носили отпечатокъ итальянскаго вліянія. *Жанъ Жюстъ* и *Мишель Коломбъ* начинаютъ собою школу Возрожденія [2]. Эта школа занималась всего болѣе украшеніемъ гробницъ (Гробница Людовика XII и Анны Бретанской въ Сенъ-Дени; гробница Людовика Брезе, въ Руанскомъ соборѣ, приписываемая Филиберу Делормъ или Жану Гужону; гробница Франциска I, работы Пилона).

Французская скульптура могла соперничать съ итальянской и даже съ античной скульптурой, благодаря *Жану Гужону*, прозванному французскимъ Фидіемъ [3]. Онъ обезсмертилъ себя *каріатидами* въ Луврской залѣ, *группою Діаны* (тамъ-же), бюстомъ Генриха III и барельефами, среди которыхъ отмѣчаютъ, въ особенности, *Источникъ невинныхъ*. *Жанъ Кузенъ* приблизился къ Гужону своимъ великолѣпнымъ мавзолеемъ Филиппа де-Шабо, французскаго адмирала, справедливо относимаго къ шедеврамъ французскаго ваянія XVI вѣка (въ Луврскомъ музеѣ). *Херменъ Пилонъ* [4] также прославился работою надгробныхъ памятниковъ, между прочимъ, мавзолея канцлера Рене де-Бирага и группою *Трехъ женщинъ, поддерживающихъ урну*, въ которой должны были находиться сердца Генриха II и Екатерины Медичи. Онъ создалъ также барельефъ изъ камня, изображающій *Проповѣдь апостола Павла въ Аѳинахъ*.

Византійскіе живописцы писали множество изображеній святыхъ, всегда похожія между собою, съ отпечаткомъ условной неподвижности, налагавшимся предписаніемъ религіи: они старались удовлетворить религіозное чувство, но не зрѣніе, не зная того, что глазъ и воображеніе — наиболѣе могущественное средство, говорящее душѣ и возбуждающее религіозность. На Западѣ, впрочемъ, начиная съ XIII вѣка, успѣхи изученія древности въ Италіи и пылкая любознательность умовъ указали *Чимабуэ* истинный путь и оно получило полную свободу въ XIV вѣкѣ, благодаря *Джіотто* [5].

Это былъ молодой пастухъ, котораго увидалъ Чимабуэ, когда тотъ рисовалъ на пескѣ своихъ овецъ, сдѣлавшійся, живописцемъ, скульп-

---

[1] Бенвенуто Челлини (1500—1570). Лувръ хранитъ его *Нимфу* изъ Фонтенбло.

[2] Мишо или *Мишель Коломбъ* (1431—1514). *Жанъ Жюстъ Турскій*, умеръ около 1535 г. Сюда слѣдуетъ присоединить *Жана Тексье*, *Жана Булонь*, род. въ Дуэ (1524). Одно изъ главныхъ его произведеній — *Летящій Меркурій*. Надо упомянуть также къ славѣ XV вѣка, объ обширной легендѣ изъ камня, извѣстной подъ именемъ *Святыхъ изъ Солема*, авторъ которой неизвѣстенъ: это цѣлый рядъ статуй, числомъ до 50.

[3] Жакъ Гужонъ (1515—1572).

[4] Жерменъ Пилонъ (1535—1590).

[5] Джіотто изъ Тосканы (1276—1334)

торомъ, архитекторомъ, инженеромъ, мозаистомъ и проч. и основавшій настоящую итальянскую школу, освободивъ искусство отъ рабскаго подражанія грекамъ. Онъ наблюдалъ природу, изучалъ раккурсы и перспективу и придалъ своимъ фигурамъ жизнь и выраженіе.

Тогда писали еще водяными красками, но, несмотря на все несовершенство пріемовъ, живопись достигла большихъ успѣховъ. Любовь итальянцевъ къ украшенію церквей и дворцовъ *фресками* породила множество художниковъ, и стѣны городскихъ зданій и церквей покрылись множествомъ рисунковъ, которые время, къ несчастію, истребило. *Андреа Орканья* [1]) написалъ въ церкви св. Маріи Новеллы, во Флоренціи, большую фреску ада, а въ Кампо Санто, въ Пизѣ, своеобразный *Страшный судъ*, вдохновленный Данте. *Фра Джіованни* [2]), прозванный *блаженнымъ Анджелико*, такъ какъ онъ придавалъ своимъ фигурамъ выраженіе блаженства, достигъ высокаго совершенства въ искусствѣ композиціи и изображенія чувства въ своей картинѣ *Вѣнчаніе Св. Дѣвы*. Какъ говорилъ Микель Анджело: «Этому доброму монаху надо было побывать въ раю и получить разрѣшеніе взять оттуда свои модели».

Мазаччіо [3]) за свои фрески и картины заслуживалъ названіе перваго мастера живописи. Голова старика, написанная на черепицѣ и сохраняемая въ музеѣ во Флоренціи,—образецъ совершенства рисунка и наблюдательности. Это послужило основаніемъ флорентинской школы.

Религіозное чувство, столь глубокое у первыхъ итальянскихъ живописцевъ. сохранившееся со времени среднихъ вѣковъ, было еще живѣе въ странахъ Сѣвера, во Фландріи, гдѣ корпораціи художниковъ, составившіяся по образцу корпорацій суконщиковъ, работали съ намѣреніемъ украсить церкви рисунками наподобіе священныхъ рукописей. Богатство фламандскихъ городовъ выражалось не только въ увеличивавшейся роскоши домовъ городскихъ фабрикантовъ, но и въ украшеніи храмовъ и алтарей. Герцоги бургундскіе поощряли эти первыя художественные опыты, и около 1372 г. знаменитый Жеганъ Брюггскій издалъ *Библію*, украшенную мелкими рисунками, сохраняющуюся въ музеѣ въ Гагѣ [4]). Этому художнику, первому по времени фламандскому живописцу, было поручено герцогомъ Анжуйскимъ, братомъ Карла V, составить рисунки для знаменитыхъ ковровъ Апокалипсиса, часть которой хранится въ соборѣ въ Анжерѣ. Почти во всѣхъ городахъ появились художники, и Возрожденіе началось въ туманной Фландріи въ то-же время, какъ и подъ яснымъ небомъ Италіи. Фландрія даже доставила итальянцамъ орудіе для дальнѣйшаго усо-

[1]) Живописецъ и скульпторъ (1329—1389).

[2]) Гвидо ди-Пьетро, сдѣлавшись монахомъ, принялъ имя *Фра* (братъ) Джіованни да-Фьезоле (1387—1455). Картина, изображающая вѣнчаніе Богоматери, находится въ Луврскомъ музеѣ.

[3]) Томазо Гвиди, прозванный Мазаччіо.

[4]) Послѣ этого имени въ XIV вѣкѣ слѣдуетъ упомянуть имена Андрея Бонево, живописца, иллюстратора и скульптора, Жана Гассельта, живописца Луи де-Маля, графа Фландріи и Мельхіора Бродерлама, который въ 1398 г. расписалъ для Картезіанскаго монастыря въ Дижонѣ ставни и запрестольный образъ по дереву.

вершенствованія: братья Фонъ-Эйкъ, благодаря удивительному изобрѣтенію, дали живописцамъ средство навсегда закрѣплять свои образцы.

До тѣхъ поръ краски смѣшивали съ водой; поэтому требовалось много времени, чтобы высушивать рисунки *Іоганъ Фанъ-Эйкъ* нашелъ лакъ, смѣшанный съ растительными маслами, ускорявшій высыханіе. Онъ вскорѣ убѣдился, что краски лучше смѣшивались съ масломъ, чѣмъ съ водой, что цвѣтъ ихъ тогда былъ опредѣленнѣе и давалъ болѣе блеску, а для просушки ихъ былъ нуженъ только очищенный, тонкій и прозрачный лакъ. Средство писать *масляными красками было открыто* (около 1410).

Іоганъ Фанъ-Эйкъ [1]) оказалъ живописи такую же услугу, какую Гуттенбергъ сдѣлалъ для литературы изобрѣтеніемъ книгопечатанія. Впервые этотъ пріемъ былъ примѣненъ для прекраснаго запрестольнаго образа *Мистическаго Агнца*, въ церкви Св. Бавона въ Гентѣ, заключавшаго не менѣе двадцати отдѣльныхъ частей и 300 лицъ. Около половины XV вѣка, итальянецъ *Антонелло изъ Мессины*, прибылъ во Фландрію, изучилъ новый способъ живописи и перенесъ его на свою родину, гдѣ художники приняли его съ радостью.

Живопись масляными красками была изобрѣтена въ благопріятное время, когда научное движеніе увлекало и возбуждало художниковъ. Возрожденіе живописи было только слѣдствіемъ возрожденія литературы. Увлеченные Дантомъ и Петраркой, доставившими имъ возможность понимать Гомера, Виргилія и Горація, живописцы вызывали къ жизни и запечатлѣвали безсмертными штрихами безсмертныя описанія древнихъ и новыхъ авторовъ. Душа античныхъ музъ перешла въ души живописцевъ, своихъ поклонниковъ.

Несмотря на обширную долю участія миѳологіи и исторіи въ произведеніяхъ итальянскихъ мастеровъ, участіе христіанской религіи имѣло еще большее значеніе. Съ этой точки зрѣнія, итальянскіе живописцы служатъ продолжателями художниковъ-скульпторовъ и монаховъ-иллюстраторовъ среднихъ вѣковъ. Драматическіе или изящные разсказы изъ библіи, строгія фигуры патріарховъ и пророковъ, притчи изъ Евангелія, трогательныя эпизоды Страданій Христа, сказанія о святыхъ и мученикахъ и мистическій экстазъ обращенныхъ служили сюжетами, повтореніе которыхъ, повидимому, не утомляло современниковъ, такъ же, какъ и безконечныя сочетанія естественнаго и сверхъестественнаго, неба и земли, людей и ангеловъ. Художники изображали на страницахъ, иногда увеличенныхъ соразмѣрно стѣнамъ церквей, иногда уменьшенныхъ въ небольшую картину, поклоненіе, молитвы и надежды христіанъ.

---

[1]) Братья Фанъ-Эйкъ были уроженцами Маасъ—Эйка. Старшаго звали Губертомъ, второго, изобрѣтателя масляныхъ красокъ—Іоганомъ. Онъ умеръ въ 1440 г., оставивъ множество произведеній, теперь разсѣянныхъ въ Гентѣ, Брюсселѣ, Берлинѣ, Лондонѣ, Парижѣ, гдѣ можно видѣть Богоматерь съ Младенцемъ, которымъ молится канцлеръ Роленъ. Іоганъ Фанъ-Эйкъ создалъ фламандское искусство, пейважъ и перепективу.

Нечего говорить, что всѣ эти художники проникнуты тою-же простодушной и пламенной вѣрой, какъ и каменьщики, строившіе соборы, ваятели, ихъ украшавшіе, и иллюстраторы. разрисовывавшіе Библію. Роскошная, развращенная жизнь и скептицизмъ XV и XVI вв. не допускаютъ сомнѣнія на этотъ счетъ, и этихъ художниковъ нельзя представить себѣ толпящимися вокругъ Юлія II или Льва X, такъ какъ первые были гораздо болѣе христіанами, чѣмъ воинственный папа или первосвященникъ-эпикуреецъ, элегантный, но развращенный дворъ котораго заслужилъ анаѳему отцовъ церкви. Этимъ же объясняется странный способъ, какимъ нѣкоторые итальянскіе живописцы часто скорѣе передѣлывали, чѣмъ истолковывали христіанскіе сюжеты. Они обращались съ ними по образцу древне-греческаго искусства, видя въ нихъ только предлогъ создавать всѣ виды человѣческаго тѣла и выказывать свои анатомическія познанія. Почти всегда они брали рамки изъ области религіи, а вдохновеніе—изъ древняго міра. Христіанскія фигуры они писали какъ язычники.

Помимо этого замѣчанія, можно считать доказаннымъ, что живопись, такъ же, какъ и литература, въ эпоху Возрожденія, воспроизводила двойной характеръ—религіозный и античный. Въ ней, какъ и въ литературѣ, произошло сліяніе духа древности съ христіанскими вѣрованіями. Искусство живописи выразило еще съ бо́льшимъ блескомъ, чѣмъ искусство литературы, идеи новаго общества.

Во Флоренціи, Мазаччіо основалъ въ XV в. первую школу, слава которой продолжала возрастать до конца XVI столѣтія. Пьетро *Ванучч*и, прозванный *Перуджино* [1]), придалъ особенно изящное выраженіе, живыя краски и золотистый оттѣнокъ своимъ картинамъ религіознаго содержанія. Онъ былъ достойнымъ учителемъ Рафаэля. Около Флоренціи въ замкѣ *Винчи*, родился въ 1452 г. *Леонардо*, прославившій одновременно, какъ Микель Анджело, скульптуру, живопись и архитектуру, не говоря уже объ его талантахъ механика и инженера. Твердой и блестящей кистью онъ очерчивалъ божественныя и простыя фигуры съ такимъ совершенствомъ, что Вазари, говоря о портретѣ *Джоконды*, прибавлялъ, что это—«не живопись, а отчаяніе живописцевъ». Его картины, впрочемъ, не многочисленны, такъ какъ Леонардо часто отвлекался отъ нихъ своими научными работами, и нѣкоторые лучшіе образцы его произведеній, какъ, напр., *Тайная вечеря*, фреска въ одномъ старинномъ монастырѣ въ Миланѣ, сильно повреждены [2]).

---

[1]) Пьетро Ванучи (1446—1524) былъ прозванъ Перуджино, такъ какъ родился въ Перуджіи. Въ Луврѣ находятся его *Рождество Христово*, *Пречистая Дѣва* и *Мадонна*. Ватиканъ имѣетъ его *Воскресеніе Христово*. Но главное его произведеніе *Явленіе Пресвятой Дѣвы св. Бернару* хранится въ Мюнхенѣ.

[2]) Музей Лувра хранитъ нѣсколько чудныхъ полотенъ Леонардо да Винчи: *Богоматерь* въ *Пещерѣ*, *св. Анна и Дѣва Марія*, затѣмъ, *Прекрасная продавщица*, невѣрно названная, такъ какъ предполагаютъ, что это—портретъ герцогини Мантуанской, и Джоконда. Нѣкоторыя изъ его картинъ находятся въ Германіи, Англіи, Испаніи, Италіи, въ Неаполѣ и во Флоренціи.

(Въ Спб. Имп. Эрмитажѣ находится его несомнѣнно подлинная *Святая Екатерина*). *Прим. пер.*

Леонардо первый изъ великихъ мастеровъ вдохновилъ монаха *Бартоломео делла Порта* [1]), извѣстнаго подъ скромнымъ именемъ *Фрате* (братъ), который сталъ придавать своимъ фигурамъ святыхъ выраженіе, величественность и сильный колоритъ. *Андреа дель Сарто* отличается чистотою рисунка, единствомъ компо-

Богоматерь въ пещерѣ (картина Леонардо да Винчи).

зицій и изяществомъ положенія фигуръ, какъ религіознаго, такъ и обыденнаго содержанія [2]). Флоренція произвела также двухъ

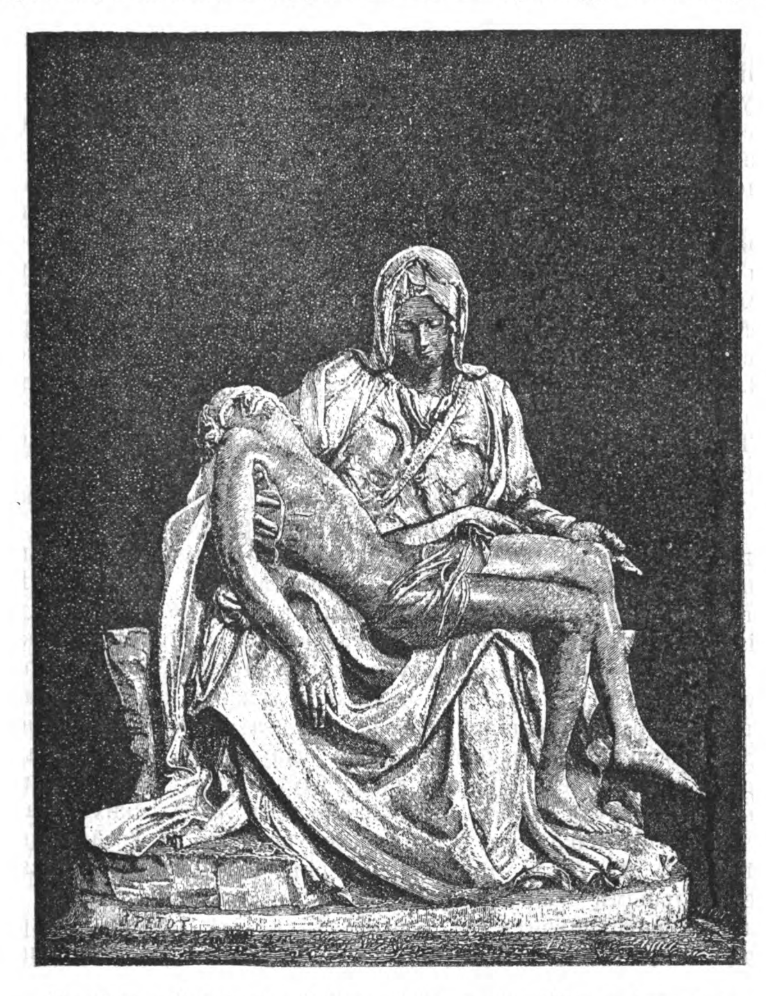
[1]) Фра Бартоломео делла Порта (1469—1517) написалъ гигантскую фигуру *св. Марка* для фасада своего монастыря, а также *св. Севастьяна*, картину, посланную Франциску I.

[2]) Андреа Ваннуки, прозванный дель Сарто, потому что онъ былъ сыномъ портного, оставилъ 16 прекрасныхъ полотенъ во дворцѣ Питти (во Флоренціи). Въ Луврѣ находятся его *Положеніе во гробъ*, два *св. Семейства*, два *Успенія* и два *Благовѣщенія*. Одно изъ его лучшихъ произведеній, портретъ женщины, Лукреціи делла Фаде, достоенъ быть поставленнымъ рядомъ съ Джокондой. (Въ Спб. Имп. Эрмитажѣ находятся его четыре *св. Семейства*).

Прим. перев.

Аллори и Джорджіо *Вазари*, болѣе извѣстнаго своей замѣчательной исторіей живописцевъ, чѣмъ собственными картинами.

Несмотря на то, что Микель Анджело Буонаротти былъ уроженцомъ Тосканы, онъ сдѣлался основателемъ *римской школы*. Микель Анджело жилъ и работалъ почти цѣлое столѣтіе, прославивъ всѣ искусства, оставшись неподражаемымъ въ скульптурѣ такъ же, какъ



Скорбящая Богоматерь (скульптурная группа Микель Анджело).

въ живописи и архитектурѣ. Пренебрегая узкими рамками, онъ чувствовалъ себя свободнымъ передъ обширными поверхностями, которыя онъ покрывалъ своими величественными замыслами, воспроизводя на сводахъ Сикстинской капеллы *Сотвореніе міра* и *Священную исторію*, истолковывая библейскія сцены и оживляя ихъ передъ нашими глазами съ силой, равной вдохновенію Моисея. Обладая глубокимъ знаніемъ анатоміи, умѣя сгибать и разгибать

тѣла, измѣнять положенія, почерпая изъ всевозможныхъ источниковъ механизмъ рисунка, Микель Анджело не боялся коснуться сюжета, вдохновившаго геній Данта, и написалъ *Страшный судъ*, фреску, занимающую цѣлую стѣну Сикстинской капеллы, прямо противъ входа. Это колоссальное произведеніе, вмѣщающее триста фигуръ, эта поэма изъ красокъ, искусно сгруппированная, удачное сочетаніе множества сценъ, приводящихъ къ единству дѣйствія, эта единственная въ своемъ родѣ фреска внушаетъ удивленіе возвышенностью сюжета, жизненностью, какою блещутъ тѣла избранныхъ и мученія отвергнутыхъ, противуположностью между земными и небесными группами. Въ теченіе девяти лѣтъ, запершись въ Сикстинской капеллѣ, Микель Анджело работалъ съ жаромъ, и никто не достигалъ еще такой необычайной мощи и поражающаго величія. Если мы перенесемся мысленно въ Египетъ и вспомнимъ вѣсы, которые держали божества съ головами животныхъ, изображая судъ надъ душами умершихъ, мы поймемъ, какой путь прошла мысль, чтобы достигнуть совершенства въ человѣкѣ и поэтическомъ познаніи художника, способнаго выразить на стѣнѣ храма христіанскую идею міра, являющагося на судъ передъ Богомъ, освѣщая заранѣе, съ помощью воображенія, этотъ страшный день, когда сужденія людей будутъ судиться въ свою очередь.

Тэнъ слѣдующимъ образомъ описываетъ своды Сикстинской капеллы, расписанные Микель Анджело:

«Сверхчеловѣческія существа, столь же несчастныя, какъ и мы, тѣла боговъ, скованныя земными страстями, Олимпъ, гдѣ сталкиваются между собою человѣческія трагедіи,—вотъ мысль, какою вѣетъ отъ всѣхъ сводовъ Сикстинской капеллы... Есть души, въ которыхъ впечатлѣнія блещутъ, какъ молніи, и всѣ дѣйствія которыхъ такія же молніи. Таковы лица Микель Анджело. Его колоссальный Іеремія, задумавшійся, опустивъ громадную голову на гигантскую руку,—о чемъ онъ думаетъ, опустивъ глаза? Волнистая, развѣвающаяся борода, опускающаяся до половины груди, рабочія руки, изборожденныя выпуклыми жилами, нахмуренный лобъ, тяжелыя черты лица, глухая угроза, готовая вырваться изъ груди, — все это напоминаетъ варварскихъ царей, мрачныхъ охотниковъ за зубрами, обрушивавшихъ свой безплодный гнѣвъ на врата Римской имперіи. Іезекіиль обернулся съ стремительнымъ вопросомъ, и движеніе его такъ быстро, что воздухъ приподнимаетъ на его плечѣ складку плаща... Вокругъ нихъ, на кривизнѣ свода, обнаженные юноши вытягиваютъ спины или расправляютъ руки, то въ горделивыхъ и спокойныхъ позахъ, то стремящіеся впередъ и бьющіеся; нѣкоторые изъ нихъ кричатъ и, своимъ оцѣпенѣвшимъ бедромъ или судорожно сжатой ногой, яростно колеблютъ стѣну. Ниже ихъ присѣлъ согбенный старикъ-богомолецъ, женщина цѣлуетъ своего спеленатаго ребенка, человѣкъ въ отчаніи искоса бросаетъ взглядомъ вызовъ судьбѣ, молодая дѣвушка, съ красивымъ, улыбающимся лицомъ, спокойно спитъ; двадцать другихъ самыхъ крупныхъ фигуръ среди живыхъ людей говорятъ всѣми подробностями своей позы и самой мелкой складкой своей одежды.

«И это только контуры свода; на самомъ сводѣ, длиною въ 200 футовъ, развертываются событія изъ книги Бытія и исторіи освобожденія Израиля, сотвореніе міра, мужчины и женщины, грѣхъ, изгнаніе первой четы, потомъ мѣдный змѣй, убіеніе Олоферна, казнь Амана, цѣлое населеніе трагическихъ фигуръ. Ложишься на старый коверъ, покрывающій полъ, и смотришь на нихъ. Пусть онѣ на высотѣ ста футовъ надъ головою, закопченныя, облупившіяся, нагроможденныя другъ на друга; пусть онѣ стоятъ внѣ всякихъ привычекъ нашей живописи, нашего вѣка и нашего ума; прежде всего, ихъ слышишь. Художникъ такъ великъ, что различія времени и національности не существуютъ для него.

«...Въ тѣлѣ, какимъ онъ его пишетъ, все выразительно—скелетъ, мышцы, складки одежды, позы и соразмѣрность, и зрителя потрясаютъ разомъ всѣ части этого зрѣлища. Это тѣло выражаетъ гнѣвъ, гордость, смѣлость, отчаяніе, суровость бѣшеной страсти или героической воли, зритель испытываетъ потрясеніе отъ необычайно сильныхъ впечатлѣній. Нравственная энергія сквозитъ изъ каждой физической подробности, и она, какъ будто, одновременно отражается и въ нашемъ тѣлѣ.

«...Его *Страшный Судъ*, находящійся рядомъ, не оставляетъ того же впечатлѣнія: художнику было тогда 67 лѣтъ, и вдохновеніе его уже утратило прежнюю свѣжесть. Кто слишкомъ долго обращается со своими идеями, тотъ лучше овладѣваетъ ими, но онѣ менѣе волнуютъ его; онъ уже заходитъ за предѣлы первоначальнаго ощущенія, единственно истиннаго; невольно приходится преувеличивать или повторять самого себя... Тѣмъ не менѣе, произведеніе это остается единственнымъ въ своемъ родѣ: оно напоминаетъ напыщенный маршъ, съигранный со всею силою груди стараго воина. Фигуры и цѣлыя группы въ немъ достойны величайшихъ твореній художника. Глядя на нихъ, уже не чувствуешь злоупотребленія искусствомъ, преслѣдованія эффекта, торжества ремесла; видишь передъ собою только ученика Данте, друга Саванароллы, отшельника, пропитаннаго грозными страницами Ветхаго Завѣта, патріота, стоика, судью, носившаго въ сердцѣ трауръ по своей родинѣ, присутствовавшаго при погребеніи свободы и Италіи, единственнаго, не перестававшаго жить среди низкихъ характеровъ и выродившихся душъ, и съ каждымъ днемъ становившагося все мрачнѣе и мрачнѣе, проведя девять лѣтъ за этой колоссальной работой, съ душою, полною мысли о Верховномъ Судіи, прислушиваясь заранѣе къ грому послѣдняго дня» [1]).

Болѣе краткая и болѣе полная, относительно своей недолговременности, дѣятельность *Рафаэля* изъ Урбино отмѣчаетъ торжество искусства христіанскаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, языческаго эпохи Возрожденія. Въ своихъ фрескахъ, картинахъ и портретахъ (Юлія II, Льва X, Форнарины) и Святыхъ Семействахъ, Рафаэль, безъ видимыхъ усилій, достигъ совершенства талантомъ композиціи, рисунка и письма. Въ его произведеніяхъ поражаетъ

---

[1]) Taine, *Voyage en Italie*, tome I.

*

спокойствіе, производимое увѣреннымъ въ себѣ искусствомъ, не дѣлающимъ никакого напряженія для выраженія мысли религіозной или обыденной, наблюдающимъ и идеализирующимъ природу и удовлетвореннымъ, если ему удается запечатлѣть на полотнѣ образы, которыми оно желаетъ нравиться или тронуть. Геній Рафаэля вполнѣ греческій. Это происходитъ не только оттого, что онъ въ своихъ произведеніяхъ отводитъ большое мѣсто миѳологіи и исторіи, но, главнымъ образомъ, потому, что онъ усвоилъ спокойствіе и грацію античнаго міра.

Скрипачъ (картина Рафаэля).

Можно въ различныхъ музеяхъ восхищаться главными картинами Рафаэля, но надо отправиться въ Ватиканъ, чтобы видѣть его *Ложи*, наружныя галлереи одного изъ дворцовыхъ дворовъ. Въ каждомъ промежуткѣ, между сводами этихъ галлерей, Рафаэль помѣстилъ по четыре картины и, такимъ образомъ, далъ цѣлый рядъ картинъ, числомъ пятьдесятъ двѣ, заключающихъ въ себѣ главныя сцены изъ священной исторіи. Въ этомъ, по истинѣ грандіозномъ, трудѣ великому мастеру помогали его ученики, въ особенности *Джуліо Романо*. Въ самомъ дворцѣ Рафаэль расписалъ четыре залы, гдѣ онъ размѣстилъ свои обширныя композиціи: *Споръ о Святомъ Причащеніи* (называемый также *Теологіей*) и *Аѳинскую школу* (или *Философію*), *Парнасъ* и *Правосудіе*, исторію Эліодора, пораженнаго на порогѣ Іерусалимскаго храма, *Освобожденіе св. Петра*, *Папа св. Левъ*, останавливающій Аттилу, и многочисленныя сцены, въ которыхъ Рафаэль прославляетъ *Констан-*

тина, покровителя церкви. Въ этихъ обширныхъ твореніяхъ съ величественнымъ и благороднымъ замысломъ, съ соразмѣрностью группъ, съ легкимъ и правильнымъ рисункомъ, фигуры обладаютъ изяществомъ и простотою, и общій видъ дышетъ кротостью чувства и очарованіемъ никогда не изглаживающагося впечатлѣнія. Художникъ превзошелъ себя въ *Преображеніи*, картинѣ, которая была выставлена надъ мертвымъ тѣломъ Рафаэля и которую торжественно несли во время его похоронъ. Рафаэль, не смотря на знаменитыхъ художниковъ, слѣдовавшихъ за нимъ, остался безспорно неподражаемымъ образцомъ и воспитателемъ живописцевъ [1]).

Микель Анджело и Рафаэль перенесли въ Римъ тайны флорентинскихъ мастеровъ и создали римскую школу, представителями которой они были сами и которая соединила мощность съ изяществомъ. Впрочемъ, плодовитость Италіи была такъ значительна, что мастера живописи появлялись почти въ каждомъ итальянскомъ городѣ.

На сѣверѣ, въ Миланѣ, гдѣ долго жилъ Леонардо, и куда искусство также было принесено изъ Флоренціи, образовалась *ломбардская* школа, имѣвшая, еще до прибытія Леонардо, *Андреа Мантенью* изъ Падуи [2]) и *Бернардино Луини.*

Затѣмъ, вполнѣ самостоятельно не видавъ ни Флоренціи ни Рима, вдохновившись только одной картиною Рафаэля (*Св. Цецилія*), передъ которою онъ почувствовалъ пробужденіе своего генія, *Антоніо Аллегри*, названный *Корреджіо*, приблизился къ великимъ мастерамъ. Онъ написалъ въ Пармѣ *Вознесеніе*, украшающее внутренность купола церкви св. Іоанна, и *Успеніе Пресв. Богородицы*, также занимающее весь куполъ Пармскаго собора [3]).

---

[1]) Произведенія Рафаэля всего болѣе можно видѣть въ музеяхъ Италіи. Въ музеѣ Флоренціи хранится *Св. Дѣва съ птичкой*, *Св. Дѣва сидящая* (Madonna della sedia) (одинъ изъ шедевровъ, копіи котораго во множествѣ распространены въ гравюрахъ). *Св. Іоаннъ въ пустынѣ*, *Видѣніе Іезекіиля* и портреты *Юлія II*, *Льва X* и *Форнарины*. Въ Болоньи находится *св. Цецилія*. Въ Римѣ можно видѣть четырехъ великолѣпныхъ *Сивиллъ* въ Санта-Марія делла Паче, могучаго *Исайю* въ церкви св. Августина, которымъ Рафаэль мѣрялся съ Микель Анджело; *Торжество Галатеи* и *Исторія Психеи* изъ Фарнезины. Во дворцѣ Шіарра—портретъ неизвѣстнаго юноши, называемый *Скрипачомъ*, такъ какъ онъ держитъ въ рукѣ, вмѣстѣ съ цвѣткомъ, смычокъ старинной формы. Въ Мадридѣ находятся три портрета и семь картинъ, изображающихъ *Святое семейство* и *Несеніе Креста*. Въ Лондонѣ, въ Кенсингтонскомъ музеѣ хранятся картоны Гемптонъ-Коурта, сдѣланные для ковровъ, исполненныхъ во Фландріи и впослѣдствіи пріобрѣтенные англійскимъ королемъ Карломъ I. Наконецъ, въ Луврскомъ музеѣ, въ Парижѣ, есть его портреты, *Св. Семейство* и *Св. Михаилъ, поражающій демона.*

(Въ Спб. Императ. Эрмитажѣ приписываются Рафаэлю слѣдующія картины: *Св. Семейство*, назыв. св. Дѣвой Альбійской, два другія *Св. Семейства*, *Юдифь* и нѣсколько портретовъ. Кисти Джуліо Романо принадлежатъ тамъ-же: *Битва*, *Созданіе Евы* и *два св. Семейства*). *Прим. перев.*

[2]) Андреа Мантенья (1430—1506);

[3]) Антоніо Аллегри назывался Корреджіо, потому что онъ родился въ мѣстечкѣ этого имени (1494—1534). Пармскій музей хранитъ еще его *св. Іеронима* и *св. Дѣву съ чашкой*; въ Флорентинскомъ музеѣ — *Пресв. Дѣва, поклоняющаяся Христу Младенцу*; въ Неаполитанскомъ—*Агарь въ пустынѣ* и *Мистическій бракъ св. Екатерины*. Дрезденъ обладаетъ шестью оригинальными полотнами Корреджіо, въ числѣ которыхъ находится *Рождество* или

Корреджіо не только изященъ и граціозенъ: его живопись носитъ въ себѣ нѣжность, особенную мягкость, которой напрасно пытались подражать его многочисленные ученики. Среди этихъ послѣднихъ отмѣчаютъ, впрочемъ, *Пармеджіанино* [1]).

Въ сторонѣ отъ всякой школы стоитъ своеобразный живописецъ *Караваджіо*, изучавшій и слушавшійся только самого себя, не воспитанный, невѣжественный, не цѣнившій античную красоту, притворявшійся ненавистникомъ Рафаэля и Корреджіо, признававшій одного только учителя—природу. Тѣмъ не менѣе, онъ любилъ изображать ее пошлой и грубой, въ разрѣзъ съ современною ему эпохой утонченности, но полной силы и правды [2]).

Небо Венеціи, отражающееся въ голубыхъ волнахъ Адріатическаго моря, повидимому, дало живописцамъ этого города свои краски и блескъ. Венеціанцы были страстными любителями красокъ, и ихъ живописцы воспроизводили на картинахъ самые яркіе колориты. Братья *Беллини* [3]) положили начало знаменитой венеціанской школѣ, столь привлекательной и плодовитой. *Джорджіо Барбарелли*, умершій еще молодымъ, украсилъ своими фресками нѣжныхъ тоновъ стѣны дворца венеціанскихъ дожей и оставилъ не мало картинъ, которыми гордятся европейскіе музеи [4]). Джоржіо или Джіорджане былъ современникомъ Тиціана.

Тиціанъ, какъ и Микель Анджело, жилъ почти цѣлое столѣтіе и, втеченіе своего долгаго жизненнаго поприща, далъ множество произведеній, украсивъ церкви и дворцы въ Венеціи, создавая картины религіознаго и свѣтскаго содержанія для королей и богатыхъ людей, съ трудомъ успѣвая, несмотря на рѣдкую быстроту въ работѣ, удовлетворять заказы епископовъ, королей и самаго главнаго своего заказчика, императора Карла Пятаго, который, какъ разсказываютъ, удостоилъ, однажды, поднять съ пола его кисть. Именно, этотъ государь постоянно за-

---

Св. Ночь. Въ Парижѣ есть только два его произведенія: *Бракъ св. Екатерины* и шедёвръ, называемый *Сномъ Антіопы*. (Въ Спб. Импер. Эрмитажѣ — *Бракъ св. Екатерины*, нѣкогда принадлежавшій къ коллекціи графа Брюля, *Мадонна, кормящая грудью Младенца Іисуса*, и двѣ группы дѣтей (этюдъ). (*Прим. пер.*).

1) Пармеджіанино (Франческо Маццуоли, 1503—1540). Луврскій музей хранитъ его *Видѣніе св. Іеронима*. Въ Неаполѣ находятся семь или восемь его картинъ.

2) Микель Анджоло Америги да Караваджіо (1569—1609). Въ Римѣ есть его *Снятіе съ Креста* и *Игроки*; въ Вѣнѣ — портретъ *Молодой дѣвушки, играющей на лютнѣ*; въ Луврѣ—*Успеніе Пресв. Дѣвы*, отступающее отъ традиціи и даже отъ религіознаго стиля, *Гадальщица* и портреты.

3) Джентиліо Беллини (1421—1501), картина котораго *Пріемъ венеціанскаго посла въ Константинополѣ* находится въ Луврѣ. Джіованни Беллини (1426 — 1516) во Франціи называли Жанъ Белэнъ. (Нѣсколько картинъ Беллини хранятся въ Спб. Импер. Эрмитажѣ). (*Прим. пер.*).

4) Джоржіо Барбарелли изъ Кастельфранко (1477—1511). Въ Венеціи, въ академіи художествъ, можно видѣть его *Бурю, укрощаемую св. Маркомъ*; во Флоренціи—*Моисея, испытываемаго раскаленными углями*: во дворцѣ Питти — *Моисея, спасеннаго изъ воды*: въ Мадридѣ — *Давида, убивающаго Голіаѳа*, и *Семейный портретъ* (поразительный шедёвръ); въ Дрезденѣ—*Встрѣча Іакова съ Рахилью;* въ Луврѣ, въ Парижѣ—*Деревенскій концертъ* и *Св. Семейство*. (Въ Спб. Имп. Эрмитажѣ также есть образцы кисти Барбарелли. *Прим. пер.*).

ставлялъ Тиціана съ необычайной легкостью переходить отъ священныхъ сюжетовъ къ сюжетамъ языческимъ, отъ изображеній святыхъ къ миѳологическимъ божествамъ, отъ Святого Семейства къ Венерамъ и Адонисамъ, оживляя все своей волшебной кистью, до наиболѣе холодныхъ аллегорій и наиболѣе лживыхъ апоѳеозовъ. Искусство, благодаря Тиціану, пріобрѣло полную свободу и даже въ сюжетахъ религіозныхъ стало еще менѣе щепетильнымъ, чѣмъ у другихъ живописцевъ эпохи Возрожденія. Тиціанъ давалъ волю своему воображенію, своему вкусу и прихотямъ. Но онъ придавалъ самымъ своеобразнымъ замысламъ такой колоритъ и картины его исполнены такого яркаго блеска, что, не смотря на нѣсколько протекшихъ вѣковъ, онѣ еще продолжаютъ ослѣплять насъ [1]).

Тиціанъ, несмотря на свою славу, былъ завистливъ, и отослалъ изъ своей мастерской одного изъ учениковъ, сына красильщика, который прославилъ наименованіе этого ремесла, получивъ прозваніе *Тинторетто* (Tintoretto) [2]). Этотъ художникъ, вынужденный сдѣлаться самостоятельнымъ, вмѣсто того, чтобы быть подражателемъ, хотѣлъ избѣжать недостатка Тиціана, заботившагося всего болѣе о колоритѣ и пренебрегавшаго рисункомъ. Тинторетто изучалъ рисунокъ у Микель Анджело, и его слава распространилась на столько, что онъ былъ приглашенъ наполнить своими произведеніями храмы и дворцы въ Венеціи. Онъ украсилъ потолокъ залы Большого Совѣта во дворцѣ дожей громадной картиной въ 64 фута длины и 30 ширины: *Слава Рая*. Повидимому, Тинторетто заимствовалъ у Микель Анджело не только рисунокъ, но и

---

[1]) Тиціанъ, Тиціано Вечелліо, изъ Кадора (1477—1576), умеръ девяноста девяти лѣтъ отъ чумы. Въ Венеціи, гдѣ онъ провелъ почти всю свою долгую жизнь, находятся многія изъ его произведеній и, между прочимъ, *Посѣщеніе св. Елизаветы*, *Введеніе во храмъ*, *Успеніе* (шедевръ); въ церквахъ св. Іоанна и св. Павла представлена смерть монаха, обозначенная именемъ *Св. мученика Петра*. Сенатъ запретилъ особымъ декретомъ, подъ угрозою смерти, вывозъ этой картины изъ предѣловъ республики. Флоренція обладаетъ фигурами святыхъ, которыя можно принять за греческія статуи. Римъ и Неаполь имѣютъ также по нѣсколько полотенъ Тиціана, но всего болѣе ихъ въ Мадридѣ (42), портреты *Карла V*, *Филиппа II*, *Несеніе креста*, *Первородный грѣхъ*, два *Положенія во гробъ*, одна большая аллегорія, родъ апоѳеоза семейства Карла V, удивительная *Жертва плодородію*, гдѣ можно видѣть болѣе шестидесяти шаловливыхъ и рѣзвящихся маленькихъ дѣтей; *Прибытіе Вакха* на островъ Наксосъ, аллегорія битвы при *Лепантѣ* и т. п.

Полотна Тиціана, находящіяся въ Луврскомъ музеѣ, не всѣ подлинныя, но тамъ есть три превосходныя вещи: *Вѣнчаніе терновымъ вѣнцомъ*, *Положеніе во гробъ* и *Паломники Эммауса*. *Портретъ Франциска I* былъ писанъ не съ натуры, а по медали.

(Въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ Петербургѣ находится 16 картинъ Тиціана; изъ нихъ наиболѣе замѣчательны *Данаида*, *Венера* и портретъ *Лама Діанти*. *Прим. пер.*).

[2]) Джіакомо Робусти (1512—1594), котораго назвали Тинторетто потому, что онъ былъ сыномъ красильщика. Въ академіи художествъ въ Венеціи находится его *Вознесеніе*, *Успеніе*, или *Мадонна*, *Вѣнчаніе Пресв. Дѣвы* и *Чудо св. Марка*, одинъ изъ шедевровъ искусства, изображающій освобожденіе раба, приговореннаго къ казни, благодаря чудодѣйственному вмѣшательству св. Марка. (Въ Импер. Эрмитажѣ есть нѣсколько портретовъ его кисти. *Прим. пер.*).

пылкость, его называли *Неистовымъ*; онъ работалъ слишкомъ скоро и не достигъ совершенства своего образца, хотя ему удалось сравняться, по колориту, со своимъ соперникомъ Тиціаномъ.

Такимъ же волшебникомъ живописи былъ *Паоло Веронезе*, другой соперникъ Тиціана. Во дворцѣ дожей онъ украсилъ потолокъ залы Совѣта Десяти *Апоѳеозомъ Венеціи*. Онъ написалъ также *Похищеніе Европы* и знаменитые четыре «*Трапезы*» для четырехъ монастырскихъ столовыхъ. Одна изъ этихъ «Трапезъ», *Бракъ въ Канѣ*, составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній Луврскаго музея въ Парижѣ. Паоло Веронезе порываетъ съ традиціями римской школы: онъ уже не ищетъ исторической вѣрности; всѣ фигуры, къ какой бы эпохѣ онѣ ни принадлежали, онъ одѣваетъ въ одежду своего времени. Его Апостолы похожи на богатыхъ венеціанцевъ, пирующихъ во дворцахъ, величественную архитектуру которыхъ онъ при этомъ изображаетъ. Но его группы расположены такъ эффектно и искусно, его фигуры (представляющія портреты) обладаютъ такимъ благородствомъ, такою жизненностью, его серебристый колоритъ имѣетъ столько переливовъ, что трудно оторвать глаза отъ этихъ удивительныхъ произведеній [1].

Городъ Болонья пріобрѣлъ особое мѣсто въ школахъ живописи, главнымъ образомъ, благодаря тремъ *Караччи*: Лодовико Караччи и его двоюроднымъ братьямъ Агостино и Аннибалу [2]. Этотъ послѣдній былъ самымъ смѣлымъ и оригинальнымъ; ему удавались картины религіознаго характера, но, въ особенности, пейзажъ, первые прекрасные образцы котораго онъ далъ Италіи. Болонская школа, главнымъ образомъ, блистала въ XVII в. при ученикахъ Караччи, *Доменикино*, *Гвидо Рени* и *Альбано* [3].

Вліяніе Италіи распространилось по всей Европѣ, гдѣ художники страстно стремились приблизиться къ великимъ мастерамъ. Сношенія между Италіей и Испаніей были столь часты, что послѣдняя раньше другихъ странъ увлеклась итальянскимъ искусствомъ; тамъ образовались школы въ Валенсіи, Толедо, Севильѣ и Мадридѣ. Тѣмъ не менѣе, не смотря на достоинства *Алонсо*

---

[1]) Паоло Кальяри, изъ Вероны, называемый Паоло Веронезе (1528—1588). Его знаменитый *Бракъ въ Канѣ* имѣетъ величину около 10 метровъ ширины и 7 высоты. Въ Лондонѣ находится его *Посѣщеніе Александромъ семейства Дарія* (это—портреты семьи Пизани).

(Въ Имп. Эрмитажѣ принадлежатъ Паоло Веронезе *Св. Семейство*, *Снятіе со Кресты*, *Отдыхъ въ Египтѣ*, *Вознесеніе* и *День св. Троицы*. *Прим. пер*.).

[2]) Въ Болонскомъ музеѣ находится 13 произведеній Лодовико Караччи (1555—1619). Агостино Караччи (1557—1602), между прочими, оставилъ слѣдующія замѣчательныя вещи: *Успеніе* и *Пріобщеніе св. Іеронима*. Аннибалу Караччи (1560—1609) принадлежатъ 26 картинъ (въ Луврскомъ музеѣ), нѣсколько *Мадоннъ*, *Воскресеніе Христово*, пейзажи и двѣ картины *Охота* и *Рыбная ловля*.

(Въ Спб. Имп. Эрмитажѣ хранятся произведенія всѣхъ трехъ Караччи; изъ нихъ 12 картинъ Аннибала Каррачи и 3 картины (*Положеніе во Гробъ*, *Несеніе Креста* и *Св. Семейство*) Лодовика Караччи. *Прим. пер.*)

[3]) Въ Имп. Эрмитажѣ находится 15 картинъ Гвидо Рени и между ними *Споръ о безгрѣшномъ зачатіи*, *Похищеніе Европы*, *Св. Францискъ*, поклоняющійся *Младенцу Іисусу*. — Альбано принадлежатъ, находящіяся тамъ же, *Торжество Венеры* и *Благовѣщеніе*; Доминикино—*Св. Елена* и *Амуръ*.

Берругете, *Хуана Хоанеса*, *Луиса Моралеса*, *Мудо*, прозваннаго испанскимъ Тиціаномъ, и *Алонсо Санчеса Коэльо*, испанская живопись пріобрѣла настоящій блескъ лишь въ слѣдующемъ вѣкѣ [1]). Нужно было время, чтобы изученіе принесло свои плоды.

И во Франціи господствовали итальянцы, въ то же время поучая художниковъ. *Леонардо да Винчи*, *Андреа дель - Сарто*, *Россо* [2]), *Приматиччіо* [3]), *Николо Абати* [4]) царили при дворѣ Франциска I, представляя то, что называется школой Фонтенебло.

Но уже въ XVI в. во Франціи явился свой мастеръ *Жанъ Кузенъ*, достигшій одинаковаго искусства какъ въ живописи, такъ и въ скульптурѣ [5]). Жанъ Кузенъ удивительно расписывалъ стекла для церквей, но въ Луврѣ находится лишь одна его картина, настоящій шедевръ: это—*Страшный Судъ*, гдѣ, въ небольшомъ пространствѣ, художникъ, превосходнымъ планомъ своего замысла и знаніемъ обнаженнаго тѣла, соперничаетъ съ великой фреской Микель Анджело [6]).

Фландрія, какъ мы уже говорили, до нѣкоторой степени обогнала Италію, но фламандскіе художники, не теряя своего оригинальнаго характера, увлеклись великимъ итальянскимъ движеніемъ и воспользовались уроками тѣхъ, кого они научили живописи масляными красками. *Рожеръ фанъ-деръ-Вейденъ* [7]) поѣхалъ въ Италію въ то время, когда Мазаччіо во Флоренціи, Беллини въ Венеціи, и Фра Анджелико въ Римѣ возрождали живопись. *Гансъ Мемлингъ* [8]) оставилъ обширное и разнообразное произве-

---

[1]) Хуанъ Хоанесъ (1523—1581), Луисъ Моралесъ (1509 — 1586). Мудо (Хуанъ-Фернандесъ Наваретте) (1526 — 1579) работалъ надъ украшеніемъ Эскуріала. Алонсо Санчесъ Коэльо, ум. въ 1590 г., живописецъ и придворный Филиппа II. Еще слѣдуетъ упомянуть Пабло Сеспедеса (1538—1608), подражателя Корреджіо.

(Въ Спб. Эрмитажѣ можно видѣть произведенія Хуана Хоанеса: *Св. Доминикъ* и *Св. Анна*, Моралеса: *Mater Dolorosa* (Скорбящая Богоматерь), Наваретта: *Св. Іоаннъ въ темницѣ*, прекрасная фигура, въ стилѣ Тиціана. *Прим. пер.*).

[2]) Россо (Джіованни Баттиста), род. во Флоренціи (1496—1541).

[3]) Франческо Приматиччіо, род. въ Болоньѣ (1490—1570). Онъ былъ главою *школы Фонтенебло*. Въ Фонтенебло можно видѣть его фрески на Золотой двери и въ залѣ Генриха II.

[4]) Николо Абати, изъ Модены (1512—1571).

[5]) Родился въ Суси, близъ города Сана, поставившаго въ честь его статую. Годъ его рожденія и смерти въ точности неизвѣстны (1500?—1590?).

[6]) Въ XVI в. слѣдуетъ также упомянуть Туссена Дюбрейля (ум. въ 1604) и Мартина Фремине (1567—1619).

[7]) (1399 — 1464). Городская ратуша въ Бонѣ имѣетъ его *Страшный Судъ*, а другія его произведенія можно видѣть въ Лувенѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ и Мадридѣ.

Извѣстны еще *Петръ Кристусъ*, *Гуго фанъ-деръ-Гусъ*, *Юстъ Гэнтскій* и *Тьерри Бутсъ*, замѣчательныя своими портретами и картинами религіознаго содержанія.

Петръ Кристусъ или Кристофсенъ прославился около 1444 г. (Ученый Ваагенъ приписываетъ ему два интересныя полотна, находящіяся въ Спб. Имп. Эрмитажѣ: *Страшный Судъ* и *Распятіе* (Прим. пер.). Гуго фанъ-деръ-Гусъ, ум въ 1482 г. Тьерри Бутсъ работалъ въ Лувенѣ въ 1448 г. Онъ оставилъ *Тайную Вечерю* въ церкви св Петра, а Мюнхенъ обладаетъ его превосходнымъ образомъ, въ видѣ складня, *Поклоненіе Волхвовъ*.

[8]) Гансъ Мемлингъ (1435—1495). Его главныя произведенія находятся въ Брюгге, въ госпиталѣ св. Іоанна.

деніе, представляющее жизнь и страданія Христа среди удивительныхъ пейзажей и достигъ въ немъ высокаго изящества, чувства и граціи. Было бы слишкомъ долго перечислять художниковъ, появлявшихся во всѣхъ городахъ Фландріи, но нельзя пропустить имени Квентино Метсиса [1]), друга Эразма и Томаса Моруса.

Подражаніе итальянцамъ сдѣлало такіе успѣхи въ XVI в., что цѣлыя колоніи фламандцевъ переселялись во Флоренцію и Римъ. Любовь къ искусствамъ, поддерживаемая богатствомъ и роскошью, достигла того, что въ 1560 г. въ одномъ только Антверпенѣ насчитывалось до 360 живописцевъ и скульпторовъ. Создавались династіи художниковъ, и талантъ становился наслѣдственнымъ въ семьяхъ [2]).

Петръ Пурбусъ [3]) изъ Брюгге, одинъ изъ лучшихъ портретистовъ, написавшій портретъ Клемана Маро. Михель Коксци [4]), восторженный поклонникъ Рафаэля, былъ прозванъ фламандскимъ Рафаэлемъ. *Ламбертъ Ломбардъ* [5]) и *Мартинъ Фосъ* [6]) съ одинаковымъ успѣхомъ изучали итальянскихъ мастеровъ, а послѣдній, кромѣ того, работалъ у Тинторетта. Наконецъ, Петръ Брюгель Старшій, хотя и былъ искреннимъ почитателемъ итальянцевъ, отдѣлился отъ романцевъ: онъ остался фламандцемъ, не пытаясь соперничать съ идеалистическимъ геніемъ, столь сроднымъ живому воображенію и небу Италію; онъ придерживался наблюденія природы и реализма, болѣе соотвѣтствовавшаго климату и духу его родины. Онъ писалъ, по большей части, сцены въ тавернахъ, въ гаваняхъ, въ деревнѣ; его многочисленныя произведенія, разсѣянныя по всей Европѣ, доставили ему славу и названіе, благодаря веселому характеру, оживляющему его картины, великаго комика фламандской школы. Но это все было лишь началомъ: фламандскій геній долженъ былъ въ слѣдующемъ вѣкѣ подняться до той высоты, какой достигъ итальянскій геній въ XVI в. [7]).

Одна изъ заслугъ фламандской школы заключается въ томъ, что она вызвала къ жизни нѣмецкую школу. Изъ городовъ на Рейнѣ, находящихся въ сосѣдствѣ съ бельгійскими провинціями, искусство проникло во внутрь Германіи, и въ XVI в. эта страна могла уже гордиться *Гольбейномъ* изъ Аусбургской школы, жив-

---

[1]) Родился въ Лувенѣ (1466). Онъ былъ послѣднимъ изъ такъ-назыв. *готическихъ фламандцевъ*; жилъ въ Антверпенѣ. (Въ Спб. Имп. Эрмитажѣ находится одно изъ главныхъ произведеній Квентина Метсиса: *Св. Дѣва съ Младенцемъ Іисусомъ*, окруженная сивиллами, пророками и патріархами. (Прим. пер.).

[2]) Семейства Клеисовъ, Фанъ-Кливовъ (имѣвшихъ до 20 представителей), Момперовъ, Коникслоо, фанъ-Орлеевъ, Флорисовъ, Франковъ или Франкеновъ (которыхъ было, по крайней мѣрѣ, 30).

[3]) Петръ Пурбусъ (1510—1584).

[4]) Михель Коксци (1499—1592). Онъ поселился въ Малинѣ, гдѣ насчитывалось болѣе 150 живописцевъ и рисовальщиковъ.

[5]) Ламбертъ Ломбардъ (1506—1565).

[6]) Мартинъ Фосъ (1531—1603).

[7]) Петръ Брюгель Старшій (около 1526—1569). Много картинъ его, духовнаго и свѣтскаго содержанія, находится въ Вѣнѣ. Изъ числа ихъ особенно извѣстны *Ярмарка* и *Брачный пиръ*.

шимъ, впрочемъ, въ Базелѣ и Англіи [1]). Его произведенія, состоящія изъ историческихъ картинъ и портретовъ, находятся въ замкѣ Гомптонъ-Кэуртъ. Дрезденскій музей хранитъ его *Св. Дѣву*, на которой ясно видны различія нѣмецкой и итальянской школъ и между живописцами католическими и протестантскими. Въ Базелѣ можно видѣть самые замѣчательные изъ его рисунковъ и набросковъ, и, между прочимъ, знаменитую *Пляску смерти*. Не смотря на нѣкоторую наивность его манеры, нельзя не удивляться въ картинахъ Гольбейна знанію, правильности и въ особенности колоритности, обезпечивающимъ за нимъ мѣсто среди мастеровъ эпохи Возрожденія.

Въ Дрезденѣ также появился художникъ *Лука Зундеръ* или *Лука Кранахъ*, бывшій другомъ Лютера и оставившій намъ портретъ реформатора и его ученика Меланхтона [2]). Къ той же эпохѣ принадлежитъ *Альбрехтъ Дюреръ*, обладавшій разностороннимъ геніемъ, такъ какъ онъ былъ одновременно скульпторомъ, зодчимъ, живописцемъ, граверомъ, писателемъ и соединялъ въ своихъ картинахъ пріемы фламандской школы съ вдохновеніемъ итальянской. Будучи современникомъ Рафаэля, къ которому его приравниваютъ нѣмцы, онъ высоко цѣнилъ итальянскую школу и проявилъ себя католикомъ въ своихъ картинахъ религіознаго содержанія, написанныхъ, по большей части, до Реформаціи, которой онъ былъ однимъ изъ усердныхъ сторонниковъ. Его манера отличается строгостью и силой, глубиной и мистицизмомъ. Но онъ былъ послѣднимъ нѣмецкимъ мастеромъ. Реформація, относившаяся враждебно къ образамъ, отклонила Германію отъ разработки искусствъ, а долгія бѣдствія тридцатилѣтней войны, въ свою очередь, еще болѣе мѣшали ихъ успѣху. Въ Германіи живопись началась и окончилась Альбрехтомъ Дюреромъ и Гольбейномъ [3]).

Искусство стремилось все украсить. Князья, сеньёры и горожане считали заслугой употреблять достойнымъ образомъ свои богатства; изящная мебель временъ Генриха II и ковры, затканные по рисункамъ художниковъ, украшали обширныя жилища, построенныя со вкусомъ и знаніемъ зодчими и разубранныя скульпторами. Поэтому, позабытое старинное искусство *керамики* должно было возродиться. Съ XV в. Лука делла Роббія, скульпторъ и живописецъ, придумалъ обжигать глиняныя модели и покрывать ихъ непроницаемымъ стекловиднымъ составомъ, эмалью изъ

---

[1]) Гансъ Гольбейнъ, называемый младшимъ, такъ какъ онъ былъ сыномъ уже извѣстнаго художника (1498 — 1554). Онъ писалъ батальныя картины и, между прочимъ, *Битву при Павіи*. Въ Луврѣ есть портретъ Эразма его работы. (Въ Спб. Эрмитажѣ есть также нѣсколько портретовъ работы Гольбейна. Пр. пер.).

[2]) Лука Кранахъ (1472—1553). Берлинъ владѣетъ богатой коллекціей произведеній Кранаха. Но его женскіе типы носятъ тяжелый нѣмецкій характеръ, и живопись его ни въ чемъ не походитъ на итальянскую. (Въ Спб. Эрмитажѣ имѣются образцы работы Кранаха. Пр. пер).

[3]) Альбрехтъ Дюреръ (1471—1528). Слѣдующія произведенія его въ музеѣ въ Мадридѣ: *Голгова*, нѣсколько *аллегорій* и *портретъ живописца*; въ Мюнхенѣ: 17 картинъ и среди нихъ *Снятіе со Креста, Рождество, четыре характера* или *четыре Евангелиста*; въ Вѣнѣ *портреты, Мадонны* и *Св. Троица*, обширное произведеніе мистическаго характера.

золота и свинца. Ему стали подражать, и итальянскія майолики, носившія названіе Возрожденія, получили высокую цѣну. Францискъ II Медичи имѣлъ свои мастерскія и печи; онъ также считался художникомъ. Тоскана, Мархіи и Венеціанская область вскорѣ покрылись фабриками, гдѣ выдѣлывалось безконечное множество вазъ, самыхъ разнообразныхъ и изящныхъ формъ.

Итальянскіе художники прибыли во Францію, въ Амбуазъ, Ліонъ, Нантъ и Круазикъ, но вскорѣ *Бернардъ Палисси* [1]), сперва простой стекольщикъ, нашелъ лучшимъ получить *эмаль* путемъ *плавленія*. Преслѣдуя свою мысль съ рѣдкой настойчивостью, жер-

Кувшинъ работы Бернарда Палисси.

твуя своими малыми средствами, сжигая, для поддержанія огня въ печи, даже мебель и доски пола въ своемъ домѣ, часто утомленный, но не побѣжденный, Бернардъ Паласси былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которыхъ нельзя оцѣнить слишкомъ высоко. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ необыкновеннымъ изобрѣтателямъ, которые проявляютъ торжество духа надъ матеріей и дарятъ міру источникъ богатства, а искусству—высшіе образцы его. Бернардъ Палисси постигъ, наконецъ, изготовленіе эмали и наводилъ ее, безъ всякаго ущерба, на свои вазы, кубки, блюда, фигуры животныхъ и людей. Людямъ новаго времени нечему было завидовать древнимъ, у нихъ была керамика, такъ же какъ и скульптура, живопись и архитектура.

Мы не можемъ судить о музыкѣ древнихъ; но людямъ новыхъ временъ предстояло сдѣлать настоящіе успѣхи въ этомъ искусствѣ или, скорѣе, языкѣ души. Инструменты среднихъ вѣковъ, гудокъ, однострунка, шпенетъ, были усовершенствованы: гудокъ обратился

[1]) Бернардъ Палисси род. въ Капелль-Биронѣ, близъ Ажана (1510—1590).

въ *скрипку. Гансъ Букерсъ*, столяръ въ Антверпенѣ, улучшилъ *клавикорды*, придавъ имъ четыре октавы. Съ тѣхъ поръ стало возможнымъ сочинять для церковыхъ службъ настоящія пѣсни въ нѣсколько частей, и духовная музыка нашла вдохновеннаго выразителя въ лицѣ *Палестрины* (1529—1594), множество гимновъ котораго до сихъ поръ поется въ церквахъ Западной Европы. Духовная музыка открывала дорогу свѣтской музыкѣ, которая въ слѣдующіе вѣка съ такимъ успѣхомъ служила выразительницей сердечныхъ чувствъ.

Такой успѣхъ всѣхъ искусствъ даетъ высокое понятіе о силѣ, пріобрѣтенной человѣческимъ духомъ въ XV и XVI вѣкахъ, провидѣвшимъ и постигавшимъ *прекрасное*, эту благородную цѣль, преслѣдуемую душой, это высшее наслажденіе, никогда не утомляющее ее и возвышающее надъ низменными страстями.

ГЛАВА VIII.

РЕФОРМАЦІЯ.

Религіозная реформа; ея причины.—Лютеръ (1483—1546); характеръ его реформы.—Реформація въ странахъ Сѣвера.—Реформація въ Англіи.—Реформація въ Швейцаріи; Цвингли; Кальвинъ (1509—1564); его ученіе; основы и послѣдствія кальвинизма.—Возстановленіе католицизма; религіозныя войны.—Раздѣлъ Европы между католичествомъ и протестантствомъ.—Вліяніе протестантской реформаціи на политику, на экономическое и умственное движенія.

Уже изученія умственнаго и художественнаго движенія XVI в. достаточно для объясненія переворота, совершившагося въ ту же эпоху въ области религіи. Умственная свобода, смѣлость сужденій, большое количество писателей и мыслителей должны были положить начало религіознымъ спорамъ, стѣсненнымъ до того времени строгостью государственной власти и инквизиціи. Языческое направленіе въ литературѣ должно было оживить старинныя вѣрованія, и скептицизмъ древнихъ философовъ не замедлилъ поколебать столь твердую до того времени вѣру. Религіозный переворотъ былъ прямымъ послѣдствіемъ переворота литературнаго и даже художественнаго. Искусство, какъ мы уже говорили, сдѣлалось языческимъ въ церквахъ и при папскомъ дворѣ. Въ то время, когда оно иллюстрировало лучшія страницы Библіи и Евангелія, оно, повидимому, не искало въ нихъ внутренняго смысла, а придерживалось почти исключительно формы, одежды, согласнаго сочетанія группъ, плановъ и красокъ. Въ то время, когда зодчіе воздвигали, съ обновленными понятіями о греческихъ храмахъ, величайшую церковь въ мірѣ, цѣна постройки этой церкви стоила папскому престолу половины его владѣній, утраченныхъ вслѣдствіе предосудительныхъ дѣйствій, вызванныхъ необходимостью привлекать въ Римъ нужныя суммы для выполненія этого грандіознаго произведенія.

Впрочемъ, эти предосудительные поступки начались уже давно. *Земельныя богатства церкви* вели къ злоупотребленіямъ и глубоко искажали ея евангельскій характеръ. Полное раздѣленіе За-

падной церкви, междоусобная вражда папъ, предававшихъ другъ друга анаѳемѣ, *соперничество папъ* на соборахъ *Констанскомъ* (1414) и *Базельскомъ* (1430), значительно ослабили авторитетъ римскаго престола, и прискорбныя послѣдствія того не изгладились даже по возстановленіи единства. Церковные раздоры начались въ Германіи войнами *гусситовъ*, и Германія уже стремилась отдѣлиться отъ католической церкви.

Германія, въ дѣйствительности, была обращена въ христіанство лишь при Карлѣ Великомъ. Римское ученіе не могло въ ней утвердиться такъ же прочно, какъ въ Италіи и Галліи. *Великая распря духовенства и свѣтской власти*, такъ долго потрясавшая страну, возбудила въ ней живую ненависть къ Риму, на который падала отвѣтственность за всѣ эти бѣдствія. Кромѣ того, нигдѣ духовенство не было такъ богато, и *церковный феодализмъ*, весьма могущественный и жестокій, постоянно сталкивался съ свѣтскимъ феодализмомъ. Германія, особенно въ своихъ сѣверныхъ областяхъ, раздраженная владычествомъ епископовъ, первая отозвалась сочувственно на проповѣдь реформаціи Лютера.

Лютеръ, августинскій монахъ, профессоръ университета въ Виттенбергѣ, такъ глубоко взволновавшій Германію и весь міръ, задумалъ свою реформу послѣ путешествія въ Римъ, гдѣ его искреннее благочестіе было возмущено безпорядками, какихъ онъ былъ свидѣтелемъ въ городѣ, который почиталъ святымъ. Онъ рѣшилъ, что церковь слѣдовало возвратить къ евангельской простотѣ и чистотѣ. Лютеръ не намѣревался, подобно предшествовавшимъ еретикамъ, касаться догматовъ. Онъ не вдавался въ теологическія разсужденія, превышавшія пониманіе народа. Отвергая съ негодованіемъ продажу *индульгенцій*, излишества и богатства духовенства, онъ сразу привлекъ къ себѣ толпу и государей: въ его словахъ толпа признала горячее выраженіе своихъ чувствъ; государи — удовлетвореніе своихъ вожделѣній имуществъ духовенства. Лютеръ выступилъ не въ качествѣ нововводителя, а лишь преобразователя (1517—1520). Онъ намѣревался, какъ говорилъ самъ, не измѣнить религію, а поднять ее, и обнаруживалъ свои предложенія постепенно, сперва отвергая индульгенціи, затѣмъ отрицая почитаніе святыхъ, отвергая авторитетъ папы и ставя выше его рѣшенія собора. Повидимому, въ теченіе всей своей жизни онъ отстаивалъ полную свободу обсужденія и соглашенія, и усиливалъ свою смѣлость по мѣрѣ того, какъ создавалъ себѣ прочную опору. Онъ изложилъ вполнѣ свое ученіе лишь на Аугсбургскомъ сеймѣ, въ 1530 г. устами своего ученика *Меланхтона*. Только благодаря такому образу дѣйствій и характеру своихъ проповѣдей, не затрогивавшихъ сущности евангельскаго ученія, Лютеру удалось избѣжать судьбы, постигшей Яна Гусса.

Реформа Лютера казалась, прежде всего, исключительно примѣненіемъ евангельскихъ правилъ, и истинное значеніе ея понято было лишь позднѣе. Лютеръ, отвергая силу дѣлъ и исполненіе обрядовъ, истолковывая по своему ученіе св. Августина о милосердіи, проповѣдывалъ *спасеніе путемъ одной вѣры*, какъ

дара небеснаго милосердія. Не доводя этого начала до его крайнихъ послѣдствій (какъ нѣкоторые послѣ него), столь опасныхъ для свободной воли, Лютеръ признавалъ таинства лишь въ числѣ четырехъ и уничтожилъ все, что́ придавало пышность и великолѣпіе католическому богослуженію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подтвердивъ таинство *духовнаго чина*, онъ уничтожилъ *духовное сословіе* бракомъ священниковъ, а также и церковную іерархію, изъ которой сохранилъ лишь нѣсколько степеней, лишивъ ее главенства папы. Онъ раздѣлилъ церковь на столько частей, сколько было народностей, и отдалъ ее подъ *власть государей*, принявшихъ лютеранскую реформу съ тѣмъ бо́льшимъ пыломъ, что она увеличивала ихъ богатство и власть.

Не вполнѣ послѣдовательный монахъ, передавшій религію государству, былъ обязанъ популярностью своимъ свободнымъ взглядамъ. Отрицая воспитательный авторитетъ церкви, онъ предоставилъ каждому толкованіе Библіи и Евангелія. Это былъ духъ *свободнаго изслѣдованія*. Съ одной стороны, Лютеръ сковывалъ христіанина вѣрою, съ другой, онъ открывалъ ему дверь для обсужденія, а слѣдовательно, для сомнѣнія и отрицанія. Впрочемъ, Лютеръ, вынужденный бороться съ анабаптистами, проводившими библейское ученіе грубымъ и кровавымъ путемъ, могъ еще при жизни убѣдиться въ указанномъ противорѣчіи, которое должно было повести къ весьма важнымъ послѣдствіямъ для его реформы: въ ней вскорѣ, силою свободнаго изслѣдованія, многое было признано неудовлетворительнымъ и ошибочнымъ.

Во всякомъ случаѣ, ученіе Лютера съ большой быстротой распространилось въ Германіи и, въ особенности, на сѣверѣ ея; лютеране пользовались покровительствомъ могущественныхъ курфирстовъ, также лютеранъ; сеньеры захватили обширныя владѣнія, и даже епископы и аббаты обратили эти послѣднія изъ духовныхъ въ свѣтскія, пользуясь возможностью пріобрѣсти въ личную собственность достояніе церкви. Все это, вмѣстѣ съ затрудненіями Карла V, утомленнаго долгою борьбой съ Францискомъ I и съ турками, обезпечило послѣ *Аугсбургскаго* мира (1555) торжество реформаціи въ Германіи, гдѣ появились съ того времени новыя причины для внутренней вражды вмѣстѣ съ политическимъ соперничествомъ.

Лютеранская реформа, столь благопріятствовавшая монархической власти, была утверждена королями *Густавомъ Вазой* въ Швеціи (1527—1529) и *Фридрихомъ Голштинскимъ* въ Даніи (1530).

Въ Швеціи она казалась скорѣе расколомъ и противодѣйствіемъ римскому владычеству, такъ какъ Густавъ Ваза сохранилъ прежнюю іерархію, уже болѣе не стѣснявшую его съ того времени, какъ онъ пріобрѣлъ надъ нею перевѣсъ, а также часть литургіи, чтобы не нарушать народныхъ привычекъ. Ученіе было лютеранское, но богослуженіе, хотя и упрощенное, напоминало еще богослуженіе католическое.

Въ Даніи реформа была произведена болѣе кореннымъ образомъ при Христіанѣ III (1536), замѣнившемъ епископовъ *суперинтендантами*, не имѣвшими уже ни нравственнаго, ни политическаго вліянія прежнихъ руководителей церкви.

Въ Англіи, Генрихъ VIII, сначала прозванный *защитникомъ вѣры*, такъ какъ онъ отвергъ ученіе Лютера, отдѣлился (1533) отъ католической церкви, провозгласивъ себя главою *церкви англиканской*. Онъ воспользовался ненавистью англичанъ къ папству, слишкомъ требовательному относительно *лепты св. Петра* и слишкомъ честолюбивому въ своихъ притязаніяхъ къ дѣятельному главенству надъ англійскими королями. Но Генриху VIII удалось утвердить свою религіозную и политическую власть при помощи насилія. Англія была свидѣтельницей лишенія жизни тысячей жертвъ, и Генрихъ VIII, своими жестокостями, сравнялся съ худшими изъ римскихъ императоровъ.

Лютеранское ученіе, потерпѣвъ пораженіе, такъ же, какъ и католическое, отъ короля, отдѣлившагося отъ церкви, и не желавшаго признать себя протестантомъ, тѣмъ не менѣе, сдѣлало успѣхи и пришло при *Эдуардѣ VI* и *Елизаветѣ* къ преобразованію англиканской церкви. Протестантская по своему догмату и по простотѣ богослуженія, эта церковь сдѣлалась, по образцу шведской церкви, іерархической, управляемой епископами, и сохранила въ своей литургіи молитвы, сходныя съ молитвами католической литургіи. Въ Англіи религія сдѣлалась государственной и помогла укрѣпленію власти Тюдоровъ, а затѣмъ Стюартовъ.

Цюрихскій священникъ *Цвингли* предшествовалъ Лютеру въ проповѣди евангельской реформы. Онъ тщетно пытался согласить свое ученіе съ ученіемъ нѣмецкаго реформатора; Лютеръ, гордый своими успѣхами, отказался признать болѣе свободныя правила Цвингли, церковь котораго походила на устройство республиканскихъ кантоновъ Швейцаріи.

Французъ *Кальвинъ*, укрывавшійся въ Женевѣ, пошелъ еще далѣе Цвингли и воспользовался, съ логичностью, свойственной французамъ, крайними выводами лютеранскаго ученія. Онъ довелъ ученіе о милосердіи и спасеніи путемъ вѣры до *предопредѣленія*, ученіе о *свободномъ изслѣдованіи* до независимаго личнаго толкованія и до уничтоженія всякаго религіознаго авторитета.

«Лютеръ допускалъ, что христіанинъ можетъ спастись силою вѣры, и, обладая ею, можетъ быть убѣжденъ въ своемъ спасеніи; онъ прибавилъ, однако, что пріобрѣтенное однажды спасеніе можетъ быть утрачено, и допускалъ покаяніе, признавая возможность новаго паденія. Кальвинъ въ этомъ отношеніи превзошелъ его чрезвычайно смѣлой логикой. Онъ говорилъ, что человѣкъ, убѣжденный въ спасеніи силою вѣры, могъ быть убѣжденъ и въ своей праведности, такъ какъ Богъ, простивъ его, не могъ уже опять лишить его этой милости. Прощенный христіанинъ становился избранникомъ Божіимъ или праведникомъ; онъ уже не могъ ни согрѣшить, ни погибнуть.

«Это ученіе, доводившее милосердіе, какъ его понималъ Лютеръ, до предопредѣленія Кальвина, повело къ неизбѣжнымъ послѣдствіямъ и въ обрядовой сторонѣ религіи, и въ нравственныхъ понятіяхъ. Таинства, число которыхъ было уменьшено Лютеромъ до четырехъ, были сведены Кальвиномъ лишь къ двумъ—крещенію и причащенію. Кромѣ того, эти таинства утратили у него

свое первоначальное значеніе и свое таинственное величіе. По воззрѣнію Кальвина, совпадавшему со взглядомъ анабаптистовъ, дѣти избранныхъ не имѣли необходимости въ крещеніи, чтобы вступить въ общество людей уже искупленныхъ; они входили въ него уже въ силу своего происхожденія, подобно тому, какъ, до пришествія Христа, человѣкъ, лишь вслѣдствіе своего происхожденія, былъ пораженъ отверженіемъ и смертью. Что касается причащенія, Кальвинъ, сходясь въ этомъ случаѣ съ Цвингли, требовалъ лишь мысленнаго общенія съ Богомъ, подобнаго общенію, какое давали евангельская проповѣдь и крещеніе. Кальвинъ не допускалъ покаянія: по его ученію, истинный избранникъ не могъ пасть и не долженъ былъ подниматься послѣ своего паденія.

«Онъ отвергалъ епископство, подобно тому, какъ Лютеръ отвергъ папство, и предоставилъ выборъ священнослужителей не гражданской власти, а религіозной общинѣ. Онъ установилъ равенство на развалинахъ церковной іерархіи. Онъ ввелъ мірянъ, подъ именемъ старшинъ, въ собраніе консисторіи, которая охраняла неприкосновенность ученія и произносила сужденіе надъ нравственными поступками. Ученіе Кальвина было чисто духовнымъ: онъ устранилъ обряды, какъ безполезные, тогда какъ Лютеръ сохранилъ ихъ, какъ безразличные. Мораль Кальвина была тѣмъ строже, что, по его мнѣнію, человѣкъ, воспринявшій благость Божію, долженъ былъ оказаться достойнымъ ея нравственной чистотою и добродѣтельной жизнью. Избранный Богомъ, онъ долженъ былъ слѣдовать Ему, и тѣмъ болѣе избѣгать грѣха, что для него уже не было возможности отпущенія. Такъ, доводя до послѣднихъ крайностей начала ученія Лютера, Кальвинъ, впадая въ преувеличенія, создалъ чисто логическое ученіе съ обрядами и моралью, вполнѣ пуританскими» [1]).

Упростивъ еще болѣе догматъ и богослуженіе, отвергнувъ таинства, оставленныя Лютеромъ, отрицая истинное присутствіе Іисуса Христа въ Евхаристіи, Кальвинъ свелъ христіанское богослуженіе къ благочестивымъ собраніямъ подъ предсѣдательствомъ *пастора*, несомнѣнно почитаемаго, но не получающаго никакого особаго посвященія.

Религія Кальвина, вполнѣ внутренняя, вполнѣ духовная, была послѣднимъ словомъ противодѣйствія стремленію средневѣкового католичества, которое матеріализировало вѣру и впало въ заблужденія, нѣкогда ставившіяся въ упрекъ язычеству. Простота организованной имъ церкви казалась также противовѣсомъ общественной іерархіи, установившейся въ Европѣ. Его уравнивающее ученіе нравилось свободному населенію Швейцаріи, торговымъ и буржуазнымъ городамъ Голландіи, нѣкоторой части французскаго дворянства и буржуазіи, утомленнымъ игомъ феодализма, наконецъ, кланамъ патріархальной Шотландіи, и послужило первымъ шагомъ къ возстановленію общественнаго равенства, которому позднѣе должны были подчиниться и страны католическія. Ученіе Кальвина было проникнуто духомъ равенства и свободы. Сво-

---

[1]) Mignet, *Mémoires historiques. Etablissement de la Réforme à Genève.*

бодное изслѣдованіе, примѣненное къ религіознымъ догматамъ, не могло впослѣдствіи остаться безъ примѣненія къ теоріямъ политическимъ, до того времени абсолютнымъ, какъ догматы. Кальвинизмъ былъ предшественникомъ философскаго духа XVIII в., воодушевлявшаго вождей французской революціи.

Не смотря на то, что Кальвинъ старался поддержать строгое единство своего ученія, онъ не могъ воспрепятствовать своему принципу безконечно раздробляться на отдѣльныя секты. Эти секты размножались, и ни одна изъ церквей не разбилась на такое множество разнообразныхъ отдѣловъ, смотря по характеру народовъ и личностей. Кальвинъ никакъ не могъ предположить, что начало, которымъ онъ хотѣлъ укрѣпить вѣру, наоборотъ, должно было подорвать ее. Прямымъ послѣдствіемъ свободнаго изслѣдованія оказались скептицизмъ, раціонализмъ и даже атеизмъ; такой результатъ, безъ сомнѣнія, глубоко опечалилъ бы суроваго и искренно вѣровавшаго человѣка, сдѣлавшаго изъ Женевы нѣчто вродѣ монастыря, если бы онъ могъ предвидѣть въ будущемъ успѣхъ матеріалистическихъ ученій, столь же враждебныхъ протестантизму, какъ и католицизму.

Побѣжденный католицизмъ сначала нѣсколько отступилъ назадъ, но вскорѣ съ новой силой утвердилъ свои догматы на Тридентскомъ соборѣ (1545 — 1563), признавъ необходимымъ укрѣпиться, придать себѣ силу съ помощью умственной работы и строгаго образа жизни и сплотиться вокругъ своего главы, власть котораго съ тѣхъ поръ стала неоспоримой.

Въ то же время, для борьбы съ протестантскими ученіями, создался новый духовный орденъ, который, постоянно вмѣшиваясь въ свѣтскую жизнь, стремился воспитывать дѣтей, а позднѣе— руководить государями, безусловно подчиненный волѣ папы и противопоставлявшій стремленіямъ къ свободѣ въ Европѣ примѣръ самаго полнаго послушанія. Это былъ *орденъ іезуитовъ*, который, оказавъ усердіемъ своихъ миссіонеровъ и знаніями своихъ учителей огромныя услуги религіи, имѣлъ притязаніе завладѣть управленіемъ міра.

Такимъ образомъ, католицизмъ поднялся снова. Къ несчастью, онъ не удовольствовался духовнымъ оружіемъ и преслѣдовалъ ереси оружіемъ матеріальнымъ. Тогда началась великая драма *религіозныхъ войнъ*, весьма печальная для человѣчества.

Пламя вспыхнуло (1565) въ испанскихъ провинціяхъ Нидерландовъ, гдѣ король *Филиппъ II* строгими мѣрами пытался остановить распространеніе протестантскихъ идей. Филиппъ II сдѣлался защитникомъ католицизма. Онъ боролся съ реформаціей въ Англіи при помощи заговоровъ, во Франціи—оружіемъ *Гизовъ*, въ Нидерландахъ—мечомъ герцога *Альбы* и топоромъ палачей. Около 1572 г. католицизмъ, повидимому, сталъ одерживать верхъ. Марія Стюартъ, хотя и плѣнница, заставила трепетать *Елизавету*. Герцогъ Альба повергаетъ устрашенныхъ фламандцевъ къ подножію своей горделивой статуи въ Антверпенѣ. Страшная рѣзня въ ночь на *св. Варѳоломея*, повидимому, уничтожила протестантизмъ во Франціи.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ".
Іюнь 1896 г.

Содержаніе. Беллетристика.—Исторія литературы.—Исторія всеобщая и русская.—Публицистика.—Программы и сборники. — Политическая экономія.—Естествознаніе.—Новости иностранной литературы.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Элиза Ожешкова. «Надъ Нѣманомъ». «Милордъ». «Бабушка».

Элиза Ожешкова. «Надъ Нѣманомъ». Романъ въ трехъ частяхъ. Переводъ съ польскаго г-на Лаврова. Изд. журн. «Русская Мысль». Москва 1896. Ц. 1 р. 50 к. «Милордъ». «Бабушка». Библіотека «Русской Мысли». Ц. 50 к. Съ теченіемъ времени все больше и больше утрачиваютъ практическій смыслъ правила и формулы теоріи словесности и самая эта наука превращается съ каждымъ днемъ въ совершенно безцѣльное схоластическое занятіе, продолжающее держаться въ школьномъ обиходѣ лишь по закону инерціи. Чѣмъ жизненнѣе, разностороннѣе и сильнѣе талантъ писателя, тѣмъ труднѣе его произведенія уложить въ оффиціальныя рубрики теоріи, и въ старое время уже Шекспиръ нанесъ смертельный ударъ всевозможнымъ церемоніймейстерамъ и охранителямъ порядка на Парнассѣ. Въ наше время положеніе этихъ господъ стало еще труднѣе. Попробуйте современную лирику и драматическую литературу размѣстить по параграфамъ учебника словесности; это окажется невыполнимымъ, и отнюдь не потому, что эти жанры ужъ слишкомъ упали *качественно*, а потому, что содержаніе ихъ крайне усложнилось и развѣтвилось подъ вліяніемъ новыхъ идей, новыхъ общественныхъ формъ. Теперь піитическія *системы* дѣйствительно *въ сердцахъ* поэтовъ, какъ выражался когда-то извѣстный профессоръ московскаго университета Мерзляковъ.

Всѣ эти оговорки мы должны имѣть въ виду, чтобы оцѣнить по достоинству произведеніе г-жи Ожешковой. Оно названо *романомъ*. По теоріи словесности романъ отличается отъ *повѣсти*, но такъ какъ для насъ эти рубрики необязательны, то мы вообще въ правѣ спросить: законно ли вообще подобное различіе и въ чемъ оно заключается? Тургеневъ, напримѣръ, неизмѣнно свои романы называлъ повѣстями, по крайней мѣрѣ, въ своей перепискѣ. Но это названіе не установилось среди публики, и совершенно ясно почему

Каждый изъ романовъ Тургенева—*психологическая исторія*, представляетъ извѣстный *процессъ развитія* характеровъ, личностей ге-

роевъ. Это и драма въ современномъ смыслѣ,—между тѣмъ, повѣсть можно бы сравнить съ драматическимъ этюдомъ, картинкой, для нея достаточно эпизода или нѣсколькихъ эпизодовъ чисто фактическаго содержанія на, такъ сказать, неподвижной психологической основѣ. Дѣйствующія лица, по нравственной сущности и міросозерцанію, могутъ оставаться тождественными отъ начала до конца, и содержаніе произведенія будетъ заключаться только *въ раскрытіи* заранѣе даннаго психологическаго матеріала. Не то въ романѣ. Здѣсь *исторія* дожна быть не только внѣшней, но и внутренней, и въ заключеніе предъ нами должны быть тѣ же герои, но логически *преобразовавшіеся* подъ вліяніемъ извѣстныхъ положеній и фактовъ. Таковы, кажется намъ, должны быть отличительныя черты истинно-художественнаго *литературнаго* романа отъ повѣсти.

Если мы прикинемъ эту мѣрку къ произведенію г-жи Ожешковой, окажется, оно отнюдь не романъ. Но такой результатъ не имѣлъ бы, конечно, ни малѣйшаго значенія, если бы все дѣло ограничилось формальной квалификаціей. Какая важность для читателя, имѣетъ ли онъ дѣло съ повѣстью или съ романомъ, разъ книга написана содержательно и интересно? Но вопросъ въ томъ, что разъ авторъ рѣшилъ назвать свое произведеніе *романомъ*, онъ этимъ самымъ обязалъ себя написать его въ извѣстномъ объемѣ. Теперь представьте, что объемъ для романа заполненъ исключительно содержаніемъ, годнымъ для повѣсти, одной или нѣсколькихъ, т. е. у автора не оказалось въ распоряженіи достаточно обильнаго и глубокаго психологическаго анализа, а только рядъ занимательныхъ фигуръ и эпизодовъ... Въ результатѣ получится весьма длинный и подчасъ утомительный разсказъ о внѣшнихъ случайностяхъ, встрѣчахъ, разговорахъ, длящихся до тѣхъ поръ, пока автору не угодно будетъ поставить точку. А сдѣлать онъ это можетъ и на пятисотой, и на тысячной страницѣ, потому что предъ нимъ не *исторія* человѣческой *души и личности*, всегда приходящая къ заключительному фазису въ опредѣленный моментъ, а исторія человѣческой жизни и внѣшней судьбы, которую, т. е. исторію, можно сколько угодно продолжать и гдѣ угодно оборвать.

Именно такого рода произведеніе — романъ *Надъ Нѣманомъ*. Г-жа Ожешкова, безъ сомнѣнія, писательница выдающагося таланта, и притомъ таланта глубокаго, не только литераторскаго и борзописно - журнальнаго. Ея повѣсти—почетнѣйшее достояніе польской литературы, и романъ заключаетъ всѣ достоинства этихъ повѣстей. По этимъ достоинствамъ онъ—первоклассное произведеніе современной литературы, и не будь онъ *романъ*, а двѣ-три повѣсти, намъ оставалось бы только истощать русскій словарь похвалами и восторгами.

Въ самомъ дѣлѣ, трудно съ бо̀льшимъ мастерствомъ изобразить рядъ типовъ изъ круга польской интеллигенціи и въ особенности деревенской небогатой шляхты. Что̀ особенно замѣчательно, это героини, повидимому столь заурядныя, элементарныя, но на самомъ дѣлѣ рѣзко индивидуальныя и съ первыхъ же строкъ интригующія наше вниманіе. Цѣли этой г-жа Ожешкова достигаетъ самыми простыми средствами. У нея нѣтъ наивной, почти

дѣтской слащавости въ изображеніи женщинъ г-номъ Сенкевичемъ, нѣтъ патетическихъ смѣхотворныхъ отступленій въ формѣ любовныхъ объясненій со стороны автора по адресу собственныхъ героинь, нѣтъ шаблонныхъ пятенъ и мазковъ бонбоньерочнаго искусства въ описаніяхъ женской красоты, и между тѣмъ, прочтите одну начальную главу романа, у васъ останется какое-то необычайно теплое, будто родственное чувство къ несовсѣмъ изящной Юстинѣ и совсѣмъ уже грубой и даже отчасти злобной старой дѣвѣ—Мартѣ. И самое это отсутствіе изящества и злостности въ разсказѣ у г-жи Ожешковой отнюдь не бутафорскія принадлежности бойко набросанной декораціи, а выраженія цѣлаго нравственнаго міра и многообразныхъ полосъ человѣческой жизни.

Юстина—барышня по происхожденію, приживалка родственника по положенію, человѣкъ по развитому чувству личнаго достоинства, съ самаго начала, слѣдовательно, жертва и героиня драмы. Поэтому она и является предъ нами въ двойственномъ образѣ, не то «панна изъ хорошаго дома», не то «дѣвушка изъ народа». Представляется вопросъ, чѣмъ же ей быть вообще, въ теченіе всей жизни, какое найти опредѣленіе? Въ «хорошемъ домѣ», все равно—родственника или мужа, ей неминуемо придется играть роль облагодѣтельствованной, слѣдовательно, униженной и подвластной при самыхъ лучшихъ условіяхъ. На такой исходъ не рѣшится ея гордая сильная натура. Остается, слѣдовательно, пойти въ народъ, т.-е. пристроиться къ демократической, мало культурной, но простой и сердечно-благородной средѣ. Такъ это и происходитъ. Вся исторія легко предугадывается читателемъ съ первыхъ же страницъ. Непремѣнно долженъ появиться герой-плебей со всѣми типичными доблестями простыхъ героевъ г-жи Ожешковой, завоевать сердце томящейся одиночествомъ и фальшивымъ положеніемъ красавицы.

Вы видите, *психологическая основа* для развитія событій и для извѣстнаго исхода дана въ первой же главѣ, и Юстина въ объятіяхъ Яна та самая, которую характеризуютъ родственники и знакомые въ началѣ романа. Весь интересъ разсказа въ обычныхъ преобразованіяхъ любовнаго чувства. Юстинѣ не приходится бороться съ аристократическими вкусами и инстинктами, правда—жить ей на первый разъ довольно трудно, но только физически, а не нравственно. Не предстоитъ никакихъ насилій и надъ личной культурной природой, пришедшей въ соприкосновеніе съ первобытной грубостью и невѣжествомъ, потому что Янъ, по натурѣ, благороденъ, чувствителенъ, уменъ и даже изященъ. Все совершается столь же естественно и просто, какъ, напримѣръ, неудобная квартира мѣняется на лучшую.

Но искусство автора и заключается въ жизненности и, что еще оригинальнѣе, въ поэтичности изображеній самыхъ заурядныхъ вещей. Незамысловатые люди г-жи Ожешковой любятъ, страдаютъ и радуются неизмѣримо *человѣчнѣе* и для насъ поучительнѣе, чѣмъ самые пышные герои съ «догматами» и безъ «догматовъ». Въ прошломъ вѣкѣ высшей похвалой писателю считалось заявленіе: «его устами говоритъ сама природа». И лучше

*

нельзя выразить впечатлѣніе, производимое характерами и сценами романа г-жи Ожешковой. И природу здѣсь слѣдуетъ понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Если сказать о культурномъ поэтѣ, что онъ «жизнью одною съ природой дышалъ», въ большинствѣ случаевъ, напыщенная и чувствительная реторика,—о герояхъ г-жи Ожешковой это будетъ совершенная истина. Мы не знаемъ картины, гдѣ бы *пейзажъ* до такой степени гармонировалъ съ *жанромъ*, гдѣ бы въ такой душистый букетъ поэзіи и правды сливались человѣческія личности, будничныя деревенскія нужды, тончайшіе штрихи идиллическихъ изображеній природы и трогательнѣйшіе мотивы народной поэзіи. Какъ граціозна эта манера героевъ г-жи Ожешковой выражать свои задушевныя чувства пѣсней. «Чего нельзя сказать, то можно спѣть», говорятъ обыкновенно о не совсѣмъ умныхъ и складныхъ вещахъ. Здѣсь совершенно напротивъ. Чего не выразить словомъ, всегда болѣе или менѣе прозаическимъ, холоднымъ и бѣднымъ, то можно заключить въ прочувствованный мотивъ стариннаго народнего напѣва, и намъ невольно припоминаются лирическія страницы гоголевскихъ повѣстей всякій разъ, когда г-жа Ожешкова описываетъ встрѣчи и одинокія думы своихъ героевъ и героинь. Есть на свѣтѣ идилліи, какихъ не затмить никакой «натуральной правдѣ», и только истиннымъ вдохновеннымъ поэтамъ доступно рисовать ихъ безъ всякой примѣси фальшивой чувствительности и возвышенной реторики. Для поясненія нашей мысли намъ пришлось бы перечислить едва ли не всѣ сцены, гдѣ появляются деревенскіе герои г-жи Ожешковой. Укажемъ одну. Страстно, но мучительно-трепетно влюбленный Янъ проситъ Юстину сказать эху имя своего милаго, узнать это имя болѣе прямымъ путемъ для благоговѣющаго Яна было бы жутко, и Юстина кричитъ *его* имя... Въ нашемъ пересказѣ не можетъ быть и малой доли поэтической непосредственной прелести, какую сообщаетъ авторъ сценѣ, повидимому, искусственно придуманной, слишкомъ изысканной. Но сила поэзіи въ прямомъ и властномъ захватѣ человѣческаго чувства въ ущербъ всякому анализу, и вамъ почему-то хочется не разъ и не два перечитать эту сцену...

Но это одна только половина міра, изображаемаго въ романѣ. Есть другая, населенная тонко-чувствующими и нестерпимо-нервными дамами, кавалерами, воображающими себя экцентричными и исключительными явленіями нашего міра только потому, что имъ удалось промотать большія суммы родительскихъ денегъ на всякаго рода удовольствія. Эти фигуры, по существу, комичны и жалки, но для извѣстнаго сорта писателей эксплоатировать ихъ очень выгодно, и не ради вѣрной характеристики, а ради театральныхъ эффектовъ и фельетонныхъ приманокъ мелкой печати. Такъ, именно, и поступаетъ г. Сенкевичъ съ подобными героями, и чтобы понять, какая пропасть лежитъ между этимъ бутафорскимъ малеваніемъ и настоящей осмысленной литературой, достаточно сравнить пана Ружица у г-жи Ожешковой и пана Букацкаго или того же пресловутаго пана Плошовскаго у г-на Сенкевича. Сколько тонкой ироніи и, въ то же время, безпощадной

правды въ сценахъ г-жи Ожешковой, и правды, тѣмъ болѣе эффектной, что она не подчеркивается ни единымъ преднамѣреннымъ выраженіемъ, не раскрашивается ни малѣйшимъ лично-авторскимъ изліяніемъ, а говоритъ сама отъ себя! На насъ вѣетъ полнѣйшимъ нравственнымъ ничтожествомъ отъ разочарованнаго господина, и его природа кажется намъ еще блѣднѣе и худосочнѣе, чѣмъ его блѣдное истощенное лицо, въ глазахъ наивно-сенсаціонныхъ литераторовъ носящее признаки героизма и непонятыхъ міромъ страданій. И такое впечатлѣніе создано художественнымъ *инстинктомъ* автора, этой чудной силой *настоящихъ* писателей, подсказывающей имъ правду путемъ талантливаго, для насъ творческаго вдохновенія.

И подобныхъ частностей мы могли бы насчитать сколько угодно, каждая отдѣльно вызываетъ живѣйшій интересъ и оставляетъ яркое впечатлѣніе. Но представьте, всѣ эти частности связаны исключительно внѣшнимъ ходомъ событій на пространствѣ тридцати пяти печатныхъ листовъ! Оканчивается глава, вы ею очень довольны, но слѣдующая васъ не влечетъ, потому что предъ вами рядъ законченныхъ картинокъ, и—что важнѣе всего—общее, заранѣе установившееся представленіе о полной *неподвижности* психическаго міра главнѣйшихъ дѣйствующихъ лицъ, насколько вопросъ можетъ касаться *исторіи* и преобразованій человѣческой души. Разбейте романъ на рядъ отдѣльныхъ бытовыхъ картинъ, романическихъ сценъ, выдѣлите изъ него разсказъ о необычайно симпатичномъ увлеченіи панны «мужикомъ»,—увлеченіи убѣдительномъ, реальномъ и въ то же время поэтическомъ,—вы получите не одинъ и не два chefs d'oeuvre'а. Доказательства въ произведеніяхъ г-жи Ожешковой на каждомъ шагу.

Для примѣра возьмемъ два небольшихъ разсказа, изданныхъ *Русской Мыслью* одновременно съ романомъ. Оба написаны, въ сущности, на одну тему,—женской любви, отнюдь не романтическаго и лирическаго направленія, любви часто незамѣтной, рѣдко оцѣниваемой по достоинству, но той самой, о которой одинъ изъ реальнѣйшихъ и суровыхъ русскихъ поэтовъ высказалъ едва ли не самыя восторженныя свои рѣчи...

Въ разсказѣ «Милордъ» на сценѣ мать и сынъ. Для сильнаго таланта г-жи Ожешковой не было бы особенно большой заслугой, если бы онъ только вскрылъ лишній разъ всѣмъ вѣдомыя тайны материнскаго сердца,—русскій читатель могъ бы съ большой опасностью для писательницы припомнить задушевнѣйшія признанія того же Некрасова. Но предъ нами авторъ—женщина, и въ такомъ случаѣ не столько таланту, сколько сердцу доступенъ идеальный свѣтъ, какимъ бываетъ озарена женская природа въ моментъ героическаго самоотверженія. И мы увѣрены, создай такой по истинѣ трагическій эпизодъ на тему материнскихъ жертвъ писатель, мы могли бы кое-гдѣ подмѣтить мелодраматизмъ, почувствовать слишкомъ сгущенныя краски, и произошло бы это не отъ недостатка талантливости у автора, а отъ невозможности даже даровитѣйшему *писателю* свои творческіе образы слить въ неразрывной гармоніи съ искреннѣйшимъ личнымъ чувствомъ

женщины-героини. Говорятъ, вѣра двигаетъ горами; въ искусствѣ она та чудная сила, съ помощью которой писатель заставляетъ читателя мириться съ самыми, повидимому, исключительными явленіями и героями. Совершается своего рода актъ внушенія, мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, о чемъ намъ разсказываютъ съ такой сердечностью и убѣжденностью.

Именно такого рода разсказъ г-жи Ожешковой «Милордъ». Когда мы читаемъ, какъ старуха-мать умираетъ медленной голодной смертью ради удовольствій сына, живетъ каждой минутой его призрачнаго и далеко не возвышеннаго счастья и въ то же время всѣми силами души скрываетъ отъ него горькую правду; когда все это проходитъ предъ нами, мы изумляемся исключительному величію материнскаго подвига, но у насъ не найдется ни одного слова протеста или недоумѣнія, такое слово показалось бы оскорбленіемъ задушевнѣйшему чувству автора, горячо вѣрующаго въ то, что онъ пишетъ, и раскрывающаго намъ эту вѣру *въ процессѣ творчества*, безъ всякихъ фразъ и нарочитыхъ торжественныхъ выходовъ преднамѣреннаго лиризма. Потому что одно изъ великихъ внѣшнихъ достоинствъ произведеній г-жи Ожешковой—сжатость ихъ формы, энергичность и содержательность вмѣстѣ съ полнымъ отсутствіемъ чисто словесныхъ украшеній. Но глубочайшей тайной истинно-поэтическаго творчества остается все-таки умѣнье автора рисовать самую, повидимому, отталкивающую дѣйствительность столь же художественно уравновѣшенными чертами, съ такимъ же исполненнымъ достоинства и всеобъемлющаго гуманнаго чувства настроеніемъ, какъ и привлекательнѣйшія явленія въ жизни лучшихъ людей. Что, на первый взглядъ, можетъ быть пошлѣе и антипатичнѣе «Милорда», несчастнѣйшаго и немощнѣйшаго изъ всѣхъ мѣщанъ во дворянствѣ? Но какъ въ природѣ. такъ и въ художественномъ творчествѣ существуетъ только то, что естественно и логически послѣдовательно, точнѣе, разумно объяснимо, и «Милордъ» со всѣмъ его ничтожествомъ только одинъ изъ продуктовъ неисчерпаемо-творческой жизни, создающей рядомъ образцы божественной красоты и удручающаго уродства, и намъ раньше всякихъ личныхъ сочувствій и негодованій—настоятельно необходимо понять смыслъ и процессъ возникновенія одинаково какихъ бы то ни было явленій. И честь, и слава не тому писателю, который у читателей вызываетъ горячія и тѣмъ болѣе скоропреходящія настроенія и чувства, а тому, кто путемъ осязательнаго психологическаго анализа вводитъ насъ въ самую лабораторію общественной жизни и не столько *живописуетъ* ея внѣшнія болѣзни, сколько заботится о тщательномъ *діагнозѣ* внутренней болѣзнетворной почвы. Тогда и автору, и читателю становится доступнымъ то высшее созерцаніе человѣческой природы, когда и на умъ не приходитъ изливаться въ стремительныхъ восклицаніяхъ и взглядахъ, уже въ своей стремительности носящихъ зародышъ практической безцѣльности и безсилія, а глубокая, всесторонняя вдумчивость въ законы и факты, та вдумчивость, на основѣ которой только и воспитывается устойчивая, самоувѣренная общественная мысль и—въ конечномъ результатѣ—

принципіально-сознательная и неуклонная общественная дѣятельность. Какъ просто и въ то же время какъ трудно усвояема въ извѣстной средѣ эта истина!..

Наша замѣтка сильно разрослась и мы не можемъ остановиться на разсказѣ «Бабушка». Въ слѣдующій разъ мы постараемся восполнить этотъ пробѣлъ. Мы только желали бы одного, чтобы произведенія г-жи Ожешковой, одновременно съ обыкновенной беллетристической популярностью, пріобрѣтали въ нашей публикѣ *читателей-друзей*, тѣхъ читателей, которые въ книгѣ любимаго писателя ищутъ драгоцѣнной *умственной* пищи и умѣютъ извлекать изъ такихъ книгъ всѣ скрытыя въ нихъ сокровища красоты и истины. Г-жа Ожешкова вполнѣ заслуживаетъ такого отношенія по значительности и серьезности своего таланта.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

А. Кирпичниковъ. «Очерки по исторіи русской литературы».

А. Кирпичниковъ. Очерки по исторіи новой русской литературы. Спб. Изданіе Пантелѣева. 1896. Ц. 2 р. 50 к.

Содержаніе книги г. Кирпичникова очень разнообразно: есть статьи, не особенно подходящія къ ея условіямъ, напримѣръ, о «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1789 года, напечатана статья чисто библіографическаго характера—сличеніе рукописей сочиненій Крылова съ печатными изданіями, но рядомъ съ этимъ архивнымъ и для большой публики довольно безразличнымъ матеріаломъ, не мало и общеинтересныхъ темъ. По поводу ихъ мы и скажемъ нѣсколько словъ. Прежде всего изъ нашей оцѣнки книги долженъ быть исключенъ біографическій очеркъ, посвященный Гоголю: ничего сколько-нибудь новаго и даже стараго, но искусно освѣщеннаго, очеркъ не представляетъ, содержаніе его должно быть извѣстно всѣмъ гимназистамъ старшаго класса и даже, можетъ быть, въ большемъ объемѣ. Изъ остальныхъ статей—заслуживаютъ вниманія статья о Дружининѣ, о Достоевскомъ и Писемскомъ, публичная лекція «Московское общество въ изображеніи Грибоѣдова и графа Толстого» и двѣ статьи о Пушкинѣ.

Прежде всего Дружининъ. Авторъ задался очень похвальной цѣлью воскресить имя и значеніе забытаго въ настоящее время критика и беллетриста, когда-то производившаго шумъ и игравшаго немаловажную роль. Автору естественно, можетъ быть, при такихъ условіяхъ впасть въ преувеличенія: онъ, вѣдь, нѣкоторымъ образомъ создаетъ своего героя и невольно украшаетъ его личность и дѣятельность цвѣтами краснорѣчія и подходящими толкованіями фактовъ. До сихъ поръ имя Дружинина пользуется большимъ уваженіемъ, какъ автора статей по англійской литературѣ. Эти статьи перечитываются отнюдь не рѣже, чѣмъ всякая другая книга на русскомъ языкѣ по тому же предмету, и постоянно рекомендуются преподавателями своимъ слушателямъ. Слѣдовательно, нѣсколько мелодраматическое утвержденіе автора, будто

въ настоящее время «Дружининъ вторично умеръ и погребенъ», не вполнѣ справедливо. Но г. Кирпичниковъ желаетъ возобновить славу Дружинина, не какъ автора компиляцій по исторіи иностранной литературы, а какъ *оригинальнаго* писателя, автора повѣсти «Полинька Саксъ» и фельетоновъ, подписывавшихся псевдонимомъ Чернокнижникова. О повѣсти г. Кирпичниковъ выражается такъ: «Эта повѣсть своего рода подвигъ и, что особенно вѣрно, подвигъ безсознательный». Въ этой фразѣ каждое слово—преувеличеніе и реторика. Прежде всего, «Полинька Саксъ» такая же компиляція, только беллетристическая, какъ и статьи Дружинина по англійской литературѣ, на что указываетъ самъ авторъ, заставляя своего героя сравнивать себя съ *Жакомъ* и этимъ самымъ вскрывая первоисточникъ повѣсти—знаменитый, въ свое время, романъ Жоржъ Зандъ. Вся разница между французскимъ романомъ и русской повѣстью въ *заключительной развязкѣ*, оригинальность типичная для всѣхъ вообще заимствователей и передавателей чужихъ произведеній *). Слѣдовательно, подвига Дружининъ не совершалъ никакого, сочиняя свою повѣсть. Не было ничего и «безсознательнаго» въ этомъ актѣ. Для доказательства г. Кирпичниковъ могъ бы обратиться вообще къ исторіи сороковыхъ годовъ въ Россіи (повѣсть появилась въ 1847 году) и, въ частности, хотя бы къ роману Писемскаго «Люди сороковыхъ годовъ» и къ раннимъ произведеніямъ этого писателя. Въ этомъ романѣ есть глава, озаглавленная «Жоржъ-зандистъ», герой романа, во многихъ отношеніяхъ, двойникъ самого автора. «Отчаянный Жоржъ-зандистъ», т.-е. сторонникъ свободы женской личности и женскаго чувства любви. Слѣдовательно, Писемскій то-же, отнюдь не страдавшій въ теченіе всей своей жизни излишней способностью увлекаться какими бы то ни было идеями, въ особенности западно-европейскаго происхожденія, въ молодости былъ горячимъ почитателемъ Жоржъ-зандовской проповѣди эмансипаціи и даже пытался осуществить ее въ своей личной жизни, какъ это и дѣлаетъ его автобіографическій герой. Первое же произведеніе Писемскаго, появившееся впослѣдствіи въ печати, «Боярщина» трактуетъ тотъ же вопросъ. Оно написано одновременно съ появленіемъ повѣсти Дружинина и подчеркиваетъ распространенность и заурядность увлеченій «Жоржъ-зандизмомъ» среди русской молодежи сороковыхъ годовъ. Дружининъ, слѣдовательно, въ своемъ «подвигѣ» даже отсталъ отъ современныхъ ему писателей, такъ какъ даже не потрудился изобрѣсти свой собственный сюжетъ для воплощенія общераспространенныхъ взглядовъ, а просто воспользовался первоисточникомъ модныхъ воззрѣній. Грѣшитъ г. Кирпичниковъ и въ своихъ восторгахъ предъ фельетонами Чернокнижникова. Извѣстно, что къ этимъ фельетонамъ даже современные читатели относились далеко не съ горячимъ сочувствіемъ—и притомъ читатели самыхъ разнообразныхъ литературныхъ направленій, въ родѣ Тургенева, редакціи «Современника» и того же Пи-

---

*) Подробно о «Полинькѣ Саксъ» и ея «оригинальности» въ прекрасной статьѣ г. Венгерова—«А. В. Дружининъ», «Вѣстн. Евр.», 1895, янв.—февр.

семскаго. Прежде всего у Дружинина, по критическому вкусу сторонника чистаго искусства и отрицателя Бѣлинскаго, врядъ-ли могло возникнуть столь важное общественное содержаніе для фельетоновъ, какое желаетъ видѣть г. Кирпичникова. И это содержаніе, дѣйствительно, въ указанномъ смыслѣ очень сомнительно. Извѣстно, что «Современникъ», гдѣ раньше появлялись статьи Дружинина, онъ долженъ былъ покинуть именно изъ-за недостатка общественно-идейнаго инстинкта, перешелъ въ «Библіотеку для чтенія», но и здѣсь, во время кратковременнаго пребыванія, не успѣлъ внушить энтузіазма своему товарищу по редакціи—Писемскому. Г. Кирпичниковъ неоднократно высказываетъ замѣчанія, что герои сатирическихъ нападокъ Дружинина—«плоды его же фантазіи», что онъ «избралъ для обличенія не столько вредное, сколько глупое, да и вредное онъ выставлялъ, главнымъ образомъ съ его нелѣпой стороны». Отсюда оптимизмъ фельетониста. Эти данныя должны бы навести автора на тѣ самыя соображенія, какія очень остроумно высказалъ Писемскій устами статскаго совѣтника Салакушки. Когда писались «Записки Салакушки», Дружининъ сотрудничалъ уже въ «Вѣкѣ», и Писемскій съ полной откровенностью называетъ имя фельетониста. Нѣсколько строкъ изъ отзыва Писемскаго дополнятъ намъ характеристику Дружинина, какъ *оригинальнаго* писателя. Статскій совѣтникъ пишетъ: «Пріятное перо имѣетъ этотъ фельетонистъ! Тутъ онъ, напримѣръ, вздумалъ позадѣть акціонерныя компаніи, и для этого изобрѣлъ такое общество, какое развѣ есть между умалишенными, потомъ приписалъ ему дѣйствія, которыя тоже могутъ быть свойственны только бѣлогорячечнымъ, а именно: втыканіе акціонеру въ шубу трезубца, вталкиваніе его этимъ трезубцемъ въ сѣни. Изложилъ онъ все это языкомъ совершенно уже не колкимъ и не злымъ!.. Такимъ образомъ, выстрѣлъ какъ будто и былъ произведенъ, а между тѣмъ никто не задѣтъ, и даже ни въ кого особенно намѣчено не было, и такъ, произведена была только маленькая игра съ фантошами собственнаго воображенія». Статскій совѣтникъ находитъ вполнѣ благонамѣренной и допустимой такого рода сатиру. Несомнѣнно, Дружининъ по нравственному характеру и гуманнымъ чувствамъ представлялъ явленіе въ высшей степени симпатичное, но ни то, ни другое не должно взвинчивать въ нашихъ глазахъ его литературныя заслуги. Надо же отдать сколько-нибудь справедливости «потомству»: оно чаще всего гораздо правосуднѣе современниковъ (бываютъ, конечно, и исключенія) и если какого дѣятеля поражаетъ забвеніемъ, очевидно, въ самой дѣятельности есть какой-то изъянъ, нѣчто слабосильное и мертвенное, не выдерживающее потока времени. Этимъ мертвеннымъ элементомъ въ литературныхъ произведеніяхъ Дружинина былъ недостатокъ общественной мысли и оригинальнаго творчества. Но за то, какъ писатель, одинъ изъ первыхъ популяризовавшій у насъ иностранную литературу, онъ сохранитъ память достойную и почтенную.

Еще болѣе серьезныя недоразумѣнія вызываетъ статья г. Кирпичникова о Достоевскомъ и Писемскомъ. Начать съ того, что

она построена очень странно: авторъ обходитъ сравнительную характеристику двухъ писателей, а между тѣмъ никакого параллелизма нѣтъ, весь вопросъ сводится къ кончинѣ обоихъ писателей въ одинъ годъ и въ одинъ мѣсяцъ. Но какіе *внутренніе* мотивы— личные или творческіе для сравненія,—мы не видимъ. Авторъ просто излагаетъ попеременно біографическія свѣдѣнія и критическія соображенія то о Достоевскомъ, то о Писемскомъ: это не значитъ писать «сравнительную характеристику». Это—одно. А потомъ самый тонъ изложенія и здѣсь столь же мало *критическій*, какъ и въ статьѣ о Дружининѣ. Г. Кирпичниковъ, о чемъ бы ни вознамѣрился трактовать, непремѣнно поведетъ свою рѣчь въ эпическомъ стилѣ. Достоевскій и Писемскій должны быть непремѣнно героями, для этой цѣли необходимы жертвы въ лицѣ другихъ писателей, и ихъ г. Кирпичниковъ отыскиваетъ—для Достоевскаго жертвой будетъ Гоголь, для Писемскаго—Тургеневъ. Относительно автора «Мертвыхъ душъ» высказываются, по этому случаю, весьма странныя сужденія. Напримѣръ, по увѣренію г. Кирпичникова, «читатель смѣется до упаду» надъ героемъ «Записокъ сумасшедшаго», смѣется даже «когда несчастнаго бьютъ палками и обливаютъ водою». Испытывали вы подобное настроеніе въ подобныя минуты? Въ біографіи Гоголя разсказывается, какъ дамы рыдали, когда Гоголь читалъ въ «Запискахъ» именно тѣ мѣста, которыя заставляютъ г. Кирпичникова хототать до упаду *). И современная наша публика можетъ припомнить, какое она впечатлѣніе испытывала во время чтенія тѣхъ же «Записокъ» хотя бы, напримѣръ, покойнымъ артистомъ Андреевымъ-Бурлакомъ. Можно смѣло сказать, что хохотъ г. Кирпичникова въ такихъ случаяхъ раздавался бы въ полномъ одиночествѣ. Идеализація Достоевскаго принимаетъ дальше самыя неожиданныя формы. Г. Кирпичниковъ лирически восхваляетъ доброту, правдивость, искренность и даже безконечную любовь писателя, забывая, что авторъ «Записокъ изъ Мертваго дома» въ то же время авторъ и «Бѣсовъ», въ которыхъ врядъ ли можно отыскать особенно много правдивости и особенно любви, если только пасквиль на такого писателя и человѣка, какъ Тургеневъ, не считать христіанскимъ подвигомъ. Потомъ въ творчествѣ Достоевскій, оказывается, стремился исключительно къ *истинѣ*, но въ то же времи мы узнаемъ, что у него «психопатологія вмѣсто психологіи», «нервическая болѣзненная фактотика вмѣсто художественнаго воспроизведенія дѣйствительности». Врядъ ли всѣ эти качества писателя вполнѣ примиримы. Очевидно, читателю трудно будетъ получить цѣльное и *историческое* представленіе о Достоевскомъ по лекціи г. Кирпичникова—причиной сбивчивость взгляда, неполнота фактовъ: авторъ, напримѣръ, ничего но говоритъ о центральныхъ событіяхъ въ жизни Достоевскаго, его ссылкѣ и каторгѣ, въ явномъ пристрастіи къ идеальнымъ чертамъ героя. Не лучше обстоитъ вопросъ и относительно Писемскаго. Авторъ упадокъ его популярности объясняетъ исключительно внѣшними фактами, ссорой Писемскаго съ

*) *Матеріалы для біографіи Гоголя.* В. Шенрока, т. III, стр. 128—9.

петербургской печатью, и не хочетъ признавать другихъ, болѣе глубокихъ, *внутреннихъ* причинъ, лежавшихъ въ натурѣ и талантѣ Писемскаго, хотя попутно бросаетъ давно затасканный извѣстнаго сорта патріотами упрекъ по адресу Тургенева въ бѣгствѣ изъ неблагодарнаго отечества. Дальше г. Кирпичниковъ находитъ возможнымъ «Горькую Судьбину» и «Записки охотника» ставить наравнѣ, какъ протесты противъ крѣпостного права. Между тѣмъ, всякому читавшему пьесу Писемскаго ясно, что въ ней вопросъ о крѣпостномъ правѣ совершенно ни при чемъ, крестьянка—*жертва своего мужа* и *добровольная*, искренне любящая подруга своего *помѣщика*,—вопросъ, слѣдовательно, сводится къ свободѣ чувства и супружескихъ связей, а не къ помѣщичьей власти, которую просто даже забавно воплощать въ видѣ такого «крѣпостника», какого взялъ Писемскій. Вообще, крѣпостное право для г. Кирпичникова—тайна за семью печатями. Его разсужденія о крѣпостничествѣ XVIII вѣка, можно сказать, chefs d'oeuvr'ы остроумія. Почему бы вы думали при Екатеринѣ такъ строго преслѣдовалось всякое посягательство на рабство крестьянъ? Вы скажете—потому, что хотѣли сохранить старый порядокъ вещей. Отнюдь нѣтъ. Совершенно напротивъ: потому, что гонители сознавали «непригодность и антипатичность» крѣпостнаго права, а вѣдь «извѣстно, что люди больше всего раздражаются тогда, когда ихъ упрекаютъ въ недостаткѣ, ими вполнѣ и съ болью въ сердцѣ сознаваемомъ». Вотъ, слѣдовательно, въ чемъ секретъ,—соображеніе, по истинѣ, стоющее знаменитаго *reservatio mentalis*, изобрѣтеннаго когда-то нѣкіими хитроумными политиками въ области морали. Но это не единственное открытіе нашего Одиссея. Дальше читаемъ о необычайно чувствительномъ отношеніи Екатерины II къ положенію крѣпостныхъ крестьянъ, ея слезахъ въ прошломъ и будущемъ, когда помѣщики превратились бы въ патріарховъ золотого вѣка... Все это вы можете прочесть на стр. 298—9. Не мѣшало бы только автору свою идиллію примирить съ такими, напримѣръ, узаконеніями Екатерины: помѣщики получали право ссылать крѣпостныхъ на каторгу за «продерзости» и потомъ возвращать ихъ къ себѣ, продавать ихъ безъ земли съ аукціона, только безъ употребленія молотка, и, наконецъ, запрещеніе крестьянамъ подавать на помѣщиковъ челобитныя самой императрицѣ и какому бы то ни было начальству. Составителямъ и подателямъ челобитныхъ грозилъ кнутъ и безсрочная каторга съ зачетомъ помѣщикамъ ссыльныхъ въ рекруты... Мы настоятельно рекомендуемъ г. Кирпичникову вдуматься въ эти законодательные акты. Но, можетъ быть, въ качествѣ историка литературы онъ не сочтетъ ихъ для себя обязательными, тогда мы предлагаемъ его благосклонному вниманію дѣло о Радищевѣ и въ особенности *личныя* замѣчанія Екатерины на его книгу. Впрочемъ, мало ли что можно рекомендовать г. Кирпичникову! Онъ, напримѣръ, въ публичной лекціи толковалъ о современникахъ и прототипахъ Чацкаго, и во-первыхъ, ни словомъ не упоминаетъ о важнѣйшемъ и серьезнѣйшемъ источникѣ для характеристики русской молодежи первыхъ десятилѣтій XIX вѣка, о книгѣ Тургенева—*La Russie et les Russes*.

Извѣстна она автору? Если неизвѣстна,—онъ не имѣлъ права и возможности характеризовать «общество» и Чацкаго. Потомъ, автору совершенно невѣдомы, повидимому, *автобіографическія* черты личности Чацкаго: иначе авторъ не сталъ бы повторять старыхъ разговоровъ о безтактности и смѣхотворности поступковъ и рѣчей Чацкаго, и даже объ его неспособности любить! Далѣе, на счетъ «желѣзной дисциплины» наполеоновскихъ войскъ въ Москвѣ рекомендуемъ г. Кирпичникову прочесть хотя бы одинъ томъ извѣстнаго сочиненія Богдановича, если ужъ для него не существуютъ французскіе источники въ родѣ хотя бы записокъ гр. Сегюра. Наконецъ, по поводу характеристики аристократическихъ русскихъ нравовъ XVIII вѣка, будто совершенно, по своей дикости и некультурности не похожихъ на нравы французскихъ шевалье и маркизовъ, совѣтуемъ автору познакомиться съ произведеніями герцога С. Симона и г-жи Севиньи, а для философской эпохи—съ біографіей хотя бы Вольтера или Бомарше, и спеціально относительно положенія актеровъ—съ любой исторіей французскаго театра, и особенно съ корреспонденціей Гримма. Всѣ эти источники совершенно должны будутъ измѣнить содержаніе и тонъ рѣчей г. Кирпичникова; въ настоящемъ же видѣ онѣ, въ историко-культурномъ смыслѣ, сплошное недоразумѣніе. Въ общемъ вся книга нуждается въ серьезномъ и капитальномъ пересмотрѣ, за исключеніемъ развѣ статей археологическаго и біографическаго содержанія и очерковъ, посвященныхъ Одессѣ.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

Л. Грегуаръ. «Исторія Франціи въ XIX в.».—*В. Н.* «Изъ исторіи Москвы».—*Н. П. Барсуковъ.* «Жизнь и труды М. П. Погодина».

Л. Грегуаръ. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Томъ III. Перев. г-жи Лучицкой подъ ред. г. Лучицкаго. Изд. г. Солдатенкова. М. 1896 г. Ц. 4 р. Во всѣхъ лѣтописяхъ французскаго политическаго краснорѣчія врядъ ли можно найти болѣе правдивую и поучительную рѣчь, чѣмъ слѣдующія слова, сказанныя Одилономъ Барро Луи Наполеону, еще президенту республики, но уже дававшему спектакли парижской черни въ цезарскомъ духѣ: «Я знаю, что наша нація артистична по натурѣ, что она много живетъ воображеніемъ и любитъ театральные эффекты; но лучше управлять людьми, дѣйствуя на ихъ хорошія качества, а не на дурныя... Знаете ли вы, какъ я назвалъ бы такое правительство? правительствомъ à la Франкони». Т. е. знаменитый парламентскій либеральный ораторъ погоню авантюриста за уличными представленіями и такъ-называемыми «великими дѣлами» и громкими словами приравнивалъ къ шутовскому, хотя и яркому комедіянтству. Замѣчаніе Одилона Барро не имѣло никакого практическаго результата, но оно любопытно, какъ характеристика, высказанная французомъ о своихъ соотечественникахъ. Эту характеристику можно провѣрять буквально ежедневно, на всемъ, что только вы-

ходитъ въ литературѣ изъ-подъ французскаго пера, что говорится на французской трибунѣ и что дѣлается весьма нерѣдко на французскихъ улицахъ и площадяхъ. Въ самыхъ серьезныхъ областяхъ, въ научныхъ,—царство эффекта остается непоколебимымъ и, напримѣръ, во французской исторической литературѣ новѣйшаго времени только въ видѣ исключенія можно встрѣтить дѣйствительно *исторію*, а не ораторское упражненіе на мотивы той или другой политической партіи, по французскому обычаю, почти всегда нетерпимой и сильно-безпощадной къ своимъ противникамъ. На этотъ фактъ жаловался еще Фюстель де-Куланжъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ, обвиняя повально всѣхъ новыхъ французскихъ историковъ въ партійномъ фанатизмѣ. Политическія страсти современную исторію низвели до того уровня, на какомъ она стояла во времена Ливія и Саллюстія, т. е. историческое изслѣдованіе превратили въ тенденціозный морализирующій трактатъ, часто просто въ памфлетъ, въ родѣ, напримѣръ, тэновскихъ сочененій о революціи, имѣющихъ полное право по своему безпримѣрно-запальчивому тону и чудовищному извращенію фактовъ считаться образцами *бѣлой* якобинской литературы. Все равно, какъ античный историкъ вкладывалъ въ уста своихъ героевъ рѣчи того или другого политическаго и нравственнаго, вообще проповѣдническаго содержанія, такъ новый французскій историкъ за свой счетъ превращается въ оратора въ пользу той или другой партіи: и Луи Бланъ, и Тэнъ, оба изобразятъ одни и тѣ же событія, но такъ, будто историки имѣли дѣло съ совершенно различными людьми и съ противоположными эпохами. Исторія XIX вѣка—чѣмъ ближе къ нашимъ днямъ, тѣмъ попадаетъ въ болѣе рискованное положеніе. Нѣтъ ни одного захудалаго академика и компилятора, который бы не счелъ своей обязанностью реабилитировать въ своихъ трудахъ если не партію, то, по крайней мѣрѣ, традиціи салоновъ, которые онъ посѣщаетъ, покровителей, которые создали его карьеру. Исторія реставраціи, іюльской монархіи, бонапартовскихъ «эпопей» будетъ видоизмѣняться въ разныхъ ученыхъ рукахъ подобно предмету подъ выпуклыми или вогнутыми стеклами, и раньше, чѣмъ читать работу историка, мы непремѣнно должны справиться съ его *научной* «окраской» и принять ее во вниманіе при оцѣнкѣ не только взглядовъ автора, но и событій, какія онъ считаетъ нужнымъ сообщить или замолчать, и добрую долю нашей проницательности удѣлить на разграниченіе *эффекта слова* отъ *правды дѣла*, театральности обстановокъ отъ настоящаго смысла происшествій. Въ виду этого, французскую новѣйшую исторію гораздо безопаснѣе изучать по трудамъ не-французскихъ писателей, хотя бы тѣхъ же нѣмцевъ, если только тотъ или другой изъ нихъ не зараженъ особенно прусскимъ пангерманизмомъ. Но такихъ, къ чести нѣмецкой исторической науки, немного, и имя недавно скончавшагося Трейчки едва ли не единственное талантливое и въ то же время рѣзко шовинистское среди именъ германскихъ историковъ, но даже и шовинизмъ—явленіе преимущественно *иностранной* политики, насколько вопросъ касается чужой исторіи, и даже у самого Бисмарка не должно бы быть ни малѣйшаго основанія возводить въ перлъ

созданія французскую буржуазію іюльской монархіи или оплакивать героевъ легитимизма въ духѣ Карла X. Луи Грегуаръ не принадлежитъ ни къ побѣжденнымъ, ни къ торжествующимъ политикамъ. Это очень скромный ученый, спеціалистъ по географіи и исторіи, спокойно преподававшій свои предметы въ разныхъ лицеяхъ во время всевозможныхъ преобразованій политическихъ и общественныхъ (родился въ 1819 году, воспитанникъ нормальной школы). Всезахватывающее парламентское честолюбіе не коснулось профессора ни въ какомъ отношеніи, и онъ сохранилъ за собой способность и право говорить о герояхъ и жертвахъ современной политики «безъ страсти и гнѣва». Эта, такъ сказать, политическая неприкосновенность автора должна была отразиться на его работѣ, помимо спокойствія и безпристрастія въ разсказѣ, извѣстной блѣдностью характеристикъ лицъ и идей. Работа Грегуара отличается нѣкоторымъ лѣтописнымъ духомъ, не доставляетъ никакого художественнаго удовольствія, лишена блеска и была бы даже лишена жизни, если бы сами событія не говорили слишкомъ громко и сильно. Книгу можно прочесть только съ самымъ серьезнымъ, отчасти самоотверженнымъ намѣреніемъ учиться и знать, и въ особенности послѣ выработаннаго и часто азартно-страстнаго изложенія Тэна Грегуаръ можетъ показаться утомительнымъ и слишкомъ заурядньмъ. Но за то у него ровно на столько же больше *исторіи*, чѣмъ у Тэна, насколько меньше французскаго эффекта и партійнаго фанатизма. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Грегуаръ стоитъ выше даже популярнѣйшихъ нѣмецкихъ авторовъ въ области новой французской исторіи. Особенно, напримѣръ, большую честь дѣлаетъ Грегуару характеристика политической роли Луи Блана и вообще соціальныхъ явленій наканунѣ второй имперіи. Для Розау демократическіе вожди только подстрекатели и мятежники, въ лучшемъ случаѣ слѣпцы и фанатики. Грегуаръ старается опредѣлить истинную роль людей, оставшихся ни при чемъ послѣ столь много сулившей февральской революціи. Въ виду этого, онъ ни на минуту не скрываетъ удручающей незрѣлости и опрометчивости парламентскихъ партій, призванныхъ бороться противъ посягательствъ второго Бонапарта. Мелочность и эгоизмъ буржуазіи, дѣтская нетерпимость и взбалмошная запальчивость крайнихъ, не съумѣвшихъ сплотиться противъ общаго врага и своими раздорами и ошибками приведшаго его къ трону, разсказъ обо всемъ этомъ— лучшія страницы въ книгѣ Грегуара. Автору извѣстенъ также капитальнѣйшій фактъ не только эпохи февральской революціи и возстановленія имперіи, но вообще всей французской исторіи до послѣднихъ дней: полная обособленность буржуазной и въ особенности парламентской интеллигенціи отъ настоятельныхъ народныхъ нуждъ и коренныхъ вопросовъ истинно-демократическаго строя. Грегуаръ иллюстрируетъ многими эпизодами совершенное равнодушіе даже парижской демократіи къ народнымъ представителямъ, и даже сочувствіе демократіи къ имперіи въ моментъ ея возникновенія. Къ сожалѣнію, авторъ не затрагиваетъ въ должной степени основныхъ причинъ этого разъединенія господствующаго политиканствующаго класса и большинства націи. Даже

популярнѣйшіе вожди демократіи сознавались, что они, въ сущности, не умѣютъ ни говорить съ народомъ, ни писать для него. Правда, Ламартинъ производилъ большіе эффекты во время февральской революціи, но эффекты оказались болотными огнями, фейерверками, и народъ вскорѣ краснорѣчивѣйшія изліянія поэта призналъ обманомъ и фокусомъ со стороны людей, повернувшихъ революцію въ свою пользу, а популярность Ламартина исчезла съ головокружительной быстротой, чуть ли не на слѣдующій день послѣ рукоплесканій и тріумфовъ. Ламартинъ оказался предшественникомъ и прообразомъ слѣдовавшихъ за нимъ парламентскихъ республиканцевъ, необычайно талантливыхъ на трибунѣ, находчивыхъ, остроумныхъ, способныхъ однимъ словомъ заклеймить человѣка и факты, но въ результатѣ не видящихъ ничего, кромѣ минутнаго торжества—личнаго или партійнаго, въ чисто адвокатскомъ турнирѣ, и парижскіе рабочіе съ презрѣніемъ будутъ обо всѣхъ депутатахъ безразлично выражаться, какъ о «монетахъ въ 25 франковъ»: дороже, въ глазахъ народа, не стоила ни либеральная, ни радикальная политика палаты! Грегуаръ, къ сожалѣнію, почти не пользуется *газетнымъ* матеріаломъ для характеристики политикановъ и вліятельныхъ вожаковъ разныхъ партій. А между тѣмъ, именно періодическая печать, начиная съ іюльской монархіи, съ удивительною яркостью и полнотой отражаетъ все легкомысліе и безсодержательность политическихъ треволненій господствующихъ классовъ и даже лучшихъ представителей интеллигенціи. Республиканскіе органы, въ родѣ *National'я*, откровенно сознавались, что они даже и не подозрѣвали существованія какихъ бы то ни было интересовъ и вопросовъ внѣ тѣснаго кружка негоціантовъ, депутатовъ, литераторовъ. Много лѣтъ спустя послѣ событій 89-го года, эти органы находили возможнымъ упрекать министровъ за то, что они ищутъ популярности у «другой націи, чѣмъ та, которая читаетъ газеты, увлекается преніями палатъ, располагаетъ капиталами, руководитъ промышленностью и владѣетъ землей». Монархическое правительство, въ глазахъ республиканцевъ и, слѣдовательно, самыхъ либеральныхъ французскихъ политиковъ, было виновато въ томъ, что «спускалось до низшихъ слоевъ населенія, гдѣ не существуетъ *мнѣній* и врядъ ли есть какое - либо представленіе о политикѣ, гдѣ кишатъ тысячи добрыхъ правдивыхъ простыхъ существъ, легко поддающихся обману и отчаянію, гдѣ живутъ день за день, и ведя безпрестанную ежечасную борьбу за жизнь, не имѣютъ ни физическаго, ни нравственнаго отдыха, чтобы подумать, какими путями вершатся дѣла страны». Такъ писалъ *National* вскорѣ послѣ іюльской революціи, почти буквально повторяя идеи аристократичнѣйшихъ писателей глубокой древности, въ родѣ Платона. Мало измѣнилось положеніе вопроса въ теченіе іюльской монархіи, насколько онъ касался либеральныхъ парламентскихъ и журнальныхъ дѣятелей. Они прямо были недовольны, что на сцену выступили соціальные интересы массъ и тѣмъ затормозили развитіе парламентскаго риторства. Вообще, Грегуаръ остается большею частью на почвѣ *фактовъ* и мало занимается *идеями*, вызвавшими

тѣ или другіе факты. Автору ни разу не приходитъ на умъ дать *общую* характеристику важнѣйшихъ политическихъ партій и тѣмъ ярче намѣтить вопросъ объ ихъ судьбѣ и взаимныхъ отношеніяхъ. Онъ предпочитаетъ сообщать съ хронологической послѣдовательностью отдѣльные эпизоды, и для мало подготовленнаго читателя исчезаетъ руководящій характеръ событій. Это большой недостатокъ въ историческомъ сочиненіи, имѣющемъ дѣло съ такой сложной эпохой, какова февральская революція и вторая имперія. Отсутствуетъ и удовлетворительная характеристика Луи-Наполеона, столь мастерски сдѣланная, между прочимъ, въ *Запискахъ* Токвиля, извѣстныхъ и русской публикѣ. Вообще, Грегуаръ столь же мало психологъ и философъ, какъ и политикъ. Онъ, повидимому, даже не чувствуетъ ни малѣйшей склонности вникать въ *природу* того или другого политическаго дѣятеля и ограничивается изложеніемъ его поступковъ и рѣчей. Въ виду этого, книга можетъ принести только сравнительно элементарную пользу, сообщить читателю фактическія данныя и подготовить его къ тому, чтобы осмыслить ихъ на основаніи другихъ источниковъ, дающихъ помимо цѣпи политическихъ событій, картину культурнаго и идейнаго развитія общества. Но со стороны французскаго историка уже не малая заслуга простое, безпристрастное сообщеніе фактовъ, и въ особенности русскій читатель найдетъ здѣсь не мало поучительныхъ, если не мыслей, то фактическихъ частностей, нерѣдко бросающихъ якій свѣтъ на событія внутренней французской политики даже послѣднихъ дней. Переводъ книги сдѣланъ безукоризненно и читается легко. Попадаются, къ сожалѣію, изрѣдка опечатки въ собственныхъ именахъ. Въ разбираемый томъ входитъ исторія крымской войны, русскій переводъ излагаетъ французскій текстъ безъ всякихъ примѣчаній и поясненій; нѣкоторыя были бы необходимы для русскаго читателя.

В. Н. Изъ исторіи Москвы. 1147—1703. Очерки въ 212 рисунками. М. 1896. 8-vo. Стр. II + 272 + IV Ц. 1 руб. 50 коп. Книга г. В. Н. нуждается въ критикѣ... Въ предисловіи авторъ самъ признается, что, составляя свою книгу, онъ разсчитывалъ на семисотъ-пятидесятилѣтіе Москвы, ожидаемое 28 марта 1897 г.; можно прибавить, что онъ имѣлъ въ виду еще неопытность и отсутствіе чутья въ извѣстной части русской читающей публики. Самъ авторъ, надо отдать ему справедливость, обладаетъ нѣкоторымъ чутьемъ и въ предисловіи не рискнулъ признаться въ томъ, что часть его «очерковъ» печаталась въ московскихъ уличныхъ листкахъ, наименованіе которыхъ не принято называть въ порядочной прессѣ. Гдѣ-то петитомъ на 265 й страницѣ, до которой не доберется ни одинъ читатель, мы встрѣчаемъ благодарность нѣкоему «почтенному русскому человѣку» (не станемъ приводить его фамиліи), въ изданіяхъ котораго и печатались настоящіе очерки. Еслибъ авторъ помѣстилъ эту благодарность обыкновеннымъ шрифтомъ и въ предисловіи, то едва ли можно было найти хотя бы одного наивнаго покупателя его книги; но г. В. Н. находчивъ отъ первой до послѣдней страницы своей книги: историческая истина является для него чѣмъ-то весьма

растяжимымъ, и вотъ портреты у него замѣняются «вымышленными изображеніями нашихъ великихъ князей и царей» (стр. 265 и сл.), фантазіями художниковъ, а роль источниковъ играютъ нѣкая книжка «Какъ строилась русская земля» или плохенькая компиляція г. Хитрова «Александръ Невскій», причемъ ни ту, ни другую авторъ не могъ назвать и не назвалъ въ спискѣ своихъ пособій. «Изъ исторіи Москвы» имѣетъ цѣлью уяснить *«духъ Москвы»* (для чего достаточно побывать въ ней лѣтомъ) и обновить «національное сознаніе». Такая неопредѣленная цѣль не дала книгѣ опредѣленнаго содержанія, и самъ г. В. Н. затрудняется опредѣлить его болѣе или менѣе точно, говоря, что пытался «въ небольшомъ общедоступномъ изданіи соединить, по возможности, все главное изъ того, что разбросано во множествѣ сочиненій *по этому предмету»*. По какому именно «этому предмету», авторъ не поясняетъ. Никакой исторіи Москвы въ книгѣ г. В. Н. нѣтъ: въ необыкновенно сухомъ, скучномъ, пустомъ разсказѣ авторъ пересказываетъ въ хронологической послѣдовательности рядъ общеизвѣстныхъ фактовъ, стараясь обставить ихъ подробностями матеріальнаго быта. Нѣтъ ни идеи, ни общаго плана, ни осмысленности въ изложеніи; читатель находится въ полномъ недоумѣніи, съ чѣмъ и въ какомъ освѣщеніи хотѣлъ знакомить его авторъ. Единственное удовольствіе, доставляемое книгой г. В. Н., заключается въ наблюденіи курьезовъ. Такъ авторъ, напр., пишетъ, что «Москва-рѣка... пунктъ, гдѣ въ живомъ соприкосновеніи сходилось и сплеталось очень многое» (стр. 2), что въ Москвѣ XII вѣка «едва ли что-нибудь такое вѣчевое могло сказываться» (стр. 5); при Василіи III улицы въ Москвѣ на ночь запирались рогатками и выходъ изъ домовъ безъ крайней необходимости былъ запрещенъ, да, замѣчаетъ г. В Н. (стр. 94), «Москва въ это правленіе продолжала развиваться и въ другихъ различныхъ отношеніяхъ». Изложеніе смутнаго времени, гдѣ авторъ пытается говорить картинно или торжественно, полно курьезовъ: то «смута и слякоть» (стр. 153) не найдутъ себѣ самозванца, то «сквозь тучи смуты проглянуло было солнце» (стр. 156—157), то бояре не могли «изъ Руси надѣлать вѣчевыя народоправства или даже воскресить удѣльную систему» (стр. 159), или «въ толпѣ двигавшихся людей видѣлась вся ужасающая картина погибавшей Москвы и всея Руси, *но и* все величіе и зиждительная сила ея историческаго духа» (стр. 164). Чуть не на каждой страницѣ натыкаешься на этотъ «духъ». Если авторъ думаетъ, что для читателя «духъ» всего чувствительнѣе, когда пестришь изложеніе ежеминутнымъ употребленіемъ сочетанія четырехъ буквъ д, у, х и ъ, не заботясь о внутреннемъ смыслѣ, то г. В. Н. достигъ цѣли, но не совсѣмъ той, на которую претендуетъ. Если къ сказанному прибавить, что мѣстами въ книгѣ встрѣчаемъ наивную полемику съ какими-то неизвѣстными историками, свидѣтельствующую о полномъ научномъ незнакомствѣ автора съ предметомъ русской исторіи, что даже простая литературная начитанность автора находится подъ громаднымъ знакомъ вопроса, то мы будемъ въ правѣ заключить, что читателю рѣшительно

нѣтъ смысла тратить время на плохую и тенденціозную компиляцію г. В. Н.

Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга десятая. Спб. 1896. 8-vo Стр. XVI + 583. Ц. 2 руб. 50 коп. Общая точка зрѣнія на трудъ г. Барсукова выражена пишущимъ настоящія строки въ отзывѣ о пятой книгѣ *Жизни и трудовъ М. П. Погодина,* помѣщенномъ въ ноябрьской книжкѣ нашего журнала за 1893 годъ (стр. 17—21; также и въ Библіографическомъ Отдѣлѣ *Русской Мысли* за 1892 г., стр. 358—361, 490—492, — за за 1893 г., стр. 367—369, — за 1895 г., стр. 161 о 5—9 книгахъ названнаго труда). Тотъ же взглядъ, что и въ перечисленныхъ сейчасъ отзывахъ, приходится поддерживать опять, хотя бы съ очень маленькой оговоркой, что въ десятой книгѣ г. Барсуковъ пытается нѣсколько очистить стиль и тонъ и сыграть на опрятность. Отчасти это ему удалось, и надо пожелать, чтобъ въ дальнѣйшихъ книгахъ (а ихъ предстоитъ еще очень много) обнаруживался въ этомъ отношеніи все большій и большій прогрессъ. Сколькихъ читателей прогналъ отъ своей чрезвычайно любопытной книги г. Барсуковъ благодаря своей упорной попыткѣ представляться въ нелѣпой роли ультра-обскуранта fin de siècle, которая къ нему не совсѣмъ идетъ. Выдуманность и неискренность этой роли ярко обрисовываются на многихъ страницахъ его работы: такъ и хочется думать, что авторъ взялся во что бы то ни стало скомпрометировать и опошлить эту роль, равно какъ и связанныя съ нею архаическія воззрѣнія и мечты. Будемъ надѣяться, что авторъ достаточно посмѣялся и впредь постарается привлечь къ своей книгѣ отпугнутыхъ злокачественной мишурой читателей.

Десятая книга обнимаетъ 1848—1849 гг. (часть перваго года вошла въ девятую книгу, часть вторая войдетъ, повидимому, въ одиннадцатую) и издана на средства московскаго купца А. Н. Мамонтова, обезпечившаго выходъ въ свѣтъ и одинадцатой книги. Это обстоятельство заставило г. Барсукова поставить на обложку новый глубокомысленнный эпиграфъ «пою — дондеже есмь» и написать не менѣе глубокомысленное предисловіе, которое съ наслажденіемъ можетъ перепечатать любой юмористическій журналъ. Что касается содержанія книги, то оно попрежнему разнообразно, а нѣкоторыя главы прочтутся *современнымъ* читателемъ съ захватывающимъ интересомъ. Вотъ почему попрежнему настаиваемъ на рекомендаціи труда г. Барсукова нашимъ читателямъ, предостерегая ихъ отъ невозможной тенденціозности автора,—и остановимся лишь на нѣкоторыхъ мѣстахъ новаго тома, которыя необходимо подчеркнуть въ бѣглой замѣткѣ.

Продолжая собирать для своего музея русскія древности, рукописи, книги, Погодинъ въ 1848 г. пришелъ къ мысли устроить при немъ публичныя лекціи. Недавнія лавры Грановскаго на этомъ блестящемъ поприщѣ, очевидно, не давали спать Погодину. И вотъ онъ пишетъ Шевыреву письмо, рѣшаясь пригласить въ число лекторовъ «*изъ чужихъ не болѣе Грановскаго*» (стр. 120) и замѣчая, что «мысль о лекціи прекрасная и своевременная, только

нужна твердость», что сперва надо все «и потихоньку уладить, чтобъ неблагонамѣренные люди не испортили прежде исполненія». Публичныя лекціи на Дѣвичьемъ Полѣ въ 1848 году! Чего только не могъ выдумать Погодинъ. Сколько ни намекайте на то, что лекціи и Грановскій нужны были нашему историку только для пропаганды его музея, все-таки эта несбывшаяся (какъ многія другія) мечта Погодина остается любопытной для насъ, характерной для московской атмосферы конца сороковыхъ годовъ. 19-го декабря 1849 г. тотъ самый Грановскій, слову котораго должна была внимать московская публика на Дѣвичьемъ полѣ, защищалъ докторскую диссертацію *) *Аббатъ Сугерій*. Объ диссертаціи Грановскаго прошли не безъ исторій, въ которыхъ интриги его враговъ выяснились въ очень пикантныхъ очертаніяхъ (см. статью «*Памяти Т. Н. Грановскаго*» въ VI томѣ «Сборника правовѣдѣнія и общественныхъ знаній». Спб. 1896). Ничего не можетъ быть любопытнѣе во внѣшней исторіи русской науки исторій съ диссертаціями, авторы которыхъ то терпятъ отъ своихъ маститыхъ учителей, если послѣднимъ пріятны позы надутаго «генерала отъ науки», то отъ непризванныхъ наблюдателей и опекуновъ надъ чистотою русской научной мысли, когда имъ требуется создать то, чего нѣтъ, или уличить въ томъ, о чемъ и не думалось. Такъ, съ незапамятныхъ временъ и до нашихъ дней, когда въ газетахъ появляются даже отчеты о несостоящихся диспутахъ, ученыя диссертаціи у насъ подвержены многочастнымъ и многообразнымъ прихотямъ судьбы. Диссертаціямъ ли Грановскаго можно было избѣжать общей участи? Г. Барсуковъ цѣлую главу (LXV-ю) посвящаетъ исторіи съ докторской диссертаціей блестящаго друга знаменитаго автора *Былого и Думъ*. Враги западниковъ свидѣтельствуютъ о блескѣ и многолюдствѣ диспута, о хвалебныхъ отзывахъ оффиціальныхъ оппонентовъ С. М Соловьева и П. Н. Кудрявцева, о неудачной попыткѣ возражать потерявшаго всякій кредитъ въ глазахъ общества С. П. Шевырева и трескѣ хлопушекъ, которымъ его заставили замолчать. Бодянскій пишетъ, что многіе «находили предметъ диссертаціи *Аббатъ Сугерій* слишкомъ частнымъ, мелочнымъ; впрочемъ, говорятъ, что это заглавіе избрано было поневолѣ, и что диссертація носила названіе объ общинахъ во Франціи, но по распоряженію ректора Перевощикова измѣнено какъ имя, такъ и многое другое въ ней, отчего она съузилась, обмелѣла». До диспута потрепали диссертацію, послѣ диспута стали трепать Грановскаго и университетъ, пытаясь превратить порядокъ публичныхъ защитъ въ безпорядокъ келейной бесѣды. Что могло бы изъ этого выйти, можно судить по тѣмъ общеизвѣстнымъ фактамъ, что и при гласномъ диспутѣ диссертаціи отвергаются только потому, что оппоненту по государственному праву не хочется учиться по англійски, или съ трудомъ проходятъ потому, что отжившей знаменитости не хочется имѣть возлѣ себя свѣжаго представителя науки, или проводятся особыми пріемами

*) Срав. на стр. 125—127 о защитѣ магистерской диссертаціи Ѳ. И. Буслаевымъ.

бюрократической техники. Трескъ хлопушекъ дошелъ до Петербурга; роль резонатора была приписана Шевыреву настолько настойчиво, что тотъ пытался (стр. 564) оправдываться. «Вообще,— говоритъ г. Барсуковъ (стр. 566)—докторская диссертація доставила много горя и тревоги бѣдному Грановскому». Она подала поводъ «къ кривымъ толкамъ и цензурной придирчивости и возбудила странные толки и обвиненія противъ самого автора» (срав. стр. 133, 135, 147). Хлопушки въ декабрѣ 1849 г. трещали въ актовомъ залѣ; этажемъ ниже и годомъ раньше роль хлопушки сыгралъ переводъ книги Флетчера, и тогда резонаторомъ молва называла Шевырева съ прибавкой друга его, Погодина. Эта исторія съ переводомъ книги Флетчера не разъ уже трактовалась въ нашихъ журналахъ; особливо ее вспомнили, когда вышла въ свѣтъ диссертація С. М. Середонина *Сочиненіе Джильса Флетчера «of russe common wealth», какъ историческій источникъ* (Спб. 1891), который призналъ работу Флетчера по праву занимающей «высокое мѣсто среди источниковъ русской исторіи XVI вѣка» (стр. 370). Флетчеръ стройно и ясно (стр. 375) изложилъ механизмъ государственный и общественный конца XVI вѣка въ московскомъ государствѣ; особенно любопытны тѣ мѣста сочиненія, гдѣ Флетчеръ просто, безъ всякихъ разсужденій описываетъ или разсказываетъ, какъ очевидецъ, впечатлѣнія, вынесенныя имъ отъ русской природы, внѣшній бытъ народа, его постройки и одежду, портреты царя Ѳедора, царицы Ирины: обо всемъ этомъ выносимъ изъ сочиненія Флетчера необыкновенно цѣльное впечатлѣніе. Первая книга *Чтеній* въ обществѣ исторіи и древностей за 1848 г., вышедшая въ октябрѣ, и заключала въ себѣ переводъ цѣнной книги Флетчера съ обширнымъ предисловіемъ князя М. А. Оболенскаго. Три главы (XVII—XIX) заняты у г. Барсукова изложеніемъ исторіи съ запрещеніемъ перевода Флетчера и его результатовъ. Во главѣ этой исторіи стоятъ два любопытнѣйшихъ типа бюрократовъ сороковыхъ годовъ, два непримиримыхъ графа—Строгановъ и Уваровъ, все еще продолжавшіе бороться, хотя первый, нѣсколько раньше, съумѣлъ выйти въ отставку изъ попечителей московскаго учебнаго округа, давъ добрый отвѣтъ на предписаніе Уварова, въ какомъ «духѣ» профессора должны читать лекціи и какъ они обязаны относиться къ «словенамъ». Флетчера изъяли, изъялся Строгановъ изъ предсѣдателей общества исторіи и древностей, а Бодянскій изъ секретарей и профессоровъ московскаго университета. Словомъ, Строганову устроили рѣдкую непріятность, чтобы не сказать больше. Уваровъ дышалъ довольствомъ, а академикъ Никитенко въ своемъ дневникѣ (см. А. В. Никитенко. *Записки и дневникъ.* Спб. 1893. Въ трехъ томахъ. Первые два тома особенно цѣнны и вполнѣ доступны для большой публики) записалъ строки, перепечатанныя г. Барсуковымъ (на стр. 160 — 161): онѣ рисуютъ скрытую роль Шевырева и Погодина въ запрещеніи Флетчера, который явился искупительной жертвой въ борьбѣ между Уваровымъ и Строгановымъ. Такъ, Строгановъ былъ поверженъ въ прахъ, но... скоро Флетчеръ переѣхалъ въ Петербургъ и подъ соусомъ И. И. Давыдова и скрытымъ предисло-

віемъ Уварова появился въ журналѣ *Современникъ* подъ заголовкомъ *О назначеніи русскихъ университетовъ и участіи ихъ въ общественномъ образованіи.* Этотъ новоявленный Флетчеръ сшибъ съ позиціи Уварова, ибо послѣдній долженъ былъ давать добрый отвѣтъ по поводу отношенія къ нему главы цензурнаго надъ цензурою комитета Бутурлина (см. главы LXI — LXIII). Здѣсь, конечно, нельзя пересказывать этой любопытной драмы, какъ Уваровъ въ «Современникѣ» защищалъ существованіе въ Россіи университетовъ, какъ министръ просвѣщенія и глава цензуры,— какъ эту защиту признали «нетерпимой въ нашемъ общественномъ устройствѣ», «неприличной», ибо «должно повиноваться, а разсужденія свои держать про себя» (стр. 531, 538). Уваровъ рѣзко отвѣчалъ на эти нападки; падая послѣ того, онъ былъ благороднѣе, чѣмъ когда-либо. Перечитайте у г. Барсукова любопытнѣйшія страницы, посвященныя исторіи паденія Уварова, и вы получите цѣнный матеріалъ для сравнительнаго отношенія нашихъ министровъ просвѣщенія къ университетамъ; видя иные примѣры, будете гораздо снисходительнѣе смотрѣть на Уварова. А незадолго передъ своимъ министерскимъ кризисомъ Уваровъ торжественно ревизовалъ московскій университетъ. Ревизія и докладная записка, вызванная ею, цѣнные факты изъ исторіи нашего просвѣщенія (см. главы XVI и XVII), равно какъ и закрытіе московскаго дворянскаго института (глава XXX), гоненіе на бороду въ 1849 г. (глава XXVIII) и петербургское смятеніе весны того же года, слегка затронутое г. Барсуковымъ въ XXXI-ой главѣ. Русскимъ дворянамъ запрещено было носить бороду какъ разъ въ то время, когда въ Москвѣ, по иниціативѣ Закревскихъ, устроены были національные маскарады, заставившіе Погодина написать курьезную статью «Нѣсколько словъ о значеніи русской одежды въ сравненіи съ европейской». Выходка Погодина вызвала замѣчательное письмо къ нему неизвѣстнаго лица (стр. 201—204), которое заслуживаетъ быть отмѣченнымъ. Справедливо нападая на табель о рангахъ, какъ на своего рода язву, неизвѣстный корреспондентъ пишетъ Погодину, имѣвшему ужасную привычку восторгаться мишурой: «какъ бы у насъ, въ Россіи, ни былъ уменъ, ученъ молодой человѣкъ, хоть будь онъ семи пядей во лбу, онъ всѣ лучшіе годы своей службы и своей жизни, когда у него всѣ силы души и ума въ полномъ цвѣтѣ—долженъ быть подъ началомъ и указкой какихъ-нибудь отжившихъ свой вѣкъ стариковъ, тупыхъ, отсталыхъ, а часто и просто глупыхъ» (стр. 202). Погодинъ писалъ вздоръ о русскихъ одеждахъ, славянофилы брились, московскія барышни танцовали кадриль въ русскихъ тѣлогрѣяхъ, Петербургъ тратился безъ счета и сожалѣнья. Среди этой своеобразной, единственной въ мірѣ сутолоки, которая мелькаетъ предъ удивленными глазами читателя книги г. Барсукова, привлекаютъ вниманіе Юрій Самаринъ съ своими филиппиками по адресу русской политики въ Западномъ краѣ (см. главы IV и LVIII), Иванъ Аксаковъ съ своимъ ожесточеніемъ по адресу провинціальной пошлости и безпощадной критикой текущей дѣйствительности (см. главы LIX и LX, особливо стр. 501, 514, 515,

520), А. С. Хомяковъ съ грохотомъ своей діалектики и богословскими трактатами. Первые два попали подъ арестъ: оба были умны, оригинальны, рѣзки, смѣлы. А это качества, сочетаніе которыхъ въ одномъ лицѣ у насъ обыкновенно ведетъ къ знакомству, болѣе или менѣе продолжительному, съ мѣстами заключенія. Здѣсь выхвачены наудачу интереснѣйшіе эпизоды изъ книги г. Барсукова, исчерпана небольшая часть ея содержанія, о многомъ любопытномъ въ томъ или другомъ отношеніи приходится молчать за недостаткомъ мѣста и отослать читателя къ самой книгѣ. Кто умѣетъ читать съ толкомъ, со вкусомъ, пониманіемъ, обладаетъ извѣстнымъ чутьемъ и интересуется нашей умственной и общественной жизнью въ XIX вѣкѣ, тотъ извлечетъ изъ сборника г. Барсукова громадную пользу. Вотъ почему мы еще разъ очень усердно его рекомендуемъ, памятуя, что болѣе или менѣе чуткій читатель съумѣетъ отнестись по заслугамъ къ курьезнымъ тенденціямъ г. Барсукова, и въ то же время провести любопытную параллель между тогдашней дѣйствительностью и нынѣшней.

ПУБЛИЦИСТИКА.

П. М. Богаевскій. «Мултанское моленіе вотяковъ».

П. М. Богаевскій. Мултанское моленіе вотяковъ въ свѣтѣ этнографическихъ данныхъ. Съ рисунками. М. 1896. 8-vo. Стр. VI+112. Ц. 40 коп. Книжка г. Богаевскаго составляетъ одинъ изъ выпусковъ новаго популярно-научнаго предпріятія «Вопросы науки, искусства, литературы и жизни», затѣяннаго московской издательской фирмой Гросманъ и Кнебель и предназначеннаго «по мѣрѣ силъ, способствовать выполненію одной изъ важнѣйшихъ задачъ нашего времени—проведенію въ среду читающей публики основныхъ положеній науки и пріемовъ научнаго мышленія, сближенію современнаго знанія съ дѣйствительной жизнью». Судя по тѣмъ даннымъ, которыя имѣются въ нашемъ распоряженіи относительно названнаго изданія, и по первымъ его шагамъ, нельзя не рекомендовать его вниманію большой публики. Особенныхъ симпатій заслуживаетъ попытка сближать современное знаніе съ дѣйствительной жизнью. Книжка г. Богаевскаго какъ разъ одно изъ первыхъ реализованныхъ звеньевъ этой попытки. Цѣль автора, при помощи непреложныхъ и, по возможности, элементарныхъ данныхъ этнографической науки доказать, что у нынѣшнихъ вотяковъ *нѣтъ* и *не* можетъ быть человѣческихъ жертвоприношеній. Это положеніе, давно извѣстное и принятое всѣми учеными этнографами, совершенно неожиданно подверглось за послѣднее время нападкамъ. Правда, эти нападки шли, за единственнымъ исключеніемъ, *не* со стороны представителей науки, правда, что въ основу ихъ положены были мѣстныя сплетни да «слухи, неизвѣстно откуда исходящіе»,—однако ,при извѣстной некультурности нашего общества приходится обращать вниманіе, даже опровергать и по-

добные шатающіеся нападки. Бѣда, когда легковѣрное общество готово прислушиваться ко всякой вздорной легендѣ; ужасно, когда, вслушавшись въ послѣднюю и не потрудившись въ ней разобраться, представители общества начинаютъ дѣйствовать безъ оглядки, безъ сдержки или самой элементарной критики того, что у нихъ передъ глазами. Въ очень популярномъ, живомъ и сжатомъ изложеніи г. Богаевскій шагъ за шагомъ показываетъ всю вздорность легенды о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ вотяковъ въ наше время; его разгромъ этой легегды тѣмъ убѣдительнѣе, что представляетъ результатъ продолжительнаго и упорнаго изученія вотяцкаго быта, какъ непосредственно на мѣстѣ (въ Вятской губерніи, въ 1887 и 1888 гг.), такъ и по обширной литературѣ о вотякахъ; еще въ 1890 г. г. Богаевскій напечаталъ *Очерки религіозныхъ представленій вотяковъ* и высказалъ въ нихъ ту же точку зрѣнія, которую поддерживаетъ теперь въ популярной книжкѣ. Въ томъ же 1890 г. вышелъ и капитальный историко-этнографическій очеркъ И. Н. Смирнова *Вотяки*, обрисовавшій съ достаточной ясностью эволюцію вотяцкихъ жертвоприношеній и категорически высказавшійся противъ наличности у нынѣшнихъ вотяковъ человѣческихъ жертвъ. Очеркъ г. Смирнова не мало распространяется на тему о томъ, что «русскіе элементы всюду проникаютъ въ вотскій бытъ» (стр. 71), что нынѣшнія вѣрованія вотяковъ стоятъ въ значительномъ противорѣчіи со стариной (стр. 244), что вотяки—народъ, способный къ развитію, съумѣвшій запастись извѣстной дозой альтруистическихъ чувствъ (стр. 256); слѣдовательно, поднимать рѣчь о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у нихъ въ XIX вѣкѣ нѣтъ ни возможности, ни смысла. Съ тѣхъ поръ не появилось никакихъ новыхъ данныхъ о вотякахъ по затронутому вопросу, г. Богаевскій продолжаетъ высказываться по прежнему, и только г. Смирнова смутили какіе-то слухи и заставили, круто перевернувъ фронтъ, доказывать совсѣмъ противоположное тому, для чего въ 1890 г. издана была цѣлая книга. У него развивается теперь новое положеніе, которое, если и представляетъ интересъ, то лишь по своеобразному научному методу, съ какимъ оно излагается: это—необозримая широта сравнительнаго экскурса въ сочетаніи съ легкомысленнымъ отношеніемъ къ текстамъ и ненормальными умозаключеніями. Но оставимъ г. Смирнова, потерявшаго теперь всякій кредитъ въ глазахъ читающей и ученой публики, оставимъ въ надеждѣ, что его новое мнѣніе есть просто неудачная острота, злая иронія по адресу тѣхъ, которые въ XIX в. все еще осмѣливаются прибѣгать къ архаическимъ формамъ разслѣдованія, какъ, напр., подвѣшиванію на жерди и т. п., о которыхъ у насъ не мало писали въ провинціальныхъ газетахъ по поводу процессовъ Бяллозора, мултанскихъ вотяковъ, радомскаго атамана Кириченка и др. Книжка г. Богаевскаго окончательно рѣшаетъ вопросъ въ глазахъ здравомыслящей публики: о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у вотяковъ въ настоящее время *не* можетъ быть и рѣчи. Ихъ не знаетъ ни одинъ изслѣдователь вотяцкаго быта, не знаетъ ученая литература, не знаетъ судъ; процессъ мултанскихъ вотяковъ—первый и един-

ственный случай такого дѣла въ Россіи XVIII и XIX вѣковъ и въ то же время блестящее подтвержденіе въ пользу авторитетовъ русской этнографической науки. Публицисты и ученые, на которыхъ только можетъ опираться общественное мнѣніе, единогласно пришли къ выводу, который г. Богаевскимъ (стр. 85, 95 и 100), формулированъ такъ: «изученіе мултанскаго дѣла въ свѣтѣ этнографическихъ данныхъ даетъ намъ возможность утверждать, что принесенія въ жертву нищаго не было, что, слѣдовательно, относительно вотяковъ въ настоящее время нѣтъ доказательства существованія человѣческихъ жертвоприношеній и что загадочное дѣло мултанскихъ вотяковъ есть грубая поддѣлка подъ ритуалъ вотяцкаго жертвоприношенія». Чтобы выводъ этотъ не могъ представиться обычному читателю хоть сколько-нибудь догматичнымъ, авторъ искусно входитъ въ цѣлую серію мелкихъ подробностей о слѣдахъ родовой организации у вотяковъ, о «переживаніяхъ» древнѣйшихъ формъ жертвоприношеній, о формализмѣ вотяцкаго культа, о почитаніи покойниковъ, о празднествахъ на «моленіяхъ» и т. д.; получается очень выпуклая характеристика языческихъ религіозныхъ вѣрованій вотяковъ и ритуала жертвоприношеній, то и дѣло сопровождаемая ссылками на данныя процесса мултанскихъ вотяковъ. Читатели воочію убѣждаются, что данныя этого процесса стоятъ въ полномъ противорѣчіи съ данными этнографической науки, которая, отрицая вообще у нынѣшнихъ вотяковъ человѣческія жертвоприношенія, относительно мултанцевъ отвергаетъ ихъ съ неподражаемой очевидностью; судебная медицина въ лицѣ проф. Беллина и русская археографія въ лицѣ г. Луппова дружно подаютъ руки этнографіи. Все это покрывается смѣлой, честной, задушевной рѣчью В. Г. Короленка, который первый громко и упорно заговорилъ о преступной поддѣлкѣ подъ ритуалъ вотяцкаго жертвоприношенія; это мнѣніе сдѣлалось теперь общимъ мѣстомъ, хотя первоначально его принимали съ осторожностью. Ничего удивительнаго здѣсь нѣтъ: припомните массу поддѣлокъ древнихъ рукописей, вещей, монетъ, даже клинообразныхъ надписей, поддѣлокъ съ корыстными и другими цѣлями; извѣстны цѣлыя фабрики мошенничествъ этого рода. Симуляція жертвоприношенія—одинъ изъ рѣдкихъ и любопытныхъ видовъ преступности: «это дѣло русское», какъ формулировалъ ее въ данномъ случаѣ русскій мельникъ Ѳома Щербаковъ. «Свѣта, какъ можно больше свѣта на это темное дѣло,—писалъ въ одной изъ своихъ статей В. Г. Короленко,— иначе навсегда надъ нимъ нависнетъ страшное сомнѣніе въ томъ, гдѣ искать истинныхъ жертвъ человѣческаго жертвоприношенія! Матюнинъ ли это, погибшій таинственной и загадочной смертью, или это сами несчастные мултанцы являются жертвами слѣдственныхъ порядковъ, черты которыхъ такъ ясно проступаютъ въ этомъ выдающемся дѣлѣ». Книжка г. Богаевскаго и даетъ прекрасный отвѣтъ на этотъ горячій призывъ *), соединяя въ себѣ достоинства научнаго содержанія съ популярной формой изложенія.

---

*) Для желающихъ болѣе обстоятельно познакомиться съ вотяками, входящими въ составъ инородцевъ финскаго племени пермской группы, помимо

ПРОГРАММЫ И СБОРНИКИ.

«Программы домашняго чтенія».—«Починъ».—«Сборникъ въ пользу начальныхъ еврейскихъ школъ».

Коммиссія по организаціи домашняго чтенія, состоящая при Учебномъ Отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній.— Программы домашняго чтенія на второй годъ систематическаго курса. М. 1896. Ц. 40 коп. Давно и съ нетерпѣніемъ ожидавшіяся публикой «программы домашняго чтенія на *второй* годъ систематическаго курса» вышли, наконецъ, въ свѣтъ и своими размѣрами далеко превзошли сборникъ программъ на первый годъ систематическаго курса, чѣмъ исключительно и объясняется нежелательная необходимость повышенія ихъ цѣны, равно какъ и нѣсколько позднее появленіе ихъ на судъ русской читающей публики, стремящейся къ *самообразованію* въ формѣ разумнаго и *систематическаго* подъ руководствомъ компетентныхъ людей домашняго чтенія. Новый сборникъ состоитъ изъ трехъ частей; въ *первой* части помѣщены программы систематическаго чтенія по слѣдующимъ семи отдѣламъ наукъ; 1) науки математическія, 2) физико - химическія, 3) біологическія, 4) Философскія, 5) общественно - юридическія, 6) историческія и 7) исторія литературы; во *второй* части, предназначенной для программъ по отдѣльнымъ наукамъ, помѣщена на этотъ разъ программа по этнографіи; *третья* часть заключаетъ въ себѣ двѣ отдѣльныхъ темы для изученія. Какъ и въ первомъ выпускѣ своихъ программъ, коммиссія помѣстила двѣ параллельныхъ философскихъ программы; это вовсе не двѣ различныхъ программы по уровню читателей, а двѣ программы различныхъ направленій философской мысли. «Въ сборникѣ,—читаемъ въ предисловіи къ первому выпуску,—читатель найдетъ двѣ параллельныхъ философскихъ программы: отъ него зависитъ выбрать ту или другую, ибо по отдѣлу философскихъ наукъ коммиссія не сочла возможнымъ обязывать читателя слѣдовать одному изъ двухъ главныхъ направленій философской мысли». Продолжая держаться и теперь того же взгляда, коммиссія вновь оставляетъ читающую публику въ безпомощномъ положеніи выбора той или другой философской программы. По выраженію одного критика перваго выпуска программъ, такое введеніе двухъ параллельныхъ программъ «непослѣдовательно» и «непедагогично». Съ этимъ нельзя не согласиться; мало того, теперь можно сказать, что это и *непрактично*. Какъ ни слабъ уровень развитія нашей публики, однако, она все таки болѣе или менѣе съ честью выдержала испытаніе, которое наложила на нее коммиссія. На метафизическую программу Н. Грота по 1 марта 1896 г.

цитованныхъ въ рецензіи работъ гг. Богаевскаго и Смирнова, рекомендуемъ обратиться къ статьямъ В. Г. Короленка въ «Русскомъ Богатствѣ», г. Тезякова въ «Новомъ Словѣ», г. Бехтерева въ «Вѣстникѣ Европѣ» и П. Матвѣева въ 13-мъ полутомѣ «Энциклопедическаго Словаря» Брокгауза и Ефрона (на стр. 328 дано довольно полное перечисленіе литературы предмета, разборъ которой см. въ книгѣ г. Смирнова *Вотяки*); кромѣ того, журналъ «Этнографическое Обозрѣніе».

записалось всего 39 человѣкъ, тогда какъ на програму А. Бѣлкина 86 человѣкъ. Очевидно, что голосованіе въ пользу программы А. Бѣлкина дало блестящіе результаты: на его програму подписалось больше двухъ третей всего числа читателей по философіи. Въ этомъ голосованіи извѣстную помощь оказала и самая рекомендація книгъ; такъ, въ метафизической программѣ указаны были устарѣлыя и непригодныя для самообразованія книжки М. Владиславлева. Во *второмъ* выпускѣ метафизическая програма, въ сущности, отсутствуетъ; это—нѣсколько страничекъ размышленій, соль которыхъ сводится, главнымъ образомъ, къ тому, что 1) въ исторіи философіи «*поле для изученія необозримое*» (стр. 88), и что 2) къ философамъ надо относиться съ уваженіемъ, отдавшись, главнымъ образомъ, «продумыванію ученій великихъ геніевъ философскаго творчества». Неужели ради такихъ истинъ стоитъ заводить метафизическія программы? Мы лично во *второмъ* выпускѣ безусловно рекомендуемъ программу психологіи (со стр. 94) и отъ души совѣтуемъ коммиссіи въ слѣдующихъ выпускахъ избавиться отъ проповѣди упомянутыхъ выше истинъ.

Но какъ одна ласточка весны не дѣлаетъ, такъ и одинокій промахъ отнюдь не можетъ портить прямо-таки блестящаго впечатлѣнія отъ программъ на *второй* годъ систематическаго курса, составленныхъ московской коммиссіей по организаціи домашняго чтенія. Здѣсь вездѣ чувствуешь продолжительный, упорный, добросовѣстный трудъ и высокій научный уровень работниковъ. Программы по всеобщей и русской *) исторіи превосходны; онѣ, если хотите, даже роскошь, если принять во вниманіе ту скудную историческую программу, которой слѣдуютъ нерѣдко наши университеты, и довольно высоки по своему уровню для нашей публики. Но, во всякомъ случаѣ, попыткѣ тянуть за собой и не слишкомъ принижаться до уровня запросовъ публики, никакъ нельзя отказать въ самомъ горячемъ сочувствіи, особливо, если коммиссія исполнитъ обѣщаніе своего предисловія и издастъ энциклопедическую (общеобразовательную) программу. Само собою разумѣется, что нѣтъ возможности издать эту программу немедленно; къ чему въ такомъ серьезномъ и важномъ дѣлѣ приводитъ поспѣшность, показалъ неудачный опытъ с.-петербургской общеобразовательной программы и еще болѣе напугалъ тѣхъ, кто имѣлъ намѣреніе приняться за трудное дѣло составленія общеобразовательныхъ программъ. Что касается коммиссіи московской, то она едва ли заслуживаетъ упрека за медленность въ разрѣшеніи той задачи, которую она себѣ поставила еще на первыхъ порахъ своей дѣятельности. Припомнимъ, что она думала начать свою работу съ изданія общеобразовательныхъ программъ, но во время поняла неосуществимость такихъ затѣй *безъ опыта*. Написать ученую программу или ученую диссертацію неизмѣримо легче, чѣмъ составить научно-популярный очеркъ или составить обще-

---

*) Сюда включена изданная редакціей нашего журнала книга проф. П. Н. Милюкова *Очерки по исторіи русской культуры* (Спб. 1896) въ качествѣ *необходимаго* пособія.

образовательную программу. Въ читающей публикѣ думаютъ, кажется, нѣсколько иначе, и желательно было бы провести въ нее вполнѣ правильную точку зрѣнія на это дѣло. Будетъ гораздо лучше, если лица, жаждущія общеобразовательныхъ программъ, станутъ письменно знакомить московскую коммиссію по организаціи домашняго чтенія съ своими взглядами на энциклопедическую программу и требованіями, которыя имѣютъ въ виду предъявить къ ней.

Такъ или иначе въ новомъ сборникѣ коммиссія пытается въ отдѣльныхъ частяхъ удовлетворить запросу на программы болѣе элементарнаго характера. Въ этомъ отношеніи весьма любопытны попытки математическаго и историко-литературнаго отдѣловъ, на которыя и обращаемъ вниманіе читателей. Послѣднимъ необходимо замѣтить еще, что въ различныхъ отдѣлахъ новаго сборника программъ сдѣланы нѣкоторыя отступленія отъ прежняго плана и распредѣленія матеріала. Въ математическомъ отдѣлѣ второй, болѣе обширный, циклъ занятій распредѣленъ теперь не на три, а на четыре года, такъ какъ въ составъ курса введены и занятія по элементарной математикѣ, ранѣе считавшіяся только подготовительными. Въ отдѣлѣ физико-химическомъ, за отсутствіемъ на рускомъ языкѣ подходящихъ руководствъ, кристаллографію съ кристаллофизикой и кристаллохиміей пришлось отложить до третьяго года занятій. Въ программѣ біологическаго отдѣла въ каждой части курса сдѣланы добавочныя указанія для лицъ, имѣющихъ возможность заниматься съ микроскопомъ, а въ концѣ книги приложенъ прейсъ-курантъ микроскоповъ и микроскопической техники московской коммиссіонерской фирмы Шеера, выразившей полную готовность заказы читателей коммиссіи исполнять по возможно пониженнымъ цѣнамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на обложкѣ сборника помѣщенъ списокъ тѣхъ книгопродавцевъ, которые выразили желаніе на льготныхъ условіяхъ продавать книги читателямъ коммиссіи. Въ отдѣлѣ общественно - юридическихъ наукъ переработано общее распредѣленіе занятій по годамъ курса; соотвѣтственно этому измѣнился противъ предположеннаго ранѣе и составъ курса *второго* года. Программа по исторіи всеобщей литературы составлена на этотъ разъ нѣсколько элементарнѣе, чѣмъ прежняя. По исторіи русской литературы дано двѣ концентрическихъ программы, между которыми и могутъ выбирать читатели. По прежнему коммиссія обращается съ просьбой ко всѣмъ интересующимся ея дѣломъ давать ей всякаго рода практическія указанія. Нельзя особенно еще не подчеркнуть того обстоятельства, что московская коммиссія по организаціи чтенія, какъ учрежденіе въ высокой степени филантропическое, должна быть усердно поддерживаема нашимъ обществомъ и въ матеріальномъ отношеніи. Даже заграничныя учрежденія подобнаго рода и то нуждаются въ энергичной денежной помощи со стороны общества. Нечего и говорить про московскую коммиссію, которая черезчуръ дешево продаетъ свои программы, весьма много разсылаетъ ихъ даромъ, беретъ баснословно дешево за высылаемыя ею книги и руководства, многихъ совсѣмъ освобождаетъ отъ уплаты за руководство и т. д., а сама между тѣмъ, затрачивая въ лицѣ

своихъ руководителей массу умственнаго труда и нравственныхъ усилій, не даетъ имъ никакого вознагражденія, принужденная затрачивать значительную цифру на организацію конторской части, весьма сложной и обильной. Со всѣхъ концовъ Россіи коммиссія получаетъ тысячи благодарностей за ея безкорыстную, честную и высоко-гуманную дѣятельность, имѣющую въ виду давать только научное знаніе и ничего болѣе, чуждую какой бы то ни было тенденціозности; многія провинціальныя изданія горячо привѣтствовали ея программы; мы потому подчеркиваемъ эту роль провинціальной печати, что къ провинціи по преимуществу обращается помощь коммиссіи. Нужно надѣяться, что общество русское дружно поможетъ коммиссіи по организаціи домашняго чтенія не только съ нравственной, но и съ матеріальной стороны. Рекомендуя нашимъ читателямъ немедленное ознакомленіе съ программами на *второй* годъ систематическаго курса и желая имъ успѣха, мы не замедлимъ въ одной изъ ближайшихъ книжекъ нашего журнала ближе ознакомить публику съ дѣятельностью коммиссіи въ спеціальной статьѣ *).

Починъ. Сборникъ Общества любителей россійской словесности на 1896 годъ. Москва. 1896. Цѣна 2 р. 50 к. Большой томъ (болѣе 600 страницъ), по содержанію вошедшихъ въ него статей, можно раздѣлить на два отдѣла: біографическій, или, вѣрнѣе, историко-литературный, и беллетристическій. Въ первомъ прежде всего слѣдуетъ отмѣтить мастерскую характеристику древней русской литературы, взятую изъ вступительной лекціи покойнаго профессора Тихонравова и теперь хотя нѣсколько уже устарѣвшую (лекція читана въ 1882 году), однако, все-таки не утратившую своего значенія, какъ изложеніе руководящаго взгляда на ходъ нашего умственнаго и литературнаго развитія съ X по XVI вѣкъ. Далѣе обращаютъ на себя вниманіе письма Бѣлинскаго изъ Петербурга, куда онъ переѣхалъ въ 1843 году,—въ Москву, къ остававшейся тамъ его невѣстѣ (впослѣдствіи—женѣ) М. В. Орловой. Въ этихъ письмахъ нельзя не видѣть цѣннаго дополненія къ біографіи знаменитаго критика; въ особенности интересны его первыя петербургскія впечатлѣнія и отзывы о литературныхъ знакомствахъ, а также и нѣкоторыя интимныя подробности жизни тогдашняго литературнаго круга. Съ большимъ интересомъ читаются статьи И. И. Иванова: «Поэзія и личность Жадовской» и Л. П. Бѣльскаго: «Поэзія и жизнь Щербины», хотя послѣдній, кажется намъ, заслуживалъ бы болѣе подробнаго и пристальнаго изученія. Статья Е. С. Некрасовой «Герценъ въ Вяткѣ», хотя и сообщаетъ о знаменитомъ изгнанникѣ нѣсколько любопытныхъ данныхъ, но въ общемъ лишь весьма немногими подробностями дополняетъ его біографію.

Въ беллетристическомъ отдѣлѣ особенно живымъ и оригинальнымъ юморомъ отличается бытовая картина М. П. Садовскаго: «Донъ-Кихотъ московскаго захолустья», — положительно лучшая

*) Выписывать программы и вообще обращаться къ коммиссіи слѣдуетъ по такому адресу: Москва. Большая Никитская, д. 5, кв. 3. Въ коммиссію по организаціи домашняго чтенія, состоящую при Учебномъ Отдѣлѣ О. Р. Ж. З.

вещь во всемъ сборникѣ. Драма кн. А. И. Сумбатова «Старый закалъ» имѣла успѣхъ на сценѣ, ради котораго она, очевидно, и написана; цѣль, слѣдовательно, достигнута; а побѣдителей не судятъ. Переводъ г. Бальмонта «Ночь» (знаменитый монологъ, которымъ открывается «Фаустъ» Гёте), къ сожалѣнію, нельзя назвать удачнымъ ни по формѣ, ни по сравненію съ оригиналомъ; отъ г. Бальмонта, зарекомендовавшаго себя недурными переводами Шелли, мы были вправѣ ожидать чего-нибудь лучшаго.

Остальныя статьи, помѣщенныя въ «Сборникѣ», въ общемъ даютъ занимательное чтеніе, но въ частности не отличаются какими-либо выдающимися достоинствами.

Сборникъ въ пользу начальныхъ еврейскихъ школъ. Изданіе Общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. Спб. 1896 г. 540 стр. Ц. 3 р. съ перес. Въ настоящее время среди русскихъ евреевъ замѣчается оживленіе интереса къ дѣлу начальнаго образованія, къ начальной еврейской школѣ. Предлагаемый «Сборникъ» изданъ съ цѣлью усилить средства «Общества», предназначенныя на поддержку существующихъ и вновь возникающихъ начальныхъ еврейскихъ школъ, задача которыхъ — постепенное перевоспитаніе русскихъ евреевъ и насажденіе среди нихъ правильнаго начальнаго образованія. Въ школахъ вводится, между прочимъ, и ручной трудъ, и занятія въ школьныхъ садахъ и огородахъ, гдѣ это возможно по мѣстнымъ условіямъ, съ цѣлью, съ одной стороны—привить любовь къ этимъ занятіямъ, съ другой—поднять физическое развитіе дѣтей «черты осѣдлости». Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлось въ виду обратить вниманіе на *необходимость* распространенія среди еврейской массы начальнаго образованія, а также на просвѣтительныя задачи, предстоящія образованной части русскихъ евреевъ.

Содержаніе «Сборника» интересно и разнообразно: онъ знакомитъ и съ сѣдой стариной, и съ вопросами современной жизни русскихъ евреевъ.

Въ «Сборникѣ» приняли участіе проф. Д. А. Хвольсонъ, Владиміръ Соловьевъ, М. И. Кулишеръ, А. Я. Гаркави, С. М. Станиславскій Л. С. Миноръ, баронъ Д. Г. Гинцбургъ, Л. М. Брамсонъ, Р. М. Хинъ, С. О. Ярошевскій, З. Венгерова, С. Г. Фругъ, А. А. Коринфскій, К. И. Льдовъ, В. Величко, М. Печорина-Дубровская, П. Брандтъ, Г. Вольтке, С. Грузенбергъ, и др. Какое великое значеніе придавалось евреями школѣ еще въ древности узнаемъ изъ статьи С. М. Станиславскаго «Изъ исторіи воспитанія евреевъ въ древнемъ мірѣ»: «Пусть лучше гибнетъ святыня,— говорятъ талмудисты,—лишь бы дѣти не отрывались отъ посѣщенія школы». Іерусалимъ погибъ, по ихъ словамъ, изъ-за того, что знаніе не было распространено въ массѣ, что не было достаточнаго числа дѣтей, посѣщающихъ школы. «Всякое общество держится дыханіемъ дѣтей, посѣщающихъ школы». «Считалось даже грѣхомъ жить въ томъ городѣ, гдѣ нѣтъ школы» (стр. 126). «Грамота и законъ, сынъ и ученикъ, ученье и воспитанье сливаются въ одно въ понятіи ветхозавѣтнаго человѣка,—и эта тождественность въ глазахъ нашихъ (говоритъ Н. И. Пироговъ въ од-

ной изъ своихъ статей, цитируемыхъ въ «Сборникѣ» (стр. 513), есть самая высокая сторона еврея». Г. Владиміръ Соловьевъ въ статьѣ «Когда жили еврейскіе пророки?»—приходитъ къ чрезвычайно интереснымъ выводамъ; онъ говоритъ, что «небольшая и раздробленная еврейская нація пережила въ древнія времена, съ внутреннимъ ростомъ и возвышеніемъ, такія историческія катастрофы, отъ какихъ въ конецъ погибали несравненно болѣе сильныя, сплоченныя и культурныя національныя тѣла, не силою матеріальною, а силою духовною, — *вѣрою въ золотой вѣкъ впереди, въ историческій прогрессъ, въ окончательное торжество правды*» (стр. 275).

Эта же вѣра въ торжество добра и правды звучитъ въ предсмертныхъ словахъ героя талантливой повѣсти Р. М. Хинъ «Мечтатель»: «Я смотрю на евреевъ, какъ на безсознательныхъ борцовъ за свободу духа, и никто, быть можетъ, такъ пламенно, какъ я, не мечтаетъ о томъ днѣ, когда исчезнетъ слово—*еврей*. Это будетъ, когда человѣкъ скажетъ человѣку: «братъ мой, молись, какъ душа твоя жаждетъ». И въ этотъ благословенный день измученный Агасферъ положитъ свой тяжелый посохъ!» (стр. 243).

Въ виду симпатичной цѣли «Сборника» и того общаго интереса, какой представляетъ содержаніе его, нельзя не пожелать ему самаго широкаго распространенія.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

М. Шиппель. «Техническій прогрессь въ современной промышленности».— *П. Кампфмейеръ.* «Кустарная промышленность въ Германіи».

Библіотека общественныхъ знаній. Вып. 2-й. М. Шиппель. Техническій прогрессъ въ современной промышленности. Переводъ съ нѣмец. Л. М. Зака. Вып. 3-й. П. Кампфмейеръ. Кустарная промышленность въ Германіи. Переводъ съ нѣмец. І. Гербера; приложеніе: Кустарная промышленность въ Россіи, С. Сергѣева. Одесса, 1895 г. изд. А. С. Павловскаго. Подъ общимъ названіемъ «Библіотека общественныхъ знаній» съ прошлаго года стала выходить въ Одессѣ серія маленькихъ книжекъ, посвященныхъ различнымъ общественнымъ вопросамъ. По словамъ издателя, задача этой «Библіотеки» заключается въ слѣдующемъ: «Въ «Библіотекѣ общественныхъ знаній» предполагается помѣщать оригинальныя и переводныя изслѣдованія по отдѣльнымъ вопросамъ общественной жизни, заслуживающимъ особеннаго вниманія по практической важности или по теоретическому интересу. Изданіе предназначается для широкаго круга читателей, не имѣющихъ возможности по многимъ причинамъ пользоваться многотомными учеными трудами».

До настоящаго времени «Библіотека общественныхъ знаній» издала три книжки; всѣ онѣ переведены съ нѣмецкаго и трактуютъ о глубоко интересныхъ общественныхъ явленіяхъ. Первая книжка—переводъ Шенланка—посвящена промысловымъ синдикатамъ; о ней уже былъ помѣщенъ отзывъ въ «Мірѣ Божьемъ»

(1895 г., іюль). Вторая книжка—«Техническій прогрессъ въ современной промышленности» М. Шиппеля—даетъ читателю яркую картину чрезвычайнаго расширенія нашего господства надъ природой за послѣднія 3—4 десятилѣтія. «Хотя великія открытія и изобрѣтенія науки и техники,—говоритъ Шиппель,—были извѣстны и до 1860 г. и частью даже эксплоатировались въ промышленности, все же, въ теченіе многихъ годовъ, они находили себѣ признаніе только на половину... Съ возрастаніемъ капитала и развитіемъ его подвижности, съ расширеніемъ всеобщаго и, въ особенности, техническаго образованія, плодотворныя идеи все быстрѣе спускаются со своей чисто научной высоты на всѣ поприща производительности. Наиболѣе поразительные результаты этотъ техническій прогрессъ далъ въ области транспорта». На примѣрѣ американскихъ желѣзныхъ дорогъ авторъ выясняетъ то сбереженіе труда, коимъ пользуются Соединенные Штаты, благодаря замѣнѣ перевозки лошадьми перевозкой по желѣзнымъ дорогамъ. Если бы Соединеннымъ Штатамъ приходилось теперь совершать всю перевозку обращающихся тамъ товаровъ посредствомъ лошадей, то всѣ доходы Союза для этого были бы недостаточны. Авторъ иллюстрируетъ далѣе нѣсколькими рельефными примѣрами тотъ крупный прогрессъ, какой произошелъ за послѣднее время въ области обработывающей промышленности и торговли. Но особенно поучительны страницы, трактующія о переворотѣ въ области сельскаго хозяйства, т. е. въ той области, которая до сихъ поръ еще многими считается малодоступной техническому прогрессу. «*И сельское хозяйство*,—говоритъ Шиппель,—даже оно, пожалуй, больше всего, находится на пути переворотовъ, чреватыхъ чрезвычайно важными послѣдствіями. На огромныхъ *пшеничныхъ поляхъ* работы вспахиванія, унавоживанія, посѣвъ, уборка и молотьба производятся почти исключительно машинами». Авторъ знакомитъ насъ далѣе съ тѣми крупными успѣхами, какіе сдѣлала Англія въ скотоводствѣ и обработкѣ животныхъ продуктовъ. Общій результатъ техническаго прогресса, благодаря одному только примѣненію пара, можетъ быть выраженъ въ слѣдующихъ краснорѣчивыхъ цифрахъ. «Работа, производимая теперь паромъ, считается въ 200 милліоновъ лошадей или милліардъ человѣкъ. Все народонаселеніе земного шара, вѣроятно, не достигаетъ еще $1^1/_2$ милліардовъ человѣкъ обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, такъ что, если изъ этого числа мы будемъ считать одну треть способныхъ къ труду, то каждому работнику, благодаря одному пару, придана рабочая сила, равная двойной его собственной рабочей силѣ». Но какъ ни велики успѣхи, уже достигнутые человѣчествомъ въ области техники, они представляются совершенно ничтожными въ сравненіи съ тѣми, которые ждутъ человѣчество въ ближайшемъ будущемъ. Здѣсь авторъ открываетъ широкіе и свѣтлые горизонты, дающіе возможность взирать на будущее съ великими надеждами и вѣрой во всеобщее человѣческое счастье. Это свѣтлое будущее Шиппель рисуетъ словами проф. Тёпфера. «Человѣчество скоро научится пользоваться силами текущей воды и движущагося воздуха... Вѣдь рабочую силу одного Ніагарскаго водопада

вычислили въ $12^1/_2$ мил. лошадиныхъ силъ. А сколько всѣ горы земного шара насчитываютъ водопадовъ!.. Если въ настоящее время можно посредствомъ аккумуляторовъ запасаться электричествомъ въ какомъ угодно количествѣ,—то можно смѣло ожидать (и это вовсе не утопія!), что нѣкогда съ горъ будутъ стекать въ долины сотни источниковъ силы, что не будутъ оставаться безъ утилизаціи водопады и воздушныя теченія и что всѣ эти силы будутъ обращены на производительную работу».

Третій выпускъ «Библіотеки общественныхъ знаній»—«Кустарная промышленность въ Германіи»—принадлежитъ перу Кампфмейера. Кустарной промышленности (Hausindustrie) авторъ даетъ слѣдующее опредѣленіе: «Кустарная промышленность есть развитая форма товарнаго производства, которое совершается на дому самостоятельными, повидимому, но въ дѣйствительности экономически зависимыми рабочими подъ руководствомъ и управленіемъ капиталистовъ-предпринимателей». Кампфмейеръ кратко останавливается на исторіи возникновенія этой формы промышленности. «Исторія происхожденія кустарной промышленности, — говоритъ авторъ,—переносить насъ въ эпоху появленія первыхъ зародышей капитализма. Въ городахъ, гдѣ бдительный цеховой надзоръ точно устанавливалъ размѣры производства, капиталистическая промышленность вообще не могла развиваться... Наиболѣе благопріятную почву для развитія кустарной промышленности представляла деревня. Здѣсь не было цеховой регламентаціи. Нужда и голодъ часто заставляли кростьянина искать побочныхъ занятій». Кустарная промышленность возникаетъ такимъ образомъ въ XVII и XVIII вв. въ окрестностяхъ Аахена, въ Эльберфдельдъ-Барменѣ и его окрестностяхъ, въ Силезіи и пр. Торговля отдѣляется отъ ремесла, сбытомъ продуктовъ занимаются купцы, сбытчики, скупщики, которые снабжаютъ кустарей сырымъ матеріаломъ, полуфабрикатами, а затѣмъ обратно скупаютъ у нихъ готовые продукты. Къ сожалѣнію, авторъ недостаточно подчеркиваетъ тѣ глубокія экономическія причины, которыя повели къ вырожденію цеховъ, къ паденію самостоятельныхъ ремеслъ и вызвали кустарную промышленность—эту первую стадію капиталистическаго производства; мы разумѣемъ расширеніе района сбыта, возникновеніе отдаленныхъ рынковъ, улучшеніе путей сообщенія, уничтоженіе самостоятельности и обособленности городовъ, образованіе крупныхъ территоріальныхъ единицъ и т. д. Выяснивъ въ общихъ чертахъ происхожденіе кустарной промышленности, авторъ подробно останавливается на характеристикѣ ея современнаго положенія. «Такъ какъ кустарь, въ большинствѣ случаевъ, работаетъ еще съ помощью своихъ собственныхъ орудій и въ своей мастерской, то отъ него легко ускользаетъ истинный характеръ его классоваго положенія. Онъ считаетъ себя самостоятельнымъ человѣкомъ и нѣсколько свысока смотритъ на наемнаго рабочаго». Между тѣмъ, кустарная промышленность, по мнѣнію Кампфмейера, имѣетъ массу темныхъ сторонъ, дѣлающихъ положеніе кустаря несравненно хуже положенія фабричнаго рабочаго. Кустарь, именно благодаря тому, что владѣетъ нѣкоторыя жалкими орудіями труда, а иногда

и клочкомъ земли, прикованъ къ опредѣленному мѣсту и лишенъ той свободы передвиженія, какой пользуется фабричный рабочій. «Прикованный къ своей ничтожной собственности, кустарь, находящійся въ зависимости отъ предпринимателя, вынужденъ сдаться ему на милость и гнѣвъ». Вслѣдствіе того, что кустари изолированы другъ отъ друга, у нихъ нѣтъ могучихъ средствъ борьбы съ капиталомъ, какимъ обладаютъ фабричные рабочіе, благодаря своимъ рабочимъ организаціямъ. Кустарь поэтому подверженъ большей эксплоатаціи со стороны предпринимателя: послѣдній эксплуатируетъ его и посредствомъ высокой оцѣнки доставляемаго ему сырого матеріала, и посредствомъ низкой оцѣнки покупаемаго у него готоваго продукта, и посредствомъ уплаты товаромъ вмѣсто денегъ (Trucksystem), и еще многими другими путями. Условія, при которыхъ работаютъ кустари, несравненно хуже фабричной обстановки: «въ той же комнатѣ, гдѣ совершается стряпня, тѣснится цѣлая семья; воздухъ затхлый—зимою нельзя открыть оконъ; стекла тусклыя и даже днемъ въ комнатѣ царствуетъ полумракъ»; рабочій день длиннѣе, чѣмъ на фабрикѣ; женскій и дѣтскій трудъ эксплуатируются гораздо безпощаднѣе. Въ значительной степени все это объясняется тѣмъ, что важнѣйшія постановленія фабричнаго законодательства трудно примѣнимы къ кустарной промышленности: самостоятельнымъ кустарямъ нельзя предписать опредѣленную длину рабочаго дня; контроль надъ женскимъ и дѣтскимъ трудомъ не можетъ быть успѣшенъ, такъ какъ мелкія мастерскія разсѣяны на большихъ разстояніяхъ одна отъ другой. Положеніе кустарей ухудшается еще вслѣдствіе того, что они остаются совершенно незнакомыми съ техническимъ прогрессомъ въ области ихъ ремеслъ, а потому заработокъ, получаемый ими, чрезвычайно скуденъ. И въ умственномъ отношеніи кустарь стоитъ гораздо ниже фабричнаго рабочаго. Кустари ведутъ вполнѣ растительную жизнь. «Они не живутъ по человѣчески, а, по нашимъ культурнымъ понятіямъ, прозябаютъ... Никакихъ перемѣнъ, никакаго духовнаго общенія, только одно прозябаніе изо дня въ день... Вокругъ современнаго фабричнаго рабочаго развертывается, напротивъ, совсѣмъ иная жизнь. Въ шумныхъ промышленныхъ центрахъ одно впечатлѣніе смѣняется другимъ. Горизонтъ рабочаго незамѣтно расширяется, новыя воззрѣнія, новыя представленія окружаютъ его со всѣхъ сторонъ. Общественныя противорѣчія выступаютъ передъ нимъ вполнѣ рельефно». Авторъ относится скептически къ разнымъ палліативнымъ мѣрамъ, предлагаемымъ для улучшенія положенія кустарей, въ родѣ профессіональныхъ техническихъ школъ, производительныхъ товариществъ, товариществъ для закупки сырья и проч. Общій выводъ, къ которому онъ приходитъ, заключается въ слѣдующемъ: «Кустарная промышленность должна планомѣрно перейти къ высшимъ формамъ производства—къ мануфактурѣ и крупной индустріи... Но преобразованія должны быть предприняты въ направленіи не узкой капиталистической системы, а коллективно-народнаго хозяйства на широкихъ основаніяхъ». Положеніе же несамостоятельныхъ кустарей, работающихъ въ качествѣ подмастерьевъ, можетъ быть улуч-

шено посредствомъ энергичнаго рабочаго законодательства, направленнаго на ограниченіе рабочаго дня, на борьбу съ антисанитарными условіями мастерскихъ и проч. «Такъ какъ кустарно-капиталистическая система производства можетъ существовать только при полномъ нарушеніи всѣхъ условій труда, то введеніемъ дѣятельнаго фабричнаго надзора эта форма контроля вынуждена будетъ перейти къ мануфактурѣ и индустріи».

Книжка Кампфмейера снабжена короткимъ приложеніемъ, написаннымъ г. С. Сергѣевымъ и озаглавленнымъ «Кустарная промышленность въ Россіи». Г. Сергѣевъ проводитъ ту мысль, что кустарная промышленность въ Россіи отличается отъ германской Hausindustrie тѣмъ, что послѣдняя уже находится вполнѣ въ рукахъ капитала, какъ бы закрѣпощена капиталомъ, между тѣмъ какъ «русскій кустарь въ нѣкоторой степени еще свободенъ; но если во время не придутъ ему на помощь, то ему грозитъ судьба германскаго кустаря». По мнѣнію автора, кустарничество имѣетъ рядъ важныхъ преимуществъ предъ капиталистической промышленностью: 1) какъ промышленность не предпринимательская, кустарничество свободно отъ важной группы расходовъ, имѣющихъ мѣсто въ капиталистической промышленности, именно отъ предпринимательскихъ расходовъ; 2) кустарь не оторванъ отъ сельскаго хозяйства; 3) женщины и дѣти не отрываются отъ семьи. Въ виду указанныхъ важныхъ преимуществъ этой формы промышленности, авторъ считаетъ поддержку ея со стороны общества необходимой. Правда, въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, кустарничество стоитъ ниже капиталистической промышленности. Недостатки кустарной промышленности вытекаютъ изъ того, что она функціонируетъ въ формѣ мелкаго производства; кустари не пользуются поэтому выгодами раздѣленія труда и механическихъ усовершенствованій; они находятся, кромѣ того, въ полной зависимости отъ скупщиковъ по пріобрѣтенію сырья и сбыту готовыхъ продуктовъ. И дѣйствительно, примѣры, приводимые г. Сергѣевымъ о положеніи русскихъ кустарей, показываютъ, что послѣдніе находятся въ крайне бѣдственномъ состояніи, что они обыкновенно въ полной кабалѣ у скупщиковъ и проч. Если же авторъ все-таки считаетъ необходимымъ поддержать эту форму промышленности, то это происходитъ отъ того, что, по его мнѣнію, отсталость организаціи не составляетъ необходимой особенности кустарной промышленности. «Одно то, что кустарная промышленность *теперь* связана съ мелкимъ производствомъ, вовсе не доказываетъ, что эта связь обязательна». Г. Сергѣевъ надѣется, что организація кредита и развитіе артельнаго или кооперативнаго принципа въ кустарной промышленности спасетъ эту форму, сохранивъ за нею указанныя выше важныя преимущества и устранивъ ея недостатки. «При такихъ условіяхъ,—замѣчаетъ г. Сергѣевъ,—не гибель кустарной промышленности, а ея развитіе послужитъ подготовительной стадіей для той высшей формы производства, о которой говоритъ Кампфмейеръ».

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Hovkousai» par Edmond de Goncourt (Charpentier et Fasquelle 1896. (Хукусаи). Талантливый французскій писатель Гонкуръ предпринялъ изслѣдованіе японскаго искусства XVIII вѣка и второй томъ своей серіи посвящаетъ знаменитому японскому художнику Хукусаи, иллюстрировавшему произведенія и легенды, опубликованныя его современниками. Хукусаи умеръ 90 лѣтъ отъ роду, въ 1849 г. Его безчисленныя творенія разсѣяны теперь по музеямъ и частнымъ коллекціямъ. Для современной Франціи книга Гонкура представляетъ особенный интересъ, такъ какъ французскіе декадентскіе поэты и художники любятъ искать вдохновенія въ мрачныхъ твореніяхъ Хукусаи.

(Daily News).

«Les fumeurs d'opium» par Jules Boissière (E. Flammarion) 1896. (Курители опіума). Адъ, описанный Данте, конечно, не можетъ быть ужаснѣе тѣхъ притоновъ, куда собираются курители опіума. У дверей этихъ притоновъ, также какъ и у вратъ ада, надо разстаться со всѣми надеждами. Разъ вступивъ на эту наклонную плоскость, очень трудно остановиться, и рѣдкій изъ курителей опіума отстаетъ отъ своей привычки. Авторъ, хорошо изучившій такіе притоны, гдѣ можно встрѣтить людей всевозможныхъ національностей, предающихся пагубной страсти, изображаетъ яркими красками постепенную гибель несчастныхъ, имѣвшихъ неосторожность испробовать наслажденіе забвенія, которое доставляетъ куреніе опіума.

(Journal des Débats).

«Ouvriers et Procédés» par Antoine Albalat (Havard) 1896. (Работники и пріемы). Авторъ прибѣгаетъ къ очень оригинальному пріему литературной критики и изучаетъ писателей и ихъ произведенія съ совершенно особенной точки зрѣнія. Примѣняя къ писателямъ теорію интеллектуальной наслѣдственности, авторъ обращаетъ особенное вниманіе на происхожденіе современныхъ литераторовъ и, такъ сказать, стремится проникнуть «тайну ихъ рожденія», отыскивая въ ихъ произведеніяхъ отраженія ихъ души, ихъ жизни и характера. Книга представляетъ несомнѣнный интересъ, какъ бы мы ни относились къ точкѣ зрѣнія автора.

(Journal des Débats).

«Théorie de l'âme humaine» (Essai de Psychologie metaphysique) par I. E. Alant. (Теорія человѣческой души). Авторъ — убѣжденный спиритуалистъ, доказывающій пользу метафизическихъ воззрѣній и необходимость изслѣдованія причины вещей.

(Revue des Revues).

«Le Socialisme au XVIII siècle» par A. Lichtenberger). (Соціализмъ въ XVIII вѣкѣ). Книга представляетъ очень основательное и интересное изслѣдованіе соціалистскихъ идей и воззрѣній, встрѣчающихся въ произведеніяхъ французскихъ писателей XVIII вѣка до революціи. (Revue des Revues).

«Napoléon et la disette de 1812» par S. Lavalley (A. Picard et fils) 1896. (Наполеонъ и бѣдствіе 1812 года). Авторъ, на основаніи совершенно новыхъ и малоизвѣстныхъ документовъ, на которые онъ наткнулся въ библіотекѣ Кана, изображаетъ Наполеона въ совершенно новомъ свѣтѣ. Его книга написана живо и читается съ большимъ интересомъ, хотя и можно сомнѣваться порою въ правильности выводовъ автора, изображающаго Наполеона подчасъ почти соціалистомъ. (Journal des Débats).

«Hommes et choses de la Révolution» par E. Spuller (Alcan) 1896. (Люди и дѣла революціи). Авторъ прославляетъ французскую революцію и ея дѣятелей, такихъ какъ Лафаетъ, Мирабо и др., изучая роль, которую они играли въ великомъ движеніи, и услуги, оказанныя ими прогрессу человѣчества. Книга написана прекраснымъ литературнымъ

языкомъ и читается съ большимъ интересомъ. (Journal des Débats).

«Organisme et Societé» par René Worms (Giard et Brière) 1896. (Организмъ и общество). Авторъ является однимъ изъ горячихъ защитниковъ знаменитой теоріи, отожествляющей общество съ человѣческимъ организмомъ. Въ своей книгѣ онъ развиваетъ эту теорію съ замѣчательнымъ талантомъ и увлеченіемъ, хотя многіе аргументы, приводимые въ подтвержденіе, не всегда достаточно убѣдительны.

(Journal des Débats).

«La Hongrie littéraire et scientifique» par I. Kont (Ernest Leroux). (Венгрія въ литературномъ и научномъ отношеніяхъ). Авторъ, на основаніи венгерскихъ источниковъ, изображаетъ въ своей книгѣ послѣдовательный ходъ мадьярской цивилизаціи и главныя ея проявленія въ литературѣ, искусствахъ и наукѣ. Нельзя не признать появленіе этой книги очень своевременнымъ въ виду празднованія тысячелѣтія Венгріи, такъ какъ по даннымъ, которыя въ ней заключаются, можно составить себѣ довольно ясное понятіе о достигнутыхъ Венгріей успѣхахъ.

(Journal des Débats).

«Charles Rogier (1880—1881) d'après des documents inéditi» par E. Discailles (I. Lebègne) Bruxelles. (Шарль Рожье). Этотъ объемистый трудъ представляетъ серьезное историческое изслѣдованіе развитія бельгійской независимости и дѣятельности главнаго основателя этой независимости, Шарля Рожье — истиннаго патріота и идеальнаго политика.

(Journal des Débats).

«The Makers of Modern Rome» by M-rs Oliphant (Macmillian and C°) New-York. (Основатели современнаго Рима). Мистриссъ Олифантъ пользуется современными источниками и историческими изслѣдованіями для составленія своей исторіи городовъ. Она написала уже исторію четырехъ знаменитыхъ городовъ: Флоренціи, Эдинбурга, Іерусалима и Венеціи и теперь выпустила въ свѣтъ исторію пятаго города—Рима. Лучшимъ изъ этихъ историческихъ изслѣдованій мы признаемъ исторію Венеціи, но и въ исторіи Рима заключается много интереснаго, особенно въ послѣдней части, гдѣ авторъ разсказываетъ исторію Ріенци, пользуясь для этого малоизвѣстными біографіями великаго трибуна и письмами Петрарки. Книга снабжена многочисленными иллюстраціями.

(The Citizen).

«Great Astronomers» by Sir Robert S. Ball (Isbister and C°). (Великіе астрономы). Рядъ чрезвычайно интересныхъ біографическихъ очерковъ, знакомящихъ читателей не только съ жизнью и обстановкою, въ которой росли и развивались великіе астрономы, но и съ постепеннымъ развитіемъ астрономической науки. Авторъ этихъ очерковъ печаталъ ихъ раньше въ журналахъ.

(Athaeneum).

«The Unseen Foundations of Society: au examination of the Fallacies and Failures of Economie Science due to Neglected Elements» by Duke of Argyll (Murray). (Невидимыя основы обществъ). Авторъ разсматриваетъ экономическую науку съ совершенно новой и оригинальной точки зрѣнія, указывая на недостатки и ошибки старыхъ и новыхъ экономическихъ теорій, зависящія отъ игнорированія многихъ весьма существенныхъ элементовъ. Авторъ обращаетъ особенное вниманіе на нравственные законы, которыми управляются весьма многія стороны экономической жизни. (Athaeneum).

«Methods of Social Reform». Essays Critical and Constructive. By Thomas Mackay. (Методы соціальной реформы). Авторъ издалъ уже нѣсколько сочиненій по различнымъ соціальнымъ вопросамъ и свою послѣднюю книгу посвящаетъ критическому разбору существующихъ методовъ соціальной реформы, при чемъ обнаруживаетъ очень основательное знаніе предмета, о которомъ высказываетъ свое сужденіе.

(Athaeneum).

«The Theory of knowledge» by L. T. Hobhouse, Tellow and Tutos of Corpus College, Offord (Methuen). (Теорія знанія). Книга составляетъ весьма полезный вкладъ въ англійскую философію. Авторъ ея излагаетъ философскія истины просто и понятно и мѣстами даже блестяще. Даже люди, не вполнѣ знакомые съ философскою наукой, все-таки прочтутъ эту книгу съ удовольствіемъ и пользою. (Dailv News).

«The Present Evolution of Man» by G. Archdall Reid (Chapman and Halls). (Эволюція человѣка въ настоящее время). Главное достоинство книги заключается въ изложеніи. Ее могутъ читать люди, не имѣющіе особенно серьезной научной подготовки и мало знакомые съ физіологіей; тѣмъ не менѣе, книга представляетъ серьезный научный трудъ, указывающій на большую эрудицію автора, но разсчитанный преимущественно на то, чтобы возбудить въ читателяхъ интересъ къ біологической наукѣ.

(Daily News).

«Insect Life» by F. V. Theobuld. Illustrated (Methuen). (Жизнь насѣкомыхъ). Въ числѣ множества естественно исторических сочиненій, вышедшихъ въ послѣднее время, одно изъ первыхъ мѣстъ безспорно принадлежитъ вышеуказанной книгѣ, по прочтеніи которой можно составить себѣ понятіе о безконечномъ разнообразіи міра насѣкомыхъ. Иллюстраціи, приложенныя къ тексту, выполнены довольно хорошо.

(Daily News).

«Public Man of to day» (Bliss Sands and Foster). (Современные общественные дѣятели). Два послѣднихъ выпуска этой серіи заключаютъ въ себѣ очерки: «Lord Cromer» и «Pape Leo XIII». Авторъ перваго сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о положеніи Египта и египетскомъ вопросѣ; во второмъ же изображается политическая дѣятельность и заигрыванія папы Льва XIII съ соціализмомъ и рабочимъ вопросомъ. (Daily News).

«Adeline Countess Schimmelmann» Edited by W. Smith Foggit. (Hodder and Stoughton) 1896. (Аделина, графиня Шиммельманнъ). Въ этой книгѣ заключается автобіографія одной изъ замѣчательныхъ женщинъ нашего времени. Имя графини не только произносится съ почтеніемъ и любовью бѣднѣйшими классами населенія Германіи, Даніи и Скандинавіи, но пользуется извѣстностью и на берегахъ Шотландіи и Англіи, гдѣ рыбаки прозвали ее «матерью». Это одна изъ изъ женщинъ, горячо преданныхъ идеѣ соціальнаго возрожденія. Она была фрейлиной императрицы Августы, но послѣ ея смерти отказалась отъ своего круга, отъ всѣхъ своихъ прежнихъ знакомствъ и отправилась въ ряды бѣдныхъ и несчастныхъ расточать утѣшеніе и помощь и проповѣдывать великія нравственныя истины погрязшимъ въ порокахъ и огрубѣвшимъ отъ тяжелой жизни. Родные графини, возмущенные ея поведеніемъ, посадили ее въ домъ сумасшедшихъ, гдѣ она пробыла въ заключеніи около шести недѣль. Въ настоящее время графиня участвуетъ въ международномъ обществѣ «International Sailors Mission» и продолжаетъ свою реформаторскую дѣятельность.

(Daily News).

«Ulster as it is or Twenty years Experience as an Irish Editor» by Thomas Mac Knight (Macmillian) London. (Двадцать лѣтъ издательской дѣятельности въ Ирландіи). Такой долгій періодъ издательской дѣятельности, конечно, не можетъ быть не богатъ опытомъ и такъ какъ авторъ обладаетъ достаточною степенью наблюдательности и даромъ слова, то книга его, конечно, должна быть интересна. Автору въ теченіе его долгой дѣятельности пришлось сталкиваться съ весьма многими интересными личностями и онъ умѣетъ съ большимъ юморомъ описывать свои разныя столкновенія. Во всякомъ случаѣ, книга эта прочтется съ удовольствіемъ большинствомъ читателей, хотя враждебное отношеніе автора къ ирландскому «Home rule'ю и производитъ подчасъ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе.

(Daily News).

«A History of New Zealand» (Melville, Mullen and Slade) by G. W. Readen. (Исторія Новой Зеландіи). Очень интересно написанная и выходящая уже вторымъ изданіемъ исторія завоеванія Новой Зеландіи. Авторъ знакомитъ читателя съ первобытнымъ населеніемъ Новой Зеландіи, его обычаями, нравами, характеромъ и воззрѣніями. Къ книгѣ приложенъ подробный указатель и карта.

(Daily News).

«Moorland Idylls» by Grant Allen (Chatto and Windus). (Идиллія болота). Любители природы, конечно, найдутъ большое удовольствіе въ чтеніи этой книги, состоящей изъ собранія естественно-историческихъ статей Грентъ Аллена о насѣкомыхъ, птицахъ, травахъ, деревьяхъ, болотномъ мхѣ и т. д. Огромная наблюдательность автора, серьезное научное образованіе и литературный талантъ вполнѣ обезпечиваютъ успѣхъ всѣхъ его литературныхъ произведеній, особенно тѣхъ, въ которыхъ онъ популяризируетъ естественную исторію и біологію. (Daily News).

«Hystory of Modern Europe from 1792 to 1878» by C. A. Fyffe (Cassell and C°). (Исторія современной Европы). Нельзя рекомендовать лучшей книги для людей, еще мало знакомыхъ съ современною европейскою исторіей, чѣмъ это популярное изданіе, дающее правильный взглядъ не только на отношенія и соперничество европейскихъ государствъ другъ съ другомъ, но вполнѣ разъясняющее читателямъ взаимное положеніе европейскихъ державъ въ настоящее время. (Daily News).

«The biological Problem of to day» by Dr. Oscar Hertwig. (Современная біологическая проблема). Авторъ дѣлаетъ попытку положить основы для эмпирическаго объясненія эмбріологическихъ явленій и подвергаетъ подробному разбору и критикѣ извѣстную теорію Вейсмана. (Daily News).

«Life, Letters and Works of Louis Agassiz» by Jules Marcon. Wish Illustrations. Two volumes. (Macmillian).

(Жизнь, переписка и труды Луи Агассица). Жизнь великаго натуралиста Агассица въ высшей степени интересна и поучительна, какъ исторія человѣка, всѣмъ обязаннаго своей личной энергіи и труду. Сынъ бѣднаго швейцарскаго пастора, Луи Агассицъ не имѣлъ ни времени, ни средствъ заниматься наукою для науки. Отецъ предназначалъ его къ медицинской профессіи, но, тѣмъ не менѣе, Агассицъ уже двадцати двухъ лѣтъ отъ роду мечталъ о томъ, чтобы стать «первымъ натуралистомъ своего времени», и писалъ объ этомъ изъ мюнхенскаго университета своему отцу въ Мортье. Біографія Агассица, составленная профессоромъ Марку, лично знавшимъ покойнаго натуралиста, написана очень живо и такъ же занимательно, какъ романъ. Симпатичная личность ученаго, его прекрасныя душевныя качества, великодушіе и доброта, выступаютъ очень рельефно въ разсказѣ автора, сохранившаго наилучшія воспоминанія о знаменитомъ ученомъ. Очень любопытны подробности, сообщаемыя авторомъ объ ученыхъ сотоварищахъ Агассица, особенно объ Арманѣ Грисли, прозванномъ «первобытнымъ, допотопнымъ человѣкомъ», о которомъ авторъ разсказываетъ множество забавныхъ анекдотовъ. (Daily News).

«Social England» edited by H. D. Traill. London (Caxkell). (Соціальная Англія). Это изданіе, выходящее отдѣльными выпусками, представляетъ родъ исторической энциклопедіи, каждая глава которой обнимаетъ какой-нибудь отдѣльный періодъ вѣка, причемъ въ каждомъ изъ отдѣловъ этой главы разсматриваются разныя проявленія національной жизни въ соотвѣтствующій періодъ времени. Политика и дипломатія, война и военное искусство, флотъ и колоніальныя предпріятія, воспитаніе, нравы, земледѣліе, пауперизмъ, промышленность, литература и т. п. служатъ предметомъ изученія въ каждой отдѣльной эпохѣ. Для изучающихъ исторію такая энциклопедія, конечно, чрезвычайно полезна. (Daily News).

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 15-го апрѣля по 15-е мая.

А. Д. Мясоѣдовъ. *Бездомная.* Романъ. Изданіе Ледерле. Спб. 96 г. Ц. 2 р.

А. Заринъ. *Говорящая голова.* Сборникъ разсказовъ. Изданіе Ледерле. Спб. 96 г. Ц. 1 р. 50 к.

Д. Джерррольдъ. *Моя благовѣрная.* Перев. Штейна. Изданіе Ледерле. Спб. 96 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кадельбургъ. *Эльза.* Повѣсть. Перев. Погодина. Изданіе Ледерле «Библіотека нашего юношества». Вып. IX. Спб. 96 г. Ц. 80 к.

К. Джеромъ. *Втроемъ по Темзѣ.* Изданіе Ледерле. Спб. 96 г. Ц. 1 р.

Я. В. Стефановичъ. *Отъ Якутска до Аяна.* Путевыя наблюденія. Иркутскъ. 96 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ж. Мольеръ. *Жоржъ Данденъ* или Одураченный мужъ. Комедія. Перев. Е. Лавровой. Москва. 96 г.

Иллюстрированная сказочная библіотека. Павленкова: *Лабулэ. Мальчикъ съ пальчикъ. Иванъ и Финета. Зербинъ-бирюкъ. Паша-пастухъ. Бацъ-Бацъ.* Съ рисунками. Ц. кажд. вып. 15 коп. Спб. 96 г.

Кармэнъ Сильва. *Оленья долина. Піатра Арса. Омуль.* Съ рисунками. Ц. кажд. вып. 15 коп.

Волкова. женщ. врачъ. *Больной ребенокъ,* Уходъ за нимъ и поданіе первой помощи. Изданіе Ледерле. Спб. 96 г. Ц. 2 р. 50 к.

Сэръ Дж. Лёббокъ. *Начало цивилизаціи* и первобытное состояніе человѣка. Изданіе 2-ое подъ редакціей Коропчевскаго, Ледерле. Спб. 96 г. Ц. 2 р. 50 к.

А. Кирпотенко. *Прогулка въ страну чудесъ.* Изданіе Ледерле. «Иллюстриров. научная библіотека». Вып. I. Спб. 96 г. Ц. 40 к.

П. Мижуевъ. *Янъ Амосъ Коменскій.* Изданіе Ледерле. «Разсказы о хорошихъ людяхъ» № 16. Спб. 96 г. Ц. 10 к.

Л. Черскій. *Святая Нина — просвѣтительница Грузіи.* Историч. очеркъ. Изданіе Ледерле. «Разск. о хорошихъ людяхъ». Спб. 96 г. Ц. 10 коп.

Н. Филипповъ. *500 лѣтней памяти преп. Стефана.* Изданіе Ледерле. «Разск. о хорошихъ людяхъ». Спб. 96 г. Ц. 10 к.

Н. И. Борисовъ. *Волшебный фонарь въ народной школѣ.* По даннымъ Александрійскаго уѣзднаго земства за 1889—1895 г. Херсонъ. 96 г.

П. Богаевскій. *Мултанское моленіе вотяковъ.* Изданіе книжн. магазина Гроссманъ и Кнебель. Москва. 96 г.

Ф. Шперкъ. *Очерки Астраханскаго края.* Съ 24 фотогр. таблицами Спб. 95 г.

В. Удинцевъ. *Поссессіонное право.* Кіевъ. 96 г.

Г. Гельмгольцъ. *О взаимодѣйствіи силъ природы.* Перев. съ нѣм. Я. Самойлова. Изданіе Юровскаго. Ц. 15 к. Спб. 96 г.

Илья Петровичъ Деркачевъ. 1861—1896 г. По поводу его общественно-педагогической и литературной дѣятельности. Москва. 96 г.

М. Д. Раевская-Иванова. *Прописи элементовъ орнамента.* Ц. 1 р. Москва. 96 г.

Записки Восточно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Ежегодникъ по геологіи и минералогіи Россіи. Издаваемый подъ редакціей Н. Криштофовича. 96 г. Варшава. Ц. 1 р. 50 к.

Очеркъ 25-лѣтняго существованія правительственнаго Льзечскаго двухкласснаго училища. Новгор. губ., Боровичск. уѣзда.

Разсужденіе Ивана Пасмурнаго по поводу

статьи Г. Кремлева, помѣщенной въ № 24 «Юридической газеты» 1895 г.

Отчетъ Красноярской женской воскресной школы за 1894—1895 г. Красноярскъ. 96 г.

Н. Жеденевъ. *Сельскія пожарныя команды.* Съ 5 рис. въ текстѣ Ц. 30 к. Спб. 96 г.

Основныя задачи нравственнаго воспитанія. Изъ журнала «Вѣстникъ воспитанія». Москва. 96 г. Ц. 25 к.

Списокъ училищъ, существующихъ и проектируемыхъ по волостямъ и уѣздамъ Московской губ. Изданіе Московск. Губ. Земства. 96 г.

Отчетъ Вологодской безплатной библіотеки. За 3-ій годъ существованія. Вологда. 96 г.

Отчетъ правленія Одесскаго Славянскаго Общества, имени Св. Кирилла и Меѳодія за 1895 г. Одесса 96 г.

Тульское Общество, земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ. Тула. 96 г.

Золоченіе и серебреніе. Краткое руководство для любителей. Спб. 96 г. Ц. 40 к.

Ф. Шперкъ. *Санитарный поѣздъ № 1* имени Государыни Императрицы. Съ рисунками и таблицами. Спб. 96 г.

Честный трудъ дороже золота. Воспоминанія стараго фельдфебеля. Съ портретами Ихъ Императорскихъ Величествъ. Ц. 15 к. Спб. 95 г.

Екатерина Аверніева. Практическіе совѣты. Устройство теплицы. Культура растеній въ теплицѣ.

Дж. К. Ингрэмъ. *Исторія рабства отъ древнѣйшихъ до новыхъ временъ.* Изданіе О. Н. Поповой. «Культурно-историч. библіотека». Спб. 96 г. Ц 1 р. 25 к.

Гастонъ Буасье. *Картины древне-римской жизни.* Очерки общественнаго настроенія времени Цезарей. Изданіе О. Н. Поповой «Культурно-историч. библіотека». Спб. 96 г. Ц. 1 р. 25 к.

А. Ѳ. Кони. *За послѣдніе годы.* Судебныя рѣчи. Воспоминанія и сообщенія. Юридическія замѣтки. Спб. 96 г. Ц. 3 р.

Н. А. Добролюбовъ. Собраніе сочиненій. Т. III. Изданіе V. О. Н. Поповой. Спб. 96 г. Ц. за 4 тома 7 р.

Бьернстьерне Бьернсонъ. Собраніе сочиненій. Перев. съ норвежск. М. В. Лучицкой. Изданіе Ф. А. Іогансона. Кіевъ. 96 г. Ц. каждаго тома 35 к.

Ея Крейцерова соната. Изъ дневника г-жи Позднышевой. Перев. съ нѣм. М. Э—на. 2-ое изданіе Ф. А. Іогансона. Кіевъ. 96 г. Ц. 50 к.

Всеобщая библіотека. *Гамлетъ.* Трагедія Шекспира. Перев. съ англ. Н. П. Полевого. Изданіе Ф. А. Іогансона. Кіевъ. 96 г. Ц. 15 к.

Всеобщая библіотека. *Разбойники.* Трагедія Шиллера. Перев. съ нѣм. Изданіе Ф. А. Іогансона. Кіевъ. 96 г. Ц. 15 к.

Дж. Ст. Милль. *Основанія политической экономіи.* Съ нѣкоторыми примѣчаніями къ общественной философіи. Перев. Е. И. Остроградской. Вып. I. Ц. 2 р. Изданіе Іогансона. Кіевъ. 96 г.

AP 50
.M67
1896
v.5
no.6
Jun

Mir Bozhii

4/c